

ЧТЕНІЯ

ВЪ

ИМПЕРАТОРСКОМЪ ОБЩЕСТВѢ

ИСТОРИИ И ДРЕВНОСТЕЙ РОССИЙСКИХЪ

ПРИ

МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

1904 годъ

КНИГА ВТОРАЯ.

ДВѢСТИ ДЕВЯТАЯ.

ИЗДАНА

ПОДЪ ЗАВѢДЫВАНІЕМЪ

Е. В. Барсова.

МОСКВА.

1904.

ОТЪ ИМПЕРАТОРСКАГО ОБЩЕСТВА ИСТОРИИ И ДРЕВНОСТЕЙ РОССІЙСКИХЪ ПРИ МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТЪ.

О преміи за исторію градоначальствованія въ Москвѣ князя Д. В. Голицына.

Императорское Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ симъ объявляетъ конкурсъ на *премію* за изслѣдованіе о *Градоначальствованіи князя Дм. Влад. Голицына въ Москвѣ.*

Условия, которымъ означенный трудъ долженъ удовлетворять, согласно воль жертвователей, слѣдующія:

1) Сочинитель долженъ представить исторію Москвы въ періодъ главноначальствованія князя Голицына и описать съ надлежащею полнотою дѣйствія и распоряженія князя для внѣшняго украшенія и внутренняго благоустройства города.

2) Сочиненіе должно быть основано на фактахъ и написано съ безпристрастіемъ и отчетливостью.

3) Сочиненіе представится въ Московское Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ не позже, какъ чрезъ годъ со дня объявленія Обществомъ конкурса на премію (къ 1 сентября 1904 г.).

4) Если сочиненіе будетъ удостоено награды, то сочинитель обязывается напечатать свой трудъ въ продолженіе года со дня присужденія награды. Отъ автора зависитъ впрочемъ издать свое сочиненіе особою книжкой или помѣстить подлинникомъ и вполнѣ въ какое-либо другое изданіе.

Премію составляетъ весь пожертвованный для этой цѣли капиталъ съ начислими на него по день выдачи процентами, въ настоящее время достигающій *3.400 рублей.*

Авторы свои труды благоволятъ присылать въ Императорское Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ — по адресу: Москва, Моховая, зданіе Университета.

НВ. Настоящее объявленіе имѣетъ быть ежегодно возобновляемо до тѣхъ поръ, пока не будетъ представлено сочиненіе.

ЧТЕНІЯ

ВЪ

ИМПЕРАТОРСКОМЪ ОБЩЕСТВѢ

ИСТОРИИ И ДРЕВНОСТЕЙ РОССІЙСКИХЪ

ПРИ

МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

1904 ГОДЪ

КНИГА ВТОРАЯ.

ДВѢСТИ ДЕВЯТАЯ.

ИЗДАНА

ПОДЪ ЗАВѢДЫВАНІЕМЪ

Е. В. Барсова.

МОСКВА.

Университетская типографія, Страстной бульваръ.

1904.

СОДЕРЖАНІЕ
ВТОРОЙ КНИГИ „ЧТЕНІЙ“ за 1904 годъ.

Стран.

**Исторія Русской Церкви. Томъ первый. Періодъ
первый Кіевскій или домонгольскій. Вторая половина
тома. Дѣйствит. Членъ Е. Е. Голубинскаго. I—IV+1—480**

~~~~~

**ИСТОРИЯ
РУССКОЙ ЦЕРКВИ.**

ИСТОРИЯ РУССКОЙ ЦЕРКВИ

Е. Голубинскаго,

ОРДИНАРНАГО АКАДЕМИКА Императорской Академіи Наукъ (бывшаго заслуженнаго ординарнаго профессора Московской Духовной Академіи).

ТОМЪ I.

Періодъ первый,

КІЕВСКІЙ ИЛИ ДОМОНГОЛЬСКІЙ.

ВТОРАЯ ПОЛОВИНА ТОМА.

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ, ИСПРАВЛЕННОЕ И ДОПОЛНЕННОЕ,

напечатанное ИМПЕРАТОРСКИМЪ ОБЩЕСТВОМЪ ИСТОРИИ И ДРЕВНОСТЕЙ
РОССІЙСКИХЪ при Московскомъ Университетѣ.

Въ предисловіи къ первому изданію настоящей половины тома, напечатанному въ 1881-мъ году, мы писали: „Наибольшую часть этой второй половины тома занимаетъ наша церковная археологія періода домонгольскаго. Рѣчи о чемъ бы то ни было въ археологіи, а въ особенности рѣчи объ архитектурѣ (у насъ—архитектурѣ церквей) могутъ быть совершенно понятными только при помощи рисунковъ (въ нашемъ случаѣ—плановъ и фасадовъ). Мы и сами очень хорошо понимали это, и снабженіе книги возможно полнымъ и возможно удовлетворительнымъ археологическимъ атласомъ составляло бы нашу горячую мечту; но, къ сожалѣнію, это такого рода неудобноисполнимая мечта, объ осуществленіи которой напрасно было бы для насъ думать скольконибудь серьезнымъ образомъ“...

Въ послѣднее передъ симъ время обстоятельства наши неожиданнымъ образомъ измѣнились такъ, что стало для насъ возможнымъ осуществленіе нашей давней мечты. И мы постараемся осуществить ее, если только теперь не окажется къ этому препятствія въ насъ самихъ по нашимъ лѣтамъ и нашему здоровью.

Въ оправданіе того, что въ книгѣ нашей мы отводимъ слишкомъ много мѣста церковной архитектурѣ, мы и теперь повторимъ сказанное нами по сему поводу въ предисловіи къ первому изданію: „Вопросъ о церковной архитектурѣ есть вопросъ сколько научно-историческій, столько же и практическій; а между тѣмъ у насъ не только для людей вообще образованныхъ, но даже и для тѣхъ, въ чьихъ рукахъ находится завѣдываніе строеніемъ

церквей (чрезъ составленіе плановъ и ихъ утвержденіе),
вопросъ этотъ есть почти что совершенная terra incognita.
Въ видахъ научныхъ и практическихъ намъ желалось
внести въ темную область нѣкоторую ясность представлений“...

19 Января
1904.

~~~~~

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Богослуженіе.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

Храмы или церкви.

Богослуженіе предполагаетъ храмы или церкви, въ которыхъ оно совершается. Поэтому, въ настоящей главѣ, раздѣливъ ее на два отдѣла, мы скажемъ сначала о храмахъ или церквахъ, а потомъ уже и о самомъ богослуженіи.

І.

Постепенное умноженіе числа церквей. Ихъ количество по достиженіи послѣднимъ своей нормы. Статистика церквей каменныхъ.

Христіане явились въ Кіевѣ между Варягами не позднѣе, какъ во вторую половину княженія Игоря. Въ концѣ княженія Игоря ихъ было въ Кіевѣ сравнительно очень много и они имѣли уже церкви или по крайней мѣрѣ одну церковь (пророка Іліи,—1-й полов. тома стр. 71). Отъ Игоря до Владимира, то благопріятствуемые правительствомъ, то не благопріятствуемые имъ, они во все время не терпѣли прямыхъ и открытыхъ гоненій, и несомнѣнно, что не убывали въ своемъ числѣ, а постепенно болѣе или менѣе прибывали. Со всею вѣроятностію и относительно церквей слѣдуетъ думать, что послѣ Игоря до Владимира ихъ не оставалось во все время одна, если при Игорѣ была еще одна, но постепенно явилось то или другое множественное число, то или другое количество.

Послѣ этого такъ сказать предварительнаго введенія, которому однако, какъ увидимъ ниже, едва ли не слѣдуетъ придавать нѣкото-

раго и даже не совсѣмъ маловажнаго значенія въ исторіи нашихъ церквей, настоящая или дѣйствительная исторія ихъ начинается съ того же, съ чего и настоящая исторія христіанства, т. е. съ крещенія св. Владиміромъ всего народа.

Приступивъ къ крещенію народа, Владиміръ одновременно съ симъ, по свидѣтельству лѣтописи (подъ 988 г.), приказалъ ставить и церкви. Такъ какъ построеніе церквей не могло идти совсѣмъ объ руку съ крещеніемъ, потому что для послѣдняго на цѣлыя мѣстности требовались дни, а для перваго, какъ бы ни быстро были строимы небольшія и простыя деревянныя церкви, каковыми долженствовали быть эти первыя, требовалось довольно продолжительное время: то совершенно вѣроятно принимать свидѣтельство лѣтописи, что Владиміръ, приступивъ къ крещенію всего народа, «повелѣлъ рубити церкви по градомъ», въ томъ точномъ и буквальному смыслѣ, что самая первая, такъ сказать, серія церквей была срублена именно только въ городахъ, какъ въ мѣстахъ центральныхъ. Послѣ городовъ, конечно, тотчасъ же было приступлено и къ селамъ. Предполагая съ полною вѣроятностію, что дѣло ведено было со всевозможною энергіей, съ увѣренностію можно думать, что въ 25-лѣтнее послѣ пристуца къ крещенію народа правленіе Владиміра церквей по городамъ и по селамъ было настроено столько, что ими удовлетворялась насущная нужда, т. е. что были поставлены церкви по крайней мѣрѣ во всѣхъ мѣстностяхъ, представлявшихъ изъ себя особыя цѣлыя, разумѣя подъ этими цѣлыми приблизительно такіе округи, какъ нынѣшніе станы. За удовлетвореніемъ первой и насущной нужды должна была слѣдовать забота о такомъ умноженіи числа церквей, чтобы всѣ могли имѣть ихъ безъ особеннаго для себя затрудненія или не въ слишкомъ дальнихъ отъ себя разстояніяхъ. Это послѣднее могло быть достигнуто далеко не вдругъ. Послѣ Владиміра объ этомъ заботился Ярославъ, который, по свидѣтельству лѣтописи (подъ 1037 г.), продолжалъ ставить церкви «по градомъ и по мѣстамъ»; но вѣроятно, что и онъ не кончилъ дѣла, оставивъ его доканчивать своимъ преемникамъ. Въ дѣйствительномъ совершенно достаточномъ количествѣ церкви могли явиться только тогда, когда у самихъ крещенныхъ явилась внутренняя привязанность къ христіанству: народъ, самъ удовлетворяя своей нуждѣ, могъ построить ихъ именно столько, сколько было нужно и сколько находилъ онъ нужнымъ.

Самыя первыя церкви,—указанная выше ихъ первая серія,—весьма вѣроятно были построены правительствомъ на собственный счетъ, ибо, принуждая людей креститься, едва ли оно могло находить удобнымъ возлагать на нихъ тягость и построенія церквей (и дѣйствовать вопреки

пословицѣ, что съ одного вола двухъ шкуръ не деруть). И послѣ правительство продолжало строить церкви, удѣляя на сіе, какъ на дѣло богоугодное, часть своихъ доходовъ. Но чтобы всю страну оно застроило церквами исключительно на свой счетъ, — разумѣемъ вторую указавшую выше серію церквей, — думать это было бы вовсе невѣроятно. Построивъ на собственный счетъ самыя первыя церкви, сопровождавшія первый, затруднительный и опасный, приступъ къ крещенію народа, оно, нѣтъ сомнѣнія, возложило затѣмъ обязанность дальнѣйшаго ихъ построения на самыхъ крещенныхъ, имѣли или не имѣли къ тому послѣдніе охоту и усердіе, а съ своею частною помощію являлось только тамъ, гдѣ населеніе было слишкомъ бѣдно и вообще гдѣ были какія-либо исключительныя обстоятельства. Всѣ населенныя земли принадлежали или непосредственно государству (черныя земли) или частнымъ землевладѣльцамъ—вотчинникамъ (причемъ подѣ вотчинниками должно разумѣть и самихъ князей, насколько у каждаго изъ нихъ было собственныхъ имѣній въ тѣснѣйшемъ смыслѣ этого слова). Въ первомъ случаѣ обязанность построения церквей могла быть возлагаема на общины, а во второмъ случаѣ, нѣтъ сомнѣнія, она была возлагаема на вотчинниковъ. Населеніе земель, принадлежавшихъ послѣднимъ, въ древнее время было вольное и подвижное: земледѣлецъ занималъ и арендовалъ землю у землевладѣльца и по истеченіи договореннаго срока, если хотѣлъ, свободно оставлялъ ее, переходя къ другому землевладѣльцу. При такомъ порядкѣ естественно было, чтобы забота о постоянной принадлежности поселеній, каковы были церкви, лежала не на временныхъ жителяхъ, а на постоянномъ собственникѣ¹⁾.

¹⁾ Наши древніе крестьяне на земляхъ вотчинниковъ были то же, что англійскіе фермеры. Какъ въ Англіи построение церквей составляетъ обязанность не фермеровъ, а землевладѣльцевъ, такъ, конечно, было и у насъ (Читатель, полагаешь, знаетъ, что должно различать крестьянъ на земляхъ вотчинниковъ и ихъ холоповъ или челядинцевъ, какъ два класса людей, не имѣвшихъ между собою ничего общаго, которые почти слились въ одинъ классъ только послѣ прикрѣпощенія крестьянъ къ землѣ, что случилось въ концѣ XVI вѣка: первые, бывъ людьми свободными и вообще гражданами полноправными, жили на земляхъ вотчинниковъ, какъ арендаторы; вторые составляли ихъ собственность (рабовъ) и жили или въ ихъ домахъ, какъ прислуга, или въ ихъ селахъ, усадьбахъ, въ которыхъ обрабатывали землю, составлявшую собственныя запашки вотчинниковъ). И крестьяне, жившіе на земляхъ казенныхъ (черныхъ княжескихъ) были подвижны въ томъ смыслѣ, что имѣли право оставлять ихъ и переходить на другія казенныя земли и къ вотчинникамъ; но они были неподвижны въ томъ смыслѣ, что въ качествѣ членовъ общинъ (нарождавшихся изъ семей или составившихся по соглашенію) имѣли постоянное право

Какъ велико было у насъ въ періодъ домонгольской количество церквей, послѣ того какъ ихъ было настроено совершенно достаточно и послѣ того, какъ ихъ число достигло своей тогдашней нормы, т. е. въ какой пропорціи находилось ихъ количество къ количеству населенія, положительныхъ свѣдѣній мы имѣемъ чрезвычайно мало и при этомъ о церквахъ сельскихъ совершенно никакихъ. Ограничиваясь простыми вѣроятными предположеніями, необходимо думать, что вообще церквами было вовсе не скудно и что ихъ пропорція по отношенію къ количеству населенія была нисколько не меньшая, если напротивъ не гораздо бблыпая, чѣмъ въ настоящее время въ губерніяхъ наиболѣе обильныхъ церквами. Въ періодъ домонгольской обыкновенныя приходскія церкви, какъ въ городахъ, такъ и въ селахъ, были исключительно деревянныя. Но построить деревянную церковь, не особенно большую и не особенно роскошную, при тогдашнемъ обилии лѣса, могли затрудняться развѣ только самыя бѣдныя и самыя малыя числомъ душъ общины; а прискивать священниковъ, какъ мы говорили выше (1-й полов. т. стр. 451), вовсе не составляло затрудненія ни для какихъ, даже и для самыхъ малыхъ и бѣдныхъ, общинъ. Другое дѣло было — достаточно и удовлетворительно снабжать церкви принадлежностями. Но необходимо думать, что въ семь послѣднемъ отношеніи ограничивались требованіями самыми скромными.

Нѣкоторыя положительныя свѣдѣнія, которыя мы имѣемъ о числѣ церквей, исключительно относятся къ городамъ и наибольшую частію суть самаго неопредѣленнаго характера.

Въ Кіевѣ, по извѣстіямъ лѣтописей нашихъ и ненашихъ, церквей было огромное количество; но въ этомъ огромномъ количествѣ, какъ мы говорили выше (1-й пол. т. стр. 471), несомнѣнно разумѣются не только церкви приходскія или общественныя, но и домовыя или частныя, и сколько полагать на долю первыхъ, сколько на долю вторыхъ, — остается вовсе неизвѣстнымъ ¹⁾. По увѣренію Никоновской лѣтописи,

---

на землю послѣднихъ и не могли быть съ нея удалены (сгг въ I томѣ сочиненія г. Сергиевича «Русскія юридическія древности» отдѣлъ о крестьянахъ на черныхъ волостныхъ земляхъ). Представляя изъ себя относительныхъ собственниковъ земель, общины должны были сами заботиться и о построеніи церквей. Такъ по крайней мѣрѣ было въ позднѣйшее время (въ которое у крестьянъ на государевыхъ черныхъ земляхъ церкви обыкновенно — «мірское, или приходское, строеніе»).

¹⁾ Церкви домовыя были считаемы или полагаемы въ счетъ виѣстѣ и наравнѣ съ церквами приходскими потому, что онѣ были дѣйствительныя церкви: онѣ не помѣщались въ самыхъ домахъ, въ отведенныхъ для нихъ комнатахъ послѣднихъ,

не особенно впрочемъ надежному, въ пожаръ 1017 г. въ Кіевѣ сгорѣло церковей «яко до семи сотъ»; по увѣренію Титмара Мерзебургскаго (Chronica. lib. VIII, c. 16), относящемуся къ 1019 г. и по своему качеству такому же, ихъ было въ Кіевѣ четыре ста; по свидѣтельству Лаврентьевской лѣтописи, въ пожаръ 1124 г., причѣмъ погорѣло мало не весь городъ, церковей сгорѣло въ немъ «близъ шести сотъ». Новгородъ, извѣстія о которомъ отличаются сравнительной опредѣленностью, не смотря на свое богатство, какъ кажется, не отличался особенной ревностью къ построенію церковей и относительнымъ образомъ имѣлъ ихъ не особенно много. Въ пожаръ 1134 г. сгорѣла четвертая часть города (половина Торговой стороны отъ ручья Плотницкаго до конца Холма), и при этомъ церковей 10; въ пожаръ 1211 г. сгорѣло домовъ 4300, а церковей 15; въ пожаръ 1217 г. сгорѣла половина города (Торговая сторона), церковей до 20-ти (15-ть деревянныхъ и неизвѣстно сколько, но не болѣе 5-ти, каменныхъ, см. ниже) ¹⁾. Владимиръ Кляземскій, новая столица Руси послѣ Кіева, далеко не соперничалъ съ старой столицей количествомъ церковей и, какъ кажется, мало отличался въ семъ отношеніи отъ другихъ городовъ. Въ пожаръ 1185 г. погорѣло мало не весь городъ и при этомъ церковей сгорѣло 32; въ 1193 году сгорѣла половина города, а въ 1199 г. мало не половина, и при этомъ церковей—въ первый разъ 14, во второй—16. Ростовъ въ 1211 году погорѣло мало не весь, церковей сгорѣло при семъ 15. Ярославль въ 1221 году погорѣло также мало не весь, церковей сгорѣло при семъ 17 ²⁾.

Наша древняя Россія, подобно всей новой или перимской западной Европѣ, была странкою деревянною, а не каменною. Западная Европа, за исключеніемъ Скандинавскаго сѣвера, около времени именно нашего крещенія, въ концѣ X—началѣ XI вѣка, начала превращаться изъ деревянной въ каменную ³⁾ и потомъ совсѣмъ превратилась изъ первой въ послѣднюю. Наша же Русь, по своимъ особымъ обстоя-

---

какъ у насъ въ настоящее время, а были строины на домовыхъ усадьбахъ особыми зданіями, какъ именно настоящія церкви, хотя, вѣроятно думать, въ значительной части своей имѣвшія право называться церквами только потому, что на нихъ стояли кресты.

¹⁾ Всѣ свидѣтельства изъ 1-й Новгородской лѣтописи.

²⁾ Всѣ свидѣтельства послѣ Новгорода изъ Лаврентьевской лѣтописи.

³⁾ См. *H. Otte* Geschichte d. kirchlich. Kunst d. Deutsch. Mittelalters, Leipzig, 1862, S. 6, и *Müller-Mothes'a* Archeolog. Wörterb. sub v. Holzarchitektur.

тельствамъ и условіямъ, осталась деревянною до позднѣйшаго времени (а собственно, въ архитектурѣ не церковной, а гражданской или житейской, остается таковою и до сихъ поръ). На этомъ основаніи въ періодъ домонгольскій, равно какъ и въ послѣдующее долгое время, обыкновенными церквами нашими какъ въ селахъ, такъ и въ городахъ, были церкви деревянные, а не каменные, которые составляли не болѣе какъ только весьма незначительное исключеніе (подобное тому, какое въ настоящее время въ губерніяхъ, обстроенныхъ церквами каменными, представляютъ собою наоборотъ церкви деревянные въ отношеніи къ каменнымъ). Последнее должно впрочемъ понимать не въ томъ смыслѣ, чтобы каменные церкви непременно выдавались своей обширностію и своимъ архитектурнымъ великолѣпіемъ, а въ томъ только смыслѣ, что не повелось и не вошло въ общій обычай строить каменныхъ церквей и что онѣ составляли большую рѣдкость: обыкновенныя каменные церкви были вовсе не обширны и въ архитектурномъ отношеніи вовсе не великолѣпны, между тѣмъ какъ деревянные церкви бывали весьма обширныя и въ архитектурномъ отношеніи великолѣпнѣйшія.

Не все драгоцѣнно у людей безусловнымъ образомъ по своему достоинству; иное драгоцѣнно у нихъ только условнымъ образомъ по своей рѣдкости. У насъ въ періодъ домонгольскій каменные церкви имѣли всю свою цѣнность въ семь условномъ отношеніи, и поэтому мы скажемъ о нихъ нарочитымъ образомъ, тѣмъ болѣе, что лѣтописи наши даютъ намъ возможность представить довольно обстоятельную ихъ статистику, такъ какъ записи о построеніи этихъ (каменныхъ) церквей, какъ мы говорили выше, составляютъ (съ записями о поставленіи епископовъ) почти единственное, въ чемъ онѣ видятъ церковную исторію.

Первую каменную церковь построилъ самъ св. Владимиръ, начавъ ея зданіе почти тотчасъ послѣ приступа къ общему крещенію народа. Эта церковь, имѣвшая служить памятникомъ его собственнаго и всей страны обращенія въ христіанство и вмѣстѣ быть по его мысли матерію всѣхъ церквей русскихъ, была Кіевская Десятинная церковь Успенія Богородицы, начатая въ 991 г. и оконченная черезъ пять лѣтъ въ 996 году. Во все правленіе Владимира она была единственною каменною церковью всей Руси ¹⁾. Въ правленіе Ярослава число камен-

¹⁾ Никоновская лѣтопись увѣряетъ (1, 112), что второй митрополитъ русскій Іоаннъ 1-й поставилъ въ 1008 г. двѣ каменные церкви—Петра и Павла въ Кіевѣ (о сей церкви въ слѣдъ за Степени. книгою 1, 166 стр.) и Воздвиженія Честнаго Креста въ Переяславлѣ. Но чтобы митрополитъ построилъ двѣ каменные церкви,

ныхъ церквей умножилось въ самомъ Кіевѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ онѣ явились и въ остальной Руси. Впрочемъ, непосредственнымъ и собственнымъ продолжателемъ Владимира въ строеніи каменныхъ церквей быть не Ярославъ, а братъ его Мстиславъ Тмутараканскій, который въ 1024 г. сѣлъ на восточной половинѣ Руси по сю сторону Днѣпра и о которомъ странно и совершенно напрасно забываютъ, когда говорятъ объ Ярославѣ: не бывъ принять Кіевлянами, онъ имѣлъ свою столицу въ Черниговѣ, но несомнѣнно, что изъ двухъ единовременныхъ великихъ князей значительнѣйшимъ былъ онъ, а не Ярославъ. Въ 1022 г. Мстиславъ построилъ каменную церковь въ столицѣ своего удѣла городѣ Тмутаракани (такъ какъ область Тмутараканская была окружена греческими колоніями, въ которыхъ каменное строительство не только было преобладающимъ въ церковномъ и гражданскомъ зодчествѣ, но и въ томъ и въ другомъ, нужно думать, было единственнымъ, то мысль о каменной церкви въ Тмутаракани была совершенно естественною и ея исполненіе нисколько не затруднительнымъ). Въ 1036 г. или предъ симъ годомъ Мстиславъ заложилъ каменную кафедральную церковь въ своей великокняжеской столицѣ Черниговѣ, которую за смертію, случившеюся въ семь году, не успѣлъ окончить. Ярославъ, приступившій къ каменной строительной дѣятельности послѣ смерти Мстислава, когда остался единовластцемъ, начиная съ 1037 г. построилъ въ Кіевѣ: соборъ Софійскій, двѣ церкви въ основанныхъ пмѣ монастыряхъ Георгіевскомъ и Ирининскомъ и церковь на такъ называемыхъ Золотыхъ воротахъ построеннаго имъ новаго города. Въ слѣдъ за нимъ сынъ его Владимиръ построилъ въ 1045—52 г. соборъ Софійскій въ Новгородѣ.

когда самъ князь построилъ одну, чтобы второй митрополитъ имѣлъ средства и способы для построенія хотя одной каменной церкви (ибо мастеровъ долженъ бы былъ вызывать изъ Греціи и строеніе и самой незначительной каменной церкви должно было бы обойтись страшно дорого), это совершенно невѣроятно. Вообще, извѣстіе Никоновской лѣтописи есть или баснословіе или должно быть разумѣемо о церквяхъ деревянныхъ.—Что св. Владимиръ построилъ только одну каменную церковь, къ подтвержденію этого служить извѣстіе лѣтописи, что даже и обѣтную церковь въ Василевѣ за избавленіе отъ опасности смерти въ сшибѣ съ Печенѣгами онъ поставилъ деревянную, ибо лѣтопись (подъ 996 г.) употребляетъ выраженіе о церкви именно: «поставилъ». Въ настоящее время чуть не каждый городъ южной Руси, имѣющій мало-мальски старую каменную церковь, выдаетъ ее за церковь, построенную св. Владимиромъ; но это не болѣе, какъ проявленіе своего рода мѣстнаго патріотизма и славолюбія...

Въ послѣдующее время до нашествія Монголовъ довольно значительное количество каменныхъ церквей было настроено въ двухъ городахъ—столицѣ государства Кіевѣ и столицѣ торговли (и вмѣстѣ какъ бы государства въ государствѣ) Новгородѣ. Вторая послѣ Кіева столица государства Владимиръ Кляземскій выдался въ семъ отношеніи изъ числа другихъ городовъ, но не сравнялся съ Кіевомъ, что впрочемъ, какъ скажемъ сейчасъ ниже, кромѣ сравнительной краткости существованія, объясняется еще особыми обстоятельствами. Дальнѣйшую естественную градацію городовъ, въ которыхъ надлежало быть строенію каменныхъ церквей, составляли: старшіе города стольно-княжескіе, которые всѣ были вмѣстѣ съ тѣмъ и старшими городами каедрально-епископскими, тѣ младшіе города стольно-княжескіе, которые были младшими городами каедрально-епископскими, младшіе города стольно-княжескіе безъепископскіе (безъепископальныя) и наконецъ города безкняжескіе или пригороды. Первую категорію городовъ дѣйствительно мы находимъ на томъ мѣстѣ, на которомъ ей надлежало быть; что же касается до остальныхъ трехъ категорій, то у насъ не достаетъ тутъ положительныхъ свѣдѣній: вторую категорію, по всей вѣроятности, должно полагать на принадлежащемъ ей мѣстѣ, а относительно третьей и четвертой вѣроятнѣйшее есть то, что ихъ должно перемѣнить мѣстами, причемъ это отступленіе отъ естественности нужно будетъ объяснять различной ревностью князей и жителей городовъ къ построенію каменныхъ церквей, а именно — что тогда какъ большинство князей младшихъ линій вмѣстѣ съ жителями своихъ стольныхъ городовъ не заботилось о построеніи у себя этихъ церквей, находились, съ одной стороны, отдѣльные князья, которые строили ихъ не только въ стольныхъ городахъ, но и въ пригородахъ, а съ другой стороны — граждане пригородовъ, которые хотѣли имѣть у себя каменные церкви. Во всѣхъ другихъ городахъ, кромѣ трехъ помянутыхъ столицъ, каменныхъ церквей было весьма не много¹⁾. Относительно каедральныхъ епископскихъ соборовъ поло-

¹⁾ Каменныхъ церквей въ городахъ было весьма не много. Но число городовъ, въ которыхъ были каменные церкви, никакъ не должно быть ограничиваемо только тѣми городами, о существованіи въ которыхъ каменныхъ церквей мы имѣемъ положительные свѣдѣнія. Вотъ рѣшительнымъ образомъ говорящій противъ сего извѣстный намъ примѣръ. Былъ въ періодъ домонгольскій ничтожный городокъ Вщижь (Вщижь, Щижь), въ настоящее время село Орловской губерніи, Брянскаго уѣзда. Само по себѣ трудно было бы предполагать, чтобы въ періодъ домонгольскій (существовавъ до Монголовъ, сами послѣдними былъ разрушенъ до основанія) онъ

жательныя свѣдѣнія значительно не полны; но есть весьма большая вѣроятность думать, что не всѣ они были каменные, а именно — что по крайней мѣрѣ въ одномъ старшемъ стольно-княжескомъ и вмѣстѣ старшемъ кафедрально-епископскомъ городѣ соборъ оставался деревяннымъ во все продолженіе періода до самаго его конца (Гуровъ) и что по крайней мѣрѣ одна младшая епископская кафедра не имѣла собора каменнаго (Угровскъ).

Кіевъ обязанъ былъ своими сравнительно многими каменными церквями почти исключительно князьямъ. Ярославъ, подражая императорамъ греческимъ, построилъ два домовые или два свои ктиторскіе монастыря въ честь своего ангела и въ честь ангела своей жены ¹⁾. Его примѣру въ семь отношеній слѣдовали и его сыновья и внуки, занимавшіе великокняжескій престолъ, и также строили свои монастыри и церкви или въ честь своихъ ангеловъ или въ честь особенно чтимыхъ ими святыхъ. Изъ оставшихся послѣ Ярослава сыновей трое занимали престолъ великокняжескій, передавъ право на него и своимъ потомствамъ, — Изяславъ, Святославъ и Всеволодъ. Всѣ трое они оставили послѣ себя въ Кіевѣ свои монастыри и первый и послѣдній изъ нихъ по два монастыря ²⁾. Изъ потомковъ Изяслава занималъ престолъ великокняжескій и всего одинъ — его сынъ Святополкъ, и къ монастырю отца онъ построилъ свой новый монастырь ³⁾; изъ потомковъ Святослава занимали престолъ великокняжескій двое — внукъ Всеволодъ Олеговичъ и правнукъ Святославъ Всеволодовичъ, и оба построили по своей ктиторіи ⁴⁾; потомки Всеволода занимали престолъ великокняжескій наибольшую частію и къ двумъ его монастырямъ построили еще пять монастырей и церквей ⁵⁾. Не о всѣхъ церквахъ, съ монастырями

имѣлъ каменную церковь, и однако онъ имѣлъ таковую и даже, судя по остаткамъ ея, далеко не худую, см. въ Географическо-статистическомъ словарѣ *Семенова* сл. *Вщизъ*.

¹⁾ Помянутые выше Георгіевскій и Ирвинскій.

²⁾ Изяславъ — мужскій Дмитріевскій и женскій Николаевскій; Святославъ — мужскій Сумеоновскій; Всеволодъ — мужскій Михайловскій Выдубицкій и женскій Андреевскій Янчинъ. См. въ приложеніи къ этой главѣ списокъ каменныхъ церквей.

³⁾ Михайловскій Златоверхій.

⁴⁾ Первый — монастырь Кирилловскій, второй — церковь св. Василія на Ярославовомъ княжескомъ («великомъ») дворѣ.

⁵⁾ Сынъ Владимиръ Всеволодовичъ Мономахъ — церковь св. Іоанна въ Копыревомъ концѣ; внукъ Мстиславъ Владимировичъ — монастырь Феодоровскій Вотчь и церковь Богородицы Пирогощей; правнукъ Юрій Владимировичъ Долгорукій — цер-

или безъ монастырей, построенныхъ князьями извѣстно положительнымъ образомъ, что онѣ были каменные, но со всею вѣроятностію слѣдуетъ предполагать это на основаніи долженствовавшего быть между князьями соревнованія: если одни князья строили каменные церкви, то весьма трудно допустить, чтобы другіе хотѣли отставать отъ нихъ и не дѣлать того же самаго. Не князьями было построено въ Кіевѣ каменныхъ церквей, сколько извѣстно, и всего двѣ. Такъ какъ обѣ онѣ были построены въ монастыряхъ и монахами ¹⁾, то на долю частныхъ свѣтскихъ людей, изъ бояръ или купцовъ, не приходится ни одной. Всѣхъ каменныхъ церквей въ Кіевѣ, считая не только положительно извѣстныя, но и вѣроятныя, къ нашествію Монголовъ было до 20-ти слишкомъ.

Весьма часто мѣнявшій и не имѣвшій особенной заботы привязывать къ себѣ своихъ князей Великій Новгородъ, конечно, не могъ найти между послѣдними многихъ охотниковъ благоуукрашать его созидавіемъ каменныхъ церквей. Изъ весьма многихъ Новгородскихъ князей періода домонгольскаго оставили память по себѣ въ построеніи этихъ церквей послѣ Владимира Ярославича только трое: Мстиславъ Владимировичъ Великій, сынъ его Всеволодъ святой и внукъ Ярославъ Владимировичъ, изъ коихъ первый построилъ двѣ каменные церкви ²⁾, второй—три ³⁾ и третій—одну ⁴⁾. Послѣ немногихъ князей строителями каменныхъ церквей въ Новгородѣ главнымъ образомъ были его собственные богатые граждане, которые сооружали ихъ или единолично и именно или безлично общими силами и складчиной. Соперничая или не соперничая съ Кіевомъ, Новгородъ не только не отсталъ отъ него количествомъ каменныхъ церквей, но даже и превзошелъ его,—впрочемъ, какъ должно думать, только количествомъ, но вовсе не качествомъ. Отличительную черту каменныхъ церквей Новгородскихъ отъ Кіевскихъ, а также и отъ всѣхъ другихъ княжескихъ, въ

ковь въ монастырѣ (прежде существовавшей) Спаскомъ Берестовскомъ; праправнукъ Рюрикъ Ростиславичъ—церковь св. Василія на «новомъ» княжескомъ дворѣ.

¹⁾ Одна—въ Печерскомъ монастырѣ, другая—въ монастырѣ Стефанечѣ.

²⁾ Обѣ при находившихся въ Новгородѣ княжескихъ дворцахъ—одну, Благовѣщенія, за городомъ, на такъ называвшемся и называемомъ Городищѣ; другую, св. Николая, въ самомъ городѣ, на Ярославовомъ дворцѣ.

³⁾ Одну за городомъ—въ Юрьевомъ монастырѣ, въ честь св. Георгія, и двѣ, обѣ приходскія, въ городѣ—Іоанна Предтечи на Петрятинѣ дворцѣ или на Опокахъ и Успенія Богородицы на Козьей Борождѣ.

⁴⁾ Спаса въ Нередицахъ, за городомъ, по нынѣшнему—близъ помянутаго Городища, а по тогдашнему—въ чертѣ его самаго.

отношеніи къ назначенію составляетъ то, что онѣ строены были главнымъ образомъ не въ монастыряхъ и не для монастырей, а какъ приходскія церкви: князья въ Кіевѣ и вездѣ хотѣли строить свои фамильные монастыри, богатые Новгородскіе граждане хотѣли строить свои приходскія церкви. Всѣхъ каменныхъ церквей въ Новгородѣ къ нашествію Монголовъ было до 27-ми.

Владимиръ Кляземскій, со второй половины XII вѣка смѣнившій Кіевъ въ качествѣ столицы государства, какъ мы сказали выше, не сравнялся съ послѣднимъ относительно церковнаго благолѣпія или количества каменныхъ церквей. Это объясняется, во-первыхъ, тѣмъ, что онъ былъ столицею государства ровно вдвое менѣе времени противъ Кіева (считая христіанскіе годы послѣдняго); во-вторыхъ тѣмъ, что, при счастливомъ въ другихъ отношеніяхъ долготлѣтіи его князей, въ немъ смѣнилось на престолѣ великокняжескомъ и всего четверо, такъ что немногіе князья не могли оставить и многихъ памятниковъ своего благочестія. Первая каменная церковь во Владимирѣ явилась вѣскольکو раниѣе того, чѣмъ онъ сталъ столицею великаго княженія, именно—эту первую каменную церковь построилъ въ немъ Юрій Долгорукій ¹⁾, выдающійся между другими князьями періода домонгольскаго тѣмъ, что ознаменовалъ себя искренно благочестивой или политически разсчитанной ревностью къ украшенію каменными церквами всѣхъ важнѣйшихъ пригородовъ своего удѣла. Затѣмъ, два первые великіе князья Владимирскіе—Андрей Боголюбскій и братъ его Всеволодъ ознаменовали себя относительно сооруженія каменныхъ церквей не менѣе, чѣмъ усерднѣйшіе изъ князей Кіевскихъ; Боголюбскій построилъ соборъ, три монастыря и приходскую или можетъ быть дворцовую церковь ²⁾, Всеволодъ—два монастыря и церковь домовую или придворную ³⁾. Третій князь—Константинъ Всеволодовичъ, предпочитавшій Владимиру свой собственный Ростовъ, построилъ двѣ каменныя церкви или по крайней мѣрѣ одну ⁴⁾. Не совсѣмъ понятнымъ остается то, что четвертый князь—

¹⁾ Въ честь своего ангела св. Георгія.

²⁾ Монастыри—въ Боголюбовѣ: мужской Рождественскій и женскій неизвѣстнаго имени, позднѣе Покровскій (подразумѣваемъ—находившійся при нынѣшней Покровской церкви), въ самомъ Владимирѣ: Вознесенскій предъ Золотыми воротами; церковь—на сихъ Золотыхъ воротахъ.

³⁾ Монастыри (въ самомъ Владимирѣ) Рождественскій и Успенскій, церковь—нынѣшній Дмитріевскій соборъ.

⁴⁾ Воздвиженія Креста на Торговищи и св. Михаила близъ своего дворца или по крайней мѣрѣ одну первую.

Юрій Всеволодовичъ, какъ кажется, благочестивый не менѣ трехъ первыхъ и занимавшій престолъ великокняжескій въ два пріема въ продолженіе 24 лѣтъ, ничего не приложилъ отъ себя въ своей столицѣ къ церковнымъ каменнымъ зданіямъ своихъ предшественниковъ. Не равняясь съ Кіевомъ или Новгородомъ по количеству своихъ каменныхъ церквей, которыхъ впрочемъ имѣлъ 11 или 12 (ибо къ 10 или 11 церквамъ, построеннымъ князьями, должна быть прибавлена 11-я или 12-я, построенная епископомъ¹⁾), Владимиръ имѣлъ полное право хвалиться и гордиться ихъ качествомъ.

Изъ 16-ти епархій, открытыхъ въ періодъ домонгольскій, мы имѣемъ положительныя извѣстія о построеніи каменныхъ каедральныхъ соборовъ въ 9-ти. Хронологическій порядокъ ихъ построенія есть слѣдующій: въ Тмутаракани въ 1022 г., въ Черниговѣ начать передъ 1036 годомъ или въ семь самомъ году и оконченъ неизвѣстно когда до 1076 г., въ Новгородѣ въ 1045—52 г., въ Переяславлѣ въ 1089 г., въ Смоленскѣ въ 1101 г. (прежде учрежденія епархіи), во Владимирѣ Волинскомъ до 1160 г., во Владимирѣ Кляземскомъ въ 1158—60 г. (прежде учрежденія епархіи), въ Ростовѣ въ 1164 г., въ Бѣлгородѣ въ 1197 г. Къ этимъ 9-ти епархіямъ, какъ кажется, должна быть причислена 10-я Юрьевская: въ 1144 г. была построена каменная церковь въ принадлежавшемъ къ сей епархіи городѣ Канѣвѣ, и дѣло по всей вѣроятности должно быть понимаемо такъ, что каедра епископа Юрьевского была перенесена изъ Юрьева въ Канѣвъ къ его каменной церкви (подъ 1154 г. епископъ Юрьевскій дѣйствительно называется Канѣвскимъ). Изъ остальныхъ 6-ти епархій должны быть со всею вѣроятностію предполагаемы каменные каедральные соборы, построенные неизвѣстно когда, въ 4-хъ городахъ: Полоцкѣ, Галичѣ, Рязани и Перемышлѣ, а относительно двухъ городовъ—Турова и Угровска столько же вѣроятно думать, что ихъ каедральные соборы были деревянные (перваго—во все время существованія каедры, отъ Владимира и до нашествія Монголовъ, а втораго—во время весьма недолгаго существованія каедры). Изъ 10-ти положительно извѣстныхъ каменныхъ каедральныхъ соборовъ (къ положительно извѣстнымъ причисляемъ и Канѣвскій) восемь построены князьями, одинъ мѣстнымъ епископомъ и одинъ, какъ представляется вѣроятнымъ думать, гражданами города. Соборъ, построенный епископомъ, былъ соборъ Переяславскій, имѣвшій своимъ здателемъ епископа Переяславскаго Ефрема скопца, въ мѣрѣ главнаго дворецкаго или главнаго казначея вел. князя Изяслава

¹⁾ Иоанномъ—на воротахъ ограды собора.

Ярославича и потомъ монаха Кіевскаго Печерскаго и Константинопольскаго (вѣроятно) Студійскаго монастырей. Переяславль составлялъ удѣлъ Всеволода Ярославича, который въ 1089 г., когда Ефремъ построилъ свой соборъ, былъ великимъ княземъ въ Кіевѣ, а въ Переяславлѣ имѣлъ своего младшаго сына Ростислава. Если не Ростиславъ, въ 1089 г. лишь 19-лѣтній юноша ¹⁾, то самъ Всеволодъ былъ человѣкъ несомнѣнно благочестивый, который имѣлъ бы охоту построить каменный соборъ, если бы былъ прошенъ епископомъ. Должно думать, что Ефремъ самъ хотѣлъ быть его строителемъ потому, что, бывъ человѣкомъ весьма богатымъ, имѣлъ личное усердіе и искалъ личной славы. Напоминая собою епископовъ греческихъ древнихъ временъ и можетъ быть сознательно подражая имъ, Ефремъ не только построилъ на свой счетъ кафедральный соборъ, но и вообще, по свидѣтельству лѣтописца (подъ 1089 г.), украсилъ Переяславль многими церковными и общественными зданіями (въ числѣ послѣднихъ греческія бани). Гражданамъ города должно быть усвоено построение Ростовскаго кафедральнаго собора, потому что въ 1164 г., когда онъ былъ построенъ, въ Ростовѣ не было своего удѣльнаго князя и онъ принадлежалъ къ удѣлу Суздальскому. Правда, въ житіи св. Леонтія, епископа Ростовскаго, читаемъ, что когда въ 1160 г. сгорѣла бывшая передъ тѣмъ деревянная кафедральная церковь, то «повелѣ богахранимый и благовѣрный князь Андрей создати церковь камену въ имя пречистыя Богородицы на мѣстѣ сгорѣвшей церкви, и начаша копати рвы... и бѣ церкви мала основана и начаша людіе молитися князю Овдрѣю, абы повелѣлъ церковь болѣ заложити, едва же умоленъ бывъ повелѣ воли ихъ быти» ²⁾. Эта просьба къ князю о болѣшихъ размѣрахъ церкви, какъ будто показываетъ, что она строима была на счетъ послѣдняго. Но намъ думается, гораздо вѣроятнѣе понимать дѣло такъ, что у князя испрашивался только планъ церкви и что Боголюбскій не хотѣлъ въ Ростовѣ слишкомъ большой церкви затѣмъ, чтобы она не соперничала съ его собственной Владимірской.

Изъ весьма многихъ младшихъ стольно-княжескихъ городовъ, не имѣвшихъ епископскихъ кафедръ, прямо извѣстны намъ какъ имѣвшіе каменные церкви весьма немногіе, именно: Суздаль, Городень Волынской (нынѣшнее мѣстечко Городно или Городная, находящееся въ Пинскомъ уѣздѣ Минской губерніи, близъ границы съ губерніей Волын-

¹⁾ О которомъ смъ въ Печерскомъ Патерикѣ рассказъ Поликарпа (трудно впрочемъ сказать, насколько достовѣрный) о Григоріи чудотворцѣ.

²⁾ Правосл. Собесѣдн. 1858 г., кн. 1, стр. 307.

ской), Городокъ или Городецъ Переяславскій (находившійся на Днѣпрѣ, наспротивъ Кіева, теперь не существующій). По пригородамъ извѣстныя намъ каменные церкви находились въ областяхъ: Новгородской, Суздальской и Ростовской. Въ послѣднихъ двухъ строили ихъ князья (Юрій Долгорукій въ Переяславлѣ, Владимиръ и Юрьевъ, и Константинъ Всеволодовичъ въ Ярославлѣ); въ первой отчасти князья и епископы (во Псковѣ князь Всеволодъ Мстиславичъ и епископъ Нифонтъ), отчасти сами граждане пригородовъ (Ладога).

Въ ряду каменныхъ церквей должны быть отмѣчены четыре, построенныя на мѣстахъ, имѣвшихъ значеніе святыхъ русскихъ мѣстъ, именно—на мѣстахъ, соединенныхъ съ памятью и чествованіемъ русскихъ мучениковъ Бориса и Глѣба. Эти церкви были: въ Вышгородѣ надъ гробами мучениковъ; на Альтѣ, близъ Переяславля,—на мѣстѣ убіенія Бориса; на Смяднѣ, близъ Смоленска,—мѣстѣ убіенія Глѣба, и въ Кидекшѣ, близъ Суздаля, гдѣ было, по преданію, ихъ становище.

Въ другихъ городахъ послѣ трехъ столицъ, какъ мы сказали, каменныхъ церквей было не помногу. Самый богатый изъ нихъ этими церквами былъ Переяславль, въ которомъ ихъ было 5 положительно извѣстныхъ и 6-я вѣроятная. Затѣмъ слѣдуютъ Смоленскъ, въ которомъ ихъ было 4, и Полоцкъ, въ которомъ, если предполагать, что кафедральная епископская церковь была каменная, ихъ было 3. Въ остальныхъ городахъ ихъ было по двѣ и по одной.

Изъ потомковъ Ярослава отличались особенной ревностью къ построенію каменныхъ церквей первенствовавшіе въ родѣ княжескомъ Всеволодовичи ¹⁾; совсѣмъ не отличались ею захудалые Изяславичи (послѣ самого Изяслава и его сына Святополка).

(Подробный списокъ каменныхъ церквей домонгольскаго періода въ приложеніи къ этой главѣ).

---

¹⁾ Между Всеволодовичами, какъ мы сказали, Юрій Долгорукій выдается тѣмъ, что стремился украсить каменными церквами всѣ важнѣйшіе пригороды своего Суздальскаго удѣла. Это наводитъ до нѣкоторой степени на мысль, что уже онъ, потерпѣвшій столько неудачъ въ овладѣніи престоломъ Кіевскимъ, впереди своего сына Андрея, напалъ на гениальную мысль возвысить свою внѣ-русскую Русь на степень первенствующаго удѣла и великаго княженія.

III.

Архитектура церквей каменныхъ.

Рѣчь объ архитектурѣ нашихъ церквей домонгольскаго періода имѣеть быть раздѣлена, такъ сказать, на двѣ статьи. Именно—должна быть она особая объ архитектурѣ церквей каменныхъ и особая объ архитектурѣ церквей деревянныхъ.

Мы начнемъ съ первыхъ.

Занимаясь вѣру отъ Грековъ, естественно, мы должны были взять себѣ отъ нихъ, а не отъ кого нибудь другаго, и все прочее относящееся къ вѣрѣ. А слѣдовательно, и наши церкви должны были явиться ни чѣмъ инымъ, какъ снимкомъ съ современныхъ имъ церквей греческихъ или тѣми же церквами греческими, только перенесенными въ другое мѣсто. Въ церквахъ деревянныхъ не могло быть совершеннаго воспроизведенія церквей греческихъ, потому что у Грековъ церкви были исключительно каменные, а камень и дерево, какъ матеріаль, существенно обусловливаютъ формы зданій. Но въ церквахъ каменныхъ не было никакихъ препятствій къ тому, чтобы онѣ явились у насъ именно воспроизведеніемъ и повтореніемъ церквей греческихъ.

Такъ это и на самомъ дѣлѣ, однако не безъ нѣкотораго «но», безъ котораго почти никогда не бываетъ въ дѣйствительной жизни. Сравнивая наши сохранившіяся церкви домонгольскаго періода съ современными имъ церквами греческими, насколько послѣднія сохранились и извѣстны, находимъ, что, при единствѣ и тождествѣ въ общемъ и существенномъ, онѣ представляютъ противъ послѣднихъ нѣкоторыя разности и отличія въ частностяхъ, такъ что, несомнѣнно принадлежа къ церквамъ греческимъ какъ къ своему роду, онѣ оказываются въ этомъ родѣ какъ бы особымъ видомъ. Вопросъ объ этой видовой особенностяхъ нашихъ церквей остается пока не рѣшеннымъ окончательно, ибо, къ сожалѣнію, изъ первыхъ нашихъ каменныхъ церквей, построенныхъ мастерами греческими, которые бы рѣшали нашъ вопросъ положительно, ни одной не сохранилось въ совершенно полномъ и цѣломъ видѣ. Большая и наиболѣе существенная часть отличій нашихъ церквей отъ церквей греческихъ, несомнѣнно, принесена къ намъ изъ той же Греціи и должна быть понимаема такъ, что наши церкви представляютъ собою воспроизведеніе особаго вида церквей греческихъ,—вида, который не сохранился или по крайней мѣрѣ пока остается неизвѣстнымъ (о семъ ниже). Относительно другихъ немногихъ отличій

остаётся въ настоящее время думать на двое: именно — или что онѣ идутъ изъ той же Греціи и также принадлежать къ числу отличій того особаго вида греческихъ церквей, который воспроизводятъ наши церкви, или—что онѣ привнесены къ намъ мастерами западными, которые были призываемы и приходили къ намъ для работъ. Иначе сказать, объ этой видовой особености нашихъ церквей должно думать: или такъ, что она сполна принесена къ намъ изъ Греціи, или что уже у насъ она сложилась изъ двухъ элементовъ.

У Греко-римлянъ, отъ которыхъ всѣми принято христіанство и все христіанское, какъ извѣстно, установились два архитектурные типа церквей — типъ такъ называемой базилики и типъ купола или церкви купольной (точнѣе говоря, центр-купола, а еще точнѣе — купола въ центрѣ четвероугольника). Типъ базилики, старшій по времени, первоначально былъ общимъ типомъ Римлянъ и Грековъ, но потомъ явился второй типъ—церкви купольной: первый остался на римскомъ Западѣ, второй усвоилъ себѣ греческій Востокъ. Названіе: базилика, βασιλική, въ древнѣйшей формѣ—βασιλειος στοά или ἡ τοῦ βασιλέως στοά; значить: судейская галлерея, причемъ слово βασιλεύς, отъ котораго оно произведено, употребляется не въ смыслѣ царя, а въ смыслѣ судьи. У Грековъ судья былъ публичный и производился на мѣстахъ всякихъ общественныхъ собраній — на торговыхъ площадяхъ (ἀγορά). На площадяхъ для помѣщенія судей были устраиваемы особые галереи, которыми вмѣстѣ съ ними пользовались купцы для продажи товаровъ, а всѣ вообще граждане городовъ для сходбищъ общественныхъ и частныхъ, для прогулокъ и для дѣловыхъ свиданій; или—что гораздо вѣроятнѣе—судьи для производства на площадяхъ суда пользовались купеческими и общественными галлереями; какъ бы то ни было, то или другое по своему первоначальному происхожденію, площадныя или базарныя галереи отъ помѣщавшихся въ нихъ судей получили названіе судейскихъ галлерей—базиликъ (βασιλική, basilica) ¹⁾. У Грековъ бази-

¹⁾ Изъ девяти Аѳонскихъ архонтовъ, стоявшихъ во главѣ управленія республикой, второй архонтъ, вѣдавшій дѣла, относившіяся до вѣры и богослуженія, и судившій преступленія противъ вѣры и благочестія, а также судившій и уголовныя преступленія болѣе тяжкія, назывался βασιλευς'омъ, и отъ него-то галлереи на общественныхъ площадяхъ и получили названіе базиликъ или судейскихъ галлерей. Вмѣсто первоначальныхъ названій ἡ βασιλειος στοά или ἡ τοῦ βασιλέως στοά позднѣйшіе Греки стали употреблять названіе ἡ βασιλική, усвоивъ отъ Римлянъ латинскую форму послѣдняго, которая есть basilica. Въ Платоновомъ разговорѣ Евтифровъ, въ самомъ его началѣ читаются слова, обращенныя Евтифрономъ къ Сократу: Τί

лики были такого рода: известное пространство площади обносилось глухой круговой или въ себѣ замыкавшейся стѣной въ формѣ продолговатаго четырехугольника; внутри, впродоль всѣхъ стѣнъ (т. е. какъ продольныхъ, такъ и поперечныхъ) на известныхъ разстояніяхъ отъ нихъ ставились ряды колоннъ (колоннады); на стѣны и на колонны клалась крыша, а внутреннее остававшееся пространство между колоннами (т. е. между колоннами и колоннами) оставлялось непокрытымъ (βλαιοφρος). Такимъ образомъ, греческія базилики представляли изъ себя круговыя внутри продолговатаго четырехугольника стѣнъ галлерей съ открытой между ними площадью. Галлерей въ существѣ были совершенно то же, что наши галлерей у торговыхъ рядовъ, только онѣ не были узкими ходами и корридорами, а были болѣе или менѣе широки, такъ что по ширинѣ достигали размѣровъ настоящихъ залъ, въ которыхъ могло производиться напр. преподаваніе (стойки—отъ *στά*); затѣмъ, чтобы возможно расширить галлерей и въ слишкомъ широкихъ сдѣлать возможно прочною podporу крышъ, ставили иногда, если не всегда, вдоль стѣнъ не по одному ряду колоннъ, а по два. У одной изъ поперечныхъ стѣнъ базилики или подъ одной изъ поперечныхъ галлерей помѣщался судья для производства суда; все остальное было предоставлено купцамъ и публикѣ, изъ которыхъ первые, помѣщаясь въ продольныхъ галлереяхъ, или раскладывали свои товары, приносявшіеся изъ домовъ каждый день, или только въ дни базарные,

---

καίτερον, ὃ Σόκρτης, γέγονεν, ὅτι καί σο τὰς ἐν Λυκαίῳ καταλιπὼν διατρίβας ἐνθάδε νῦν διατρίβεις, περὶ τοῦ βασιλέως στοάν; οὐ γάρ που καί σοί δίκη τις ὄσα τοῦχάναί πρός τόν βασιλέα, ὡς περ ἐμοί; т. е. Что новѣйшаго случилось. Обрати, что и ты, оставивъ упражненія въ Лицѣ, теперь проводишь (убиваешь) время здѣсь въ галлерей василевса (судьи)? Можетъ быть, и у тебя есть какаянибудь жалоба василевсу (судьѣ), какъ и у меня? По словамъ Брема, въ городахъ Египта и въ настоящее время судъ производится публично на базарѣ; онъ пишетъ: «Мѣсто, гдѣ обдѣлываются торговля дѣла—базаръ; здѣсь также происходятъ судейскія разбирательства, обыкновенно по пятницамъ: судья со своими писцами заседаетъ въ какой-нибудь изъ лавокъ»,—Путешествіе по сѣверо-восточной Африкѣ, т. I, русск. перев. стр. 170. У насъ въ Кіевской времявъ казацкихъ Руси бывалъ карвасарь—словесный судъ, помѣщавшійся въ прежнія времена въ малороссійскихъ городахъ и селеніяхъ на ярмарочныхъ площадяхъ, въ раскинутой палаткѣ» (Записки въ книгѣ 2-й Старосвѣтскаго бандуриста, стр. 357; см. также у Котляревскаго въ началѣ 6-й пѣсни его Энеиды). Полагаемъ, что карвасарь есть передѣлка изъ караванъ-сарай и что обычай словеснаго базарнаго суда перешелъ въ Малороссію изъ восточныхъ, ближайшимъ образомъ—изъ Крымскихъ, караванъ-сараявъ, которые представляютъ собою нѣчто довольно близкое къ греко-римскимъ базиликамъ.

прямо на полу, на пристроенныхъ полкахъ, ларяхъ и проч., или же имѣли шкапы и шкапки для постоянного ихъ храненія ¹⁾).

Римляне, заимствовавъ отъ Грековъ базилики для тѣхъ же цѣлей, для которыхъ онѣ служили у нихъ, превратили ихъ изъ открытыхъ галлерей въ настоящія закрытыя зданія. Это они сдѣлали такимъ образомъ, что покрыли кровлей внутреннее, остававшееся у Грековъ не покрытымъ, пространство. Если бы положить кровлю надъ этимъ внутреннимъ пространствомъ на колонны въ уровень съ кровлями галлерей, то въ базиликѣ или по крайней мѣрѣ въ ея серединѣ водворился бы мракъ (галлерей получали бы свѣтъ изъ оконъ въ своихъ стѣнахъ). Чтобы сдѣлать базилику совсѣмъ закрытымъ зданіемъ и вмѣстѣ сохранить въ ней свѣтъ, нужно было поступить другимъ образомъ. Римляне сдѣлали такъ, что надъ колоннами поверхъ кровель галлерей надстроили стѣны, что въ ровень съ этими новыми стѣнами протянули или возвысили поперечныя внѣшнія стѣны галлерей и что образовавшееся такимъ образомъ зданіе надъ зданіемъ, прорубивъ въ немъ окна, и покрыли уже кровлей; иначе сказать — Римляне, чтобы превратить греческую базилику совсѣмъ въ закрытое зданіе, надстроили надъ ея серединой своего рода куполь—прямостѣнный и плоскопокровный (въ видѣ продолговатаго сундука, поставленнаго въ колоннахъ). Если бы это случилось въ то время, когда у Римлянъ уже былъ употребителенъ куполь, то весьма возможно, что онъ и былъ бы примѣненъ къ базиликѣ, и тогда она получила бы другую форму. Но это было въ то время, когда куполь у нихъ еще не употреблялся или употреблялся еще въ весьма малыхъ размѣрахъ. Форма, данная базиликѣ въ докупольное время, и осталась за нею навсегда (хотя въ позднѣйшее время вмѣстѣ съ плоскимъ потолкомъ изъ дерева или вмѣстѣ съ двускатной деревянной кровлей, — ибо потолокъ могъ и отсутствовать, какъ онъ дѣйствительно отсутствуетъ въ иныхъ древнихъ христіанскихъ базиликахъ,—онѣ стали покрываться и складенными изъ кирпича сводами, а стѣны начали быть ставимы на колонны не посредствомъ положенныхъ на нихъ архитравовъ, а посредствомъ сведенныхъ между ними арокъ, вѣроятно, съ болѣе или менѣе перваго времени, ибо эти арки по своему появленію, какъ можно думать, не моложе базиликъ). Превративъ

---

¹⁾ Обстоятельныхъ свѣдѣній объ устройствѣ греческихъ базиликъ мы не имѣемъ, ибо у Грековъ не было писателя, который, подобно римскому Витрувію, оставилъ бы сочиненіе объ ихъ архитектурѣ. На основаніи рѣчей Витрувія о греческихъ базиликахъ въ первой главѣ 5-й книги его сочиненія *De architectura* надлежитъ представлять ихъ себѣ, какъ мы представляемъ.

греческую базилику изъ открытой площади, окруженной галереями, въ совсѣмъ закрытое зданіе ¹⁾, Римляне затѣмъ еще сдѣлали небольшое къ ней прибавленіе, именно — чтобы нарочитымъ образомъ выдѣлить помѣщеніе судей, они начали придѣлывать для нихъ къ одной изъ поперечныхъ стѣнъ базилики небольшія полукруглыя пристройки, такъ называемыя абсиды ²⁾ (которыхъ иногда придѣлывали и по двѣ, у обѣихъ поперечныхъ стѣнъ, такъ что входъ дѣлался съ боку, въ одной изъ продольныхъ стѣнъ).

Эти-то римскія базилики и послужили образцомъ для христіанскихъ храмовъ. Старыми археологами было принимаемо, будто форма базиликъ потому была усвоена для христіанскихъ храмовъ, что Константинъ Великій, принявъ христіанство, отдалъ христіанамъ языческія базилики для обращенія въ церкви (и что съ церквей—дѣйствительныхъ базиликъ и стали ихъ строить по подобію базиликъ). Но это совершенно неосновательно. Базилики были не то, что языческіе храмы и не имѣли съ ними ничего общаго; бывъ зданіями по своей цѣли не религіозными, а гражданскими, онѣ и послѣ обращенія гражданъ въ христіанство оставались столько же нужными имъ, сколько были нужны до обращенія, и слѣдовательно — Константинъ Великій вовсе не могъ отдать ихъ христіанамъ (ибо иначе вмѣсто отданныхъ онъ долженъ былъ быть построить новыя). Форма базилики усвоена была для христіанскихъ храмовъ просто потому, что она была формою самою и можно сказать единственною для нихъ подходящею. Христіанскіе храмы имѣли быть зданіями возможно большими или просторными, для вмѣщенія молящихся; а такими зданіями у Римлянъ были именно базилики. Весьма возможно, что во второй половинѣ III—началѣ IV вѣка, когда появи-

¹⁾ Въ видѣ исключенія у Римлянъ до позднѣйшаго времени бывали базилики и съ не покрытыми серединами или совершенно греческія: такова наприм. была *basilica Ulpia*, построенная императоромъ Траяномъ, — *Hubsch'a Monuments de l'architecture chrétienne* въ переводѣ аббата Guerber'a, Paris, 1866, Pl. I, № 13.

²⁾ Латинское *absida* изъ греческаго ἀψίς (и ἀψίς),—ἴδος. ἄψις, отъ ἀπσω—соединяю, связываю, слаживаю (привожу одно въ соприкосновеніе съ другимъ), собственно значить соединеніе, связываніе (связка чего-нибудь), затѣмъ—петля или ячейка въ сѣти, ободъ колеса и самое колесо, всякая округлость, арка (отъ того триумфальныя ворота у Римлянъ съ арками—абсиды), нишь съ аркою, дуга свода, самый сводъ (архитектурный и небесный). Небольшія полукруглыя пристройки къ базиликамъ получили названіе абсидъ или отъ своей формы круглой (т. е. полукруглой) или вмѣстѣ и отъ своего покрова, который съ древняго времени могъ дѣлаться сводомъ.

лись у христіанъ настоящіе храмы, они имѣли бы уже охоту подражать въ формѣ своихъ храмовъ храмамъ языческимъ. Но послѣдніе, за весьма немногими исключеніями, были зданіями весьма малыми, ибо назначались не для вмѣщенія молящихся, а только для помѣщенія статуи (а ихъ великолѣнныя составляли внѣшнія, окружавшія ихъ, колоннады или перистилы). Послѣ не подходившихъ языческихъ храмовъ для христіанъ не было другаго выбора кромѣ базиликъ. При семъ, въ частнѣйшее объясненіе того, какъ могло случиться, что ими была усвоена для храмовъ форма базилики, съ совершенною вѣроятностію предполагаютъ слѣдующее: у Римлянъ было принято, чтобы всякое большее помѣщеніе имѣло форму базилики, т. е. длинной залы съ боковыми галереями; поэтому и въ частныхъ домахъ большія залы были строены въ формѣ базиликъ¹⁾; первенствующіе христіане, пока не начали строить особенныхъ храмовъ, собираясь на молитву въ частныхъ домахъ, собирались въ базиликахъ богатыхъ людей, какъ въ помѣщеніяхъ наиболѣе просторныхъ; такимъ образомъ они постепенно свыклись съ формою базиликъ, какъ формою для своихъ молитвенныхъ помѣщеній, а слѣдствіемъ сего и было то, что когда они начали строить особые храмы, то взяли эту форму.

(Усвоивъ для храмовъ форму языческой, а точнѣе говоря—гражданской, базилики, христіане прежде всего сдѣлали въ ней то измѣненіе, что уничтожили поперечныя колонны передъ абсидой, въ которую помѣстили олтарь; затѣмъ, въ большихъ базиликахъ, не довольствуясь для олтаря абсидой, начали приставлять спереди ихъ четвероугольника поперечный меньшій четвероугольникъ (приставляя абсиду уже къ нему), при чемъ она получала форму креста. На Востокъ (до появленія и водворенія тамъ купола), такъ какъ женщины имѣли тамъ обычай становиться въ церквахъ отдѣльно отъ мужчинъ, иногда устраивались для нихъ въ боковыхъ отдѣленіяхъ базиликъ верхнія галереи. Въ позднѣйшее время, вмѣстѣ съ движеніемъ архитектуры, базилики такъ и иначе измѣнялись смотря по требованію вкуса: начали ставить надъ ними куполы, всѣ три отдѣленія ставить на одной высотѣ, — не говоримъ о внѣшнихъ пристройкахъ къ нимъ и надъ ними, каковы башни,—наконецъ (въ ближайшее къ намъ время) даже всѣ три отдѣленія сливать въ одно, сохраняя память о боковыхъ уничтоженныхъ отдѣленіяхъ только колоннами или пилястрами, поставленными вдоль стѣны, вплотную къ послѣднимъ, и нишами между ними. Вообще, за-

¹⁾ Въ Палатинскомъ дворцѣ императоровъ римскихъ базилика Юпитера (что значить не храмъ Юпитера, а базилика юпитеровская—императорская).

падная базилика такъ же, какъ и наша купольная церковь, имѣеть свою исторію).

Куполь есть извѣстной особенной формы сводъ. Этотъ послѣдній есть покровъ надъ зданіемъ, сдѣланный не посредствомъ горизонтальной (потолокъ) или трехугольной (кровля) настилки деревянныхъ (или каменныхъ) досокъ, а посредствомъ выкладки изъ кирпича въ той или другой, допускаемой симъ матеріаломъ (по законамъ статики), выпуклой формѣ. Куполь есть сводъ, имѣющій форму вспрокинутой полусферы, поставленной на кругломъ основаніи ¹⁾. Русскій читатель, привыкшій смѣшивать и принимать за одно куполь и главу, долженъ твердо замятъ и запомнить, что одинъ и другая не имѣють между собой ничего общаго и должны быть строго различаемы: куполь есть часть свода, имѣющая извѣстную форму, глава есть внѣшнее украшеніе (въ видѣ шара, груши и луковицы), поставленное на куполѣ или просто на кровлѣ ²⁾. Сводъ, бывшій извѣстнымъ древнему Востоку, на первую мысль о которомъ люди, нѣтъ сомнѣнія, наведены были пещерными постройками (и естественными пещерами съ естественными сводами), былъ извѣстенъ и классическимъ Грекамъ, но почти что вовсе не былъ ими употребляемъ, такъ что они знали только плоскіе потолоки⁴ обыкновенно деревянные, а если крылись не широкія пространства,—каменная (изъ длинныхъ каменныхъ плитъ или какъ бы изъ каменныхъ досокъ) ³⁾. Въ Италіи сводъ впервые является у Етрусковъ, которые или сами изобрѣли его или заимствовали съ Востока; отъ Етрусковъ онъ былъ усвоенъ Римлянами. Первое приложеніе свода состояло въ томъ, что выкладывали надъ стѣнами или надъ столбами неширокія арки. Затѣмъ, люди поняли, что если прикладывать одну арку къ другой, то можно покрывать ими цѣлыя пространства между стѣнами, идущими

¹⁾ Куполь изъ средневѣковаго латинскаго *cirula*, *cirpula* (у Итальянцевъ *cirola*), которое изъ *cira* (греч. *κῆφος*, *σῆφος*)—чаша.

²⁾ Главы ставятся у насъ на куполахъ и на кровляхъ посредствомъ шеекъ и фонарей (которые иногда на куполахъ, какъ бы представляя сводъ на сводѣ, бывають полыми). Но на купола древнихъ и старыхъ церквей они посажены у насъ непосредственно, именно—на сферу купола насажена луковица. Эти луковицы на древнихъ и старыхъ куполахъ, по происхожденію своему весьма позднія, должно отличать отъ самыхъ куполовъ, которые крылись, точно по ихъ формѣ, сферическими крышами (въ Москвѣ эти сферическія крыши старыхъ куполовъ сохранились на куполахъ Архангельскаго собора и синодальной церкви 12-ти апостоловъ. А рядомъ съ ними и луковицы—на Успенскомъ и на Благовѣщенскомъ соборахъ).

³⁾ Cfr. у греческаго ученаго А. Р. Ραχάβη въ его греческой 'Αρχαιολογία, т. α σελ. 230.

щими параллельно одна къ другой: такимъ образомъ явился сводъ бочкообразный (Tonnenengewölbe). А наконецъ, они поняли и то, что въ арку могутъ быть уперты дуги перекрестной арки и что посредствомъ дальнѣйшаго приложенія этого перекрещиванія можетъ быть покрыто какъ чашей круглое пространство: такимъ образомъ явился сферическій или куполообразный сводъ для покрова круглыхъ зданій, изъ котораго вышелъ византийскій церковный куполь.

У Римлянъ была придаваема круглая форма башенокъ и башенъ или ротондъ, во-первыхъ, храмамъ и по преимуществу одному извѣстному классу ихъ, именно—храмамъ Весты; во-вторыхъ, надгробнымъ, памятникамъ или мавзолеямъ. Нѣкоторые изъ этихъ храмовъ и памятниковъ и были покрываемы сферическимъ или куполообразнымъ сводомъ. Въ тѣхъ и другихъ впрочемъ главное составляя не сводъ, а кругловидность или круглота (rotunditas) самыхъ зданій, т. е. не затѣмъ зданія были строимы круглыми, чтобы ихъ покрывать сферическими сводами, но затѣмъ иногда покрывались онѣ сферическими сводами, что были круглыми ¹⁾. Намѣренное приложеніе сферическаго свода, при которомъ онъ достигъ всей своей колоссальности и грандіозности, имѣло мѣсто у Римлянъ въ ихъ общественныхъ баняхъ или термахъ. Общественныя бани, какъ извѣстно, составляли у Римлянъ такую же существенную и необходимую потребность общественной жизни, какъ театры и цирки, и ихъ такъ же, какъ и послѣдніе, строило на свой счетъ правительство. Во времена императоровъ общественныя бани стали громаднѣйшими и великолѣпнѣйшими изъ всѣхъ общественныхъ сооружений и такими громадными и великолѣпными безотнositельно, что мы въ настоящее время едва можемъ составить себѣ понятіе ²⁾. Бани у Римлянъ состояли изъ нѣсколькихъ отдѣленій, именно: отдѣленія холоднаго или купальни (frigidarium, baptisterium) ³⁾, въ которомъ устраиваемы были бассейны (piscinae) для плаванія въ холодной

¹⁾ Исключеніе между храмами, какъ намѣренныя большія ротонды, представляютъ весьма немногіе, таковы въ особенности: Палтеонъ Агриппы (первоначально храмъ Юпитера) и храмъ Юпитера въ Диоклетіановомъ дворцѣ въ Сплато.

²⁾ При баняхъ были устраиваемы гимнасіумы для тѣлесныхъ упражненій, находились бібліотеки, сады и пр. Вообще онѣ были какъ бы клубами древнихъ, въ которыхъ проводилось свободное время.—О римскихъ баняхъ или термахъ, бывшихъ въ самомъ Римѣ, см. у *De Bleser'a* въ *Rome et ses monuments, guide du voyageur catholique*, 2 edit. Louvain, 1870, p. 77 sqq.

³⁾ *Baptisterium*—купальня отъ греч. βαπτίζω, которое въ доцерковномъ и нецерковномъ употребленіи значить купать.

водѣ; отдѣленія теплаго для мытья теплой водою (tepidarium) и отдѣленія жаркаго или потоваго для потѣнья (caldarium, sudatorium) ¹⁾. Круглая форма бассейновъ, въ которыхъ плавали (писцинъ), условливаясь тѣмъ, что вода, возмущаемая въ кругломъ вмѣстилищѣ, правильнѣе волнуется и что въ кругломъ пространствѣ удобнѣе обращаться человѣку, требовала, чтобы и комбаты, заключавшія ихъ въ себѣ или ихъ покрывавшія, были круглыя; пары, поднимавшіеся отъ воды въ другихъ двухъ отдѣленіяхъ, именно требовали, чтобы онѣ были круглыя комбаты съ высокими сводами, подъ которые бы пары уходили. Такимъ образомъ, въ общественныхъ баняхъ у Римлянъ сферическій сводъ или куполь получилъ все свое приложение и сталъ господствующею формою покроя. Въ громаднѣйшихъ и великолѣпнѣйшихъ общественныхъ баняхъ, которыя начали стронть со времени Августа, этотъ сферическій сводъ или куполь, который долженъ былъ покрывать огромныя круглыя залы, достигъ полнаго совершенства и полнаго блеска своего развитія ²⁾.

Христіане усвоили для своихъ храмовъ форму базилики, какъ мы сказали, потому, что она удовлетворяла потребности имѣть въ храмахъ зданія по возможности просторныя. Но просторъ и удобство не составляютъ всего достоинства зданій, и если во всѣхъ зданіяхъ, кромѣ ихъ цѣлесообразности, стремятся еще къ соотвѣтственной назначенію художественности, то тѣмъ естественнѣе было стремиться къ соединенію одного качества съ другимъ въ христіанскихъ храмахъ, которые должны быть по возможности достойными жилищами великаго Бога. Нерукотворенный храмъ Божій, распростирающійся надъ нашими головами въ видѣ громаднаго свода и такъ краснорѣчиво говорящій о величій Божіемъ, самъ собою указывалъ какъ на наиболѣе соотвѣтствующую и какъ на наиболѣе приличествующую форму для храма рукотвореннаго

¹⁾ Нѣкоторые раздѣляютъ caldarium и sudatorium на два особыя отдѣленія.

²⁾ Римляне передали свои бани Византійцамъ, а отъ Византійцевъ ихъ наслѣдовали Турки, такъ что нынѣшнія знаменитыя турецкія бани суть не что иное, какъ древнія римскія бани (а не выдумка самихъ Турокъ, принесенная ими изъ своего Туркестана, въ которомъ они вѣроятно не каждый день и умывались). У Турокъ бани и деселѣ съ куполами, такъ что въ Константинополѣ не знаячи очень можно принять баню за церковь. По этой, можетъ быть, причинѣ купола (и главы) у Поляковъ и въ Малороссіи назывались и называются банями. О баняхъ византійскихъ и турецкихъ, съ изображеніями, см. у *К. Тексе* и *Ш. Пуллана* въ *L'Architecture Byzantine*, французск. изд. стр. 173 sqq.

на этот сводъ, который въ архитектурномъ отношеніи достигъ всего своего развитія. И вотъ — первый христіанскій императоръ Константинъ Великій, ища соорудить достойныя жилища единому Богу, котораго онъ позналъ, начинаетъ сооружать храмы, которые бы воспроизводили Имъ Самимъ созданный храмъ и которые такъ же, какъ и этотъ, способны были бы проповѣдывать объ Его величіи, именно — строить храмы, надъ которыми распростираетъ небесамъ подобные куполы.

Нѣтъ сомнѣнія, что Константинъ не затруднился бы и прямо перенести куполы съ бань на церкви, ибо, во-первыхъ, брать хорошее не предосудительно, гдѣ бы то ни было, а во-вторыхъ, какъ мы говорили много выше (1-й пол. т. стр. 686), древніе христіане не только не видѣли въ баняхъ чего-нибудь предосудительнаго, а напротивъ соединили ихъ съ церквами. Но какъ бы то ни было, онъ уже имѣлъ передъ собою сдѣланный первый шагъ. Съ конца III вѣка у христіанъ вошло въ обычай совершать таинство крещенія не въ естественныхъ водахъ — рѣкахъ и источникахъ, какъ было прежде, а въ особыхъ зданіяхъ при дерквахъ — крещальняхъ. Эти крещальни были ни чѣмъ инымъ, какъ точнымъ снимкомъ съ тѣхъ отдѣленій въ общественныхъ баняхъ, которыя назначены были для купанья, т. е. баптистеріевъ, какъ названы были и онѣ, слѣдовательно круглыми зданіями съ куполами. А такимъ образомъ Константинъ видѣлъ куполъ перенесенными если не на самыя церкви, то на зданія, соединенныя съ ними.

Константинъ строилъ свои новой архитектуры храмы не на римскомъ Западѣ, а на греко-азиатскомъ Востокѣ¹⁾. Весьма вѣроятно, съ одной стороны, думать, что Римлянъ, привыкшихъ къ своей традиціонной и національной базиликѣ, онъ не хотѣлъ беспокоить нововведеніемъ. А съ другой стороны — это, вѣроятно, надлежитъ понимать такъ, что тотъ духъ царенія къ высокому, который онъ стремился персонифицировать въ своихъ новыхъ храмахъ, онъ находилъ именно духомъ Востока, а не Запада. И Востокъ дѣйствительно усвоилъ его идею храма и, давъ развитіе формѣ, создалъ свой новый типъ, — типъ олицетворявшій духовно-высокое въ противоположность базиликѣ, которая представляла собою только вещественно пространное и громадное.

Усвоивъ форму гражданской базилики для христіанскихъ храмовъ, взяли и скопировали эту форму цѣликомъ, какъ она есть, безъ вся-

¹⁾ Величественный купольный храмъ построилъ Константинъ въ столицѣ Азіи — Антиохіи. О немъ *Евсевій* въ *De vita Constantini*, lib. III с. 50 (у Миня въ *Patr.* t. 20, col. 1109) и въ *De laudibus C—ni*, cap. 9 sub fin. (*ibid.* col. 1369).

кихъ существенныхъ измѣненій, такъ что храмъ-базилика стала простымъ воспроизведеніемъ гражданской базилики. Не такъ было съ храмомъ купольнымъ: здѣсь заимствованъ былъ только куполь, но самое зданіе было создано вновь и притомъ не сразу.

Залы римскихъ общественныхъ бань, съ которыхъ Константинъ взялъ куполь, какъ мы сказали, были огромныя круглыя залы, накрытыя этими куполами. Громадное пространство этихъ залъ съ распространяющимся въ высотѣ какъ бы величественнымъ небеснымъ сводомъ способно пробуждать идею величественнаго, что было цѣлю Константина при введеніи храмовъ купольныхъ, но пробуждать только мимолетно и на минуту: въ первый моментъ, какъ вы вступаете подъ сводъ подобной залы, въ васъ пробуждается идея величественнаго; но затѣмъ однообразіе и пустота пространства наводитъ на васъ скуку и тягость, и идея величественнаго смѣняется въ васъ какимъ-то неприятымъ представленіемъ, что вы находитесь въ огромномъ сараѣ ¹⁾. Слѣдовательно, для достиженія цѣли, при заимствованномъ куполѣ, Константину нужно было создать что-нибудь новое. Въ Римѣ до настоящаго времени сохранился баптистерій, построенный Константиномъ Великимъ для крещенія двухъ Констанцій, сестры и дочери ²⁾. На этотъ баптистерій должно смотрѣть какъ на первый моментъ въ движеніи мыслей Константина отъ круглой залы съ сферическимъ сводомъ или куполомъ къ той формѣ, которую онъ далъ своимъ купольнымъ церквамъ. Пусть вообразить читатель, что галлерей базилики дана круглая форма, т. е. что поставлена стѣна въ видѣ круга,—что внутри этого круга поставлены кругомъ

¹⁾ Говоримъ это не только а priori, такъ сказать, сочная чувства, но и основываясь на нашемъ собственномъ впечатлѣніи: мы были въ Римѣ въ Пантеонѣ и въ Солуннѣ въ знаменитой ротондѣ св. Георгія, имѣющей точную форму залъ въ римскихъ баняхъ (Планъ и разрѣзъ Пантеона у *Любке* въ *Geschichte d. Architectur*, 4 Aufl. S. 184 и 185; планъ и разрѣзъ Солунской ротонды св. Георгія у *Тексе и Попл.* *Пуллана* въ *L'Architecture Byzantine* и изъ нихъ въ Сборникѣ Общества древне-русск. искусства при Моск. Публ. Музеѣ на 1866 г., Отд. II, пять рисунковъ къ стр. 24, № 1 и 2).

²⁾ Въ настоящее время церковь св. Констанція близъ базилики св. Агнесы: что за городомъ; см. о ней *Де-Блезера* *Rome et ses monuments*, p. 241, а въ планъ и разрѣзъ: у *Ciampini* въ *De sacris aedibus*, а *Constantino Magno constructis, Romae*, 1693, tab. XXIX, у *Д'Ажичура* въ *Histoire de l'art par les monuments*,—*Architect. Pl. VIII*, у *Гюбша* въ *Monuments de l'architecture chrétienne*, Pl. VII и VIII, и у *Любке* въ *Geschichte d. Archit.*, S. 241 (у послѣдняго одинъ планъ, а вмѣсто ея разрѣза см. разрѣзъ церкви S. Maria zu Nosera, S. 244, совершенно одинаковой съ нею по формѣ).

на известномъ разстояніи отъ стѣны, примѣрно на одной четверти ширины (какъ это въ баптистеріи Константиновомъ) колонны, — что на стѣну и колонны положена крыша (въ баптистеріи Константиновомъ бочкообразный сводъ), подъ которою образуется круговая или круглая вокругъ стѣны (между ею и колоннами) галлерей; пусть вообразить онъ далѣе, что на колоннахъ надъ круглой серединой внутри круговой галлерей надстроены сферическій сводъ или куполь, — и онъ будетъ имѣть баптистерій Константиновъ. То-есть, этотъ баптистерій представляетъ собой какъ бы круглую базилику (середина и круговая галлерей), съ тѣмъ отличіемъ отъ дѣйствительной базилики, что надъ серединой не плоскій потолокъ, а куполь. Черезъ такое поставленіе купола на другое зданіе, черезъ такое, такъ сказать, соединеніе въ одно двухъ зданій достигалось то разнообразіе, то раздѣленіе и раздробленіе пространства, которыхъ не доставало купольной залѣ, какъ таковой, и устранялись та монотонность и то пустынное однообразіе, которыми ова страдала.

Не знаемъ, прилагалъ ли Константинъ новую созданную имъ форму въ этомъ первоначальномъ ея видѣ въ отношеніи къ церквамъ, т. е. строилъ ли онъ церкви по сейчасъ представляемому образцу Римскаго баптистерія ¹⁾. Но во всякомъ случаѣ въ отношеніи къ церквамъ онъ не остановился на ней, а пошелъ далѣе. Этотъ первоначальный видъ новой формы имѣлъ еще существенныя недостатки: во-первыхъ, онъ представлялъ соединеніе въ одно двухъ однообразно круглыхъ зданій; во-вторыхъ, черезъ поставленіе круга колоннъ производилось раздѣленіе пространства бѣльшее должнаго, — вмѣсто оразноображеннаго раздробленіемъ на части одного цѣлаго получались два цѣлыя, т. е. пространство внутри колоннъ и пространство позади ихъ, при чемъ куполь, огра-

¹⁾ Должно думать, что строилъ и именно — по крайней мѣрѣ на Западѣ, нѣо на Западѣ, вмѣстѣ съ базиликами, мы находимъ серію церковей нашей формы (планы этихъ западныхъ церковей нашей формы см. у *A Lenoir'a* въ *Architecture monastique*, t. I p. 379 sqq, у *Гюбша* въ *Monuments de l'archit. chrét.*, Pl. XXXV, у *Любке* въ *Gesch. Arch.* S. 241 и въ *Annales Archeologiques par Didron aîné*, t. XII, Paris, 1852, p. 177 sqq.: а построенная Константиномъ римская базилика мучениковъ Петра и Марцеллина, находившаяся на *via Labiaca*, близъ городскихъ воротъ *Porta Maggiore*, и служившая усыпальницей его матери св. Елены, сюда не относится, нѣо она представляла собою круглую башню безъ круга колоннъ внутри и съ куполомъ не надъ центромъ только, — на свѣтъ колоннахъ, а надъ всею ею, т. е. башню, подобную Пантеону и Солунской ротондѣ св. Георгія, — ея планъ и разрѣзъ у *Ciampini* въ *De sacris aedibus*, tab. XXVII, а о ней у *Де-Блэзера* въ *Rome et ses monum.*, p. 402).

ниченный (и заставленный) колоннами терялъ эффектъ широко распространяющагося надъ горизонтомъ неба. Слѣдовательно, дальнѣйшая задача должна была состоять въ томъ, чтобы, во-первыхъ, сдѣлать разными двѣ составныя части, и именно — такъ какъ не могла быть измѣнена форма купола, измѣнить форму нижней части; во-вторыхъ, поставить куполъ надъ нижней частью такимъ образомъ, чтобы при раздробленіи пространства сохранялось единство цѣлаго и чтобы куполъ, сохраняя свой эффектъ, казался распростертымъ надъ всеѣмъ имъ. Въ этомъ дальнѣйшемъ развитіи своей новой формы Константинъ сдѣлалъ то, что придавъ нижней части видъ осмиугольника и что кругъ въ ней для поставленія купола вмѣсто частаго ряда колоннъ образовалъ изъ восьми столбовъ (которыми замѣнены были колонны для большей твердости), поставленныхъ противъ ея восьми угловъ. Черезъ приданіе нижней части заданія формы осмиугольника Константинъ хотѣлъ достигнуть той первой цѣли, чтобы сдѣлать разнообразными двѣ составныя его части, а чрезъ поставленіе рѣдкаго ряда столбовъ вмѣсто частаго ряда колоннъ онъ хотѣлъ достигнуть той другой цѣли, чтобы слить двѣ части въ одно цѣлое, ибо сквозь рѣдкій рядъ столбовъ открывался большой просвѣтъ въ заднее пространство. Ко всему сказанному должно быть прибавлено, что въ самомъ куполѣ Константинъ сдѣлалъ то важное измѣненіе, что пробилъ въ немъ окна, которыхъ у Римлянъ онъ не имѣлъ ¹⁾.

¹⁾ Антиохійскій купольный храмъ Константиновъ не сохранился до настоящаго времени; но онъ, какъ это ясно изъ его описанія у Евсевія (цитата выше), а также изъ описанія Григоріемъ Богословомъ храма построеннаго его отцомъ въ Назіанзѣ и представлявшаго очевидное воспроизведеніе по формѣ Константинова (*Oratio funebris in patrem*, § 39, у *Митя* въ *Patr. t. 35 col. 1038*; воспроизведеніе плана церкви по описанію Григорія у Гюбша, Pl. XIX, № 7), былъ несомнѣнно то самое, что есть осмиугольная церковь св. Виталія въ Равеннѣ, которая несправедливо считается дальнѣйшимъ развитіемъ формы Константиновой (планъ и разрѣзъ св. Виталія: у *Д'Ажвинкура* Pl. XXIII, у *Гюбша* Pl. XXI и XXII, у *Любке* S. 249 и 250). Евсевій пишетъ объ Антиохійскомъ храмѣ: εἶσω δὲ τὸν εὐκτήριον οἶκον εἰς ἀμύχανον ἐπάρας ὕψος, ἐν ὀκταέδρῳ μὲν συνεστῶτα σχήματι, οἰκὸς πλείοσιν, ἐξέδρας τε ἐν κόλφῃ ὑπερφῶν τε καὶ καταγεῖων χωρημάτων, ἀπανταχῶθεν περιεστοιχισμένον (*De vita Const.*). Если внутри храма были кругомъ галлерей нижнія и верхнія, то значить онъ имѣлъ отставленный отъ стѣнъ кругъ столбовъ, между которыми и стѣнами находились галлерей. А если это такъ, то это и будетъ св. Виталій Равеннскій (и то, что мы представляемъ). Не считаемъ нужнымъ выписывать Григорія Богослова, но онъ еще яснѣе говорить о галлерейхъ кругомъ стѣнъ осмиугольника, — ὁρόμοις τε ἀμφιδέτοις ἰσογωνίοις κοιλούμενον.

Форма, данная Константиномъ купольному храму, оставалась въ продолженіе двухъ сотъ лѣтъ до Юстиніана. Этотъ послѣдній произвелъ въ ней еще измѣненіе, которое завершило ея образованіе. Восемь столбовъ, которые поддерживали куполь въ храмахъ Константина, были поставлены одинъ отъ другого такъ рѣдко, что соединяли пространство, находившееся внутри ихъ, съ пространствомъ, находившимся по-за нихъ, въ одно цѣлое. Но все-таки они производили это соединеніе не вполне достаточно; все таки они представляли изъ себя кругъ, который смотрѣлъ замкнутымъ цѣлымъ и мѣшало тому, чтобы поставленный на нихъ куполь казался распростертымъ надъ всѣмъ зданіемъ. Во времена Юстиніана строительная техника достигла того, что куполь могъ быть поставленъ не на кругѣ столбовъ, а на ихъ четверугольничкѣ, и онъ сдѣлалъ то измѣненіе, что поставилъ куполь на четырехъ столбахъ, придавъ вмѣстѣ съ тѣмъ форму четверугольника и нижней части зданія ¹⁾. Черезъ это кругъ разрушился, подкупольная часть дѣйствительно слилась съ боковыми галереями (съ виѣкупольной окружностью) въ одно цѣлое и куполь, простиравшійся надъ серединою зданія, обнялъ какъ бы все его (вслѣдствіе чего для вступающаго въ храмъ перестало быть такъ, чтобы онъ сначала входилъ въ окружную галерею и потомъ уже подъ куполь, а стало такъ, что вступая въ храмъ онъ какъ бы сразу входилъ подъ куполь, хотя на извѣстномъ разстояніи и обнимался имъ только воображаемо).

Такимъ образомъ, купольная церковь въ своей вторичной послѣ Константина и вмѣстѣ окончательной формѣ, какую далъ ей Юстиніанъ,

¹⁾ Отъ Константина до Юстиніана оставалось неизмѣненнымъ то, что куполь ставился на кругѣ восьми столбовъ, ибо постановка купола на четырехъ столбахъ есть именно нововведеніе Юстиніана. Но нижней части повидному была придаваема и другая форма кромѣ осмиугольной. Григорій Нисскій описываетъ построенный имъ храмъ, въ которомъ (если мы его правильно понимаемъ) кругъ восьми столбовъ былъ поставленъ въ зданіи крестообразномъ (письмо 25 къ Амфилохію, у Миня въ *Patr. t. 46, col. 1094 sqq.*). Самъ Юстиніанъ измѣнилъ нижній осмиугольникъ въ четверугольникъ прежде чѣмъ поставилъ куполь на четырехъ столбахъ: въ церкви Сергія и Вакха (нынѣ мечеть Кучукъ-Айя-Софія, т. е. Малая св. Софія), построенной имъ ранѣе Софіи, куполь по старому на кругѣ восьми столбовъ, а низъ имѣетъ форму четверугольника, а не осмиугольника (планъ Кучукъ-Айя-Софіи: у *Ленуара* въ *Architecture monastique, t. 1, p. 257*, и съ разрѣзомъ, —р. 321, у *Зальценберга* въ *Altechristliche Baudenkmale von Constantinopel vom V. bis XII. Jahrhundert, Berlin, 1854*, у *Гюбша* Pl. XXXII и у *Любке* S. 252; о ней см. въ статьѣ: *Griechische Kunst*, помѣщенной, въ энциклопедіи *Эрша и Грубера*, t. 84 S. 395).

стала куполомъ на четырехъ столбахъ надъ центромъ четверугольника. Такъ какъ четверугольникъ явился изъ осмиугольника, бывъ около него описавъ (или въ немъ вписанъ), и такъ какъ его назначеніемъ осталось то же самое, что и сего послѣдняго, — составлять одно цѣлое съ куполомъ, слѣдовательно относиться къ нему во всѣхъ частяхъ одинаково, то повятно, что четверугольникъ долженъ былъ стать квадратнымъ четверугольникомъ. Такимъ онъ и сталъ въ Юстиніановой Софіи и оставался въ первое время, хотя по условіямъ архитектурнымъ и не вполне точно выдерживалъ эту форму, бывъ въ дѣйствительности вмѣсто подлиннаго квадратнаго близкимъ къ квадратному (въ Юстиніановой Софіи при 241 футѣ длины 224 фута ширины); такимъ онъ собственно остался и навсегда, хотя въ позднѣйшее время, подъ вліяніемъ новыхъ явившихся условій, о которыхъ сейчасъ ниже, забывъ о своемъ происхожденіи и назначеніи, и позволяя себѣ въ отдаленныхъ случаяхъ произвольно уклоняться отъ этой формы.

Должно сдѣлать здѣсь оговорку. Юстиніанъ, давъ купольной церкви новую послѣ Константина и вмѣстѣ окончательную форму, прибавилъ къ своей новой формѣ еще побочный вариантъ или побочную разновидность, такъ что въ дѣйствительности онъ создалъ два вида новой формы, — видъ основной, вмѣстѣ ставшій и общимъ, который былъ собственнымъ дальнѣйшимъ развитіемъ формы Константиновой, и видъ, такъ сказать, добавочный, ставшій рядомъ съ основнымъ, какъ исключеніе, относительно происхожденія котораго должно думать или такъ, что онъ былъ модифицированіемъ основнаго, или — что гораздо вѣроятнѣе — такъ, что Юстиніанъ приложилъ куполь къ прежде существовавшей формѣ некупольной. Здѣсь мы будемъ говорить единственно объ основномъ видѣ формы, а къ виду побочному, который также перешелъ и къ намъ, мы возвратимся послѣ. Такъ какъ здѣсь мы не имѣемъ нужды, то вовсе не будемъ распространяться и о томъ, въ чемъ состоялъ побочный видъ (тѣмъ болѣе, что это можетъ внести смуту въ представленія читателя).

Первый образецъ купольной церкви въ ея окончательной формѣ представляетъ собою знаменитая Константинопольская св. Софія, построенная Юстиніаномъ въ 537 году (въ продолженіе 6-ти лѣтъ, начиная съ 532 г.) и возобновленная имъ послѣ поврежденія землетрясеніемъ въ 563 году ¹⁾.

¹⁾ Подробныя и обстоятельныя изображенія св. Софіи на рисункахъ: у *Фоссапи* въ *Aya Sofia Constantinople, as recently restored et caet., 1852*, и у *Замценберга* въ *Altchristliche Baudenkmale* (для нагляднаго ознакомленія бо-

Основываясь на тождествѣ имени нашей Кіевской Ярославской Софіи съ Софіей Юстиніановой и руководствуясь апріорическими соображеніями, у насъ утверждали (и до сихъ поръ нѣкоторые утверждаютъ), что наша Софія есть не что иное, какъ уменьшенный снимокъ съ Юстиніановой Софіи. А такъ какъ всѣ наши большія церкви домонгольскаго періода суть снимки съ Ярославовой Софіи, то изъ этого слѣдовало бы, что и всѣ онѣ суть уменьшенные снимки съ Юстиніановой Софіи. Но первое утверждали (и утверждаютъ) совершенно несправедливо. Дѣйствительность не сходится съ апріорическими соображеніями потому, что наша Софія есть произведеніе греческой архитектуры XI вѣка, а между тѣмъ—съ одной стороны, окончательно установленный Юстиніаномъ типъ купольной церкви, бывъ окончательно установленъ имъ относительно того, что подъ куполомъ, имѣлъ дальнѣйшую исторію относительно самаго купола; съ другой стороны, Юстиніанова Софія, устанавливая новый типъ, въ тоже время еще удерживаетъ нѣчто изъ типа предшествующаго, что было послѣ оставлено. Юстиніанъ поставилъ куполь вмѣсто круга восьми столбовъ на четвероугольникѣ четырехъ столбовъ: это осталось навсегда и въ этомъ наша Софія и всѣ другія наши церкви, какъ большія, такъ и малыя, тождественны съ его Софіей. Но, во-первыхъ, куполь его Софіи есть сферическій, а въ позднѣйшее время онъ получилъ иную форму и на нашей Кіевской Софіи и другіяхъ нашихъ церквахъ является въ этой иной формѣ; во-вторыхъ, куполь на его Софіи только одинъ, а между тѣмъ въ позднѣйшее время явилось многокуполіе, и наша Софія, съ другими большими нашими церквами, ее воспроизводящими, есть именно церковь многокуполная. Что касается до стараго, чего уже нѣтъ въ позднѣйшихъ церквахъ, но что еще удерживаетъ Юстиніанова Софія, то оно состоитъ въ томъ, что куполь его Софіи имѣетъ подъ собою шесть полукуполовъ, которые подставлены подъ него и которые всѣ вмѣстѣ составляютъ съ нимъ одно цѣлое. Довольно трудно понять это;

лѣе первая, для обстоятельнаго изученія болѣе вторая); ея описанія: у *Дюканжа* въ Constantinopolis Christiana, lib. III, у *Византія* въ Константинополь, I, 464, въ статьѣ Griechische Kunst Энциклопедіи *Ерша* и *Грубера*, t. 84 S. 396; ея планы, фасады и разрѣзы: у *Гюбша* Pl. V, у *Лютцова* въ Die Meisterwerke d. Kirchenbaukunst, у *Византія* въ прилож. къ II т., у *Любке* S. 253; изъ русскихъ книгъ—въ Сборникѣ Общества древне-русск. искусства при Моск. Публ. Музеѣ на 1866 г., Отд. II къ стр. 4 (одинъ разрѣзъ) и у *Савваитова* въ его изданіи Константинопольскаго Паломника Новгородск. архіеп. Антонія (планъ и разрѣзъ).

но если читатель нѣсколько напряжетъ свое воображеніе и обратится къ помощи плановъ и разрѣзовъ св. Софіи, то, конечно, пойметъ, хотя, можетъ быть, и не совершенно отчетливо. Куполь св. Софіи поставленъ на своихъ четырехъ столбахъ такъ, какъ это обыкновенно дѣлается и какъ это единственно возможно, т. е. на четырехъ столбахъ посредствомъ арокъ поставленъ четверугольный обручъ, а въ четырехъ углахъ этого обруча сдѣланы каморы или раковины (въ нашей архитектурѣ техническое названіе, кажется, паруса), посредствомъ которыхъ верху обруча придана круглая форма (такъ чтобы на него можно было поставить круглый сводъ). Стѣнки обруча, — какъ это единственно возможно, — перекинуты черезъ столбы или поставлены на нихъ посредствомъ арокъ: къ двумъ изъ этихъ арокъ — восточной и западной въ Софіи приставлены полукупола, которые лбами упираются въ арки, а низами передовъ сидятъ на столбахъ купола вмѣстѣ съ нимъ самимъ, затѣмъ въ трехъ ихъ окружностяхъ — боковыхъ и задней вываты арки, посредствомъ которыхъ окружности могли бы висѣть, а паты или ноги между выемками арокъ (одной боковой и задней и другой боковой и задней) сидятъ на двухъ парахъ своихъ особыхъ столбовъ изъ которыхъ одна пара къ востоку, а другая къ западу отъ главныхъ. Въ окружностяхъ полукуполовъ, — мы сказали, — вываты арки затѣмъ, чтобы онѣ могли висѣть (ибо окружности эти ни на чемъ не лежатъ). Къ аркамъ боковыхъ окружностей полукуполовъ приставлены новые меньшіе полукупола, которые лбами упираются въ арки, а окружностями сидятъ на поставленныхъ полуругахъ колоннахъ (подразумѣвается, съ арочками между послѣдними ¹⁾).

¹⁾ Все сказанное нами читатель болѣе или менѣе ясно пойметъ, если, за невозможностію видѣть Фоссати и Зальценберга, обратится просто къ русскимъ книгамъ — плану и разрѣзу у Саввантова и разрѣзу въ Сборникѣ Общества древнерусск. искусства. На планѣ у Саввантова, лѣвая половина котораго представляетъ нижній этажъ церкви, а правая — верхній или полати, онъ видитъ въ серединѣ кругъ, а сзади и спереди круга полукругъ: это — куполь съ восточнымъ и западнымъ большими полукуполами; между передними подкупольными столбами и столбами, стоящими у восточной стѣны, между задними подкупольными столбами и столбами, стоящими у западной стѣны, поставлены полукругами колонны: на этихъ полукругахъ колонны сидятъ своими окружностями четыре меньшіе полукупола. На продольномъ разрѣзѣ церкви у Саввантова видны: прямо — главный куполь, съ боковъ его (но не подъ нимъ) — большіе полукупола, и подъ послѣдними — два меньшіе полукупола. На поперечномъ разрѣзѣ церкви въ Сборникѣ, представляющемъ восточную сторону, видно, какъ восточный большій полукуполь сидитъ подъ куполомъ, а два передніе меньшіе полукупола подъ нимъ (большой полукуполь подъ куполомъ,

Такимъ образомъ, говоримъ, въ Юстиніановой или Константинопольской св. Софіи подъ куполомъ шесть полукуполовъ,—два большихъ къ востоку и западу подъ нимъ самимъ и четыре малыхъ съ боковъ подъ большими. Эту особенность она наслѣдовала, какъ мы сказали, отъ предшествующей или Константиновой формы — купола на кругѣ изъ восьми столбовъ въ восьмиугольномъ зданіи ¹⁾). Какъ объяснять эту особенность, довольно загадочно, но намъ представляется весьма вѣроятнымъ слѣдующее: при кругѣ изъ восьми столбовъ, на которые ставился куполь, церковь все еще раздѣлялась на двѣ части, какъ раздѣлялась и при кругѣ изъ болѣе часто поставленныхъ колоннъ, хотя и не такъ ясно и рѣзко; не имѣя возможности вполне уничтожить при этомъ способъ поставленія купола раздѣленія церкви внизу, придумали уничтожить его сверху, и именно нашими полукуполами: эти полукупола, шедшіе отъ купола висѣвшаго надъ внутреннимъ пространствомъ, въ пространство окружное, тамъ сверху какъ бы захватывали и обнимали послѣднее къ первому (приподнимали изъ перваго въ послѣднее завѣсу) и такимъ образомъ производили ихъ соединеніе. Если вѣрно наше объясненіе, то въ церквахъ съ куполомъ на четвероугольничѣ четырехъ столбовъ они были оставлены потому, что были болѣе не нужны, ибо здѣсь соединеніе (совсѣмъ полное не только верха, но и низа) достигалось инымъ образомъ. Какъ бы то ни было, но вскорѣ послѣ Юстиніановой Софіи они были оставлены. Если справедливо мнѣніе, что Солунская Софія построена при Юстиніанѣ (и даже однимъ изъ мастеровъ, которые строили Софію Константинопольскую), то нашихъ полукупо-

а меньшіе полукупола съ боковъ сего послѣдняго. въ серединѣ же видѣется полукуполь алтарной абсиды).

¹⁾ Принадлежать ли полукупола подъ куполомъ самому Константину или явились въ позднѣйшее время, можетъ быть, не задолго до св. Софіи (Равеннская церковь св. Виталія, построенная въ 526—547 г., въ которой наши полукупола, можетъ быть, составляютъ позднѣйшую прибавку къ Константиновой формѣ осмиугольника и въ которой они явились, можетъ быть, въ первый разъ), это составляетъ вопросъ. Но вѣроятнѣе, кажется, первое: Григорій Нисскій въ указанномъ нами выше описаніи построенной имъ церкви какъ будто говорить о нашихъ полукуполахъ (Авторъ статьи *Griechische Kunst* въ Энциклопедіи Ерша и Грубера, т. 84 S. 336, ссылаясь на одно мѣсто Златоустого, — edit. Montfauc. Paris. altera t. III p. 192 fin., говорить, что въ Константинову Антиохійскую церковь свѣтъ проникалъ сверху изобильно со всѣхъ сторонъ, — *gleichlich von allen Seiten*. Если бы это было такъ, то это указывало бы, что въ церкви были полукупола. Но на самомъ дѣлѣ Златоустый говорить только, что верхъ церкви возвышался на невыразимую высоту, — *αἰ: ὕψος ἀνεστῆκεν ἄφατον*).

ловъ въ ней уже нѣтъ ¹⁾ (Описанные полукупола св. Софіи Константинопольской, которые послѣ были оставлены, по нашему мнѣнію, составляютъ то, что придаетъ ей наибольшій эффектъ: куполь, имѣя подъ собою эти полукупола, представляется какъ бы не сидящимъ на своихъ массивныхъ столбахъ, а висящимъ на нихъ и парящимъ вмѣстѣ ими въ воздухѣ; затѣмъ, всѣ полукупола такъ же въ окнахъ, какъ и куполь; вслѣдствіе этого свѣтъ льется на васъ яво всего верха и какъ бы охватываетъ и пронизываетъ васъ со всѣхъ сторонъ, производя въ первыхъ минуты, какъ вы входите въ церковь, невыразимое очарованіе).

Юстинианова Софія представляетъ собою купольную церковь въ полномъ развитіи ея формы, такъ что далѣе идти было некуда. Далѣе и не пошли. Но послѣ Юстиніана, какъ мы сказали, настала очередь самаго купола.

Мысль купольной церкви есть та, чтобы, распростирая надъ зданіемъ сферическій куполь, выразить идею величественнаго и создать Богу рукотворенный храмъ подобный храму нерукотворенному, подобный той небесной сферѣ, которая распространяется надъ нашими головами. Чтобы быть подобіемъ небесной сферы, сферическій куполь, очевидно, долженъ быть возможно большимъ, ибо иначе онъ будетъ не подобіемъ небесной сферы, а карриатурой. Слѣдовательно, сферически-купольная церковь, чтобы быть вѣрною своей мысли, предполагаетъ зданіе грандіозныхъ и исключительныхъ размѣровъ. Но послѣ Константина и Юстиніана уже и цари не имѣли средствъ созидать такихъ церквей, какія созидали они, а за царями было еще цѣлое общество, которое имѣло нужду въ церквахъ. Такимъ образомъ — или надлежало оставить эту купольную церковь, рассчитанную на средства не обыкновенныя, а только исключительныя, и возвратиться къ базиликѣ, или найти какой-нибудь такой выходъ, чтобы куполь, не превращаясь въ карриатуру, сталъ доступенъ для средствъ обыкновенныхъ. Перваго не могло случиться, потому что, высясь надъ матеріею всѣхъ церквей греческихъ, т. е. Юстиніановой Софіей, куполь, такъ сказать, сталъ священнымъ достояніемъ Грековъ и такою существенною принадлежностью и національною особенностію ихъ церквей, безъ которой и церковь была бы не въ церковь. Слѣдовательно, должно было случиться второе. Оно и случилось. Выходъ изъ указаннаго затрудненія нашли такимъ образомъ, что, сокративъ діаметръ купола, вмѣсто убавленной

¹⁾ Плянъ и разрѣзъ у *Техсе и Попл. Пуллана* и изъ нихъ въ Сборникѣ: Общества древне-русск. искусства на 1866 г., Отд. II, стр. 24, №№ 3 и 4; о ней см. въ Запискахъ пѣлконника Святой горы, Кіевъ 1864, стр. 13 вѣд.

шири пошли въ высъ: на столбахъ подкупольныхъ начали ставить болѣе или менѣе высокой тамбуръ или барабанъ, иначе трибуну¹⁾, а эту послѣднюю покрывать сферическимъ верхомъ. Малая сфера, поставленная на тамбуръ, конечно, осталась все-таки малою, но этотъ тамбуръ, составляя какъ бы одно съ ней и ее же саму,—ея продолженіе, придавалъ желаемую величину цѣлому, а между тѣмъ въ архитектурномъ отношеніи подобный куполь былъ дѣломъ совершенно удобоисполнимымъ²⁾. Этотъ тамбурный куполь и вошелъ послѣ Юстиніана въ общее употребленіе на мѣсто сферическаго³⁾.

Какъ надъ нашими головами распространяется только одинъ небесный сводъ, такъ и сферическихъ куполовъ надъ церквами, которые служили его подобіемъ и воспроизведеніемъ, могло быть только по одному. Но когда куполь превратился изъ сферическаго въ тамбурный, то мало-по-малу забылась его мысль и идея и онъ сталъ простой архитектурной формой, простымъ архитектурнымъ украшеніемъ. Тогда должны были явиться и многіе купола, ибо чѣмъ болѣе украшеній, тѣмъ лучше, и во всякомъ случаѣ нѣтъ препятствій быть многимъ.

Съ сокращеніемъ діаметра купола, какъ подразумѣвается, сократили и произвольно сокращали размѣры и самыхъ церквей. Вмѣстѣ съ этимъ произошли и другія перемѣны, хотя не существенныя, но о которыхъ для ясности дальнѣйшаго должно сказать. Надъ церковію висятъ не только куполь на своихъ четырехъ столбахъ, но и своды, покрывающіе остальное кругомъ его пространство церкви. Для этихъ сводовъ вмѣстѣ съ столбами купольными, смотря по размѣрамъ цер-

¹⁾ Слово трибуна значить собственно каюдру, но въ средневѣковой латыни оно употребляется и въ нашемъ смыслѣ (*Дюк. Gloss. Latinit*). Погречески тамбурный куполь—*κοιλινδρωτός θόλος*, цилиндрический куполь (*Дюк. Gloss. Graecit. сл. κοιλινδρωτός*).

²⁾ Тамбуръ съ прямыми стѣнами гнететь внизъ, а не въ бока, какъ сферическій куполь, и слѣдовательно не распираетъ столбовъ, какъ послѣдній. Чтобы противодѣйствовать этому распору въ Константинопольской св. Софіи, должны были подпереть ее снаружи громаднѣйшими контрфорсами, которые отнимаютъ у нея всякій наружный видъ, если не смотрѣть на нее съ какого-нибудь мѣста, откуда бы видимъ былъ только куполь.

³⁾ Куполь Солунской Софіи болѣе тамбурный, чѣмъ сферическій. Если справедливо, что нынѣшній Іерусалимскій храмъ Воскресенія построенъ патр. Модестомъ въ началѣ VII в., послѣ сожженія въ 614 г. Константинова храма Хозроемъ, царемъ персидскимъ (*Ἱεροσολυμιάς ἤτοι ἐπίτομος ἱστορία τῆς ἁγίας πόλεως Ἱεροσολῶν, ὑπὸ Γρηγορίου τοῦ Παλαμᾶ, ἐν Ἱεροσολύμοις, 1862, стр. 385 sqq.*), то его куполь (самаго храма, но не ротонды надъ гробомъ Господнимъ) совсѣмъ тамбурный.

кви, могутъ быть нужны еще особыя подпоры. Въ Юстиніановой Софiи эти особыя подпоры состоятъ изъ четырехъ столбовъ сверхъ такого же числа столбовъ подкупольныхъ. Именно—Юстиніанъ развернулъ кругъ изъ восьми столбовъ Константиновыхъ въ продолговатый четвероугольникъ, на четырехъ среднихъ столбахъ поставилъ куполь, а два и два—одни къ востоку отъ среднихъ, другіе къ западу, имѣли помогать этимъ среднимъ или купольнымъ столбамъ въ поддержаніи сводовъ (которые въ Юстиніановой Софiи въ значительной степени замѣняются полукуполами, о которыхъ мы сказали выше). Въ большихъ послѣдующихъ церквахъ, хотя онѣ были и значительно менѣе Юстиніановой Софiи, осталось то же число восьми столбовъ, что и въ ней, только столбы были тѣснѣе сдвинуты. Затѣмъ — шесть столбовъ: четыре подкупольныхъ и два лишнихъ, и четыре столба, т. е. одни подкупольные, на которыхъ (вмѣстѣ съ стѣнами) висѣли куполь и своды. То-есть, въ отношеніи къ числу столбовъ церкви раздѣлились на три класса: осмистолпныя, шестистолпныя и четырехстолпныя.

Другая переимѣна состояла еще въ томъ, что куполы тамбурные, какъ болѣе легкіе, начали ставить не только на столбахъ, но и на колоннахъ ¹⁾.

Такимъ образомъ, послѣ Юстиніана купольная церковь у Грековъ, бывъ принуждена измѣнить своей идеѣ, замѣнила сферическій куполь тамбурнымъ, вмѣстѣ съ чѣмъ потерялъ свою силу и законъ единокуполия и обратилось въ дѣло произвольное—ставить одинъ куполь или многіе.

Наши купольныя церкви домонгольскаго періода представляютъ собою воспроизведеніе церковей греческихъ въ томъ ихъ позднѣйшемъ видѣ, который онѣ получили послѣ Юстиніана, и съ тѣми ихъ позднѣйшими законами, которые онѣ усвоили послѣ него, т. е. куполь тамбурный, а не сферическій, и одновременно—единокуполие и многокуполие.

Мы сказали, что наши церкви при единствѣ и тождествѣ съ греческими въ общемъ и существенномъ отличаются отъ нихъ нѣкоторыми разностями и особенностями въ частностяхъ. Эти разности и особен-

¹⁾ Въ позднѣйшее время въ иныхъ мѣстностяхъ, каковъ наприм. Аеонъ, колонны господствуютъ исключительнымъ образомъ (и у насъ колонны вмѣсто столбовъ, по подражанію Аеону, входили въ употребленіе, если не вездѣ, то по крайней мѣрѣ въ Галиціи. Но извѣстія объ этомъ относятся уже ко времени послѣ вшествія Монголовъ, см. Ипатьевую лѣтопись подъ 1259-мъ годомъ, 2 изд. стрр. 558 и 559).

ности состоятъ: 1) въ способѣ постановки купола и куполовъ,—одного и многихъ, и въ соединенной съ симъ формѣ сводовъ, 2) въ мѣстѣ постановки купола и куполовъ въ церквахъ осми—и шестистолпныхъ, 3) (можетъ быть) въ относительной величинѣ куполовъ, 4) въ формѣ оконъ, 5) въ формѣ дверей, 6) въ орнаментовкѣ или раздѣлкѣ стѣнъ церквей съ наружной стороны и наконецъ 7) въ формѣ кровель.

Куполь, какъ мы сказали, ставится на свои столбы (или колонны) посредствомъ четверугольнаго арочнаго обруба. У Грековъ и у насъ этотъ обрубъ ставился не на одной высотѣ въ отношеніи къ высотѣ стѣнъ церкви. У Грековъ онъ ставился такимъ образомъ, что весь возвышался надъ линіею стѣнъ церкви, такъ что у нихъ возвышался надъ эту линіею не только куполь, но и самый четверугольный обрубъ, на который поставленъ куполь ¹⁾. У насъ обрубъ ставился такъ, что его верхъ, а не низъ приходился въ ровень съ линіею стѣнъ церкви, такъ что онъ былъ не поверхъ этой линіи, а ниже ея, внутри церкви, надъ линіею стѣнъ которой у насъ возвышался только куполь (безъ обруба). Вслѣдствіе этой разности въ постановкѣ обруба выходила разность въ формѣ покрывающихъ церковь сводовъ. У Грековъ отъ четырехъ арокъ обруба (выставлявшихся изъ-за стѣнъ или поверхъ стѣнъ церкви) проводились бочкообразные своды на соотвѣтствующія стѣны церкви (т. е. каждый на стѣну своей стороны), на которыхъ они закрывались со внѣ (т. е. дыры ко внѣ между стѣнами и ихъ на стѣнахъ дугами) посредствомъ фронтоновъ, и затѣмъ сводами ниже стѣнъ церкви покрывались только тѣ четверугольники (четверугольныя закоморы или четырехугольныя лоскуты, вырѣзки), которые оставались по-за этимъ верхнимъ сводамъ въ промежуткахъ между ними къ угламъ церкви. Такимъ образомъ, у Грековъ не вся площадь сводовъ висѣла на одной высотѣ, но часть ихъ была выше и поверхъ линіи стѣнъ церкви, другая ниже ея, и первая часть образовывала собою поверхъ стѣнъ церкви крестъ (который имѣлъ центромъ своимъ куполь и отъ него шель концами на стѣны церкви) ²⁾. У насъ напротивъ всѣ своды

¹⁾ См. для образца фасадъ Солунской церкви свв. Апостоловъ (теперь мечети Соукъ-су-Джамиси,—Itinaire de l'Orient *Изамбера*, 2 изд. р. 718) въ нѣсколько разъ помянутомъ выше Сборникѣ Общества древне-русск. искусства на 1886 г., Отд. II, къ стр. 27 № 3, и у *Любке* фасадъ церкви Вожіей Матери въ Константинополѣ (Θεοτόκου τοῦ Λιβός, построенной при импер. Львѣ философѣ, *Дюк. Constantinop. christ., lib. IV, № 26*, теперь мечети Зерекъ-Джамиси,—*Изамбергъ* *ibid.* р. 556), S. 259.

²⁾ См. сейчасъ указанный фасадъ Солунской церкви свв. Апостоловъ.

деревя составляли одну и на одной высотѣ висѣвшую (разумѣется, зовнообразную) площадь (какъ покрывалась у насъ эта площадь крышей, скажемъ ниже) ¹⁾.

Изъ сейчасъ сказаннаго о различіи формы сводовъ въ греческихъ церквахъ и въ нашихъ слѣдуетъ, что и многокуполіе у Грековъ и у насъ должно было выйти различнымъ. Если читатель хорошо повалъ и ясно представляетъ себѣ то, что мы сейчасъ сказали о верхахъ церкви греческихъ, то онъ видитъ, что на церквахъ греческихъ побочные куполы не могли быть ставимы на одной плоскости съ главнымъ, потому что это невозможно было при сейчасъ упомянутыхъ перекрестьяхъ. Единственными мѣстами на церквахъ греческихъ, гдѣ могли быть ставимы побочные куполы, были четырехугольныя впадины или заморы между перекрестіями. Поставленные въ этихъ впадинахъ побочные куполы должны были приходиться значительно ниже главнаго ²⁾. У насъ наоборотъ, по свойству нашей постановки главнаго купола, побочные куполы должны были ставиться на одной съ нимъ плоскости. Вслѣдствіе этого видъ церквей многокупольныхъ греческой и нашей существенно различный: у насъ многіе куполы представляли изъ себя одно цѣлое и какъ бы одинъ кустъ, составляли нѣчто выдающееся и бросающееся въ глаза, характеристическую черту; напротивъ у Грековъ многокуполіе есть нѣчто вовсе не выдающееся и не характеризующее, такъ что оно и замѣчается не сразу, а только когда обойдешь кругомъ церковь или будешь смотрѣть на нее съ высоты птичьяго полета. У Грековъ многокуполіе не составляло одного цѣлага (на взглядъ разумѣется, а не въ болѣе реальномъ смыслѣ); вслѣдствіе этого у нихъ не могло быть и непремѣнной заботы о симметріи куполовъ. У нихъ могла быть эта забота только въ отношеніи побочныхъ куполовъ между собою, но не въ отношеніи побочныхъ куполовъ къ главному. Если въ одномъ углу ставился куполь, то, конечно, долженъ былъ ставиться куполь и въ другомъ углу одного и того же фаса,—и этимъ и могла кончатся забота о симметріи. Напротивъ у насъ, по указанной выше причинѣ, необходимо должна была явиться забота о симметріи побочныхъ куполовъ въ отношеніи къ главному, и всякому понятно, что эта забота объ общей симметріи всѣхъ куполовъ требовала именно числа пяти, а не большаго и не меньшаго. У Грековъ

¹⁾ Исключеніе въ семь отношеніи представлялъ Владимірскій Успенскій соборъ Боголюбскаго, о чемъ сейчасъ ниже.

²⁾ См. тѣ же фасады Солунской церкви Апостоловъ и Константинопольской Божіей Матери.

бывало по три купола, именно — два побочных на переднихъ или на заднихъ углахъ церкви, затѣмъ съ куполами надъ нартексомъ или папертью по четыре, по пяти и до восьми — пять на церкви и три (въ одну линію) надъ папертью¹⁾. Напротивъ, у насъ куполовъ могло быть именно пять, ни болѣе ни менѣе.

Что единственно могло быть, то, конечно, было и на самомъ дѣлѣ. Но при этомъ или на двухъ нашихъ многокупольныхъ церквахъ домонгольскаго періода или по крайней мѣрѣ на одной изъ нихъ, именно — на Десятинной церкви Владимировой и на Софіи Ярославовой или же на одной второй къ пяти дѣйствительнымъ или настоящимъ куполамъ прибавлено — на первой весьма значительное, а на второй значительное количество малыхъ ненастоящихъ куполовъ или полукуполовъ, такъ что церкви, бывъ по дѣйствительнымъ куполамъ пятикупольными, при счетѣ съ дѣйствительными куполами и этихъ малыхъ куполовъ или полукуполовъ были не пятикупольными, а первая, т. е. Десятинная, 25-тикупольною, а вторая, св. Софія, — 13-тикупольною. Обстоятельнѣе скажемъ объ этомъ ниже, въ нарочитыхъ рѣчахъ о той и другой церкви.

Мѣстомъ купола въ церквахъ однокупольныхъ — единственнаго, а въ церквахъ многокупольныхъ главнаго, должна быть середина церкви, т. е. надъ нею онъ долженъ висѣть. У Грековъ это всегда такъ и было, насколько совмѣщалось съ другими условіями. Но у насъ это было не всегда такъ. Церкви, какъ мы сказали, смотря по ихъ величинѣ, имѣли по восьми столбовъ, по шести и по четыре. Въ церквахъ малыхъ, имѣвшихъ по четыре столба, куполь у Грековъ и у насъ ставился на одномъ и томъ же мѣстѣ, — на этихъ четырехъ столбахъ. Но если церковь имѣла шесть или восемь столбовъ, то куполь у насъ ставился не на одномъ и томъ же мѣстѣ съ ними. Если церковь имѣла шесть столбовъ, то у нихъ куполь ставился на четырехъ заднихъ столбахъ, а два прибавочные какъ бы приставлялись спереди; если она имѣла восемь столбовъ, то куполь ставился на четырехъ среднихъ, а прибавочные — два спереди и два сзади. Мы сказали, что куполь всегда ставился надъ серединой церкви, насколько это совмѣщалось съ другими условіями: въ церквахъ четырехстолпныхъ и восьми-столпныхъ онъ ставился надъ дѣйствительной серединой церкви, но поелику передняя часть послѣдней по первые столбы подкупольные

¹⁾ А на нѣкоторыхъ Афонскихъ церквахъ, у которыхъ паперти равны по величинѣ самымъ церквамъ, такъ что составляютъ какъ бы заднія церкви, по десяти куполовъ — пять на самой церкви и пять на паперти.

или прибавочные захватывается олтаремъ, то онъ казался внутри церкви повѣшеннымъ не на серединѣ, а нѣсколько къ переду; въ церквахъ шестистолпныхъ невозможно поставить купола на дѣйствительной серединѣ, и онъ ставился надъ той серединой внутри церкви, которая являлась въ ней по захватѣ переднихъ столбовъ олтаремъ, при чемъ недѣйствительная середина этихъ послѣднихъ церквей внутри какъ разъ приходилась серединой по отдѣленіи передней части къ олтарю. У насъ въ церквахъ шестистолпныхъ и осмистолпныхъ куполь ставился не такъ, какъ у Грековъ, а именно — онъ всегда ставился на четырехъ переднихъ столбахъ, а прибавочные два и четыре всегда какъ бы приставлялись сзади. Такимъ образомъ, у насъ въ церквахъ осмистолпныхъ и шестистолпныхъ куполь висѣлъ не на дѣйствительной серединѣ, какъ у нихъ въ первыхъ, и не ближе къ заду, какъ во вторыхъ, а въ тѣхъ и другихъ ближе къ переду. Отъ этой разности въ постановкѣ главнаго купола выходила новая разность между нашими пятикупольными церквами и греческими въ отношеніи къ куполамъ побочнымъ. У Грековъ такъ же, какъ и у насъ, побочные четыре купола ставились въ равномъ разстояніи отъ главнаго. Вслѣдствіе этого у нихъ въ церквахъ шестистолпныхъ два задніе купола ставились на заднихъ углахъ, а два передніе подвинувшись отъ угловъ назадъ; въ церквахъ осмистолпныхъ—или тѣ и другіе на углахъ, или тѣ и другіе подвинувшись отъ нихъ. У насъ напротивъ передніе боковые купола всегда были на восточныхъ углахъ, а задніе всегда пододвигались отъ угловъ къ переду ¹⁾).

Наши русскіе купола совершенно одно и тоже съ куполами греческими по своей формѣ, т. е. какъ одни, такъ и другіе—тамбуръ или

---

¹⁾ См. въ Собраніи картъ, плановъ и рисунковъ къ Трудамъ перваго Археологическаго съѣзда, Москва, 1871, планы церквей греческихъ и нашихъ (а Московскій житель можетъ пойти въ Успенскій соборъ и посмотрѣть, какъ поставлены на немъ купола). Въ отношеніи къ побочнымъ куполамъ представляетъ исключеніе Владимірскій Успенскій соборъ Боголюбскаго. Своды его устроены болѣе по гречески, тѣмъ по нашему, а именно «средніе большіе своды расположены надъ нимъ въ видѣ высоко поднимающагося надъ остальными малыми сводами, распростертаго надъ храмомъ креста, концы котораго прищипываютъ къ основанію трибуна, находящагося подъ главою» (т. е. главнымъ куполомъ,—слова *протоіеря А. Виноградова* въ Исторіи собора, напеч. въ 1891 г. и цитуемой болѣе обстоятельнымъ образомъ ниже, стр. 7 прим.). По этому устройству сводовъ собора побочные купола могли быть поставлены на немъ только по—за сейчасъ указанному кресту сводовъ, гдѣ они и поставлены, бывъ такимъ образомъ значительно отдалены отъ главнаго купола и сдѣя значительно ниже его.

барабанъ съ сферическимъ покровомъ. Но наши купола отличаются отъ греческихъ,—не можемъ сказать дѣйствительно, или только воображаемо и оптически, своей величиной относительно величины церквей и взаимной пропорціей между вышиной и шириной или объемомъ ихъ тамбуровъ; именно—наши купола въ отношеніи къ величинѣ церквей представляются меньшими куполовъ греческихъ, а въ отношеніи къ пропорціи между вышиной и объемомъ своихъ тамбуровъ представляются значительно сокращающими объемъ противъ вышины и переходящими, такъ сказать, въ шею. Вслѣдствіе этого видъ нашихъ куполовъ и греческихъ, при совершенномъ единствѣ формы, настолько различный, что они, бывъ поставлены одинъ подлѣ другаго, тотчасъ же могутъ быть отличены. Такъ какъ греческіе купола въ отношеніи къ величинѣ церквей представляются ббльшими, чѣмъ наши, а въ пропорціональномъ отношеніи между вышиной и объемомъ тамбуровъ или барабановъ болѣе широкими, чѣмъ послѣдніе: то на видъ въ греческихъ куполахъ преобладаетъ, если позволительно такъ выразиться, сферичность надъ шейностію, а въ нашихъ наоборотъ—шейность надъ сферичностію, такъ что гѣ представляются болѣе сферами, поставленными на шеяхъ, а наши болѣе шеями, имѣющими сферическіе покровы сверху ¹⁾. Если бы это не только представлялось, но и на самомъ дѣлѣ было такъ, то это значило бы, что греческіе купола болѣе близки къ первоначальной настоящей сферѣ, чѣмъ наши, и что они находятся какъ бы въ первой стадіи удаленія отъ нея, тогда какъ наши во второй. Но мы сказали, что не можемъ утверждать — дѣйствительное ли различіе или только воображаемое. По нашимъ смеканіямъ и измѣреніямъ какъ будто послѣднее; но такъ какъ въ этомъ случаѣ мы вовсе не можемъ положиться на себя, то и предоставляемъ рѣшить дѣло людямъ компетентнымъ. Если различіе воображаемое или оптическое, то оно можетъ быть объясняемо, во-первыхъ—тѣмъ, что купола греческіе снаружи наибольшею частію не круглые, какъ наши, а многогранные, каковая форма оптически увеличиваетъ объемъ противъ круглой; во-вторыхъ—тѣмъ, что купола греческіе обыкновенно обставлены по окнамъ болѣе или менѣе толстыми колонками, тогда какъ наши или совсѣмъ не обставлены ими или обставлены весьма тонкими, а это еще болѣе должно увеличивать ихъ объемъ противъ нашихъ ²⁾.

¹⁾ См. сейчасъ выше указаннаго Собранія картъ, плановъ и пр. листъ IX, на которомъ купола греческіе и наши.

²⁾ Кто видалъ св. Марка Венеціанскаго, тотъ припомнитъ, что купола его снаружи кажутся меньшими, чѣмъ въ дѣйствительности, отъ того, что—не многогранные, а какъ наши—круглые и безъ колонокъ между окнами.

У Грековъ окна въ церквахъ дѣлались большія и разнообразной формы. Обыкновенная форма окна была продолговатый четверугольникъ съ полукруглымъ или дугообразнымъ верхомъ; затѣмъ, были окна полуциркульные, малыя и большія, — первыя со раздѣленіемъ по длинѣ посредствомъ колонокъ или прокладенныхъ узкихъ стѣнокъ на двое или на трое и безъ сего раздѣленія, вторыя кромѣ раздѣленія по длинѣ на трое еще съ раздѣленіемъ по ширинѣ, — длинныя окна двойныя и тройныя и пр. ¹⁾. Количество оконъ, на сколько это позволяли архитектурныя условія, было весьма велико. Особенно стѣны на полатахъ или верхнихъ галлерейхъ состояли такъ сказать сплошь изъ оконъ. Напротивъ у насъ въ Россіи оконъ въ церквахъ было весьма не много и онѣ были весьма небольшія, именно — будучи тѣмъ же, что греческія обыкновенныя, т. е. продолговатыми четверугольниками съ полукруглыми верхами, онѣ были четверугольниками чрезвычайно узкими, представлявшими изъ себя какъ бы простыя щели ²⁾.

Двери въ церквахъ у Грековъ имѣли верхній вырѣзъ горизонтальный и прорѣзка для нихъ въ стѣнахъ была дѣлаема прямая. У насъ двери въ церквахъ имѣли верхній вырѣзъ не горизонтальный, а полукруглый, и прорѣзка для нихъ въ стѣнахъ дѣлаема была не прямая, а скошенная съ широкой стороны откоса къ наружи; откосы были уставляемы колонками въ перемежку съ трехъугольными выступами и черезъ колонки и выступы по полукруглому верху, тоже скошенному, были перекидываемы (накладываемы) соответственной формы дуги ³⁾.

Раздѣлка стѣны съ наружной стороны можетъ быть двоякая — посредствомъ окраски и посредствомъ выкладки, т. е. въ послѣднемъ случаѣ посредствомъ выкладки въ стѣнахъ орнаментныхъ углубленій и выпуклостей. Мы разумѣемъ единственно вторую раздѣлку, а что касается до первой, то объ ней не можетъ быть и рѣчи, потому что образцовъ древней окраски вовсе не сохранилось. Греки почти совсѣмъ не раздѣляли наружной стороны церковныхъ стѣнъ въ сейчасъ указанномъ смыслѣ: они выкладывали ихъ совершенно гладкой и совершенно ровной плоскостью и только обводили кругомъ ихъ однимъ или

¹⁾ См. разрѣзъ св. Софіи у Любеке или Саввантова и Сборника Общ. древне-русск. иск. на 1866 г. Отд. II. листъ рисунковъ къ стр. 27.

²⁾ Помянутого собранія картъ, плановъ и пр. листы IX, XVII, XVIII и XXI.

³⁾ Русскія двери см. по указанному въ предъидущемъ примѣчаніи, а греческія тамъ же л. VIII и въ Сборникѣ Общ. древне-русск. иск. на листѣ рисунковъ къ стр. 27, №№ 3 и 4.

нѣсколькими карнизами, за исключеніемъ или сверхъ того, который подъ кровлею, и на подобіе тѣхъ, которые у насъ въ многоэтажныхъ домахъ дѣлаются между этажами; карнизы эти дѣлались весьма малыми, такъ что ооясывали стѣны чуть чуть замѣтною лентой ¹⁾. У насъ напротивъ наружныя стѣны церквей обыкновенно извѣстнымъ образомъ раздѣлывались. Раздѣлка состояла въ томъ, что стѣна по всей ея ширинѣ разбивалась на опредѣленное количество глухихъ или фальшивыхъ арокъ, которыя простирались въ длину по всей ея длинѣ отъ верху до низу. Опредѣленное количество соответствовало количеству дѣйствительныхъ арокъ, находившихся внутри церкви между столбами и стѣнами къ каждой сторонѣ, т. е. сколько было дѣйствительныхъ арокъ внутри церкви къ каждой сторонѣ, столько было дѣлаемо на каждой стѣнѣ и фальшивыхъ арокъ снаружи: если церковь, напр., четырехстолпная, то внутреннихъ арокъ въ каждой сторонѣ будетъ по три,—по три дѣлалось и наружныхъ арокъ; если церковь шестистолпная, то внутреннихъ арокъ къ восточной и западной сторонамъ будетъ по три, а къ южной и сѣверной по четыре, — по столько дѣлалось и арокъ и т. д. Самый способъ раздѣлки стѣнъ арками мы находимъ у насъ въ двоякомъ видѣ, именно — дѣлалось или такъ, что площадь стѣнъ разбивалась на соответственное количество особыхъ и самостоятельныхъ арокъ съ полукруглыми верхами, или такъ, что сначала вся площадь стѣны раздѣлывалась въ одну большую арку и потомъ эта одна арка посредствомъ прокладки въ ней перегородокъ раздѣлялась на частнѣйшія арки, причемъ должно было выходить такъ, что съ полукруглымъ верхомъ являлась одна середняя, а боковыя съ верхами, составлявшими только отрѣзки полукруга. Последняго рода арки мы находимъ у насъ въ видѣ тройчатокъ, но не болѣе; какъ таковыя онѣ могли быть употребляемы только на тѣхъ малыхъ церквахъ, у которыхъ наружныхъ арокъ по соответствію съ внутренними на всѣхъ четырехъ стѣнахъ долженствовало быть по три (на церквахъ четырехстолпныхъ). Эти арки составляютъ особенность архитектуры Новгородской, въ которой мы видимъ ихъ на нѣкоторыхъ малыхъ церквахъ, и какъ таковыя могутъ быть названы Новгородскими тройчатками ²⁾. Дру-

¹⁾ См. фасадъ Константинопольской церкви Божіей Матери Lips у Любке S. 259.

²⁾ См. ихъ на фасадѣ Новгородской церкви Спаса Преображенія въ поманутомъ Собраніи картъ, плаговъ и пр., т. IX, № 11, и въ изданіи *гг. Толстова и Кондакова* Русскія древности въ памятникахъ искусства, выпускъ VI, Спб. 1899, фиг. 145; также на фасадѣ церкви XIII вѣка Псковской губерніи, помѣщенномъ въ журналѣ Нива, 1878 г. № 35.

гаго рода арки,—въ извѣстномъ соотвѣтственномъ количествѣ отдѣльныя и самостоятельныя съ полукруглыми верхами, составляютъ нашъ обычный родъ арокъ, т. е. за исключеніемъ нѣкоторыхъ малыхъ Новгородскихъ церквей—общеупотребительный. Но онѣ въ свою очередь подраздѣляются на два частнѣйшіе вида, именно—насколько извѣстна наша архитектура—Новгородскій и Владимирскій. Новгородскія обычныя арки представляютъ изъ себя одно сплошное поле отъ верху до низу, напротивъ Владимирскія подраздѣляются на два поля—верхнее и нижнее, чтó сдѣлано такимъ образомъ, что верхняя половина нѣсколько углублена противъ нижней. За симъ Новгородскія арки не имѣютъ при себѣ ничего дальнѣйшаго; напротивъ Владимирскія имѣютъ—однѣ положенный подъ низомъ верхняго ихъ поля и по верху нижняго поперечный карнизъ, другія — этотъ карнизъ и затѣмъ поставленные подъ нимъ въ нижнемъ полѣ арокъ ряды столбиковъ или маленькихъ колонокъ и большія колонны, поставленныя въ промежуткахъ между ними—арками (въ томъ числѣ и по угламъ церквей) ¹⁾. У насъ какой-то остракъ, не знаемъ и не понимаемъ—почему, назвалъ фальшивыя арки нашихъ церковныхъ стѣнъ лопатками; у Нѣмцевъ онѣ называются лизенами (*Lisene* единств., *Lisenen* множеств.). Не знаемъ, въ нѣмецкомъ названіи болѣе ли смысла, чѣмъ въ нашемъ, ибо ни одинъ нѣмецъ не объяснилъ его намъ этимологически (какъ будто *Lisene* имѣетъ средство съ французскими *liséré* и *lisière*—кромка, койма); но во всякомъ случаѣ мы по крайней мѣрѣ этого не знаемъ, а поэтому и будемъ употреблять далѣе его, а не наше родное.

Кромѣ самыхъ арокъ или лизенъ, ничѣмъ не украшенныхъ, какъ Новгородскія, или украшенныхъ указаннымъ образомъ, какъ Владимирскія, мы находимъ на стѣнахъ нашихъ церквей, внутри арокъ или по ихъ полямъ, и еще украшенія, и именно двоякаго рода—барельефныя и наоборотъ, если можно употребить здѣсь названіе, горельефныя. Эти украшенія мы находимъ въ Новгородѣ и во Владимирѣ, и въ первомъ не въ обоихъ видовъ аркахъ, а только въ тройчаткахъ, такъ что между этими послѣдними арками и украшениями необходимо подозрѣвается внутренняя связь—появленіе ихъ у насъ отсюда или отъитуда въ совокупности и въ видѣ одного цѣлага. Новгородскія украшенія состоятъ изъ барельефовъ и горельефовъ, именно—на поляхъ арокъ, съ одной стороны, вышукло высѣчены кресты, съ другой стороны—углубленно подѣланы линіи маленькихъ трехъугольниковъ, кусты звѣздочекъ, печуры

¹⁾ Владимирскія арки (лизены) см. въ Сборникѣ картъ, плановъ и пр., листы IX, XVI, XVII, XVIII и XXI.

въ видѣ оконъ—круглыхъ (небольшихъ какъ бы круглыхъ фальшивыхъ продушинъ), квадратныхъ, продолговато-четвероугольныхъ съ полукруглыми и трехугольными верхами. Надлежащимъ образомъ описать этихъ украшеній нѣтъ возможности и составить себѣ о нихъ понятіе можно только по рисунку ¹⁾. Замѣчательную черту ихъ составляетъ то, что онѣ расположены безъ симметріи, въ какомъ-то странномъ *pêle-mêle* или безпорядкѣ, и при первомъ взглядѣ производятъ впечатлѣніе какъ бы какихъ-то кабалистическихъ знаковъ. Украшенія Владимирскія, исключительно барельефныя и совсѣмъ въ другомъ родѣ, состоятъ въ томъ, что или одни верхнія поля арокъ и только слегка или же эти поля и верхи нижнихъ между колонками и совершенно густо или сплошную покрыты небольшими барельефами людей (преимущественно святыхъ), животныхъ, птицъ и деревьевъ ²⁾.

Различіе формы крышъ у Грековъ и у насъ зависѣло отъ различія формы сводовъ. У Грековъ крыши на церквахъ, настлавшіяся на своды такъ, какъ имѣли себя эти послѣдніе, представляли изъ себя тотъ же самый крестъ съ закоморами между его концами, что и они, т. е. крыши сохраняли крестъ сводовъ, бывъ настилаемы отдѣльно на своды верхніе и отдѣльно на своды нижніе въ углахъ между верхними. У насъ крыши отчасти вовсе не имѣли формы креста, отчасти же имѣли ее значительно иную, чѣмъ у Грековъ, и далеко не въ собственномъ смыслѣ, какъ у нихъ. У насъ церкви покрывались крышами двояко. Во-первыхъ, арки или лизены обыкновенныя на церквахъ Владимирскихъ всегда, а на церквахъ Новгородскихъ, какъ должно думать, по крайней мѣрѣ, иногда, именно — по крайней мѣрѣ на церквахъ большихъ, дѣлались такимъ образомъ, что надъ ихъ полукруглыми верхами не накладывалась стѣна горизонтальной линіей, но что онѣ оставались полукругами, образуя на стѣнѣ столько полукруглыхъ фронтоновъ,

¹⁾ См. фасадъ Новгородской церкви Спаса Преображенія въ Собраніи картъ, плановъ и пр., I. IX.

²⁾ Слегка и въ одномъ верхнемъ полѣ украшена барельефами Покровская церковь близъ Боголюбова, построенная Андреемъ Боголюбскимъ; не только въ верхнемъ полѣ, но и въ верхней части нижняго и сплошную украшенъ ими Владимирскій Дмитріевскій соборъ, построенный братомъ Боголюбскаго Всеволодомъ. Покровскую церковь см. въ VI вып. поминутаго изданія гр. Толстова и Кондакова Русскія древности въ памятникахъ искусства, фигг. 35 и 67; Дмитріевскій соборъ — въ изданіи гр. Строганова: Дмитріевскій соборъ во Владимірѣ (на Клязьмѣ), Москва, 1849, и въ сейчасъ указанномъ выпускѣ Русскихъ древностей гр. Толстова и Кондакова, фиг. 44 и многія слѣдующія.

сколько ихъ (арокъ) было на каждой изъ послѣднихъ. Крыша на церквахъ съ подобными верхами арокъ крылась по этимъ верхамъ и такимъ образомъ на каждую сторону она выходила рядомъ полукругомъ ¹⁾. Во-вторыхъ, въ церквахъ Новгородскихъ малыхъ съ лизенами тройчатками (на которыхъ хотѣли дѣлать лизены тройчатками), а также, вѣроятно, большею частію и въ малыхъ съ лизенами обыкновенными на каждой стѣнѣ накладывали трехъугольный фронтонъ и по этимъ фронтонамъ церкви и крыли на каждую сторону двускатниками, т. е. всего четырьмя, которые составляли изъ себя крестъ, имѣвшій центромъ своимъ куполь ²⁾. Этотъ крестъ, въ общемъ смыслѣ формы, былъ тотъ же крестъ, что и греческій, но по своему частнѣйшему виду далеко не то, что онъ: тогда какъ тотъ выдѣлялся изъ крыши, какъ рѣзко и опредѣленно очерченный, какъ настоящий крестъ, у насъ только вся крыша имѣла форму креста или крестовую.

Всѣ указанные нами частныя отличія русскихъ церквей отъ греческихъ были слѣдствіемъ измѣненій, сдѣланныхъ въ архитектурѣ первыхъ въ сравненіи съ послѣдними. Но было еще отличіе, проистекавшее изъ отсутствія и недостатка, которое, не производя измѣненія въ собственномъ смыслѣ, должно было существенно производить измѣненіе вида тѣмъ, что нѣчто, составлявшее принадлежность греческихъ церквей, у насъ просто отсутствовало. Мы разумѣемъ колонны. Въ Греціи, отъ глубокой древности странъ каменной архитектуры (хотя классическая Греція все время удерживала каменную архитектуру на «деревянномъ дѣлѣ»), извѣщавшія изъ мрамора или изъ другаго подобнаго камня колонны составляли такую же простую вещь, какъ всѣ вообще [матеріалы камнестроенія (а классическіе Греки полагали въ колоннахъ, которыя довели они до неподражаемой степени совершенства, такъ сказать, всю суть). Составляя необходимую орнаментную или украсительную принадлежность всѣхъ мало мальски хорошихъ зданій, онѣ составляли таковую принадлежность и церквей. Въ церквахъ колонны помѣщались по продольнымъ линіямъ купольныхъ столбовъ — между ними и позади ихъ, и именно въ два яруса — въ ниж-

¹⁾ См. Владимірскіе Успенскій и Дмитріевскій соборы и Покровскую церковь, также Переяславскій Преображенскій соборъ, у *гг. Толстова и Кондакова* въ указанномъ выпускѣ Древнихъ памятниковъ, фигг. 32, 33, 35, 44 и 45.

²⁾ См. въ Собраніи картъ, плановъ и пр. новгородскую церковь Спаса Преображенія и у *гг. Толстова и Кондакова* въ томъ же выпускѣ Древнихъ памятниковъ три новгородскія церкви, именно: Петра и Павла, того же Спаса Преображенія и Феодора Стратилата, — фигг. 144—146.

немъ этажѣ (на полу самой церкви) для поддержанія вмѣстѣ съ столбами такъ называемыхъ полатей или верхнихъ галлерей, въ верхнемъ этажѣ или на этихъ полатяхъ для поддержанія вмѣстѣ съ тѣми же столбами арочныхъ стѣнъ того подкупольнаго обруба или сундука, о которомъ мы говорили выше ¹⁾). Такимъ образомъ, греческая церковь представляла открытую середину и съ обѣихъ сторонъ двухъярусные ряды колоннъ (съ купольными и добавочными къ купольнымъ столбами между ними). Ничего подобнаго не могло быть у насъ въ Россіи, ибо у насъ не было мрамора или другаго нужнаго камня и вовсе не было мастеровъ для обдѣлки; колонны какъ величайшая рѣдкость, и притомъ не настоящія колонны, а только колонки, могли быть привозимы къ намъ единственно изъ Греціи. Полагаемъ, у всякаго читателя настолько живо воображеніе, чтобы представить, что съ помянутыми рядами колоннъ и безъ нихъ церкви должны были имѣть совершенно различный видъ. Съ наружной стороны церкви колонны употреблялись у Грековъ, во-первыхъ, для устройства портика или галлерей вдоль западной стѣны церкви или же со всѣхъ трехъ сторонъ ея, за исключеніемъ стороны восточно-алтарной, — такъ называемаго эксонартекса (внѣшней паперти, о которой ниже), во-вторыхъ, въ небольшомъ или уменьшенномъ размѣрѣ колонокъ для украшенія оконъ самыхъ церквей и ихъ куполовъ. И наружному виду греческихъ церквей, какъ и внутреннему, колонны и колонки придавали весьма большое своеобразие, или говоря исторически, т. е. хотимъ сказать—хронологически: наши русскія церкви, вслѣдствіе отсутствія колоннъ и колонокъ, весьма значительно должны были отмѣниться отъ церквей греческихъ.

Итакъ, наши каменные церкви домонгольскаго періода по своей архитектурной формѣ суть церкви греческія, а не что-либо новое и вовсе не что-либо иное. Но будучи этими церквами или воспроизведеніемъ и повтореніемъ этихъ церквей въ существѣ и въ общемъ, онѣ до нѣкоторой степени уклонились отъ нихъ въ частности и составляютъ какъ бы ихъ разновидность. Специфическіе признаки, которые мы находимъ въ нашихъ церквахъ, иначе—частные признаки ихъ отклоненія отъ церквей греческихъ, не случайны въ нихъ и не разнообразны, такъ чтобы каждая церковь была сама по себѣ, но тверды и единообразны, такъ что всѣ онѣ представляютъ изъ себя въ полномъ смыслѣ одинъ классъ или одну категорію (окончательную характеристику ихъ мы сдѣлаемъ ниже). На этомъ основаніи архитектуру русскихъ каменныхъ церквей домонгольскаго періода справедливо будетъ

¹⁾ См. разрѣзъ Софіи Константинопольской въ книгахъ, указанныхъ выше.

назвать стилемъ русскимъ (подразумѣвая, что онъ есть русско-греческій). А такъ какъ въ послѣдствіи времени наши каменные церкви явились съ новыми измѣненіями противъ церквей домонгольскаго періода, то его нужно будетъ точнѣе называть стилемъ русскимъ первымъ или первичнымъ, домонгольскимъ, хотя онъ оставался весьма долгое время и послѣ нашествія Монголовъ.

Отличія нашихъ церквей отъ церквей греческихъ, какъ мы сказали выше, раздѣляются на два класса: однѣ изъ нихъ несомнѣнно принесены къ намъ изъ самой же Греціи и должны быть понимаемы такъ, что наши церкви представляютъ собою воспроизведеніе особаго вида церквей греческихъ; относительно другихъ должно думать, что онѣ или имѣютъ то же происхожденіе или привнесены мастерами западными.

Къ первому классу принадлежатъ всѣ отличія, касающіяся куполовъ, и также отличія формы оконъ.

Что отличія, касающіяся куполовъ, не могли быть привнесены мастерами западными, это понятно и безъ всякихъ положительныхъ доказательствъ: на Западѣ куполовъ не было, слѣдовательно западнымъ мастерамъ нечего и не откуда было приносить. Но во всякомъ случаѣ мы имѣемъ и положительныя доказательства, а именно — представляемая Кіевскимъ Софійскимъ соборомъ. Несомнѣнно, что этому собору построены мастерами греческими, а не западными ¹⁾. Онъ не сохранился вполнѣ, но во всякомъ случаѣ сохранился на столько, чтобы отвѣчать на нашъ вопросъ: самыхъ куполовъ его не уцѣлѣло, но уцѣлѣли низы послѣднихъ со сводами, и изъ того, что уцѣлѣло, совершенно ясно, что купола у насъ съ самаго начала ставились такъ, какъ мы указали. Послѣ Кіевского Софійскаго собора было бы излишне указывать на Новгородскій Софійскій соборъ, который представляетъ собою копію Кіевского и который, въ отношеніи къ куполамъ сохранившійся вполнѣ, говоритъ то же самое.

Такимъ образомъ, въ отношеніи къ куполамъ, т. е. къ ихъ отличіямъ, наши церкви должны быть понимаемы какъ воспроизведеніе особаго вида архитектуры греческой ²⁾. Единственный особый видъ

¹⁾ Кромѣ совершенной невѣроятности предполагать, чтобы для его построенія Ярославъ призвалъ уже мастеровъ западныхъ, его происхожденіе изъ рукъ мастеровъ греческихъ доказывается и способомъ его кладки, о которой скажемъ ниже.

²⁾ О неумѣстности предположенія, что съ куполами могли случиться перемѣны у насъ въ Россіи, когда у насъ вовсе не было своей архитектуры каменной, не считаемъ нужнымъ говорить въ текстѣ.

архитектуры греческой, о которомъ можно думать послѣ архитектуры общей, есть архитектура Корсунская, ибо мы могли брать мастеровъ только изъ двухъ мѣстъ — или изъ Константинополя или изъ Корсуни, и если они были не изъ перваго, то необходимо должны быть изъ послѣдней. Слѣдовательно, дѣло должно понимать такъ, что у насъ для строенія церквей были вызываемы мастера греческіе не изъ Константинополя, а изъ ближайшей къ намъ и болѣе знакомой намъ Корсуни. Случиться этому, имѣть этому мѣсто было и совершенно естественно: если въ ней—Корсуни, которая была болѣе близка къ намъ и была намъ столько же знакомою, сколько знакомъ всякому человѣку его обычный рынокъ—что она для насъ составляла,—такъ же процвѣтало каменное зодчество, какъ и въ Константинополѣ, то и на самомъ дѣлѣ зачѣмъ бы предки наши стали брать мастеровъ не изъ ней, а изъ послѣдняго ¹⁾? Мы, разумѣется, не возьмемся объяснить, почему

¹⁾ Печерскій Патерикъ, конечно, говоритъ, что мастера, строившіе Печерскую церковь, были изъ Константинополя; но его свидѣтельству не можетъ быть усвоено положительнаго авторитета.—Откуда изъ Греціи приведены были Владимировъ мастера для построенія Десятинной церкви, остается неизвѣстнымъ, и само по себѣ одинаково вѣроятно какъ то, что они приведены были изъ Константинополя, такъ и то, что изъ Корсуни. Вторымъ строителемъ каменныхъ церквей послѣ Владимира былъ сынъ его Мстиславъ, начавшій (и не успѣвшій окончить) строеніе собора Черниговскаго. Относительно этого втораго есть вся вѣроятность полагать, что онъ привелъ мастеровъ именно изъ Корсуни. Будучи до Чернигова удѣльнымъ княземъ Тмутараканскимъ, онъ построилъ каменную церковь въ г. Тмутаракани: конечно, онъ взялъ при себѣ мастеровъ изъ сосѣдней Корсуни, а не выслывалъ изъ отдаленнаго Константинополя. Но чрезъ эту первую постройку онъ долженъ былъ свести знакомство съ мастерами Корсунскими и слѣдовательно ихъ же потомъ призвать и для второй постройки (Черниговской). Ярославъ началъ свое строеніе каменныхъ церквей непосредственно послѣ смерти Мстислава: слѣдовательно есть вся вѣроятность думать, что воспользовался его мастерами. Такимъ образомъ, мастера Корсунскіе (именно, а не Константинопольскіе) и могли утвердиться у насъ.—Какихъ-нибудь памятниковъ Корсунской архитектуры неизвѣстно и какихъ-нибудь остатковъ ея пока не найдено; но мы предполагаемъ то, что представляется единственно возможнымъ предполагать. Если на основаніи произведенныхъ доселѣ раскопокъ въ Херсонесѣ приходятъ къ тому неожиданному заключенію, что господствующимъ, если не единственнымъ, типомъ церквей его была базилика (см. въ IV выпускѣ Русскихъ древностей въ памятникахъ искусства *гр. Толстова и Кондакова* стр. 14 sqq): то надлежитъ со всюю вѣроятностью считать это за недоразумѣніе. Существованіе въ Херсонесѣ нѣсколькихъ, немногихъ, базиликъ церквей—дѣло возможное; а затѣмъ должно думать, что принимаются за остатки базиликъ церквей остатки базиликъ гражданскихъ (на что указывается и тѣмъ, что остатки эти—группами, т. е. они

архитектура Корсунская отступала въ отношеніи къ куполамъ отъ общей греческой; но что въ странѣ, гдѣ процвѣтаетъ каменное зодчество, образуются подъ вліяніемъ разныхъ условій мѣстные виды архитектуры, это дѣло натуральное и обычное. Можемъ указать только на то, что имѣются свидѣтельства, изъ которыхъ слѣдуетъ, что особенность Корсунской архитектуры въ отношеніи къ куполамъ не составляла ея исключительной особенности. Въ продолженіе 1043—1071 гг. былъ построенъ въ Венеціи греческими мастерами и въ формѣ греческой купольной церкви соборъ св. Марка, — и его пять куполовъ сидятъ на одной площади совершенно такъ, какъ въ нашихъ русскихъ церквахъ (такъ что по куполамъ онъ высматриваетъ совсѣмъ русскимъ соборомъ, только его купола расположены иначе, чѣмъ у насъ, а именно крестообразно ¹⁾); въ 987 г. была построена въ Солуни церковь Вардіева, и ея пять куполовъ тоже сидятъ на одной площади, какъ у насъ ²⁾).

Форму нашихъ оконъ мастера Корсунскіе, можетъ быть, и не принесли къ намъ какъ готовую, а уже у насъ замѣнили ея свою греческую форму, что весьма легко объяснить нашими климатическими условіями, именно—тѣмъ, что, во-первыхъ, у насъ по нашему климату непремѣнно нужно было въ оконныя рамы ³⁾ вставлять стекла или слюду, а не переплетать ихъ только проволочными сѣтками, какъ это было возможно въ Греціи, стекло же и слюда были вещи весьма дорогія; во-вторыхъ тѣмъ, что и при вставленныхъ въ рамы стеклахъ или слюдѣ у насъ въ большія окна слишкомъ бы дуло, такъ что въ церквахъ, не имѣвшихъ печей, которыя явились у насъ въ нихъ только весьма поздно, зимой было бы слишкомъ холодно. Какъ бы то ни было, но соборы Кіевскій Софійскій и Новгородскій Софійскій доказываютъ, что наши узкія щелеобразныя окна явились у насъ прежде мастеровъ западныхъ: ни въ томъ, ни другомъ соборѣ не сохранилось оконъ въ

даютъ видѣть въ себѣ остатки отъ базиликъ, находившихся во множественномъ числѣ на торговыхъ площадяхъ).

¹⁾ Планы и фасады собора св. Марка у Любке S. 416 и 418, у Лютицова въ *Die Meisterwerke der Baukunst*, и въ спеціальномъ сочиненіи *Mommsen: Geschichte der Baukunst und Bildhauerei Venedigs*, два тома, Leipzig, 1861.

²⁾ Фасадъ церкви у *Тексе* и *Иопл. Пуллана*, Pl. 50, и изъ нихъ въ Сборникѣ Общества древне-русс. искусства на 1866, листъ рисунковъ къ стр. 27 № 4, и также въ собраніи картъ, плановъ и пр., листъ VIII, № 8 (Въ настоящее время мечеть Казанджидаръ-Джамиси, — *Исамб. Itin. de l'Orient* p. 719).

³⁾ О совсѣмъ особенной формѣ древнихъ оконныхъ рамъ скажемъ ниже.

стѣнахъ, потому что въ томъ и другомъ стѣны обнесены позднѣйшими пристройками, но въ первомъ изъ нихъ ясно видна позднѣйшая раздѣлка узкихъ оконъ на широкія въ главномъ олтарномъ полукружїи, а во второмъ они сохранились въ древнемъ видѣ во всѣхъ олтарныхъ полукружїяхъ и въ боковыхъ куполахъ (и еще въ восточной стѣнѣ по-за олтарнымъ полукружїемъ,—объ этой стѣнѣ съ угловыми четверугольными отдѣленїями къ ней въ рядъ съ олтарными полукружїями, см. ниже ¹⁾).

Послѣ куполовъ и оконъ остаются двери и лизены.

Двери въ Кїевскомъ Софїйскомъ соборѣ имѣютъ не нашу русскую форму, а греческую, т. е. четверугольникъ съ горизонтальнымъ, а не полукруглымъ верхомъ, и прорѣзъ въ стѣнахъ прямой, а не скошенный; двери Софїйскаго Новгородскаго собора, доселѣ не сохранившїяся, несомнѣнно имѣли ту же форму (двери самага собора, окруженнаго папертями, теперь раздѣланы въ арки, но двери папертей, ясно воспроизводящїя двери собора,—греческой формы). Относительно лизенъ соборы ничего не говорятъ, ибо стѣны ихъ, какъ мы давали знать, закрыты позднѣйшими пристройками, и хотя пристройки втораго изъ нихъ сравнительно весьма древни, однако не могутъ служить для отвѣта на нашъ вопросъ (на пристройкахъ есть лизены, но онѣ уже могутъ быть производимы отъ мастеровъ западныхъ).

Если двери въ соборахъ греческой формы, а не нашей, то по ви-

---

¹⁾ Что въ Корсуни, не смотря почти на одинаковость климатическихъ условїи съ Константинополемъ, могли измѣнить широкїя окна въ узкія сообразно мѣстному вкусу (который долженъ быть предполагаемъ не какъ чисто греческій, а какъ греко-варварскїй), это весьма возможно: въ Грузїи и Арменїи, изъ конѣ въ первой климатическія условїя не менѣе, а во второй болѣе благоприятны, чѣмъ въ Константинополѣ и во всей Греціи, мы находимъ въ церквахъ наши узкія окна, см. фасады Грузинскихъ и Армянскихъ церквей въ изданїи *Д. Гримма*: «Памятники Византїйской архитектуры въ Грузїи и Арменїи», Спб., 1864, а однѣхъ Грузинскихъ въ IV выпускѣ Русскихъ древностей въ памятникахъ зодчества *шр. Толстова и Кондакова*, посвященномъ древностямъ Крыма, Кавказа и Кїева (изъ Армянскихъ церквей фасадъ собора въ бывшей столицѣ Арменїи г. Ани, находящемся на рѣкѣ Арпачаѣ, на юго-востокъ отъ Карса, основаннаго въ 1010 г., у *Любке* S. 269). И въ самой Греціи мы находимъ малыя окна нашей формы, а именно—въ приложенїи къ церквамъ съ слишкомъ малыми размѣрами; таковы, напр., окна въ Аѣнскихъ церквахъ—старомъ соборѣ (находящемся рядомъ съ новымъ) и Успенїя Божїей Матери подъ Акрополемъ (фасады у *Ленуара* въ *Architecture monastique*, t. I, pp. 271 и 285, а куполъ первой и фасадъ второй въ Собранїи картъ, плановъ и пр., листъ IX, №№ 7 и 8).

дному прямо слѣдуетъ, что наша форма обязана своимъ происхожденіемъ мастерамъ западнымъ. Это дѣйствительно слѣдуетъ, но намъ думается, что не безусловно и что можетъ быть предполагаемо и другое. Въ Корсуни вмѣстѣ съ формами архитектурными мѣстными могли быть извѣстны и употребительны и формы общія; мастера Корсунскіе, строившіе Кіевскій Софійскій соборъ, могли поступить такъ, чтобы соединить однѣ формы съ другими—мѣстныя куполовъ съ общими дверей, а послѣдующіе Корсунскіе мастера наоборотъ могли поступить такъ, чтобы и во второмъ случаѣ употреблять форму мѣстную, т. е. вашу позднѣйшую, отъ чего и могло случиться, что эта вторая форма, тоже мѣстная корсунская, явилась позднѣе куполовъ. Такъ, говоримъ, можно еще предполагать, производя наши двери изъ той же Корсуни. Правда, что колонны, которыми у насъ обставлены скосы дверей, на своихъ базисахъ имѣютъ специфическую особенность, указывающую на ихъ происхожденіе западное (Eckblatt ¹⁾); но могло быть, что они только эту особенность и присоединили къ колоннамъ уже готовымъ ²⁾. Вообще, не отнимая нашихъ дверей во что бы ни стало у мастеровъ западныхъ, мы хотимъ только сказать, что никакъ не слѣдуетъ торопиться съ выводами ³⁾.

Относительно лизенъ бѣльшая часть изслѣдователей, если не ошибаемся, склоняется къ тому, чтобы производить ихъ съ Запада. Мы съ своей стороны рѣшительно склоняемся къ тому, чтобы производить ихъ съ Востока. Принадлежитъ по своему происхожденію, которое восхо-

¹⁾ Листки, прикрытія на углахъ четверугольнаго плинтуса колоннъ — ихъ круглаго базиса, см. у *Любке* S. 315 и *Мюллера-Мотеса* въ словарѣ подъ сл. Eckblatt.

²⁾ При томъ Мюллеръ-Мотесъ усваиваетъ эту собственность и позднѣйшей архитектурѣ Византійской, *ibid.*.

³⁾ А что наша форма дверей, счѣтаемая исключительной принадлежностью архитектуры западно-римской (именно—позднѣйшей, начиная съ X вѣка), на самомъ дѣлѣ не была таковою, это доказываетъ намъ помянутая архитектура Грузинско-Армянская, въ которой на ряду съ формою дверей греческою мы находимъ и собственную форму, совершенно тождественную съ формою западною, см. у *Гримма*: соборъ въ г. Ани, церковь въ Мангисѣ, постр. въ 1020 г., и церковь въ Гелати, постр. ок. 1110 г., а у *гр. Толстова и Кондакова* послѣднюю церковь,—фиг. 61. Въ самой архитектурѣ греческой мы находимъ если не двери, то арки, у которыхъ при полукругломъ верхѣ, какъ это имъ обычно, прорѣзъ скошенъ и обдѣланъ такъ, какъ въ дверяхъ западныхъ, см. арки въ паперти помянутой выше Солунской Вардѣевой церкви.

дять къ древнему времени, Востоку или Западу ¹⁾, лизены несомнѣнно впервые явились на базиликахъ,—затѣмъ, чтобы разнообразить длинныя поля ихъ стѣнъ. Какъ собственная принадлежность базиликъ, лизены были усвоены позднѣйшею западною архитектурой отъ древнѣйшей и стали одною изъ непремѣнныхъ принадлежностей и одною изъ характеристическихъ особенностей послѣдней. Но намъ представляется очевиднымъ то, что между позднѣйшими западными лизенами и нашими русскими есть существенная черта несходства. Наши лизены, какъ мы сказали, или идутъ во всю длину стѣнъ или же двойными углубленіями — болѣе глубокимъ и менѣе глубокимъ и поперечными карнизами раздѣляются на два поля, и не болѣе того; напротивъ, западныя лизены сидятъ на стѣнахъ обыкновенно въ нѣсколько рядовъ (не менѣе трехъ) и, такъ сказать — урѣзывая свою длину, стремятся къ тому, чтобы этихъ рядовъ было какъ можно болѣе. Такимъ образомъ, наши лизены хотятъ только того, чтобы однообразное поле стѣнъ разбить на нѣсколько большихъ площадей; напротивъ западныя лизены стремятся къ тому, чтобы разбить его въ клѣтки и какъ можно на большее количество этихъ послѣднихъ, однимъ словомъ — стремятся къ тому, чтобы какъ можно болѣе его испестрить. Замѣчая это несходство въ характерѣ и въ основной мысли нашихъ лизенъ и западныхъ, мы въ то же время находимъ, что не въ видѣ общаго правила и не бывъ, можетъ быть, слишкомъ распространенными, лизены были употребительны и на Востокѣ, т. е. въ приложеніи къ церквамъ купольнымъ ²⁾.

¹⁾ Т. е. мы хотимъ сказать, что лизены могъ изобрѣсть Востокъ, а не Западъ, въ свой, если позволительно такъ выразиться, базиличный періодъ, предшествующій купольному, который начался собственно съ Юстиніана (до котораго купольныя церкви, ведущія свое дѣйствительное начало отъ Константина, не составляли еще церкви обычныхъ, а были довольно рѣдки). А то обстоятельство, что мы впервые находимъ лизены на базиликѣ Равеннскаго св. Аполлинарія in Classe (534—549 г.,—фасадъ у *Любке* S. 227), которая есть базилика болѣе восточная, чѣмъ западная, говоритъ именно въ пользу того, чтобы ихъ усвоить скорѣе Востоку, чѣмъ Западу.

²⁾ На помянутой Солунской Вардіевои церкви, на церкви Константинопольскаго монастыря Пантократоръ, построенной въ первой половинѣ XII в. импер. Іоанномъ Комнинымъ и его супругой Иринею (фасадъ у *Ленуара* въ *Architect. monast.*, t. I, p. 268; въ настоящее время мечеть Килисе-Джами, *Измб.*), на церкви Константинопольскаго монастыря, называвшагося Μονή τῆς Χώρας, по строенію относящейся къ концу XI вѣка, а по реставраціи къ первой четверти XIV вѣка (фасадъ у *Ленуара* *ibid.* p. 269 и въ Собраніи картъ, плановъ и пр., листъ VIII, № 9; въ настоящее время мечеть Кахрис-Джами, *Измб.* p. 558).

Эти восточныя лизены, много или мало распространенныя, мы находимъ въ существѣ сходными съ нашими. А на этомъ основаніи и представляется болѣе вѣроятнымъ выводить наши лизены съ Востока, а не съ Запада, т. е. понимать дѣло такимъ образомъ, что лизены, отчасти усвоенныя у Грековъ и церквамъ купольнымъ, составляли принадлежность той частной греческой архитектуры — разумѣемъ Корсунской, — которую усвоили мы ¹⁾. Наконецъ, мы находимъ у насъ лизены съ такимъ признакомъ или съ такой особенностью, которой мы вовсе не видимъ на Западѣ и которая, какъ намъ думается, прямо говорить за то, что онѣ пришли къ намъ съ Востока. На Западѣ поверхъ полу-круговъ лизенъ стѣны всегда надкладываются горизонтальнымъ образомъ; напротивъ у насъ, какъ говорили мы выше, если не наибольшую частію, то весьма часто и въ архитектурѣ нѣкоторыхъ мѣстностей, какъ Владимирская, постоянно полукруги лизенъ и сверху или снаружи выкладываются полукругами, такъ что образуютъ изъ себя рядъ полукруглыхъ фронтоновъ. Что подобная отдѣлка лизенъ, неизвѣстная Западу, была употребительна на Востокѣ въ нашъ періодъ домонгольскій, положительное доказательство этому представляетъ Венеціанскій соборъ св. Марка (построенный, какъ мы сказали, въ формѣ греческой купольной церкви греческими мастерами въ продолженіе 1043—1071 гг.), у котораго лизены имѣютъ сейчасъ указанную обдѣлку.

Сейчасъ сказанное нами относится къ лизенамъ обыкновенной формы (ряды самостоятельныхъ арокъ). Что касается до Новгородскихъ тройчатокъ, то еще съ большею рѣшительностью должно утверждать, что онѣ происхожденія греческаго, а не западнаго. Эти тройчатки, описанныя нами выше, употребляются въ приложеніи къ нѣкоторымъ малымъ Новгородскимъ церквамъ не иначе, какъ въ соединеніи съ трехугольными фронтонами на стѣнахъ, и именно употребляются такимъ образомъ, что трисоставные верхи ихъ помѣщаются въ трехугольникахъ фронтоновъ, занимая собою соотвѣтственной формы поле послѣднихъ. Необходимо или, по крайней мѣрѣ, совершенно вѣроятно думать о происхожденіи тройчатокъ, что онѣ воспроизводятъ греческія тричастныя той же формы окна, которыя и помѣщались у Грековъ тутъ же, именно — во фронтонахъ, которыми закрывались бочко-

---

¹⁾ Въ архитектурѣ Грузинско-Армянской, на которую мы нѣсколько разъ указывали, въ числѣ другихъ особенностей мы находимъ и лизены, и именно — какъ наши обыкновенныя (соборъ въ г. Ани) и какъ тройчатки Новгородскія, хотя и не совсѣмъ тождественныя съ ними послѣдними (у *Гримма* церкви въ Самватисѣ и въ Алаверды).

образные своды, проводившіеся на стѣны отъ арокъ подкупольнаго обруба ¹⁾).

Владимирскія лизены, состоящія изъ двухъ полей — верхняго и нижняго, какъ мы сказали, имѣютъ тѣ особенности противъ Новгородскихъ лизенъ (подразумѣвается, обыкновенныхъ, а не тройчатокъ), что, во-первыхъ, по верху нижняго поля однихъ между ними положенъ поперечный карнизъ, — во-вторыхъ, что въ другихъ подъ этимъ карнизомъ поставленъ еще частый рядъ маленькихъ колонокъ и что въ промежуткахъ между ними самими (лизенами) поставлены колонны. Если не о самыхъ лизенахъ, то объ этихъ прибавленіяхъ къ нимъ, составляющихъ Владимирскую особенность, положительно думаютъ, что онѣ происхожденія западнаго. Однако, мы и здѣсь того мнѣнія, что не должно спѣшить съ рѣшительнымъ заключеніемъ, и что дѣло должно быть считаемо требующимъ дальнѣйшихъ изслѣдованій. Что карнизъ съ одной стороны имѣетъ форму очень близкую къ формѣ карнизовъ западныхъ, такъ что можетъ быть считаемъ за ихъ воспроизведеніе, а съ другой стороны, что такого карниза ни въ приложеніи къ лизенамъ, ни вообще на церквахъ мы не находимъ у Грековъ, это есть фактъ. Что частой рядъ колонокъ весьма употребителенъ на Западѣ и вовсе не видится въ употребленіи у Грековъ, это опять несомнѣнно ²⁾. Что наконецъ колонны между самими лизенами настолько несоразмѣрно тонки сравнительно съ своей длиной, что должны быть признаны за негреческія, это также безспорно. И однако на нашъ взглядъ все еще остается мѣсто подозрѣнію — не одного ли происхожденія эти мѣстныя Владимирскія особенности со всѣми вообще особенностями нашихъ церквей, т. е. не идутъ ли онѣ отъ той же архитектуры Корсунской, что и послѣднія. Прежде всего вотъ прямое основаніе для сомнѣнія: если бы наши маленькія колонки были происхожденія западнаго, то мастера западные должны были бы перенести ихъ къ намъ въ томъ видѣ, какъ

¹⁾ Трехчастныя окна во фронтонахъ греческихъ церквей см. въ Сборникѣ Общества древне-русскаго искусства на 1866 г., Отд. II, листъ рисунковъ къ стр. 27, № 3, и въ Собраніи картъ, плановъ и пр. листъ IX, № 2.

²⁾ Западные церкви читатель можетъ смотрѣть у *Любке* въ *Geschichte der Architektur*, также у *Калленбаха* въ *Chronologie der Deutschmittelalterlichen Baukunst*. Нѣчто весьма схожее съ колонками Владимирскими (висяція головы) мы встрѣтили на рундбогенфризахъ (*Rundbogenfriese*, — круглыхъ дугахъ фризовъ) церкви Бенедиктинскаго аббатства въ *Königslutewitz* (находящемся не далеко отъ Брауншвейга), заложеной въ 1135 г. (*Любке*, S. 358 нач.), см. въ *Словарѣ Мюллера-Мотеса* fig. 1160, S. 809.

онѣ имѣли себя у нихъ; между тѣмъ мы находимъ у насъ относительно этихъ колонокъ весьма замѣчательную особенность, которой вовсе не встрѣчаемъ въ архитектурѣ западной, именно — наши колонки не поставлены внизу на обыкновенную подставку въ видѣ полки, какъ это всегда въ архитектурѣ западной, а каждая въ отдѣльности поставлена такъ сказать на художественно-фантастическую подставку, на находящуюся подъ ней человѣческую голову, животное или птицу, при чемъ эти послѣднія подставы смотрятъ не столько подставами, сколько подвѣсками, а колонки не столько сидящими на нихъ, сколько висящими вмѣстѣ съ ними подъ карнизомъ, за который какъ бы держатся своими капителями. Затѣмъ, разсуждая вообще и апіорически о возможности того, чтобы все указанное принадлежало архитектурѣ Корсунской, можно сказать слѣдующее. Единство вкусовъ и стремленій приводитъ къ единству результатовъ независимымъ образомъ и весьма нерѣдко къ такому поразительному единству не только въ общемъ, но и въ частностяхъ, что двѣ вещи, явившіяся независимо одна отъ другой, представляются какъ бы одна съ другой списанными. Новые западные народы, взявъ архитектуру римскую, которая была одна и та же съ греческою, сообразно своимъ вкусамъ и наклонностямъ, привнесли въ нее свои особенности. Подобное могло быть и съ архитектурой греческой во вторыхъ рукахъ, и именно — быть не только у другихъ народовъ, заимствовавшихъ ее у Грековъ, но даже и у самихъ Грековъ въ такихъ колоніяхъ, которыя жили болѣе или менѣе обособленно отъ метрополи и разъединенно съ ней и гдѣ Греки должны были вырождаться въ нечто особое отъ настоящихъ Грековъ, — въ полугрековъ и полуварваровъ. Какъ отличительную черту вкуса новыхъ западныхъ народовъ составляетъ стремленіе къ пестротѣ, такъ съ вѣроятностію можетъ быть предполагаема та же черта и на Востоцѣ, — не у Грековъ и у Грековъ въ Греціи. А отсюда являлась возможность и того, чтобы люди независимо другъ отъ друга и каждый самъ по себѣ создали однѣ и тѣ же или весьма близкія и сходныя архитектурныя формы. Вообще, сводя апіорическое съ апостеріорическимъ, мы думаемъ, что вопросъ можно будетъ рѣшить положительнымъ образомъ только тогда, когда, во-первыхъ, будутъ тщательно изучены остатки древней архитектуры Крымской, которая должна быть предполагаема, какъ одна и та же съ Корсунскою, и во-вторыхъ, когда столько же тщательно будутъ изучены остатки древнихъ архитектуръ Кавказа и Арменіи, съ которыми должна быть поставляема въ связь архитектура Корсунско-Крымская (а что наши приведенныя выше предположенія не суть только праздыя предположенія, укажемъ на то, что напр. въ архитектурѣ Грузинско-Армян-

ской колонны совершенно такъ же, какъ на Западѣ, перестали точно наблюдать греческую пропорцію, и такъ же, какъ и тамъ, являются на наружной сторонѣ стѣнъ и въ видѣ несоразмѣрно тонкихъ, см. у *Гримма* и у *Любке* соборъ г. Ани и у перваго церковь въ Гелати).

Поля лизенъ на нѣкоторыхъ церквахъ Владимирскихъ и на нѣкоторыхъ церквахъ Новгородскихъ, какъ мы сказали, украшаются барельефами и горельефами. Барельефы на церквахъ Владимирскихъ были введены Боголюбскимъ. Его Успенскій Владимирскій соборъ, въ настоящее время сохраняющій только слѣды барельефовъ, былъ украшенъ ими много или мало, а его Покровская церковь близъ Боголюбова была украшена ими немного въ верхнихъ поляхъ лизенъ. Дмитріевскій соборъ Всеволодовъ украшенъ барельефами весьма много, именно—ими сплошь покрыты верхнія поля лизенъ и верхнія части нижнихъ между колонками. Наконецъ, Юрьевскій соборъ Святослава Всеволодовича украшенъ барельефами такъ сказать до *plus ultra*,—ими покрыты всѣ рѣшительно его стѣны отъ верху до низу. На барельефахъ изсѣчены изображенія людей, преимущественно святыхъ, звѣрей, птицъ и деревьевъ; наибольшая часть изображеній суть отдѣльныя изображенія и только въ видѣ исключенія небольшія сцены ¹⁾. Люди, затвердившіе себѣ, что церковь Греческая не терпѣла изваяній, считаютъ находящимся въ всякаго сомнѣнія и очевиднымъ то, что Владимирскіе барельефы происхожденія западнаго. На самомъ же дѣлѣ церковь Греческая не терпѣла изваяній только въ смыслѣ статуй и вовсе не барельефовъ. Что же касается до послѣднихъ, то, во-первыхъ, мы положительно знаемъ о крестахъ и объ иконахъ въ церквахъ, назначенныхъ для поклоненія, которые были изсѣкаемы на каменныхъ доскахъ и представляли собою настоящіе барельефы (см. ниже объ иконостахъ),—во-вторыхъ, въ древнее время даже и обыкновенныя иконы были попреимуществу своего рода барельефныя, именно—онѣ были воскомастиковыя,—рельефно или выпукло вычерченныя (какъ бы выгравированныя,—съ раскраской) на массѣ, составленной изъ воска, мастики и другихъ нѣкоторыхъ веществъ) ²⁾. Послѣ вопроса о терпимости составляетъ вопросъ то, имѣла ли церковь Греческая обычай украшать барельефами наружныя стѣны церквей такъ, чтобы мысль о

¹⁾ Къ сожалѣнію, о барельефахъ Юрьевского Святославова собора должно сказать, что большая часть ихъ закрыта позднѣйшими пристройками, а не закрытое остается не изслѣдованнымъ.

²⁾ О воскомастиковыхъ иконахъ см. у Дюканжа въ *Gloss. Graecit.* подъ сл. *Κηροεικόνος*, сгг подъ сл. *Κηρομάστικος*.

нихъ могла быть подана мастерами греческими. Насколько извѣстны въ настоящее время церкви греческія, распространеннаго обычая это не составляло, но съ другой стороны—въ нѣкоторомъ по крайней мѣрѣ, хотя и весьма мало распространенномъ, обычаѣ несомнѣнно было: въ настоящее время мы знаемъ по крайней мѣрѣ одну греческую церковь, которая украшена по своимъ наружнымъ стѣнамъ барельефами ¹⁾. Та-

¹⁾ Разумѣемъ Аѳонскій старый соборъ (котораго собственное названіе Панагія Горѳинико), если только онъ не построенъ подъ вліяніями западными. Совершенно несправедливо относимый нѣкоторыми учеными къ VI вѣку, онъ несомнѣтельно не старѣе IX—X вѣка; но иные, не знаемъ—на какомъ основаніи, относятъ его къ первой половинѣ XIII вѣка и усвоютъ его построеніе (изъ матеріала античнаго) латинскому князю Аѳонъ Отгону Де-Ларошу, который умеръ въ 1259 году (Baedeker'овъ Указатель Аѳонъ). Отчасти весь онъ, преимущественно же западная сторона его украшена барельефами, именно—непосредственно надъ входными (съ запада) дверями въ церковь три линіи или полосы барельефовъ, изъ которыхъ одна обходитъ его кругомъ, и потомъ сплошь украшенъ ими западный треугольный фронтоны (Западный фасадъ церкви у *Ленуара* въ *Architecture monastique*, t. I, p. 271, западный и восточный фасады у *E. Vosca* въ *Dictionnaire raisonné d'architecture* подъ сл. *cathédrale*; подробные снимки барельефовъ находятся у *Couchaud'a* въ *Choix d'églises Byzantines en Grèce*, Paris, 1842, но, къ сожалѣнію, этой книги мы не нашли въ доступныхъ намъ библіотекахъ). Испанецъ Рюи Гонзалесъ де Клавихо, путешествовавшій въ Самаркандъ ко двору Тимура въ 1403—1406 гг. и проѣздомъ бывшій въ Константинополь, говоритъ о церкви Константинопольскаго монастыря Перивленто, что она «вся снаружи расписана разнымъ способомъ образами и фигурами богатой работы, золотомъ, лазурью и другими красками»,—Дневникъ Клавихо въ русск. переводѣ И. И. Срезневскаго, Спб., 1881, стр. 55. Возможно думать, что вмѣстѣ съ расписаніемъ церковь была украшена и рѣзбой. Не о внѣшности, а о внутренности самой Софіи Константинопольской Клавихо говорить, что «часть стѣнъ арочъ, поддерживающихъ главный сводъ, сдѣлана изъ очень красивыхъ большихъ камней, на которыхъ вырѣзано много разныхъ подходящихъ фигуръ» и что «отдѣлано рѣзбой на высоту человеческого роста отъ пола»,—стр. 70. Находятъ, что многіе изъ барельефовъ Дмитріевскаго собора сходны съ барельефами Венеціанскаго св. Марка: но св. Маркъ строенъ греческими мастерами. — Что касается до бывшей въ употребленіи наружной рѣзбы на церквяхъ Грузинскихъ и вообще Кавказскихъ: то см. Статейный списокъ посольства въ Грузію Толочанова въ Вивлію. *Новикова*, V, 149 стр., въ книгѣ «Грузія и Арменія» *А. Н. Муравьева*, ч. I стр. 131 и ч. III стр. 37, 86 и 105 и 170, въ Географическо-статистическомъ словарѣ *Семенова* сл. Накипаръ и въ октябрьской книжкѣ «Вѣстника Европы» за 1885-й годъ статью *Харузима*: По горамъ сѣвернаго Кавказа, стр. 521 (При обстоятельномъ трактованіи предмета не слѣдуетъ совсѣмъ забывать и про то отдаленное, что у классическо-языческихъ Гре-

кимъ образомъ, мысль о барельефахъ, въ которыхъ ничего не было противнаго духу Греческой церкви, могла быть подана Боголюбскому какъ мастерами западными, такъ и греческими. Которыми именно она была подана, это можно было бы рѣшить только въ томъ случаѣ, если бы дошли до насъ всѣ барельефы Боголюбскаго и если бы мы знали, которые между ними самые первые. Послѣ первой поданной мысли о барельефахъ, ихъ могли потомъ дѣлать какъ мастера греческіе, такъ и западные; а что касается до того, въ какой мѣрѣ украшать барельефами церкви, то этотъ вопросъ рѣшали не мастера, а строители, при чемъ дѣло, какъ указано выше, шло въ постепенной прогрессіи: первый, введшій барельефы, украсилъ ими церкви слегка, послѣ него болѣе, а потомъ и еще болѣе. Не знаемъ, между сохранившимися до насъ барельефами есть ли работа мастеровъ западныхъ (отвѣчаютъ положительно, что есть, на томъ основаніи, что птицы Дмитріевскаго собора сходны съ птицами нѣкоторыхъ церквей западныхъ; но птицы вездѣ одинаковы, а слѣдовательно и сдѣланныя мастерами греческими должны быть похожи на западныя ¹⁾...). Если есть, то нужно будетъ принимать, что мастера западные изсѣкали изображенія святыхъ по рисункамъ греческимъ, ибо на этихъ изображеніяхъ святые являются въ греческомъ внѣшнемъ образѣ (куаффера и одежда).

Новгородскіе барельефы и горельефы, соединенные съ лизенами тройчатками, т. е. употребляемые именно только въ нихъ, очевидно, пришли къ намъ вмѣстѣ съ ними, слѣдовательно отсюда же, откуда и онѣ, т. е. изъ Греціи (что этотъ родъ барельефовъ — горельефовъ, весьма своеобразный и въ художественномъ отношеніи вовсе не представляющій большаго совершенства, былъ въ употребленіи только частномъ, но не общемъ, объ этомъ можно заключать уже по нимъ самимъ. Откуда они пришли къ намъ — изъ Корсуни или изъ другаго мѣста, сказать не можемъ, но положительныя данныя, которыя имѣемъ, указываетъ именно на нее: на церквахъ Грузино-Армянскихъ и грече-

---

ковъ храмы на фронтонахъ были украшаемы рѣзбой, — Паренонъ въ Афинахъ и другіе). — О приемности барельефовъ Греческою церковію см. въ Пидалионѣ прим. 6 на введеніе къ правиламъ 7-го вселенскаго собора, Закинск. изд. стр. 316 (Пидалионъ напоминаетъ о барельефныхъ иконкахъ на священныхъ сосудахъ, на божественныхъ евангеліяхъ и на другихъ книгахъ).

¹⁾ А рѣшать дѣло по приемамъ техническимъ, которые разумѣются при этомъ сходствѣ, далеко не надежно, ибо въ такой сравнительно аляповатой работѣ, какъ наши барельефы, сходство можетъ быть совершенно случайнымъ.

скихъ Трѣбизондскихъ находимъ настѣнные барельефныя украшенія, которыя весьма могутъ быть сближаемы съ нашими Новгородскими¹⁾.

Послѣ самыхъ церквей въ тѣснѣйшемъ смыслѣ, о которыхъ мы говорили доселѣ, слѣдуетъ сказать о пристройкахъ къ нимъ, составлявшихъ отчасти существенныя, отчасти несущественныя ихъ части. Эти пристройки были—съ востока алтарныя полукружія или алтарныя абсиды, съ запада или же съ трехъ сторонъ, за исключеніемъ восточной, паперты, съ того же запада дворы и наконецъ башни.

Восточныя алтарныя²⁾ полукружія или алтарныя абсиды³⁾ ведутъ свое начало изъ самой первоначальной древности. именно, какъ мы говорили выше, вмѣстѣ съ базиликами онѣ заимствованы отъ классическихъ Римлянъ, у которыхъ въ базиликахъ ихъ назначеніемъ было служить помѣщеніемъ для судей. Такъ какъ абсиды, по примѣру классическому, были дѣлаемы сравнительно очень не велики, то на Западѣ для увеличенія алтаря или собственно отдѣленія для священниковъ, прѣвитерія или хора (см. второе примѣчаніе выше), въ большихъ базиликахъ (какъ мы то же говорили выше) иногда приставляли къ переду поперечный меньшій четверугольникъ, вставляя его между четверугольниками базиликъ и абсидами⁴⁾, а вообще увеличивали это

¹⁾ См. у *Гримма* церкви въ Мцхетѣ, Кабентѣ, Самватистѣ и Аллаверды, и у *Тексье* и *П. Пуллана*, Pl. LXIV, Трѣбизондскую св. Софію.

²⁾ Наше названіе алтаря алтаремъ есть не греческое и заимствованное не отъ Грековъ, а латинское—*altare* (*altar*, *altarium*) и заимствованное отъ западной церкви, именно, какъ должно думать, черезъ посредство Моравовъ, у которыхъ славянскія богослужебныя книги взяли Болгаре, передавшіе ихъ потомъ намъ. На Западѣ *altare*, взятое изъ языческаго богослужебнаго языка, на которомъ оно значило жертвенникъ, значитъ собственно престолъ или св. трапезу (а нашъ алтарь вмѣстѣ съ солеей тамъ—*presbyterium*,—мѣсто стоянія священниковъ, или *choeur*,—мѣсто стоянія пѣвцовъ и чтецовъ, вообще клира). У Грековъ алтарь называется *βήμα*, отъ *βαίω*—возложу, что значить возвышенное мѣсто (описательно—*βωλαστήριον*, *ἱερατεῖον*, *ἀδύτον*).

³⁾ У Грековъ эти абсиды (но не цѣлые алтари, которые, какъ скажемъ сейчасъ ниже, наибольшую частію не вмѣщались въ нихъ однихъ, но захватывали нѣкоторое пространство и самыхъ церквей) назывались еще конхами,—*κόρυνη*, что значить раковина, потому что ихъ форма (полукругъ и надъ нимъ сводъ) была нѣсколько подобна формѣ раковины, именно—раскрытой половинки послѣдней. Алтарная абсида—*κόρυνη τοῦ βήματος*; церковъ одноабсидная—*μονόβητος*, триабсидная—*τρίβητος*.

⁴⁾ См. у Любке Римскія базилики—Константиновскую св. Петра, загородную св. Павла и св. Пракседы, figg. 186, 191 и 193.

отдѣленіе такъ, что присоединяли для него къ абсидѣ то или другое пространство, ту или другую часть переда самыхъ базиликъ (а въ позднѣйшее время, о чемъ скажемъ ниже, начали дѣлать выступы въ самыхъ стѣнахъ базиликъ). Въ восточныхъ купольныхъ церквахъ, по свойству ихъ архитектуры или по ихъ формѣ, для увеличенія пространства олтаря не могло быть прибавлено ничего новаго къ абсидѣ и за весьма рѣдкими (если не ошибаемся) исключеніями, что увеличивали объемъ самыхъ абсидъ, его обыкновенно принято было увеличивать такимъ способомъ, чтобы присоединять къ абсидѣ часть самой церкви, а именно — по первые столбы (прибавочные къ подкупольнымъ или самые подкупольные), арка между которыми стала олтарною аркою ¹⁾.

Въ древнѣйшее время восточныхъ или олтарныхъ абсидъ было по одной, ибо скевофилакій или жертвенникъ и такъ называемый діаконикъ первоначально помѣщались не со сторонъ олтаря, а отдѣльно и отдаленно отъ него въ особыхъ боковыхъ пристройкахъ къ церквамъ. Съ теченіемъ времени жертвенникъ и діаконикъ перенесены были къ самому олтарю, и тогда явились три абсиды: середняя, бывшая прежде, для самаго олтаря; боковыя, вновь явившіяся, для жертвенника и діаконика ²⁾. Послѣ этого перенесенія въ непосредственное сосѣдство къ

---

¹⁾ Въ древнее время олтарь не всегда непременно помѣщался въ абсидѣ съ переднею частію церкви, но иногда, въ видѣ исключенія, ставился и въ среднѣй послѣдней, бывъ со всѣхъ сторонъ окружонъ рѣшетками (о которыхъ ниже): такъ поставленъ былъ олтарь въ базиликѣ, построенной Павлиномъ Тирскимъ, *Евсев. Hist. Eccl., lib. X, c. 4*; такъ поставленъ былъ онъ въ Константинопольскомъ храмѣ апостоловъ, построенномъ Юстиніаномъ, *Прокон. De aedific. lib. I, c. 4* (въ настоящее время не въ абсидѣ, а въ передней части самой церкви стоитъ главный олтарь въ Римскомъ св. Петрѣ и въ другихъ большихъ Римскихъ базиликахъ, — *basilicae majores*, см. планы у *Де-Блезера* въ *Rome et ses monuments*).

²⁾ Въ Константинопольской св. Софіи олтарныхъ абсидъ не три, какъ у насъ думаютъ и утверждаютъ, а одна, и — какъ это было наибольшею частію прежде нея и осталось потомъ — сравнительно съ величиною церкви весьма малая (а Павелъ Силенціарій говоритъ о тройственности не абсидъ, а оконъ въ одной абсидѣ). — Въ Солунской Софіи три абсиды (сравнительно очень большія); поэтому, если справедливо, что она построена при Юстиніанѣ, то должно будетъ принимать, что три абсиды начали появляться не позднѣе какъ съ его времени. — Въ древнѣйшее время діаконикомъ назывался скевофилакій или жертвенникъ, потому что въ немъ діаконы хранили священные сосуды и приготовляли проскомидію (Лаодик. соб. пр. 21 и еще свидѣтельства у *Дюк.* въ *Gloss. Graecit. s. v. διακονικόν*). Но потомъ діаконикомъ начала называться другая, подобная скевофилакію, пристройка къ церкви,

олтарю, жертвенникъ и діаконикъ не должны были сливаться съ нимъ въ одно, ибо олтарь самъ по себѣ, а они сами по себѣ,—первый есть главная часть церкви, служащая мѣстомъ для совершенія таинства евхаристіи, а они суть особые пристройки къ церкви, имѣющіе назначеніемъ—одинъ быть мѣстомъ для храненія священныхъ сосудовъ и для приготовленія хлѣба и вина къ таинству евхаристіи, другой—быть мѣстомъ для храненія богослужебныхъ одеждъ и для переодеванія священниковъ изъ домашнихъ одеждъ въ эти богослужебныя. Такимъ образомъ, послѣ перенесенія къ олтарю жертвенникъ и діаконикъ должны были помѣщаться при немъ непременно въ особыхъ абсидахъ, какъ дополненія къ нему, особая отъ него и не составляющія одного съ нимъ цѣлаго. А такимъ образомъ и абсидь послѣ этого перенесенія непременно долженствовало быть три. Такъ это и было болѣе или менѣе долгое время. Но потомъ жертвенникъ и діаконикъ начали сливать съ олтаремъ въ одно, помѣщая въ сѣверной сторонѣ его отъ престола сосуды и столъ для совершенія проскомидіи (въ тѣснѣйшемъ смыслѣ называемый жертвенникомъ), а въ сторонѣ южной помѣщая одежды и совершая переодеваніе. Вслѣдствіе этого и послѣ перенесенія жертвенника и діаконика къ олтарю или послѣ ихъ уничтоженія, какъ особыхъ пристроекъ къ церквамъ, снова начали строить церкви съ одной абсидой. У насъ въ періодъ домонгольскій въ этомъ отношеніи было такъ, что наибольшая часть церквей имѣли по три абсиды, но что церкви слишкомъ малыя размѣрами имѣли ихъ по одной, иначе

именно—та, въ которой хранились богослужебныя одежды и въ которой священники одѣвались въ эти одежды: иначе эта пристройка называлась *mutatorion*, *μη(ι)τατοριον*, *μεσаторιον*, что есть латинское *mutatorium*, отъ *muto* — переменяю, и значить комнату переодевальную (*Гоара Euchol. ed. Venet. p. 497 fin.: ἐν τῷ μεσаторίῳ ἤϋουον ἐν τῷ διακονικῷ*), см. *Дюк. Gloss. Graecit.* подъ слл. *διακονικόν* и *μεσаторιον*,—последнее за словомъ *ματάτου* (его же *Constantinop. Christ. Lib. III, cap. 82 sqq* и *Gloss. Latín.* подъ сл. *mutatorium*). Мутаторіи получили названіе діаконика съ одной стороны, какъ должно думать, отъ того, что діаконы хранили въ немъ и подавали священникамъ богослужебныя одежды, а съ другой стороны и главное—отъ того, что онъ былъ въ церкви собственно комнатою діаконовъ, — мѣстомъ ихъ стоянія и садѣнія, какъ олтарь отдѣленіемъ священниковъ. Въ этомъ мутаторіи полагались вѣрующіи и благословлялись священниками тѣ приношенія, которыя не дозволялось вносить въ самый олтарь, и отъ того у насъ діаконикъ — кутейникъ, *Стогл. гл. 13* (что у насъ въ періодъ домонгольскій діаконикъ служилъ для той цѣли, для которой долженъ служить, см. *Ипатск. лѣтоп., 2 изд. стр. 602 fin.: «звиде во олтарь малыя, идѣже ерея совлачаху ризы свои»*).

сказать—у насъ въ періодъ домонгольскій наибольшую частію соблюдался въ этомъ отношеніи должный и правильный чинъ, но уже начались и отступленія отъ него, что мы сдѣлали, какъ нужно думать, не впереди Грековъ, а вслѣдъ за ними¹⁾.

Въ архитектурномъ отношеніи наши олтарныя абсиды періода домонгольскаго были полукруглыми приставками къ церквамъ не въ полвысоты послѣднихъ, какъ это стали дѣлать у насъ въ позднѣйшее время и дѣлаютъ нынѣ, но согласно съ Греками наибольшую частію немного не достигавшими ихъ высоты, такъ что между крышею церкви и крышею абсидъ разстояніе было обыкновенно весьма небольшое (крыша на абсидахъ всегда дѣлалась особая отъ церквей и на каждой абсидѣ своя, своимъ особымъ полукругомъ). Тогда какъ у Грековъ абсиды по своей формѣ были большею частію не совершенно полукруглыя, а трехгранныя (и многогранныя), у насъ онѣ были напротивъ большею частію совершенно полукруглыя. Думаемъ, что у Грековъ и у насъ наблюдалось въ формѣ абсидъ соотвѣтствіе съ формою куполовъ, т. е. что какъ у нихъ давалась трехгранная (и многогранная) форма абсидамъ въ соотвѣтствіе съ многогранною формою куполовъ, такъ у насъ давалась имъ круглая форма въ соотвѣтствіе съ круглою формою послѣднихъ. Отличительную внѣшнюю черту нашихъ древнихъ абсидъ на взглядъ составляетъ то, что онѣ представляются не соразмѣрно высокими съ діаметрами своихъ полукруговъ, такъ что высматриваютъ приставками къ церквамъ, такъ сказать, тонко-высокими. Мы не можемъ сказать, такъ ли относилась у насъ величина абсидъ къ величинѣ церквей, какъ это было у Грековъ, но у послѣднихъ сейчасъ указанная

¹⁾ Въ царскія двери олтаря священникъ до настоящаго времени не можетъ войти у насъ иначе, какъ въ богослужебныхъ одеждахъ. Это не значитъ того, чтобы двери олтаря были болѣе, т. е. важнѣе, самаго олтаря (хотя и господствуетъ у насъ такой странный взглядъ), а значитъ то, что въ древнее время священники входили въ олтарь и присутствовали въ немъ, служа или не служа, не иначе, какъ въ богослужебныхъ одеждахъ, которыя надѣвали внѣ его (въ мутаторіи или діаконикѣ). По правильному—священникъ можетъ одѣваться въ богослужебныя одежды гдѣ бы то ни было въ церкви, но не въ самомъ олтарѣ (въ который онъ долженъ входить уже въ нихъ) и проскомедія можетъ быть совершаема гдѣ бы то ни было въ церкви, но не въ самомъ олтарѣ (въ который она должна быть вносима уже готовая). Что у Грековъ въ нашъ періодъ домонгольскій уже позволялось дѣлать въ олтарѣ то, чему бы надлежало быть въ діаконикѣ (и слѣд. діаконикъ уже не считался нужнымъ), видно изъ словъ нашего митрополита Георгія: «винный грезнь (гроздь) и хлѣбъ новыи, съ олтари поставивше посторонъ святыя трапезы, епископу или преднему (начальному) поновн молитву створити».

черта не бросается въ глаза. Можетъ быть, это зависитъ отъ ихъ многогранной формы, которая на взглядъ нѣсколько ихъ расширяетъ (такъ сказать—растягиваетъ).

Наружныя стѣны оltарныхъ абсидъ также имѣютъ у насъ свою орнаментку, какъ и стѣны самыхъ церквей. Эта орнаментка двоякая—Новгородская и Владимирская. Новгородская орнаментка состоитъ въ томъ, что надъ окнами абсидъ, которыхъ въ главныхъ (собственно—въ оltарныхъ) абсидахъ по три, а въ боковыхъ по одному, сдѣланы полукруглые наличники какъ бы изъ толстыхъ жгутовъ, что эти жгуты надъ средними окнами соединяясь между двумя сосѣдними въ одно (въ одинъ жгутъ), а съ наружныхъ боковъ надъ крайними оставаясь безъ такого соединенія, протягиваются между ними и по-за нимъ книзу въ видѣ тонкихъ колонокъ, при чемъ или достигаютъ до самаго цоколя и какъ настоящія колонки ставятся на него или же нѣсколько не доходя него оставляются висѣть безъ опоры и представляютъ изъ себя какъ бы длинныя опущенныя между окнами и по-за окнамъ болтающіяся свѣсы (толстые шнуры) ¹⁾. Владимирская орнаментка состоитъ, во-первыхъ, въ томъ, что между тѣми же окнами и по сторонамъ ихъ приставляются къ стѣнамъ абсидъ тонкія колонки, которыя, будучи длинными во всю длину стѣны, плитусами становятся на цоколь, а капителями упираются въ карнизъ, который подъ кровлей, и во-вторыхъ въ томъ, что между этими длинными колонками, надъ окнами и по-за нимъ, приставляются подъ карнизъ тѣ короткія и какъ бы висѣчія колонки (въ каждомъ промежуткѣ въ числѣ двухъ), которыя на стѣнахъ самыхъ церквей въ верхней части нижняго поля лвенъ и о которыхъ мы говорили выше ²⁾. Ничего подобнаго орнаменткѣ Новгородской мы не находимъ въ архитектурѣ западной, а поэтому съ полною увѣренностію думаемъ, что она происхожденія греческаго. И тѣмъ болѣе съ полною увѣренностію думаемъ это, что мы находимъ ее уже на абсидахъ Софійскаго собора (собственно на одной абсидѣ—средней). Правда, можно предполагать, что она придѣлана на соборѣ послѣ; но такъ какъ отсутствуютъ положительныя основанія предполагать это, то пока гораздо вѣроятнѣе предполагать, что она на немъ первоначальная, явившаяся вмѣстѣ съ нимъ самимъ. Если въ орнаменткѣ Владимир-

¹⁾ См. Новгородскую церковь Спаса Преображенія въ Собраніи картъ, плановъ и рисунковъ къ Трудамъ перваго археологическаго съѣзда, т. XI, № 11, и также церковь Псковской губерніи XIII в. въ журналѣ Нива, 1878 г. № 35.

²⁾ См. Владимирскій Дмитріевскій соборъ въ изданіи *гг. Строганова*: «Дмитріевскій соборъ во Владимирѣ (на Клязьмѣ)».

ской отнять маленькія висачія колонки и оставить только длинныя колонки съ карнизомъ вверху, то это будетъ совершенно одно и то же съ орнаментикою нѣкоторыхъ церквей западныхъ, находящейся не на стѣнахъ алтарныхъ абсидъ, а на стѣнахъ самыхъ церквей ¹⁾. Изъ этого повидимому слѣдовало бы, что орнаментика Владимирская идетъ съ Запада. Но въ цѣломъ она не составляетъ совершенно точнаго воспроизведенія орнаментики западной, а имѣетъ характеристическое отъ нея¹ отличие (маленькія висачія колонки), и поэтому мы остаемся при высказанномъ нами выше мнѣніи о неумѣстности пока рѣшительныхъ заключеній.

Другія указанная пристройки къ церквамъ, если не ведутъ своего начала изъ временъ классическихъ, то также относятся къ самой первоначальной христіанской древности.

Папертей, по гречески нартексъ—*νάρθηξ*, также *πρόναος* (предхраміе) ²⁾, у Грековъ было двѣ: собственная или внутренняя паперть—нартексъ, и вѣшняя паперть—экзонартексъ, *ἐξωνάρθηξ*. Собственная или внутренняя паперть пристраивалась къ церкви посредствомъ глухой стѣны и именно—съ одной западной стороны или съ трехъ сторонъ, за исключеніемъ восточной. Если съ одной западной стороны, то обыкновенно простиралась по всей западной стѣнѣ церкви, а не по нѣкоторой ея части (а иногда и нѣсколько выдавалась съ боковъ церкви и нѣсколько обнимала ихъ). Будучи длиною по ширинѣ церкви, по которой по всей простиралась, она была сравнительно узка, представляя изъ себя какъ бы длинный (по ширинѣ церкви) и узкій корридоръ, отъ чего производятъ и ея названіе—нартексъ, каковое слово означаетъ форму предметовъ длинно-тонкую и форму пространствъ длинно-узкую ³⁾. Въ Константинопольской св. Софіи, въ которой вну-

¹⁾ См. у Любке въ *Gesch. Architect.*, S. 390, церковь половины XII вѣка въ Мурбахѣ.

²⁾ Что *πρόναος* именно паперть, а не другое что-нибудь передъ храмомъ, напр. дворъ, см. Вальсам. у Ралли и II. IV, 8.

³⁾ *Νάρθηξ* собственно есть названіе одного вида тростниковаго кустарника, полатыни *tegula*. Изъ стволовъ этого тростника, вынимаемая изъ нихъ мягкую сердцевину, дѣлали своего рода ящики (трубнообразные), которые употребляли преимущественно для храненія пузырьковъ съ благовоніями (парфюмеріями) и лекарствами. Отъ этихъ ящиковъ или трубокъ, называвшихся также нартексами, и стало нартексъ нарицательнымъ названіемъ предметовъ тонко-длинныхъ и пространствъ узко-длинныхъ; отъ нихъ получили названіе и церковныя паперти (см. *Προκοπ. De aedific. lib. I, cap. 4, ed. Paris p. 13*,—о Константиноп. церкви *Sergia* и *Вакха*, и *lib. V, cap. 5, p. 104*,—о церкви Богородицы въ Иерусалимѣ; *Θεοδοσίη*

треннихъ или собственныхъ папертей двѣ,—одна за другою ¹⁾, та изъ нихъ, которая непосредственно прилегаетъ къ церкви или передняя, устроена двухъэтажною—нижній этажъ противъ нижней или противъ самой церкви, и надъ нимъ на сводахъ верхній этажъ противъ верхнихъ боковыхъ галлерей или полатей; этотъ послѣдній этажъ служить западною частію верхнихъ галлерей (которыхъ съ запада нѣтъ надъ самой церковію), почему на углахъ (юго-и сѣверозападномъ) сливается съ ними въ одно, а къ востоку въ церковь имѣетъ широкій полукруглый пролетъ (подъ западнымъ большимъ полукуполомъ, о которомъ выше), такъ что паперть, внизу будучи папертью отдѣльною отъ церкви, вверху (на галлереяхъ) сливается съ нею ²⁾. Должно думать, что паперти если не всегда, то большею частію, были устроены такимъ образомъ, потому что на это была причина: паперти назначены были для стоянія за литургіей разряда кающихся такъ называемыхъ слушающихъ (*ἀκούοντες*) ³⁾; но женщины у Грековъ стояли не внизу, въ самой церкви, а на верхнихъ галлереяхъ; слѣдовательно для нихъ, т. е. для находившихся между ними въ помянутомъ разрядѣ кающихся, должны были быть галлерей, которыя бы находились не въ самой церкви или не надъ самою церковію, а внѣ, каковыми и были галлерей надъ папертями ⁴⁾. Если паперти устраивались съ трехъ сторонъ, то

Загюмала у Крузія въ Туркогр. стр. 201 говоритъ: *Νάρθηξ, τὸ ἕξω τοῦ ναοῦ δρομικὸν δίπτυ νάρθηκος· πᾶν δρομικὸν (продолговатое) νάρθηξ λέγεται* (Нѣкоторые новѣйшіе менѣе вѣроятно полагаютъ, что *νάρθηξ* въ приложеніи къ церкви имѣетъ смыслъ латинскаго переноснаго *regula*—орудіе наказанія, и что нартексами названы паперти потому, что въ нихъ стояли кающіеся, такъ называемые «слушающіе», для которыхъ онѣ—паперти служили какъ бы ферулами—орудіями наказанія). Наша паперть, по древне-славянскому *папрать*, *папрѣтъ*, *папърѣтъ* (Словарь *Восток*.) есть буквальный переводъ слова *νάρθηξ*, т. е. *папрать*, *папрѣтъ*, *папърѣтъ* и пр. значить папоротникъ. Паперти назывались еще у насъ притворами, что происходитъ не отъ притворять двери, а отъ притворить, придѣлать, и значить придѣлъ, пристройку (и еще встрѣчается изрѣдка непонятное названіе: проусть или проусть, см. эти слова въ Матеріалахъ для древне-русскаго словаря *И. И. Срезневскаго*).

¹⁾ Извѣстія говорятъ о четырехъ нартексахъ въ св. Софій, *Дюк. Constantinop. Christ. lib. III, с. 18*, но тутъ къ двумъ внутреннимъ нартексамъ (до сего сохранившимся) должно причислить эксонартексъ и дворъ (теперь не существующіе).

²⁾ См. у *Фоссати* въ *Aya Sophia, Planche 4*.

³⁾ Григорій Неокесарійскій пр. 12, Вальсам. у Ралли и II. IV, 8.

⁴⁾ Подобнымъ образомъ и въ настоящее время у Грековъ иногда западные

боковыя—южная и сѣверная, вѣроятно, представляли изъ себя тѣже узкіе и длинныя корридоры, что и западная; положительно однако не можемъ этого утверждать, потому что древнихъ церквей, окруженныхъ папертами съ трехъ сторонъ, неизвѣстно. Въ древнѣйшее время, какъ должно думать, преобладать обычай строить паперти съ одной западной стороны; а въ позднѣйшее время, соответствующее нашему періоду домонгольскому, какъ можно полагать, преобладалъ наоборотъ обычай строить ихъ съ трехъ сторонъ. Въ позднѣйшее время въ боковыхъ папертяхъ устраивались придѣльныя церкви (параклисы—τὸ παρακλήσι, чтò значитъ—малыя церкви, придѣланныя, приставленныя къ большимъ) для пѣнія заупокойныхъ литургій надъ лицами, которыя въ нихъ погребались ¹⁾.

Внѣшнія паперти или экзонартексы представляли изъ себя открытыя галлерей, которыя съ востока имѣли западную стѣну внутренней паперти, а съ запада или отовнѣ рядъ колоннъ (иногда перемежанныхъ съ квадратными столбами) или колоннаду, подобную нынѣшнимъ колоннадамъ у церквей и общественныхъ зданій и отличавшуюся отъ послѣднихъ тѣмъ, что рядъ колоннъ не составлялъ только портала или не былъ только противъ входа, но тянулся или составлялъ линію противъ всей западной стѣны отъ конца до конца (верхъ или потолокъ экзонартексовъ не былъ горизонтальный или плоскій, сдѣланный изъ дерева, но состоялъ изъ каменнаго свода, въ которомъ тянулся непрерывный и весьма частой, большею частію совсѣмъ сплошной, рядъ маленькихъ глухихъ куполовъ).

Дворы (погречески αὐλή, по-латыни atrium, изъ греческ. αἴθριον) обыкновенно, какъ кажется, пристраивались къ церквамъ съ одной западной стороны, именно—въ видѣ четверугольника, который боковыми сторонами упирался въ углы церкви; но иногда они окружали церкви и съ трехъ сторонъ—съ запада и съ боковъ, за исключеніемъ востока, и наконецъ нѣкоторыя немногія церкви были обнесены ими и со всѣхъ четырехъ сторонъ. Такъ какъ послѣднее извѣстно о тѣхъ церквахъ, которыя не имѣли восточныхъ оltарныхъ абсидъ и въ которыхъ олтари, въ видѣ исключенія, вмѣсто этихъ абсидъ, были

галлерей устраиваются надъ папертами, вѣроятно, для женщинъ, находящихя въ мѣсячныхъ кровяхъ (сfr Вальсам. у Ралли и П. IV, 8); а въ одной видѣнной нами церкви въ Константинополѣ (Панагія въ Перѣ, находящейся не далеко отъ русскаго посольства) и боковыя галлерей устроены надъ папертами.

¹⁾ Описан. Синодл. ркнп. Горск. и Невостр. № 380, лл. 228 об. и 270 об.; см. также у Дюканжа въ Gloss. Graecit. подъ сл. Παρακλήσιον.

поставлены среди ихъ самихъ (въ серединѣ церквей) ¹⁾, то слѣдуетъ думать, что не принято было заграждать дворами олтарей (т. е. находившихся обычно въ восточныхъ абсидахъ). А что касается до пристройки дворовъ съ одной западной стороны или съ трехъ сторонъ, за исключеніемъ восточной, то тутъ, можетъ быть, была связь съ тѣмъ, сколько было дѣлаемо въ церкви входовъ—одинъ съ запада или три съ трехъ сторонъ ²⁾. Снаружи дворы ограждались глухой, съ окнами или безъ оконъ, каменной стѣной, а внутри по стѣнѣ, на всеѣ ея протяженіи и со всѣхъ сторонъ, устраивались галлерей, совершенно такія и совершенно такъ, какъ экзонартексы, иначе сказать—эти дворы были совершенно тоже, что базилики въ ихъ греческой первоначальной формѣ, которую мы описали выше (въ серединѣ открытое пространство, со сторонъ галлерей; экзонартексъ, въ случаѣ, если церковь имѣла дворъ и именно—съ одной западной стороны, сливался съ нею въ одно, превращаясь въ ея переднюю галлерей ³⁾).

При нѣкоторыхъ изъ древнихъ церквей мы не находимъ нартексовъ, а только экзонартексы ⁴⁾. На этомъ основаніи должно думать, что считалось достаточнымъ имѣть что нибудь одно—нартексъ или экзонартексъ (во второмъ случаѣ женщины, находившіяся въ разрядѣ кающихся послушающихъ, не имѣя для себя верхнихъ галлерей, которыя бы находились внѣ церкви,—см. выше, какъ нужно предполагать,

¹⁾ Это извѣстно о церкви Тирской, построенной епископомъ Павлиномъ,—*Euseb.* H. E. lib. X, с. 4, и о Константиноп. храмѣ Апостоловъ, построенномъ Константиномъ,—онъ же *De vita Const.* lib. VI, с. 59.

²⁾ О дворахъ съ трехъ сторонъ см. *Procop.* De aedific. lib. I, с. 8, и lib. V, с. 6, *Scriptt. post Theophan.* ed. Paris. p. 201 sqq.

³⁾ Древніе церковные дворы сохранились: въ Римѣ при церкви св. Климента (планъ части двора у *Де-Базера* p. 232) и въ Миланѣ при церкви св. Авроріа; новые дворы, воспроизводящіе собою древніе, можно видѣть въ Константинополѣ при большихъ мечетяхъ (Ахметовой, Баязетовой, Магометовой), ибо дворы при этихъ мечетяхъ несомнѣнно составляютъ копию съ дворовъ греческихъ и въ частности двора св. Софій (къ сожалѣнію уже не существующаго; при мечети Магометовой, построенной на мѣстѣ Юстиніанова храма Апостоловъ, дворъ едва ли даже не старшій). Если читателю придется увидать на картинкѣ одну изъ помянутыхъ мечетей, то онъ замѣтитъ кругомъ множество непонятныхъ маленькихъ куполовъ,—эти куполы надъ галлерейми дворовъ, т. е. составляютъ въ нихъ ихъ своды, см. выше объ экзонартексѣ (примѣрные планы дворовъ см. въ Словарѣ Мюллера и Мотеса подъ сл. *Basilica*, Figg. 145 и 146).

⁴⁾ Нѣтъ, напр., нартекса, а только экзонартексъ, при Солунской св. Софій.

стояли въ одномъ и томъ же экзонартексѣ съ мужчинами, имѣя только особую отъ нихъ сторону). Что касается до дворовъ, то весьма вѣроятно, что они были строимы далеко не при всѣхъ церквахъ, а только при тѣхъ большихъ, которымъ хотѣли придать возможное великолѣпіе.

У насъ въ Россіи въ періодъ домонгольскій, какъ должно думать, не было строимо при церквахъ, т. е. и при великолѣпнѣйшихъ между ними, греческихъ, окруженныхъ галереями, дворовъ. Не только нѣтъ никакихъ остатковъ и признаковъ этихъ дворовъ и не только нѣтъ никакихъ указаній на ихъ существованіе, но и само по себѣ дѣло не представляется сколько нибудь вѣроятнымъ. Въ Греціи цѣль этихъ дворовъ была двоякая: во-первыхъ, чтобы ихъ колоннадами увеличивать красоту церквей и придавать послѣднимъ большее великолѣпіе; во-вторыхъ—чтобы подъ ихъ галереями доставлять убѣжище отъ солнечнаго зноя тѣмъ людямъ, которые бы желали молиться внѣ церквей или которые, приходя въ нихъ или выходя изъ нихъ, желали бы въ некоторое время побыть около нихъ на открытомъ воздухѣ. Но подъ красотку колоннадъ разумѣлась красота колоннадъ естественныхъ, т. е. съ колоннами, изсѣченными изъ цѣльнаго камня, и притомъ такого, какъ мраморъ, а нашихъ нынѣшнихъ колоннадъ, складенныхъ изъ кирпича съ капителями колоннъ, сдѣланными изъ дерева и известки съ алебастромъ, Греки не знали. Ясно, что о такихъ естественныхъ колоннадахъ трудно было помышлять въ Кіевѣ и гдѣ бы то ни было въ Россіи, ибо колонны нужно было бы привозить изъ Греціи. А что касается до того, чтобы давать убѣжище отъ солнечнаго зноя, то по нашимъ климатическимъ условіямъ, при которыхъ ищутъ тѣни развѣ только одну недѣлю въ году, а во все остальное время солнышка, забота о немъ, очевидно, была напрасною и не могла приходить въ голову ¹⁾.

(О водосвятельницахъ при церквахъ, которыя служили у Грековъ для умовенія входившихъ въ церкви и которыя устроились у нихъ именно на дворахъ церковныхъ, о которыхъ мы сказали сейчасъ, см. на концѣ V главы: Внутреннее устройство и убранство церквей).

---

¹⁾ Правда, что Ипатская лѣтопись говоритъ подъ 1147-мъ годомъ о дворѣ св. Софіи Кіевской,—2 изд. стр. 245 гл.. Но гораздо вѣроятнѣе разумѣть въ ней не дворъ греческій, сейчасъ нами описанный, а то обнесенное заборомъ пространство кругомъ церкви, назначеніемъ котораго было служить кладбищемъ церковнымъ и которое теперь въ иныхъ мѣстахъ называется погостомъ, въ другихъ—монастыремъ. Лѣтопись говоритъ, что по одному поводу сошлись на дворѣ св. Софіи всѣ Кіяне отъ мала до велика: но на дворѣ греческомъ вовсе не помѣстилось бы исключительно большое собраніе гражданъ Кіева.

Такъ какъ экзонартексы были тѣже колоннады, что и дворы, то по сейчасъ указанному слѣдуетъ думать, что и ихъ не было устраиваемо у насъ при церквахъ въ домонгольскій періодъ.

Относительно собственныхъ нартексовъ должно думать иное, чѣмъ относительно экзонартексовъ и дворовъ, именно—что они устраивались если не при всѣхъ непременно церквахъ, чего, вѣроятно, вовсе не было и въ самой Греціи (ибо съ цѣлю быть мѣстомъ стоянія для разряда кающихся «послушающихъ» нартексы или экзонартексы были необходимы только въ каѳедральныхъ епископскихъ соборахъ), то при церквахъ важнѣйшихъ и значительнѣйшихъ. Есть признаки, указывающіе на то, что при Кіевскомъ Софійскомъ соборѣ, окруженномъ въ настоящее время новѣйшими папертями, была паперть и въ древнее время. Въ лѣтописяхъ упоминаются: притворъ или паперть при церкви Печерскаго монастыря ¹⁾, при Владимирскомъ Успенскомъ соборѣ ²⁾ и при церкви Рождества Богородицы, находившейся въ Боголюбовомъ ³⁾, притворы и паперти Суздальскаго собора ⁴⁾ и притворы или паперти Новгородскихъ каменныхъ церквей ⁵⁾. Наконецъ, при Новгородскомъ Софійскомъ соборѣ паперти сохранились до настоящаго времени. По нѣкоторымъ признакамъ и указаніямъ должно, правда, думать, что паперти не построены съ соборомъ одновременно, а пристроены къ нему послѣ; но несомнѣнно, что онѣ пристроены въ древнее время и еще въ періодъ домонгольскій. И эта позднѣйшая пристройка можетъ быть понимаема именно какъ свидѣтельство въ пользу распространенности у насъ въ періодъ домонгольскій папертей: если послѣ первыхъ здателей собора, построившихъ его безъ папертей, послѣдующіе Новгородцы сочли нужнымъ пристроить паперти, то весьма вѣроятно предполагать причиною сего соревнованіе другимъ и желаніе не отстать отъ другихъ. При этомъ впрочемъ должно быть замѣчено относительно упоминаній лѣтописей о притворахъ, что, можетъ быть, не всегда разумѣютъ онѣ притворы или паперти въ собственномъ смыслѣ. Словомъ

¹⁾ Подъ 1091, 1096 и 1106 годами.

²⁾ Лаврент. лѣт. подъ 1237 г., 2 изд. стр. 437 вв..

³⁾ Ипатск. подъ 1175 г., 2 изд. стр. 401.

⁴⁾ Лаврент. подъ 1194 г..

⁵⁾ Новгор. 1 лѣт. подъ 1217 г.—Совершенно ясное употребленіе названія притворъ въ смыслѣ паперти—Ипатск. лѣт. 2 изд. стр. 401 (о тѣлѣ Боголюбскаго, положенномъ въ притворѣ, тогда какъ церковь была залпята). Въ уставѣ патр. Алексія различаются притворы и паперть (л. 278 нач.): притворы—боковыя паперти, въ которыхъ придѣлы; паперть—задняя паперть.

притворъ, что значить: пристройка, придѣлка, у насъ переводится съ греческаго не только *νάρθηξ*—паперть, но и *στοά*—галлерей (Словарь *Восток*). На этомъ основаніи можно принимать, что притворами не всегда называются въ лѣтописяхъ притворы въ собственномъ смыслѣ, но иногда пространства въ самихъ церквахъ по—за столбамъ, которыя представляютъ собою какъ бы галлерей (говорится въ лѣтописи о притворѣ Владимирскаго Успенскаго собора; а между тѣмъ представляется вѣроятнѣйшимъ думать, что въ видѣ исключенія между большими домонгольскими церквами соборъ не имѣлъ при себѣ паперти, о чемъ ниже).

Сохранившіяся паперти Новгородскаго Софійскаго собора окружаютъ его съ трехъ сторонъ. Признаки, указывающіе существованіе древней паперти при Кіевскомъ Софійскомъ соборѣ, даютъ знать, что она окружала его также съ трехъ сторонъ. При Суздальскомъ соборѣ, по лѣтописи, были паперти, а не паперть. На основаніи этихъ свидѣтельствъ должно полагать, что у насъ паперти были пристраиваемы къ церквамъ, если не постоянно, то преимущественно съ трехъ сторонъ, а не съ одной западной. Тоже представляется вѣроятнѣйшимъ думать и по нашимъ климатическимъ условіямъ. У насъ нужно было заботиться о томъ, чтобы защитить церкви отъ холода и вѣтра: а къ таковой цѣли могли служить боковыя паперти.

Въ Греціи, какъ мы сказали, въ боковыхъ папертяхъ были устроены придѣльныя церкви для пѣнія заупокойныхъ литургій надъ лицами, въ нихъ погребавшимися. Со всею вѣроятностію слѣдуетъ думать, что это такъ было и у насъ. Князья и епископы наши погребались въ церквахъ (о послѣднихъ заключаемъ отъ положительно извѣстнаго примѣра епископовъ Новгородскихъ). Но погребать въ самыхъ церквахъ было запрещено, и въ Греціи погребавшіеся въ церквахъ были именно погребаемы въ церковныхъ притворахъ ¹⁾. Что такъ было и у насъ въ Россіи, это, во-первыхъ, необходимо предполагать аргі-

¹⁾ О запрещеніи погребать въ церквахъ см. Вальсамона у Ралли и П. IV, 479, и въ Πηδαλιον'ѣ прим. къ 83 пр. 6 всел. соб.; о томъ, что погребались въ притворахъ—Вальсам. *ibid.* стр. 8 (въ церквахъ запрещалось погребать умершихъ, а въ притворахъ, имѣвшихъ придѣльныя церкви, дозволялось, вѣроятно, потому, что послѣднія освящались не такъ, какъ собственныя церкви, а какъ домовныя, и были подобно этимъ послѣднимъ не церквами въ собственномъ смыслѣ слова, а молитвенными храминами, *сгг* Вальсам. 41 отв. Марку Александрійскому, *ibid.* IV, 479. Новыя греческія рѣчи о недозволительности погребенія въ церквахъ см. въ Идидалионѣ, въ примѣч. къ 82 пр. 6-го всел. соб., Закиновск. изд. стр. 293).

огі,—во-вторыхъ, объ этомъ прямо говорятъ положительныя свидѣтельства: епископы Новгородскіе погребались въ притворахъ своего Софійскаго собора; Ярославъ, по свидѣтельству преп. Нестора, былъ положенъ въ притворѣ своего Кіевскаго собора ¹⁾, а его сынъ Владимиръ, по свидѣтельству преданія,—въ притворѣ Новгородскаго собора. Погребеніе въ церквахъ имѣетъ тотъ смыслъ, что такъ сказать надъ самыми гробами умершихъ приносится безкровная жертва. Если въ Греціи, для того чтобы возможно приблизить къ гробамъ погребенныхъ въ церквахъ безкровную жертву и какъ можно болѣе буквально сдѣлать то, что она совершается надъ гробами, устроили придѣльныя церкви въ притворахъ, въ которыхъ находились гроба: то совсѣмъ невѣроятно думать, чтобы этому примѣру, съ которымъ соединялась такая важная забота, не послѣдовали у насъ въ Россіи. Не знаемъ мы многихъ примѣровъ, чтобы это было у насъ такъ; но во всякомъ случаѣ знаемъ одинъ: въ одной изъ боковыхъ папертей Новгородскаго Софійскаго собора мы находимъ придѣлъ, устроенный уже въ періодъ домонгольскій ²⁾.

Относительно мірскихъ приходскихъ церквей весьма вѣроятно предполагать, что паперти строились при главнѣйшихъ и важнѣйшихъ между ними. Относительно церквей монастырскихъ представлялось бы основаніе думать, что онѣ устраивались при всѣхъ ихъ и непремѣнно. Монастырскій уставъ богослуженія предписываетъ, чтобы тѣ церковныя службы, которыя монахи имѣютъ лишними противъ мірянъ, т. е. собственно—имѣли въ древнее время, о чемъ ниже, были совершаемы ими не въ самыхъ церквахъ, а въ папертяхъ. Такимъ образомъ, монастырскій уставъ богослуженія дѣлаетъ паперти какъ бы необходимой принадлежностью церквей монастырскихъ, на основаніи чего и слѣдовало бы полагать, что онѣ были при всѣхъ нашихъ монастырскихъ церквахъ. Но мы видимъ въ настоящее время, что этого предписанія монастырскаго устава не соблюдаетъ у насъ рѣшительно ни одинъ монастырь, и весьма возможно, что такое нарушеніе устава идетъ у насъ

---

¹⁾ Въ житіи Бориса и Глѣба: Изяславъ, котораго Ярославъ оставилъ своимъ преемникомъ, «спрятать тѣло отца своего, положи въ раціи мороморянѣ и постави въ притворѣ церкви святыя Софія»,—по изд. Бодянск. стр. 18.

²⁾ Дитмаръ Мерзебургскій, какъ указывали мы много выше, говорятъ, что Владимиръ былъ погребенъ въ церкви св. Климента. Послѣ сейчасъ сказаннаго, это, болѣе тѣмъ вѣроятно, должно понимать такимъ образомъ, что онъ былъ погребенъ въ одной изъ боковыхъ папертей Десятинной церкви, въ которой былъ устроенъ придѣлъ въ честь св. Климента.

изъ нашей первоначальной или домонгольской древности. Не невѣроятнымъ остается то, что паперти считались необходимой принадлежностью и дѣйствительно были строимы при церквахъ въ монастыряхъ главнѣйшихъ (въ періодъ домонгольскій, какъ увидимъ ниже, у насъ не всѣ монастыри имѣли и свои церкви, а нѣкоторые находились при мірскихъ приходскихъ церквахъ.—Изъ сохранившихся до настоящаго времени, сравнительно древнихъ, греческихъ монастырскихъ церквей, извѣстны церкви Аѳонскія. Въ церквахъ Аѳонскихъ, если не исключительно, то наибольшую частію паперти находятся съ одной западной стороны; наибольшую частію онѣ весьма велики, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и совсѣмъ равняются своей величиной величинѣ самыхъ церквей, такъ что представляютъ собой какъ бы заднія церкви, приставленныя къ дѣйствительнымъ церквамъ переднимъ).

Экзонартексы или колоннады передъ входами въ церкви составляли у Грековъ то, чтó у насъ суть крыльца, которыхъ, какъ таковыхъ, т. е. какъ глухихъ небольшихъ пристроекъ передъ входами, Греки не знали. Наши церкви могли замѣнять греческіе экзонартексы этими пропилеями нашей національной гражданской архитектуры. Насколько это было обычно имѣ на самомъ дѣлѣ, не знаемъ; но, во-первыхъ, должны были имѣть крыльца всѣ тѣ церкви, которыя были двухъэтажными (съ подваломъ внизу) и въ которыя входъ былъ не прямо съ земли, каковы были нѣкоторыя церкви Новгородскія; во-вторыхъ, сохранились древнія крыльца и при нѣкоторыхъ такихъ церквахъ, въ которыя входъ былъ прямо съ земли и которыя не имѣли въ нихъ дѣйствительной нужды ¹⁾.

Въ настоящее время у насъ находятся при церквахъ полуглухія и полуоткрытыя башни, служація колокольнями. Въ періодъ домонгольскій этихъ башенъ-колоколенъ не было, но были другія башни—совсѣмъ глухія и съ другимъ назначеніемъ.

Башни или вплотную пристраивались къ церквамъ, къ сѣверо-западному или юго-западному углу, или же ставились въ нѣкоторомъ отъ нихъ разстояніи. Ихъ назначеніе было: башенъ, вплотную приставленныхъ къ церквамъ двойное—въ нижней половинѣ служить мѣстами для лѣстницъ на полаты (хоры), а въ верхней половинѣ служить церковными кладовыми; башенъ, поставленныхъ въ нѣкоторомъ разстояніи отъ церквей,—единственно второе.

¹⁾ Такова церковь св. Георгія въ Юрьевѣ Польскомъ или Владимирскомъ (нынѣ городской соборъ), построенная въ 1230 г. Святославомъ Всеволодовичемъ на мѣстѣ бывшей каменной же церкви Юрія Долгорукаго (планъ церкви въ Собраніи картъ, плановъ и пр., листъ XIII).

Въ Киевскомъ Софійскомъ соборѣ до настоящаго времени сохранились, нѣсколько въ измѣненномъ видѣ (безъ своихъ верховъ), двѣ его башни, изъ которыхъ одна была вплотную приставлена къ сѣверо-западному углу, а другая находилась въ нѣкоторомъ разстояніи отъ юго-западнаго угла (теперь по причинѣ позднѣйшаго разширенія собора обѣ находятся въ самыхъ его стѣнахъ ¹⁾). Въ Новгородѣ до настоящаго времени сохранились четыре древнія башни при церквяхъ, именно — при Софійскомъ и Николо-Дворищенскомъ соборахъ, при церквяхъ Антоніева и Юрьева монастырей ²⁾. Не сохранилась до настоящаго времени, но, какъ положительно извѣстно, была башня при Владимирскомъ соборѣ Боголюбскаго ³⁾, а башня, бывшая при Дмитріевскомъ соборѣ Всеволодовомъ и по всей вѣроятности древняя (ибо въ позднѣйшее время, когда башни вышли изъ употребленія, зачѣмъ бы стали ее строить?), уничтожена только въ недавнее время (увы, при ученой реставраціи собора!). Наконецъ, полусохранилась до настоящаго времени башня при Черниговскомъ соборѣ, заложенномъ Мстиславомъ Ярославичемъ ⁴⁾. Двѣ башни Киевскаго Софійскаго собора, насколько онѣ сохранились, имѣютъ форму круглую. Изъ Новгородскихъ башенъ три имѣютъ форму круглую (Софійскаго и Николо-Дворищенскаго соборовъ и Антоніева монастыря), а одна (Юрьева монастыря) въ нижней (большей) части до верху крыши церкви имѣетъ форму четверугольную, а въ верхней части поверхъ крыши также круглую; всѣ онѣ отъ низу до верху имѣютъ одинъ и

¹⁾ Составитель Густинской лѣтописи, можетъ быть, еще заставшій башни въ ихъ подлинномъ видѣ, говоритъ подъ 1037-мъ годомъ, что Ярославъ создалъ при церкви св. Софіи двѣ вѣжи (башни) позлащенные.

²⁾ О башнѣ Николо-Дворищенскаго собора, теперь застроенной и невидной, см. Археологическое описаніе церковныхъ древностей въ Новгородѣ и его окрестностяхъ архим. *Макарія*, I, 257.

³⁾ Ипатск. лѣт. 1175 г., 2 изд. стр. 396: «столпъ позлати (Боголюбскій) изовну церкви» (Владимирской); Лавр. лѣт. подъ 1185 г., 2 изд., стр. 372: «теремъ». Башня, какъ даетъ знать описаніе собора, которое см. ниже, не была вплотную приставлена къ нему, а поставлена на нѣкоторомъ отъ него разстояніи. Объ ея назначеніи быть казно-хранильницей, сосудо-и-одеждо-хранильницей, вообще кладовой собора, совершенно ясно говоритъ Лаврентьевская лѣтопись подъ 1185-мъ годомъ, по поводу пожара, который былъ въ семь году во Владимирѣ и въ который сгорѣли соборъ и его башня,—2 изд. стр. 372.

⁴⁾ См. въ Читеніяхъ Общ. Ист. и Древн. годъ третій, 1847-й, Смѣсь, статью *М. Маркова*: О достопамятностяхъ Чернигова, стрр. 15 и 16.

тотъ же объемъ, т. е. мы хотимъ сказать—къверху не съуживаются. Башня Черниговская имѣла форму круглую. Что касается до вышины Новгородскихъ башенъ, то башня Софійскаго собора примѣрно на четверть выше его кровли и на аршинъ ниже его боковыхъ куполовъ, а башни Антоніева и Юрьева монастырей на аршинъ или нѣсколько болѣе выше кровли церквей (въ послѣднемъ случаѣ впрочемъ говоримъ только по памяти). Всѣ Новгородскія башни и Черниговская плотно приставлены къ церквамъ снаружи послѣднихъ, и именно Новгородскія—у Софійскаго собора съ западной стороны на юго-западномъ углу, у церкви Антоніева и Юрьева монастырей съ сѣверной стороны на сѣверо-западныхъ углахъ¹⁾; Черниговская—на юго-западномъ углу. Что касается до теперешняго употребленія башенъ, то въ двухъ башняхъ Кіевского Софійскаго собора и въ одной башнѣ Новгородскаго Софійскаго собора ходы на верхнія полаты или хоры и болѣе ничего. Въ Антоніевомъ монастырѣ—ходъ на полаты и вверху придѣлъ. Въ Юрьевомъ монастырѣ ходъ на полаты и вверху ризница для болѣе дорогихъ вещей.

Въ первомъ изданіи полутома мы нерѣшительно высказываемся за происхожденіе башенъ національное русское, съ указаніемъ свидѣтельствъ, которыя какъ будто говорятъ и за ихъ происхожденіе греческое (стр. 64 lin. sqq). Теперь, поправляя себя, мы должны рѣшительно высказаться за ихъ происхожденіе именно греческое. У Грековъ еще со временъ классическихъ было принято, чтобы хранилища или кладовыя для дорогихъ вещей и для цѣннаго имущества были устраиваемы въ видѣ башенъ. И до такой степени это обычно было если не въ древнее, то въ позднѣйшее время, что сундуки или шка-

---

¹⁾ Башня Софійскаго собора находится собственно не совнѣ собора, а внутри его западной паперти, надъ кровлею которой (особой отъ кровли самаго собора) возвышается только ея верхъ. Изъ этого между прочимъ и видно, что паперть, заключающая и скрывающая въ себѣ башню, которой бы должно быть снаружи, пристроена послѣ. Верхъ башни надъ кровлей паперти смотритъ какъ бы куполомъ, такъ что съ этимъ недействительнымъ куполомъ всѣхъ куполовъ на соборѣ шесть (нашъ куполъ, какъ мы сказали, ниже побочныхъ дѣйствительныхъ куполовъ примѣрно на аршинъ). На церквахъ Антоніева и Юрьева монастырей, которыя собственно суть однокупольныя, въ параллель къ верхамъ башенъ, которыя высматриваютъ куполами (или главами), въ позднѣйшее время поставлены на сѣверо-западныхъ углахъ (а башни на южной сторонѣ у юго-западныхъ угловъ) купола, такъ что теперь церкви снаружи смотрятъ трехкупольными, а внутри—двукупольными.

тулки для золота и драгоценныхъ камней были устраиваемы въ видѣ башенокъ или по крайней мѣрѣ назывались башенками, — *πύργισκοι* ¹⁾. У насъ башни иначе назывались теремами; но это названіе теремъ, очевидно, есть греческое *τέρεμνον*, какъ иначе назывались у Грековъ *πύργοι* (башни) ²⁾. Что касается до того, что у Грековъ сосудохранильницы при церквахъ были устраиваемы въ формѣ башенъ и что въ башняхъ были устраиваемы ходы на полати: то, не зная относительно сего многихъ письменныхъ свидѣтельствъ или говорящихъ о семъ памятниковъ, всё-таки мы знаемъ нѣкоторое количество тѣхъ и другихъ. У Солунской св. Софіи пристроена къ сѣверо-западному углу башня, — квадратная снаружи и круглая внутри, которая служила или для восхода на палаты или же вмѣстѣ и сосудохранильницей. Въ житіи Панкратія Тавроменийскаго, ученика ап. Петра, говорится, что онъ построилъ башню скевофилакя, *τὸν πύργον τοῦ σκευοφυλακίου*: выписка изъ житія у *Ламбеція*, ed. Kollar. t. VIII col. 207 Упоминается находившійся въ въ Константинополѣ при одной церкви во времена импер. Юстиніана *τὸ ψρόριον τοῦ σκευοφυλακίου*, см. у *Дюканжа* въ *Constantinop. Christ. Lib. II* p. 150 (IV. Octagonum). Вышеупоминанный нами испанецъ Рюи Гонзалесъ де Клавихо говорить, что его водили въ Константинополѣ смотрѣть святыню въ одну церковь, при которой для хранения святыни была башня, — русск. переводъ *Срезневск.* стр. 77. У сѣверо-восточнаго угла Константинопольской св. Софіи находится большая восьмиугольная башня и не невѣроятно, въ слѣдъ за *Византіемъ* (*Κωνσταντινούπολις*, I, 509 *lin.*), предполагать, что отчасти она была вапטיстиріемъ или крестильницей (въ нижнемъ этажѣ), отчасти скевофилакіемъ или сосудохранильницей (въ верхнемъ этажѣ) ³⁾.

¹⁾ См. у Свида въ Словарѣ сл. *πύργισκοι*.

²⁾ Какъ у насъ «высокіе терема», такъ и у Грековъ *ὄψηλά τέρεμνα* (лексиконъ *Византія*). Изображеніе греческаго гражданскаго или домоваго терема см. у *Несселя* въ Каталогѣ рукописей Вѣнской бібліотеки, ч. I, послѣ стр. 54-й листъ гравюрь 8-й; а изображеніе такого же терема русскаго см. въ изданіи зр. *Строганова*: «Русское искусство Е. Виолле-ле-Дюкъ и архитектура въ Россіи съ X-го по XVIII-й вѣкъ», Спб., 1878, рисунковъ листъ IX (какъ у насъ женщины, а особенно дѣвушки, представлявшія своего рода дорогую часть имущества, у богатыхъ людей жили въ теремахъ: такъ это было и у Грековъ).

³⁾ На планѣ Римской Константиновой базилики св. Петра значатся у сѣверо-восточнаго ея угла двѣ круглыя башни, см. у *Любке* *fig. 191*: не невѣроятно предполагать, что одна башня была вапטיстиріемъ или крестильницей, а другая скевофилакіемъ или кладовой. — По шестязычному словарю Миклошича, у Сербовъ

Выше мы сказали, что къ основной окончателъной формѣ купольной церкви Юстиніанъ прибавилъ еще побочный вариантъ или побочную разновидность. Теперь мы должны обратиться къ этому варианту, который вмѣстѣ съ основною формою перешолъ и къ намъ.

Пусть читатель вообразить себѣ зданіе, имѣющее фигуру креста, у котораго, для совершеннаго сходства съ крестомъ церковнымъ, три конца—верхній и боковые совершенно равны между собой, а нижній нѣсколько длиннѣе ихъ. Подобное зданіе представляется состоящимъ внутри изъ пяти четверугольниковъ—четыре четверугольника концы креста и пятый его центръ. Юстиніанъ взялъ такой крестъ, надъ каждымъ изъ его четверугольниковъ, какъ надъ частнымъ цѣлымъ въ общемъ цѣломъ, поставилъ особый куполь,—и подобная крестообразная церковь съ пятью крестовидно расположенными куполами надъ ея пятью четверугольниками и явилась какъ побочный вариантъ или побочная разновидность къ основной формѣ купольной церкви. Въ этомъ видѣ Юстиніанъ за-ново перестроилъ построенную Константиномъ Великимъ константинопольскую церковь апостоловъ, которая по назначенію послѣдняго была усыпальницею императоровъ и поэтому была важнѣйшею церковію столицы послѣ св. Софіи ¹⁾. Что касается до всего изобрѣтенія церкви, то болѣе чѣмъ вѣроятно, что оно не сполна принадлежитъ Юстиніану, но что онъ приложилъ куполь уже въ готовой формѣ некупольнаго виза. Церковь Константинова, формой базилика ²⁾, какъ это должно заключать отъ церкви Юстиніановой,

---

нашъ притворъ церковный между прочимъ называется тремомъ, т. е. теремомъ (сл. притворъ). Если словарь не ошибается, то происхожденію названія нужно объяснять тѣмъ, что въ Сербіи очень распространенъ былъ обычай пристраивать къ церквамъ, сзади ихъ, терема или башни.

¹⁾ *Procop. De aedific. lib. I, c. 4.* Церковь апостоловъ не сохранилась до настоящаго времени; теперь на ея мѣстѣ построенная вновь мечеть Магомета II. Воспроизведеніе ея плана по описанію Прокоція у *Гюбша* въ *Monuments de l'architecture, Pl. XXXIII.* Фасадъ церкви, весьма впрочемъ неудовлетворительно, три раза изображенъ въ *Менологіи импер. Василія*,—ч. I стр. 125, октября 18, и ч. II стр. 140 и 182, января 27 и февраля 12. Объ описаніи церкви греческимъ писателемъ X вѣка Константиномъ Родіемъ см. въ статьѣ г. *Вульффа*: «Семь чудесъ Византіи и храмъ святыхъ апостоловъ», помѣщенной въ I томѣ *Извѣстій Русскаго Археологическаго Института въ Константинополѣ*. Въ житіи Андрея юрдіаваго говорится о формѣ церкви, что она была «крестомъ на четыре углы о пяти верхъ», см. у *Срезневск.* въ *Свѣдѣніяхъ и замѣткахъ о малозвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ № LXXXVII, стр. 157* нач..

²⁾ Что Константинова церковь была по формѣ базиликой, это слѣдуетъ изъ

имѣла ту особенность, что въ ней не было восточной абсиды и что ея олтарь былъ поставленъ въ ея серединѣ ¹⁾. Но она имѣла видъ, какъ мы положительно знаемъ, крестообразный ²⁾. Обыкновенныя крестообразныя базилики, какъ мы говорили выше, устроились въ древнее время такимъ образомъ, что поперечный четверугольникъ приставлялся къ верху продольнаго между нимъ и абсидой. А такъ какъ въ Константиновой базиликѣ олтарь поставленъ былъ не въ абсидѣ, а въ серединѣ ея самой, то необходимо думать, что ея крестъ составленъ былъ иначе, а именно—представляя изъ себя точный крестъ, не посредствомъ приставки одного четверугольника къ другому, а посредствомъ ихъ пересѣченія, потому что иначе олтарь не былъ бы его (креста) центромъ и средоточіемъ, а находился бы внѣ его и, поставленіе олтаря въ серединѣ базилики, при ея крестообразной формѣ, не имѣло бы смысла. Такимъ образомъ, говоримъ, болѣе чѣмъ вѣроятно, что крестообразную форму низа Юстиніанъ взялъ уже готовую, именно—отъ той предшествующей базилики или воспроизвода ту предшествующую базилику, на мѣстѣ которой поставилъ свою церковь. На этотъ готовый низъ, заимствованный отъ базилики, Юстиніанъ поставилъ куполъ, и такимъ образомъ къ основной формѣ купольной церкви и получился побочный вариантъ—церковь крестообразная внизу и съ крестообразнымъ пятикупольнымъ верхомъ. Идея купола, какъ мы говорили, требовала, чтобы онъ былъ одинъ надъ церковію. Но такъ какъ крестообразная церковь представляла изъ себя не одинъ четверугольникъ, а была (какъ бы) сложена изъ пяти, то здѣсь каждый четверугольникъ брался какъ бы за отдѣльное частное цѣлое въ общемъ цѣломъ, и пятикуполіе, не нарушая идеи единства купола, являлось слѣдствіемъ того, что одна церковь была сложена какъ бы изъ пяти церквей (надъ каждою изъ которыхъ дѣйствительно и было по

Прокопія, который, не говоря о куполахъ, говорить о разбитомъ на мелкіе квадраты и сплошь позолоченномъ (внутри) покровѣ церкви, подразумевается—плоскомъ (διαλαβών δε Κωνσταντίνω λεπτοῖς φανώμασι τὴν στέγην, χρυσοῦ τὴν πάσαν ἐκάλωκεν).

¹⁾ Въ Юстиніановой церкви олтарь былъ поставленъ именно такимъ образомъ (Прокоп.), и со всею вѣроятностію слѣдуетъ думать, что онъ не сдѣлалъ тутъ нововведенія противъ Константина, а именно сохранилъ особенность, бывшую въ церкви послѣдняго.

²⁾ Григорій Богословъ говорить о ней въ Сновидѣніи о своемъ Константинопольскомъ храмѣ Воскресенія: (ἕδος) πλευραῖς σταυροῦτόποις τετραῦχα τριγώνων, — въ Патрол. Миня t. 37, col. 1255.

одному куполу). При этомъ, вѣроятно, за тѣмъ, чтобы при отдѣльности частныхъ дѣлъхъ сохранить и единство общаго цѣлаго и выразить подчиненное отношеніе побочныхъ куполовъ къ главному, Юстиніанъ сдѣлалъ окна только въ послѣднемъ, а первые оставилъ глухими (въ архитектурномъ отношеніи побочныя отдѣленія церкви помимо куполовъ могли получать свѣтъ черезъ окна въ стѣнахъ, тогда какъ главное могло получать его только чрезъ куполъ).

Юстиніанова церковь апостоловъ не сохранилась до настоящаго времени, и мы знаемъ о ней только изъ описанія Прокопія (цитата выше въ примѣчаніи), которое достаточно для того, чтобы составить общее понятіе, но которое не даетъ (и безъ приложенія плана, разрѣза и фасада и не передало бы, конечно) частныхъ. Послѣ самой церкви апостоловъ мы имѣемъ другую церковь, которая ее воспроизводитъ, это именно—Венеціанскій соборъ св. Марка ¹⁾. Но послѣдняя, будучи несомнѣннымъ воспроизведеніемъ первой въ общемъ (за исключеніемъ того, что имѣеть одну восточную абсиду, въ которой и помѣщается олтарь, и что не одинъ только главный куполъ ея, но и всѣ побочныя имѣють окна) ²⁾, неизвѣстно до какой степени точно воспроизводитъ ее въ частностяхъ. По своему окладу Венеціанскій соборъ св. Марка есть совершенно тотъ крестъ, который мы описали выше и фигуру котораго имѣла Юстиніанова церковь апостоловъ. Затѣмъ, его пять куполовъ поставлены: въ заднемъ четверугольникѣ или въ нижнемъ концѣ креста — на четырехъ (поставленныхъ въ семь четверугольникѣ) столбахъ; въ среднемъ четверугольникѣ—также на четырехъ столбахъ; въ остальныхъ трехъ четверугольникахъ—на стѣнѣ и на двухъ столбахъ.

Эта побочная форма купольной церкви осталась въ архитектурѣ греческой вмѣстѣ съ главною, но съ ней должно было случиться тоже самое, что и съ сею послѣднею. Какъ послѣ Юстиніана не могли воспроизводить въ подлинномъ видѣ его св. Софіи, такъ не могли послѣ него воспроизводить и его церкви апостоловъ, и какъ сократили одну,

¹⁾ Импер. Василій Македонянинъ (867—886) построилъ въ Константинополѣ, близъ своего дворца, великолѣпную церковь, которая названа была Новою церковью—*Νέα ἐκκλησία*. Продолжатель Теофана говоритъ о верхѣ церкви, что она образована была изъ пяти полусферъ или состояла изъ пяти куполовъ: ὁ τε ὑψὸς ὄροφος (церкви) ἐκ πέντε συμπληροῦμενος ἡμισφαιρίων. Очень вѣроятно, что церковь имѣла одинаковую съ храмомъ апостоловъ крестовую форму; но она, какъ и этотъ, не сохранилась до настоящаго времени.

²⁾ Гдѣ смотрѣть планы и фасады св. Марка, указано выше.

такъ поступили и съ другой. вмѣсто большихъ крестовъ, которые бы распались на пять отдѣльныхъ цѣлыхъ, начали строить малые кресты, которые бы, представляя изъ себя и составляя собой одно цѣлое или одинъ четверугольникъ съ небольшими выступами въ бока, въ то же время имѣли форму креста. Исторія креста пяти куполовъ на этихъ малыхъ крестообразныхъ церквахъ была та, что сначала перестали ставить боковые два купола, ограничиваясь продольной линіей грехъ куполовъ, а потомъ, сокращая и эту линію, начали ставить два купола и одинъ, — въ первомъ случаѣ середній и который либо изъ двухъ остальныхъ линій — передній или задній, во второмъ случаѣ середній ¹⁾).

Такимъ образомъ, побочная форма купольной церкви, по своемъ сокращеніи, стала въ сущности тѣмъ же, что есть форма основная — однимъ четверугольникомъ, но съ тѣмъ добавленіемъ, что четверугольникъ имѣлъ боковые меньшіе выступы ²⁾), которые давали церкви фигуру креста. Четверугольникъ дополненъ былъ противъ своего Юстиніанова первообраза тѣмъ, что получилъ восточную олтарную абсиду ³⁾), надъ которою именно и ставимъ былъ передній куполь линіи, въ случаѣ если онъ былъ ставимъ. Въ Юстиніановой церкви апостоловъ боковые концы креста были четверугольные (четверугольнички); въ позднѣйшихъ крестообразныхъ церквахъ боковые выступы иногда той же формы, а иногда полукруглые ⁴⁾). Последнее можетъ быть объясняемо

¹⁾ Мы не докажемъ этого постепеннаго сокращенія числа куполовъ исторически, на примѣрѣ церквей; но, во-первыхъ, оно должно быть такъ представляемо по самому своему существу; во-вторыхъ, это доказываетъ позднѣйшая архитектура нашей формы. Тамъ, гдѣ она сохранилась до настоящаго времени (въ Австрійской Малороссіи или въ Галиціи съ Буковиной, какъ намъ извѣстно, и можетъ быть и въ Русской Малороссіи, что намъ, къ сожалѣнію, неизвѣстно) крестообразная церковь о трехъ куполахъ (въ одну линію) считается полнокупольною; какъ у насъ пятикупольная (относительно Русской Малороссіи мы имѣемъ, т. е. знаемъ только увѣреніе, что церкви вездѣ въ ней строятся крестообразно, см. въ Кіевскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ 1863-го года, въ № 11-мъ, статью: «Обычай сельскихъ прихожанъ занимать въ церкви мѣста по поламъ и возрастамъ»).

²⁾ Эти выступы въ Австрійской Галиціи, какъ насъ увѣрили, называются закрестьями.

³⁾ Замѣчательно, что олтарныхъ абсидъ при церквахъ этой формы тамъ, гдѣ онѣ въ настоящее время есть, всегда по одной, а не по три (какъ въ Венеціанскомъ св. Маркѣ).

⁴⁾ На Афонѣ, гдѣ почти во всѣхъ монастыряхъ главныя церкви суть крестообразныя, боковые выступы всегда полукруглые.

или тѣмъ, что и церковные кресты иногда дѣлаются съ четверугольными концами, иногда съ полукруглыми, или же вліяніемъ базиликъ самого Юстиніана, который вмѣсто прибавки поперечнаго четверугольника, какъ было сдѣлано на Западѣ, ища по всей вѣроятности образовать изъ базиликъ болѣе точный крестъ, сдѣлалъ въ передней части ихъ (ихъ четверугольника), полукруглые выступы ¹⁾.

Побочная форма купольной церкви, въ сейчасъ указанномъ нами сокращеніи и измѣненіи, перешла вмѣстѣ съ основною формою и къ намъ въ Россію. На сколько она была распространена у насъ, къ сожалѣнію, мы не можемъ этого сказать, ибо памятники нашей каменной церковной архитектуры домонгольскаго періода сохранились далеко не вполне и недостаточно. Въ областяхъ Новгородской и Суздальской, которыя составляютъ въ семъ отношеніи счастливое исключеніе, мы совсѣмъ не находимъ признаковъ существованія этой формы. Затѣмъ, знаемъ одну церковь этой формы въ Смоленскѣ и имѣемъ основанія полагать, что была по крайней мѣрѣ одна такая церковь въ Кіевѣ. Переносясь изъ древняго времени въ новѣйшее, мы встрѣчаемся съ тѣмъ замѣчательнымъ фактомъ, что въ Малороссіи и въ Галиціи съ Буковиной наша форма архитектуры составляетъ въ настоящее время рѣшительно преобладающую и рѣшительно господствующую форму ²⁾. Вовсе не рѣшаясь отвѣчать положительнымъ образомъ на рождающійся самъ собою вопросъ: наша форма архитектуры не составляетъ ли такой формы, которая уже въ древнее время была значительно распространена, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторой части Малороссіи, мы въ настоящее время считаемъ болѣе вѣроятнымъ думать, что наша форма въ Малороссіи и въ Галиціи съ Буковиной есть позднѣйшая, не восходящая далѣе начала XVI — конца XV вѣка и распространившаяся изъ Молдо-Валахіи (вопросъ о которой въ послѣдней есть пока вопросъ и притомъ такой, который заслуживалъ бы серьезнаго разслѣдованія) ³⁾. Смоленская церковь, представляющая собою пока един-

¹⁾ См. планъ ея Велеемской базилики у *Гюбша*, Pl. V, и у *Мюллера-Мотеса* въ Словарѣ подъ сл. Basilica.

²⁾ Относительно Галиціи съ Буковиной мы имѣемъ непосредственныя свѣдѣнія, полученныя нами на мѣстѣ; относительно Малороссіи полагаемся на указанное свѣдѣтельство.

³⁾ Съ перваго взгляда представлялось бы думать, что наша архитектура перешла въ Молдо-Валахію съ Афона, который начиная съ XVI в. имѣлъ ее, такъ сказать, своей вотчиной и былъ въ ней, такъ сказать, господиномъ. Но, имѣя общую особенность съ Афонскою архитектурой въ закрестіяхъ, Молдо-Валахская архи-

ственную известную намъ церковь домонгольского періода крестообразной формы, есть церковь архангела Михаила, построенная княземъ Давидомъ Ростиславичемъ между 1180 и 1197 годами, въ продолженіе которыхъ онъ сидѣлъ на Смоленскомъ столѣ (нынѣ церковь называется иначе Свирскою, потому что находится въ Свирской подгородной слободѣ). вмѣстѣ съ крестообразною формою стѣнъ она имѣетъ два купола—одинъ надъ своей серединой и другой небольшой надъ оltарной абсидой ²⁾). Кіевская церковь, относительно которой можно думать, что она имѣла крестообразную форму, есть церковь Спаса на Берестовомъ, существующая теперь въ Петро - Могилинскомъ возобновленіи. Она имѣетъ крестообразную форму въ настоящее время (и именно съ боковыми выступами не полукруглыми, а четверугольными), но полагаютъ, что середина и боковые концы креста принадлежатъ не Петру Могилю, а составляютъ остатокъ древней церкви ³⁾).

Наши каменные церкви домонгольского періода вообще не отличались своей величиной. Между ними въ частности вовсе не отличались своей величиной и тѣ церкви, которыя составляли разрядъ исключительныхъ и монументальныхъ. Если бы мы, подобно европейскому Западу, усвоили себѣ науку архитектуры (вмѣстѣ съ просвѣщеніемъ), то у насъ, такъ же какъ тамъ, не только долженствовало бы быть развитіе архитектурныхъ формъ, но и постепенный прогрессъ въ отношеніи къ монументальности церквей монументальныхъ, т. е. отъ цер-

---

тектура не мало отличается отъ первой въ другомъ. На Западѣ въ позднѣйшее время, соответствующее нашему періоду домонгольскому, начали быть устраиваемы въ большихъ базиликахъ закрестія, совершенно одинаковыя съ закрестіями Византійской базилики Юстиніановой и Аѳонскихъ церквей, при чемъ и назначеніе ихъ было и есть тоже самое, для котораго онѣ служили и служатъ на Аѳонѣ, именно—чтобы онѣ составляли такъ называемый *choeur*, *choir*, *choeur*, т. е. служили для помѣщенія чтецовъ и пѣвцовъ или служили тѣми мѣстами, которыя у насъ называются клиросами, см. у *Любке* планы многихъ базиликъ съ закрестіями S. 327 sqq. Есть ли тутъ внутренняя связь между Востокомъ и Западомъ или только случайное совпаденіе, вопроса этого не беремся рѣшать.

²⁾ См. Историко-статистическое описаніе Смоленской епархіи (неизвѣстнаго автора), Спб. 1864, стр. 216 нач.

³⁾ См. Обзорніе Кіева въ отношеніи къ древностямъ *Фундукля*, стр. 57, гдѣ и планъ вышней церкви. — Въ области Суздальской, какъ мы сказали, неизвѣстно древнихъ церквей крестообразной формы; но мы знаемъ одну новую такую церковь, это—Рождественская церковь въ нашемъ Троицкомъ Посадѣ, построенная въ 1735—1736-мъ году (одна изъ приходскихъ церквей Посада, но не монастырская. Откуда взята ея крестообразная форма, остается намъ неизвѣстнымъ).

квей монументальныхъ мы восходили бы къ болѣе монументальнымъ и наконецъ къ монументальнѣйшимъ. Но мы не усвоили себѣ науки архитектуры (какъ не усвоили просвѣщенія), и она была у насъ чисто внѣшнимъ дѣломъ, лежавшимъ сполна на отвѣтственности Грековъ, по отношенію къ которымъ мы были только заказчиками (подобно, напр., тому, какъ наши ничего не разумѣющіе въ паровыхъ машинахъ и въ фабричномъ производствѣ фабриканты относятся къ своимъ директорамъ Нѣмцамъ — Англичанамъ). Но у Грековъ въ нашъ періодъ домонгольскій церковная архитектура находилась не въ состояніи развитія, а въ состояніи упадка: въ весьма скромныхъ по размѣрамъ церквахъ Владимировой Десятинной и Ярославовой Софійской они дали намъ образцы монументальныхъ церквей и далѣе не пошли. вмѣстѣ съ ними и мы не находили ничего болѣе монументальнаго, и въ послѣдующее время, не идя далѣе этихъ церквей, ограничивались только тѣмъ, что повторяли ихъ, какъ идеалы. Правда, что до настоящаго времени сохранились не всѣ церкви, которыя могутъ быть предполагаемы какъ монументальныя; но что за предѣлы Десятинной и Софійской церквей не было выступаемо, рѣшительною порукою въ этомъ можетъ служить намъ сохранившійся до настоящаго времени Владимирскій Успенскій соборъ Боголюбскаго. Несомнѣнно, что Боголюбскій хотѣлъ построить церковь монументальнѣйшую, и однако его соборъ (дѣйствительно бывшій таковымъ въ отношеніи къ украшеніямъ, о которыхъ ниже) представлялъ собою въ отношеніи архитектурномъ простую, нисколько не увеличенную копію съ Кіевского Софійскаго собора и вмѣстѣ съ послѣднимъ ровно ничего въ семъ отношеніи особенно замѣчательнаго. Эти архитектурныя качества собора Боголюбскаго или его размѣры ко всему выше сказанному прибавляютъ еще новое основаніе сомнѣваться въ томъ, чтобы онъ былъ строенъ мастерами западными. Если бы Боголюбскій, не довольствуясь мастерами греческими, хотѣлъ выписать мастеровъ западныхъ, то это значило бы, что онъ хотѣлъ получить мастеровъ возможно хорошихъ, чтобы при помощи ихъ создать церковь возможно монументальную. А если бы это было такъ, то хорошіе мастера западные и создали бы нѣчто гораздо болѣе монументальное, чѣмъ то, что мы имѣемъ въ дѣйствительности, ибо въ то время на Западѣ насчитывалось уже до пятка настоящихъ монументальныхъ церквей (соборъ Шпейерскій 1030—1061 гт., соборъ св. Марка Венеціанскій 1043—1071 гт., соборъ Пизанскій 1063—1100 гт., соборъ Бамбергскій 1004—1110 гт., соборъ Майнцкій конца XI — начала XII в. ¹⁾).

¹⁾ О всѣхъ ихъ см. у *Лютцова* въ *Die Meisterwerke der Kirchenbaukunst*.

Церквей періода домонгольскаго относительно монументальныхъ положительнымъ образомъ извѣстно намъ четыре; именно — онѣ суть: Владимірова Десятинная, Ярославовъ Софійскій соборъ, церковь Печерскаго монастыря и Владимірскій Успенскій соборъ Боголюбскаго. Къ этимъ четыремъ церквамъ со всею вѣроятностью должны быть причисляемы еще двѣ: кафедральные епископскіе соборы Переяславскій и Бѣлгородскій. Владимірова Десятинная церковь, отъ которой до настоящаго времени сохранился только фундаментъ, какъ показали измѣренія этого послѣдняго (не знаемъ совершенно ли безошибочныя), представляла изъ себя совсѣмъ точный квадратъ и имѣла 16 сажень длины и 16 сажень ширины ¹⁾. Софійскій соборъ Ярославовъ и Владимірскій Успенскій соборъ Боголюбскаго, представляя собою тѣ же точные квадраты, имѣютъ по 14 сажень длины и по 14 сажень ширины ²⁾. Церковь Печерскаго монастыря, сохранившаяся до настоящаго времени только своимъ низомъ, надъ которымъ она надстроена вновь во второй половинѣ XV вѣка, имѣетъ около 14 сажень длины и около 12 сажень ширины. Переяславскій и Бѣлгородскій соборы совсѣмъ не сохранились до настоящаго времени и первый изъ нихъ и въ самый періодъ домонгольскій существовалъ весьма не долго, упавъ черезъ 35 лѣтъ послѣ построения. Мы считаемъ вѣроятнымъ причислять тотъ и другой къ церквамъ монументальнымъ потому, что объ исключительной величинѣ того и другаго нарочито говорятъ лѣтописи ³⁾. Строитель перваго епископъ Ефремъ болѣе или менѣе долгое время жилъ въ Константинополѣ и весьма возможно, что, насмотрѣвшись самъ собственными глазами на тамошнія великія церкви, онъ построилъ у себя въ Переяславѣ, въ бывшей митрополіи, т. е. въ кафедрѣ знаменитой,

¹⁾ *Фундукля* Обзорѣніе Кіева стр. 29; длина здѣсь—24 сажени, но съ восточной средней абсидой и съ папертью; безъ нихъ она совершенно равна ширинѣ, какъ оказывается по измѣренію приложеннаго плава.—Длина церквей существующихъ, какъ самыхъ церквей, у насъ обыкновенно показывается безъ олтаря; но такъ какъ олтарь обыкновенно занимаетъ не только олтарную абсиду (пристройку), но и часть самой церкви, то это—неправильно. Мы показываемъ ее, находя посредствомъ измѣренія плановъ, безъ олтарной абсиды. Паперти, гдѣ онѣ есть, по велику онѣ суть пристройки, мы не включаемъ въ измѣреніе, показывая величину только самыхъ церквей.

²⁾ Въ настоящее время Кіевскій Софійскій соборъ имѣетъ съ южной и сѣверной сторонъ по двѣ (съ каждой) пристроенныя къ нему въ концѣ XVII вѣка паперти.

³⁾ Перваго Лаврент. подъ 1089 и Ипатск. подъ 1090 г., втораго Ипатск. подъ 1197 г.

не только великую церковь, не уступавшую дотолѣ бывшимъ въ Росіи (Владимировой Десятинной и Ярославову Софійскому собору), но даже и нѣсколько ихъ превосходящую¹⁾. Ничтожный Бѣлгородъ обязанъ былъ соборомъ, который, по словамъ лѣтописца, «высокою и величествомъ и прочимъ украшеніемъ всѣмъ вдвѣ былъ удобренъ». Юстиніановскимъ такъ сказать замашкамъ своего князя Рюрика Ростиславича, который, насколько это было въ его не особенно большихъ средствахъ, наклоненъ былъ стяжать себѣ славу памятниками монументальнаго зодчества (другая его извѣстная постройка есть подведеніе каменной стѣны подъ церковь Выдубицкаго монастыря отъ Днѣпра въ предохраненіе отъ осыпи. Это сооруженіе въ лѣтописи уподобляется сооруженіямъ Соломоновымъ и на празднествѣ по его окончаніи князю сказано было торжественное похвальное слово, — Ипатск. лѣт. подъ 1199 г.).

За церквами монументальными, которыя, какъ видно по сей часъ указаннымъ ихъ размѣрамъ, могутъ быть признаны таковыми только весьма относительно²⁾, слѣдуютъ церкви средней величины, которыя въ старое время однако считались у насъ не только великими, но и превеликими³⁾. Размѣры этихъ церквей—отъ 10 до 8 сажень длины при таковой же или нѣсколько меньшей ширинѣ. Между этими церквами изъ сохранившихся до настоящаго времени первое мѣсто занимаетъ Новгородскій Софійскій соборъ, который, представляя изъ себя квадратъ, имѣетъ по 10 сажень длины и ширины, а за нимъ еще церквей до пяти—шести⁴⁾; изъ церквей не сохранившихся къ этой

¹⁾ Что Ефремъ, строя великую церковь, воодушевился мыслию о славіи своей каедры, это прямо даетъ знать лѣтопись, когда говорить: «создалъ (церковь) велику сущю, бѣ бо преже въ Переяславли митрополя». Церковь, построенная Ефремомъ въ 1089 г., черезъ 35 лѣтъ, именно—въ 1123 г., упала. Этимъ также дается подозрѣвать, что она была сравнительно очень велика (т. е. что какъ такая пала вслѣдствіе неискусной стройки).

²⁾ Вотъ размѣры западныхъ монументальныхъ церквей, построенныхъ въ нашу періодъ домонгольскій: соборъ Шпейерскій 51 слишкомъ сажень длины и 21 слишкомъ сажень ширины; соборъ св. Марка Венеціанскій — 30 сажень длины и 22 сажени ширины; соборъ Пизанскій — 47 саж. длины и 33½ саж. шир.; соборъ Бамбергскій—48 с. д. и 14 с. ш.; соборъ Майнцкій—60 с. д. и 27 с. ш..

³⁾ Новгородск. 3-я лѣтопись подъ 1113 годомъ называетъ превеликимъ храмомъ соборъ Новгородскій Николо-Дворищенскій, который относится именно къ церквамъ среднихъ размѣровъ.

⁴⁾ Именно: церковь Кіевскаго Златоверхо-Михайловскаго монастыря, Смоленская церковь Архангело-Михайловская (въ Историко-статистическомъ описаніи Смо-

категоріи, вѣроятно, принадлежали всѣ церкви каедральныя епископскія, въ Кіевѣ—большая или меньшая часть церквей монастырскихъ, построенныхъ князьями, и вообще по городамъ нѣкоторыя изъ монастырскихъ и приходскихъ церквей, построенныхъ тѣми же князьями. Разрядъ малыхъ церквей, который, какъ можно думать, состоялъ изъ не меньшей половины общаго количества всѣхъ,—отъ 7 саженой длины шелъ къ низу до 5 саженой и даже далѣе, при соотвѣтствующей, т. е. равной или нѣсколько меньшей, ширинѣ.

Нѣсколько выше мы говорили, что церкви, смотря по величинѣ, у Грековъ и у насъ были восьмистолпныя, шестистолпныя и четырехстолпныя. У насъ изъ церквей сохранившихся въ цѣломъ или въ остаткамъ мы находимъ восьмистолпными такъ называемыя монументальныя, однако не всѣ, а именно — Кіевскій Софійскій и Владимирскій Успенскій соборы ¹⁾, но безъ церкви Печерскаго монастыря, которая была шестистолпная (предполагая, что нынѣшняя церковь со-всѣмъ построена на старой основѣ — не только относительно стѣнъ, но и относительно столбовъ). Затѣмъ, шестистолпными были вообще церкви средней величины, а четырехстолпными — малой, однако отношеніе между количествомъ столбовъ и величиной не выдерживается строго, — есть церкви средней величины съ четырьмя столбами ²⁾, и есть церкви малой величины—большія въ разрядѣ малыхъ—съ шестью столбами ³⁾. Можно подозрѣвать, что, подражая Печерскому монастырю, имѣли наклонность устроить церкви съ шестью столбами, хотя бы онѣ были и менѣе, чѣмъ средней величины, въ монастыряхъ, и что такими была значительная часть церквей въ монастыряхъ Кіевскихъ. Двѣ наши восьмистолпныя церкви и съ ними одна шестистолпная—Новгородскій Софійскій соборъ. имѣютъ ту особенность, что въ нихъ ряды

ленской епархіи, стр. 216, длина церкви вмѣстѣ съ олтарной абсидой показана въ 38 аршинъ, но должно подозрѣвать, что олтарная абсида сравнительно велика), Юрьевскій соборъ (т. е. города Юрьева Польскаго), Новгородскія церкви: Юрьева монастыря и Николо-Дворищевскій соборъ и Владимирскій Дмитріевскій соборъ.

¹⁾ Успенскій Владимирскій соборъ даже не осмистолпный, а десятистолпный; но два лишніе его столба, составляющіе его особенность, пробиты въ западныхъ концахъ средней олтарной абсиды затѣмъ, чтобы съ передними столбами церкви составлять, такъ сказать, естественный балдахинъ надъ престоломъ (въ семь отношеніи подражаетъ ему Московскій Успенскій соборъ).

²⁾ Архангело-Михайловская Смоленская, Юрьевскій соборъ.

³⁾ Церковь Новгородскаго Аггониѣва монастыря.

столбовъ двойные, именно—что по-за столбамъ подкупольнымъ съ приставными къ нимъ поставлено съ обѣихъ сторонъ еще по ряду столбовъ, такъ что въ нихъ не по два ряда столбовъ, а по четыре. Эти три церкви, какъ мы видѣли выше, по своей формѣ квадратныя. Онѣ имѣютъ ширину равную длинѣ или значительно бѣльшую затѣмъ, чтобы верхнія галлерей или полаты, служившія помѣщеніемъ для женщинъ, сдѣлать возможно просторными и чтобы можно было протянуть ихъ кругомъ по всѣмъ тремъ стѣнамъ, т. е. не по одной только западной или не по западной только съ частями южной и сѣверной, но и по этимъ послѣднимъ вплоть до алтаря: поддержка сравнительно широкихъ сводовъ и полатей и требовала добавочныхъ столбовъ. Такъ какъ на полатахъ становились не только женщины, но и князья ¹⁾, и такъ какъ послѣднимъ естественно было желать имѣть свое мѣсто возможно близко ко алтарю, то съ вѣроятностію можно думать, что съ подобными полатами, а слѣдовательно квадратными и съ двойными рядами столбовъ, устраивались и вообще каедральныя епископскія церкви (которыя всѣ были въ стольныхъ городахъ княжескихъ). А что касается до церкви Печерскаго монастыря, то она съ своей продолговато-четвероугольной формою, т. е. съ своей шириною меньшею длины и съ своими двумя рядами столбовъ безъ вторыхъ рядовъ дополнительныхъ, что все предполагаетъ отсутствіе сейчасъ указанныхъ круговыхъ хоръ, какъ весьма вѣроятно думать, представляла собою воспроизведение большихъ церквей греческихъ монастырскихъ, въ которыхъ не требовались указанныя хоры (потому что женщины не допускались въ монастыри и въ монастырскія церкви) и въ которыхъ должны были заботиться не о томъ, чтобы были пространнѣе хоры, а о томъ, чтобы было болѣе свободнаго пространства внизу (при равной длинѣ съ Софійскимъ соборомъ она имѣетъ шесть столбовъ, а не восемь, вѣроятно, тоже какъ особенность монастырской архитектуры, чтобы столбами не загромаждать слишкомъ низа церкви). Такъ какъ три помянутыя квадратныя церкви (Софійскіе соборы Кіевскій и Новгородскій и Успенскій Владимірскій) слишкомъ широки, то восточныя алтарныя полу-кружія или абсиды пристроены къ нимъ не такъ, чтобы обнимали всю восточную стѣну, а такъ, что съ боковъ онѣ нѣсколько оставляютъ ее (обнимая ее по вторые столбы собора); но поелику алтарь съ жертвен-

¹⁾ Въ Константинополѣ императоры становились въ св. Софій на полатахъ,—*Const. Porphyg. De ceremon. aulae Byzant. ed. Bonn. pp. 77 fin., 88, 103* и др.: что у насъ князья становились на полатахъ, см. Иватск. лѣт. подъ 1152 годъ, 2 изд. стр. 319 нач..

никомъ и діаконикомъ не помѣщаются только въ абсидахъ, но захватываютъ нѣкоторую часть и самой церкви, то вслѣдствіе сего въ этихъ церквахъ съ боковъ жертвенника и діаконика въ одну линію съ ними являются еще два квадратныя восточныя отдѣленія (противъ угловыхъ отрѣзковъ восточной стѣны церкви, которые остались не закрыты абсидами), такъ что всѣхъ восточныхъ отдѣленій въ этихъ церквахъ не по три, а по пяти (три среднія — полукруглыя, абсиды, и два боковыя квадратныя) ¹⁾. Для позднѣйшаго времени эти пять отдѣленій имѣютъ то значеніе, что въ большихъ позднѣйшихъ церквахъ ихъ воспроизводили въ пяти абсидахъ (каковыхъ имѣютъ по пяти Московскій Успенскій соборъ и Троицкой Лавры Успенскій соборъ).

Двѣ наши восьмистолпныя и вмѣстѣ квадратныя церкви съ соединеніемъ къ нимъ третьей шестистолпной, но такъ же, какъ онѣ, квадратной и имѣющей два ряда столбовъ, — три помянутые собора, суть церкви пятикупольныя. Что касается до остальныхъ нашихъ шестистолпныхъ церквей, то съ одной стороны сохранились нѣкоторыя изъ нихъ, которыя несомнѣнно имѣли въ древнѣйшее время по одной главѣ ²⁾, а съ другой стороны не сохранилось ни одной, которая бы имѣла пять главъ; слѣдовательно, съ одной стороны, остается несомнѣннымъ, что нѣкоторыя изъ нихъ имѣли не по пяти главъ, а по одной, а съ другой—остается неизвѣстнымъ, были ли между ними такія, которыя имѣли по пяти главъ. Не зная этого послѣдняго достовѣрнымъ образомъ, считаемъ вѣроятнымъ предполагать это, и по крайней мѣрѣ о такихъ большихъ шестистолпныхъ церквахъ, какъ Печерская ³⁾.

¹⁾ Въ древнѣе видѣ восточныя боковыя отдѣленія сохранились во Владимирскомъ Успенскомъ соборѣ, въ Новгородскомъ Софійскомъ соборѣ сохранилось сѣверное квадратное отдѣленіе, а въ Кіевскомъ Софійскомъ все передѣлано (вмѣсто квадратныхъ отдѣленій полукруглыя абсиды).

²⁾ Таковы церкви Новгородскихъ Юрьева и Антоніева монастырей, въ каждой изъ которыхъ въ позднѣйшее время къ древней одной главѣ прибавлено еще по главѣ новой (см. выше,—слѣдовательно не убавлено).

³⁾ Преосвященный *Макарій* въ Археологич. описаніи церковныхъ древностей въ Новгородѣ, I, 256, увѣряетъ, что въ древнее время имѣлъ пять главъ нынѣ одноглавый Новгородскій Николю-Дворищенскій соборъ; но для насъ это нѣсколько сомнительно. Относительно церкви Кіевского Златоверхо-Михайловскаго монастыря Николювская лѣтопись (II, 40) увѣряетъ, что она имѣла 15 верховъ. Но на церкви могло быть только пять куполовъ и никакъ не болѣе; слѣдовательно, остальные 10 верховъ были главки. Гдѣ могли быть поставлены на церкви эти главки, мы недоумѣваемъ, а чтобы онѣ могли быть поставлены, весьма сомнѣваемся, и поэтому

Въ трехъ центрахъ каменно-строительной дѣятельности — Кіевѣ, Новгородѣ и области Суздальской съ Владимирою былъ употребляемъ разный матеріалъ для сооруженія церквей и разные способы кладки. Въ Кіевѣ церкви были кладены изъ кирпича, и именно—изъ тонкаго квадратнаго кирпича на известковой ¹⁾ съ мелкотолченнымъ кирпичемъ подмазкѣ, которая клалась между рядами кирпичей слоями вдвое болѣе толстыми, чѣмъ они сами ²⁾. Въ Новгородѣ церкви были кладены изъ камня и отчасти изъ кирпича; именно — браты были наколоты изъ каменныхъ жиль (горь, массъ) плиты и глыбы или существующій въ природѣ въ видѣ отдѣльныхъ круглышей булыжники, первыя иногда нѣсколько обтесывались, а болшею частію, какъ и второй, употреблялись какъ есть, въ ихъ естественномъ разнообразной неправильной формы видѣ, и изъ этихъ плитъ, глыбъ и круглышей складывалась стѣна, промежутки въ которой закладывались (какъ бы затыкались) кирпичами и потомъ заливались известкѣ съ щебнемъ изъ мелкаго камня. Такъ какъ при подобномъ способѣ кладки стѣны, пока не засыхала въ нихъ известка, могли разваливаться, то предполагаютъ, что при кладкѣ онѣ обставлялись съ обѣихъ сторонъ досками (чему усвоятъ техническое названіе класть въ коробку ³⁾). Въ Суздальской области (церкви Юрія Долгорукаго) и потомъ во Владимірѣ церкви были кладены изъ одного камня, и именно — наружное и внутреннее

увѣреніе Никоновской лѣтописи для насъ въ высшей степени сомнительно (въ XVI вѣкѣ, когда была составлена лѣтопись, на Михайловскую церковь, можетъ быть, дѣйствительно наставлено было много главокъ, хотя вѣроятно и не 15-ть). Черниговскій соборъ, заложенный Мстиславомъ Ярославичемъ, въ настоящее время, послѣ нѣсколькихъ реставрацій, имѣетъ пять главъ, и полагаютъ, что онъ имѣлъ ихъ пять и въ древнее время (*М. Маркова* «О достопамятностяхъ Чернигова» въ Чтен. Общ. Ист. и Древн., годъ третій, № 1, Смѣсь, стр. 15). Но не имѣя плана собора и судя о немъ только по его фасаду (который у гр. *Строганова* въ изданіи: Русское искусство Е. Виолле-Ле-Дюкъ и архитектура въ Россіи съ X по XVIII вѣкѣ, Спб. 1878, и въ Словарѣ *Мюллера-Мотеса* S. 811, Fig. 1166), мы также пока въ этомъ сомнѣваемся.

¹⁾ Замѣтимъ здѣсь встать, что наше слово известъ изъ греческаго ἄφρατος.

²⁾ Митр. *Евгенія* Описаніе Кіево-Софійск. собора, стр. 30, *Фундукля* Обзорніе Кіева, стр. 30.

³⁾ *Превос. Макарія* Археологическое описаніе древностей въ Новгородѣ, ч. I, стрр. 20, 50, 410 и 461. Относительно досокъ, если онѣ дѣйствительно употреблялись, дѣло должно представлять не такъ, что стѣны при кладкѣ «обстановивались» ими, ибо при этомъ нельзя было бы производить кладки, а такъ, что по мѣрѣ кладки стѣны обкладывались ими.

лицо (облицовка) выкладывалось изъ камней бѣлой известковой породы обтесанныхъ въ правильную кубическую форму, а внутренность наполнялась булыжникомъ и обломками отъ предыдущихъ камней и заливалась известкой ¹⁾. Кіевскій способъ кладки есть способъ греческій. Относительно способа Суздальско-Владимирскаго, вѣроятно, у иныхъ читателей является наклонность подозрѣвать, что онъ есть западный; на самомъ же дѣлѣ его должно считать болгарскимъ: камень для кладки Суздальско-Владимирскихъ церквей былъ получаемъ изъ сосѣдней съ Суздальской областью Камской Болгаріи ²⁾, и необходимо думать, что эта Болгарія, имѣвшая каменную архитектуру (въ мечетяхъ) съ первой половины X вѣка ³⁾ и именно—такую (по матеріалу и способу кладки) архитектуру, какую находимъ въ Суздаль—Владимирѣ, не только доставляла послѣднимъ матеріалъ, но и послужила для нихъ образцомъ въ самомъ строеніи, т. е. въ технической части или способѣ кладки ⁴⁾. Новгородскій способъ стройки, представляющій изъ себя нѣчто совсѣмъ первобытное, нѣчто такъ сказать циклопическое и пелазгическое, составляетъ для насъ вопросъ и загадку. Какъ кажется, этотъ способъ

¹⁾ Дмитриевскій соборъ во Владимирѣ (на Клязьмѣ, *гр. Строганова*). Москва, 1849 г., стр. 5. Известковый растворъ, искусственно сдѣланный съ тѣми или другими примѣсями (въ Кіевѣ — толченый кирпичъ, во Владимирѣ — ячменная или ржаная мякина) во всѣхъ трехъ мѣстностяхъ отличается величайшей крѣпостью. — 0 стѣнахъ Черниговскаго Преображенскаго собора въ одномъ, извѣстномъ намъ, сообщеніи о соборѣ говорится, что онѣ складены изъ дикихъ, кремнистыхъ черносѣрыхъ камней огромной величины, соединенныхъ крѣпкимъ красноватымъ цементомъ, составъ котораго теперь неизвѣстенъ, см. у *А. Раткина* въ Полномъ собраніи историческихъ свѣдѣній о монастыряхъ и церквяхъ, М. 1852, стр. 545. По другому сообщенію, въ стѣнахъ собора три и четыре ряда тонкаго квадратнаго кирпича смѣняются рядами огромнаго кремнистаго камня, при чемъ цементъ, связывающій ряды кладки, необыкновенно крѣпкій, особаго нынѣ неизвѣстнаго свойства, — статья: «Черниговъ» въ Черниговскихъ Епархіальныхъ Извѣстіяхъ 1863-го года и отдѣльной брошюрой, стр. 5.

²⁾ Дмитриевск. соборъ *гр. Строганова*, *ibid.*.

³⁾ См. *Бестужева-Рюмина* Русск. Ист. I, 74.

⁴⁾ И искусственный способъ придачи известкѣ крѣпости посредствомъ примѣся въ нее мяканы указываетъ тоже на Болгарію (а не на Западъ). — Въ Болгаріи, гдѣ давно существовало каменное строительство, могло быть такъ, что матеріалъ для камнестроенія находился въ продажѣ готовымъ (какъ у насъ теперь кирпичъ и пр.). Равнымъ образомъ, тамъ были знающіе и обученные рабочіе (готовое сословіе каменщиковъ). А эти двѣ причины и могли ближайшимъ образомъ расположить каменоздателей Суздальско-Владимирскихъ обратиться къ Болгаріи.

былъ отчасти употребителенъ на Западъ ¹⁾; однако производить его оттуда, когда мы находимъ его уже въ приложеніи къ постройкѣ Софійскаго собора, представляется совсѣмъ невѣроятнымъ. За сѣмъ, остается думать о немъ на двое: или что онъ изобрѣтенъ былъ мастерами греческими у насъ въ Россіи, или — гораздо вѣроятнѣе, — что онъ употреблялся уже въ самой Греціи для постройки церквей простѣйшихъ и бѣднѣйшихъ, какъ способъ болѣе скорый и болѣе дешевый. Можетъ показаться страннымъ, что такой способъ введенъ былъ именно въ богатомъ Новгородѣ. Но онъ введенъ былъ въ то время, когда богатые Новгородскіе граждане были еще плохими христіанами и еще весьма мало интересовались христіанскими церквами, какъ бы онѣ ни были строены; а бывъ введенъ однажды, онъ сталъ потомъ мѣстнымъ обычаемъ (относительно кладки въ древнее время сводовъ и куполовъ не особенно и не весьма надежный знатокъ дѣла покойный И. М. Снегиревъ во введеніи къ Памятникамъ Московской древности говоритъ: «[въ церквахъ и каменныхъ зданіяхъ Москвы] потолки и своды между желѣзными связями слагаемы были изъ глиняныхъ кувшиновъ или горшковъ; этотъ способъ кладки, употребляемый и нынѣ во всѣхъ важныхъ постройкахъ (?), давно извѣстенъ былъ въ Россіи; остатки такого свода найдены въ развалинахъ Десятиной Кіевской церкви, въ Кіевософійскомъ и Рязанскомъ соборахъ»... стр. XXXIV. Если бы это было такъ, то подобнымъ образомъ купола и своды прежде всего должны были бы клаться въ Новгородскихъ церквахъ, гдѣ требовалась ихъ возможная легкость по свойству стѣнъ. Однако они кладены были въ нихъ изъ кирпича, *Макар. ibid.* стр. 25. Въ кирпичныхъ сводахъ и куполахъ Новгородскихъ церквей дѣйствительно вставлено множество этихъ горшковъ или точнѣе небольшихъ горшечковъ — такъ называемыхъ голосниковъ, и весьма возможно, что это не только для голоса или резонанса, но и для легкости сводовъ и куполовъ ²⁾. Было ли тоже въ Кіевѣ и во Владимирѣ, остается намъ неизвѣстнымъ).

¹⁾ Cfr Geschichte d. kirchlich. Kunst d. deutschen Mittelalters, von H. Otte, Leipzig, 1862, S. 7 sqq.

²⁾ Въ настоящее время въ бѣльшей части Новгородскихъ церквей голосники замазаны и заштукатурены. Не замазанными ихъ можно видѣть въ ихъ величайшемъ множествѣ въ церкви Николая Липнаго, находящейся въ 7 — 8 верстахъ отъ Новгорода (въ куполѣ ихъ такое множество, что онъ представляется весь какъ бы взрѣшотаннымъ пробойнами небольшихъ пушечныхъ ядеръ), а щупать ихъ внутри можно въ Антоніевомъ монастырѣ вверху во входной на полати башнѣ.

Наши монументальныя церкви домонгольскаго періода суть такія только весьма относительно и не идутъ въ сравненіе съ монументальными церквами Запада. За то онѣ и кладены были не многіе десятки лѣтъ и не по цѣлымъ столѣтіямъ, какъ послѣднія, а обыкновенно весьма поспуру. Десятинная церковь Владимірова не только была складена, но и совсѣмъ отстроена въ шесть лѣтъ (991—996), церковь Печерскаго монастыря была складена въ три лѣта (1073—1075), Владимірскій Успенскій соборъ былъ складенъ и до нѣкоторой степени отстроенъ (см. ниже) также въ три лѣта (1158—1160); Новгородскій Софійскій соборъ, представляющій собою церковь не монументальную, но близкую къ нимъ, былъ совсѣмъ отстроенъ въ восемь лѣтъ (1045—1052) ¹⁾.

Не всѣ наши каменныя церкви домонгольскаго періода непременно были кладены греческими мастерами. Необходимо думать, что малыя между ними были кладены мастерами русскими, ибо предполагать, чтобы для стройки и этихъ церквей были выписываемы мастера греческіе было бы совсѣмъ невѣроятно. Но какъ клали каменныя церкви наши русскіе мастера, когда они не имѣли никакого понятія объ архитектурѣ, когда они могли быть только каменщиками, а не архитекторами? Необходимо думать, что такъ же, какъ и въ позднѣйшее, извѣстное намъ въ семъ отношеніи, время, а именно—съ образца. Въ порядныхъ или подрядныхъ записяхъ XVII вѣка читаемъ, что-де построить церковь съ образца такой-то, въ ту же мѣру, убавивъ или прибавивъ противъ ней столько-то: необходимо думать, что такъ дѣло дѣлалось и въ періодъ домонгольскій. Мастерамъ указывали образецъ; они его осматривали и измѣряли, и затѣмъ, держа планъ въ умѣ, и строили новую церковь. Строительство подобныхъ мастеровъ должно было быть совершенно тѣмъ же, что переводы съ подлинниковъ въ нашемъ иконописаніи. Никакихъ измѣненій плана противъ образцовъ, никакихъ въ немъ нововведеній и собственныхъ примышленій не могло быть, ибо для сего требовалось ученое знаніе архитектуры, а безъ него дѣлать какія нибудь нововведенія значило бы не что иное, какъ подвергать себя риску построить церковь, которая бы упала прежде окончанія. Изъ этого слѣдуетъ то, что малыя церкви всякой

---

¹⁾ При чемъ эти восемь лѣтъ, по всей вѣроятности, должно понимать не такъ, что въ продолженіе всѣхъ ихъ онѣ былъ кладенъ, а такъ, что послѣ кладки, оконченной болѣе или менѣе скорѣе, ему давали нѣкоторое, и можетъ быть—довольно долгое, время отстаиваться, что требовалось Новгородскимъ способомъ этой кладки.

мѣстности должны были отличаться совершеннымъ однообразіемъ плана, представляя или всѣ одно и тоже или нѣсколько однообразныхъ группъ, смотря по тому, сколько извѣстная мѣстность давала первоначальныхъ образцовъ.

Само собою разумѣется, что работа нашихъ самоученыхъ и вмѣстѣ нисколько не ученыхъ мастеровъ, не отличалась полнымъ совершенствомъ техники. А вслѣдствіе этого и ихъ постройки не могли отличаться особенной прочностью. Какъ кажется однако, не совсѣмъ справедливо думать о нихъ въ сейчасъ указанномъ отношеніи черезчуръ худо. Заключаютъ объ ихъ плохомъ искусствѣ по церквамъ Новгородскимъ, которыя слишкомъ часто падали и вообще не отличались долговѣчностью. Но долговѣчность и такъ сказать падучесть Новгородскихъ церквей зависѣла отъ способа ихъ кладки. Естественно, что при томъ оригинальномъ способѣ кладки, который употреблялся въ Новгородѣ и который мы указали сейчасъ выше, стѣны тамошнихъ церквей раздавались и совсѣмъ развѣзжались, а вслѣдствіе сего причиняли паденіе куполовъ или и совсѣмъ падали.

Если весьма не по долгу были кладены наши монументальныя церкви, то, конечно, еще скорѣе должна была производиться кладка церквей обыкновенныхъ, имѣвшихъ средніе и малые размѣры. По нѣкоторымъ указаніямъ слѣдуетъ думать, что обыкновеннымъ срокомъ кладки первыхъ были три лѣта, а обыкновеннымъ срокомъ кладки вторыхъ—два лѣта. Въ Новгородѣ эти церкви были кладены скорѣе, чѣмъ гдѣ нибудь, что, полагаемъ, нужно объяснять все тѣмъ же способомъ тамошней кладки, а иногда онѣ клались тамъ и совсѣмъ съ чрезвычайной скоростью. Такъ, церковь Спаса въ Нередцахъ, во свидѣтельство своей прочности сохранившаяся до настоящаго времени, была складена въ 4 мѣсяца; церковь св. Кирилла въ Нелезнѣ, также сохранившаяся доселѣ, въ три мѣсяца; церковь Благовѣщенія въ монастырѣ архіепископа Или, не самая малая, а изъ малыхъ большая (8 сажень длины и 7 ширины) и тоже доселѣ сохранившаяся, была складена въ 70 дней; церковь Богородицы Ризположенія на городскихъ воротахъ въ два мѣсяца; наконецъ, церковь трехъ Отроковъ, малая и придѣльная къ другой церкви (св. Михаила) въ четыре дни. Послѣднее напоминаетъ то, какъ въ деревняхъ печи въ такъ называемыя черныя избы сбиваютъ (собственно — сбивали, ибо уже не сбиваютъ) въ одинъ день.

Мы не усвоили себѣ каменной архитектуры такъ, чтобы она стала нашимъ собственнымъ искусствомъ и чтобы мы, бывъ въ ней самостоятельными, могли проявлять въ ней свой умъ, свой вкусъ, свое творче-

ство, однимъ словомъ—самихъ себя (какъ это было на Западѣ): наши каменные церкви періода домонгольскаго по своей формѣ представляютъ собою простое механическое воспроизведеніе церквей греческихъ и болѣе ничего. Но церкви одной и той же, данной, формы могутъ различаться въ отношеніи къ совершенству своихъ плановъ, въ отношеніи къ своей соразмѣрности, стройности и изяществу, какъ архитектурныхъ произведеній, вообще къ наглядной архитектурной красотѣ. Не условливаясь непремѣнно научнымъ знаніемъ архитектуры, красота эта предполагаетъ врожденныя чувство и потребность изящнаго. Въ этомъ отношеніи между строителями нашихъ каменныхъ, до настоящаго времени сохранившихся, церквей (о которыхъ однихъ, конечно, мы можемъ говорить) долженъ быть указанъ какъ выдающійся изъ ряда другихъ Андрей Юрьевичъ Боголюбскій. Его маленькая Покровская церковь, находящаяся близъ Боголюбова монастыря, по своей изящной и, такъ сказать, граціозной стройности, секретъ которой главнымъ образомъ въ томъ, что въ ней взята своя, большая обыкновенной, пропорція высоты, рѣзко выдѣляется изъ числа другихъ, сохранившихся церквей, давая предполагать въ своемъ строителѣ вкусъ и чувство красоты исключительныя (Братъ Боголюбскаго Всеволодъ въ своемъ Дмитріевскомъ соборѣ точно воспроизводитъ формы Покровской церкви; но давъ ему размѣры, значительно большіе послѣдней, онъ не нашолъ ея гармоніи пропорцій и отъ того его соборъ въ отношеніи къ стройности ниже ея и не представляетъ собою ничего замѣчательнаго ¹⁾). Его специальную замѣчательность, которую иные не совсѣмъ справедливо обобщаютъ въ изящество во всѣхъ отношеніяхъ, составляютъ барельефы на стѣнахъ).

Итакъ, наши каменные церкви періода домонгольскаго, бывъ воспроизведеніемъ церквей греческихъ, представляли изъ себя четверугольники, — квадратные или близкіе къ квадратамъ, съ куполами, — однимъ или многими, и въ послѣднемъ случаѣ именно—пятью (съ добавкой или безъ добавки полукуполовъ), поверхъ ихъ.

Въ существѣ наши церкви оставались таковыми и во все послѣдующее время и остаются таковыми и до сихъ поръ. Въ позднѣйшее время вошло въ обычай пристраивать къ церквямъ такъ называемыя трапезы, въ которыхъ устроятся теплыя церкви; но если отнять у

---

¹⁾ Размѣры Покровской церкви: $15\frac{1}{2}$ аршинъ длины, $11\frac{1}{2}$ аршинъ ширины. 39 аршинъ вышины (съ крестомъ); размѣры Дмитріевского собора: $27\frac{1}{2}$ а. л., $21\frac{1}{2}$ а. ш. и 46 а. в. (тоже съ крестомъ).—Труды перваго археологическаго съѣзда въ Москвѣ, I, 258.

позднѣйшихъ и новыхъ церквей эти трапезы, то всѣ онѣ будутъ сейчасъ указанными четверугольниками. Равнымъ образомъ всѣ позднѣйшія и новыя перкви непремѣнно имѣютъ поверхъ себя купола. Но тогда какъ въ періодъ домонгольскій купола всегда ставими были на столбы и имѣли форму тамбурную и притомъ одного извѣстнаго вида: въ позднѣйшее время въ церквахъ малыхъ начали ставить ихъ прямо на стѣны и вслѣдствіе того придавать имъ форму сферическую и именно—сферу не правильно полукруглыхъ, а какъ бы спитыхъ изъ четырехъ лоскутовъ, а вмѣстѣ съ симъ и относительно тамбурныхъ куполовъ, поставленныхъ на столбахъ, не держась строго ихъ древняго или вообще одного опредѣленнаго вида, позволить себѣ произвольную и разнохарактерную свободу (*chaque baron a sa fantaisie*,—что преимущественно относится къ настоящему времени). Затѣмъ, въ позднѣйшее время явились (бывъ заимствованы главнымъ образомъ отъ церквей деревянныхъ) разные новые способы украшенія церквей и въ числѣ ихъ на первомъ мѣстѣ обычай ставить на купола главы и главки (на купола тонкіе тамбурные насаживая ихъ прямо, съ превращеніемъ самыхъ куполовъ какъ бы въ шеи, а на прочіе, въ единственномъ или множественномъ числѣ, ставя посредствомъ шей и такъ называемыхъ фонарей).

Частнѣйшая классификація нашихъ каменныхъ церквей домонгольского періода, указанная нами выше, весьма не многосложна.

И во-первыхъ, относительно формы: четверугольникъ правильный или настоящій и четверугольникъ съ выступами въ боковыхъ сторонахъ сѣверной и южной, которые придавали ему видъ креста. Форма перваго четверугольника была у насъ, такъ же какъ и въ Греціи, господствующею и ее имѣло большинство нашихъ церквей; форма втораго четверугольника является у насъ на немногихъ церквахъ въ видѣ формы частной и исключительной, каковою она была и въ Греціи.

Во-вторыхъ, относительно раздѣлки стѣнъ съ наружной стороны и относительно формы кровли: церкви съ тѣмъ или другимъ количествомъ лизенъ самостоятельныхъ и съ кровлею по полукругамъ этихъ послѣднихъ, и церкви съ лизенами тройчатками и съ кровлею въ видѣ креста на четыре трехъугольные фронтона. Къ первому классу принадлежатъ большія церкви Новгородскія и всѣ Владимірскія, ко второму классу — малыя Новгородскія. Первый классъ въ отношеніи къ лизенамъ подраздѣляется на двое, именно—лизены съ однимъ полемъ во всю длину стѣнъ (церкви Новгородскія) и лизены съ раздѣленіемъ ихъ поля на двѣ половины — верхнюю и нижнюю (церкви Владимірскія).

Сообщимъ свѣдѣнія о церквахъ замѣчательныхъ, именно — монументальныхъ, указанныхъ выше, знаменитыхъ исторически помимо монументальности, каковъ Новгородскій Софійскій соборъ, и отличающихся особенностями, каковы — Владимирскія церкви, украшенныя барельефами.

Первая по времени изъ церквей монументальныхъ есть Кіевская Десятинная церковь Успенія Богородицы, къ постройкѣ которой Владимиръ приступилъ, выписавъ мастеровъ, т. е. архитекторовъ, изъ Греціи, въ слѣдъ за приступомъ къ общему крещенію народа въ 991 г. (см. выше) и которая окончена и освящена черезъ шесть лѣтъ въ 996 г. ¹⁾. Къ сожалѣнію, эта первая не только изъ монументальныхъ, но изъ всѣхъ вообще нашихъ каменныхъ церквей, и нисколько не описана въ архитектурномъ отношеніи лѣтописцами и не сохранилась до настоящаго времени, погибнувъ въ нашествіе на Кіевъ Монголовъ въ 1240 г.. Когда Батый взялъ крѣпость Кіевскую (по древнему городу), то граждане наскоро устроили было другую крѣпость около нашей Десятинной церкви ²⁾, но — говоритъ лѣтописецъ — «придоша на нѣ (на нихъ Татары) и бысть брань межи ими велика, людемъ же узбѣгшимъ на церковь и на комары (своды) церковныя и съ товары своими ³⁾, отъ тяжести повалишася съ ними стѣны церковныя» ⁴⁾. Размеры церкви, найденныя по остаткамъ фундамента, мы указали немного выше. Не имѣемъ положительныхъ свидѣтельствъ, но со всею вѣроятностію думаемъ, что она была не однокупольная, а пятикупольная, и что вообще по своему плану и по своей формѣ она должна быть пред-

¹⁾ Названіе Десятинной церковь получила не отъ самаго Владимира, а послѣ него отъ данной имъ ей десятины; въ лѣтописи она называется въ первый разъ Десятинною подъ 1093 г. (конецъ года, сравн. 1078 г., — Лаврент. лѣт. 2 изд. стр. 196).

²⁾ Т. е., какъ должно понимать дѣло, укрѣпились въ бывшей около Десятинной церкви особой части города (особомъ частномъ городѣ), см. топографію древняго Кіева въ приложеніи къ этой главѣ, въ спискѣ каменныхъ церквей.

³⁾ Съ своими имуществомъ (пожитками).

⁴⁾ Превратности, которымъ подвергалась Десятинная церковь до нашествія Монголовъ, суть: въ 1017 г. она горѣла (см. сейчасъ ниже о Кіевософійск. соборѣ), въ 1171 г. и въ 1203 г. она была граблена князьями, бравшими Кіевъ подъ соперниками, и при этихъ взятіяхъ, которыя сопровождались разграбленіями города, обращавшимися съ его святыней ни на іоту не лучше Татаръ (первый годъ въ Ипатск. лѣтоп., второй въ Лаврент.. Въ 1039-мъ году, по лѣтописи, церковь священа митр. Феопемптомъ: и возможно понимать это такъ, что она оставалась до 1039-го года не возобновленною и не освященною послѣ пожара 1017-го года).

ставляема болѣе или менѣе тождественною съ Софійскою церковію Ярославовою, въ которой надлежитъ видѣть ея повтореніе. Одна позднѣйшая лѣтописная статья, именно статья, имѣющая заглавіе: «Начало православныхъ государей и великихъ князей русскихъ», помѣщенная въ такъ называемой Воскресенской лѣтописи, увѣряетъ, что Десятинная церковь была о полутретьяцками, т. е. о 25-ти верхахъ,— Собр. лѣтт. VII, 240. Если увѣреніе не сочинено съ какого-либо повода составителемъ статьи или вообще къмъ бы то ни было, а говорить дѣйствительную правду, извѣстіе о которой заимствовано неизвѣстно откуда: то нужно будетъ представлять дѣло такъ, что при 5-ти настоящихъ куполахъ церкви 20-ть верховъ ея представляли собою малые глухіе чашеобразные куполы, рядами которыхъ покрыты были ея паперти, окружавшія ее съ трехъ сторонъ, какъ покрыты рядами этихъ малыхъ и глухихъ чашеобразныхъ куполовъ паперти Венеціанскаго св. Марка, а въ Константинополѣ съ образца бывшихъ церквей покрыты галлерей дворовъ, находящихся при большихъ мечетяхъ ¹⁾. Что касается до внутреннихъ украшеній, то эти послѣднія въ тогдашнихъ греческихъ церквахъ раздѣлялись на украшенія въ собственномъ смыслѣ, и на украшенія, которыя были таковыми только побочно и посредственно, а прямо и непосредственно или служили цѣлямъ архитектурнымъ, имѣвъ здѣсь практическое назначеніе, или составляли принадлежность церквей, какъ молитвенныхъ зданій и мѣсть общественнаго богослуженія. Украшеніе перваго рода составляли: мозаика церковныхъ половъ и убранство или отдѣлка входныхъ вратъ или дверей въ церкви. Мозаика половъ, которой наибольшая часть русскихъ людей вовсе не видала и которая русскому человѣку слышится какъ-то странно, ибо по нашимъ обыкновеннымъ понятіямъ (условливаемымъ нашимъ климатомъ, столько щедро снабжающимъ насъ грязью) церковный полъ долженъ представлять сплошной слой этой грязи, а не что-нибудь другое, играла въ украшеніи греческихъ церквей весьма немаловажную роль. Всякій слышалъ и знаетъ, что полы въ домахъ у хорошихъ господъ не то, что въ крестьянскихъ избахъ, а такъ называемые паркеты. Мозаика была тотъ же паркетъ, только не деревянный, а каменный, и отличалась отъ него тѣмъ, что представляла на своихъ рисункахъ не простые и однообразные шахматы, а цѣлыя весьма

¹⁾ Гдѣ смотрѣть планъ и фасадъ церкви св. Марка, указано нами выше. Видъ одной изъ большихъ Константинопольскихъ мечетей съ нашими малыми куполами на галлерейхъ двора, именно мечети Ахметовой, см. у *Византия* въ I томѣ *Константинополиса* (изъ приложенныхъ къ тому рисунковъ 5-й отъ начала).

сложные картины и виды. Если читатель вообразить себѣ возможно хорошій по рисунку коверъ, если онъ превратить его въ воображеніи изъ шерстяныхъ или шелковыхъ въ каменные, то онъ и будетъ имѣть понятіе о древней греческой мозаикѣ церковныхъ половъ ¹⁾. Входныя двери въ церковь, какъ и всякія другія двери, русскій человекъ по теперешнимъ нашимъ обычаямъ представляетъ себѣ только въ видѣ плотничнаго или столярнаго произведенія, восходящаго цѣной много развѣ до 10 рублей; но кто бывалъ въ дворцахъ, кто видалъ двери Петербургскаго Исаіевскаго собора или Московскаго храма Спасителя, тотъ знаетъ, что могутъ быть двери, стоящія цѣлыхъ хорошихъ домовъ. Непростыя или украшенныя входныя двери въ церкви дѣлались у Грековъ такимъ образомъ, что деревянныя створки ихъ обкладывались металлическими листами, которые посредствомъ рѣзбы или чеканки съ присоединеніемъ инкрустаціи и такъ называемой оброчной работы, украшались болѣе или менѣе художественнымъ образомъ разнаго рода изображеніями. Первый видъ украшеній втораго рода составляли ряды мраморныхъ колоннъ, которыя ставились внизу церквей между подкупольными и добавочными къ нимъ столбами и вверху на полатахъ (надъ нижними рядами) по краямъ послѣднихъ и практическимъ архитектурнымъ назначеніемъ которыхъ было помогать столбамъ въ поддержаніи полатей и куполовъ. Второй видъ украшеній втораго рода состоялъ изъ священныхъ изображеній, которыми покрывались стѣны церквей и которыя производились или посредствомъ обыкновенной живописи или посредствомъ особой мозаики стѣнъ, — такъ называемой мусіи, причемъ послѣдняя въ смыслѣ украшенія считалась гораздо вышею первой или точнѣе говоря единственно считалась украшеніемъ, ибо живопись составляла простую необходимую принадлежность (нынѣшнихъ иконостасовъ, составляющихъ наибольшую часть единственное украшеніе нашихъ церквей, въ древнее время вовсе не было, о чемъ ниже). Мозаика половъ, мраморныя колонны и мозаика стѣнъ или мусія вовсе не могли играть у насъ такой же роли въ украшеніи церквей, какъ это было въ Греціи. Все это должно было привозиться изъ послѣдней и, во-первыхъ, должно было обходиться весьма дорого (матеріалы для стѣнной мусіи можетъ быть сами по себѣ были и не особенно дороги, но для работы ими нужно было выписывать греческихъ мастеровъ), — во-вторыхъ, какъ колонны и матеріалы

---

¹⁾ Рисунки этой мозаики можно видѣть у *Текзе* и *II. Пуллана* въ *L'Architecture Byzantine* и у *Зальценберга* въ *Alt-christliche Baudenkmale*, а въ натурѣ ее можно въ настоящее время видѣть въ Афонскихъ монастыряхъ.

для мозаики половъ, было крайне неудобоперевозимо. Необходимо однако думать, что наша первая каменная церковь наиболѣе приближалась въ семь отношеніи къ церквамъ греческимъ, хотя нѣтъ сомнѣнія и далеко не равнялась съ ними (т. е. съ хорошими изъ нихъ). Владимиръ, приступившій къ построенію Десятинной церкви послѣ взятія Корсуни, могъ вывести колонны и половыя мозаики изъ этой послѣдней, обобравъ тѣ и другія въ качествѣ побѣдителя въ ея общественныхъ зданіяхъ (и поступивъ въ семь случаѣ подобно самимъ Грекамъ, которые при построеніи своихъ церквей пользовались матеріалами и украшеніями, именно—колоннами, отъ языческихъ храмовъ). Что Десятинная церковь дѣйствительно была гораздо болѣе богата мраморными колоннами, чѣмъ послѣдующія церкви, объ этомъ свидѣлствуетъ и найденное на ея развалинахъ «множество кусковъ мрамора», также «мелкіе обломки мраморныхъ базъ и капителей» ¹⁾, чего всего иначе бы не было. Кромѣ кусковъ мрамора въ развалинахъ найдены были куски яшмы ²⁾, украшенія изъ которой также могли быть вывезены изъ Корсуни и преимущественно состояли вѣроятно въ капителяхъ колоннъ. Что касается до пола, то въ олтарѣ около престола онъ былъ посланъ въ четвероугольникахъ изящной работы изъ разноцвѣтныхъ мраморовъ, яшмъ и стеколъ, въ жертвенникѣ и диаконикѣ былъ составленъ изъ плитъ, муравленныхъ наподобіе кафеля, предъ олтаремъ и на солеѣ былъ мозаическій, а въ самой церкви былъ высланъ краснымъ шиферомъ, привезеннымъ, какъ полагаютъ, отъ Карпатскихъ горъ ³⁾. Весьма возможно, что Владимиръ былъ въ состояніи настлать мозаическій полъ и во всей церкви, вывезши достаточно матеріала изъ Корсуни, но что онъ не сдѣлалъ этого потому, что при нашей грязи и при нашихъ сапогахъ сдѣлать это значило завѣдомо обречь драгоценный полъ на скорую гибель. Относительно стѣнной мозаики или мусіи извѣстно только то, что она была въ церкви, но какъ много послѣдняя была ею украшена, остается неизвѣстнымъ: вѣроятно, какъ въ послѣдующемъ Софійскомъ соборѣ, ею украшены были: олтарь, предъ-олтарная арка и главный куполь съ его такъ называемыми парусами. Что была въ церкви живопись, покрывавшая болѣе или менѣе всю ее, это, кромѣ остатковъ живописи въ развалинахъ, само собою предполагается, ибо послѣдняя считалась необходимою принадлежностью церквей. Со всею вѣроятностію слѣдуетъ думать, что и входныя двери

¹⁾ *Фундукля* Обзорніе Кіева, стр. 28 стр.

²⁾ *Ibid.*

³⁾ *Ibid.* стрр. 28 и 29. Тутъ же см. рисунки мозаики пола.

въ церкви были не простыя, а болѣе или менѣе богато украшенныя, такъ какъ металлическія пластины для обложенія легко было приобрести изъ Греціи. Но остатковъ дверей, разумѣется, не могло сохраниться, а поэтому и мы ничего не можемъ сказать положительнаго.— Развалины Десятинной церкви оставались развалинами отъ нашествія Монголовъ до митр. Петра Могила, знаменитаго возобновителя всего церковнаго Кіева. Къ уцѣлѣвшей югозападной части древнихъ стѣнъ Петръ Могила въ 1635 г. пристроилъ изъ древняго матеріала небольшую новую церковь, которая стояла до 1828 г.. Въ семь послѣднемъ году на мѣсто ея заложена другая новая церковь, которая, бывъ освящена въ 1842 г., и составляетъ нынѣшнюю Десятинную церковь, хранящую нѣкоторые остатки древней, но не имѣющую ничего съ ней общаго (и по своему плану не показывающую въ архитектурѣ, который ее сочинилъ, совершеннаго знатока древней греческой и нашей архитектуры. — Въ нынѣшней Десятинной церкви сохраняются изъ остатковъ древней: 13 буквъ греческой, остающейся неразгаданною, надписи (снимокъ съ которой и о которой у Карамз. къ т. 1 прим. 473), остатки мозаическаго пола, осколки стѣнной мозаики, нѣсколько растворчатыхъ крестиковъ съ пустотою въ срединѣ, найденныхъ въ могилахъ, находившихся при церкви, нѣсколько небольшихъ обломковъ обдѣланнаго мрамора и кафель, служившихъ для выстилки пола, два небольшіе разбитые колокола особенной формы, найденные съ крестиками въ помянутыхъ могилахъ, и еще нѣкоторыя другія вещи, *Фундукл.* стр. 31. При разрытіи развалинъ древней церкви, произведенномъ митр. Евгеніемъ въ 1824 г., были было найдены еще двѣ цѣлыя шиферныя гробницы и мраморная разбитая на три части доска отъ гробницы (Владимировой?), но послѣдней нѣтъ налицо, а двѣ первыя, къ сожалѣнію, скрыты подъ полъ новой церкви, такъ что ходъ къ нимъ недоступенъ, *ibid.*).—Въ «Галлерей Кіевскихъ достопримѣчательныхъ видовъ и древностей» *Н. Сементковскаго* и *А. Гаммершмидта*, стр. 227, и изъ нея у *П. Полеваго* въ Очеркахъ русской исторіи по памятникамъ, вып. II, стр. 15, въ Нивѣ 1883 г., стр. 468, и въ Живописномъ Обозрѣніи 1884 г., № 9-й, а можетъ быть—и еще гдѣ-нибудь, напечатана гравюра, представляющая видъ развалинъ Десятинной церкви. Но этотъ видъ есть чье-то простое не похвальное сочиненіе.

Вторая по хронологическому порядку, подлежащая нашимъ рѣчамъ, церковь есть Кіевскій Софійскій соборъ, построенный Ярославомъ.

Прежде всего составляетъ вопросъ время построенія этой церкви. Кіевская или общерусская начальная лѣтопись говоритъ, что Ярославъ заложилъ св. Софію въ 1037 г. въ новомъ, тогда же заложеномъ пмѣ,

городѣ, на мѣстѣ побѣды надъ Печенѣгами, одержанной въ предшествующемъ 1036 г.. Но въ лѣтописи Новгородской, повторяемой и позднѣйшими сборниками (Софійск. Временн., Никононск. и Воскресенск. лѣтт.) о zaloженіи Софіи говорится подъ двумя годами 1017 и 1037; подъ первымъ: «въ лѣто 6525 Ярославъ иде къ Берестію и заложена бысть святая Софія Кіевѣ», подъ вторымъ: «въ лѣто 6545 заложы Ярославъ городъ Кыевъ ¹⁾ и церковь святыя Софія». Къ этому присоединяется свидѣтельство Дитмара, епископа Мерзбургскаго, который говоритъ, что Болеславъ Польскій, въ 1018 г. отнявшій Кіевъ у Ярослава для Святополка, по прибытіи въ городъ былъ почтествованъ отъ архіепископа этого послѣдняго мощами и прочими различными дарами въ монастырѣ св. Софіи (*archiepiscopus civitatis cum reliquiis sanctorum et caeteris ornatibus diversis hos advenientes honoravit in sanctae monasterio Sophiae, Chronic. lib. VIII, c. 16*) ²⁾. Какъ же думать? Думать несомнѣнно должно такъ, что св. Софія заложена не въ 1017, а въ 1037 г., и именно — что запись Новгородской лѣтописи объ ея zaloженіи подъ первымъ годомъ есть поврежденная. Загадку о сей послѣдней разрѣшаетъ намъ тотъ самый Дитмаръ, на которомъ думаютъ основываться ученые, склоняющіеся къ 1017 г.. Дитмаръ говоритъ, что архіепископъ почтилъ короля дарами (встрѣтилъ съ почестью, предыдущ. прим.) въ монастырѣ св. Софіи, который въ предшествующемъ году, т. е. 1017, отъ приключившагося несчастнаго случая былъ истребленъ пожаромъ (*quod in priori anno miserabiliter, casu accidente, combustum est*). Слѣдовательно, совершенно ясно, что онъ разумѣетъ не Софію Ярослава (который въ 1017 году только въ первый разъ занялъ престолъ), а какой-то другой храмъ. Какой другой храмъ онъ разумѣетъ, это не можетъ подлежать сомнѣнію, именно — не можетъ подлежать сомнѣнію, что онъ разумѣетъ Владимирову Десятинную церковь (ибо до Ярославовой Софіи она была храмомъ митрополичьимъ). Такимъ образомъ, изъ Дитмара мы узнаемъ тотъ фактъ, что Владимирова Десятинная церковь до Ярославовой Софіи также называлась Софіей. Этотъ-то фактъ и разгадываетъ намъ загадку

¹⁾ Позднѣйшіе помянутые сборники говорятъ подъ 1017 г. и о zaloженіи новаго города (Никон. лѣт.: «Того же лѣта заложы Ярославъ градъ Кіевъ болѣе первого и Златая врата постави...»).

²⁾ Смыслъ рѣчи не совсѣмъ ясенъ: можно понимать ее такъ, какъ мы понимаемъ (разумѣя подъ *ornatibus* украшенные или изысканные дары), но и такъ, что архіепископъ учинилъ торжественную встрѣчу, вышедъ съ мощами и съ прочимъ «великолѣпнѣемъ» (кресты, хоругвы) церковнымъ.

записи Новгородской лѣтописи. Въ Киевской лѣтописи подь 1017 г. записано: «Ярославъ иде (къ Берестію) ¹⁾ и погорѣ церкви», т. е. (какъ свидѣтельствуеъ Дитмаръ) Владимірова Десятинная церковь, называвшаяся Софією. Ясно, что въ Новгородской лѣтописи, повторяющей Киевскую, говорится о той же Софіи, т. е. о той же Десятинной церкви. Но что такое въ ней заложена вмѣсто погорѣ? Не трудно догадаться, что поправка изъ «зажена» (зажжена), слѣланная въ позднѣйшее время, когда перестало быть извѣстнымъ, что Десятинная церковь называлась Софією. Находить вѣроятнымъ, чтобы Ярославъ могъ заложить св. Софію въ 1017 году, болѣе чѣмъ странно. Въ этомъ году Ярославъ, побѣдивъ Святополка, только что занялъ престолъ велико-княжескій: возможно ли, чтобы человекъ, не успѣвшій осмотрѣться на мѣстѣ, прямо и первымъ дѣломъ принялся за сооруженіе монументовъ, какова была Софійская церковь? Святополкъ, побѣжденный Ярославомъ, вовсе не считалъ своего дѣла окончателно проиграннымъ и бѣжалъ искать помощи къ своему тестю, помянутому Болеславу Польскому; съ своей стороны и Ярославъ вовсе не могъ считать своего дѣла окончателно выиграннымъ и висѣлъ, такъ сказать, на волоскѣ: думать, чтобы Ярославъ, находившійся въ такомъ положеніи,—чтобы онъ, ожидавшій непріятеля, который легко могъ согнать его съ престола, какъ это и случилось, помышлялъ о монументахъ, не значить ли представлять его себѣ какимъ-то совсѣмъ водевильнымъ героемъ?

Послѣ рѣшеннаго вопроса о 1017 годѣ остается недоумѣннымъ то, что Ярославъ, окончателно занявшій престолъ велико княжескій въ 1019 г., въ продолженіе цѣлыхъ 18 лѣтъ сидѣлъ, такъ сказать, не подавая о себѣ никакихъ вѣстей и ничѣмъ себя не обнаруживая и что съ 1037 г. вдругъ началъ строиться (новый городъ и на немъ Золотыя ворота, св. Софія, монастыри Георгіевскій и Ирининскій). Это вполне объясняется, какъ мы начинали говорить много выше, особыми условіями его положенія до указаннаго года, которыя какъ-то вообще опускаются изъ виду. Въ 1019 г. Ярославъ занялъ престолъ велико княжескій, но въ 1023 г. ему явился соперникъ въ лицѣ другаго брата, Мстислава Тмутараканскаго, который разбилъ его и съ которымъ онъ долженъ былъ раздѣлить Русь на полы или пополамъ. Не будучи принятъ Киевлянами добровольно (когда предложилъ было себя имъ передъ борьбой съ Ярославомъ и въ его отсутствіе), Мстиславъ не

¹⁾ Въ Лаврентьевскомъ спискѣ нѣтъ мѣста, въ позднѣйшихъ спискахъ: Киеву; но такъ какъ въ лѣтописи непосредственно передъ тѣмъ говорится о нахожденіи Ярослава въ Киевѣ, то должно быть, какъ въ Новгородской: къ Берестію.

добивался получить Кіева силой; но несомнѣнно, что и сидя въ Черниговѣ онъ представлялъ собой никакъ не меньшую, а значительно большую половину вел. князя, ибо мудрому, но не особенно воинственному, хромцу далеко было не по силамъ сдѣлать своимъ простымъ подручникомъ такого завязятаго война и рыцаря, каковъ былъ Мстиславъ. Такимъ образомъ, до 1037 г. Ярославъ вовсе не былъ единовластцемъ и самодержцемъ, какимъ сталъ послѣ, а напротивъ былъ до нѣкоторой степени какъ бы подручникомъ. При такомъ положеніи и при такой роли Ярославу, конечно, не совсѣмъ умѣстно было шириться и величаться и заниматься превращеніемъ Кіева въ сѣверный Константинополь. Въ 1036 г. Мстиславъ умеръ, не оставивъ наслѣдниковъ, и тогда измѣнилось дѣло: съ того времени Ярославу, самовластцу всей Русской земли, явилась свобода быть Ярославомъ Великимъ (сколь долго была стресена св. Софія послѣ 1037 г. и когда окончена, остается неизвѣстнымъ, ибо объ этомъ ничего не говорить лѣтопись).

Къ сожалѣнію, и другой монументальный храмъ Кіева сохранился далеко не въ цѣломъ древнемъ видѣ. При взятіи Монголами Кіева въ 1240 г. св. Софія избѣжала участи Десятинной церкви, бывъ только ограблена (Лаврент. лѣт.); но послѣ этого взятія, когда Кіевъ превратился въ ничтожные городки и былъ оставленъ митрополитами, а потомъ когда сталъ городомъ Польскимъ и хотя снова съ своими митрополитами, но жившими не при немъ ¹⁾, для него настали долгія времена совершенной безпризорности, которыя кончились тѣмъ, что онъ потерялъ свои купола и частію свои своды, сохранивъ только стѣны. Возобновленный митр. Петроу Могилоу (начиная съ 1634-го года), а послѣ него вторично пришедшій въ нѣкоторый упадокъ и вторично возобновленный въ концѣ XVII—началѣ XVIII вѣка, въ правленіе митр. Варлаама Ясинскаго, во второмъ возобновленномъ видѣ онъ и остается до настоящаго времени. Въ своей наружности соборъ не имѣетъ теперь рѣшительно ничего древняго, представляя собою новую церковь XVII—XVIII вѣка со многими позднѣйшей формы фронтонами и съ вазообразными, позднѣйшей формы, главами. На мѣсто древнихъ папертей, бывшихъ съ сторонъ сѣверной и южной и вѣроятно развалившихся, пристроено къ собору съ той и другой стороны по двѣ новыхъ паперти, а паперть, бывшая съ западной стороны, обращена въ рѣшотку вслѣдствіе чего въ настоящее время церковь (съ папертями) имѣетъ ширину почти вдвое большую длины. Такъ какъ всѣ четыре пристроенныя паперти на востокъ оканчиваются полукружіями и такъ

¹⁾ Въ Вильнѣ и въ Новогродкѣ.

какъ и къ древнимъ стѣнамъ церкви для превращенія восточной стороны въ сплошной рядъ полукружій прикладены два новыя (обращенныя изъ тѣхъ четверугольныхъ угловыхъ отдѣленій церкви, которыя въ своемъ древнемъ видѣ сохраняются во Владимирскомъ Успенскомъ соборѣ), то въ настоящее время она имѣетъ цѣлыхъ девять восточныхъ полукружій (четыре противъ новыхъ папертей и пять противъ нея самой ¹⁾).

Мы говорили выше, что многокуполіе на церквахъ могло быть у насъ только пятикуполіемъ. И на Софійскомъ соборѣ дѣйствительно

¹⁾ Злоключенія, которымъ подвергался Софійскій соборъ до нашествія Монголовъ были: въ 1171 и въ 1203 гг. онъ былъ грабленъ вмѣстѣ съ Десятинной церковію (цитата выше), а въ 1180 г. горѣлъ (Ипатск. лѣт. подъ сямъ годомъ, въ началѣ). Книги и статьи о Кіевскомъ Софійскомъ соборѣ: (*митр. Евгенія*) Описаніе Кіево-Софійскаго собора и Кіевской іерархіи, Кіевъ, 1825; у *Фундуклея* въ Обзорѣніи Кіева въ отношеніи къ древностямъ, Кіевъ, 1847; (*протоіер. І. М. Скорцова*) Описаніе Кіево-Софійскаго собора по обновленіи его въ 1843—1853 годахъ (о которомъ см. ниже), Кіевъ, 1854; у *Н. В. Закревскаго* въ Лѣтописи и описаніи города Кіева, М. 1858, стр. 210; *протоіер. П. Г. Лебединцева*: «О св. Софій Кіевской», рефератъ, читанный на 3-мъ Археологическомъ сѣздѣ въ Кіевѣ, бывшемъ въ 1874-мъ, и напечатанный въ I томѣ Трудовъ сѣзда; *ею же* «Возобновленіе Кіево-Софійскаго собора въ 1843—1853 г.»—статья, напечатанная въ 8-й и 12-й книжкахъ (въ томахъ III и IV) Трудовъ Кіевской Академіи за 1878-й годъ; *ею же* (подписанное буквами: П. П. Л.) Описаніе Кіево-Софійскаго собора кафедральнаго собора, Кіевъ, 1882; Древности Россійскаго государства, Кіевскій Софійскій соборъ, Изданіе Императорск. Русскаго Археологическаго Общества, четыре выпуска, Спб., 1871—1887, содержащее въ себѣ воспроизведеніе сдѣланныхъ абад. Солнцевымъ снимковъ съ мозаическихъ иконъ и изображеній въ соборѣ и съ открытыхъ въ 1843-мъ году и въ продолженіе 1848—1853 годовъ возстановленныхъ фресокъ собора, и служащая опытомъ объяснительнаго текста къ Древностямъ статья *Д. Айдалова* и *Е. Рюдина*: «Кіево-Софійскій соборъ, изслѣдованіе древней мозаической и фресковой живописи», напечатанная въ IV т. новой серіи Записокъ Русскаго Археологическаго Общества; у *гр. Толстова* и *Кондакова* въ IV выпускѣ Русскихъ Древностей въ памятникѣхъ искусства, Спб., 1891. Планы и фасады собора: у *митр. Евгенія*, у *Фундуклея*, у *Лебединцева* въ Описаніи собора, въ Древностяхъ Россійскаго государства и у *Толстова* съ *Кондаковымъ*. Въ *L'art Russe par E. Viollet le Duc et l'architecture en Russie de X-ème au XVIII-ème siècle*, St. Petersburg. 1878, у *Лебединцева* въ Исторіи собора и въ Древностяхъ Россійскаго государства на заглавномъ листѣ напечатанъ видъ собора 1037-го года. Откуда взятъ этотъ видъ, представляющій собой, какъ и видъ Десятинной церкви, что-то простое сочиненіе и несомнѣнную карикатуру на дѣйствительный соборъ, остается намъ неизвѣстнымъ.

пять куполовъ, но съ добавленіемъ: вмѣстѣ съ пятью большихъ и такъ сказать настоящихъ куполовъ на немъ было еще восемь малыхъ куполовъ, такъ что всѣхъ куполовъ, очевидно, во образъ Спасителя и 12-ти апостоловъ, было 13-ть. Мы нигдѣ не нашли совершенно обстоятельнаго описанія этихъ малыхъ куполовъ или ихъ формы; мы склонны были бы представлять ихъ въ видѣ тѣхъ малевькихъ глухихъ чашъ или полусферъ, изъ рядовъ которыхъ состояли своды на галереяхъ церковныхъ дворовъ и о которыхъ мы говорили выше (изъ рядовъ которыхъ состоятъ наприм. своды надъ папертями Венеціанскаго св. Марка): но говорится, что эти малые куполы имѣли окна (у Лебединцева въ Возобновленіи собора, Трудовъ т. 3 стр. 372 и т. 4 стр. 498) и именно по шести оконъ (у Сворцова стр. 13,—цитаты обстоятельнымъ образомъ сейчасъ выше). Выставлявшисъ изъ-за кровли въ древнее время, когда послѣдняя вплотную лежала на сводахъ, въ настоящее время, когда кровля поднята на стропилахъ, они скрываются поднею, такъ что теперь ихъ вовсе не видно снаружи. Вмѣсто этихъ, теперь сокрытыхъ, малыхъ куполовъ, надъ папертями собора въ настоящее время возвышается шесть новыхъ куполовъ, такъ что теперь всѣхъ куполовъ на немъ 11-ть (у митр. Евгенія вмѣстѣ съ 11-ю какія-то еще 4 малыхъ,—стр. 42 нач.). Расположеніе 8-ми малыхъ, теперь не видныхъ, куполовъ вокругъ большихъ куполовъ см. на планѣ подкровельнаго этажа собора въ Древностяхъ Россійскаго государства и у Сворцова на стр. 13). На вопросъ: съ какого образца Ярославъ взялъ свое 13—куполіе, не можетъ быть дано положительнаго отвѣта. Что касается до отвѣта предположительнаго, который находимъ возможнымъ дать, то онъ есть слѣдующій. Такъ какъ вовсе неизвѣстно ни греческихъ ни западныхъ церквей, которыя бы могли послужить для Ярослава образцомъ въ семь отношеніи, то остается думать, что образцомъ для него послужили наши деревянныя, построенныя прежде него, церкви. До великаго княженія Ярославъ былъ удѣльнымъ княземъ сначала Ростовскимъ, потомъ Новгородскимъ. Въ Ростовѣ при первомъ введеніи въ немъ христіанства и при первомъ водвореніи епископа была построена деревянная каедрально-епископская или соборная церковь, по словамъ лѣтописи, дивная и великая, какой не было и не будетъ (Лаврент. лѣт. подъ 1160-мъ годомъ, въ которомъ церковь сгорѣла), по всей вѣроятности—имѣвшая большое количество верховъ именно въ символическомъ или образномъ числѣ 13-ти. Въ Новгородѣ первымъ его епископомъ Іоакимомъ Корсуняниномъ была поставлена деревянная соборная церковь, какъ уже мы положительно знаемъ изъ сообщенія одной Новгородской лѣтописи (2-й Новгор. лѣт.

подъ 1045 г.), имѣвшая 13-ть верховъ. И представляется вѣроятнымъ думать, что Ярославъ, привыкшій видѣть въ Ростовѣ и Новгородѣ на ихъ кафедральныхъ соборахъ 13-тивершіе и, такъ сказать, сроднившійся съ этимъ символическимъ или образнымъ числомъ верховъ, пожелалъ воспроизвести его и въ куполахъ Кіевской св. Софіи.

Несомнѣнно, что Софійскій соборъ Ярослава въ указанномъ выше смыслѣ греческомъ украшенъ былъ несравненно бѣднѣ Десятинной церкви Владимира. Мраморныхъ колоннъ въ немъ вовсе не было, а были только колонки (привезть которыя изъ Греціи было не особенно затруднительно) и едва ли не только въ весьма скромномъ числѣ тѣхъ четырехъ, которыя остаются до настоящаго времени (двѣ на верхнихъ западныхъ галлерейхъ или полатяхъ, на серединѣ ихъ стѣнки или ихъ барьера и подъ серединой дуги свода, и двѣ у западныхъ входныхъ дверей, какъ притолоки сихъ послѣднихъ ¹⁾). Мозаического пола, какъ кажется, въ немъ также вовсе не было, по крайней мѣрѣ не сохранилось никакихъ его остатковъ и на его существованіе неизвѣстны никакихъ указаній. Украшеніе Софійскаго собора составляли мозаика стѣнъ и живопись. Первая находилась въ главномъ олтарномъ полукружій, на олтарной аркѣ и въ главномъ куполѣ; второю была покрыта, какъ подразумѣвается, вся остальная церковь. Митр. Иларіонъ въ своемъ словѣ о законѣ и благодати отзываясь о Софійскомъ соборѣ, какъ о церкви славной и дивной всѣмъ окружнымъ странамъ, каковой не обращается во всемъ полунощій земномъ отъ востока до запада. Изъ этого необходимо заключать, что, не украсивъ собора тѣмъ, чѣмъ не въ состояніи былъ украсить, — колоннами и мозаикой половъ, Ярославъ со всевозможнымъ великолѣпіемъ украсилъ его тѣмъ, что было для него возможно, — мозаикой стѣнъ и живописью, — что при этомъ не было пощажено золото и какъ плата за качество матеріала и работъ и какъ непосредственный матеріалъ украшенія. Сохранившіяся въ значительной степени одна и другая дѣйствительно должны быть причисляемы къ лучшимъ образцамъ своего времени (живопись

---

¹⁾ Въ Черниговскомъ соборѣ Мстислава, брата Ярослава, мраморныхъ колоннъ было не четыре, а гораздо больше, см. у *преосв. Макарія* въ Ист. Р. Ц. т. I, изд. 2 стр. 61. Но не вѣроятно думать, что колонны Мстиславовы, не высокія по достоинству своего матеріала и своей отдѣлки (частію онѣ даже четырехгранныя!), изъ туземскаго русскаго мрамора, найденнаго гдѣ-нибудь во владѣніяхъ Мстислава, и домашней обдѣлки руками доморошенныхъ каменщиковъ, или же, можетъ быть, найдены въ развалинахъ какой-нибудь греческой колоніи изъ числа бывшихъ въ южной Руси (ср. въ 1-й полов. тома отд. I, Времена доисторическія).

времени Ярославова, бывшая закрытою слоями новой штукатурки, случайно была открыта въ 1843-мъ году и была восстановлена, насколько это оказалось возможнымъ, въ продолженіе 1848—1853-го годовъ¹⁾. О входныхъ дверяхъ Софійскаго собора мы должны сказать то же, что выше сказали о дверяхъ Десятинной церкви²⁾.

(О Черниговскомъ Преображенскомъ соборѣ брата Ярославова Мстислава, который былъ старѣе его собора по воложенію, но моложе по окончанію, см. ниже въ спискѣ каменныхъ церквей).

Церковь Печерскаго монастыря, заложенная преп. Феодосіемъ въ 1073 г. и оконченная кладкою въ 1075 г., была потомъ освящена только черезъ 14 лѣтъ въ 1089 г.. Это, очевидно, должно понимать такъ, что у монастыря не было готовыхъ средствъ на ея отдѣлку и что онъ долженъ былъ производить ее медленно по мѣрѣ приобрѣтенія сихъ послѣднихъ. Очень можетъ быть, что и въ 1089 г., когда церковь была освящена, ея отдѣлка была еще не совсѣмъ окончена и доканчивалась послѣ. Размѣры Печерской церкви мы указали выше; тамъ же мы говорили и объ ея планѣ. Обстоятельнаго современнаго описанія украшеній Печерской церкви мы не имѣемъ, зная только, что алтарь ея былъ украшенъ мусіей, а сама она живописью³⁾, и что входныя двери въ нее были не только съ запада, но и съ юга и съ сѣвера⁴⁾; но имѣемъ всю вѣроятность предполагать, что богатствомъ и великолѣпіемъ какъ этихъ своихъ украшеній, такъ и всѣхъ принадлежностей (произведенныхъ и явившихся не сразу), она нисколько не уступала и самымъ Владимировой Десятинной и Ярославовой Софійской, а можетъ даже и превосходила ихъ, ибо она была строеніемъ

¹⁾ Снимки съ мозаики и живописи или фресокъ, какъ мы сказали,—въ Древностиахъ Россійскаго государства; а также ихъ значительно много въ IV выпускѣ Русскихъ древностей *гр. Толстова и Кондакова* (фигг. 89—137). О фрескахъ кромѣ статьи Айналова и Рѣдина еще статья: *Кондакова* въ III томѣ новой серіи Записокъ Русскаго Археологическаго Общества и *Прахова* въ XIII т. Трудовъ Московскаго Археологическаго Общества.

²⁾ Скандинавскія саги называютъ Ярослава скупымъ (*Соловьева* Исторія, т. I, изд. 4 стр. 234). Это весьма возможно (хотя разумѣется и нисколько не несомнительно). Но будучи скупымъ въ обыкновенномъ смыслѣ и въ частности—когда дѣло шло о платѣ Варяжскимъ наемникамъ, онъ могъ быть не скупымъ, а напротивъ весьма щедрымъ, когда дѣло шло о созданіи памятниковъ по себѣ для потомства (таковъ былъ, если вѣрять, и Юстиніанъ и таковыми люди бывають не рѣдко).

³⁾ Патерикъ Печерскій: Симонъ о зодчачѣ и о живописцахъ и Поликарпъ объ Алшіи иконописцѣ.

⁴⁾ Лаврент. и Ипатск. лѣтт. подъ 1096-мъ годомъ.

не однихъ только извѣстныхъ князей, а такъ сказать всѣхъ ихъ и всей земли Русской. Позднѣйшій Кіевскій Синописецъ, можетъ быть, основываясь на остаткахъ, сохранившихся до его (т. е. его автора) времени, увѣряетъ, что полъ церкви былъ мозаическій («помость церковный весь отъ различныхъ шаровъ каменіями и всякими узорами бысть насажденный»), а относительно креста на версѣ церкви, вѣроятно—передавая преданія или сказанія, ходившія въ его время между монахами Печерскими, увѣряетъ, что онъ былъ «великія ваги (цѣны) отъ самаго злата содѣланный» ¹⁾. Въ извѣстіяхъ о Печерской церкви мы въ первый разъ встрѣчаемся съ указаніемъ на то, что упомянутыя нами выше украшенныя входныя двери составляли у насъ принадлежность (и считались принадлежностью) лучшихъ церквей. Симонъ пишетъ Поликарпу въ Патерикѣ: «ты устроилъ двои двери въ ту святую великую Печерскую церковь святой Богородицы, и она отворитъ тебѣ двери милости своей, ибо за такихъ иереевъ всегда молятся въ той церкви: Господи, освяти любящихъ благолѣпіе дома Твоего и прославь божественною Твоею силою» ²⁾. Что тутъ говорится о дверяхъ не простыхъ (которыя бы сдѣлалъ монастырскій плотникъ или столяръ по приказанію эконома), а украшенныхъ, это очевидно. Такъ какъ Поликарпъ сдѣлалъ двои двери, то можно думать, что онъ сдѣлалъ ихъ во входы боковыя и слѣдовательно что — входъ главный (западный) имѣлъ уже такія двери прежде. Въ нашествіе Монголовъ въ 1240 г. церковь, по увѣренію Синописца ³⁾, была до половины разрушена. Возстановленная въ 1470 г. и горѣвъ потомъ дважды (въ 1482 г., когда монастырь былъ выжженъ ханомъ Крымскимъ Менгли-Гиреемъ, и въ 1718 г., когда случившійся въ Лаврѣ пожаръ истребилъ всю ее), она ведетъ свой нынѣшній видъ отъ 1720—29 года ⁴⁾.

Новгородскій Софійскій соборъ, замѣнившій собою первоначальный

¹⁾ 2-го Кіевск. изд. стр. 65.

²⁾ Въ разсказѣ объ Еразіѣ.

³⁾ 2-го Кіевск. изд. стр. 87. Не мѣшаетъ однако замѣтить, что древнія лѣтописи, на которыя ссылается Синописецъ, ничего объ этомъ не говорятъ и что церковь, бывъ выжѣнъ со всѣмъ монастыремъ только выжжена Монголами, могла послѣ унасть сама (за десять лѣтъ до нашествія Монголовъ въ 1230-мъ году отъ бывшаго въ Кіевѣ въ семь году землетрясенія церковь, по свидѣтельству лѣтописи, разступилась на четыре части,—Лаврент., 2 изд. стр. 431 стр.).

⁴⁾ Планъ и фасадъ нынѣшней церкви у *Фундуклея* въ Обзорѣнн Кіева, а одинъ фасадъ въ Описаніи Кіевопечерской Лавры (нѣсколько разъ изданномъ, истр. *Евгенія*,—первое изд. 1826 г.).

деревянный, который былъ построенъ первымъ Новгородскимъ епископомъ Іоакимомъ и сгорѣлъ въ 1045 году, былъ заложенъ въ этомъ 1045 г. тогдашнимъ Новгородскимъ княземъ, старшимъ сыномъ Ярослава, Владимиромъ, съ тогдашнимъ Новгородскимъ епископомъ Лукою Жидятою, и оконченъ черезъ восемь лѣтъ въ 1052 г. ¹⁾.

Въ исторіи построенія собора составляетъ вопросъ: одновременно съ нимъ самимъ построены или послѣ къ нему пристроены окружающія его съ трехъ сторонъ паперти. Такъ какъ круглая башня, служащая ходомъ на верхнія галлерей или полаты, о которой мы говорили выше, находится не совнѣ, а внутри западной паперти, то вѣроятнымъ представляется думать, что паперти пристроены послѣ ²⁾, именно когда-то до 1144 г., подъ которымъ онѣ упоминаются. Считая это вѣроятнымъ, мы ничего не въ состояніи будемъ отвѣчать на вопросъ: почему онѣ не были построены вмѣстѣ съ соборомъ, но что касается до того, что нашли нужнымъ пристроить ихъ послѣ, то здѣсь можно будетъ предполагать причины, которыя мы указывали выше, именно— что во-первыхъ, въ то время было обычаемъ, чтобы епископы были погребаемы въ папертяхъ ихъ соборовъ, и что согласно сему обычаю и епископы Новгородскіе пожелали имѣть эти паперти, какъ мѣсто для своего погребенія; во-вторыхъ, что Новгородцы, видя паперти у другихъ кафедральныхъ или важнѣйшихъ соборовъ, возбудились соревнованіемъ сдѣлать ихъ и у своего собора.

Соборъ сохранился до настоящаго времени во своей цѣлости и почти совсѣмъ въ томъ видѣ, какъ вышелъ изъ рукъ строителей, за исклю-

¹⁾ Относительно медленности и какъ можно понимать ее, см. нѣсколько выше.

²⁾ Второй Новгородскій епископъ Лука Жидята, скончавшійся въ 1058 г., положенъ былъ за святою Софіею, — Собр. лѣт. т. III, стр. 179 и 212. Слѣдовательно, вѣроятнѣе думать, что тогда еще не было папертей, ибо иначе онъ былъ бы положенъ въ одной изъ нихъ. Графъ Толстой въ «Святыхъ и древностяхъ Великаго Новгорода», не знаешь—насколько справедливо, говорить, что «судя по матеріаламъ и кладкѣ соборныхъ стѣнъ, надобно полагать, что боковыя галлерей— южная и сѣверная — пристроены въ позднѣйшее время, — стр. 9 прим.. Епископъ Никита, скончавшійся въ 1108 г., по свидѣтельству росписей Новгородскихъ владыкъ, положенъ былъ въ придѣлѣ Іоакима и Анны, — Собр. лѣт. т. III стр. 179 и 213. Если это вѣрно, то пристройку папертей со всею вѣроятностію должно будетъ усвоить самому Никитѣ. — Что касается до преданія, что Владимиръ Ярославичъ съ матерью положенъ въ паперти собора (стр. 71, — Извѣстг. Археол. Общ. т. 3 стр. 376), то оно можетъ быть считаемо позднѣйшимъ, а Владимиръ съ матерью могли быть перенесены въ паперть собора послѣ того, какъ были пристроены паперти.

ченіемъ немногихъ и незначительныхъ передѣлокъ (именно когда-то до XVI вѣка пристроено съ востока лишнее полукружіе для помѣщенія предѣла и въ XVII вѣкѣ въ самой церкви уничтожены четыре полукруглые столба, находившіеся подъ палатами,—см. планъ, и раздѣланы окна; въ 1829—1837 г. соборъ былъ реставрированъ, причемъ одна стѣна была перекладена вновь, но реставрація была произведена какъ настоящая реставрація, т. е. съ совершеннымъ соблюденіемъ древности) ¹⁾.

Заключая отъ богатства и знаменитости древняго Новгорода, представляя себѣ, какою дорогою святынею для Новгородцевъ былъ ихъ «домъ св. Софіи» и какъ они отождествляли себя съ нею по знаменитому выраженію (принадлежащему впрочемъ не Новгородцу): «къдѣ святая Софія, ту Новгородъ» ²⁾, обыкновенно думаютъ о Новгородскомъ Софійскомъ соборѣ, что онъ былъ однимъ изъ великолѣпнѣйшихъ храмовъ древней Руси, и чуть ли не ставятъ его на первомъ изъ всѣхъ мѣстѣ. На самомъ дѣлѣ это далеко не такъ. О размѣрахъ храма вовсе не монументальныхъ (въ нашемъ русскомъ смыслѣ), а очень скромныхъ, ставящихъ его въ разрядъ обыкновенныхъ церквей, мы говорили выше; но точно также и по качеству своихъ украшеній онъ вовсе не составлялъ выдававшейся знаменитости и не принадлежалъ къ знаменитѣйшимъ церквамъ. Если бы соборъ былъ строенъ позднѣе, когда Новгородцы стали уже настоящими христіанами, то весьма вѣроятно, что они пожелали бы имѣть храмъ не меньшій по размѣрамъ Кіевской Софіи; но въ 1045—52 г., когда былъ строенъ соборъ, они были христіанами еще весьма плохими, только по имени, и вопросъ о томъ, великъ или малъ сооружается для нихъ соборъ, ихъ еще нисколько не могъ интересовать, какъ еще дѣло совсѣмъ для нихъ постороннее и чужое. Почему князь Владимиръ Ярославичъ, строившій соборъ вслѣдъ за Кіевскимъ соборомъ отца и точно воспроизведшій

---

¹⁾ Книги о соборѣ: протоіер. *П. Соловьева* Описаніе Новгородскаго Софійскаго собора, Спб. 1858; *проеос. Макарія* Археологическое описаніе церковныхъ древностей въ Новгородѣ и его окрестностяхъ, два тома, М. 1860; *пр. Толстова* помянутыя Святыни и древности Великаго Новгорода, М. 1862. Планы и фасады: у протоіерея Соловьева, у гр. Толстова, въ VI выпускѣ Русскихъ древностей въ Памятникахъ искусства *пр. Толстова и Кондакова*, въ 21-мъ № Матеріаловъ для археологій Россіи, издаваемыхъ Императорскою Археологическою Компссією, содержащемъ: Обсужденіе проекта стѣнной росписи Новгородскаго Софійскаго собора, Спб. 1897 (со многими разрѣзами), и въ Памятникахъ христіанской архитектуры *Покровскаго*.

²⁾ Новгород. 1 лѣтон. подъ 1215 г.—слова князя Мстислава.

его относительно плана, не взявъ и его размѣровъ, мы не знаемъ; но вѣроятно потому, что не имѣлъ средствъ. Построивъ соборъ, скромный по размѣрамъ, князь и украсилъ его весьма скромно. О мраморныхъ колоннахъ и мозаикѣ половъ не было и поминна. Олтарь вѣскольکو украшенъ былъ стѣнною мусією; но эта мусія не то, что Киевская и не то, что настоящая: она—не священные изображенія, занимающія весь передъ олтарной стѣны, а полоса простыхъ (бордюрныхъ) украшеній (въ видѣ небольшихъ оконъ съ полукружіями и крестами)¹⁾, идущая поверхъ такъ называемаго сопрестолія,—по достоинству своего матеріала и своей работы весьма не высокая²⁾. Церковь была росписана живописью, но даже и этою послѣднею не вся, такъ что доросписывалась послѣ. Вышедъ весьма скромно украшеннымъ изъ рукъ своего строителя, соборъ и впослѣдствіи былъ украшаемъ не особенно заботливо. Прямая обязанность заботиться о немъ лежала на епископахъ; но владыки Новгородскіе, смотря на то, какъ въ другихъ мѣстахъ снимали съ епископовъ эту обязанность князья, вѣроятно не чувствовали особенной охоты нести, такъ сказать, лишнее противъ другихъ бремя. Что же касается до князей Новгородскихъ, то они были перемѣнны и перемѣнны прихотливо, — сегодня чествуютъ и кланутся въ привязанности, а завтра указываютъ путь, съ приглашеніемъ: поиди, княже, прочь, или сажаютъ въ заключеніе въ монастырь: при такомъ положеніи дѣла, разумѣется, не могло находиться между князьями охотниковъ быть ктиторами и устроителями собора, ибо сегодня началъ ктиторовать и приступилъ къ дѣлу, а завтра поди вонъ изъ города. Соборъ, не росписанный вполне его строителемъ, былъ доросписанъ только въ 1108 г., т. е. черезъ 50 слишкомъ лѣтъ, на деньги, оставленные епископомъ Никитой. Изъ домонгольскихъ преемниковъ Никиты является украсителемъ собора только одинъ, именно—знаменитый Нифонтъ, занимавшій кафедру съ 1130 по 1156 годъ: въ 1144 г. онъ росписалъ притворы или паперти собора (неизвѣстно, когда пристроенныя къ нему передъ тѣмъ), въ 1151 г. онъ покрылъ его свинцомъ и мазалъ известію, т. е. штукатурилъ, и

¹⁾ Архим. *Макарія* Археологич. опис. церк. древн. въ Новг. I, 43 гп..

²⁾ Патерикъ Печерскій въ разсказѣ о живописцахъ сообщаетъ, что Греки привозили въ Россію мусійный матеріалъ (разноцвѣтные мусійные камешки) на продажу. Изъ этого слѣдуетъ, что у насъ были свои мусійные мастера, выкладывавшіе если не изображенія, то простыя украшенія въ родѣ Новгородскихъ. Съ большою вѣроятностію слѣдуетъ подозрѣвать, что мусія Новгор. Софійск. собора есть именно работа русскихъ мастеровъ. Рисунокъ ея у *Толст. и Кондак.* фяг. 187.

затѣмъ онъ сдѣлалъ въ него кивотъ, подъ которымъ должно разумѣть вовсе не иконостасъ, такъ какъ иконостасовъ тогда еще не было (о чемъ ниже), а киворій, то есть сѣнь надпрестольную или балдахинъ надпрестольный ¹⁾. Лѣтопись Новгородская, къ сожалѣнію, не говоритъ, былъ или не былъ кивотъ въ соборѣ до Нифонта, т. е. замѣнилъ ли онъ только новымъ кивотомъ старый или совсѣмъ сдѣлалъ его вновь, и чѣмъ покрытъ былъ соборъ прежде него. Такъ какъ Нифонтъ сдѣлалъ кивотъ и произвелъ перекрышку собора не послѣ пожара и такъ какъ вообще неизвѣстно, чтобы въ періодъ домонгольскій соборъ подвергался пожарамъ ²⁾, то весьма возможно, что кивотъ онъ сдѣлалъ вновь и впервые и что крыша на соборѣ была дотолѣ деревянная ³⁾. А если бы это было такъ, то это далеко не рекомендовало бы епископовъ Новгородскихъ со стороны ихъ заботливости о своемъ каедральномъ храмѣ. Не получивъ отъ своего основателя «украшенныхъ» входныхъ дверей, Софійскій соборъ былъ украшенъ ими впоследствии, и однимъ изъ нихъ можетъ быть еще до нашествія Монголовъ (эти двери главнаго или западнаго входа, остающіяся на своемъ мѣстѣ доселѣ, носятъ названіе Корсунскихъ). Названіе дано имъ или отъ того, что всякая исключительная работа называлась у насъ въ старое время Корсунскою, какъ послѣ нѣмецкою, или отъ того, что у Новгородцевъ сочинилась фабула, будто онѣ вывезены Владимиромъ изъ Корсуніи. На самомъ дѣлѣ онѣ—нѣмецкое произведеніе второй половины XII—начала XIII вѣка. Какъ попали онѣ въ Новгородъ, это до сихъ поръ составляетъ загадку, простѣйшее объясненіе которой есть то, что, не бывъ похищены Новгородцами во время войны изъ какой-нибудь Шведской церкви (какъ думаютъ или думали иные), онѣ просто куплены были у мастера, т. е. Новгородскими купцами, ѣздившими торговать въ Германію или по заказу Новгородцевъ нѣмецкими купцами, пріѣзжавшими торговать въ Новгородъ. См. о нихъ сочиненіе *Θ. Адельунга* въ русскомъ переводѣ П. Артемова: Корсунскія врата, находящіяся въ Новгородскомъ Софійскомъ соборѣ, Москва, 1834, также *Макарія* Археологич. опис. церк. древн. въ Новгородѣ, II, 269 и у *Толстова*

¹⁾ Сfr Лаврент. лѣт. подъ 1237 г.: «благовѣрный епископъ Митрофанъ (Владимирскій) постави кивотъ въ святѣй Богородицѣ зборнѣй надъ трапезою»...

²⁾ Сfr Архим. *Макарія* Археологич. опис. церк. древн. въ Новг. I, 45.

³⁾ О крышѣ лѣтопись выражается не совсѣмъ вразумительно: «архіепископъ Нифонтъ поби святую Софію свинцемъ всю прямиъ». Последнія слова: «всю прямиъ» какъ будто должно понимать такъ, что прежде были покрыты свинцомъ только главы.

и Кондакова, стр. 111 (у Аделунга съ общимъ рисункомъ воротъ, у Толстова и Кондакова съ тѣмъ же рисункомъ и съ частными рисунками отдѣльныхъ пластинокъ). О другихъ дверяхъ, такъ называемыхъ Шведскихъ или Сигтунскихъ, *Адел. ibid.*, стр. 147, *Макар. ibid.* стр. 275, и о третьихъ, сдѣланныхъ или, какъ основательно догадывается Татищевъ, купленныхъ у Нѣмцевъ владыкою Василюемъ, *Адел. 118, Макар. 269; рисункъ у Толст. и Кондак. фиг. 104).*

Въ періодъ домонгольскій мы не имѣли ни одной настоящей монументальной церкви, подобной таковымъ церквамъ западнымъ. Но въ Успенскомъ Владимирскомъ соборѣ Боголюбскаго мы имѣли (весьма не на долгое впрочемъ время) такую великолѣпную по богатству и изяществу украшеній церковь, какихъ, съ увѣренностію можно сказать, вовсе не было на Западѣ и которая изъ церквей греческихъ, по всей вѣроятности, уступала въ семь отношеніи только одной Юстиніановой Софій.

Боголюбскій приступилъ къ постройкѣ своего собора спустя безъ небольшого годъ послѣ смерти отца своего Юрія (15 мая 1157 г.) и спустя столько же времени послѣ своего занятія въ его мѣсто престола Ростовско-Суздальскаго или наоборотъ Суздальско-Ростовскаго. Онъ занялъ этотъ престолъ не какъ великій князь всей Руси, а просто какъ удѣльный князь области. Удѣль Ростовско-Суздальскій вовсе не принадлежалъ къ числу удѣловъ главнѣйшихъ и знатнѣйшихъ, а напротивъ къ числу самыхъ послѣднихъ. Отдаленная отъ собственной Руси и инородческая украиня Ростовско-Суздальская была почти то же, что въ настоящее время Сибирь, и до отца Боголюбскаго Юрія не имѣла собственнаго удѣльнаго князя, а составляла простой добавокъ къ удѣлу Переяславскому. Но оригинально и гениально Боголюбскій рѣшилъ создать въ этой, такъ сказать, древней Сибири и на ея цѣльной почвѣ новую единоглавую Русь обокъ съ разлагавшеюся и падавшею многоглавою Русью Кіевскою. Здатель новой Руси вполне понималъ значеніе внѣшняго престижа, и поэтому, избравъ для своего новаго съ новымъ характеромъ государства совсѣмъ новый, безъ старыхъ преданій, городъ, началъ съ того, чтобы создать изъ Владимира по внѣшности второй Кіевъ ¹⁾. вмѣстѣ съ гражданскимъ великолѣпіемъ неизбѣжно было и гораздо важнѣе его было великолѣпіе церковное. Поэтому, одновременно съ тѣмъ, какъ заложить во Владимирѣ новый городъ (городскую крѣпость, Кремль), подобный Кіевскому Ярославову,

¹⁾ Перенесены были во Владимиръ даже и Кіевскіе названія рѣкъ и жѣсть: Лыбедь. Почайна. Печерный городъ. Оршныя ворота и проч., см. ниже.

Боголюбскій заложилъ въ немъ и церковь, которая бы соотвѣтствовала Кіевскимъ Богородицъ Десятинной и св. Софіи. Какъ въ устройствѣ города онъ не только не хотѣлъ отстать отъ Ярослава, но и превзойти его, ибо устроилъ городъ не только съ Золотыми воротами, но и съ Серебряными ¹⁾, такъ и въ устройствѣ церкви онъ не только хотѣлъ сравняться съ обоими, но и затмить ихъ и оставить за собой. Съ стремленіемъ къ возможному великолѣпію и первенству въ немъ Боголюбскій несомнѣнно соединялъ исключительный вкусъ, былъ Русскимъ Юстиніаномъ не только въ первомъ, но и во второмъ отношеніи (срѣ выше),—и онъ создалъ церковь, о которой со всею справедливостію, хотя можетъ быть и обидною для нашихъ временъ, должно сказать: «яковой же не бысть на Руси и никогда же не будетъ».

Прежде чѣмъ говорить о соборѣ Боголюбскаго, мы должны устранить одно весьма странное относительно его мнѣніе, въ которое вовлечены археологи позднѣйшими лѣтописями и Степенною книгою. Лаврентьевская лѣтопись говоритъ о соборѣ, что Боголюбскій «и верхъ его позлати» (подъ 1160 г.). Изъ этого неопредѣленнаго: «верхъ» позднѣйшія лѣтописи (Никоновская, Воскресенская, Новгородская 4-я, Софійская 2-я) дѣлаютъ опредѣленное — одинъ верхъ: «совершена бысть—говорятъ онѣ—святая церковь соборная пречистыя Богородицы Успеніе о единомъ версѣ» (подъ тѣмъ же 1160 г.). Но соборъ имѣетъ не одинъ верхъ, а пять верховъ или куполовъ. Отсюда составитель Степенной книги сдѣлалъ заключеніе, что та часть церкви, на которой стоятъ четыре побочные купола, пристроена послѣ Боголюбскаго братомъ его Всеволодомъ, т. е. предполагая, что Всеволодъ окружилъ церковь Боголюбскаго новыми стѣнами и, уничтоживъ въ ней ея собственныя стѣны, сдѣлалъ ее изъ малой большою («по сихъ же великій князь Всеволодъ Юрьевичъ церковь Владимирскую сугубо округъ ея упространи и украси, юже братъ его князь Андрей постави объ единомъ версѣ во имя пречистыя Богородицы честнаго ея Успенія; Всеволодъ же, четыре верха наадай, позлати»—I, 290). Но, во-первыхъ, предполагать, чтобы Боголюбскій хотѣлъ построить въ своей новой столицѣ каедральную церковь такихъ малыхъ размѣровъ, какіе будетъ имѣть соборъ по отнятіи мнимой пристройки Всеволода, когда онъ помышлялъ и стремился не только сравнять ее съ Кіевомъ, но и поставить выше, когда онъ мечталъ основать въ ней новую митрополию, когда наконецъ онъ былъ именно Боголюбскій, а не какой-нибудь несчастный князь Муромскій,—предполагать это въ высшей степени

¹⁾ Ипатск. лѣт., 2 изд. стр. 402.

странно. Тогда его кафедральный соборъ несомнѣнно имѣлъ бы размѣры меньшіе всѣхъ существовавшихъ кафедральныхъ епископскихъ соборовъ; а думать это значить именно думать, что Боголюбскій не былъ Боголюбскій, т. е. думать невозможное. Во-вторыхъ, полагать, чтобы Всеволодъ, если онъ хотѣлъ построить большую церковь, не построилъ ее вновь, а создалъ посредствомъ такой чудовищной и сколько знаемъ—безпримѣрной не только у насъ, но и у кого бы то ни было, перестройки малой церкви (читатель, конечно, понялъ выше и не забываетъ, что рѣчь идетъ не о пристройкѣ папертей къ малой церкви, а именно о превращеніи малой церкви, въ большую), если не еще болѣе странно, чѣмъ предшествующее, то уже никакъ не менѣе. Наконецъ, въ-третьихъ, хотѣть видѣть въ этомъ стройномъ и цѣльномъ архитектурномъ произведеніи, въ этой копіи съ Кіевского Софійскаго собора, каковъ нашъ соборъ, не произведеніе одного раза и однихъ рукъ, а произведеніе двухъ разъ и двоихъ рукъ, — да извинять насъ гг. археологи и архитекторы,—для насъ какъ-то совсѣмъ непонятно. Доказательства въ видѣ отвлеченныхъ соображеній, какъ бы онѣ ни были очевидны и осязательны, никого никогда не убѣждаютъ, и намъ истинно было бы прискорбно за Боголюбскаго, если бы, по винѣ позднѣйшихъ комментаторовъ Лаврентьевской лѣтописи, онъ представляемъ былъ превратно (мизерабельно) и не какъ настоящій Боголюбскій. Къ счастью, мы имѣемъ положительное современное свидѣтельство. Въмѣсто неопредѣленнаго «верхъ» Лаврентьевской лѣтописи, что должно понимать не о куполѣ, а обо всемъ верхѣ, или что вѣроятно считать за ошибку вмѣсто: верхи въ тѣхъ спискахъ Лаврентьевской лѣтописи, которые имѣли у себя позднѣйшіе лѣтописцы и которые имѣемъ мы ¹⁾, лѣтопись Ипатская употребляетъ опредѣленные выраженія: эта послѣдняя совершенно опредѣленно и нѣсколько разъ говорить, что Боголюбскій построилъ церковь о пяти верхахъ или куполахъ ²⁾. Слѣдовательно—несомнѣнно, что онъ построилъ соборъ въ томъ видѣ, какъ мы имѣемъ его въ настоящее время ³⁾.

¹⁾ Мѣсто Лаврентьевской лѣтописи подь 1160-мъ годомъ объ окончаніи Боголюбскимъ строенія собора, въ которомъ говорится: «верхъ позлати», читается какъ одно и то же съ нею мѣсто и въ Ипатской лѣтописи, т. е. которая нибудь лѣтопись заимствуетъ его изъ которой нибудь лѣтописи. Но въ Ипатской лѣтописи вмѣсто: «верхъ» стоитъ: верхи: «и верхи ея позолоти»,—2 изд. стр. 350 стр..

²⁾ Подь 1158 г., 2 изд. стр. 337: «сверши церковь пять верховъ и всѣ верхи золотомъ украси»; подь 1175 г., 2 изд. стр. 395 стр: «и пять верховъ ея позолоти»; подь 1183 г., 2 изд. стр. 426: «и вся пять верховъ златая сторѣ».

³⁾ Если бы Всеволодъ сдѣлалъ такую пристройку къ церкви Боголюбскаго,

Владимирскій соборъ былъ заложенъ 8 апрѣля 1158 г. и оконченъ кладкой на третье лѣто въ 1160 г. Затѣмъ, по словамъ лѣто-

какую предполагають: то онъ произвелъ бы стройку монументальную и лѣтописи непремѣнно должны были бы сказать о ней, тогда какъ онѣ вовсе не говорятъ о ней (не говорятъ о ней объ лѣтописи въ своихъ рѣчахъ о правленіи Всеволода и въ своихъ рѣчахъ за время этого правленія о церкви Боголюбскаго; не говорятъ о ней Лаврентьевская лѣтопись подь 1212-мъ годомъ, который есть годъ смерти Всеволода и подь которымъ лѣтопись нарочито говоритъ объ его церковныхъ постройкахъ). Мы уже указывали на то, что усвоить Всеволоду желаніе построить большую церковь черезъ перестройку въ такую церковь малой церкви значить усвоить ему дикую фантазію. Но, говорятъ, Всеволодъ сдѣлалъ свои пристройки къ церкви Боголюбскаго, бывъ къ этому вынужденъ: въ 1185-мъ году въ великій пожаръ, бывший во Владимирѣ, церковь Боголюбскаго сгорѣла и выгорѣла, и Всеволодъ обнесъ ее своими пристройками, чтобы предохранить ее отъ паденія (протоіер. А. Виноградовъ, котораго см. ниже). Но, во-первыхъ, если бы это было такъ, то ему нужно было бы обнести церковь Боголюбскаго напертями и вовсе не нужно было бы выбирать ея собственныхъ стѣнъ: какая дѣль и какой смыслъ были сдѣлать ему послѣднее? Во-вторыхъ, лѣтописи совершенно ясно говорятъ, что къ церкви Боголюбскаго послѣ пожара 1185-го не было дѣлаемо пристроекъ, а именно — онѣ говорятъ, что въ 1194-мъ году была «обновлена» снаружи церковь Святой Богородицы, огорѣвшая въ великій пожаръ (Лаврент. лѣт. подь 1194-мъ годомъ, срѣ Ипатск. лѣт. подь 1192-мъ годомъ), т. е. онѣ ясно даютъ знать, что въ 1194-мъ году церковь Боголюбскаго оставалась въ томъ видѣ, какъ была построена имъ, безъ какихъ либо пристроекъ. Лѣтописи заставляютъ предполагать, что Всеволодъ не только не дѣлалъ какихъ нибудь пристроекъ къ церкви Боголюбскаго, но и совсѣмъ не прикладывалъ къ ней своихъ рукъ. Сейчас мы сказали, что обгорѣвшая въ пожаръ 1185-го года церковь обновлена была снаружи въ 1194-мъ году. Но это обновленіе церкви, состоявшее въ ея оштукатуреніи известью, произведено было вовсе не вел. кн. Всеволодомъ, а епископомъ Ростовско-Владимирскимъ Іоанномъ, о чемъ лѣтопись Лаврентьевская подь 1194-мъ годомъ говоритъ: «Того же лѣта, мѣсяца Августа, обновлена бысть церкы Святое Богородицы Володимери, аже бѣ ополѣла в великыи пожаръ, блаженнымъ епископомъ Ивановъ, и при благовѣрнѣмъ и христіюлюбивомъ князи Всеволодѣ Юрьевичи, и бысть опять аки нова» (въ чемъ состояло обновленіе, объ этомъ говоритъ Ипатская лѣтопись, ошибочно относящая его къ 1192-му году). О внутреннемъ обновленіи церкви, которое было произведено въ 1189-му году, лѣтопись Лаврентьевская не говоритъ прямо, чтобы оно было также произведено епископомъ (Лукой, предшественникомъ Іоанна), но заставляютъ предполагать это, когда, говоря объ освященіи церкви епископомъ, говоритъ лишь о присутствіи на немъ вел. князя и вовсе не добавляетъ при семъ, чтобы онъ былъ виновникомъ обновленія: «того же лѣта, — читается въ лѣтописи, священа бысть церкы сборная святая Богородица великымъ священемъ блаженнымъ епископомъ Лукою, при князи великомъ Всеволодѣ и сынѣ его Костянтинѣ и Ярославичи Ро-

писи, въ слѣдующемъ 1161 г. произведено было ея писаніе, начатое весной и оконченное 30 августа. О годѣ и днѣ освященія лѣтопись

стиславъ зяти его». По отношенію къ знаменитому собору Боголюбскаго, равно какъ и ко всѣмъ его церковнымъ сооруженіямъ, замѣчательную особенность Суздальской, т. е. Лаврентьевской, лѣтописи составляетъ то, что она не посвящаетъ имъ нарочитыхъ рѣчей, которыя находимъ въ лѣтописи Кіевской, т. е. Ипатской. Это молчаніе едва ли можно объяснять иначе, какъ не тѣмъ, что лѣтописецъ, писавшій въ правленіе Всеволода и знавшій про его нехорошія чувства къ покойному брату, бывшія плодомъ нехорошихъ отношеній къ нему послѣдняго, не находилъ удобнымъ прославлять передъ нимъ Боголюбскаго. А если такъ, то ясно, что Всеволоду не можетъ быть усвоено не только большихъ, но даже и малыхъ, заботъ о церкви Боголюбскаго. Покойный Владимірскій церковный архитекторъ Артлебенъ въ статьѣ: «По вопросу объ архитектурѣ XII вѣка въ Суздальскомъ княжествѣ», напечатанной въ I томѣ Трудовъ перваго Археологическаго съѣзда въ Москвѣ (повторяемый протоиремъ А. Виноградовымъ въ книгахъ, которыя указываемъ ниже) говоритъ: «(бывшія) наружныя стѣны (собора Боголюбскаго) и теперь можно отличить (внутри нынѣшняго собора) по находящимся въ нихъ окнамъ, поясу изъ колонокъ и кое-гдѣ замѣтнымъ выступамъ, не совсемъ закрытымъ пристроенными къ пилястрамъ устоями же арочъ Всеволодовой пристройки»,—стр. 227. На это мы отвѣтимъ. Если смотрѣть на чтонибудь съ предзанятою мыслию, въ такомъ случаѣ непременно увидишь въ этомъ чтонибудь именно то, что желаешь: не на основаніи всего сейчасъ указаннаго г. Артлебенъ виѣстѣ съ другими дѣлаетъ заключеніе о Всеволодовыхъ пристройкахъ къ собору Боголюбскаго, а на основаніи принимаемаго имъ увѣренія, т. е. неудачнаго предположенія, Степенной книги о пристройкахъ онъ видитъ во всемъ указанномъ то, что предрасположенъ видѣть. Питая на основаніи всего нами сказаннаго твердую увѣренность, что соборъ Боголюбскаго во всемъ своемъ цѣломъ и сполна принадлежитъ ему, мы полагаемъ, что видятъ доказательства противнаго въ какихъ-нибудь особенностяхъ его архитектуры, которые при предзанятой мысли получаютъ превратное толкованіе, т. е. въ которыхъ людямъ съ предзанятою мыслию мерещится въ нихъ не то, что онѣ суть. Въ заключеніе мы должны съ грустію сказать, что съ нашимъ предпочтеніемъ положительнаго и яснаго свидѣтельства, принадлежащаго современнику, каковъ авторъ данной части Ипатской лѣтописи, предположенію писателя XVI вѣка, каковъ составитель Степенной книги, мы пока совершенно одиноки,—что всѣ новѣйшіе, писавшіе о соборѣ, начиная съ В. Добротхова, книга котораго: Памятники древности во Владимірѣ Кляземскомъ напечатана въ 1849-мъ году (и со словъ котораго, какъ думаемъ, писалъ въ 1848-мъ году А. Н. Муравьевъ во II части своего Путешествія по святымъ мѣстамъ русскимъ), и кончая проф. Покровскимъ, книжка котораго: Памятники христіанской архитектуры особенно византійскіе и русскіе напечатана въ 1901-мъ году,—за то мнѣніе, чтобы видѣть въ церкви созданіе не одного Боголюбскаго, а Боголюбскаго и Всеволода, при чемъ позднѣйшіе писавшіе отличаются отъ раннѣйшихъ писавшихъ тѣмъ, что не прямо принимаютъ мнѣніе, а лишь склоняются къ нему. Питаемъ увѣренность,

не говорить, но съ вѣроятностью должно предполагать, что оно было совершенно или самага этого 30 августа или непосредственно въ слѣдъ за сямъ. Что соборъ былъ складенъ только въ три лѣта, въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, ибо хотя онъ былъ въ русскомъ смыслѣ монументальный, но не особенно большой, и если Печерскій монастырь въ состояніи былъ сложить свою церковь, немного меньшую собора, также въ три лѣта, то тѣмъ болѣе могъ это сдѣлать Боголюбскій, располагавшій средствами несравненно ббльшими ¹⁾. Но когда лѣтопись говорить объ окончаніи писанія въ продолженіе одного года, за чѣмъ предполагается освященіе, то по всей вѣроятности это должно понимать не такъ, чтобы оно на самомъ дѣлѣ было совсѣмъ окончено, а такъ, что въ необходимомъ оно настолько было окончено, чтобы можно было совершить освященіе. Вообще, предполагая, что соборъ былъ освященъ въ 1161 г. (что должно предполагать на основаніи лѣтописи), необходимо думать, судя по его украшенію (о которомъ сейчасъ ниже), что къ этому 1161 г. онъ далеко не былъ оконченъ отдѣлкой и что, бывъ освященъ, продолжалъ отдѣлываться болѣе или менѣе долгое время послѣ.

Не имѣемъ мы описанія Десятинной церкви Владимировой, не имѣемъ мы описанія Софій Ярославовой: могли бы мы не имѣть описанія и Успенскаго собора Боголюбскаго. Но судьба, какъ бы сжалась надъ нами, хотѣла, чтобы мы не остались въ невѣдѣніи объ этой истинной чудо-церкви, которую видѣли у себя наши предки (весьма не на долгое время, какъ мы сказали выше). Незвѣстнымъ современнымъ авторомъ составлена повѣсть объ убіеніи Боголюбскаго, внесенная въ Ипатскую лѣтопись, и въ этой-то повѣсти (да будетъ вѣчная память ея неизвѣстному автору!) мы и находимъ описаніе нашей дивной церкви. Боголюбскій создалъ не одну дивную церковь, а двѣ — нашъ соборъ и значительно меньшую его по размѣрамъ церковь Рождества Богородицы въ своемъ помѣстьи-городѣ и своей преимущественной резиденціи Боголюбовомъ ²⁾. Авторъ описываетъ объ церкви, — сначала

что мнѣніе, основанное на положительномъ свидѣтельствѣ современника, когда нибудь восторжествуетъ надъ мнѣніемъ, которое основывается на предположеніи писателя XVI вѣка (и которое допускаетъ безпримѣрный примѣръ по строительной части)...

¹⁾ А если бы Боголюбскій построилъ ту маленькую церковь, которую предполагаютъ, то съ какой стати кладка продолжалась бы цѣлые три года?

²⁾ Боголюбовская церковь Боголюбскаго не сохранилась до настоящаго времени, бывъ перестроена въ 1756 г. Но объ ея размѣрахъ должно заключать по

Боголюбовскую, потомъ соборъ; и такъ какъ обѣ онѣ были украшены одинаково, т. е. съ одинаковымъ богатствомъ и великолѣпнѣемъ, то, чтобы не совсѣмъ повторяться, описывая второй, онъ опускаетъ нѣчто сказанное о первой, представляя читателю самому дополнять второе описаніе изъ перваго. На семь основаній мы приведемъ ихъ оба. «Христоролюбивый князь Андрей,—пишетъ авторъ о церкви Боголюбовской,—уподобился царю Соломону, яко (онъ) — домъ Господу Богу, церковь преславну святыхъ Богородица Рожества посредѣ города камену созда въ Боголюбовомъ и удиви ю паче всихъ церквей, подобно тое святая святыхъ, юже бѣ Соломонъ царь премудрый создалъ. Тако и сій князь благовѣрный Андрей сотвори церковь сію въ память собѣ, и украси ю иконами многоцѣнными, златомъ и каменьемъ драгимъ и жемчюгомъ великимъ безцѣннымъ и устрои ѣ (ихъ, т. е. иконы) различными цѣтами и аспидными цѣтами украси, и всякими узорочьи удиви ю, свѣтлостью же нѣкакю зрѣти, зане вся церкви быше золота... и вси бо видѣвши ю не могутъ сказати изрядныя красоты ея, златомъ и фиништомъ и всякою добродѣтелью... украшена..., кандѣлы различными издну (внутри) церкви отъ верха и до долу, и по стѣнамъ и по столпомъ ковано золотомъ, и двери же и ободверье церкви златомъ же ковано, башетъ же и сѣнь златомъ украшена отъ верха и до дѣисуса, и всею добродѣтелью церковною исполнена, измечтана всею хитростью... И (въ городѣ Володимирѣ), — пишетъ авторъ о нашемъ Владимирскомъ соборѣ,—доспѣ церковь камену сборную святыхъ Богородица, пречудну вельми, и всѣми различными видами украси ю отъ злата и серебра, и пять верховъ ея позолоти, двери же церковныя троѣ золотомъ устрои, каменьемъ дорогимъ и жемчюгомъ украси ю многоцѣннымъ, и всякими узорочьи удиви ю, и многими поникандѣлы золотыми и серебряными просвѣти церковь, а онѣбонъ отъ злата и серебра устрои... и всеми видами и устроеньемъ подобна быста удивленію Соломоновѣ святая святыхъ (обѣ церкви) и въ Боголюбомъ и въ Володимѣрѣ городѣ, верхъ бо златомъ устрои и комары позолоти, и пося златомъ устрои, каменьемъ усвѣти, и столпъ позлати изовну церкви, и по комаромъ же потки золоты и кубки и вѣтрила золотомъ устроена постави,—по всей церкви и по комаромъ около¹⁾»).

Такимъ образомъ, нашъ соборъ, «церковь пречудная вельми», го-

---

разгѣражъ вышней, а эта послѣдняя: 7 сажень длины съ олтарной абсидой и 4 саж. 2¹/₄ арш. ширины (*Доброхотова* Древній Боголюбовъ городъ и монастырь, стр. 21).

¹⁾ Ипатск. лѣтоп. подъ 1175 г., 2 изд. стр. 394 лп. вѣд.

рѣль и блисталь золотомъ съ прочимъ многообразнымъ украшеніемъ внутри и совнѣ и — съ той и съ другой стороны представлялъ зрѣлище великолѣпно-исключительное, которому подобнаго мы не можемъ указать въ нашей теперешней дѣйствительности, такъ что остается воспроизводить его только въ воображеніи. Внутри, какъ само собою подразумѣвается, соборъ весь покрытъ былъ живописью, но пояса и бордюры или каймы между отдѣльными священными изображеніями, измечтанныя всякою хитростью относительно формъ и узоровъ, и ихъ (изображеній) поля были покрыты и кованы золотомъ съ украшеніемъ драгоценными камнями, жемчугомъ и финифтью, такъ что все это блистающее и свѣтящееся представляло, какъ говорить лѣтописецъ, свѣтлость нѣкую зрѣти. Верхъ олтарной стѣны надъ олтарною или царскихъ дверей аркою былъ уставленъ рядами драгоценно украшенныхъ яковъ, которыя окованы были золотомъ и вмѣстѣ съ нимъ блистали крупнѣйшимъ жемчугомъ и драгоценными камнями, такъ что эта стѣна среди разрозненнаго блистанія всей церкви представляла одно сплошное блистаніе. Вся церковь была увѣшана множествомъ золотыхъ и серебряныхъ полвкандиль, которыя не должно представлять въ видѣ нынѣшнихъ огромныхъ паникандиль, а въ видѣ нынѣшнихъ большихъ лампадъ предъ образами (о чемъ ниже), и наконецъ предъ царскими дверями олтаря — серебряный съ позлащеніями амвонъ, который не нужно представлять въ видѣ нынѣшней площадки, а въ видѣ цѣлой бесѣдки или каеэдры (о чемъ также ниже). Ничего не говоритъ авторъ повѣсти объ украшеніи олтаря, но необходимо думать, что оно не только равнялось украшенію самой церкви, но и превосходило его, ибо всегда первыя и главныя заботы сосредоточивались на этой священнѣйшей части храма. Не знаемъ, украшались ли олтарная стѣна и ея абсида иконописной мозаикой, о которой авторъ вообще не упоминаетъ, но несомнѣнно, что онѣ блистали въ усугубленной степени тѣми же золотомъ, жемчугомъ, драгоценными камнями и финифтью. Если амвонъ былъ изъ серебра и золота, то почти съ совершенной несомнѣнностью должно разумѣть тоже самое и еще болѣе о киворіи надъ престоломъ или сѣни (балдахинѣ) и о самомъ престолѣ. Устроая серебряный амвонъ, Боголюбскій, очевидно, хотѣлъ соревновать и по-дражать Юстиніану, а извѣстно, что въ Юстиніановой св. Софіи киворій подобно амвону былъ изъ серебра съ золотомъ, великолѣпнѣйшимъ образомъ украшенный, а самый престолъ былъ не только изъ золота, но изъ новопридуманнаго матеріала, болѣе драгоценнаго, чѣмъ оно ¹⁾. По всей вѣроятности, рисунокъ киворіи и его украшенія должны

¹⁾ Изъ особеннаго нарочитаго сплава (состава) золота, серебра, всякихъ дра-

быть разумѣмы на одномъ изъ первыхъ мѣстъ въ тѣхъ словахъ автора повѣсти, что церковь удивлена была всякими узорочья и измечтана всею хитростію. Между серебряно-золотымъ киворіемъ и таковымъ же амвономъ необходимо долженствовала быть таковою же и олтарная преграда или рѣшетка (о ней ниже), которая также давала мѣсто измечтанію всякихъ узорочій и всякой хитрости. Ничего не говоритъ авторъ повѣсти о полѣ церкви; но само собою разумѣется, что среди золота и серебра и драгоценныхъ каменьевъ съ жемчугомъ вверху онъ не былъ какой-нибудь простой. Можетъ быть, онъ былъ сдѣланъ изъ мѣстнаго «краснаго разноличнаго» мрамора, подобный тому, какой въ 1233 г. былъ устроенъ въ Суздальскомъ соборѣ Богородицы. Но весьма возможно и то, что онъ былъ изъ настоящей мозаики греческой ¹⁾. Мраморныхъ греческихъ колоннъ, по всей вѣроятности, въ храмѣ вовсе не было, ибо и водяная перевозка ихъ до Кіева была бы въ высшей степени затруднительна, а сухопутная перевозка отъ Кіева до Владимира и совсѣмъ невозможна. Но матеріалы для мозаики пола, хотя и съ весьма большими трудностями, могли быть привезены. А такъ какъ несомнѣнно, что Боголюбскій для украшенія своего собора не останавливался ни передъ какими одолимыми трудностями, то и весьма возможно, что полъ былъ устроенъ изъ настоящей мраморной мозаики греческой, съ тѣми сложностью и великолѣпіемъ рисунка, какъ это было въ лучшихъ церквахъ Греціи. Трое дверей собора съ ихъ ободверьями или ихъ косяками, по словамъ автора повѣсти, были золотомъ устроены и златомъ кованы. Не знаемъ, должно ли это понимать такъ, что пластины, покрывавшія дверныя створы и косяки, были изъ чистаго золота, или такъ, что онѣ, бывъ мѣдными или бронзовыми, были только позолочены и только по мѣстамъ были выложены такъ называемыми обронными украшениями изъ чистаго золота. Но если

гоцінныхъ каменьевъ, стекла, мѣди, желѣза, свинцу и многого другаго (*Дюк. Constantinop. Christ. lib. III, cap. LIII*).

¹⁾ Никоновская лѣтопись говоритъ, что Татары, взявшіе и разграбившіе въ 1293-мъ году Владимиръ, выдрали въ соборѣ его «чюдное дно мѣдное», т. е. его чудный мѣдный полъ (ср. Карамз. IV, 88). Но едва ли это былъ еще полъ Боголюбскаго, который долженъ былъ пострадать и отъ пожара 1185-го года и при опустошеніи и разграбленіи собора Татарами въ 1237-мъ году (относительно мѣднаго пола ср. Ипатскую лѣтопись подъ 1259-мъ годомъ, которая говоритъ, что въ одной построенной Галицскимъ княземъ Данииломъ Романовичемъ церкви «помость бѣ слить отъ мѣди и отъ олова чиста, яко блещатися яко зеркалу», -- 2 изд. стр. 559 над.).

и послѣднее, то ясно, какія великолѣпныя были эти двери и какое заключеніе должно дѣлать отъ нихъ къ великолѣпію всей церкви!

Итакъ, нашъ дивный соборъ внутри представлялъ такъ сказать сплошную массу драгоценнаго: золото и серебро, драгоценныя камни и безцѣнный жемчугъ, финифть и мраморъ ¹⁾. Не менѣе великолѣпность оная была и снаружи. Всѣ пять куполовъ его и вся вообще и безъ исключенія кровля были покрыты золотомъ ²⁾. По верхамъ стѣнъ между полукруглыми кровлями арокъ (см. выше) и по самымъ симъ кровлямъ были поставлены золотыя птицы (потки), вазы (кубки) и флюгера (вѣтра). «Поясъ» карниза, раздѣлявшій наружныя арки (лизены) стѣнъ поперегъ на два поля, о которомъ мы говорили выше, былъ устроенъ золотомъ и усвѣченъ камнемъ, т. е. гладкая линія его была покрыта золотомъ или вызолочена, а линіи каморокъ и зубцовъ были, вѣроятно, сдѣланы,—первая выложена, а вторая составлена, — изъ разноцвѣтныхъ мраморовъ и другихъ цвѣтныхъ и принимающихъ свѣтѣющую или блестящую полировку камней. Ничего не говоритъ авторъ повѣсти о рельефныхъ изображеніяхъ или барельефахъ въ поляхъ (на поляхъ) арокъ; но онѣ, обязанныя своимъ началомъ именно Боголюбскому, несомнѣнно были въ частности и на его соборѣ ³⁾. Весьма вѣроятно, авторъ повѣсти подразумѣваетъ ихъ подъ словомъ «поясъ», называя этимъ именемъ не только полосу карниза, но и все верхнее поле. Если такъ, то въ этомъ случаѣ его слова объ устроеніи златомъ и объ усвѣщеніи камнемъ должно будетъ относить не только къ самому карнизу, но и къ барельефамъ надъ нимъ, въ верхнемъ полѣ арки, и такимъ образомъ получится, что снаружи соборъ не только былъ золотой своимъ верхомъ или кровлями, но золотой и разукрашенный и до половины стѣнъ. Такъ какъ онъ былъ складенъ изъ гесанаго камня (т. е. собственно облицованъ имъ), то нижнее поле стѣнъ

¹⁾ Единственный извѣстный намъ въ настоящее время храмъ, въ который мы можемъ послать читателя съ тупымъ воображеніемъ, чтобы онъ составилъ себѣ нѣкоторое понятіе о богатствѣ внутренняго украшенія храма Боголюбскаго, есть соборъ Юрьевскаго монастыря въ Новгородѣ, отдѣланный извѣстной А. А. Орловой-Чесменской (тамъ между прочимъ онъ увидитъ и тотъ жемчугъ великій безцѣнный, о которомъ говоритъ авторъ повѣсти).

²⁾ Что были позолочены не только купола, но и вся вообще кровля, это ясно у автора: сначала онъ говоритъ о пяти верхахъ, т. е. куполахъ, а потомъ о верхѣ, т. е. всемъ верхѣ, и о каморахъ, т. е. о сводахъ или о крышѣ по сводамъ.

³⁾ *Добротова* Памятники древности во Владимирѣ Кляземскомъ, стр. 39 (Доселѣ видны на стѣнахъ остатки барельефовъ).

или составлялъ сей камень, возможно хорошо пригнанный, и — насколько принималъ полировку—отполированный, или же — что не невозможно предполагать—это нижнее поле стѣнъ было покрыто и выложено плитками тѣхъ же камней, специально способныхъ къ освѣщенію, что и вверху. Соединивъ въ своемъ воображеніи все сейчасъ нами сказанное и дополнивъ къ этому, что всѣ три входныя двери въ соборъ были золотомъ устроены, читатель получить наружность церкви, которая едва ли когда снилась ему во снѣ, какъ простая игра фантазіи, для которой и невозможное возможно.

Таковъ былъ храмъ Боголюбскаго,—русскаго Соломона и Юстиніана ¹⁾!

Соотвѣтственно своему богатству и великолѣпію соборъ былъ снабженъ и богослужебными принадлежностями. Для него были устроены во множествѣ изъ золота и серебра съ украшеніемъ драгоценными камнями и великимъ или крупнымъ жемчугомъ богослужебныя и просто служебныя сосуды и рипиды, за тѣмъ въ такомъ же множествѣ шитыя золотомъ и жемчугомъ богослужебныя одежды, три такъ называемыя Іерусалима (о нихъ ниже), — весьма большіе, изъ чистаго золота и съ драгоценными камнями, множество пеленъ подъ иконы и множество ковровъ для употребленія въ праздники (о нихъ также ниже) ²⁾.

Отвѣчая на вопросъ: чьими руками соорудилъ и украсилъ Боголюбскій свой соборъ, лѣтописи говорятъ, что «по вѣрѣ его и по тщанью его къ святѣй Богородицѣ приведе ему Богъ изъ всѣхъ земель мастера» ³⁾. Выше мы говорили, что кладку собора со всею вѣ-

¹⁾ Къ собору была пристроена, подобно большимъ Новгородскимъ церквамъ, круглая башня, не знаемъ—служившая ли, какъ тамъ, для входа на полати, но какъ положительно знаемъ — служившая церковной кладовой (Лаврент. лѣт. подъ 1185 г.,—здѣсь она называется теремомъ). Эта башня, вовсе не сохранившаяся до настоящаго времени, была по словамъ повѣсти позлащена («столпъ позлати изовну церкви»). Папертей вокругъ собора Боголюбскимъ не было сдѣлано и сейчасъ сказанное объ украшеніи наружныхъ стѣнъ должно разумѣть о стѣнахъ самаго собора. Что были украшены именно стѣны самаго собора (и слѣдовательно не было папертей ихъ закрывавшихъ), видно изъ сохраняющихся доселѣ на стѣнахъ собора, въ настоящее время также не имѣющаго папертей, остатковъ барельефовъ (послѣ Боголюбскаго паперти были къ собору пристраиваемы, см. ниже).

²⁾ О принадлежностяхъ говорятъ — отчасти наша повѣсть, отчасти Лаврент. лѣтоп. подъ 1185 г. (2 изд. стр. 372).

³⁾ Лаврент. подъ 1160 г. и Ипатск. подъ 1161 г.

роятностію должно усвоить мастерамъ греческимъ ¹⁾; слѣдовательно, подъ мастерами изъ другихъ земель, именно—съ Запада, должно разумѣть мастеровъ, призванныхъ въ помощь мастерамъ греческимъ для украшенія собора и для снабженія его принадлежностями. Причинъ, почему Боголюбскій, не довольствуясь мастерами греческими, выписалъ еще мастеровъ съ Запада, могло быть двѣ, именно — во-первыхъ та, что ему при множествѣ его построекъ, требовавшихъ украшенія и снабженія принадлежностями ²⁾, Греція не могла доставить всего потребнаго количества хорошихъ мастеровъ; во-вторыхъ—та, что не довольствуясь искусствомъ мастеровъ греческихъ, онъ хотѣлъ собрать у себя хорошихъ мастеровъ,—лучшихъ художниковъ, изъ всѣхъ странъ, такъ чтобы все могло быть сдѣлано возможно лучшимъ въ своемъ родѣ. Слова лѣтописи: «изъ всѣхъ земель» даютъ подразумѣвать, что съ Запада они были выписаны не изъ одного мѣста (ибо это вмѣстѣ съ Греціей было бы только изъ двухъ земель), а изъ многихъ или нѣсколькихъ, и слѣдовательно,—что они были собраны въ значительно большемъ числѣ. Выписать съ Запада, съ которымъ мы находились въ дѣятельныхъ торговыхъ сношеніяхъ, просто мастеровъ, было не трудно; но другое дѣло было выписать мастеровъ хорошихъ, и нѣтъ сомнѣнія, что въ отношеніи именно къ этому должно понимать слова лѣтописи: «по вѣрѣ его и по его тщанью къ святѣй Богородицѣ», т. е. что Богъ далъ ему получить именно такихъ мастеровъ. Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что Боголюбскій употребилъ всѣ свои старанія, чтобы сдѣлать свой соборъ возможнымъ совершенствомъ въ своемъ родѣ и что его украшеніе было произведено руками лучшихъ художниковъ своего времени (относительно самаго производства работъ мастерами западными должно думать, что тѣ изъ этихъ послѣднихъ, въ которыхъ требовалось соблюденіе принятой православной формы, они производили ихъ по рисункамъ мастеровъ греческихъ) ³⁾.

¹⁾ И греческая форма сводовъ собора, о которой мы сказали выше (стр. 39 прим.), указываетъ, именно на мастеровъ греческихъ.

²⁾ Двѣ церкви исключительныя—соборъ и Боголюбовская, многія церкви не исключительныя, и два дворца—во Владимірѣ и въ Боголюбовѣ.

³⁾ Боголюбскому для украшенія собора требовались мастера: иконописцы, живописцы, золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ и вообще металлическаго производства мастера (кузнецы, чеканщики, литейщики и пр.), брильянщики или ювелиры, финифтщики, скульпторы, вышивальщики матерій золотомъ (золотошвыцы). Что касается до иконописцевъ и живописцевъ, то они, по всей вѣроятности, были вызваны исключительно изъ Греціи, ибо трудно предположить, чтобы иконописцы и живописцы, гдѣ

Отъ баснословнаго богатства и великолѣпія дивнаго собора Боголюбскаго не сохранилось до настоящаго времени рѣшительно ничего и никакого слѣда. Увы, такова судьба дѣль человѣческихъ! Онъ существовалъ своего рода чудомъ и всего десять лѣтъ послѣ смерти своего здателя. Въ 1185 г. случился во Владимірѣ великій пожаръ, въ которомъ погорѣлъ мало не весь городъ. Въ числѣ другихъ 32-хъ церквей сдѣлался добычею огня и нашъ соборъ. Загорѣвшись съ верху онъ выгорѣлъ до самаго низа и все его богатство и великолѣпіе недвижимое и движимое «взя огонь безъ утеча и безъ остатка»¹⁾... Возобновленный при преемникѣ Боголюбскаго Всеволодѣ тогдашнимъ епископомъ Ростовско-Владимирскимъ Іоанномъ и ставшій по словамъ лѣтописи опять аки новъ²⁾, но несомнѣнно уже вовсе не тѣмъ, чѣмъ былъ³⁾, въ нашествіе Монголовъ, при взятіи послѣдними Владимира, онъ снова былъ выжженъ и притомъ разграбленъ⁴⁾. Возобновленный во второй разъ и по всей вѣроятности уже совсѣмъ скромно, онъ нѣкоторое время былъ

былъ важный вопросъ о православіи формъ, могли быть поручены мастерамъ западнымъ (которые, работая и по рисункамъ греческимъ, все-таки могли привносить нѣчто свое); при этомъ въ частности относительно иконописи слѣдуетъ думать, что не столько мастера были выписаны изъ Греціи, сколько были приобретены тамъ готовые иконы. Мастера прочихъ категорій были выписаны съ Запада, какъ должно думать, именно изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ каждое производство процвѣтало. Въ этомъ отношеніи наши свѣдѣнія недостаточны: золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ и вообще металлическое мастерство процвѣтало тогда въ Германіи (*Аделунта* Корсунскія врата, стр. 112 *fin. sqq*); фаянтова дѣло (эмаль), какъ специальность, процвѣтало тогда въ Кельнѣ (на нижнемъ Рейнѣ) и въ Вердюнѣ (въ сѣверо-восточной Франціи, на Маасѣ)—Вѣстника Общества древне-русскаго искусства при Московск. Публичн. Музеѣ кн. 4, статья *Ю. Д. Филлимонова*: Древнѣйшія западныя эмали въ Россіи, стр. 25).

¹⁾ Лаврент. лѣт.

²⁾ Лаврент. лѣт. подъ 1194 г.

³⁾ Великолѣпно украшенныя Боголюбскимъ наружныя стѣны собора епископъ Іоаннъ въ состояніи былъ только «обновить взвѣстью», Ипатск. лѣт. подъ 1192 г., 2 изд. стр. 453.

⁴⁾ Въ 1237 г. передъ самымъ нашествіемъ Монголовъ епископъ Владимірскій Митрофанъ сдѣлалъ въ соборѣ кивотъ или киворій надъ престоломъ и написалъ притворъ или паперть. Когда пристроена была эта паперть послѣ Боголюбскаго и долго ли существовала послѣ 1237 г., не знаемъ; въ настоящее время ея снова нѣтъ. Едва ли впрочемъ не гораздо вѣроятнѣе разумѣть подъ папертью не дѣйствительную паперть, а заднее отдѣленіе самой церкви или ту часть послѣдней, которая считается за пристройку Всеволодову.

и потомъ еще нѣкоторое время считался каедральнымъ соборомъ русскихъ митрополитовъ, слѣдовательно—заботливо или незаботливо былъ опекаемъ. Затѣмъ, когда Москва совсѣмъ бросила Владимиръ, для него настали времена почти такого же бѣдствія, какъ и для Кіевскаго Софійскаго, такъ что и онъ подвергался опасности потерять свои верхи. Его новѣйшее возобновленіе, первоначально отъ частнаго усердія, началось съ начала передпрошлаго XVIII в. (1708 г.). Напрасно, конечно, было бы мечтать, чтобы соборъ когда нибудь дождался нѣкоторой настоящей реставраціи, хотя въ качествѣ знаменитѣйшаго храма древней Руси и имѣлъ бы на это немалое право ¹⁾...

---

¹⁾ Въ недавнее время, въ продолженіе 1880—1889 годовъ, стараніями преосв. Феоноста, архіепископа Владимирскаго, скончавшагося въ санѣ митрополита Кіевскаго, соборъ реставрированъ внутри и совнѣ. Но такъ какъ преосвященный вовсе не располагалъ средствами Боголюбскаго, то въ отношеніи къ богатству украшенія онъ, разумѣется, и не могъ сколько нибудь сравняться съ нимъ (при этомъ открытую въ соборѣ стѣнопись со всею вѣроятностію должно считать не за стѣнопись Боголюбскаго, которая выгорѣла, а за возобновительную стѣнопись 1408-го года, смъ *Толстова* и *Кондакова* въ VI вып., стр. 60, у которыхъ *ibid.* и образцы стѣнописи или фресокъ).—Описанія нынѣшняго собора: у *В. Доброхотова* въ книгѣ: Памятники древности во Владимирѣ Кляземскомъ. Соборы: каедральный Успенскій и бывший придворнымъ В. К. Всеволода—Дмитріевскій, Москва, 1849; у іеромон. *Иоасафа* въ книгѣ: Церковно-историческое описаніе Владимирскихъ достопамятностей, Владимиръ, 1857, стр. 69, *vqq*; *протоіер. А. Виноградова*: Исторія Владимирскаго каедральнаго Успенскаго собора, Владимиръ, 1877; *ею же* Владимирскій Успенскій соборъ и открытыя въ немъ фрески, Владимиръ, 1884; *ею же* Святыня Владимирскаго каедральнаго Успенскаго собора, историческое значеніе его, и реставрація, Владимиръ, 1888; *ею же* Исторія каедральнаго Успенскаго собора въ губ. гор. Владимирѣ, губ. г. Владимиръ, 1891. Планы и фасады собора: въ Собраніи картъ, плановъ и пр. лл. XIV, XVIII, XIX и XX; у протоіер. Виноградова въ первой и въ послѣдней книгѣхъ; у гр. Толстова и Кондакова въ VI выпускѣ Русскихъ древностей въ памятникахъ искусства. Одинъ фасадъ у *Покровскаю* въ Памятникахъ христіанской архитектуры.

III

Архитектура церквей деревянныхъ.

Обращаемся къ архитектурѣ церквей деревянныхъ.

Каменные церкви, взятыя всѣ вмѣстѣ, составляли въ общемъ самую незначительную и ничтожную часть, не болѣе какъ только исключеніе; обыкновенными же церквами нашими домонгольскаго періода (равно какъ и послѣдующаго весьма долгаго времени) были церкви деревянные. Довольно много было каменныхъ церквей въ Кіевѣ и Новгородѣ (въ первомъ среди множества церквей деревянныхъ, общественныхъ и домовыхъ, во второмъ—при отсутствіи церквей домовыхъ, какъ кажется, съ преобладаніемъ надъ общественными деревянными); довольно не малое количество ихъ было во Владимирѣ. Затѣмъ, слѣдуютъ не особенно многіе города, которые могли хвалиться или не единственнымъ ихъ числомъ или по крайней мѣрѣ единственнымъ. Во всемъ же остальномъ сравнительно множествѣ прочихъ городовъ и во всѣхъ безъ изъятія селахъ церкви были исключительно деревянные.

Каменные церкви обыкновенныхъ размѣровъ не представляли собой чего-нибудь невозможнаго для сооруженія; таковыя каменные церкви домонгольскаго періода, бывъ значительно менѣе нынѣшнихъ обыкновенныхъ, представляли собой это невозможное еще менѣе, чѣмъ послѣднія. Слѣдовательно, не было никакихъ дѣйствительныхъ препятствій къ тому, чтобы вся Русь домонгольская покрылась каменными церквами, какъ покрыта ими Русь настоящая, и слѣдовательно—дѣло было просто въ томъ, что каменная архитектура, бывъ принесена къ намъ изъ Греціи, не была нами усвоена и не вошла у насъ въ общій обычай.

Къ величайшему сожалѣнію о деревянныхъ церквахъ домонгольскаго періода мы не можемъ сказать многого положительнаго, такъ какъ церквей этихъ, что само собою разумѣется, вовсе не сохранилось до настоящаго времени и такъ какъ извѣстія о нихъ чрезвычайно скудны.

Каменное зодчество явилось у насъ, какъ нѣчто чужое, только со времени принятія нами христіанства, когда по подобію Грековъ и ихъ руками мы начали строить каменные церкви; но само собою разумѣется, что зодчество деревянное было у насъ и прежде сего и не какъ чужое, а какъ свое. Если вовсе не могло быть у насъ самостоятельнаго развитія зодчества каменнаго, такъ какъ этому полагалъ не-

одолимыя и рѣшительныя препятствія недостатокъ научныхъ архитектурныхъ свѣдѣній (условливавшийся общимъ отсутствіемъ просвѣщенія), то совсѣмъ другое дѣло—зодчество деревянное. Это послѣднее по своему свойству, т. е. по свойству своего матеріала, таково, что даетъ мѣсто творчеству и прогрессу и при отсутствіи научныхъ или теоретическихъ свѣдѣній. И оно несомнѣнно имѣло у насъ этотъ прогрессъ, и уже въ то древнее время, какъ явилось у насъ христіанство и какъ мы начали строить церкви, достигло болѣе или менѣе высокой степени развитія.

Впрочемъ, по всей вѣроятности, должно различать въ семь отношеніи двѣ половины Руси — южную и сѣверную и сейчасъ сказанное разумѣть только о послѣдней, которая, будучи съ одной стороны страшною лѣсной, а съ другой—страною холодной, имѣла вмѣстѣ и условія и побужденія для того, чтобы создать деревянное зодчество. А что касается до Руси южной, сравнительно малолѣсной и болѣе теплой, то, какъ кажется, въ развитіи деревяннаго зодчества она не пошла далѣе той хаты, которую видимъ въ Малороссіи до настоящаго времени. Предположеніе наше подтверждаетъ и лѣтопись, въ которой подъ 1016 г. читаемъ, что Новгородцевъ, пришедшихъ съ Ярославомъ на Святополька, южанинъ воевода послѣдняго укорялъ: «что пришли съ этимъ хромцомъ вы плотники? заставимъ васъ рубить намъ хоромы»¹⁾. Слова эти показываютъ, что плотничество, а слѣдовательно и искусство въ немъ, составляло отличіе Новгородцевъ отъ Кіевлянъ и что послѣдніе въ случаѣ надобности хорошихъ построекъ, настоящихъ и хорошихъ домовъ или собственныхъ хоромовъ, пользовались услугами первыхъ.

Какъ бы то ни было, но думать о деревянныхъ церквахъ домонгольскаго періода, будто онѣ вообще представляли изъ себя маленькія и невзрачныя зданія, весьма недалекія отъ жилыхъ домовъ и именно домовъ крестьянскихъ, было бы совершенно несправедливо. Отъ самаго перваго времени послѣ принятія христіанства мы имѣемъ положительныя свидѣтельства о такой степени развитія у насъ деревяннаго зодчества, что могли быть строимы деревянныя церкви не только хорошія и очень хорошія, но и совсѣмъ дивныя. А если была возможность, то вѣроятно ли, чтобы она не была прилагаема къ дѣлу? Обыкновенно Богъ чествуется отъ всего умѣнья, и если Русскіе періода домонгольскаго умѣли строить хорошія деревянныя зданія, то само собой и не-

---

¹⁾ «Что придете съ хромцемъ симъ, вы плотницы суще? а приставимъ въ хоромы рубити нашихъ».

обходимо разумѣется, что храмы Божіи должны были стать первымъ и главнѣйшимъ предметомъ для приложенія этого умѣнья.

Лѣтописи свидѣтельствуютъ, что дивная и великая церковь была построена въ Ростовѣ ея первымъ епископомъ Θεодоромъ, который былъ изъ числа вообще первопоставленныхъ епископовъ Русскихъ ¹⁾. Предъ учрежденіемъ каеэдры Ростовъ не былъ крещѣнъ, какъ это было съ другими городами; напротивъ, каеэдра была учреждена въ немъ только въ видахъ будущаго постепеннаго крещенія его и области его жителей. Слѣдовательно, при своемъ учрежденіи каеэдра буквально была то, что называется *in partibus infidelium*,—каеэдра среди населенія нехристіанскаго, а языческаго и имѣвшаго стать христіанскимъ только со временемъ и въ неизвѣстномъ будущемъ. Такимъ образомъ, если для этой каеэдры, вовсе не имѣвшей непосредственной нужды въ великолѣпной обстановкѣ, построенъ былъ дивный и великій храмъ ²⁾, то есть вся вѣроятность и все основаніе полагать, что для всѣхъ другихъ епископій были построены каеэдральные храмы настолько дивные и великіе, насколько позволяли это мѣстные средства каждой (материалъ и мастера). Центромъ деревяннаго зодчества, какъ мы сказали, былъ Новгородъ, мастерами котораго, по всей вѣроятности, была построена и церковь Ростовская. Если справедливо сейчасъ предположенное нами, то наилучшая изъ всѣхъ церквей или по крайней мѣрѣ не худшая Ростовской долженствовала быть построена въ немъ. Къ счастью, мы имѣемъ свѣдѣнія о первоначальномъ деревянномъ соборѣ Новгородскомъ, и оказывается, что это было дѣйствительно такъ. Первоначальный деревянный Новгородскій соборъ, построенный одновременно съ крещеніемъ Новгорода епископомъ Іоакимомъ, по свидѣтельству Новгородскихъ лѣтописей ³⁾, имѣлъ 13 верховъ и былъ честно устроенъ и украшенъ.

Одновременно съ каеэдральными соборами для епископовъ, правительство на свой собственный счетъ, какъ необходимо предполагать, построило церкви и для всѣхъ первокрещенныхъ. Эти первыя правительственныя церкви, строенныя на слѣхъ и варазъ въ слишкомъ боль-

¹⁾ Объ этой церкви, сгорѣвшей въ 1160 г., лѣтописи говорятъ: «того же лѣта погорѣ Ростовъ и церкви вси и сборная дивная великая церкви святыя Богородица, якоже не было, николи же не будетъ» (Лаврент. подъ 1160 г., Ипатск. подъ 1161 г.).

²⁾ Можно впрочемъ понимать дѣло и такъ, что великолѣпнѣе храма рассчитывали привлечь къ христіанству язычниковъ.

³⁾ 2-я Новгород. лѣт. подъ 1045 г.

помъ числѣ, вѣроятно, не отличались великолѣпіемъ, а были болѣе или менѣе просты и носили печать единообразія казенныхъ построекъ. Но затѣмъ явилась у крещенныхъ внутренняя привязанность къ христіанству, послѣ чего церкви начали быть строимы, независимо отъ правительства, частными людьми и общинами. Снова повторяемъ, со-всѣмъ странно и ни съ чѣмъ несообразно было бы предполагать, чтобы, имѣя умѣнье и возможность строить хорошія церкви, стали строить ихъ худыя. Умѣнье и матеріалъ, какъ о первомъ нужно предполагать и говорить положительныя свидѣтельства, а о второмъ знаемъ сами непосредственнымъ образомъ, соединялись на сѣверѣ. Слѣдовательно, этотъ сѣверъ по преимуществу и долженъ былъ отличаться хорошими и даже великолѣпными деревянными церквами. Подъ сѣверомъ, вѣроятно, нужно разумѣть сравнительно наибольшую часть Руси, и именно—Новгородъ съ его обширной областью, на востокъ отъ Новгорода область Ростовско-Суздальскую, на югъ — области Смоленскую, Полоцкую и Туровскую. Все это была сторона одинаково лѣсная и по населенію своему ближайше родственная (позднѣйшія и нынѣшнія Великороссія и Бѣлороссія), а поэтому и можно полагать, что на всемъ сейчасъ указанномъ пространствѣ была болѣе или менѣе одна и таже деревянная архитектура и находилась болѣе или менѣе на одной и той же значительной степени развитія. Южная Русь (нынѣшняя Малороссія), сравнительно малолѣсная и безлѣсная, до настоящаго времени имѣющая гражданскую архитектуру (сельская домовая стройка), находящуюся на самой первой или первобытной степени развитія и знаменитую характеромъ совершенной неподвижности, по всей вѣроятности, въ отношеніи къ деревянному церковному водчеству должна быть отличаема и отдѣляема отъ сѣверной Руси, какъ особая половина, именно — половина значительно низшая, имѣвшая деревянныя церкви значительно худшія. Впрочемъ, мы той рѣшительной вѣры, что деревянныя церкви и южной Руси періода домонгольскаго вовсе не должны быть представляемы въ видѣ нынѣшнихъ малороссійскихъ хатъ. Строители этихъ послѣднихъ, конечно, не могли быть строителями ни хорошихъ церквей, ни вообще чего бы то ни было лучшаго; но Югъ могли обстраивать хорошими и приличными церквами мастера сѣверные. Кто знаетъ о нынѣшнихъ путешествіяхъ ремесленныхъ и промысловыхъ артелей по всевозможнымъ направленіямъ и во всевозможные концы Руси для такъ называемыхъ заработковъ; кто въ частности знаетъ, что и въ настоящее время Малороссія полна ремесленниками изъ Великороссіи: тотъ легко пойметъ, какимъ образомъ это могло случиться. Кромѣ мастеровъ и строителей, попросту плотниковъ, пришедшихъ съ сѣвера (изъ

нынѣшнихъ Бѣло-Великоруссіи) и въ самой Малороссіи, въ слѣдствіе спроса на работу, могли явиться специалисты церковнаго строительства (хотя заключая отъ нынѣшнихъ Малороссовъ и не полагаемъ, чтобы они явились въ слишкомъ большомъ числѣ). Если не смотря на это церкви южной Руси все-таки должны быть предполагаемы значительно худшими церковей Руси сѣверной, то потому, что постройка ихъ должна была обходиться значительно дороже и добываніе матеріала для нихъ значительно труднѣе, а главное потому, что отъ хатъ до настоящаго великолѣпія былъ такъ сказать противонатуральный скачекъ, — что у человѣка, живущаго въ хатѣ, идеалъ великолѣпія долженствовалъ быть гораздо скромнѣе и что полное и возможное на его взглядъ великолѣпіе должно было наставать тамъ, гдѣ еще далеко не доходило до настоящаго великолѣпія.

На основаніи сказаннаго слѣдуетъ думать о деревянныхъ церквяхъ періода домонгольскаго такъ, что въ большей половинѣ Руси онѣ были хороши, съ отдѣльными церквями очень хорошими и даже великолѣпными, а въ меньшей половинѣ — приличны. Но всегда и во всемъ бываютъ исключенія, и необходимо полагать, что не только просто были исключенія церковей плохихъ и убогихъ, но что по тогдашнимъ особеннымъ условіямъ и обстоятельствамъ онѣ были многочисленны болѣе должнаго и болѣе такъ сказать нормальнаго. Подразумѣвается, что плохія и убогія церкви должны были имѣть у себя плохіе и бѣдные приходы. При крайней рѣдкости у насъ населенія въ нихъ мѣстностяхъ нельзя сдѣлать у насъ иныхъ приходовъ изъ бѣдныхъ богатыми, не смотря ни на какія искусственныя старанія. Но въ древнее время кромѣ этихъ бѣдныхъ приходовъ не по ихъ винѣ должно было быть еще не малое количество приходовъ бѣдныхъ такъ сказать по доброй волѣ. Много выше мы говорили, что у насъ въ періодъ домонгольскій (какъ и долгое время послѣ) была совершенная свобода открывать приходы; а на семь основанія необходимо предполагать, что, при другихъ благопріятствовавшихъ и содѣйствовавшихъ условіяхъ, о которыхъ говорили мы выше (многочисленность и нетребовательность кандидатовъ на мѣста священническія, поблжка этому со стороны епископовъ), приходовъ въ этотъ періодъ было наоткрывано значительно болѣе должнаго и значительно болѣе нужнаго. До какой степени плохи были плохія церкви въ приходахъ бѣдныхъ, мы, разумѣется, не можемъ сказать. Но весьма вѣроятно, что на крайней степени убожества онѣ ничѣмъ не отличались отъ простыхъ клѣтѣй и сараевъ, кромѣ того, что имѣли на своихъ крышахъ кресты.

Весьма вѣроятно также, что среди многочисленныхъ домовыхъ

церквей домонгольскаго періода, которыя всё должны быть представляемы малыми по размѣру, было весьма не малое количество такихъ, которыя были не только малы, но и совсѣмъ убоги до того, чтобы оскорблять самое скромное понятіе о благолѣпнн церкви. Далекое не всё имѣли домовныя церкви по благочестивому усердію; многіе имѣли ихъ только по модѣ и изъ тщеславія и весьма вѣроятно, что многіе изъ этихъ многихъ, желая только пріобрѣсти право говорить, что у нихъ есть домовныя церкви, довольствовались тѣми жалкими клѣтшечками, каковыя представляютъ собою наибольшая часть вышннихъ деревенскихъ часовенъ.

Всѣ наши свѣдѣнія объ архитектурѣ деревянныхъ церквей домонгольскаго періода состоятъ въ томъ, что, во-первыхъ, какъ мы сказали выше, Новгородскій соборъ, построенный первымъ Новгородскимъ епископомъ Іоакимомъ одновременно съ крещеніемъ Новгородцевъ и сгорѣвшій въ 1045 г., былъ о 13-ти верхахъ, и во-вторыхъ — что церковь Бориса и Глѣба, построенная Ярославомъ въ Вышгородѣ, была вознаграждена «о клѣтцѣ», — объясненіе чего ниже, и что была украшена пятью верхами ¹⁾. Не имѣя свѣдѣній изъ самаго періода домонгольскаго, оставалось бы пользоваться свѣдѣніями позднѣйшими и заключать отъ самыхъ позднѣйшихъ церквей, сохранившихся до настоящаго времени. Но свѣдѣнія пока еще мало приведены въ извѣстность и совсѣмъ не разработаны (въ 1-мъ изданіи книги, которое напечатано въ 1881-мъ году, мы далѣ писали: «а церкви пока еще съ недоумѣніемъ ожидаютъ, когда обратятъ на нихъ свое вниманіе русскіе археологи, говоримъ—съ недоумѣніемъ, ибо архитектура деревянныхъ церквей, въ которой мы наиболѣе проявили свою самостоятельность и свой національный вкусъ, повидимому, должна была привлечь къ себѣ вниманіе нашихъ археологовъ одна изъ первыхъ». Теперь мы должны съ искреннею радостію сказать, что въ послѣднее время деревянныя церкви привлекли къ себѣ вниманіе и заботы архитекторовъ-археологовъ. Въ 1895-мъ году Императорская Академія Художествъ предприняла изданіе руками академика *В. В. Сулова* Памятниковъ древняго русскаго зодчества: въ семи доселѣ напечатанныхъ выпускахъ Памятниковъ вмѣстѣ съ снимками съ церквей каменныхъ помѣщено 11-тъ прекрасно сдѣланныхъ снимковъ съ деревянныхъ церквей Архангельской и Вологодской губерній).

Представляя дѣло апріорически, слѣдовало бы думать, что наши деревянныя церкви въ отношеніи къ своей формѣ были ничѣмъ инымъ,

¹⁾ Житія Бориса и Глѣба монаха Іакова в преи. Нестора,—чудеса.

какъ единственно воспроизведеніемъ церквей каменныхъ и что, какъ таковыя, онѣ имѣли (подобно симъ послѣднимъ) одну форму четверугольника болѣе или менѣе близкаго къ квадрату. Въ дѣйствительности это оказывается не такъ. Въмѣстѣ съ подражаніемъ церквамъ каменнымъ мы находимъ здѣсь и самостоятельность, и притомъ самостоятельность, какъ кажется, шедшую весьма далеко и проявлявшую себя весьма разнообразно, хотя въ этомъ послѣднемъ случаѣ мы, къ сожалѣнію, и не можемъ сказать почти ничего опредѣленнаго и ничего обстоятельнаго.

Первою формою церквей деревянныхъ, съ которой несомнѣнно и очевидно началось дѣло, должна быть считаема именно форма, составляющая воспроизведеніе церквей каменныхъ, т. е. форма четверугольника, болѣе или менѣе близкаго къ квадрату (на дѣлѣ, какъ увидимъ далѣе, наибольшую частію являвшаяся въ видѣ настоящаго квадрата).

Вторую форму составлялъ четверугольникъ значительно продолговатый, раздѣлявшійся внутри поперечною стѣной на двѣ половины, и какъ бы составленный изъ двухъ квадратовъ. Относительно происхожденія этого двойнаго квадрата должно думать слѣдующее: пра формѣ четверугольника близкаго къ квадрату требовалось соблюденіе условія, которое въ приложеніи къ церквамъ деревяннымъ было не совсѣмъ удобно, именно—для помѣщенія женщинъ, которыя стояли отдѣльно отъ мужчинъ, въ нихъ должны были устраиваться, какъ и въ каменныхъ церквахъ, верхнія галереи или полаты ¹⁾; поелику при деревянномъ матеріалѣ трудно устраивать ихъ твердо и прочно, то и придумали замѣнить ихъ такимъ образомъ, чтобы строить церкви въ видѣ значительно продолговатыхъ четверугольниковъ и чтобы внутри раздѣлять ихъ на двѣ половины — переднюю для мужчинъ и заднюю для женщинъ.

Скоро ли явилась у насъ вторая форма послѣ первой, не знаемъ; но имѣемъ положительныя свидѣтельства, что уже въ періодъ домонгольскій. Въ приложеніи къ церквамъ деревяннымъ, для обозначенія ихъ видовыхъ или отличительныхъ признаковъ, употребляется у насъ

¹⁾ Въ позднѣйшее время четверугольно-квадратныя деревянные церкви строили у насъ безъ полатей. Но въ позднѣйшее время ослабѣлъ у насъ обычай становиться женщинамъ въ церкви отдѣльно отъ мужчинъ и устройство полатей было оставлено и въ церквахъ каменныхъ. Впрочемъ, имѣемъ свидѣтельство о полатахъ въ церквахъ деревянныхъ (и даже съ придѣлами на нихъ) и изъ позднѣйшаго времени, — *Неволина* 0 пятинахъ, приложж. стр. 336.

между прочимъ выраженіе: «о клѣтцѣ, клѣтки»¹⁾. Это о клѣтцѣ или клѣтски собственно означаетъ техническую форму устройства стѣнъ, именно—устройства чрезъ горизонтальную кладку бревенъ однихъ на другія въ видѣ клѣтки (какъ обыкновенно и единственно строятся у насъ деревянные дома въ настоящее время), въ противоположность другому, употреблявшемуся въ древнее время, способу устройства—чрезъ поставленіе бревенъ стояками (о чемъ сейчасъ ниже). Но одинъ писатель домонгольскаго періода,—игуменъ Даниилъ въ своемъ іерусалимскомъ Паломникѣ употребляетъ выраженіе «клѣтки» о формѣ церквей и именно разумѣетъ подъ нею форму четвероугольно-продолговатую (Даниилъ употребляетъ выраженіе клѣтски въ приложеніи къ каменнымъ іерусалимскимъ церквамъ,—по изд. *Норова* стрр. 30 лп., 34, 75, 79, 107; изъ церквей, въ приложеніи къ которымъ употребляетъ онъ это выраженіе, сохранилась до настоящаго времени Виелеемская церковь Рождества Христова,—и она есть базилика, т. е. продолговатый четвероугольникъ).

За самый періодъ домонгольскій мы не имѣемъ другихъ свидѣтельствъ о формѣ церквей деревянныхъ. Но изъ послѣдующаго, сравнительно не особенно далекаго времени, отъ котораго есть вѣроятность и основанія заключать къ нему, мы имѣемъ свидѣтельства: во-первыхъ, объ употребленіи въ приложеніи къ церквамъ деревяннымъ исключительной формы церквей каменныхъ — крестовой или четвероугольника съ выступами въ бока, во вторыхъ — о формахъ нечетвероугольныхъ.

Въ 1490 г. сгорѣла въ Устюгѣ деревянная соборная церковь, и Устюжскіе попы били челомъ великому князю о построеніи новой; великій князь приказалъ справиться въ книгахъ, кто ставилъ сгорѣвшую, и — нашедъ въ послѣднихъ, что ее поставилъ въ 1397 г. епископъ Ростовскій, къ епархіи котораго принадлежалъ Устюгъ, приказалъ и новую также построить епископу... «и пославъ владыка — читаемъ въ одной лѣтописи—мастера... и онъ (мастеръ) заложилъ не по старинѣ крещчату (т. е. формы крестовой, о которой сказали мы сейчасъ выше), а Устюжаномъ тотъ окладъ (планъ) сталъ нелюбъ и хотѣли бить че-

¹⁾ Въ первый разъ выраженіе въ формѣ «о клѣтцѣ» читаемъ въ Несторовѣ житіи Бориса и Глѣба, въ извѣстіи о построеніи Ярославомъ деревянной церкви мучениковъ въ Вышгородѣ: «возградиша (по повелѣнію князя) церковь святою стратотерицѣ Бориса и Глѣба о клѣтцѣ». Въ позднѣйшее время, сколько помини, не употребляется форма «о клѣтцѣ», но или «клѣтски», что преимущественно, или «въ клѣтки» (послѣднее см. напр въ Запискахъ Русск. и Слав. Отд. Импер. Археолог. Общ. т. I, отд. 3, стрр. 140, 143, 146, 151).

ломъ великому князю, и владыка не велѣлъ, а ялся церковь поставить по старинѣ и прислалъ мастера да 60 человекъ работниковъ и заложили круглу по старинѣ о 20 стѣнахъ¹⁾. Въ Псковской 1-й лѣтописи (Собр. лѣтт. т. 4) подъ 1471 г. читаемъ: «(того же лѣта) пригонивше Новгородцы (въ Псковскую область) изъ зарубежья, въ Навережской губѣ много хоромовъ пожгли и церковь св. Николы сожгял велми преудивлену и чюдну, таковѣ не было во всей Псковской волости, о полѣтретьюдесяти углахъ».

Церковь о 20 стѣнахъ и церковь о 25 углахъ! Между четырьмя углами, каковы церкви четверугольныя, и двадцатью пятью углами весьма большой промежутокъ, дающій мѣсто многимъ формамъ: но какъ представлять себѣ эти формы? Къ сожалѣнію, мы можемъ отвѣчать на этотъ вопросъ весьма немногое. Изъ позднѣйшаго времени мы знаемъ одну церковь о десяти углахъ—это Кольскій Воскресенскій соборъ, который построенъ былъ въ 1684 г. и который сожженъ Англичанами въ 1854 г.²⁾ Соборъ этотъ состоялъ изъ четырехъ соединенныхъ въ одно четверугольниковъ, именно—основнаго и большаго, узко-продолговатаго, поставленнаго длиной поперегъ, и трехъ меньшихъ, прирубленныхъ къ нему—одного сзади къ его серединѣ и двухъ спереди къ его бокамъ, и затѣмъ еще изъ трехъ алтарныхъ абсидъ, прирубленныхъ—одна къ основному четверугольнику между побочными передними и по одной къ симъ послѣднимъ. Подобное ли соединеніе нѣсколькихъ четверугольниковъ въ одно или что-либо другое представляли древнія многоугольныя деревянныя церкви, сказать не можемъ. Въ нашей Кольской церкви два побочные передніе четверугольника суть прирублы; но въ концѣ XIV вѣка, къ которому относится приведенное нами выше извѣстіе о церкви двадцатиугольной, прирублы, какъ кажется, составляли еще такую же рѣдкость, какъ и въ періодъ домонгольскій. А поэтому не представляется вѣроятнымъ думать по крайней мѣрѣ того, чтобы тамъ многоуголіе должно было изъяснять именно прирубкой тѣхъ же прирубловъ.

Круглая двадцатиствѣнная церковь, если представляла изъ себя одинъ кругъ, то не въ точномъ смыслѣ круглый, а двадцатигранный. Какъ бы мы не представляли себѣ малыи грани, но во всякомъ случаѣ ихъ 20-ть, и слѣдовательно это будетъ громадная ротонда. Съ пер-

¹⁾ У Карамз., т. VI, прик. 629, соі. 99.

²⁾ Сохранившіеся планъ и фасадъ собора см. въ Извѣстіяхъ Импер. Археолог. Общества, годъ II (1861), выпускъ I, стр. 12; одинъ фасадъ въ Воскресномъ Досугѣ Баумана, т. 3, № 67, и въ Иллюстраціи 1858 г., № 12.

ваго взгляда может показаться невѣроятнымъ, чтобы могла быть подобная деревянная ротонда, ибо рождается вопросъ: какъ бы она могла быть накрыта потолкомъ. На самомъ дѣлѣ однако тутъ нѣтъ ничего невозможнаго, и она могла быть накрыта не потолкомъ, а куполомъ. А что деревянные куполы могли быть устраиваемы громадныя, это доказываетъ устроенный наприм. въ XVIII столѣтїи и доселѣ остающійся цѣлымъ деревянный куполь надъ ротондой (каменной) гроба Господня въ Новомъ Іерусалимѣ и въ пользу этого говорятъ свѣдѣнія, которыя мы имѣемъ лично (отъ моего отца я многократно слыхалъ въ дѣтствѣ, что на его родинѣ, — Костромская губернія, Кологривскій уѣздъ, мѣстность лѣсная, — была и не задолго до моего появленія на свѣтъ стора огромнѣйшая и великолѣпнѣйшая деревянная церковь, замѣчательная именно своимъ огромнѣйшимъ и великолѣпнѣйшимъ куполомъ, о которомъ отецъ всегда говорилъ съ необыкновеннымъ одушевленіемъ и энтузіазмомъ; въ нашей округѣ, имѣющей большія и богатыя села, каменные церкви — очень хорошія и въ то время, къ которому относятся рассказы, было еще цѣло нѣсколько большихъ деревянныхъ церквей, но, по словамъ отца, ни первыя ни послѣднія не шли съ его стора вышею церковію ни въ какое сравненіе; къ сожалѣнію мы не знаемъ, какую форму имѣла церковь) ¹⁾. Но если круглая двадцатистѣнная церковь представляла собой не одинъ кругъ, а круглое зданіе сложное и составное, что, можетъ быть, вѣроятнѣе, то мы отказываемся угадывать и предполагать, какъ представлять себѣ это зданіе.

Такъ или иначе мы будемъ представлять себѣ круглую двадцати-

---

¹⁾ Нѣсколько разъ слыхали мы и, какъ кажется, гдѣ-то читали, что въ Костромской губерніи, въ одномъ селѣ, до настоящаго времени есть деревянная церковь, исключительная по размѣрамъ и весьма замѣчательной архитектуры; но, къ сожалѣнію, не имѣемъ о ней обстоятельныхъ свѣдѣній. Въ Словарѣ *Мюллера-Мотеса*, подъ сл. Russischer Baustil, помѣщено взятое изъ какого-то, неизвѣстнаго намъ, русскаго источника изображеніе внутренности одной деревянной Костромской церкви (Fig. 1168, Inneres einer Dorfkirche bei Kostroma): чуть ли это не наша церковь. Но изображеніе, представляющее только отрывокъ вида и не сопровождаемое никакимъ объясненіемъ, почти ничего не говоритъ, кромѣ того, что заставляетъ подозрѣвать церковь огромную. Не помнимъ гдѣ, читали мы, что деревянный соборъ въ городѣ Шенкурскѣ Архангельской губерніи представляетъ собою церковь колоссальную и замѣчательной архитектуры. Есть записъ о деревянной церкви, которая отъ земли до креста имѣла 30 сажень вышины, и есть записъ о деревянной церкви, весьма чудной и пространной, формою — крестообразной, которая имѣла 37 сажень вышины, см. у *Бычкова* въ Описанїи сборниковъ Публичной Библіотеки, ч. I, стр. 8 и 104.

стѣнную церковь,—какъ кругъ простой или сложный, но во всякомъ случаѣ она не будетъ соединеніемъ нѣсколькихъ четверугольниковъ, чѣмъ могли быть, какъ показываетъ примѣръ Кольскаго собора, церкви многостѣнныя некруглыя; слѣдовательно — ея форму нельзя понимать только какъ мультипликацію четверугольника каменныхъ церквей, а должно видѣть въ ней форму особую отъ послѣдняго и самостоятельную. А если такъ, то, очевидно, рождается вопросъ: откуда могла быть взята эта особая отъ церквей каменныхъ форма? Если бы предки наши до принятія христіанства имѣли языческіе храмы, то можно было бы думать, что наша форма перенесена на христіанскіе храмы съ нихъ. Но, по всей вѣроятности, предки наши вовсе не имѣли языческихъ храмовъ, пли же—если имѣли ихъ, то не въ видѣ большихъ зданій, для вмѣщенія молящихся, а (подобно древнимъ Грекамъ и Римлянамъ) въ видѣ весьма малыхъ зданій и какъ бы часовенокъ, только для вмѣщенія статуй. Были настоящіе и, по свидѣтельству писателей, великолѣпные храмы у Славянъ языческихъ Балтійскихъ ¹⁾. Намъ не представляется однако вѣроятнымъ думать, чтобы заимствованіе было отсюда,—непосредственно ли съ храмовъ языческихъ или посредственно съ храмовъ христіанскихъ, т. е. съ храмовъ христіанскихъ, которые начали строить у себя Балтійскіе Славяне по подобію храмовъ языческихъ, когда начали принимать христіанство. Чтобы предки наши были въ такихъ близкихъ и такихъ живыхъ сношеніяхъ съ Славянами Балтійскими, которыя бы дѣлали вѣроятною возможность заимствованія, относительно этого мы вовсе не имѣемъ свѣдѣній. Наиболѣе вѣроятнымъ намъ представляется думать, что наша форма церквей идетъ изъ Скандинавіи, въ которой столько же, сколько у насъ, если не болѣе, процвѣтало деревянное зодчество, и въ которой такъ же, какъ у Балтійскихъ Славянъ, были настоящіе языческіе храмы ²⁾. Форма могла перейти къ намъ двояко,—или бывъ принесена Варягами въ періодъ времени, предшествующій крещенію Владимира, и бывъ ими приложена къ тѣмъ церквамъ, которыя они (т. е. крещенные изъ нихъ) имѣли въ Кіевѣ до него, или послѣ Владимира, бывъ заимствована изъ Скандинавіи Новгородцами, что при сосѣдствѣ и близкомъ общеніи послѣднихъ съ первой было весьма возможно. Въ пользу этого предположе-

¹⁾ См. *И. И. Срезневскаго* Изслѣдованіе о языческомъ богослуженіи древнихъ Славянъ, Спб., 1848 г., стр. 39 и слѣд.

²⁾ Такъ какъ Славяне Балтійскіе и Скандинавы были сосѣдями (черезъ море), то можно думать, что одни которые нибудь заимствовали эти храмы у другихъ.

ня какъ будто имѣемъ мы и нѣкоторыя положительныя основанія. Кромѣ указаннаго выше способа устройства стѣнъ посредствомъ горизонтальной кладки бревень, чтò составляетъ въ настоящее время нашъ единственный способъ и что называлось технически «о клѣтцѣ, клѣтчки, въ клѣтчки», въ старое время въ приложеніи къ стройкѣ церквей былъ у насъ еще другой способъ—чрезъ поставленіе бревень стояками, какъ забираются остроги (ограды вокругъ тюремъ) и на подобіе остроговъ заборы, каковой способъ стройки технически назывался «вверхъ»¹⁾. Этотъ второй способъ устройства стѣнъ, очевидно, изобрѣтенный именно для церквей круглыхъ, мы находимъ если не исключительнымъ, то преимущественнымъ способомъ стройки церквей въ Скандинавіи²⁾.

¹⁾ Въ Новгородской Писцовой книгѣ второй половины XVI в.: «въ Егорьевскомъ погостѣ въ Бродѣхъ церковь Покровъ Святѣй Богородицы клѣтчки, да теплая церковь Никола Чудотворецъ деревяна жъ въ верхъ... Погостъ Васильевскій въ Болонѣхъ, а на погостѣ церковь Василей Кесарискій, деревяная въ верхъ, да теплая церковь Пятница святая, деревяная клѣтчки», см. у *Неволина* О пятинахъ, стр. 292 и 309 и другія. Но какъ выраженіе: «клѣтчки», означавшее первоначально форму рубки стѣнъ начало потомъ употребляться о формѣ церквей: такъ это же самое случилось и съ выраженіемъ: «въ верхъ», именно—оно началò быть употребляемо о церквяхъ высокихъ, по формѣ квадратныхъ. Каменные церкви строятся у насъ въ настоящее время большею частію двусоставныя—передняя церковь, такъ называемая «настоящая» или лѣтняя,—высокій квадратъ; задняя церковь, теплая зимняя или трапеза, — низкій продолговатый четвероугольникъ: первая тождественна по формѣ съ деревянною церковію «въ верхъ», вторая съ деревянною церковію клѣтчки (а въ приведенной выпискѣ изъ Писцовой книги въ первомъ случаѣ, какъ должно думать, эпитеты клѣтчки и въ верхъ переиѣшаны и поставлены одинъ на мѣсто другаго).

²⁾ *Любке* Gesch. d. Architect. S. 454 и *Мюллеръ-Мотесъ* въ Словарѣ подъ сл. Holzarchitektur. Последніе говорятъ, что стояки употреблялись большею частію въ видѣ брусевъ; есть указанія, что и у насъ было такъ, см. Записокъ Русск. и Славянск. Отд. Импер. Арх. Общ., т. I, отд. 3, стр. 143 («церковь отъ полу вверхъ рублена въ брусъ»).—Въ обѣихъ сейчасъ приведенныхъ книгахъ указаны спеціальныя книги по деревянной архитектурѣ Скандинавіи; но, къ сожалѣнію, мы не могли имѣть ихъ въ рукахъ (въ обѣихъ нашихъ книгахъ помѣщены два плана и пять фасадовъ деревянныхъ церквей).—О связи нашей архитектуры съ Скандинавскою, т. е. объ ея зависимости отъ последней, какъ будто говорятъ и нѣкоторыя данныя нашего архитектурнаго технического языка. Верхнія женскія галлерей въ церквяхъ въ древнее время назывались у насъ полатыни. Въ этомъ названіи видать греческое παλάτιον, въ противорѣчіи παλάτι. Но греческое παλάτιον, изъ латинскаго palātium, значить дворецъ, и—во-первыхъ, совершенно нѣтъ никакихъ указаній, чтобы такъ назывались у Грековъ женскія галлерей (онѣ назы-

Въ позднѣйшее время деревянныя церкви, сколько можемъ заключать отъ церквей, сохранившихся доселѣ и намъ извѣстныхъ, если не всегда, то большею частію были двухъэтажныя, съ подваломъ или подцерковьемъ въ нижнемъ этажѣ. Если не всегда, то большею частію онѣ имѣли паперти, и именно—наибольшую частію не съ одной только западной стороны, но сполна или не сполна и съ боковыхъ сторонъ. Паперти были или «глухія,—рубленныя, бревенныя» или открытыя, въ родѣ галлерей, забранныя изъ досокъ (технически называвшіяся «полуперье» ¹⁾).

Окна въ деревянныхъ церквахъ были красныя и волоковыя. Последнія представляли собой небольшіе квадратныя прорѣзы въ стѣнахъ, примѣрно четверти въ полторы—двѣ, не имѣвшіе рамъ и заставлявшіеся глухими деревянными заставками (собственно—заволакивавшіеся ими по пазамъ со стороны, какъ это въ шкапахъ съ задвижками, откуда и названіе). Относительно красныхъ или настоящихъ оконъ представлялось бы вѣроятнымъ думать, что онѣ имѣли одну форму съ окнами

нались у нихъ τὰ γυναίκεϊα, αἱ γυναίκεϊδες, — γυναίκωνίτιδες, τὰ κατηχοόμενα, κατηχοόμενα, — см. ниже); во-вторыхъ, изъ παλάτιον у насъ палата. Названіе палаты, какъ необходимо думать, перенесено на женскія церковныя галлерей съ избныхъ полатей, представляющихъ въ избахъ какъ бы верхніе этажи и какъ бы ихъ вершинія галлерей. А эти полаты весьма вѣроятно производятъ отъ того скандинавскаго слова, которое по-нѣмецки Platten (и котораго, въ сожалѣнію, мы не знаемъ), что значитъ доски, досчаная настилка (и что суть именно полаты). Большой деревянный клинъ или гвоздь, посредствомъ котораго укрѣпляются на кровляхъ домовъ такъ называемыя шелома, называется коникомъ и конькомъ. Въ названіи видятъ уменьшительное отъ конь, предполагая, что на верхушкѣ клина всегда было принято вырѣзывать коня. Но послѣдняго ни откуда не видно; а между тѣмъ коникъ или конекъ иначе называется князькомъ: не вѣроятнымъ представляется думать, что коникъ есть скандинавское Konung (нѣмецк. König), а князекъ есть русскій переводъ скандинавскаго (ибо Konung, König—князь); а почему—эти клинья, находящіеся на верхахъ домовъ, могли быть названы König'ами или князьками, это всякому понятно.—Кромѣ рубки стѣнъ клѣтци и вверхъ упоминается еще третій способъ — въ уголь: «церковь рублена въ уголь» (Записокъ Русск. и Слав. Отд. Импер. Археолог. Общ. т. I, отд. 3, стрр. 148, 150, 154, 156). 0 способѣ должно думать, что онъ представлялъ собою видъ «клѣтци», но въ чемъ состоялъ, не знаемъ (тоже, что теперь называется «въ замокъ»—рубить углы безъ заугольниковъ?).

¹⁾ См. Записокъ Русск. и Славянск. Отд. Импер. Археол. Общ. т. I, отд. 3, стрр. 140, 143, 152. Тутъ же, стр. 155, паперти «въ полкосыка», что можетъ быть одно и то же съ полуперье.

церквей каменныхъ, т. е. были длинны и весьма узки. На самомъ дѣлѣ эти окна если не всегда, то иногда и, какъ кажется, наибольшую частію имѣли форму не оконъ церквей каменныхъ, а форму красныхъ оконъ, употреблявшихся у насъ въ домахъ, которыя были тоже, что теперь окна въ домахъ крестьянскихъ, т. е. имѣвъ пропорцію между длиной и шириной приблизительно ту же, что въ окнахъ городскихъ, были вообще значительно ихъ менѣе (Въ одномъ старомъ актѣ мы встрѣтили извѣстіе, что окошко двойное,—два окна раздѣленные косякомъ на подобіе того, какъ итальянскія тройныя,—«мѣрою въ свѣтѣ полтора аршина» ¹⁾); слѣдовательно «ординарное» окно по этому указанію будетъ—три четверти ширины при аршинѣ приблизительно длины).

Какъ въ церквахъ каменныхъ послѣ стѣнъ особая рѣчь о верхахъ, такъ это и въ церквахъ деревянныхъ.

Верхи церквей деревянныхъ состояли: во-первыхъ, изъ покрововъ въ собственномъ смыслѣ,—во-вторыхъ, изъ украшеній на покровахъ. Первые состояли или изъ куполовъ подобно тому, какъ на церквахъ каменныхъ, или изъ потолковъ съ кровлями; вторыя состояли изъ главъ съ подставками подъ ними послѣдними.

Относительно формы низа деревянныхъ церквей необходимо думать, что дѣло началось съ воспроизведенія формы церквей каменныхъ. Если не необходимо, то весьма вѣроятно думать, что, не ограничиваясь низомъ, воспроизведеніе простиралось и на верхъ или было полнымъ, и такимъ образомъ если не необходимо, то весьма вѣроятно думать, что первою формою верха церквей деревянныхъ былъ куполь и что потомъ уже явился на нихъ верхъ обычный деревяннымъ постройкамъ—потолокъ съ кровлею. Такъ или иначе было, но въ позднѣйшее время, какъ кажется, преобладать послѣдній верхъ, какъ болѣе простой и болѣе удобный (На основаніи позднѣйшихъ описаній церквей, которыя находимъ въ такъ называемыхъ Писцовыхъ и Переписныхъ книгахъ, вопроса этого рѣшить нельзя, потому что купола у насъ смѣшивались съ главами, и описанія, не зная слова куполь употребляютъ слова: верхъ и глава, подъ которымъ разумѣютъ и главы и купола).

Купола на церквахъ деревянныхъ могли быть ставимы, что само собою понятно, только прямо на стѣны, а не на столбы, какъ въ церквахъ каменныхъ. А такъ какъ куполь долженъ имѣть подъ собою четвероугольникъ квадратный, то изъ сего ясно, что на церкви четвероугольныя они были ставимы или при томъ условіи, что послѣднія имѣли

¹⁾ Владимирскій Сборникъ *Тихомирова*, стр. 180 col. 2.

форму квадратную или же въ случаѣ формы продолговатой не надъ всѣмъ четверугольникомъ, а только надъ его частію, составляющею квадратъ. Слѣдовательно, они были ставимы: во-первыхъ, на тѣ деревянныя церкви, которыя по формѣ стѣнъ представляли собой воспроизведеніе церквей каменныхъ ¹⁾),—подъ условіемъ, что четверугольникъ, близкій къ квадрату, онѣ превращали въ настоящій квадратъ; во-вторыхъ, на переднія отдѣленія церквей четверугольно-продолговатыхъ ²⁾),—подъ условіемъ, что въ четверугольникѣ брался на эти отдѣленія квадратъ.

Купола на деревянныхъ церквахъ были устроены двоякіе—сферическіе и башнеобразные. Между позднѣйшими каменными церквами, начиная съ XVII вѣка (а можетъ быть и съ XVI) и до настоящаго времени, есть весьма не мало такихъ, въ которыхъ купола поставлены не на столбы, какъ въ древнихъ церквахъ, а безъ сихъ столбовъ, на ихъ (церквей) стѣны. Эти купола, распростирающіеся надъ цѣлыми церквами (а не надъ ихъ частями, какъ древніе) имѣютъ форму сферическую и именно двоякую—или сферу въ точномъ смыслѣ—круглую; что при четверугольности стѣнъ достигалось тѣмъ способомъ, что въ углахъ прикладывались каморы, подобно тому какъ въ четверугольникахъ обрубовъ надъ столбами, или сферическую четырехсоставную и какъ бы четырехгранную (сшитую изъ четырехъ клиньевъ, четырехъ лоскутовъ). Совершенно тоже самое были и сферическіе купола на церквахъ деревянныхъ, ибо несомнѣнно, что на церквахъ каменныхъ эти купола представляютъ собою ни что иное, какъ снимокъ съ церквей деревянныхъ, т. е. что въ каменныхъ церквахъ съ этими куполами, происхожденіе которыхъ иначе неизвѣстно, мы имѣемъ каменные церкви «на деревянное дѣло», какъ на оборотъ прежде строились

---

¹⁾ Вѣроятно объ этихъ церквахъ деревянныхъ, по возможности вполне воспроизводившихъ собою церкви каменные, т. е. какъ формою стѣнъ, такъ и верховъ, употребляется въ позднѣйшее время выраженіе: «на каменное дѣло». Въ Писцовой Новгородской книгѣ второй половины XVI в.: «на погостѣ въ Молодианѣ церковь Преображенъ Спасово деревяная на каменное дѣло»,—у *Неволина* О пятинахъ, стр. 293 нач. (употребляется также выраженіе: «съ каменодѣльнаго подобія, на каменодѣльное подобіе», см. у *Бычкова* въ Описаніи сборниковъ Публичной Библіотеки, I, 8).

²⁾ Вообще говоря, они могли быть, конечно, ставимы какъ на переднія, такъ и на заднія отдѣленія, но предполагается, что въ церквахъ они всегда были ставимы на переднія отдѣленія, которыя представляла собой собственно «настоящія» церкви.

деревянные церкви «на каменное дѣло». Купола башнеобразные были устрояемы двояко—или въ видѣ башенъ осмигранныхъ двухсоставныхъ, что было, кажется, наибольшею частію, или въ видѣ башенъ четвероугольно-квадратныхъ односоставныхъ. Первые устроились такимъ образомъ, что на четвероугольникъ стѣнъ ставился осмиугольникъ, а на этотъ при посредствѣ небольшого четвероугольнаго обруба другой меньшій осмиугольникъ (въ четвероугольникѣ вписанъ осмиугольникъ, затѣмъ опять четвероугольникъ и осмиугольникъ). Вторые устроились такимъ образомъ, что на четвероугольникъ стѣнъ нарубался тоже четвероугольникъ, только нѣсколько его меньшій (знаемъ примѣры, что эти четвероугольно-квадратные купола ставились не только на таковыя же, но и на четвероугольно-продолговатыя стѣны, именно — бывъ нарубаемы поперегъ, подобно тому какъ на домахъ нарубаются свѣтелки или мезонины, см. Кольскій соборъ, на которомъ всѣ три купола четвероугольно-квадратные односоставные и на которомъ середній или главный куполь именно на четвероугольникѣ продолговатомъ, поставленномъ длиною поперегъ).—Въ позднѣйшее время мы находимъ на нашихъ каменныхъ церквахъ еще купола шатровые (конусообразные). Если бы можно было думать, что они взяты съ церквей деревянныхъ, то на послѣднихъ ихъ можно было бы относить и къ древнему времени. Но представляется болѣе вѣроятнымъ думать, что они взяты не съ нашихъ церквей деревянныхъ, а съ церквей западныхъ, и именно съ башенъ при этихъ и на этихъ послѣднихъ церквахъ (Были и деревянные церкви шатровыя, см. ниже; но если не ошибаемся, подъ шатрами на нихъ всегда должно разумѣть не купола, имѣвшіе форму шатровъ, а простыя надстройки въ видѣ послѣднихъ на крышахъ церквей некупольныхъ, взятыхъ съ шатровыхъ куполовъ каменныхъ церквей).

Крыши на деревянныхъ церквахъ, которыя имѣли не купола, а горизонтальные потолки, преобладавшіе, какъ должно думать, надъ первыми рѣшительно или не рѣшительно, были: двускатныя, если не ошибаемся — четырехскатныя и бочками. Выше мы сказали, что церкви, имѣвшія форму продолговатыхъ четвероугольниковъ, надъ передней частью могли имѣть куполь, а надъ задней крышу. Точно также и при обѣихъ частяхъ, покрытыхъ крышею, онѣ могли имѣть ее—особую на первой и особую на второй, ибо передняя часть, отдѣляясь отъ задней какъ совсѣмъ особое цѣлое, могла быть выше ея своими стѣнами ¹⁾).

¹⁾ Когда обѣ части продолговатаго четвероугольника крылись «подъ одинъ»

Что такое двускатная крыша, знает всякій. На двѣ поперечныя стѣны зданія нарубаются трехъугольные фронтоны, между фронтонами ставятся стропила и крыша кроется на двѣ стороны или на два ската.

Подъ крышей четырехскатной мы думаемъ разумѣть крышу, которая въ описаніяхъ называется «клинчатой». Деревенскія часовни, сравнительно большія и сравнительно благолѣпныя, обыкновенно имѣютъ четырехскатную крышу (называемую въ иныхъ мѣстахъ колпаковою, «подъ колпакъ»), которая отличается отъ обыкновенной (домовой) этого рода крыши тѣмъ, что накрывая зданія квадратныя имѣетъ всѣ четыре ската равные между собой и что она всегда очень крута и слѣдовательно высока. Такъ какъ каждый изъ четырехъ скатовъ или каждая изъ четырехъ сторонъ представляетъ собою клинъ (какъ клинъ у рубашки или вообще въ одеждѣ), то мы думаемъ, что по этимъ клиньямъ она и названа клинчатой (Правда, мы встрѣчаемъ въ описаніяхъ: «церковь клѣцки, а верхъ клинчатый» ¹⁾), что повидимому несогласно съ сейчасъ сказаннымъ; но подъ верхомъ клинчатымъ въ подобныхъ мѣстахъ можно разумѣть верхъ не надъ всѣми церквами, а надъ ихъ передними половинами. А между тѣмъ встрѣчаемъ въ описаніяхъ и то, что «на церкви и на олтари верхъ сводить клиномъ» ²⁾: подъ клиномъ на олтарѣ какъ будто нельзя разумѣть другаго клина кромѣ принимаемаго нами).

Въ городахъ въ настоящее время деревянныя крыши кроются исключительно такъ, что тесъ прибивается къ стропиламъ гвоздями. Но въ старое время это было не всегда такъ, а былъ еще и другой способъ, до сихъ поръ остающійся преобладающимъ въ деревняхъ, именно—низъ крыши вставлялся въ такъ называемыя застрѣхи, а верхъ пригнетался шеломомъ. Въ позднѣйшихъ описаніяхъ церквей объ иныхъ изъ нихъ говорится, что крыты въ застрѣхи, о другихъ не говорится ³⁾. Слѣдовательно, въ позднѣйшее время крыша была съ застрѣхами и безъ

верхъ», то это такъ и замѣчается, наприм. Записокъ Русск. и Слав. Отд. Импер. Археол. Общ. отд. 3, стр. 156.

¹⁾ Записокъ Археологич. Общ. т. VIII, Стѣси стрр. 54 и 55.

²⁾ Ibid. стр. 91. Все мѣсто: «на церкви и на олтари верхъ сводить клиномъ, а клинъ на церкви въ высоту рубить (т. е. стропила надъ нею) по тесу три сажени печатныхъ».

³⁾ Въ описаніяхъ, которыя мы имѣемъ подъ руками, говорится о застрѣхахъ, когда крыша крыта дрянью, и не говорится, когда она крыта тесомъ,—Записокъ Русск. и Слав. Отд. Импер. Археолог. Общ. т. I, отд. 3, стр. 140 и слѣдующія.

застрѣхъ. Можетъ быть это было такъ и съ самаго древняго времени, но во всякомъ случаѣ—чѣмъ далѣе назадъ, тѣмъ болѣе должно предполагать употребительность застрѣхъ.

Крыша бочками, что весьма странно слышать и что весьма оригинально видѣть, есть именно крыша какъ бы составленная изъ бочекъ или точнѣе говоря—полубочекъ. Пусть читатель вообразить себѣ большую бочку въ полтора или два раза большую сороковой, пусть онъ разрѣжетъ ее по длинѣ на двѣ неравныя части такъ, чтобы приблизительно было двѣ трети и треть, и, откинувъ меньшую часть, оставить у себя болѣешую; пусть онъ, взявъ двѣ бочки, т. е. двѣ болѣешия части двухъ разрѣзанныхъ бочекъ, врѣжетъ ихъ одну въ другую такъ, чтобы выходилъ равноконечный крестъ; пусть онъ этотъ крестъ, срѣзанный стороною внизъ, положить на верхъ церкви,—это и будетъ весьма приблизительно крыша бочками, получившая названіе отъ близкаго сходства съ послѣдними. Тутъ будетъ недоставать одного, впрочемъ существеннаго, признака крышъ, крившихся бочками, именно — что верхи полубочекъ или полукруговъ должны быть сдѣланы защипами и гребнями (что ясно понять можно только на рисункахъ ¹⁾). Такъ какъ равноконечный крестъ не можетъ закрывать всего квадрата, на который положенъ, и оставляетъ между своими концами не закрытые трехъ-угольники, то предполагается, что при этомъ способѣ кровли трехъ-угольники между концами креста бочекъ крылись особо. Можетъ приводить въ весьма большое недоумѣніе эта форма крыши, ибо какое отношеніе между бочками и крышей и съ какой стати она бочками? На самомъ дѣлѣ загадка изъясняется очень просто: несомнѣнно, что эта крыша взята съ крыши церковей каменныхъ и нѣсколько измѣнена. Выше мы говорили, что въ наибольшей части каменныхъ церковей на верху стѣнъ надъ лизенами или арками выводились полукруги и крыша и была крыта по этимъ полукругамъ. Не можетъ подлежать сомнѣнію, что бочки церковей деревянныхъ и представляютъ собою воспроизведеніе именно этихъ полукруговъ (этихъ тоже бочекъ) церковей каменныхъ. Верхи первыхъ получили форму зашипнутыхъ гребней, какъ должно думать, потому, что были ставимы гребни (взятые изъ гражданской или домовой нашей архитектуры) на верхахъ послѣднихъ. (мы не

---

¹⁾ См. напр. деревянную церковь Гевсиманскаго скита въ Русской Старинѣ *Мартынова* и *Снегирева*, годъ III, къ стр. 173, дворцовыя ворота въ селѣ Коломенскомъ, тамъ же, годъ I, къ стр. 64, царскія хоромы въ селѣ Коломенскомъ въ брошюрѣ *А. Корсакова*: Село Коломенское, М. 1870 и у *Строганова* въ изданіи: Русское искусство Е. Вюлле-Ле-Дюкъ и пр.

сомнѣваемся, что эти гребни были поставлены на полукругахъ кровли во Владимирскомъ соборѣ Боголюбскаго, «удивленнаго всякими узорчѣи») ¹⁾. На церквахъ каменныхъ было не по одному полукругу на сторону, но, смотря по ихъ величинѣ и по количеству лизенъ, отъ трехъ до пяти, а на деревянныхъ церквахъ бочекъ всегда было по одной на сторону (крестъ изъ четырехъ бочекъ) ²⁾. Этого различія мы не беремся объяснить удовлетворительно; но полагаемъ, что оно заключалось въ условіяхъ строительныхъ, именно—что въ деревянныхъ церквахъ для поддержанія многихъ бочекъ требовалось такое сплетеніе многихъ балокъ, такая сѣтъ или клѣтка ихъ, которой не находили удобною. Въ позднѣйшее время эти бочки или собственно полукруглые съ защипами лбы ихъ играли весьма большую роль, какъ средство украшенія въ архитектурѣ каменной ³⁾, и необходимо думать, что въ семь случаевъ архитектура каменная воспроизводила деревянную.

Изъ сказаннаго о трехъ формахъ крыши слѣдуетъ, что крыша двускатная могла употребляться для покрытія всякихъ четверугольниковъ и что крыша клинчатая (если только мы вѣрно понимаемъ ее) и бочками употреблялась для покрытія четверугольниковъ непремѣнно квадратныхъ (цѣлыхъ ли то церквей или переднихъ половинъ ихъ въ случаѣ формы продолговатой).

Поверхъ куполовъ и крышъ деревянные церкви украшались главами съ подставками подъ ними послѣдними.

Мы уже объясняли выше различіе между куполомъ и главой, которые не имѣютъ между собою ничего общаго. Куполь есть часть самаго покрова или потолка церкви, болѣе или менѣе возвышенная надъ своимъ цѣлымъ, какъ бы вытанутая и вздутая надъ нимъ (какъ пузырь отдувается на кожѣ) или прямо въ форму сферы или сферы съ длинной шей (это въ церквахъ каменныхъ; въ нашихъ церквахъ деревянныхъ, въ которыхъ куполь ставился не на столбы, а на самыя ихъ—церквей стѣны, онъ представлялъ не часть покрова или потолка церкви, а весь этотъ послѣдній). Напротивъ, глава есть нѣчто совсѣмъ отдѣльное отъ покрова или потолка и отъ кровли, нѣчто вышнее по отношенію къ нимъ, нѣчто только поставленное на томъ или на дру-

¹⁾ Изъ позднѣйшихъ каменныхъ церквей сравни Московскія церкви Николая чудотворца въ Столпахъ и на Берсеневкѣ (въ Русской Старинѣ Мартынова и Снегирева, по изд. въ большомъ форматѣ тетр. 1).

²⁾ Если мы не ошибаемся, что, конечно, весьма возможно.

³⁾ См. позднѣйшія Московскія и подмосковныя церкви въ Русской Старинѣ Мартынова и Снегирева.

гой. Однимъ словомъ, куполь есть куполь или сферическій сводъ, а глава есть внѣшнее украшеніе, поставленное на всякаго вида кровлѣ, подобно вазѣ, статуѣ, песту съ флюгеромъ или флагомъ. Въ представленіи русскаго читателя куполь и глава сливаются въ одно, потому что въ настоящее время у насъ всѣ купола не иначе какъ съ главами на верху (ибо съ ними обыкновенно строятся новые купола и онѣ подѣланы на всѣхъ старыхъ), и читатель не видалъ куполовъ безъ главъ. Но онъ, надѣмся, пойметъ и уяснитъ себѣ это различіе, если мы напомнимъ ему, что онъ видалъ безчисленное множество главъ безъ куполовъ, т. е. главъ, поставленныхъ не на верхи куполовъ, а на плоской кровлѣ (надъ придѣльными алтарями, стоящими не въ ряду съ главнымъ,—въ боковыхъ отдѣленіяхъ, а въ такъ называемыхъ трапезахъ или заднихъ и зимнихъ половинахъ церквей). Греческое церковное водчество вовсе не знало нашихъ главъ и вовсе не употребляло ихъ ни отдѣльно отъ куполовъ ни въ соединеніи съ куполами: на верху куполовъ Греки ставили маленькій крестъ и болѣе ничего, и именно — или прямо водружали нижній конецъ креста въ центръ купола или водружали его въ яблоко, а сіе послѣднее ставили на куполѣ на маленькомъ стивѣ, постаментѣ. Во все не знаетъ нашихъ главъ и архитектура западная. Украшеній на плоскихъ кровляхъ, которыя бы сколько нибудь походили на наши главы, вовсе нѣтъ; верхи нѣкоторыхъ башенъ весьма похожи на наши грушеобразныя главы, именно — представляютъ изъ себя тѣже груши, только не гладкія, а многогранныя (какъ бы спитыя изъ лоскутьевъ, какъ шьются мячи)¹⁾; но несомнѣнно, что это не наши главы, а особый отъ нихъ видъ верховъ (ведущій свое начало, если не ошибаемся, отъ вазъ или другихъ подобныхъ сосудовъ), ибо не имѣютъ существенной принадлежности и какъ бы составной части нашихъ главъ—шейки (эти западныя грушевазобразныя главы суть верхи открытыхъ фонарей, которыми кончаются и которыми нарочно увѣнчиваются башни,—въ позднѣйшее время онѣ перешли и къ намъ). Въ частности совсѣмъ нѣтъ нашихъ главъ (а также и сейчасъ указанныхъ западныхъ) и въ деревянной архитектурѣ скандинавской²⁾. Изъ всего сказаннаго слѣдовало бы, что главы составляютъ нашу національную собственность, именно—или взяты изъ архитектуры гражданской и перенесены на церкви, или нарочно выду-

¹⁾ См. наприм. у Любке въ *Gesch. d. Architect.* церковь св. Варвары въ Куттенбергѣ, что въ Богеміи, S. 560.

²⁾ Насколько, впрочемъ, мы ее знаемъ (а знать ее, какъ указывали выше, мы имѣемъ возможность только весьма недостаточно).

маны для украшенія церквей; а такъ какъ нѣтъ никакого слѣда ихъ въ архитектурѣ гражданской, то именно—послѣднее. На самомъ дѣлѣ однако вѣроятнѣйшимъ представляется думать, что главы не выдуманы нами въ собственномъ смыслѣ этого слова, а бывъ взяты съ церквей каменныхъ только свободно были воспроизведены на церквахъ деревянныхъ. Мы сказали, что у Грековъ не было нашихъ главъ и что крестъ или непосредственно водружался въ куполь или ставился на немъ на маленькихъ шарѣхъ и стивѣхъ. Со всею вѣроятностію слѣдуетъ думать, что глава съ шейкой нашихъ деревянныхъ церквей и представляютъ именно увеличенное воспроизведеніе этихъ шара и стива. Въ настоящее время главы имѣютъ у насъ форму грушъ и луковицъ, изъ которыхъ вторая (на нашъ, по крайней мѣрѣ, личный вкусъ—весьма некрасивая) есть повдѣйшая. Въ старое время онѣ имѣли форму грушъ и шаровъ. Что первоначальная форма есть послѣдняя, а не первая, видно изъ того, что названіе, которое въ старое время имѣли у насъ главы отъ формы, было «маковица»,—разумѣется маковая головка, а маковыя головки, какъ извѣстно, имѣютъ форму шара, а не груши. Шарообразная глава на шеѣ, это очевидно есть греческій шаръ на стивѣхъ, только въ увеличенномъ видѣ. Если такъ должно думать о происхожденіи нашихъ главъ, то вмѣстѣ съ этимъ весьма вѣроятно думать, что дѣло началось съ точнаго воспроизведенія шара съ стивомъ каменныхъ церквей и что потомъ они все болѣе и болѣе были увеличиваемы, и слѣдовательно — что чѣмъ далѣе назадъ, тѣмъ главы должны быть представляемы все меньшими.

Главы ставились на деревянные церкви какъ въ томъ случаѣ, когда онѣ были купольныя, такъ и въ томъ случаѣ, когда онѣ были не купольныя, т. е. какъ на купола, такъ и на крыши.

На купола сферическіе, повидимому, могло ставиться только по одной главѣ — на ихъ верхи. На самомъ дѣлѣ это не такъ, — главы ставились и на ихъ шарообразной площади и иногда такъ, что, тѣсно заставляя и уставляя собою всю эту площадь, доходили до огромнаго числа 23-хъ, а можетъ быть и болѣе, ибо примѣръ 23-хъ главъ мы знаемъ на куполѣ не исключительно большомъ, а какъ кажется совсѣмъ обыкновенномъ. Полагаемъ, что всякому читателю приходилось видать колокольни съ шатровыми верхами, которые (верхи) всѣ въ рядахъ оконъ, имѣющихъ надъ собой трехугольные или полукруглые наличники (козырьки). Пусть вообразить онъ, что подобнымъ же образомъ на сферической поверхности куполовъ дѣлались частые ряды фальшивыхъ оконъ съ полукруглыми наличниками: на этихъ-то наличникахъ, воспроизводившихъ собою лбы бочекъ, о которыхъ мы говорили выше,

я были ставимы главы ¹⁾. На купола башнеобразные осмигранные главы могли быть ставимы на ихъ верхи и на пояса ихъ двухъ уступовъ. На верху могло быть поставлено пять главъ, на верхнемъ поясѣ восемь (противъ всѣхъ граней) и на нижнемъ поясѣ четыре (на углахъ противъ четырехъ граней, между тѣмъ, какъ другія четыре грани этого пояса совпадали съ стѣнами церкви), слѣдовательно всего 17-тъ. На куполахъ квадратночетвероугольныхъ главы могли быть ставимы на ихъ клинчатыхъ крышахъ и именно такъ же, какъ на куполахъ сферическихкихъ, въ числѣ неопредѣленно большомъ, хотя, кажется, въ дѣйствительности ставились не болѣе, какъ въ числѣ пяти (считая съ верхнею, и въ случаѣ пяти, а не одной, — боковыи по одной на каждой сторонѣ крыши).

На крышахъ главы были ставимы двоякимъ образомъ: или непосредственно на нихъ самихъ, т. е. на нихъ непосредственно бывъ ставимы и какъ бы въ нихъ втыкаемы своими шеями, или на сдѣланныя на нихъ надстройки, каковыми были такъ называемые четверики, осмерики и шатры. Четвериками и осмериками назывались надстроенные надъ крышами церквей обрубы (обрубы колодца), которые имѣли форму или четверугольную (по своему виду четверики назывались еще сундуками) или восьмиугольную ²⁾. Шатрами назывались конусообразныя надстройки надъ крышами церквей, имѣвшія совершенно одну и ту же форму съ верхами шатровыхъ колоколенъ. Восьмерики или восьмигранные обрубы, какъ необходимо думать, представляли собою фальшивые купола, т. е. бывъ взяты съ куполовъ церквей каменныхъ заимъняли собою эти послѣдніе. Съ чего взяты были и что представляли собою четверики или сундуки не можемъ догадаться и не можемъ сказать. Шатры, по своему появленію поздніе, взяты были съ шатровыхъ куполовъ церквей каменныхъ, которые въ свою очередь взяты были

¹⁾ Церковь, имѣющую на своемъ сферическомъ куполѣ 23 главы, см. въ Путешествіи по озерамъ Ладожскому и Онежскому *Николая Озерницковаго*, Спб. 1792 г. Рисунокъ таблица VIII, текстъ о церкви (въ погостѣ Книжскомъ, находящемся на островѣ Онежскаго озера того же имени) стр. 249 (главы—шарообразныя, представляющія собою въ увеличенномъ видѣ яблоки греческія). Позднѣйшія каменные церкви, которыхъ сферическіе купола украшены рядами нашихъ наличниковъ, но безъ главъ на нихъ, см. въ Русской Старинѣ *Мартынова* и *Снегирева* (Никола Явленнаго въ Москвѣ,—по изд. въ большомъ форматѣ тетр. 2 и въ селѣ Покровскомъ,—тетр. 8).

²⁾ Арсеній Сухановъ въ Проскинитаріи по Казанск. изд. стр. 187 fin.: «ремецъ каменный (башенка)—осмерикъ, сирѣчь осмь стѣнь».

изъ архитектуры западной, именно съ верховъ башенъ, которыя находятся при и на церквахъ западныхъ (Такъ какъ на церквахъ каменныхъ мы находимъ не только шатровые купола, но и простыя надстройки въ видѣ шатровъ¹⁾), то возможно думать, что дѣло было не такимъ образомъ, чтобы на деревянныхъ церквахъ стали дѣлать шатровыя надстройки по подобію шатровыхъ куполовъ церквей каменныхъ, а потомъ съ деревянныхъ церквей надстройки перенесены были на каменные, а такъ, что и надстройки, послѣ куполовъ, впервые явились также на церквахъ каменныхъ и что на деревянныя онѣ перенесены уже какъ готовыя. Шатровыя надстройки, какъ и таковыя же купола, имѣють осмигранные низы, о которыхъ въ описаніяхъ говорится, что «шатерь на осмерикѣ»; но этихъ осмигранныхъ низовъ или осмериковъ не должно смѣшивать съ осмериками, о которыхъ выше, — это такъ сказать отрѣзки верховъ башенъ, съ которыхъ взяты шатры. Со второй половины XVII вѣка шатровые верхи на церквахъ по не всѣмъ ясной причинѣ, можетъ быть — въ виду ихъ западнаго происхожденія, начали быть запрещаемы). Относительно церквей, на которыхъ ставимы были надстройки, должно думать, что на церквахъ крытыхъ бочками всегда ставимы были восьмерики, что на церквахъ крытыхъ на два ската произвольно была ставима и не ставима котораянибудь изъ трехъ надстроекъ и что на церквахъ «клинчатыхъ» не ставима была ни одна изъ нихъ. Крыша бочками взята была съ церквей каменныхъ и слѣдовательно для полнаго сходства съ послѣдними деревянныя церкви должны были при ней имѣть на себѣ восьмерики, которые представляли собою ихъ куполы. Что на церквахъ, имѣвшихъ крыши клинчатыя, не было дѣлаемо ни одной изъ трехъ надстроекъ, это нужно думать на томъ основаніи, что на востромъ конусѣ, чѣмъ были онѣ (крыши клинчатыя), надстройка представляла бы нѣчто не натуральное. Что касается до числа главъ, поставлявшихся на церкви безкупольныя при посредствѣ надстроекъ или прямо на крышу, и законовъ и обычаевъ при семъ наблюдавшихся, то мы имѣемъ мало положительныхъ свѣдѣній. Весьма вѣроятно предполагать, что при надстройкѣ осмериковъ, что по сейчасъ сказанному могло быть по произволу на церквахъ, крытыхъ на два ската, и всегда должноствовало быть на церквахъ, крытыхъ бочками, такъ какъ восьмерики представляли собой купола церквей каменныхъ, было подражаемо относительно

¹⁾ См. Московскую церковь Рождества въ Путянкахъ въ Русской Старинѣ Мартынова и Снегирева, тетр. 9; шатровые купола на церквахъ каменныхъ см. въ той же Старинѣ.

главъ этимъ послѣднимъ, именно—что ихъ ставили по одной или по пяти ¹⁾. Относительно надстройки четвериковъ или сундуковъ имѣемъ свидѣтельства, что на самыхъ этихъ четверикахъ было поставляемо по двѣ главы, что для насъ также загадочно, какъ загадочны сами они ²⁾. Шатровъ было ставимо на церкви (а съ ними и главы, которыя были на нихъ) по два и по три, и именно—по линіи не впродоль кровли, а поперегъ (по два, вѣроятно, было ставимо по подражанію церквамъ западнымъ, на которыхъ башенъ сзади или спереди или съ обѣихъ сторонъ было ставимо на углахъ по двѣ, а три должно считать уже собственнымъ нашимъ нововведеніемъ). Непосредственно на крыши клинчатая главы могли ставиться такъ же, какъ на тѣ же крыши куполовъ квадратно-четвероугольныхъ, и въ дѣйствительности вѣроятно ставились такъ же, т. е. или по одной или по пяти. На крышахъ двускатныхъ, подъ которыми на церквахъ продолговато-четвероугольныхъ, состоявшихъ изъ двухъ отдѣленій, должно разумѣть переднія отдѣленія, главъ ставилось или по одной, на серединѣ шелома, или по три, въ продольную линію,—на серединѣ и на концахъ шелома (а на заднихъ отдѣленіяхъ церковей продолговато-четвероугольныхъ, какъ должно думать, главъ никогда не ставилось) ³⁾.

Главы состоятъ изъ самыхъ главъ и изъ шеекъ. Шейки, будучи столбиками, представляютъ собою какъ бы отрѣзки колоннъ и на семь основаніи низы ихъ обдѣльвались на подобіе базисовъ этихъ послѣднихъ. Обдѣлка состояла въ томъ, что низы шеекъ обводились кругомъ наличниками (въ данномъ случаѣ должно было бы сказать наноженниками) или изъ полукруговъ съ защищенными и незащищенными верхами (лбы бочекъ) ⁴⁾, или изъ трехъугольниковъ ⁵⁾.

¹⁾ Имѣемъ впрочемъ свидѣтельства, что на церквахъ, крытыхъ бочками, бывало по три главы,—Записокъ Археолог. Общ. т. VIII, Смѣсь стр. 53.

²⁾ Записокъ Русск. и Слав. Отд. Археолог. Общ. т. I, отд. 3, стрр. 148 и 153.

³⁾ Верхоспаскій Московскій Кремлевскій соборъ, какъ будто построенный «на деревянное дѣло», имѣетъ на своей весьма плоской двускатной кровлѣ 13 главъ. Можетъ быть, что въ видѣ исключенія бывало такъ и на деревянныхъ церквахъ съ двускатными кровлями.

⁴⁾ Описанія выражаются относительно этой формы базиса шеекъ, что «глава стоитъ на бочкѣхъ малыхъ».

⁵⁾ Послѣдній способъ взять изъ архитектуры западной и перешолъ на главы при посредствѣ шатровъ; у этихъ послѣднихъ осмигранные низы обдѣльвались трехъугольниками потому, что верхи башенъ западныхъ, что представляли собою эти низы, см. выше, имѣли фронтоны въ видѣ трехъугольниковъ.

Кромѣ трехъ указанныхъ нами надстроекъ, на нѣкоторыхъ изъ нашихъ деревянныхъ церквей находимъ еще четвертую, именно — въ видѣ башенокъ. Три башенки были на Кольскомъ соборѣ — одна на заднемъ приставномъ четверугольникѣ собственной церкви и двѣ на главномъ четверугольникѣ этой послѣдней съ боковъ купола (см. изображенія собора по указанному на стр. 134); всѣ три башенки—двусоставныя, съ нижней половиной большей по объему, чѣмъ верхняя; первая башенка круглая, двѣ остальные четверугольныя; всѣ онѣ накрыты клинчатыми верхами (круглая—круглоклинчатымъ), на которыхъ главки. Откуда взялись эти башенки и какъ были онѣ у насъ употребительны, пока ничего сказать не можемъ ¹⁾.

Всѣмъ нами сказаннымъ, какъ мы сами давали знать, далеко и далеко не исчерпывается матерія о нашихъ деревянныхъ церквахъ. Но мы сказали, что могли ²⁾.

IV.

Колокольни и ихъ архитектура.

Остается намъ сказать о нашихъ древнихъ колокольницахъ или колокольняхъ ³⁾.

¹⁾ На Константинопольской Софiи есть двѣ круглыя глухія башенки на западной стѣнѣ. Такъ какъ невозможно придумать повода, по которому бы ихъ могли надклатъ Турки,—съ минаретами, которыхъ у св. Софiи четыре, онѣ не имѣютъ ничего общаго,—то, несомнѣнно, ихъ должно считать дотурецкими. Мы, разумѣется, не хотимъ этимъ сказать, чтобы башенки Кольскаго собора были взяты съ св. Софiи, но мы хотимъ этимъ сказать: если окажется, что башенки были у насъ довольно употребительны, то, занимаясь вопросомъ объ ихъ происхожденiи, не бесполезно будетъ начать съ того, чтобы хорошенько поискать ихъ въ позднѣйшей греческой архитектурѣ.

²⁾ Желательно, чтобы Академiя Художествъ издала отдѣльный альбомъ деревянныхъ церквей, содержащiй возможно большее количество снимковъ съ нихъ: тогда явилась бы возможность и болѣе или менѣе обстоятельныхъ рѣчей о нихъ.

³⁾ Нѣкоторые полагаютъ, что древнее русское названiе колокольни есть звонница. Но это не правда; древнее названiе есть колокольница (полная производная форма отъ колоколь), а звонница есть позднѣйшее малороссiйское изъ польскаго dzwonnica (отъ dzwoni, звонъ — колоколь, которое въ русскомъ употреблялось только въ уменьшительной формѣ звонецъ о маленькихъ колокольчикахъ и о такъ называемыхъ теперь бубенчикахъ).

Колокольни, какъ само собою понятно, предполагають колокола.

Колокола, въ видѣ малыхъ колокольцевъ и маленькихъ колокольчиковъ извѣстные Грекамъ и Римлянамъ (*κώδων*, *tintinnabulum*), а можетъ еще и гораздо ранѣе (и вовсе не изобрѣтенные Павлиномъ Ноланскимъ въ началѣ V в.), были примѣнены для церковнаго употребленія, какъ средство собиранія вѣрующихъ въ церкви къ молитвѣ, на римскомъ Западѣ. Впервые это случилось около половины VI вѣка, а въ общее употребленіе колокола вошли въ продолженіе VIII и IX вв. ¹⁾. Греческій Востокъ былъ будто бы познакомленъ Западомъ съ колоколами въ половинѣ IX вѣка. Іоаннъ, діаконъ Венеціанскій, въ своемъ *Chronicon Venetum* пишетъ, что въ 886 г. дожъ Венеціанскій Урсусъ или Орсо I (864—881), по усиленной просьбѣ императора Василія Македонянина (867—886), послалъ въ Константинополь 12 колоколовъ, которые императоръ отдалъ во вновь построенную ихъ церковь ²⁾, и что съ того времени Греки и начали имѣть колокола ³⁾. Бароній, основываясь на другихъ лѣтописцахъ Венеціанскихъ, которыхъ онъ не называетъ, говоритъ, что Урсусъ послалъ колокола императору Михаилу въ 865 г. ⁴⁾. Но въ свидѣтельствахъ, ни малѣйше не подтверждаемыхъ писателями греческими, весьма позволительно сомнѣваться. Если же онѣ говорятъ и правду, то необходимо понимать дѣло такимъ образомъ, что колокола, присланные изъ Венеціи, нѣкоторое недолгое время были употребляемы, какъ любопытная и диковинная новость, а потомъ снесены въ сарай и больше о нихъ не было и помину. Послѣдующія совершенно надежныя свидѣтельства не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что Греки употребляли исключительно била (о которыхъ

¹⁾ *Martini*. Dictionnaire des antiquités chrétiennes, sub v. Cloches.

²⁾ *Quas imperator in ecclesia noviter ab eo constructa posuit*. Очевидно, разумѣется построенная импер. Василіемъ М. знаменитая, такъ называемая *Nova Ecclesia*, *Νέα Ἐκκλησία*, о которой см. *Scriptt. post Theophan ed. Paris. pp. 190, 196, 200*, патр. Фотія *Laudatio Novae Ecclesiae*, напечатанное у Вандурія въ *Imperium Orientale (Дюканжа Constantinop. Christ. lib. IV, с. 3, p. 97)*.

³⁾ Въ Патрол. Мина т. 139, col. 910.

⁴⁾ *Annal. Eccless. an. 865 n. CV*. Бона въ *De rebus liturgicis, Paris., 1672 lib. I, с. XXII, п. 11*, повторяя Баронія, не знаетъ—на какомъ основаніи, прибавляетъ, что императоръ повѣсилъ колокола на башнѣ, построенной (или сдѣланной или прежде—не ясно) при св. Софіи (подъ башней этой, по всей вѣроятности, должно разумѣть находившуюся при св. Софіи на ея дворѣ, бильницу, о которой скажемъ ниже: должно думать, что башню, явившуюся послѣ импер. Михаила, Бона относитъ къ его времени на основаніи собственнаго предположенія).

обстоятельнѣ сейчасъ ниже), вовсе не употребляя колоколовъ. Феодоръ Вальсамонъ въ нарочитой статьѣ о билахъ, сказавъ объ употребленіи сихъ послѣднихъ Греками, прибавляетъ: «Латинянамъ же, нечетиво отдѣлившимся отъ насъ, преданъ другой обычай относительно собиранія народа въ храмы, ибо пользуются однимъ сего рода орудіемъ (тогда какъ билъ три рода), разумѣю—колоколомъ» (τῆ καμπάνῃ, отъ лат. campana) ¹⁾. Нашъ паломникъ архіепископъ Новгородскій Антоній пишетъ: «а колокола не держать (Греки) во святѣй Софѣи, но билцо мало въ рудѣ держа клеплють на заутрени, а на обѣдни и на вечерни не клеплють; а по инымъ церквамъ клеплють и на обѣдни и на вечерни,—было же держать по Ангелову ученію; а въ колокола латыни звонять» ²⁾. У Грековъ колокола входили въ нѣкоторое употребленіе передъ Турками со времени владѣнія Константинополемъ крестоносцами.

У насъ въ Россіи колокола, несомнѣнно бывъ заимствованы съ Запада отъ Нѣмцевъ ³⁾, а не отъ Грековъ (отъ которыхъ не могли быть заимствованы), явились или одновременно съ введеніемъ христіанства или въ самомъ непродолжительномъ времени послѣ сего. Первое упоминаніе о нихъ находимъ уже подъ 1066 г., и при томъ упоминаніе случайное, изъ котораго вовсе не слѣдуетъ, чтобы они впервые появились въ семь году или только немного ранѣе ⁴⁾. Далеко и вовсе не вошедши въ періодъ домонгольскій въ общее употребленіе по всѣмъ церквамъ, они вошли довольно въ общее употребленіе по церквамъ главнѣйшимъ и важнѣйшимъ—каедральнымъ епископскимъ и придворнымъ княжескимъ, такъ что подъ 1146 г. ихъ находимъ даже при княжеской церкви въ Новгородѣ Сѣверскомъ ⁵⁾. Колокола были

¹⁾ У Рагги и П. IV, 521 стр.. Латинское названіе колокола campana отъ итальянской провинціи Campana, въ которой, можетъ быть, колокольцы (tintinnabula) впервые примѣнены были для церковнаго употребленія (По главному городу Кампаніи Ногѣ колокола назывались также pola, polae, и отсюда сказаніе, будто они изобрѣтены Павлиномъ Нолянскимъ).

²⁾ По изд. *Савваит.* стр. 84.

³⁾ Наше названіе колоколь, слав. влаколь (см. Словари *Востокова* и *Срезневскаго*) изъ нѣмецкаго Glocke въ его древней формѣ Clocke (*Дюк. Gloss. Latinit. sub. v. cloca*).

⁴⁾ Новгород. 1-я лѣт. подъ 1066 г.: «Приде Всеславъ (Полоцкій) и взя Новгородъ съ женами и съ дѣтьми, и колоколы съвиза у святѣй Софѣи»...

⁵⁾ Ипатск. лѣт. подъ снѣгъ годомъ, 2 изд. стр. 237. Еще за періодъ домонгольскій упоминаются колокола: во Владимірѣ при Боголюбскомъ, Лаврент. лѣт. подъ 1169 г., Ипатск. лѣт. подъ 1172 г.; въ Кіевѣ въ 1171 г., Ипатск. лѣт.

вовсе не то, что нынѣшніе, а весьма маленькіе,—не сотни и тысячи пудовъ, а единицы и десятки, ибо на Западѣ во все время нашего періода домонгольскаго (и до XV в.) они были именно такіе ¹⁾. Неизвѣстно, появлялось ли у насъ въ Россіи въ періодъ домонгольскій собственное литье колоколовъ ²⁾. Если да, то со времени его появленія наши колокола могли постепенно болѣе или менѣе увеличиваться въ своихъ размѣрахъ; если же нѣтъ, то они все время должны были оставаться весьма малыми, ибо привозъ изъ-за границы сколько нибудь

(въ развалинахъ Десятинной церкви найдены два разбитые колокола, въ развалинахъ Ирининской церкви—обломки отъ колокола,—*Фундукл.* Обзор. Кіева, стр. 31 и 51); въ Полоцкѣ въ концѣ XII вѣка,—Слово о полку Игоревомъ, по изд. Дубенскаго въ Русск. Достопп. стр. 200. Читаемое въ житіи Антонія Римлянина о великомъ звонѣ при немъ въ Новгородѣ должно быть разумѣно не о началѣ XII вѣка, а о второй половинѣ XVI, къ которой относится житіе,—см. о немъ ниже.

¹⁾ *Archäologisches Wörterbuch von Müller-Mothes* подъ сл. Glocke. Слитый въ XI вѣкѣ для собора Гильдесгеймскаго колоколъ въ 100 нѣмецкихъ центнеровъ или нашихъ пудовъ составлялъ для своего времени совершенное чудо, въ родѣ Московскаго царь-колокола. Въ Новгородскомъ Антоніевомъ монастырѣ сохранился древній колоколъ западной работы, усвоенный самому преп. Антонію,—онъ вѣситъ вѣсу 1 пудъ и 10 фунтовъ (Исторіи Іерархіи III, 128. Сколько вѣсу въ колоколахъ, найденныхъ въ развалинахъ Десятинной церкви,—предыдущ. при.,—остается намъ неизвѣстнымъ). Обыкновенные колокола продолжали быть у насъ весьма малыми до весьма поздняго времени (въ 1701 г. колокола каждой церкви Вологодской епархіи вѣсили среднимъ вѣсомъ только по 6 пудовъ,—Извѣстій Импер. Археолог. Общ. т. IV, стр. 234). А что касается до колоколовъ исключительныхъ, то вылитый въ 1530 г. Новгородскимъ архіепископомъ (послѣ митрополитомъ) Макаріемъ для св. Софіи колоколъ въ 250 пудовъ «(бысть) весьма великъ, яко таковаго величествомъ не бывало въ Великомъ Новѣградѣ и во всей Новгородской области, яко страшной трубѣ гласящи» (Новгор. 3 лѣт.), а тысячные колокола въ самой Москвѣ начинаются съ вел. кн. Василія Ивановича.

²⁾ О собственномъ литьѣ колоколовъ встрѣчаемъ въ первый разъ извѣстіе въ Ипатской лѣтописи подъ 1259 г. (2 изд. стр. 559), именно—она говоритъ, что князь Галичскій Данило Романовичъ колокола для церквей своего новаго города Холма «принесе изъ Кіева, другія ту соль». Такъ какъ въ жители Холма онъ называлъ между прочимъ Нѣщевъ (*ibid.*), то можетъ быть именно съ этихъ Нѣщевъ и началось литье колоколовъ. Но съ другой стороны «принесе изъ Кіева», какъ кажется, относится ко времени дотатарскому и въ семь случаевъ можетъ быть понимаемо не только въ томъ смыслѣ, что онъ обобралъ колокольни Кіева, которыя овладѣлъ, но и въ томъ, что онъ заказалъ тамъ слить колокола (а если ко времени послѣтатарскому, то единственно первое, ибо послѣ разгрома Татаръ въ Кіевѣ не могло оставаться литейнаго дѣла).

значительныхъ колоколовъ долженъ былъ обходиться очень дорого, а главное, при тогдашнемъ состояніи дорогъ, долженствовалъ бы быть чрезвычайно труднымъ.

Имѣя колокола, Русскіе, конечно, должны были имѣть и особыя мѣста, гдѣ бы ихъ вѣшать, т. е. колокольницы или колокольни.

На Западѣ у Нѣмцевъ колокола были вѣшаемы на башняхъ, которыя пристраивались къ церквамъ и которыя, имѣя главнымъ и собственнымъ назначеніемъ служить украшеніемъ церквей, подобно восточнымъ куполамъ, въ тоже время служили и колокольнями ¹⁾. У насъ, какъ мы говорили выше, былъ обычай пристраивать къ церквамъ башни; но несомнѣнно, что наши башни между другими своими назначеніями не имѣли назначенія служить колокольнями, ибо онѣ устраивались совершенно глухими и въ своихъ верхахъ, въ которыхъ бы надлежало висѣть колоколамъ, служили церковными ризницами. Такъ какъ колокола были весьма небольшіе и ихъ было очень не много, то можно было бы думать, что колокольни устраивались какъ нибудь совершенно просто, подобно тому, какъ это мы находимъ въ позднѣйшее время въ церквахъ бѣдныхъ и вообще рядовыхъ, именно—или что ставился на землѣ рядъ деревянныхъ столбовъ, которые соединялись перекладинами, или что надъ самыми церквами надкладывались стѣнки съ пролетами, и что въ первомъ случаѣ на перекладинахъ между столбами, а во второмъ въ пролетахъ и вѣшались колокола ²⁾. Но что касается до перваго, то колокола первоначально явились при церквахъ не бѣднѣйшихъ, а наоборотъ богатѣйшихъ, и очень странно было бы представлять такое соединеніе, что великолѣпная церковь и деревянные столбы. Что же касается до втораго, то надкладенныя стѣнки портили бы видъ церквей; а если не особенно заботились объ этомъ позднѣйшіе строители церквей бѣдныхъ и вообще рядовыхъ, то должны были заботиться и несомнѣнно заботились древнѣйшіе строители церквей лучшихъ и тѣмъ

---

¹⁾ Въ Италіи это было иначе; тамъ съ древняго времени строили для колоколовъ особыя отъ церквей (т. е. особо отъ нихъ стоящія) башни, которыя имѣютъ и свою особую отъ нѣмецкихъ башенъ форму. Т. е. въ Италіи, гдѣ колокола явились издавна, вошло въ обычай строить для нихъ особыя помѣщенія; а у Нѣмцевъ, у которыхъ онѣ явились въ позднѣйшее время, ихъ помѣстили въ зданіяхъ уже готовыхъ, прежде бывшихъ.

²⁾ Нынѣшнія наши колокольни (въ видѣ башенъ съ пролетами, которыя не имѣютъ ничего общаго съ древними глухими башнями) суть башни нѣмецкихъ церквей и усвоены нами въ позднѣйшее время. Пока онѣ не вошли въ общій обычай, простыя колокольни устраивались сейчасъ указаннымъ образомъ,—о семъ послѣ.

болѣе исключительныхъ, съ которыхъ именно и началось употребленіе колоколовъ. На вопросъ о колокольныхъ или вообще о томъ, какъ имѣло себя дѣло съ колоколами въ періодъ домонгольскій, мы можемъ отвѣчать только относительно Новгородскаго Софійскаго собора. Сущствующая въ настоящее время колокольня собора, построенная въ 1439 г. архіепископомъ Евфиміемъ 2-мъ или Вяжицкимъ на мѣсто прежней, упавшей отъ подмыва наводненіемъ Волхова въ 1437 г. ¹⁾, какъ съ полною увѣренностію должно думать, была построена по образцу прежней и слѣдовательно представляетъ собой ту первоначальную форму, въ которой явилась колокольня при соборѣ. Эта колокольня, нисколько не походящая своимъ видомъ на нынѣшнія обыкновенныя колокольни, которыя суть той или другой формы башни, представляетъ изъ себя стѣну или точнѣе прясло и какъ бы отрѣзокъ стѣны (длиной 10 саж. 2 арш. и столько же вышиной ²⁾), въ верхнемъ поясѣ котораго выбрано пять пролетовъ (раздѣляемыхъ, подразумѣвается, шестью столбами), а къ нижнему поясу котораго подъ самыя пролеты и во всю длину посредствомъ другой скобообразной стѣны сдѣлана узкая ящикообразная пристройка, именно — имѣющая форму ящика, приставленнаго къ стѣнѣ ребромъ: въ пролетахъ повѣшены колокола, кровля пристройки служитъ площадкою для звонящаго звонаря, а внутри ея ходъ на кровлю или къ колоколамъ ³⁾. Въ Новгородской лѣтописи о постройкѣ нынѣшней колокольни (подъ 1439 г.) сказано: «постави архіепископъ Еуѣиміи колокольницу камену, на старомъ мѣстѣ, на городѣ, идѣже паласа (прежняя) до основанія». Колокольня Новгородскаго собора поставлена вовсе не на городской стѣнѣ, а отдѣльно отъ нея и самостоятельно (хотя и весьма къ ней близко), слѣдовательно выраженіе «на городѣ» относится не къ этой городской стѣнѣ, а къ самой колокольнѣ: что же оно хочеть сказать? Оно несомнѣнно хочеть сказать то, что колокольня была подобна городу, городской стѣнѣ, т. е. представляла какъ бы отдѣльное прясло или вырѣзокъ изъ стѣны. Это и на самомъ дѣлѣ такъ. У городскихъ или

¹⁾ Новгор. 1-я лѣт. подъ сими годами.

²⁾ Археологическое описаніе церковныхъ древностей въ Новгородѣ *архим. Макарія*, I, 68.

³⁾ Чтобы съ совершенной ясностію представлять себѣ колокольню, пусть читатель вообразитъ четверугольную длинную и узкую постройку, покрытую горизонтальной крышей; пусть одну изъ продольныхъ стѣнъ онъ надстроитъ надъ крышей на значительную высоту и въ надстройкѣ прорубитъ пять большихъ оконъ или отверстій,—это именно и будетъ колокольня собора.

крѣпостныхъ стѣнъ со внутренней стороны дѣлались пристройки, на которыхъ устраивались ходы вокругъ стѣнъ или бои (въ одинъ этажъ или нѣсколько); поверхъ этихъ ходовъ (при многоэтажии поверхъ верхняго) стѣны имѣли такъ называемыя забрала, состоявшія изъ погруднаго надъ ходами возвышенія самой стѣны, и по ней изъ ряда такъ называемыхъ зубцовъ, просвѣты или отверстія между которыми давали возможность стрѣлять въ осаждающихъ, а они сами защищали отъ оружія послѣднихъ. Совершенно тоже представляетъ изъ себя и наша колокольня: вся она есть какъ бы часть городской стѣны,—кровля ея пристройки соотвѣтствуетъ ходамъ, а пролеты со столбами или, наоборотъ, столбы съ пролетами и съ нижнею, находящеюся подъ ними (столбами и пролетами), частью выдающейся стѣны соотвѣтствуютъ забраламъ.

Такимъ образомъ въ Новгородѣ колокольнѣ Софійскаго собора дана была форма городской или крѣпостной стѣны, точнѣе—вырѣзки или прасла изъ стѣны. На вопросъ: какимъ образомъ это случилось, можно отвѣчать только предположительно. Но, какъ намъ думается, ясно то, что именно должно и что единственно можно предполагать. По нашему мнѣнію, должно и единственно можно предполагать, что колокола у св. Софіи сначала были повѣшены, безъ всякаго особаго для нихъ зданія, на забрала или между забралами городской стѣны, близъ которой она находится (восточной),—что потому это нашли почему нибудь неудобнымъ и рѣшили построить особое зданіе и что новому зданію и дали форму стараго, т. е. особой колокольнѣ дали форму городской стѣны, на которой колокола висѣли дотолѣ¹⁾.

Когда однако случилось,—въ періодъ ли домонгольскій или послѣ, что для колоколовъ было построено особое зданіе, — настоящая колокольня, и на нее были они перенесены съ городской стѣны, мы не знаемъ, ибо въ лѣтописяхъ не записано о построеніи первой колокольни, на мѣсто которой поставилъ свою Евфимій. Вѣроятнѣйшей причиной устройства особой колокольни должно считать то, что явились такіе большіе колокола, которые не помѣщались въ отверстіяхъ или

¹⁾ Псковская 1-я лѣтопись, выражающаяся не совсѣмъ ясно, какъ будто даетъ знать, что въ Псковѣ колокольней для Троицкаго собора служила забрала или какъ она называетъ—перши т. е. перси (ибо въ забралѣ подъ зубцами—погрудная стѣнка) городской стѣны даже въ XV вѣкѣ (подъ 1394 г.: «кончаны быша перши (стѣна каменная,—1393 г.) у Кромю... и колокольницу поставивше (—иша)»; подъ 1426 г.: «колоколы повѣшаху Псковичи на першехъ ко Святѣй Троицы. на новой колокольници, на новой стѣнѣ»).

образуражъ забралъ городской стѣны; но когда это послѣднее случилось, чтобы по сему признаку опредѣлить время построения колокольни, мы не имѣемъ свѣдѣній. По одному указанію слѣдуетъ думать, что если въ періодъ домонгольскій, то не ранѣе второй половины XII вѣка. Если бы Андрей Боголюбскій, строя свой Владимирскій Успенскій соборъ, имѣлъ передъ собою въ Новгородской колокольнѣ образецъ колокольни, какъ особаго зданія, то и онъ не преминулъ бы построить такую же колокольню; между тѣмъ авторъ повѣсти объ его убіеніи, помѣщенной въ Ипатской лѣтописи, подробно говоря о соборѣ и не забывая пристроекъ послѣдняго (столпъ), ничего не говоритъ о колокольнѣ.

Изъ сейчасъ сказаннаго слѣдуетъ, что до Андрея Боголюбскаго не было колоколенъ, какъ особыхъ зданій, въ области Суздальско-Ростовской и что онѣ явились въ ней послѣ него. Онѣ явились въ ней, неизвестно намъ когда, послѣ колокольни Новгородской, ибо ее взяли себѣ за образецъ, нѣсколько измѣнивъ ее форму или при самомъ заимствованіи или впоследствии. Позднѣйшія колокольни области Московской, имѣющія форму четверугольныхъ продолговатыхъ башенъ, — стѣнообразныя, но не изъ одной стѣны, какъ Новгородская, а изъ четырехъ, — двухъ длинныхъ и двухъ короткихъ, т. е. какъ бы ящикообразныя не только въ нижней половинѣ, но и въ верхней, какъ-то: Ростовскаго собора, Суздальскаго Спасо-Евфиміева монастыря, Московскаго Успенскаго собора, — пристрой къ Ивану Великому, сдѣланный патриархомъ Филаретомъ и снятый съ колокольни Ростовскаго собора, что объясняется тѣмъ, что Филаретъ былъ митрополитомъ Ростовскимъ, — и бывшая Симонова монастыря, представляютъ собою не что иное, какъ видоизмѣненіе колокольни Новгородскаго Софійскаго собора ¹⁾. Какъ видоизмѣненіе, онѣ, по всей вѣроятности, относятся не къ періоду домонгольскому, а къ послѣдующему времени; а потому мы и скажемъ о нихъ послѣ ²⁾.

Были или не были колокольни, какъ особыя зданія, въ Кіевѣ и

¹⁾ Видъ колокольни Ростовскаго собора у *и. Толстаго* въ Древнихъ Святыняхъ Ростова-Великаго; видъ колокольни Суздальскаго Спасо-Евфиміева монастыря у Мартынова и Снегирева въ Русской Старинѣ, по изд. въ большомъ форматѣ тетр. 1, и въ 3-мъ выпускѣ Памятниковъ древняго русскаго зодчества, издаваемыхъ Академіей Художествъ.

²⁾ Псковъ усвоилъ себѣ форму Новгородской Софійской колокольни безъ измѣненія (сохранивъ значительное или нѣкоторое количество образцовъ ея до настоящаго времени). Но это уже несомнѣнно было въ послѣдующее время.

другихъ городахъ южной Руси, совсѣмъ не имѣемъ свѣдѣній, и если были, то вовсе ничего не можемъ сказать объ ихъ формѣ и видѣ.

На основаніи сейчасъ сказаннаго о Новгородѣ и о Владимирѣ представляется гораздо вѣроятнѣйшимъ думать, что ихъ не было. Если бы онѣ были въ Кіевѣ при Десятинной церкви и Софійскомъ соборѣ, то ихъ воспроизведеніе должно было бы явиться въ Новгородѣ и во всякомъ случаѣ непременно явиться во Владимирѣ, ибо невозможно думать, чтобы Боголюбскій не построилъ для своего собора колокольни, когда бы колокольни до него гдѣ-нибудь уже были при лучшихъ церквахъ.

Изъ сказаннаго слѣдуетъ тотъ вѣроятнѣйшій выводъ, что колоколенъ у насъ, какъ особыхъ зданій, въ періодъ домонгольскій не было и что развѣ только первая между ними, — Новгородскаго Софійскаго собора, явилась въ концѣ періода. Слѣдовательно, мы снова возвращаемся къ вопросу: какъ же у насъ было въ періодъ домонгольскій съ колоколами? Если не представляется вѣроятнымъ думать, чтобы они вѣшались на деревянныхъ столбахъ или чтобы для нихъ дѣлались надстройки стѣнокъ надъ самыми церквами, то остается думать, что было поступаемо какъ-нибудь подобно тому, чтѣ видимъ въ Новгородѣ. Не всѣ церкви, которыя имѣли колокола, находились подобно Новгородскому Софійскому собору близъ городскихъ стѣнъ; но инныя изъ нихъ имѣли свои собственные города или ограды ¹⁾, а всѣ онѣ имѣли близъ себя стройки, именно — епископскіе кафедральные соборы — дома для помѣщенія епископовъ съ клиросами и вообще соборными причтами, а придворныя княжескія церкви — дворцы князей, ибо онѣ строились близъ послѣднихъ, на ихъ дворахъ, какъ вообще домовыя церкви. Должно думать, что у тѣхъ церквей, которыя имѣли близъ себя стѣны или городскія или своихъ собственныхъ оградъ, колокола вѣшались на эти послѣднія (у церквей, которыя имѣли свои собственные ограды, они вѣшались преимущественно, какъ можно предполагать, надъ входными воротами), а что у всѣхъ другихъ церквей ихъ вѣшали на прилежавшія зданія или посредствомъ приспособленій произвольныхъ, какія бы кому вздумались, или дѣлая какія-нибудь принятыя надстройки (можетъ быть, тѣ самыя, которыя послѣ видимъ на самихъ церквахъ, т. е. небольшія надстроенныя стѣнки съ окнами или пролетами).

Послѣ церквей кафедрально-епископскихъ и придворно-княжескихъ и съ ними, можетъ быть, весьма немногихъ церквей приходскихъ въ

¹⁾ Это положительно извѣстно объ Успенскомъ соборѣ Боголюбскаго и съ вѣроятностію должно быть предполагаемо о Кіевской Десятинной церкви, см. выше.

городахъ ¹⁾, всѣ остальные наши церкви употребляли въ домонгольскій періодъ греческій способъ собиранія прихожанъ на богослуженіе, т. е. битье въ била или клепала ²⁾ (которыя оставались у насъ и потомъ весьма долгое время, какъ увидимъ послѣ). Относительно билъ или клепалъ, которыя первоначально явились въ монастыряхъ и отъ нихъ усвоены приходскими церквами ³⁾, въ Греціи послѣднія отличались отъ первыхъ, именно—въ монастыряхъ было по три особыхъ била, въ приходскихъ же церквахъ употреблялось изъ этихъ трехъ одно. Три монастырскія била были: великое било, сокращенно просто «великое» (σήμετρον μέγα, τὸ μέγα), состоявшее изъ деревянной доски, около сажени длиной, до полуторныхъ аршинъ шириной (sic) и въ нашу хорошую теслицу толщиной,—доски, совершенно подобной тѣмъ доскамъ, которыя у насъ для ночнаго битья или стука сторожей вѣшаютъ у общественныхъ хлѣбныхъ магазиновъ и вообще вездѣ, гдѣ принято, чтобы сторожа стучали ночью въ доску (и которыя и у насъ иногда бывають также очень широки, хотя и не столько); во-вторыхъ, малое било, сокращенно просто «малое» (σήμετρον μικρόν, τὸ μικρόν), также деревянное, состоявшее, такъ сказать, изъ планки, около полуторныхъ и до двухъ сажени длиной, въ четыре-пять пальцевъ шириной и отъ двухъ до трехъ пальцевъ толщиной, съ перехватомъ для держанія рукой

¹⁾ О приложеніи колокола однимъ благочестивымъ челоѣкомъ въ одну приходскую Новгородскую церковь около 1250 г. см. у *преосв. Макарія* въ Ист., т. III, изд. 2 стр. 111, прим. 192 (запись на такъ называемомъ Пантелеймоновомъ евангеліи, которая въ снимкѣ у *Срезн.* въ приложж. къ Древнн. памн. Р. п. и яз.).

²⁾ Било, погречески — σήμετρον (σημετήρ, σημετήριον, *Дюк. Глосс.* Graecit., простонародно — σήμετρο) отъ глагола σημαίνω, подаю знакъ, вообще означаетъ орудіе, которымъ подается къ чему нибудь знакъ, дѣлается о чемъ нибудь извѣщеніе, а въ частности въ нашемъ случаѣ означаетъ орудіе, которымъ подается знакъ къ началу богослуженія, дѣлается о семъ извѣщеніе. Русское названіе: било происходитъ отъ бью, т. е. колочу, а что касается до названія клепало, то оно дано биламъ потому, что въ нихъ били не палками, а молотками (погречески: письменно—ρόπτρον, простонародно, по крайней мѣрѣ въ Константинополѣ,—τακτικά), слѣдовательно, какъ бы клепали (клепаніе молотками кость. Замѣтимъ здѣсь кстати, что «знаменаетъ кампаны» нашего Устава, буквально переведенное съ греческаго σημαίνει τὰς καμπάνας, значить: звонить въ колокола, и не что либо другое).

³⁾ А до билъ въ послѣднихъ — такъ называемые лаосипакты (народособиратели),—визшіе клирики, обходившіе дома прихожанъ съ извѣщеніемъ о временахъ богослуженія.

по срединѣ, и вторыхъ — желѣзное или мѣдное било (τὸ σιδῆρον, τὸ χαλκῶν), состоявшее изъ желѣзной или мѣдной полосы, около пяти-шести пальцевъ шириной, въ каретную шину толщиной и около двухъ аршинъ длиной, согнутой полукругомъ ¹⁾). Изъ этихъ трехъ монастырскихъ билъ въ Греціи употреблялось въ приходскихъ церквахъ первое, а у насъ наоборотъ, какъ слѣдуетъ изъ позднѣйшихъ свидѣтельствъ, послѣднее, каковое различіе, по всей вѣроятности, нужно объяснять тѣмъ, что великое или единственное приходскихъ церквей било должно было быть возможно звучнымъ, а между тѣмъ того особеннаго дерева, изъ котораго оно для сей цѣли дѣлалось въ Греціи, у насъ не было (σφένδαμνος—яворъ).

Малое било или малое древо было ручное и слѣдовательно хранилось тамъ, гдѣ его положить; великое било и желѣзное или мѣдное были била висачія и слѣдовательно требовали для себя постояннаго помѣщенія. Относительно сего помѣщенія у насъ было, конечно, подобно тому, какъ было въ Греціи; но какъ было въ Греціи, относительно этого мы не имѣемъ положительныхъ извѣстій. У западной стѣны Константинопольской св. Софіи до времени Грелота (французскаго архитектора XVII вѣка, который описалъ св. Софію, снабдивъ описаніе рисунками, въ сочиненіи Relation d'un voyage de Constantinople, напечатанномъ въ Парижѣ, въ 1680-мъ году) находилась башня, которую со всею вѣроятностью должно принимать за бильницу. Башня, формою четверугольная, имѣла два яруса пролетовъ и была накрыта неострымъ шатромъ ²⁾). Если справедливо наше предположеніе, что башня составляла бильницу и если она была построена уже въ древ-

¹⁾ О билахъ см. статью покойнаго П. С. Казанскаго: О призывѣ къ богослуженію въ Восточной церкви, напечатанную въ Трудахъ перваго Археологическаго общества, I, 300 вѣд., гдѣ приложены и изображенія билъ великаго и мѣдно-желѣзнаго или металлическаго (а изображеніе била малаго см. въ лицевомъ житіи преп. Сергія, литографически изданномъ Троицкою Лаврою, л. 173 об. — Неудовлетворительно объясненное въ статьѣ, — прил. 8, — выраженіе нашего Устава: «во вся тяжкая» значить во всѣ колокола, «во вся», ибо греческое βαρέα, первоначально значившее — тяжкое удареніе въ металлическое, желѣзное или мѣдное, било, потомъ стало употребляться какъ названіе колоколовъ: «звоните въ колокола» Греки говорятъ: κτοπάτε τὰς βαρέας, — въ самой статьѣ).

²⁾ Ея изображеніе см. на рисункахъ св. Софіи Грелота, помѣщенныхъ у Бандурія въ Imperium Orientale, t. II, pp. 752 и 756, а на планѣ р. 745, и въ Боннской перепечаткѣ изъ Бандурія; заимствованное у Бандурія — въ Описаніи Кіево-Софійскаго собора митр. Евгенія и въ Константинопольскѣхъ Византія, въ приложж. къ I т.

нее время, соответствующее нашему періоду домонгольскому ¹⁾, то вѣроятно, что и у насъ при важнѣйшихъ церквахъ устраивались бильницы въ видѣ подобныхъ башенъ ²⁾. Что же касается до всего множества церквей рядовыхъ, то слѣдуетъ думать, что въ Греціи и у насъ было съ бильницами гораздо проще. Такъ какъ била не требовали для себя непременно особыхъ бильницъ, а могли быть повѣшены на всякихъ готовыхъ столбахъ, то вѣроятно, что въ тѣхъ церквахъ, которыя имѣли наружныя галлерей или наружныя паперти галлереями, какъ въ Греціи, такъ и у насъ, онѣ вѣшались между столбами сихъ галлерей или наружныхъ папертей. А тамъ, гдѣ била не могли быть повѣшены у самыхъ церквей, особыя бильницы могли быть не далѣе и не болѣе, какъ простыми столбами, и именно — въ приходскихъ церквахъ для одного била: одинъ столбъ, на которомъ оно и вѣшалось, или два столба въ видѣ покоя, между которыми оно вѣшалось, — въ монастыряхъ для двухъ билъ: два столба въ видѣ покоя, такъ что одно било вѣшалось между столбами, а другое на одинъ изъ столбовъ, или три столба въ видѣ тверда, такъ что оба била вѣшались между столбами. Очень можетъ быть, что столбы иногда ставились значительно высокіе и что подъ билами устраивались тумбы или площадки ³⁾. Очень можетъ быть также, что, будучи высокими или низкими, они иногда накрывались крышами.

---

¹⁾ Изъ Антонія Новгородскаго, по изд. *Савваит.* стр. 84, болѣе слѣдуетъ, что въ его время бильницы при св. Софіи еще не было.

²⁾ На эти башни вмѣстѣ съ билами могли быть вѣшаемы и колокола и вмѣстѣ съ тѣмъ эти башни могли служить образцомъ и для собственныхъ колоколенъ. Намъ приходилось видать у насъ деревянныя невысокія колокольни, весьма похожія видомъ или формой на башню Константинопольской св. Софіи: можно подозрѣвать, что онѣ ведутъ свое начало отъ ней и отъ снимковъ съ нея.

³⁾ Единственное известное намъ изъ періода домонгольскаго упоминаніе о бильницѣ какъ будто заставляетъ предполагать это. Первоначальный лѣтописецъ, повѣствуя подъ 1074 г. о подвижникахъ Печерскихъ, говоритъ объ одномъ изъ нихъ (Матоеѣ прозорливцѣ): «идущую ему единою (изъ церкви) отъ утренней сѣде опочивая подъ биломъ». Такъ какъ въ сидячемъ скорченномъ положеніи на землѣ почивать неудобно, то какъ будто дается предполагать сказаннымъ, что подъ биломъ была площадка съ ступеньками или вообще рундукъ, на который бы можно было сѣсть.

V.

Внутреннее устройство и убранство церквей сообразно съ ихъ богослужбнымъ назначеніемъ.

Обращаемся къ устройству и убранству церквей, какъ богослужбно-молитвенныхъ зданій или храмовъ, т. е. къ особенностямъ ихъ устройства и убранства сообразно съ симъ назначеніемъ, и затѣмъ къ ихъ богослужбнымъ принадлежностямъ или къ богослужбной утвари.

Съ самаго перваго времени церкви раздѣлены на двѣ части: одну, назначенную для присутствующихъ и молящихся мірянъ,—собственную церковь; другую, назначенную для служащихъ и священнодѣйствующихъ священниковъ, — олтарь. Объ этомъ мы уже говорили выше и тамъ мы сказали то нарочитое, что можетъ быть сказано объ олтарѣ и служащихъ его дополненіями пристрояхъ къ церкви — жертвенникѣ и диаконикѣ (стр. 59). Но остается намъ сказать о дополненіи къ олтарю, находящемся въ самой церкви, именно — о такъ называемой солеѣ. Солеей, по гречески преимущественно ἡ σολέα, но также ὁ σολέας, ὁ σόλιος, ἡ σολία (гласныя: о, і, е по произволу то короткія, то долгія) ¹⁾, изъ латинскаго solium—порогъ, приступокъ (французск. seuil, итальянск. soglio), въ настоящее время называется у насъ ²⁾ небольшой выступъ возвышеннаго пола олтаря изъ-за иконостаса въ самую церковь, образующій предъ олтаремъ, вдоль иконостаса, узкую полосу возвышенія. Въ древнее время это было не такъ. Солея есть «олтарь чтецовъ» ³⁾, — мѣсто стоянія низшихъ клириковъ; но если бы именно нынѣшняя солея была этимъ олтаремъ чтецовъ, то оставалось бы въ высшей степени недоумѣннымъ и непонятнымъ, почему для низшихъ клириковъ отдѣлили такъ мало мѣста, что заставили людей жаться и тѣсниться (такъ сказать лѣпиться) и сдѣлали стояніе почти совсѣмъ невозможнымъ, а когда мы припомнимъ бы, что въ древнее время низ-

¹⁾ *Дюканжа* Constantinop. Christ. Lib. III, cap. LXXIII, p. 64, и Gloss. Graecit. подъ сл. Σολέας.

²⁾ У Грековъ наша солея есть, но она не имѣетъ теперь у нихъ особаго имени, подразумѣваясь съ олтаремъ, и названіе солея теперь у нихъ неизвѣстно. За исключеніемъ людей книжно-археологическихъ (какъ это впрочемъ и у насъ).

³⁾ Симеонъ Солунск. De sacro templo, гл. 135, у *Миля* въ Patr. t. 135, p. 345.

шихъ клириковъ было вообще несравненно болѣе, чѣмъ теперь, то оставалось бы непонятнымъ до самой послѣдней степени. Этого непонятнаго и не было. Нынѣшняя наша солея въ древнее время, какъ кажется, была еще уже, чѣмъ теперь, представляла изъ себя по-за алтарю только какъ бы карнизъ алтарнаго пола, а въ дверяхъ алтаря какъ бы порогъ, откуда и названіе *σολέα* ¹⁾, но по-за этой солеей въ собственномъ смыслѣ была другая въ смыслѣ несобственномъ, получившая названіе только отъ сосѣдства съ первой, именно—передъ этимъ выступомъ находилась на ступень низшая его и на ступень или болѣе высшая пола церкви обширная площадка, имѣвшая четверугольную форму: эта-то площадка и составляла ту (въ несобственномъ смыслѣ) солею, которая была алтаремъ чтецовъ или мѣстомъ стоянія низшихъ клириковъ. Если вокругъ нашихъ нынѣшнихъ крылосовъ читатель опишетъ четверугольникъ къ алтарю (и именно—къ одному алтарю безъ жертвенника и диаконика) и если онъ вообразить, что все, что внутри четверугольника составляетъ одну площадку, то онъ и будетъ имѣть ту вторую солею, о которой говоримъ: наши теперешніе крылосы, возвышающіеся своимъ поломъ надъ поломъ церкви, представляютъ собою какъ бы оставшіеся острова отъ исчезнувшей сплошной площадки. Въ Константинопольской св. Софіи и въ нѣкоторыхъ другихъ древнихъ церквахъ Турки, на наше счастье, оставили полы (подразумѣвается, превративъ самыя церкви въ мечети) въ томъ видѣ, какъ было до нихъ при Грекахъ, и эти-то полы своими возвышеніями и открываютъ намъ тайну второй солеи, безъ которой все дѣло было бы совершенной загадкой и безъ которой извѣстія, читаемыя о солеѣ, оставались бы совсѣмъ непонятными ²⁾. Въ Константинопольской Софіи, если идти отъ запада къ востоку, отъ входа въ церковь къ алтарной абсидѣ, сначала встрѣ-

¹⁾ Выписку мѣсть изъ греческихъ писателей, изъ которыхъ видно, что нынѣшняя солея составляла только карнизъ алтарной преграды, см. у *Дюканжа* *ibidd.* У Грековъ и въ настоящее время наша солея большею частію весьма узка,—четверть, четверти полторы, такъ что по ней нельзя ходить и не ходить.

²⁾ Говоримъ, извѣстія оставались бы непонятными, ибо имѣемъ: во-первыхъ, такія, въ которыхъ ясно говорится о двухъ солеяхъ, наприм., Констант. Порфир. *De sermone. aulae Byzantinae*, ed. Bonn. pp. 65 и 133,—*εἰσελθὼν ἐνδοῦ τῆς σολέας* и потомъ *ἐκτὸν τῆς σολέας*; во-вторыхъ, такія, въ которыхъ говорится о дѣйствіяхъ на солеѣ, требовавшихъ престога,—производство нѣкоторыхъ чиновинокъ, *ibid.* pp. 240, 254; въ-третьихъ, такія, въ которыхъ говорится о случаяхъ стоянія на солеѣ вмѣстѣ съ клириками многихъ мірянъ,—въ день Воздвиженія патріарха, *ibid.* p. 166.

чается возвышеніе пола на одну большую ступень между передними столбами купола, затѣмъ другое возвышеніе, также на одну и нѣсколько меньшую ступень между столбами восточнаго полукупола ¹⁾; первое возвышеніе, представляющее весьма большую площадку, есть возвышеніе солеи, второе—олтаря ²⁾. Солеи всегда или не всегда были окружены рѣшотками, ибо о солеѣ Константинопольской Софіи употребляются выраженія: *Εἰσελθεῖν ἐνδὸν τῆς σωλέας, ἐξέρχεσθαι τὴν σωλέαν, εἰσέρχεσθαι εἰς τὴν σωλέαν, ἔξω τῆς σωλέας* ³⁾ (Изъ сказаннаго сейчасъ о солеѣ, какъ мѣстѣ стоянія низшихъ клириковъ, видно, что она была совершенно то же, что въ древнихъ латинскихъ церквахъ хоръ (*chorus*),—также составлявшій мѣсто стоянія низшихъ клириковъ) ⁴⁾. Съ нашей древней солеей церкви раздѣлялись собственно на три части: олтарь для священниковъ, солея для низшихъ клириковъ и самая церковь для мірянъ. Древнюю солею въ позднѣйшее время уничтожили или, точнѣе говоря, полууничтожили, оставивъ отъ нея частицы—нынѣшніе крылосы, какъ должно думать, съ одной стороны, потому, что въ позднѣйшее время стало менѣе клириковъ, а съ другой стороны затѣмъ, чтобы освободить мірянамъ болѣе мѣста предъ олтаремъ (промежутки

---

¹⁾ Съ возвышеніями Турки слѣдали только ту переѣзду, что нѣсколько нѣсколько сообразно съ положеніемъ обращеннаго къ Меккѣ нѣ «миграба» (ниши съ наосемъ, на которомъ Коранъ, соответствующей нашему олтарю съ престоломъ), который стоитъ не въ центрѣ абсиды, а въ южномъ боку.

²⁾ Полъ св. Софіи мы видѣли собственными глазами. Изъ другихъ древнихъ церквей такъ же имѣетъ себя дѣло съ возвышеніями, если не измѣняетъ намъ память, въ Солунскихъ бывшихъ церквахъ—св. Софіи и св. Георгія (ротондѣ). Изъ новыхъ греческихъ церквей мы встрѣтили нашу большую солею въ Аѳинской церкви св. Ирины.

³⁾ Констант. Порфир. *De seremoniis*, ed. Bonn. pp. 65, 74, 112, 151, 158, 192 и другія.

⁴⁾ Древніе латинскіе хоры сохранились въ Римскихъ, т. е. города Рима, церквахъ—св. Климента (въ которой погребенъ нашъ Константинъ первоучитель), св. Маріи in Cosmedin, св. Маріи in Ara Coeli, св. Лаврентія extra muros, см. планы у *de-Blesera* въ *Rome et ses monuments*, pp. 175, 233, 291 и 297, см. также въ словаряхъ *Мартини* и *Мюллера-Мотеса* рисунки къ архиклю *Basilica*. Если читателю приходилось видать въ каедральныхъ соборахъ площадки, которыя устраиваются для дѣйствія омовенія ногъ великаго четверга, то, расширивъ въ своемъ воображеніи эти площадки такъ, чтобы онѣ захватывали и клиросы, онъ будетъ имѣть точное понятіе о нашей солеѣ (а древніе латинскіе хоры будутъ совершенно то, что эти площадки, какъ онѣ есть, безъ расширения на клиросы, которыхъ у католиковъ нѣтъ и не было).

между клиросами). Уничтоженіе, какъ нужно думать, началось съ церквей меньшихъ и шло къ церквамъ большимъ. Какъ было у Грековъ съ нашей солеей въ то время, какъ мы приняли отъ нихъ христіанство, положительно не знаемъ; но болѣе, чѣмъ вѣроятно, что если не во всѣхъ церквахъ, то по крайней мѣрѣ въ церквахъ каедральныхъ епископскихъ она еще оставалась, ибо въ этихъ церквахъ продолжало быть еще постольку низшихъ клириковъ, что они не могли умѣщаться на теперешнихъ клиросахъ. Слѣдовательно, весьма вѣроятно думать, что она переходила и къ намъ, по крайней мѣрѣ въ тѣже каедрально-епископскія церкви (мы говорили выше, что у насъ мѣста стоянія пѣвцовъ и чтецовъ получили названіе крылосовъ, т. е. клиросовъ, отъ того, что въ древнее время въ каедральныхъ епископскихъ церквахъ стояли внѣ алтаря съ низшими клириками и пѣли такъ называемые клирошане—соборные священники (и вмѣстѣ архіерейскіе чиновники, — 1-й пол. т. стр. 378). Съ клирошанами—священниками число стоящихъ внѣ алтаря должно было значительно увеличиваться. А этимъ дается наше собственное основаніе предполагать, что у насъ въ періодъ домонгольскій еще оставались древнія солеи въ каедральныхъ епископскихъ церквахъ)¹⁾. Существованіе обѣихъ солей—нашей теперешней и древней, изъ которыхъ первая есть выступъ въ церковь алтарнаго пола, а вторая—площадка передъ первою, занимающая относительно возвышенія середину между алтаремъ и церковію, условливается возвышеннымъ положеніемъ алтаря надъ церковію. Но тогда какъ для возвышенія алтаря имѣли особыя причины, а именно—чтобы сдѣлать болѣе видными присутствующимъ мірянамъ служащихъ священниковъ, вовсе не имѣли никакихъ причинъ для возвышенія надъ церковію жертвенника и діаконика²⁾; а изъ сего слѣдуетъ, что первая солея могла быть выступомъ пола только алтаря, но не жертвенника и діаконика, и вторая могла находиться только передъ нимъ, но и не предъ по-

¹⁾ У Грековъ вовсе не употребляется слово клиросъ въ нашемъ смыслѣ названія мѣстъ стоянія чтецовъ и пѣвцовъ; но самыя мѣста есть, а не нѣтъ, какъ утверждаютъ иные, только онѣ стоятъ у нихъ въ одинъ рядъ съ мѣстами стоянія мірянъ, съ такъ называемыми стасидіями, о которыхъ ниже (и называются тоже стасидіями).

²⁾ А по таинственному или духовному значенію, которое придавали жертвеннику, именно—значенію Вномема и пещеры, въ которой родился Христосъ (Сумеонъ Солунскій *De sacro templo*, гл. 137, у *Мина* въ *Patr. t. 155*, р. 348) имѣли нарочитое побужденіе дѣлать жертвенникъ ниже алтаря.

слѣдними. Такъ это и есть въ св. Софїи Константинопольской ¹⁾; такъ это, по всей вѣроятности, было въ древнее время и во всѣхъ вообще церквахъ (У насъ, а отчасти и у Грековъ, оставшіяся малыя или собственныя солеи въ позднѣйшее время были нѣсколько расширены за тѣмъ, чтобы можно было ходить по нимъ, а сіе послѣднее, нѣтъ сомнѣнія, по уваженію къ тому обстоятельству, что Уставъ церковный въ нѣкоторыхъ случаяхъ полагаетъ прохождение чрезъ солею и стоянія на ней,—чины посвященія въ діаконы и пресвитеры).

Богослужебныя принадлежности алтаря составляли св. трапеза или престоль и сѣдалища для епископа и священниковъ, а богослужебное убранство, подобно всей остальной церкви,—священныя изображенія.

Св. трапеза или престоль, какъ показываетъ самое названіе, есть обыкновенная трапеза или обыкновенный столъ ²⁾, обращенный на священное употребленіе. Изъ этого само собою слѣдуетъ, что съ древнѣйшаго и перваго времени престоль долженъ былъ имѣть форму обыкновеннаго стола, т. е. горизонтальной доски, поставленной на то или другое количество ножекъ. Въ первые два съ половиной вѣка, до появленія собственныхъ церквей, подвижные престолы временныхъ (и перемѣнныхъ) моленъ въ частныхъ домахъ долженствовали быть, какъ и дѣйствительно были, деревянными; съ появленіемъ настоящихъ церквей начало входить въ обычай дѣлать ихъ каменные, каковыми они и стали потомъ у Грековъ исключительно ³⁾. У насъ въ семъ отношеніи необходимость заставила отступить отъ обычая греческаго и возвратиться къ временамъ первенствующимъ, ибо у насъ не было ни материала, ни мастеровъ для каменныхъ престоловъ. Впрочемъ, суще-

¹⁾ Въ св. Софїи нѣтъ боковыхъ абсидъ для жертвенника и діаконика и послѣдніе въ древнѣйшее время находились не рядомъ съ алтаремъ, а въ отдаленіи, въ особыхъ пристройкахъ. Но въ позднѣйшее время жертвенникъ и діаконикъ перенесены были къ алтарю, въ юго и сѣверо-восточные углы самой церкви (свидѣтельства у Конст. Порфир. въ *De seremoniis*, ed. Bonn. pp. 17, 34, 35, 182 и другія), а между тѣмъ полъ возвышенъ только въ абсидѣ и площадка только передъ нею, имѣя боковыя—южную и сѣверную линіи между столбами подкупольными и предъалтарными.

²⁾ Греческое трапеза порусски значить столъ (трапѣза есть сокращеніе изъ тетрапѣза, а сіе послѣднее сложено изъ тѣтра и пѣза,—четыре ноги; слѣдовательно трапѣза собственно значить четвероножка, доска—поставленная на четыре ноги).

³⁾ О древнѣмъ времени см. *Bingham*. Vol. III, p. 226, и Vol. VI, p. 452; о позднѣйшемъ Сумеона Солунскаго *Expositio de divino templo*, у *Minia* въ *Patr.* t. 155, p. 705 нач..

ствующія свидѣтельства показываютъ, что если не цѣлые каменные престолы, то верхнія каменные доски считались у насъ въ періодъ домонгольскій болѣе или менѣе обязательною принадлежностью церквей лучшихъ, для которыхъ онѣ вѣроятно добывались изъ Корсунни. Въ Патерикѣ Печерскомъ разсказывается, что когда была приготовлена къ освященію церковь Печерская, то «много искали мастера, который бы сдѣлалъ доску каменную на устройство св. престола и не нашли ни одного; положили было деревянную доску, но митрополитъ Іоаннъ не хотѣлъ, чтобы на престолѣ въ такой великой церкви была деревянная доска...¹⁾ (каменная была обрѣтена чудесно). Доска престольная, такъ же какъ и въ настоящее время, формой была четверугольная; ножки подъ каменными престолами у Грековъ было или по четыре и вообще помногу или и по одной²⁾, у насъ же подъ деревянными вѣроятно всегда по четыре.—Обычай покрывать престолы одеждою (*ἐνδύτη, ἐνδύμα*) восходитъ ко временамъ первоначальной древности; но сначала это не была теперешняя одежда въ собственномъ смыслѣ, а тоже, что обыкновенная скатерть, накрываемая на обѣденные столы, и также накрывалась только на время совершенія таинства евхаристіи³⁾. Что касается до такъ называемой срачицы или до нижней одежды престола⁴⁾, поддѣваемой подъ собственную одежду, то она, какъ кажется, происхожденія не особенно древняго⁵⁾, а цѣлю ея введенія, по всей вѣроятности, было то, чтобы собственная одежда не терлась о камень престола и не портилась отъ него (Во времена Симеона Солунскаго, кромѣ срачицы—*κατασάρκα* и одежды, которую онъ называетъ *τραπέζοφορον*, были еще полагаемы на престолъ: подъ срачицу на углы пре-

¹⁾ Разсказъ Симона о святой трапезѣ и объ освященіи церкви. Тутъ же дается знать, что каменный престолъ (доска и ножки) стоилъ три гривны серебра, т. е. 60 рублей на наши деньги.—Уцѣлѣвшій не въ полномъ видѣ престолъ Ярославовой Ирининской церкви былъ весь (доска и ножки) каменный, — *Фундука.* Обзор. Кіева, стр. 50.

²⁾ Симеонъ Солунск. *De sacro templo*, гл. 133, у Мниа р. 341 (въ настоящее время у Грековъ преобладаетъ, если не исключительно употребляется, одна ножка). Ножками у Грековъ наибольшую частію были колонки (*κίονας*), но иногда четверугольный складенный или высѣченный столпъ (*ἢ ἀντὶ κίονων τετραγώνος οἰκοδομηθῆς πινός, βραχὸς λεγόμενος*),—Симеонъ Солунск. *ibid.* гл. 101, р. 309.

³⁾ *Bingh.* Vol. III, р. 238 (выписка изъ Исидора Пелусіота), у *Дюк.* въ *Gloss. Graecit.* подъ сл. *ἀπλωμα*.

⁴⁾ Погречески *τὸ κατασάρκα*, что означаетъ одежду, непосредственно прилежащую къ тѣлу, непосредственно наддѣваемую на тѣло (рубашка).

⁵⁾ Если не ошибаемся, до Симеона Солунскаго она не упоминается.

стола четыре лоскута матеріи, вѣроятно четвероугольные, — τέσσαρα ὑφάσματα, во образъ четырехъ евангелистовъ ¹⁾, имена которыхъ и писались на нихъ, и на одежду—плитонъ, εἰλητόν, «въ знаменіи смерти и воскресенія Христова, потому что апостолы послѣ возстанія видѣли его вмѣстѣ съ погребальными одеждами свитымъ на единомъ мѣстѣ ²⁾, поэтому онъ свить и называется свиткомъ ³⁾, и былъ на главѣ Христовой и полагается на него вмѣсто Спасителя священное евангеліе»—De sacro templo, с. 112, у *Миля* t. 155, р. 317).

Престоль есть святѣйшее мѣсто въ храмѣ, и поэтому въ Греціи въ исключительныя церкви онъ былъ устрояемъ съ исключительнымъ великолѣпіемъ: Юстиніанъ, не довольствуясь для одежды престола своей Софіи чистымъ золотомъ, приготовилъ для нея особенный матеріаль—сплавъ изъ золота, серебра, другихъ металловъ, драгоценныхъ камней и «изъ всякаго вещества плавимаго», откуда получился иѣкій особый илектъ ⁴⁾; другіе въ Греціи, прежде и послѣ Юстиніана, устроили эту одежду изъ золота или изъ золота и серебра съ украшеніемъ драгоценными камнями ⁵⁾. Были ли у насъ въ Россіи въ періодъ домонгольской примѣры подобныхъ исключительныхъ престоловъ, не имѣемъ положительныхъ свѣдѣній. Но по крайней мѣрѣ одинъ такой престоль долженъ быть

¹⁾ О сихъ четырехъ лоскутахъ, знаменующихъ евангелистовъ, см. славянскій служебникъ XVII вѣка, въ Описаніи Синод. ркп. № 370 л. 151.—Въ Менологіи импер. Василія наши, вѣроятно, лоскуты, въ видѣ трехъугольниковъ, нашиты сверху на одежду престольную (а въ серединѣ нашитъ на нее крестъ),—ч. I, стр. 16 и 63, ч. II, стр. 111 и 145. У Константина Порфирогенита въ De ceremoniis, по всей вѣроятности, разумѣются наши лоскуты, когда говорится, что императоръ, входя въ олтарь, цѣлуетъ ταβλίον τῆς ἁγίας ἐνδύτης св. трапезы (у *Миля* въ Patr. t. 112 col. 164. Ο ταβλίον'ѣ, какъ лоскутъ, нашитомъ на одежду для ея украшенія, см. у *Дюканжа* въ Gloss. Graecit. подъ сл. Ταβλία.

²⁾ Иоанн. XX, 7.

³⁾ Εἰλητόν порусски значить свитокъ, свертокъ. Кирикъ Новгородскій спрашивалъ епископа Нифонта: «Достойтъ ли испрати (мыть) платъ, иже лежитъ на трапезѣ согбенъ», и получилъ въ отвѣтъ: «Прямъ все достойтъ испривати, развѣ одного аѣтнмиса не достойтъ прати»,—у *Калайд.* стр. 186 sub fin., у *Павл.* col. 40, с. 64.

⁴⁾ *Дюканжа* Constantinop. Christ. lib. III, cap. LIII, p. 47 sub fin. sqq.

⁵⁾ Пульхерія устроила золотую, украшенную драгоценными камнями, одежду на престоль Софіи доюстиніановской (Константиновой); Василій Македонянинъ сдѣлалъ престолы въ построенную имъ такъ названную «Новую церковь»—серебропозолоченные, украшенные драгоценными камнями, *Дюканжъ* ibid..

предполагаемъ со всею вѣроятностію, именно — престолъ Успенскаго Владимирскаго собора Боголюбскаго. Судя по всему украшенію собора, великолѣпнѣйшему и совершенно исключительному, представляется со-всѣмъ необходимымъ думать, что престолъ его былъ если не чисто золотой, то серебряный позолоченный и при этомъ украшенный драгоценными камнями, жемчугомъ и финифтью. А если опускаетъ сказать о престолѣ авторъ повѣсти объ убіеніи Боголюбскаго, то это, вѣроятно, по забвенію. Должно думать, что и престолы церквей Владимировой Десятинной и Ярославовой Софійской по крайней мѣрѣ до нѣкоторой степени выдавались изъ ряда обыкновенныхъ престоловъ. Сохранившіеся отъ Десятинной церкви остатки пола, который былъ кругомъ престола и «который былъ посланъ въ четверугольникахъ изящной работы изъ разноцвѣтныхъ мраморовъ, яшмъ и стеколъ»¹⁾, даютъ предполагать, что если престолъ былъ не золотой и не серебряный, то изящный каменный²⁾.

Надъ престоломъ съ древняго времени устроился такъ называемый киворій или кивурій, по нашему по теперешнему сѣнь или балдахинъ, по древнему кивотъ, именно сферовидный или куполообразный верхъ, поставленный на четырехъ колоннахъ или столбахъ³⁾. Иногда

¹⁾ *Фундукл.* Обзор. Кіева, стр. 29 fin..

²⁾ Известны и въ Греціи престолы, вмѣсто золота и серебра покрытые дорогой каменной съ различными инкрустаціями облицовкой. О престолѣ главнаго храма Синайскаго монастыря вмѣстѣ съ жертвенникомъ и горнымъ мѣстомъ говорить одинъ русскій новый паломникъ: «Святый престолъ, жертвенникъ и горное мѣсто сдѣланы изъ лучшаго мрамора и чудеснымъ образомъ убраны перламутромъ, черепахою и слоновою костью, такъ что не нужно и облаченіе» (Квръ Бронниковъ въ Путешествіи ко святымъ мѣстамъ, совершенномъ въ 1820 и 1821 годахъ и напечатанномъ въ Москвѣ въ 1824 году, стр. 103).

³⁾ *Кѣѡрїон* или *кѣѡѡрїон* (теперь въ просторѣчїи *кѣѡѡри*), значить гробъ, могилу и надгробный памятникъ, *Дюк. Gloss. Graecit.* подъ сл. *кѣѡрїон* (къ выплскамъ читаемымъ тутъ должно прибавить изъ Θεοδωρα Студита стихи *εἰς τὸ κѣѡрїон* τοῦ Προδρόμου, у *Миня* въ *Patr. t. 99*, p. 1793 fin.). Думаемъ, что слово не есть классическое *κѣѡрїон*, чтò значить по *Пассову* *Fruchtgehäuse d. ägyptischen Pflanze холохасїа* (сfr *Bingh. Vol. III*, p. 236 прим. t), а изъ еврейско-сирскихъ кевурá, кавáръ, кевóръ, которыя значать погребеніе, погребать, гробъ. Отъ киворїа надъ престоломъ должно отличать киворій подъ престоломъ; этотъ послѣдній—маленькій ящичекъ, въ которомъ полагались мощи подъ престоломъ (какъ бы гробъ или рака мощей), Симеонъ Солунскій *De sacro templo*, гл. 133, у *Миня* t. 155, p. 341.—Что у насъ киворій назывался кивотомъ, Лаврент. лѣт. подъ 1237 г.: «благовѣрный епископъ Митрофанъ (Владимирскій)

киворій устроился такъ, что колонны или столбы ставились кругомъ престола на полъ алтарный, такъ что онъ представлялъ собою шатеръ, отдѣльный отъ престола, который имъ накрывался; иногда же и весьма не рѣдко колонны или столбы, уменьшаясь до колонокъ и до столбиковъ, ставились на углы самага престола, такъ что шатеръ былъ не только надъ престоломъ, но и буквально стоялъ на самомъ престолѣ ¹⁾. Иногда вмѣсто киворія устроилось такъ называемое небо (οὐρανός), состоявшее въ томъ, что на протянутыхъ изъ стѣны въ стѣну желѣзныхъ прутьяхъ, деревянныхъ шестахъ (жердяхъ) или же и просто веревкахъ вѣшался надъ престоломъ четверугольный кусокъ матеріи ²⁾. У Грековъ, сколько имѣемъ свѣдѣній, киворій рѣшительно преобладалъ надъ небомъ и, такъ какъ онъ имѣлъ знаменованіе надгробнаго памятника надъ гробомъ Христовымъ, каковой представляетъ собою престоль, то, нужно думать, считался принадлежностью престола необходимою. Что касается до насъ Русскихъ въ періодъ домонгольскій,

---

постави кивоть въ святѣй Богородицѣ зборнѣй надъ трапезою, и украси его златомъ и сребромъ»... еще см. ниже выписку изъ Патерика и Новгор. 1-ю лѣт. подъ 1204 г.: четыре столбы кивотные (у Грековъ нерѣдко называетъ его кивотомъ, — κιβωτός, патр. Германъ. Теперь преимущественное его названіе у Грековъ—бувуклій, κουβούκλιον).

¹⁾ Не знаемъ, какъ было у Грековъ въ древнее время, но въ настоящее время второй способъ устроенія киворія, котораго намъ не приходилось видать въ Россіи, не только употребителенъ у нихъ одинаково съ первымъ, но и преобладаетъ надъ нимъ. Древніе памятники большею частію выражаются о стовпнн киворія надъ престоломъ не съ такой точностію, чтобы можно было видѣть, какъ именно онъ былъ ставимъ; но патр. Фотій совершенно ясно говоритъ о киворіи «Новой церкви» Василія Македонянина, что онъ былъ поставленъ на самый престоль, ибо, во-первыхъ, выражается о немъ τῆ θείῃ τραπέζῃ ἀπικείται, во-вторыхъ, столбы его называетъ—στολισμοί (выписка изъ его *Laudatio Novae Ecclesiae* у *Дюканжа* въ *Gloss. Graecit.* подъ сл. κιβωτίον). Киворіи въ *Менологіи* импер. Василія—на колоннахъ, поставленныхъ на полъ алтарный, помимо престола,—ч. I, стрр. 16 и 63, ч. II, стрр. 111, 145 и 154.

²⁾ Патриархъ Іерусалимскій Нектарій въ книгѣ 'Επιτομή τῆς ἱεροσοφικῆς ἱστορίας et cetera (заглавіе огромное) говоритъ о главной церкви Синайскаго монастыря, построеннаго Юстиніаномъ: ἀνωθεν τῆς ἀγίας τραπέζης χρέματα ὁ οὐρανός ἐκ χρυσοφάντου πέλλου, т. е. поверхъ святаго престола виситъ небо изъ золотканной матеріи, Венеціанск. изд. 1677 г. стр. 157.—У Грековъ называется еще небомъ (οὐρανία) переносный (portatif) балдахинъ, который употребляется у нихъ (по западному) въ крестныхъ ходахъ (Χώτου 'Ιστορία 'Εκπατήσου, стр. 268 нач. Изображеніе сего балдахина см. въ *Словарѣ Мюллера-Мотеса*, fig. 1116, S. 767).

то не знаемъ, считались ли у насъ необходимымъ одно или другой (небо или киворій); если считались, что вѣроятно, то нужно будетъ думать, что у насъ, наоборотъ, небо, какъ болѣе простое по устройству, рѣшительно преобладало надъ киворіемъ. Объ устройствѣ кивотовъ надъ престолами, какъ у насъ назывались киворіи, читаются записи въ лѣтописяхъ; изъ этого видно, что такое устройство не считалось дѣломъ обычнымъ, а напротивъ было дѣломъ необыкновеннымъ, лѣтописнымъ или историческимъ. Въ то же время изъ записей этихъ видно, что нѣкоторыя лучшія церкви долгія или довольно долгія времена послѣ своего строенія или возобновленія не имѣли киворіевъ, слѣдовательно или не имѣли ничего или, что вѣроятнѣе, имѣли небеса. Такъ, въ Новгородскомъ Софійскомъ соборѣ кивоть былъ устроенъ только епископомъ Нифонтомъ (1130—1156) ¹⁾, въ Ростовскомъ соборѣ, заложеномъ въ 1213 г. (на мѣсто прежнихъ) и оконченномъ неизвѣстно когда, но не поздне, какъ года черезъ два—черезъ три, кивоть былъ устроенъ въ 1231 г. ²⁾; во Владимирскомъ соборѣ Боголюбскаго, послѣ пожара 1185 г. возобновленномъ въ 1194 г., кивоть былъ устроенъ въ 1237 г. ³⁾. Въ Греціи въ лучшихъ церквахъ киворіи устроены были великолѣпныя и великолѣпнѣйшія,—изъ серебра золоченаго или незолоченаго и со всякимъ художественнымъ узорчьемъ ⁴⁾. У насъ въ Россіи, по всей вѣроятности, старались подражать въ семъ отношеніи Греціи, насколько было это возможно, ибо, имѣя серебро и золото, не легко могли доставать хорошихъ мастеровъ. Къ сожалѣнію, о киворіяхъ, которые должно предполагать великолѣпнѣйшими изъ всѣхъ, именно—Богородицы Десятиной Владимировой, Софійскаго собора Ярославова и въ особенности Успенскаго собора Боголюбскаго, совсѣмъ ничего неизвѣстно (авторъ повѣсти объ убіеніи Боголюбскаго, забывая сказать о престолѣ, забываетъ вмѣстѣ съ нимъ и объ его киворіи). Въ церкви Печерскаго монастыря однимъ его благодѣтелемъ киворій былъ окованъ влатомъ, что, по всей вѣроятности, должно разумѣть не о чистомъ золотѣ, а о позолоченной мѣди или, если въ древнее

¹⁾ Новгород. 1-я лѣтоп. подъ 1156 г.

²⁾ Лаврент. лѣтоп. подъ снѣгъ годовъ.

³⁾ Ibid. подъ снѣгъ годовъ.

⁴⁾ О киворіи Юстиніановой Софіи у Джанжа въ Constantinop. Christ. lib. III, с. LVII и слѣд., р. 50 sqq., и нашъ архіепископъ Новгородскій Автокій въ своемъ Паломникѣ по изд. Савваятова стр. 73. О киворіи Новой церкви Василія Македонянина патр. Фотій въ Laudatio,—у Бандури въ Imperium Orientale, t. I, lib. VI, p. 119.

время мѣди не золотили, о позолоченномъ серебрянѣ¹⁾). Епископъ Ростовскій Кирилль въ 1231 г. «причини (въ свой кафедральный соборъ) кивота два²⁾ многоцѣнна». Епископъ Владимірскій Митрофанъ въ 1237 г. «постави кивоть въ святѣй Богородицѣ сборнѣй надъ трапезою и украси его златомъ и сребромъ» (Архіепископъ Новгородскій Антоній въ своемъ Константинопольскомъ Паломникѣ говоритъ о киворіи Константинопольской Софіи, который онъ называетъ катапетазмою: «во олтари великомъ надъ святою трапезою великою, на срединѣ ея, подъ катапетазмою повѣшенъ Коньстантиновъ вѣнецъ и у него же повѣшенъ крестъ, подъ крестомъ голубъ златъ; и иныхъ царей вѣнцы висятъ окрестъ катапетазмы... (и еще) у катапетазмы повѣшены вѣнцы малы,—30 ихъ, въ память всѣмъ христіаномъ и въ незабытіе Іудиныхъ ради сребренникъ, на нихже Господа Бога предаде³⁾). Обычай вѣшать въ киворіи надъ престоломъ вѣнцы или украшенія въ видѣ вѣнцовъ былъ и у насъ. Такъ, въ Печерскомъ монастырѣ былъ повѣшенъ надъ престоломъ вѣнецъ, пожертвованный Симономъ Варягомъ⁴⁾).

Принадлежность престоловъ кромѣ свв. евангелій и крестовъ⁵⁾ (объ антиминсахъ см. ниже) составляли еще сосуды для храненія за-

¹⁾ Правнукомъ одного богатаго гражданина Кіева, получившаго въ Печерскомъ монастырѣ чудесное исцѣленіе: «тоже исцѣленнаго правнукъ окова кивоть златомъ надъ святою трапезою за очищеніе того»,—разсказъ Поликарпа объ Алимпіи иконописцѣ.

²⁾ Какъ понимать два кивота, не видно; но вѣроятнѣе не такъ, что не только на престолъ, но и на жертвенникъ, а такъ, что на два престола.

³⁾ По изд. *Савваитова* стр. 73, сгг. ученаго издателя прим. 41 и 42.

⁴⁾ Патерикъ, разсказъ Симона о созданіи церкви.

⁵⁾ Въ древнѣйшее время евангелія хранились въ скевофилакїяхъ и въ олтарь приносились только для чтенія, памятникомъ каковаго приноса служить малый входъ на литургіи. Когда онѣ навсегда положены на престолѣ, остается неизвѣстнымъ. Крестъ первоначально явился въ олтарѣ въ видѣ большаго креста за престольнаго, что было въ древнее время, и потомъ уже въ видѣ малаго на престольнаго, что случилось тоже неизвѣстно когда (Римскій папа Левъ IV, 847—855. въ сочиненіи *De cura pastorali* говоритъ: *Super altare (пресголь) nihil ponatur, nisi sarvae cum reliquiis sanctorum... aut puxis cum corpore Domini pro infirmis*, у *Дюк. Gloss. Latinit.* подъ сл. *Puxis*. Въ *Менологіи импер. Василія* вѣтъ на престолахъ евангелія, а крестъ не металлическій, положенный, а изъ матеріи, нашитый на одежду,—цитаты выше. По уставу Константинопольскаго патріарха Алексѣя, 1025—1043, въ недѣлю крестопоклонную и въ день Воздвиженія кресты приносятся изъ сосудохранильницы, лл. 14 об. и 78). Запрестольный крестъ называется иначе выноснымъ, потому что онъ выносится изъ олтаря въ

пасныхъ даровъ (дарохранилище). Сосуды эти устроались двоякимъ образомъ—или въ видѣ голубя, составляющаго символъ Св. Духа, который подвѣшивался въ киворіи надъ трапезой, или въ видѣ башенки—церковки, которая ставилась на самомъ престолѣ ¹⁾. У насъ они были устроены въ той и другой формѣ ²⁾ и, какъ дають знать свидѣтельства, ни въ той ни въ другой, а просто въ видѣ ящичка ³⁾. Съ древняго времени упоминаются у насъ въ числѣ богослужебныхъ принадлежностей такъ называемые Іерусалимы или Сіоны, бывшіе въ числѣ этихъ принадлежностей и у Грековъ, но неизвѣстно какъ у нихъ называвшіеся ⁴⁾. Всеславъ Полоцкій, ограбившій Новгородъ въ 1066 г., взялъ изъ его св. Софіи, по позднѣйшему, но домонгольскому, свидѣтельству лѣтописи, между прочимъ «ерусалимъ церковный» ⁵⁾, Андрей Боголюбскій устроилъ во Владимирскій соборъ «три ерусалима велми величини отъ злата чиста (я) отъ камня многоцвѣтна» и въ Боголюбовскую церковь одинъ «ерусалимъ златъ» ⁶⁾. Въ ризницахъ соборовъ Московскаго Успенскаго и Новгородскаго Софійскаго до настоящаго времени сохраняются четыре Іерусалима или Сіона, по два въ каждой, изъ коихъ два Московскіе сдѣланы въ соборъ по повелѣнію вел. кн. Ивана Васильевича въ 1486 г., а два Новгородскіе относятся при-

---

крестные ходы. Напрестольный крестъ называется иначе воздвизальнымъ не отъ воздвизанія въ праздникъ Воздвиженія, а отъ того, что онъ въ противоположность кресту запрестольному стоящему есть крестъ лежащій и потому воздвигается, т. е. поднимается).

¹⁾ О сосудахъ этихъ см. *Bingh.* Vol. III, p. 235, *Дюк. Constantinop. Christ. lib.* III, cap. LXII и слѣд., p. 54 sqq., его же *Gloss. Latinit.* подъ сл. *Ruxis*, *Turgis*, и *Graecit.* подъ сл. ἀρτοφόριον, περιστέρα.

²⁾ Голубь, котораго и доселѣ можно встрѣтить висающимъ надъ престоломъ во многихъ сельскихъ церквахъ, теперь, сколько знаемъ, уже не употребляется какъ сосудъ для храненія даровъ, но именно это назначеніе имѣлъ онъ въ Греціи, и слѣд. должно думать, что съ этимъ собственно назначеніемъ перешолъ и къ намъ въ Россію. Форма башенки-церкви есть общеупотребительная въ настоящее время.

³⁾ Митроп. Георгій предписываетъ въ своемъ Уставѣ «держати (запасные дары, приготовленные въ великій четвергъ) отъ года до года больныхъ дѣла въ стружцѣ» (Нифонтъ у Кирика: «держи въ сосудѣ»,— у *Калайд.* стр. 176 fin. и у *Паал.* col. 27, v. 13).

⁴⁾ Антоія, архіепископа Новгородскаго, Константинопольскій Паломникъ по изд. *Савваитова* стр. 77 нач..

⁵⁾ Ипатск. лѣт. подъ 1178 г., 2 изд. стр. 412.

⁶⁾ Повѣсть объ убіеніи Боголюбскаго въ Ипатск. лѣт., 2 изд. стр. 395 и 396 нач..

близительно къ XV вѣку. Всѣ четыре Іерусалима, серебряные позолоченные, представляютъ собою какъ бы модели церквей—два Московскіе большія, а два Новгородскіе меньшія (вышина Московскихъ — одного 1 арш. 5 вершк., другаго 1 арш. съ вершкомъ; вышины Новгородскихъ точно не знаемъ, но, если не измѣняетъ намъ память, они приблизительно съ архіерейскую большую митру). Всѣ четыре Іерусалима внутри полые и имѣютъ двустворчатыя дверцы. Особенность Новгородскихъ Іерусалимовъ составляетъ то, что они поставлены на блюда, къ которымъ припаяны ¹⁾. О богослужебномъ употребленіи Іерусалимовъ намъ извѣстно за древнее время у Грековъ, а за позднѣйшее время у насъ то, что въ большіе праздники они носились на великомъ выходѣ за литургіей (и кажется также въ крестныхъ ходахъ) ²⁾. Не имѣемъ ни прямыхъ свѣдѣній, ни косвенныхъ указаній, но со всею вѣроятностію думаемъ (какъ думаютъ прежде насъ и другіе), что Іерусалимы эти были ни что иное, какъ дарохранильницы (въ позднѣйшее время и въ Москвѣ по крайней мѣрѣ были, кажется, Іерусалимы праздничные, употреблявшіеся только въ торжественныхъ случаяхъ, и дарохранильницы обыкновенныя, постоянно стоявшія на престолѣ, ибо въ Уставѣ Московскаго Собора говорится, что послѣ праздника Сіоны относятъ въ ризницу, стр. 369). Что касается до происхожденія имени Іерусалимъ и Сіонъ, то пока объ этомъ не можемъ сказать ничего положительнаго. Можетъ быть подъ церквами, видѣ которыхъ имѣли Іерусалимы, хотѣли разумѣть Іерусалимскую церковь Воскресенія, въ которой находится гробъ Христовъ, или Сіонскую горницу, въ которой совершена тайная вечера ³⁾.

Олтарь въ древнее время былъ совершенно открытъ для моля-

¹⁾ О Московскихъ Іерусалимахъ см. *Сметирева* Памятники Московской Древности, стр. 37, гдѣ и рисунокъ одного изъ нихъ. Въ подлиннѣ на одномъ: «си іерусалимъ», на другомъ: «си ерусалимъ». О Новгородскихъ *преосв. Макарія* Археологическое описаніе церковныхъ древностей въ Новгородѣ, II, 205.

²⁾ Константинопольскій Паломникъ архіепископа Антонія по изд. Саввантова стр. 77 нач., Уставъ Московскаго Успенскаго собора въ Вивліоникѣ, т. X, стр. 138, 176, 368 и 369, Уставъ Новгородскаго Софійскаго собора въ Описаніи Синод. ркпш., отд. III, ч. I, № 399, стр. 377 и 378. Въ обоихъ уставахъ Іерусалимы называются Сіонами. Въ Моск. Уставѣ говорится: «Сіоны оба», стр. 176 и 368, слѣд. ихъ было два; въ Новгородскомъ—въ меньшій праздникъ, «Сіонъ одинъ», въ большій—«Сіоны».

³⁾ На Западѣ также были Сіоны; но тамъ они были совсѣмъ другое, чѣмъ у насъ,—*Дюканжъ* въ Gloss. Latinit. подъ сл. Sium (Sion). Cfr также *Рейскиевъ* комментарий на Конст. Порфирог. De secretis, къ кн. I, гл. 1, прил. 10.

щихся мирянъ, ибо нынѣшнихъ иконостасовъ (о чемъ нѣсколько ниже) вовсе не было. Между тѣмъ въ литурги, въ совершеніи на престолѣ таинства евхаристіи, есть таинственныя дѣйствія, которыя не должны быть видимы лицами несвященными. Вслѣдствіе этого явилась нужда на время закрывать престолъ вмѣстѣ съ служащими. Для этой цѣли съ древняго времени у престоловъ явились завѣсы, которыя привѣшивались со всѣхъ четырехъ сторонъ между столбами киворіевъ на прутьяхъ, такъ что задергивались и отдергивались ¹⁾. Въ монастыряхъ въ позднѣйшее время, не знаемъ и не совсѣмъ понимаемъ—по какой причинѣ, вѣроятно—для большей простоты и большого удобства, придуманъ былъ другой способъ завѣшивать престолъ, а именно вмѣсто четырехъ завѣсъ ²⁾ вокругъ него самого вѣшать одну завѣсу надъ олтарной преградой (по линіи нынѣшняго иконостаса), такъ что ею закрывался не одинъ престолъ, а весь олтарь ³⁾. Въ Греціи не только во все время, соотвѣтствующее нашему періоду домонгольскому, но и весьма долгое послѣ, первый способъ завѣшиванія если не оставался въ приходскихъ или мірскихъ церквахъ исключительнымъ, то былъ рѣшительно преобладающимъ надъ послѣднимъ ⁴⁾. Слѣдовательно, нужно и вѣроятно думать, что и у насъ было такъ. Но у насъ, какъ мы сказали, у престоловъ были наибольшею частію не киворія, а горизонтальныя сѣни (небеса, *οὐρανοί*). Какимъ образомъ устраивались завѣсы вокругъ престоловъ у этихъ сѣней, положительно не знаемъ; вѣроятно такъ, что подъ шестами, желѣзными прутьями или вервями самихъ сѣней дѣлали еще четверугольные шестовъ, прутьевъ или вер-

¹⁾ О завѣсѣ престола см. *Дюканжа* Constantinop. Christ. Lib. III, c. LXV, p. 56, его же Gloss. Graecit. подъ сл. *καταπέτασμα*. Антоній Новгородскій въ приведенной выше выпискѣ потому и называетъ киворію *καταπέτασμα*, что отъ нѣтъ между своими столбами завѣсу, и см. еще у него стр. 74. У Грековъ и до настоящаго времени весьма нерѣдко, что церкви имѣютъ завѣсы у престоловъ, причежъ бываетъ или такъ, что вмѣстѣ съ этими завѣсами имѣютъ завѣсу и у царскихъ дверей, или такъ, что послѣдней уже не имѣютъ. Въ *Менологіи* импер. Василія престола съ завѣсами между столбами киворія—ч. I, стр. 16.

²⁾ Собственно восемь, потому что на каждой сторонѣ киворія дѣлали по двѣ завѣсы, чтобы задергивать на двѣ стороны, отъ чего завѣсы называются *ἀμφίβωρα* (*Дж.* Gloss. Graecit. подъ снмъ словомъ).

³⁾ Что этотъ способъ завѣшиванія былъ въ монастыряхъ, свидѣтельствуетъ патр. Германъ, — выписка мѣста у *Дюканжа* въ Gloss. Graecit. подъ сл. *καταπέτασμα*.

⁴⁾ Симеонъ Солунскій говоритъ единственно о завѣсѣ престола, — *De sacro templo*, гл. 139, у *Миля* t. 155, p. 348.

вей ¹⁾). Въ Греціи олтарныя или собственно престольныя завѣсы бывали очень богатыя, не просто шелковыя, но вытканныя и вышитыя золотомъ, съ вытканными или вышитыми священными изображеніями. Несомнѣнно или по крайней мѣрѣ весьма возможно и вѣроятно, что такія завѣсы бывали и у насъ, ибо, имѣя деньги, ихъ безъ труда можно было пріобрѣтать изъ Греціи.

Въ Греціи престолы обыкновенно ставились не прямо на полъ олтарный, а на подставленную подъ нихъ болѣе или менѣе высокую тумбу (подобную тѣмъ тумбамъ или рундукамъ, на которыхъ облачаются архіереи среди церкви, только не на подвижную, а на неподвижную), такъ что къ нимъ былъ восходъ въ одну, двѣ и три ступени ²⁾ Дѣлалось это, очевидно, съ тою цѣлю, чтобы престолъ съ предлагаемыми на немъ Тѣломъ и Кровію Христовыми возможно лучше былъ видимъ всѣмъ присутствующимъ въ церкви. Что это было такъ и у насъ, во всѣхъ или не во всѣхъ церквахъ, въ періодъ домонгольскій и послѣ, о семъ свидѣлствуютъ доселѣ находящіеся на такихъ тумбахъ или возвышеніяхъ престолы въ нѣкоторыхъ древнихъ церквахъ.

Относительно пространства олтаря престолы въ Греціи съ самаго древняго времени ставимы были такъ, какъ это и нынѣ, а именно не были приставляемы вплоть къ передней стѣнѣ, какъ то нерѣдко (а относительно не главныхъ или побочныхъ престоловъ всегда) у католиковъ ³⁾, но непремѣнно были ставимы среди олтаря, такъ что кругомъ ихъ былъ ходъ, а впереди помѣщались архіерейское и іерейскія сѣдалища или такъ называемое сопрестоліе.

Въ первенствующее и древнѣйшее время какъ служащіе священники, какъ и молящіеся міряне во время совершенія богослуженія не исключительно стояли, но отчасти стояли, отчасти сидѣли (бывъ при-

¹⁾ Въ монастыряхъ, какъ слѣдуетъ заключать изъ словъ Патерика Печерскаго, и у насъ завѣсы были дѣлаемы у олтарныхъ преградъ (Разсказъ Поликарпа объ Алишѣ, — о летаніи чудеснаго голубя). А что касается до завѣсъ у самыхъ престоловъ, то имѣемъ свидѣтельства, что въ видѣ по крайней мѣрѣ исключенія онѣ оставались у насъ до довольно поздняго времени. Такъ, въ описаніи одной церкви Тверской области, сдѣланномъ въ 1602-мъ году, говорится: «Вокругъ престола подъ сѣбною завѣсою тафтяная алая», см. книжку: «Микулинская лѣтопись, составленная по древнимъ актамъ», Москва, 1854, стр. 49.

²⁾ Симеонъ Солунскій *Expositio de divino templo*, у *Миля* т. 155, р. 705, п. 17. См. еще у Дюканжа въ *Gloss. Graecit.* подъ сл. *Κρηπίς*.

³⁾ Въ древнихъ церквахъ и у католиковъ главные престолы всегда ставились такъ, какъ у Грековъ.

глашаемы отъ сидѣнія къ стоянію доселѣ сохранившимся въ богослуженіи восклицаніемъ: «премудрость, прѣсти», что значить: «внимайте и вставайте») ¹⁾. Вслѣдствіе этого въ церквахъ должны были явиться сѣдалища или мѣста сидѣнія для священниковъ и для мірянъ. Сѣдалища священниковъ, имѣвшія свое мѣсто, подразумѣвается, въ олтарѣ, были устроены не съ западной стороны св. трапезы и лицомъ не къ востоку, гдѣ и какъ нынѣ стоятъ служащіе священники, а съ восточной стороны и лицомъ къ народу, именно — онѣ поставлены были въ полукругѣ олтарной абсиды, непосредственно или вплотную къ стѣнѣ. Сѣдалище епископа было поставлено въ центрѣ полукруга абсиды, а сѣдалища пресвитеровъ полуполукружіями съ обѣихъ его сторонъ. Сѣдалище епископа было — тронъ, что не есть почетное наименованіе всякаго сѣдалища, заимствуемое отъ лица, которое на немъ сидитъ, а есть простое наименованіе почетнаго сѣдалища именно извѣстной формы; греческое тронъ — *θρόνος* по-русски значить кресло, т. е. сѣдалище, устроенное въ формѣ кресла, съ спинкой и ручками. Тронамъ или кресламъ епископскимъ усвоено было еще наименованіе каедрa (*καθέδρα*, что значить вообще сѣдалище и мѣсто сидѣнія) ²⁾.

¹⁾ Погречески: *σοφία, ὀρθοί* т. е. премудрость, (будьте) прями, (стойте) прямо, вставайте (*ὀρθός*—прямой, прямо стоящій въ противоположность сидящему: у Василія Великаго въ правилѣ 91-мъ: *ὀρθοί ποιοῦμεν τὰς εὐχὰς... τὸ ὀρθοῦν σὺημα τῆς προσευχῆς*). Наше непонятное «прости» есть ни что иное, какъ переводъ греческаго *ὀρθοί*, именно—прѣсти множественное изъ прѣсть (прѣстый), которое употреблено въ его древнѣмъ значеніи прямой. *Софіа*, значащее премудрость, въ данномъ случаѣ есть условное восклицаніе, возбуждающее вниманіе, которое можно было бы, если бы было позволительно, сравнить съ употребляемымъ нынѣ въ парламентахъ: слушайте, слушайте. — Во времена Іустина мученика литургія состояла изъ трехъ частей: чтенія писаній Ветхаго и Новаго Завета, проповѣди (настоятеля или иного кого) и изъ молитвъ (съ благословеніемъ даровъ): въ продолженіе первыхъ двухъ частей литургіи сидѣли, въ продолженіе третьей—стояли, 2 Апол. у *Bingh. Vol. VI, p. 185*. Въ Постановленіяхъ Апостольскихъ, у *Bingh. ibid.*, читается: «если въ то время, какъ вы сидите (въ церкви за богослуженіемъ), войдетъ (въ нее) какойнибудь хорошій человекъ и извѣстный по жизни, чужой ли или изъ мѣстныхъ жителей, то братья да примутъ (встрѣтятъ) его черезъ діаконъ, и если нѣтъ мѣста, то діаконъ, заставивъ встать (съ мѣста) юнѣйшаго (изъ присутствующихъ),—вѣжливо, а не грубо,—да посадить его (пришедшаго)».

²⁾ Въ настоящее время у Грековъ въ просторѣчій конха или полукружіе олтаря, въ которомъ помѣщается сопрестоліе, называется вмѣстѣ съ симъ послѣднимъ *χηβάδα* или *ἀχηβάδα*, каковое слово значить тоже, что конха, т. е. раковина.

По-славянски тронъ или кресла — престоль (просто столъ въ смыслѣ сидѣнія есть стулъ, а престоль болѣе, чѣмъ столъ). Въ древнѣйшее время, какъ кажется, и сѣдалища презвитеровъ устроались въ видѣ троновъ или кресель, о чемъ должно заключать, во-первыхъ, изъ наименованія совокупности сѣдалищъ епископскаго и презвитерскихъ τὸ σύνθρονον—сопрестоліе, т. е. соединеніе многихъ троновъ или престоловъ,—во-вторыхъ, изъ того, что презвитеры назывались *σὶ τῶν δευτέρων θρόνων* ¹⁾. Во всякомъ случаѣ имѣемъ положительныя свидѣтельства, что въ древнее время такъ было иногда и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ²⁾. Въ позднѣйшее время сѣдалища презвитеровъ вмѣсто особыхъ для каждаго троновъ или кресель были общими для всѣхъ лавками (т. е. двѣ лавки съ обѣихъ сторонъ епископскаго трона или кресла). Тронъ епископа становился не непосредственно на полъ алтаря, но на болѣе или менѣе высокую подставу, что дѣлалось для того, чтобы изъ-за св. трапезы онъ могъ видѣть присутствующихъ мірянъ, а присутствующіе міряне могли видѣть его и чтобы онъ могъ быть слышимъ послѣдними, когда говорилъ съ трона или съ своей «каедры» поученія ³⁾. Въ древнѣйшее время и сѣдалища презвитеровъ если не всегда то иногда ставились на одной высотѣ съ трономъ епископа ⁴⁾. Въ позднѣйшее время они становились непосредственно на полъ алтаря такъ что всегда были болѣе или менѣе ниже трона епископа. Епископскіе троны или кресла по своей формѣ были тоже, что наши кресла, отличаясь отъ нашихъ тѣмъ, что спинку имѣли совершенно глухую и сравнительно высокую и что съ боковъ подъ ручками имѣли глухія стѣнки. Что касается до степени возвышенія трона епископскаго надъ поломъ алтаря, то опредѣленныхъ правилъ относительно его, если они были, мы не знаемъ; но слишкомъ низко онъ не могъ

¹⁾ Выписка изъ Григорія Богослова у *Bingh.* Vol. III, p. 218. Тутъ же и другія выписки, о смыслѣ которыхъ, не совершенно ясно, можно спорить.

²⁾ О сѣдалищахъ епископа и презвитеровъ, устроенныхъ Павлиномъ Тирскимъ въ построенной имъ церкви, Евсевій говоритъ: *θρόνοις τε τοῖς ἀνωτάτοις εἰς τὴν τῶν προέδρων τιμὴν κοσμήσας...* Н. Е. Л. X., с. 4.

³⁾ Въ древнее время епископы обыкновенно сказывали поученія съ своего трона или съ своей каедры въ алтарѣ, а не съ амвона, и только въ случаѣ слабости голоса, чтобы быть лучше слышимымъ (какъ Златоустый), съ послѣдняго,—*Bingh.* Vol. III, p. 194 (у насъ епископскій тронъ—«горнее мѣсто», т. е. высокое мѣсто).

⁴⁾ Приведенное свидѣтельство Евсевія о сѣдалищахъ въ церкви Павлина Тирскаго.

быть ставимъ по указанной выше причинѣ, а свидѣтельства даютъ знать, что иногда былъ ставимъ и очень высоко ¹⁾. Сѣдалища презвитеровъ, какъ мы сказали, имѣли форму нашихъ лавокъ. Какъ престолы, такъ и сѣдалища, если не всегда, то наибольшую частію устроены у Грековъ каменные ²⁾. Эти престолы съ сѣдалищами или эти сопрестолія въ настоящее время остаются у насъ до нѣкоторой степени только въ архіерейскихъ кафедральныхъ соборахъ. Но въ то древнее время, которое соотвѣтствуетъ нашему періоду домонгольскому, у Грековъ онѣ были непременно и безъ исключенія во всѣхъ приходскихъ церквахъ, составляя ихъ необходимую и существенную принадлежность. Много выше мы говорили, что въ первенствующее время каждая отдѣльная община, представлявшая изъ себя особую церковь въ смыслѣ духовномъ и имѣвшая вмѣстѣ съ симъ свою церковь въ смыслѣ вещественномъ, непременно имѣла и своего епископа, который есть предстоитель церкви и безъ котораго церкви (отдѣльной полноправной церковной общины) быть не можетъ; вслѣдствіе этого въ первенствующее время при каждой церкви въ смыслѣ вещественномъ непременно былъ епископъ и, наоборотъ, эти церкви были только при епископахъ. Въ послѣдствіи времени, съ одной стороны, чрезъ уничтоженіе епископій сельскихъ, съ другой стороны,—по неудобству и затруднительности для жителей обширныхъ городовъ всѣмъ собираться для молитвы и для принятія таинствъ евхаристіи въ одно мѣсто, въ селахъ и городахъ явились церкви, завѣдуемая только презвитерами или приходы въ нынѣшнемъ смыслѣ, о чемъ обстоятельнѣе мы говорили выше. Такъ какъ одиѣ изъ этихъ церквей перестали быть самостоятельными, а другія явились не въ качествѣ таковыхъ, но тѣ и другія были какъ бы подъотдѣленіями («выставками») той церкви епископской, къ которой принадлежали: то въ древнее время принято

¹⁾ Приведенныя слова Евсевія. См. его же у *Bingh.* Vol. III, p. 219 (ἑρῶνος ὑψηλός).—Въ Солуни мы видѣли три епископскіе трона, оставшіеся отъ временъ дотурецкихъ: одинъ въ бывшей св. Софіи (т. е. въ самой бывшей церкви, теперь мечети, на своемъ мѣстѣ), другіе два на дворахъ бывшихъ церквей св. Георгія (ротонда) и св. Пантелеймона. Первый имѣетъ три ступени восхода, вторые два по шести (у послѣднихъ двухъ, каменныхъ какъ и первый, подставы, на которыхъ высѣчены ступени, сохранились такимъ образомъ, что они сами и эти ихъ подставы высѣчены изъ одного цѣльнаго камня).

²⁾ А такъ какъ на камнѣ сидѣть нельзя, то на время богослуженія они покрывались коврами (и можетъ быть подушками).—*Bingh.* Vol. III, p. 220 (ἑρῶνος ἐκβολισμένος, cathedra velata).

было, чтобы онѣ въ знаменованіе сего непременно имѣли престоль своего епископа съ сѣдалищами составлявшихъ соборъ при немъ пресвитеровъ или вообще епископско-пресвитерское сопребстолие. При освященіи этихъ церквей епископы на находившихся въ нихъ своихъ престолахъ (тронахъ, каедряхъ) совершали обрядъ своего въ нихъ вопрестоленія (ἐνθρονισμός, ἐνθρονισμός), т. е. чрезъ возсяданіе на престолы совершали дѣйствіе видимаго усвоенія этихъ церквей своей власти (какъ бы объявляли ихъ чрезъ сіе своею собственностію, «посадили» ихъ). Такъ это было въ Греціи во все время, соотвѣтствующее нашему періоду домонгольскому; сопребстолій не имѣли только церкви домовныя, которыя не были подѣленіями каедральной церкви епископской или общинной церкви приходской, а представляли нѣчто особое, которыя не были въ собственномъ смыслѣ и не назывались храмами и церквами (ναὸς, ἐκκλησία), а были и назывались молитвенными домами или храминами и молитвенницами (εὐκτήριος οἶκος, εὐκτήριον), которыя не освящались архіереями лично, а чрезъ посланные антимины, и въ которыхъ архіереи вовсе не служили ¹⁾. Подобно Грекамъ такъ это было и у насъ въ періодъ домонгольскій и довольно значительное время послѣ. Относительно сего мы не имѣемъ письменныхъ свидѣтельствъ, но имѣемъ свидѣтельства самыхъ памятниковъ: въ Новгородѣ довольно значительное количество древнихъ приходскихъ церквей до настоящаго времени сохраняютъ свои древнія епископско-пресвитерскія сопребстолія ²⁾. При этомъ рождается вопросъ, на который мы не въ состояніи отвѣчать. Въ Греціи непременно присутствіе или бытіе сопребстолій въ приходскихъ церквахъ соединялось съ непременною освященіемъ этихъ церквей самими архіереями; у насъ же, какъ скажемъ сейчасъ ниже, было далеко не всегда такъ; отсюда рождается тотъ вопросъ, на который мы ничего не можемъ отвѣчать: устроились ли сопребстолія только въ церквахъ, которыя освящались самими епископами или во всѣхъ вообще ³⁾. Сохранившіяся Новгородскія сопребстолія всѣ суть каменные, и именно—или каменные въ собственномъ смыслѣ или выкладенныя изъ кирпича ⁴⁾. Что касается до

¹⁾ Вальсамонъ въ толкованіи на 7 пр. седьмаго всел. соб.,—у Ралли и II, 581, онъ же въ канонич. отвѣтахъ патр. Алекс. Марку,—ibid. IV, 459.

²⁾ *Превосв. Макарія* Археологическое описаніе церковныхъ древностей въ Новгородѣ, ч. I, стр. 277, 282, 326, 349, 446, 486, 491, 501, 549, 583, 592.

³⁾ Лавки или скамьи для сидѣнія священниковъ, какъ часть сопребстолій и безъ мысли о сихъ послѣднихъ, какъ о таковыхъ, конечно, были устроены вездѣ.

⁴⁾ *Превосв. Макарій* ibidd..

архіерейскихъ въ нихъ троновъ или кресель, то послѣдніе представляють только весьма отдаленное сходство съ дѣйствительными тронами или креслами, и по всей вѣроятности дѣло должно понимать такъ, что это не самые троны или кресла, а только мѣста для послѣднихъ, которые, бывъ деревянными, лишь ставились въ эти мѣста (Болѣе чѣмъ вѣроятно, что первоначально епископы съ презвитерами и стояли при совершеніи службъ тамъ же, гдѣ сидѣли, т. е. съ восточной стороны престола, обратясь лицомъ къ народу. Но такъ какъ во всякомъ случаѣ переходъ ихъ для стоянія на западную сторону долженъ быть относимъ ко времени много или не много ранѣйшему принятія нами христіанства, то мы и не поднимаемъ рѣчей объ этомъ).

Въ настоящее время у насъ непремѣнно всѣ церкви имѣютъ антиминсы. Но это обычай не древнецерковный. На вопросъ, когда появились антиминсы у Грековъ, ничего не можемъ отвѣчать, кромѣ того, что они упоминаются въ первый извѣстный разъ (но не какъ нечто новое) у Никифора Исповѣдника (806—815) ¹⁾. Названіе антиминсы—*ἀντιμίνσιον* у насъ производятъ отъ *ἀντί*—вмѣсто и *μινσα*—столь, что будетъ—вмѣстопрестоліе, платъ (освященный), замѣняющій собою престоль. Но *ἀντί* есть слово греческое, а *μινса*—латинское, и Греки не могли составить сложнаго слова такимъ образомъ, чтобы одну половину его взять изъ своего языка, а другую изъ чужаго. Греческіе писатели производятъ *ἀντιμίνσιον* изъ *ἀντί* и *μίνσος*, изъ которыхъ послѣднее есть взятое въ греческій языкъ латинское *missus* и значить блюда съ кушаньями, самыя кушанья, столь накрытый кушаньями ²⁾; происхожденіе названія писатели объясняютъ такъ, что антиминсы вмѣсто «мыслимыхъ» брашнъ святой трапезы, при чемъ подъ брашнями разумѣютъ дѣйствія, входящія въ составъ освященія церкви, которое замѣняютъ собою антиминсы ³⁾. По выраженію Вальсамона, анти-

¹⁾ У Ралли в П. IV, 427.

²⁾ Cfr *Дюканжа* Gloss. Graecit. подъ сл. *μίνσος* и Latinit. подъ сл. *missus* № 1. Изъ *missus* французское *metz* (наша миса едва ли не изъ него же).

³⁾ Иоаннъ Китрскій у Ралли в П. V, 44 нач. и Вальсамонъ *ibid.* II, 372 в 582. Первый: *προσηγορία αὕτη (τοῦ ἀντιμίνσιου) παράγεται ἀπὸ τοῦ μίνσου, τοῦ καθ' Ἑλλάδας τὸ κανυθῆ σμ. выше) δηλοῦντος, κατὰ δὲ τὴν Ἰταλίην γλώσσαν τὸ πεπραγμένον τοῖς ὀφιοποιῖς ἐδαστόν...* Второй: *(τὰ ἀντιμίνσια) ἀρκοῦσιν ἀντὶ καθιρώσεως ἤτοι ἐνθρονισμοῦ καὶ ἐγκαινίων καὶ ἀνοικίων διὰ τοῦτο γὰρ καὶ ἀντιμίνσια ἐκλήθησαν ἤτοι ἀντιπρόσωπα καὶ ἀντίτυπα τῶν πολλῶν τοιοῦτων μίνσων, τῶν καταρτιζόντων τὴν ἁγίαν δεσποτικὴν τράπεζαν..., τὰ ἀντιμίνσια ἀντὶ τῶν καταρτιζόντων τὸ ἅγιον θυσιαστήριον καὶ λογιζομένων μίνσων τῆς ἁγίας τραπέζης, ἧγουν τοῦ ἐνθρονισμοῦ, τῶν ἀνοικίων καὶ τῶν ἐγκαινίων.*

минсы придуманы (ἐπενοήθησαν) ¹⁾ для замѣны престоловъ надлежаще освященныхъ архіереями и употреблялись—во-первыхъ, для служенія въ домовыхъ церквахъ, которыя не освящались архіереями и для которыхъ антиминсы замѣняли сіе освященіе ²⁾, во-вторыхъ—для совершенія литургіи вообще въ мѣстахъ неосвященныхъ (и выдавались архіереями мірянамъ, желавшимъ имѣть домовыя церкви, и священникамъ, имѣвшимъ нужду и хотѣвшимъ имѣть возможность служить литургію въ неосвященныхъ мѣстахъ, т. е. гдѣ бы то ни было внѣ церквей). Въ Греціи не только въ продолженіе всего нашего періода домонгольскаго, но и долгое время послѣ господствовалъ тотъ взглядъ на приходскія церкви, что онѣ непременно должны быть освящаемы архіереями, и тотъ взглядъ на антиминсы, что ихъ назначеніе только замѣнять св. трапезы церквей, освященные архіереями, для служенія въ храминахъ и мѣстахъ неосвященныхъ ³⁾. А поэтому у нихъ не только въ продолженіе всего нашего періода домонгольскаго, но и долгое время послѣ не были употребляемы въ приходскихъ церквахъ (освященныхъ архіереями) антиминсы ⁴⁾. У насъ въ этомъ отношеніи по нуждѣ было допущено премѣненіе закона. Вслѣдствіе обширности нашихъ епархій у насъ не представлялось возможнымъ, чтобы архіереи непременно сами освящали всѣ приходскія церкви и поэтому у насъ ввелось въ

¹⁾ У Ралли и П. II, 372.

²⁾ Изъ чего слѣдуетъ, что домовыя церкви не были церкви въ собственномъ смыслѣ, но простыя храмины, назначенныя и отдѣленныя для молитвы, и въ которыхъ литургія совершалась на антиминсахъ, какъ и во всякомъ неосвященномъ мѣстѣ.

³⁾ Симеонъ Солунскій De sacro templo, сарр. 108, 126 и 127, у Миня t. 155 coll. 313, 332, 333. Ранѣе Симеона Солунскаго: соборное дѣяніе патр. Матоея 1400 г. (здѣсь о возлаганіи антиминсы на освященный св. престолъ говорится: ὅπου δὲ τοῦ χάριτος πετηγμένον θεοσαστήριον, ἀπαροχάλια ἔσται καὶ ἐπαίδειξις, ἀρρήσαντα τὸ ἀκίνητον, ἐκίθειναι αὐτῷ ἀντιμίνοι καὶ λειτουργήσαι), Acta Patriarchatus Constantinopolitani *Миклошича* и *Миллера* II, 340, указъ патр. Нила (1378—1388) у Ралли и П. V, 141, отвѣты патр. Мануила 2-го († 1254) *ibid.* стр. 116, Іоаннъ Китрскій и Вальсамопъ въ указанныхъ выше мѣстахъ.— Однако въ Греціи не вездѣ было такъ. Въ патриархатѣ Антиохійскомъ во второй половинѣ XI вѣка, по свидѣтельству Никона Черногорца, крѣпко сохранился обычай, чтобы употреблялись въ церквахъ антиминсы, см. *Горск. и Невостр.* Опис. Синодд. ркп., №№ 226—229, стр. 46.

⁴⁾ Если церковь, бывъ построена, не скоро могла быть отдѣлана, въ такомъ случаѣ до освященія въ ней было служимо на антиминсѣ, Acta Patriarchat. Constantinop. II, 563 нач.

обычай вмѣсто собственнаго архіерейскаго освященія полагать въ приходскихъ церквахъ освященные архіереями антиминсы. Какъ при этомъ совершалось самое освященіе церквей не архіереями, а священниками, остается намъ неизвѣстнымъ. Въ лѣтописяхъ архіерейскія или собственныя освященія церквей называются великими, изъ чего слѣдуетъ, что было малое освященіе, не архіерейское. Но древняго чина этого послѣдняго освященія намъ неизвѣстно (Антиминсы по своему происхожденію суть тѣ платы полотняныя или иной матеріи, которыми вытиралась помовенная св. трапеза при ея освященіи архіерейскомъ ¹⁾). Послѣ освященія церкви антиминсы оставлялись на престолѣ въ продолженіе семи дней, бывъ положены подъ его одежду, и потомъ снимались ²⁾). Іоаннъ Кітрскій возстаетъ противъ освященія антиминсовъ въ другое время, какъ противъ дѣла незаконнаго ³⁾, но при Симеонѣ Солунскомъ это по нуждѣ допускалось ⁴⁾. Симеонъ Солунскій говоритъ о вложеніи въ антиминсы святыхъ мощей ⁵⁾, но до него этого не говорится, а Вальсамонъ какъ будто прямо хочетъ сказать, что этого не дѣлалось ⁶⁾. Преп. Ѳеодоръ Студитъ и патр. Нилъ говорятъ объ антиминсахъ не только полотняныхъ или вообще изъ матеріи, но и доща-

¹⁾ Симеонъ Солунск. De sacro templo, с. 107 fin.,—у Мина col. 313, у Дюканжа въ Gloss. Graecit. подъ сл. ἀντιμίνσονъ выписка е Nomocanone Cotelagiano и у него же выписка изъ Евхологія подъ сл. κατὰσάρκα, сгг ниже указаніе, какъ вынѣ у Грековъ (У патр. Мануила спрашивающій его епископъ говорить объ антиминсахъ: Ἀντιμίνσια ἱερῶν γινόμενα, ἐπὶν ὁ ἀρχιερεὺς δι' ἑαυτοῦ ἐνεργήσῃ ἐγκλιμασθὼν καὶ ἐκ τοῦ πανίου τοῦ ὑποστρωθέντος καὶ περιελήσαντος τὴν τράπεζαν, εἰς βραχέα τεμνομένου καὶ γραφομένου, τοῖς ἱερεῶσι δίδοσθαι, у Ралли и П. V, 115. А нашъ митр. Георгій въ своемъ Уставѣ говоритъ: «антиминсы свѣщаются, егда церковь святятъ или митрополита ставятъ или епископа»).

²⁾ Nomos. Cotelagian., Eucholog. у Дюк. подъ указанными словами, Іоаннъ Кітрскій у Ралли и П. V, 413.

³⁾ У Ралли и П. V, 416, давая знать, что иные архіереи злоупотребляли выдачей антиминсовъ, превращая ее въ торговлю. Сгг Вальсатона, по которому тоже при освященіи церкви.

⁴⁾ De sacro templo, с. 127, у Мина col. 333, и при этомъ за невозможностію совершить освященіе самому архіерею (случай болѣзни) дозволялось совершить его съ разрѣшенія архіерея и священнику.

⁵⁾ Въ сейчасъ указанномъ мѣстѣ.

⁶⁾ У Ралли и П. II, 581 fin. и IV, 459. Онъ говоритъ, что домовныя церкви освящались (посредствомъ антиминсовъ) безъ положенія мощей и что ἐνδομασθὸς τῶν ἀγίων λεγόμενωνъ составляетъ преимущество приходскихъ церквей (освященныхъ архіереями безъ антиминсовъ).

ных (ἐν συνόδοις ἢ ἐν παντί... διὰ πάντου ἢ διὰ παντός) ¹⁾. Во времена Симеона Солунскаго антиминсы, представляя точное подобіе св. трапезы, были такъ сказать многосоставныя, именно на нихъ нашивалось все то, что полагалось на св. трапезу: четыре малые плата по угламъ въ образъ евангелистовъ, два равныя самому антиминсу плата въ замѣну срачицы и одежды (κατασάρχα и τραπέζοφορίον) и поверхъ по слѣдняго въ срединѣ илитонъ, — частицы мощей завернутыя въ ткань пришивались съ передней стороны ²⁾. Когда вошло у насъ въ обычай класть антиминсы на всѣ престолы, т. е. и на освященные архіереями-сказать не можемъ. Что обычай явился не съ самаго начала, на это имѣемъ положительное свидѣтельство въ словахъ митр. Георгія, который говоритъ въ своемъ Уставѣ: «безъ антиминса не достоинъ служить въ неосвященной церкви, а въ освященной достоинъ» (митрополитъ употребляетъ слово церковь или въ общемъ смыслѣ храма, храмины, или хочеть сказать, что, построивъ церковь, можно начать въ ней служеніе и до освященія ея архіереемъ, взявъ у послѣдняго антиминсъ) ³⁾. Затѣмъ, мы имѣемъ отъ 1148 г. антиминсъ, на которомъ написано: «жрътвѣникъ святаго мученика Георгія, священъ отъ Нифонта архіепискупа Новгородскаго повелѣніемъ епискупа Ростовскаго Нестора при благочестивѣмъ князи Георгіи сыну Мономахову мѣсяца сентября въ 1 (день) въ лѣто 6657, индикта въ 12» ⁴⁾, т. е. надпись хочеть сказать, что Нифонтъ Новгородскій, бывъ въ 1148 г. въ Суздалѣ у Юрія Долгорукаго ⁵⁾, освятилъ въ епархіи епископа Ростовскаго Нестора (къ которой принадлежала Суздальская область) съ его дозволенія одну (неизвѣстную намъ) церковь. Если бы этотъ антиминсъ

¹⁾ Первый у Мина въ Патрол. t. 99 col. 1056; второй у Ралли и П. V, 142. Тутъ, можетъ быть, не бесполезно для сравненія припомнить, что на Константинопольскомъ соборѣ 1276 г. епископъ Сарайскій Теогностъ спрашивалъ: «подобаетъ ли свѣщавъ трапезу преносити отъ мѣста на мѣсто и на ней литургисати» и получалъ въ отвѣтъ: «подобаетъ, понеже по нужи есть, хотящіе людіе не имѣють себѣ упокойна мѣста, но стрещи ю со страхомъ и трепетомъ, въ чистѣ мѣстѣ поставити ю и служити на ней» (въ Памятн. Павлова col. 136, § 21).

²⁾ Ibid...

³⁾ Ибо если съ антиминсомъ можно служить литургію во всякой храминѣ и вездѣ, то тѣмъ болѣе въ будущей церкви.

⁴⁾ И. И. Срезневскаго Древніе памятники Русскаго письма и языка стр. 30, col. 2, а снимокъ всего антиминса въ приложж. къ книгѣ *преосв. Макарія* Археологич. опис. церкк. древнн. въ Новгородѣ I, 254 (годъ 1149-й у обонхъ по недосмотру выставленъ неправильно).

⁵⁾ См. Новг. 1-ю лѣт. подъ 1148 г..

принимать за дѣйствительный антиминсъ, то слѣдовало бы, что въ половинѣ XII вѣка у насъ уже былъ обычай полагать антиминсы и на престолы, освященные архіереями. Но въ виду того, что обычая не было въ церкви Греческой ¹⁾, намъ представляется это послѣднее весьма сомнительнымъ, и мы скорѣе склонны полагать, что въ нашемъ антиминсѣ должно видѣть не дѣйствительный антиминсъ, а что либо другое. Что другое, объ этомъ можно думать надвое, именно— или что у насъ былъ обычай класть на престолы подъ ихъ одежды особенный платъ, который не имѣлъ священнаго значенія, но на которомъ дѣлалась запись объ освященіи церкви въ томъ намѣреніи, чтобы этотъ платъ, сохраняемый на престолѣ, хранилъ память о годѣ освященія церкви и составлялъ какъ бы ея лѣтопись ²⁾, или что надписанія о времени освященія церковей дѣлались на тѣхъ четырехъ небольшихъ платахъ (τέσσαρα ὑράσματα), которые полагались на четыре угла престола, какъ символы евангелистовъ, и что такимъ образомъ въ нашемъ древнемъ антиминсѣ съ надписаніемъ мы и имѣемъ одинъ изъ этихъ платовъ. Въ пользу послѣдняго предположенія говорить то, что въ новомъ греческомъ требникѣ эти четыре плата называются ὑράσματα ἢ χαρτία (ибо ткани дозволяется замѣнять хартіями) τοῦ ἐνθρονισμοῦ ³⁾. Полагать то или другое мы имѣемъ и дѣйствительныя основанія. У Грековъ антиминсы, поелику не назначались для определенныхъ мѣстъ, а могли быть переносимы во всякое мѣсто (были переносныя свята трапезы), не надписывались на имя извѣстнаго прихода (οὐ περιγράφονται ἐν τῇδε τῇ ἐνορίᾳ) ⁴⁾. Что и у насъ, подобно Грекамъ, не было въ древнее время обычая надписывать антиминсовъ, объ этомъ свидѣтельствуеетъ сохранившееся до настоящаго времени весьма большое количество древнихъ антиминсовъ, которые не имѣютъ никакихъ надписей, а имѣютъ только изображенія крестовъ ⁵⁾; а что

¹⁾ Въ половинѣ XIII вѣка нѣкоторые архіереи въ Греціи уже думали, что безъ антиминсовъ (ни въ какихъ церквахъ) нельзя служить литургіи, у Ралли и П. V, 116. Но еще и въ концѣ XII-го этого не видно (Вальсамонъ).

²⁾ Нѣкоторые изъ подобныхъ антиминсовъ или платовъ, принимаемыхъ за антиминсы съ лѣтописями, дѣйствительно найдены были подъ срачицами престоловъ,—*преосв. Макарія* Археол. опис. церкк. древнн. въ Новгородѣ I, 163 и 350 прим..

³⁾ См. въ Εὐχολόγιον μέγα Чинъ освященія церкви — Ἀκολουθία καὶ τάξις εἰς ἐγκαίνια ναοῦ и Чинъ о поколебавшейся святой трапезѣ — Τάξις γινομένη ἐπὶ σαλευθείσης ἁγίας τραπέζης.

⁴⁾ Иоаннъ Китрскій у Ралли и П. V, 413.

⁵⁾ Такъ было и у Грековъ и это разумѣется въ греческихъ памятникахъ,

послѣдніе антиминсы суть дѣйствительныя антиминсы, это видно изъ того, что многіе изъ нихъ найдены съ припритыми къ нимъ святыми мощами ¹⁾. Отъ XV вѣка мы знаемъ славянской Требникъ, въ которомъ говорится, что въ новоосвященной архіереемъ церкви антиминсы остаются на престолѣ въ продолженіе семи дней, что потомъ они снимаются и служба совершается безъ нихъ ²⁾. Но свидѣтельство Требника, воспроизводящаго безъ измѣненія греческій чинъ или повторяющаго свой греческій оригиналъ, не можетъ быть принято за свидѣтельство о практикѣ. А такихъ свидѣтельствъ, которыя, отвѣчая на нашъ вопросъ, говорили бы именно о практикѣ, намъ неизвѣстно (Греки въ настоящее время, подобно намъ, имѣютъ антиминсы непремѣнно во всѣхъ церквахъ. Въ греческомъ чинѣ освященія церкви, помѣщенномъ въ *Εὐχολόγιον μέγα*, т. е. въ великомъ Требникѣ, находимъ относительно антиминсовъ слѣдующее. Передъ тѣмъ какъ архіерей готовится омывать св. трапезу, священники полагаютъ на четырехъ углахъ ея антиминсы; когда архіерей отретъ антиминсами трапезу, священники отлагаютъ ихъ, и на четырехъ углахъ полагаются четыре ткани или вмѣсто нихъ хартін, — *τὰ τέσσαρα ὑφάσματα ἢ ἀντὶ αὐτῶν τὰ χαρτία* — укрѣпляемая воскомастикой; когда на престолѣ будутъ надѣты срачица и одежда, архіерей распростираетъ на святой трапезѣ антиминсы (помянутые выше), полагая ихъ одинъ на другой, — *θάτερον θάτερον ἐπιτιθέμενος*, потомъ распростираетъ надъ ними и антиминсъ церкви, — *καὶ τὸ τῆς ἐκκλησίας ἀντιμίνσιον*, и на немъ полагаетъ святое евангеліе).

Мы сказали, что сохранилось до настоящаго времени весьма большое количество древнихъ антиминсовъ. Такъ какъ на антиминсахъ нѣтъ надписей, то мы не знаемъ навѣрное, есть ли между ними относящіяся къ періоду домонгольскому. Но несомнѣнно то, что въ сохранившихся антиминсахъ мы имѣемъ наши антиминсы въ ихъ первоначальной, вдущей къ временамъ домонгольскихъ, формѣ. Эти антиминсы, не имѣя ничего общаго съ нашими нынѣшними, по своей формѣ суть весьма малые четверугольники или четверугольные лоскуты, и именно — квадратные, имѣющіе четверть, четверть съ небольшимъ длины и ширины;

когда говорится объ антиминсахъ, что они *γράφονται* (Дюк. Gloss. Graecit. подъ сл. *ἀντιμίνσιον*).

¹⁾ Въ позднѣйшее время у насъ явился обычай подписывать антиминсы, — *прегоса*. *Макарія* Археолог. опис. церкк. древнн. въ Новгородѣ I, 162, Опис. Синодд. рукпп. № 358 л. 1, № 372 л. 31.

²⁾ Описанія Синодд. рпп. № 372 л. 31.

по своей матеріи всё они суть если не самый грубый, то весьма грубый холстъ (подразумѣвается — бѣлый, некрашенный); всё изображенія на нихъ (при отсутствіи всякихъ надписей) состоятъ въ начертаніи трехъ небольшихъ крестовъ, которое обыкновенно сдѣлано не кистию живописца и не красками, а перомъ и чернилами (на подобіе того и съ тѣмъ искусствомъ, какъ дѣлаются надписи на почтовыхъ, посылаемыхъ въ холстѣ, тюкахъ) ¹⁾. Если показать человѣку не знающему древній антиминсъ, то, увидавъ весьма небольшой квадратный грубо-холщевый бѣлый лоскутъ, онъ никакъ не подумаетъ, чтобы это было то, что есть на самомъ дѣлѣ. Что антиминсы были весьма малы и не имѣли никакихъ изображеній, кромѣ начертанія крестовъ,—это такъ было принято. Но матерія антиминсовъ—грубый холстъ, а не лучшее полотно или не другая доброкачественная ткань ²⁾, невольно возбуждаетъ недоумѣніе, и тутъ остается одно изъ двухъ—или полагать, что холстъ употреблялся для большей прочности, или же винить епископовъ въ небреженіи. Если послѣднее, то по всей вѣроятности должно винить епископовъ не нашихъ, а греческихъ, которымъ наши только подражали (А если нашихъ, то вовсе нельзя будетъ приводить въ ихъ оправданіе того, что въ древнее время у насъ не дѣлалось, можетъ быть, хорошаго полотна и никакихъ другихъ матерій: полотно и всякія матеріи безъ малѣйшаго затрудненія можно было получать изъ Греціи).

Принадлежность церквей составляютъ святые иконы и священныя изображенія. И такъ какъ онѣ составляютъ и составляли принадлежность не только самыхъ церквей въ тѣснѣйшемъ смыслѣ, но и олтареѣ, то мы должны начать свою рѣчь о нихъ здѣсь, чтобы выйти вмѣстѣ съ ними въ собственныя церкви.

Иконы и священныя изображенія явились у христіанъ въ церквяхъ, въ общественномъ употребленіи, не съ самаго начала христіанства, а спустя нѣкоторое, довольно значительное время, — не равнѣ конца III — начала IV вѣка, хотя въ употребленіи частномъ, по личному такъ сказать произволу, онѣ явились и весьма рано ³⁾. Послѣ

¹⁾ У патриарховъ Константинопольскихъ былъ особый чиновникъ, который заведывалъ выдачей антиминсовъ и писалъ на нихъ кресты—*ἄρχων τῶν ἀντιμινσίων*.

²⁾ Относительно матеріи антиминсовъ не было никакихъ законовъ и только обычаемъ установилъ, чтобы они были преимущественно льняные: *ἐκ ὀφασμάτων εἰς ἑκὰς μάλλον ἐκ λινῶν*, говоритъ Симеонъ Солунскій *De sacro templo*, с. 127,—у Мина t. 155, col. 333 нач.

³⁾ Подъ употребленіемъ частнымъ должно разумѣть не только употребленіе въ домахъ, но и въ такихъ мѣстахъ, какъ на Западѣ—въ Италіи подземныя клад-

первоначальнаго совершеннаго отсутствія въ церквахъ тѣхъ и другихъ, онѣ явились въ нихъ такимъ образомъ, что священными изображеніями для назиданія взоровъ присутствующихъ были украшаемы стѣны церквей въ тѣснѣйшемъ смыслѣ этого послѣдняго слова, а иконы для молитвеннаго обращенія и чествованія были изображаемы въ олтаряхъ (которые, при подразумѣваемомъ отсутствіи нынѣшнихъ иконостасовъ, были открыты взорамъ приеутствующихъ). Дальнѣйшая исторія иконъ и священныхъ изображеній была та, что первыя вышли изъ олтарей въ самыя церкви, а послѣднія, наоборотъ, вошли изъ церквей въ тѣснѣйшемъ смыслѣ въ самыя олтари.

Первенствующіе христіане (какъ цѣлое общество) не употребляли и не допускали въ мѣстахъ своихъ общественно-молитвенныхъ собраний или церквахъ ни иконъ ни священныхъ изображеній, во-первыхъ, потому, что христіанство вышло изъ іудейства. Іудеямъ дана была Богомъ заповѣдь: не сотвори себѣ кумира и всякаго подобія и пр., и эта заповѣдь была понимаема первенствующими христіанами, вмѣстѣ съ самими Іудеями, не въ томъ только смыслѣ, что ею запрещается дѣлать кумиры боговъ иныхъ или демоновъ, а въ смыслѣ безусловнаго запрещенія всякихъ изображеній ¹⁾. Во-вторыхъ и главное, чрезъ допущеніе священныхъ изображеній христіане не хотѣли уподобляться язычникамъ, которые имѣли и чтили изображенія своихъ боговъ, чтобы такимъ образомъ не приравняться къ нимъ и не явиться какъ бы тѣми же читателями камней и дерева. Но потребность видимыхъ напоминаній о предметахъ невидимыхъ, потребность изображеній и иконъ или, что тоже, портретовъ ²⁾ лицъ отсутствующихъ, наконецъ потребность со-

---

бща или катакомбы, въ которыхъ каждый волею былъ украшать мѣста, гдѣ лежали гробы его покойниковъ, по своему личному усмотрѣнію. Христіане изъ язычниковъ не относились къ изображеніямъ съ іудейской нетерпимостью, а напротивъ должны были чувствовать къ нимъ склонность, принесенную изъ прежней среды; а поэтому въ частномъ употребленіи между христіанами изъ язычниковъ изображенія могли явиться очень рано. Полагаютъ, что древнѣйшія изображенія въ Римскихъ катакомбахъ восходятъ къ первому вѣку (*Мартиньи Dictionnaire des antiquités chrétiennes.* подъ сл. Images,—§ I Le peintures des catacombes).

¹⁾ Такъ понимаютъ заповѣдь Климентъ Александрійскій, *Protreptic. ad gentes*, Іустинъ Мученикъ, *Dial. cum Triph.*,—оба у *Bingh.* Vol. VII, p. 212, Евсевій Кесарійскій, — *Epist. ad Constantiam*, въ Патрол. *Мина* t. 20 col. 1545.

²⁾ Εἰκόνη отъ εἰκώ — подобію значить именно портретъ (написанный или изсѣченный изъ камня); портреты императоровъ и чьи бы то ни было — εἰκόνας. И у насъ въ позднѣйшее время портреты царей назывались иконами.

зерцаемаго и нагляднаго изображенія повѣствуемыхъ или повѣстныхъ событій совершенно естественны человѣку и не заключаетъ въ себѣ ничего предосудительнаго и на самомъ дѣлѣ запрещеннаго Богомъ. Когда мало-по-малу исчезла у христіанъ іудейская нетерпимость ко всякаго рода изображеніямъ, возникшая изъ запрещенія Божія не творить кумировъ и всякихъ подобій боговъ иныхъ; когда, съ другой стороны, идолы побѣжденнаго язычества, переставъ возбуждать страстное такъ сказать ожесточеніе, сдѣлались предметомъ простаго равнодушія и когда такимъ образомъ люди стали въ состояніи отличать употребленіе отъ злоупотребленія и перестали отождествлять и принимать всякое изображеніе за равнозначущее съ изображеніемъ идоловъ: тогда помянутая выше потребность должна была сказаться въ массѣ всего христіанскаго общества, и тогда изображенія и иконы, бывшія дотолѣ въ частномъ употребленіи (какъ бы по злоупотребленію), мало-по-малу начали являться у нихъ и въ мѣстахъ общественно-молитвенныхъ собраній или церквахъ ¹⁾. Скоро или не скоро это необходимо должно было случиться по самому существу дѣла. Но были особенныя обстоятельства, которыя должны были содѣйствовать ускоренію этого. Со времени Константина Великаго христіане начали строить великолѣпныя храмы, стараясь всевозможнымъ образомъ украшать ихъ; въ числѣ другихъ украшеній заимствовано было изъ житейскаго быта и то, чтобы росписывать ихъ картинами, т. е. росписывать картинами свѣтскаго содержанія, по подобію того, какъ росписывались ими жилища или дома богатыхъ людей. Но картины свѣтскаго содержанія, хотя бы въ нихъ и не было ничего прямо оскорбительнаго для нравственнаго чувства, хотя бы онѣ содержали однѣ сцены сельской жизни, охоты и пр., очевидно, вовсе неприличны и неумѣстны были въ храмахъ ²⁾.

¹⁾ Такъ какъ Христось есть въ человѣческомъ образѣ неописуемый Богъ, то прежде чѣмъ изобразить его иконно въ Его подлинномъ видѣ, воспроизводя Его описуемое человѣчество, первое нѣкоторое время изображали Его символически (въ видѣ добраго пастыря, несущаго на раменахъ своихъ погибшую овцу или окруженнаго агнцами, — въ видѣ агнца, подразумѣвается — взяющаго грѣхи міра, какъ сказалъ о немъ Предтеча, — въ видѣ рыбы, чтѣ составляло лицевое воспроизведеніе монограммы: Исусъ Христось, Сынъ Божій, Спаситель, ибо $\text{ΙΧΘΥΣ} = \text{Ιησοῦς Χριστός, Θεοῦ Υἱός, Σωτήρ}$).

²⁾ Въ заднихъ частяхъ храмовъ или же по крайней мѣрѣ въ пристрояхъ къ нимъ свѣтская живопись оставалась до позднѣйшаго времени. Образецъ этой живописи, сохранившейся въ бывшей башнѣ Кіевскаго Софійскаго собора, въ которой теперь всходъ на полаты, см. въ Древностяхъ російскаго государства, изданныхъ

Чтобы вытѣснить ихъ изъ храмовъ, пастыри церкви и рекомендовали нарочитымъ образомъ замѣнять ихъ изображеніями священными ¹⁾. Подобнымъ образомъ былъ проложенный путь въ храмы и иконамъ. Христіанскіе императоры, начиная, какъ полагаетъ Іоаннъ Дамаскинъ, съ самого Константина Великаго, и предстоятели церквей—епископы, начиная, можетъ быть, съ его же, а во всякомъ случаѣ—съ ближайшаго къ нему времени, ввели обычай ставить въ храмы свои портреты или допускать ихъ поставленіе другими ²⁾. Это украшеніе храмовъ иконными изображеніями—что суть портреты—земныхъ царей и живыхъ чтимыхъ людей естественно должно было привести къ мысли внести въ нихъ для общественнаго чествованія иконы Царя Небеснаго съ Его Матерію и святыхъ мужей, почившихъ, но приснопоминаемыхъ ³⁾.

Какъ всякое нововведеніе, священныя изображенія и иконы, явившіяся въ общественномъ употребленіи, сначала были встрѣчены не вездѣ и всѣми одобрительно, но въ концѣ IV—началѣ V вѣка уже начали получать твердое признаніе. Въ дѣяніяхъ собора Иллибеританскаго ⁴⁾, бывшаго въ 305 г., читается опредѣленіе: placuit picturas in ecclesia esse non debere, ne quod colitur aut adoratur in parietibus depingatur ⁵⁾; Елифаній Кипрскій († 403, родомъ Еврей) рѣшительно возставалъ противъ священныхъ изображеній въ церквахъ ⁶⁾; Августинъ Иппонійскій († 430) не одобрялъ picturarum adoratores ⁷⁾. Но Васи-

С.-Петербургскимъ Археологическимъ Обществомъ и посвященныхъ мозаикъ и фрескамъ собора.

¹⁾ Златоустый, Іеронимъ, Нилъ Синайскій, см. *Питера* Einleitung in die Monumentale Theologie, S. 168.

²⁾ У *Бит.* vol. III, p. 305.

³⁾ Честью, воздаваемою портретамъ (εἰκόνες) царей земныхъ, защитники иконопочитанія доказывали необходимость воздавать честь иконѣ Царя Небеснаго (и вытѣснить способы чествованія иконъ посредствомъ возжиганія свѣчь, куреній фимиана и поклоновъ взяты отъ способа чествованія портретовъ императорскихъ, на что прямо указываетъ VII вселенскій соборъ,—Дѣянія соборовъ въ русск. переводѣ т. VII, стр. 85 и 140).

⁴⁾ Illiberis или Eliberis есть нынѣшняя Ельвира въ южной Испаніи (на сѣверо-востокъ отъ приморской Малаги).

⁵⁾ У *Бит.* vol. III, p. 299.

⁶⁾ Письмо къ Іоанну епископу Іерусалимскому о разодранной имъ завѣстѣ съ священнымъ изображеніемъ, встрѣченной въ одной церкви въ Палестинѣ, у *Бит.* III, 299 (Quum vidissem in ecclesia contra auctoritatem Scripturarum,—стр. 189, прим. 1,—pendere imaginem, scidi illud).

⁷⁾ У *Бит.* vol. III, p. 304.—Евсевій Кесарійскій († 340) былъ не только

лій Великій († 379) призываетъ искусство живописцевъ на помощь своему недостаточному слову въ изображеніи доблестей мучениковъ ¹⁾ и, оправдывая употребленіе иконъ, говоритъ, что честь, воздаваемая иконѣ, восходитъ къ ея первообразу, т. е. къ тому, кто изображенъ на ней (ὅτι τῆς εἰκόνας τιμῆ ἐπί τὸ πρωτότυπον διαβιβάζει ²⁾); Григорій Нисскій († 394—403) описываетъ съ похвалами храмъ, украшенный священными изображениями, и говоритъ съ тѣми же похвалами отдѣльно о сихъ послѣднихъ ³⁾; Златоустый († 407), Иеронимъ († 420) и Ниль Синайскій (полов. V в.) суть тѣ указанные нами выше учителя церкви, которые рекомендовали украшать храмы вмѣсто мірскихъ изображеній священными, а Павлинъ Нолянскій († 430) самъ украсилъ одинъ храмъ таковыми изображениями ⁴⁾.

противъ общественнаго употребленія иконъ, но не хотѣлъ допускать ихъ даже и въ употребленіи частномъ. На просьбу сестры Константина Великаго Констанція († прежде Констант. Вел., слѣд. прежде 337 г.), прислать ей образъ Христа, Евсевій отвѣчалъ: «что разумѣешь и какой это такой, какъ ты говоришь, образъ Христа? Истинный ли и неизмѣняемый и въ существѣ (существовъ) носящій Его черты? Или тотъ, который (Онъ) воспринялъ для насъ, обложивъ Себя видомъ зрака рабѣя? Да, ты говоришь, что просишь у насъ образъ (Его какъ) плотянаго смертнаго прежде преложенія (въ воскресеніи): но неужели только отъ тебя одной утмалось это мѣсто Писанія, въ которомъ Богъ законополагаетъ не творить подобія ни того, что на небѣ, ни того, что на землѣ долу? Или случилось, что ты слышала въ церкви что нибудь подобное или сама или отъ другаго?».—Въ Патрол. Миня t. 20 col. 1545. (Это посланіе Евсевія къ Констанціи приводится въ дѣяніяхъ VII вселенскаго собора,—Дѣяніи. собб. русск. перев. т. 7 стр. 530 стр.).

¹⁾ Въ похвальн. словѣ муч. Варлааму, у Миня t. 31 р. 489.

²⁾ О Св. Духѣ къ Амфилохію, гл. 18,—въ Патрол. Миня t. 32, col. 150.

³⁾ Въ похвальн. словѣ муч. Феодору и въ словѣ о божествѣ Сына и Духа, у Миня t. 46 pp. 572 и 737.

⁴⁾ У *Вит.* III, 303 стр.. Что касается до иконнаго изображенія Христа, т. е. до Его изображенія въ собственномъ человѣческомъ образѣ, то Астерій Амасійскій (конца IV—начала V в.) не совѣтуетъ дѣлать его (μὴ γράφει τὸν Χριστόν), но не вообще, а только на одеждахъ (слово о богатомъ и Лазарѣ, у Миня t. 40 р. 168), а Василій Великій выражаетъ желаніе, чтобы подобно мученикамъ былъ изображаемъ на доскахъ и подвигоположникъ ихъ доблестей Христосъ: Ἐγγράφεσθε τῆ πίνακι καὶ ὁ τῶν παλασμάτων ἀγωνοθέτης Χριστός (въ томъ же похв. словѣ муч. Варлааму). За сими, на мозаикѣ триумфальной арки Римской базилики *Sancta Maggiora* время папы Сикста III (432—440) находимъ вмѣсто Христа изображеніе его символовъ,—престола съ книгою, запечатанною семью печатями (Апокал. 5, 1) и креста (такъ называемое «готовованіе престола»), и о томъ же папѣ Сикстѣ III имѣемъ свидѣтельство, что онъ поставилъ золотую икону съ изобра-

Олтарь съ святой трапезой и съ совершаемымъ на послѣдней приношеніемъ Тѣла и Крови Христовыхъ есть то мѣсто въ церкви, куда должны быть обращены молитвенные взоры присутствующихъ. Въ этомъ олтарѣ, за святой трапезой, надъ епископско-священническимъ сопредстолиемъ, на сгибѣ полукупола олтарной абсиды, такъ чтобы присутствующіе могли только поднимать отъ трапезы свои взоры кверху, и явились имъ впервые иконные видимые образы для наружной молитвы. Первымъ такимъ образомъ былъ образъ не въ собственномъ смыслѣ, но древнѣйшій образъ собственныхъ—св. крестъ, который до половины V вѣка одинъ былъ изображаемъ на олтарной абсидѣ; Нилъ Синайскій, жившій около этой половины V вѣка, пишетъ къ одному лицу, построившему церковь и желавшему украсить ее изображеніями: «во святилищѣ къ востоку отъ божественнѣйшаго жертвенника (τεμένους) изобрази одинъ только крестъ и болѣе ничего (ἕνα καὶ μόνον σταυρόν), ибо однимъ спасительнымъ крестомъ уврачеванъ человѣчскій родъ и отчаяннымъ повсюду возвѣщается надежда»¹⁾. Послѣ половины V вѣка явились на олтарной абсидѣ и иконы въ собственномъ смыслѣ, которыя не были писаны на особыхъ доскахъ и поставляемы на ней, но были изображаемы на ней самой или на самой стѣнѣ. Послѣ св. креста первыми почитаемыми иконами были иконы Спасителя и Божіей Матери; онѣ именно и были изображаемы на олтарной абсидѣ, и, какъ кажется, по преимуществу, если не исключительно, вторая, потому что самъ Спаситель имѣлъ свой образъ въ крестѣ, который, по выраженію Северіана Гевальскаго, есть Его икона²⁾. Что это было именно такъ, можно заключать и отъ обычая позднѣйшаго времени. Въ позднѣйшее время необходимыми запрестольными иконами считались крестъ и икона Божіей Матери; но онѣ суть не что иное, какъ иконы, такъ сказать, снятыя съ абсиды и поставленныя за престоль³⁾. Первоначально въ

женіемъ на ней Спасителя и 12 апостоловъ на престолѣ церкви св. Петра (Анастасія Библиотекаря *Historia de vitis Rom. Pont.*, у *Миля* въ *Patr.* t. 128 p. 226 ff., — *super confessionem*, о которомъ см. у *Мартини* въ *Словарѣ* подъ сл. *Confessio*), а на мозаикѣ триумфальной арки Римскаго св. Павла extra muros времени преемника Сикстова Льва I (440—461) находимъ погрудный образъ Спасителя.

¹⁾ Письмо къ епарху Олимпіодору, въ *Патрол. Мьяя* t. 79, col. 577.

²⁾ Въ трактатѣ о св. крестѣ, который между сочиненіями Іоанна Златустаго, *ibid.* t. 56, col. 499.

³⁾ Въ Константинопольской св. Софіи на олтарной абсидѣ—Божія Матерь съ Младенцемъ-Спасителемъ на персяхъ (Антоній Новгородскій, выписка изъ котораго сейчасъ ниже, Грелотъ у Бандурія въ *Imper. Orient.* t. II, pp. 758, 759 и

олтаряхъ были изображаемы крестъ и икона и не были они украшаемы священными изображеніями, за исключеніемъ тѣхъ немногихъ, которые были атрибутами иконъ ¹⁾. Но потомъ начали украшать стѣны олтарей священными изображеніями такъ же, какъ и стѣны церквей, и при этомъ ихъ икона, такъ какъ она не была поставлена на стѣну, бывъ написана на особой доскѣ, а была изображаема на самой стѣнѣ, такъ сказать, слилась съ изображеніями, утративъ собственное значеніе иконы ²⁾.

761; изъ-подъ слоя замазки икона нѣсколько видится и въ настоящее время). Въ Солунской св. Софіи тоже, что въ Константинопольской (видѣно нами самими, см. также Записки поклонника святой Горы, Кіевъ, 1864, стр. 15). Въ Новой церкви Василія Македонянина также изображена была Божія Матерь (*Дюканжа* Const. Christ. lib. III, с. LI, р. 49). Еще указаніе объ изображеніи Божіей Матери у *Дюк.* въ *Gloss. Graec.* подъ сл. *ῥοαῖ*. Въ Синайскомъ храмѣ Преображенія, построенномъ Юстиніаномъ, изображена икона Преображенія,—патр. Нектарія 'Επιτομή τῆς ἱεροῦσμικῆς ἱστορίας, Венец. изд. 1677 г. стр. 157, и нашъ Барскій, изд. 5, стр. 271; въ Иерусалимскомъ храмѣ Сионской горницы (Дѣян. 1, 13) была изображена икона сошествія св. Духа на апостоловъ, *Дюк. Gloss. Graec.* подъ сл. *ῥοαῖ*.—Относительно Божіей Матери Константинопольской Софіи Антоній Новгородскій увѣряетъ, что ее «первѣ» написалъ «Лазарь, писецъ иконный», жившій при импер. Θεοφιλῆ (829—842) и послѣ (въ одной церкви Константинополя лежатъ «Лазарь писецъ иконный: той первѣ написалъ въ Царѣградѣ во святѣй Софіи въ олтарѣ святую Богородицу, держашую Христа, и два Ангела»,—по изд. *Sassamit.* стр. 164, гдѣ см. и примѣчанія ученаго издателя). Если бы положиться на свидѣтельство Антонія, которое онъ могъ взять изъ подписи подъ иконою, то слѣдовало бы заключать, что иконныя изображенія въ собственномъ смыслѣ или иконы явились на олтарныхъ абсидахъ только около половины IX вѣка. Можетъ показаться, что это слишкомъ поздно. Однако не противъ этой поздности и другія свѣдѣнія, которыя мы имѣемъ. Въ исторіи иконоборчества нѣтъ указаній, чтобы до его начала (726 г.) иконы уже появлялись на олтарныхъ абсидахъ церквей (и не невѣроятно думать, что это самое иконоборчество содѣйствовало тому, чтобы, послѣ его прекращенія, иконы, вышедшія съ побѣдою изъ борьбы, явились на нашихъ абсидахъ).

¹⁾ Въ Юстиніановой Софіи до позднѣйшаго времени было въ олтарѣ (и до настоящаго остается) только то, что у Антонія,—Божія Матерь съ предстоящими по сторонамъ ангелами (и болѣе никакихъ священныхъ изображеній),—у *Зальценберга* VI. XXI; въ Солунской св. Софіи одна Божія Матерь (и никакихъ изображеній); въ Синайскомъ монастырѣ апостолы по перси и Моисей,—Барскаго стр. 271, сгг. цитаты предъидущаго примѣчанія.

²⁾ Въ Уставѣ Константинопольскаго монастыря Богородицы τῆς Κεχαρισμένης (Обрадованной), построеннаго супругой импер. Алексѣя Комнина (1081—1118) Ирною, данномъ монастырю его строительницей, въ главѣ о всеневномъ

Въ Кіево-Софійскомъ соборѣ Ярослава украшенъ священными изображениями, сдѣланными мозаически, весь передній полукругъ олтарной абсиды: вверху подъ самымъ сводомъ—стоящая съ молитвенно распростертыми руками Божія Матерь, подъ нею тайная вечеря, изображенная въ видѣ совершенія литургіи, именно: изображена св. трапеца съ киворіемъ, сзади ея два діакона съ рипидами, съ обѣихъ боковыхъ сторонъ I. Христось въ двухъ фигурахъ,—на одной сторонѣ преподающій шести подходящимъ апостоламъ Тѣло, на другой сторонѣ преподающій такому же числу апостоловъ Кровь; подъ тайною вечерю рядъ святителей съ діаконами, въ настоящее время послѣ раздѣлки оконъ, которыя приходятся между ними, состоящій изъ 12 фигуръ, а въ подлинномъ видѣ, вѣроятно, состоявшій изъ 15-ти ¹⁾. Въ Новгородской церкви Спаса въ Нередицахъ, которая построена въ 1198 г. и живопись которой, по всей вѣроятности, современна ея построенію, весь олтарь украшенъ священными изображениями. Послѣ бордюры надъ

свѣтовозжиганіи въ церкви, говорится о неугасимой лампадѣ ἐν τῇ ρόακῃ, т. е. предъ олтарной абсидой (вверху, гдѣ прямая стѣна начинаетъ закругляться.—*ρῶακῃ* одинъ видъ раковины, отъ формы которой названіе части абсиды), у *Дюк.* въ *Gloss.* *Staes.* подъ *ρῶακῃ*. Слѣдовательно, находившаяся на абсидѣ икона принималась еще за икону, не будучи смѣшиваема съ изображениями.—Когда снятъ съ абсиды и поставленъ за престолъ крестъ, не знаемъ: въ бывшей Константинопольской церкви св. Ирины, въ теперешнемъ видѣ принадлежащей VIII вѣку, онъ начертанъ на абсидѣ (и до сихъ поръ видится и видѣнъ нами); въ св. Софій Константинопольской въ X вѣкѣ былъ запрестольный крестъ,—*Constan. Porphyrog.* въ *De segesopp.*, сгг архіепископа Новгородскаго Антонія по изд. Савваитова стр. 77 (этотъ абсидный—запрестольный крестъ всегда былъ четвероколенный: крестъ св. Ирины въ натурѣ, изображенія запрестольнаго или выноснаго креста (*σταυρὸς σταυρός*) въ *Менологій импер. Василія* ч. I, стр. 146 и 210, и ч. II, стр. 137; свидѣтельство *Симеона Солунскаго*—*De sacro templo*, с. 133, у *Миня Patr.* t. 155, р. 341 *fin.*. А принятою формою креста напрестольнаго или воздвизальнаго была у Грековъ форма шестиконечная,—среднее поперечіе съ верхнимъ, см. снимки миниатюръ изъ рукописей у *Бандурія* въ *Imperium Orientale*, т. II pp. 632 и 991, и *Менологій импер. Василія* подъ 14 Сентября,—ч. I, стр. 37. А что вообще формъ креста было нѣсколько и что всякой формы крестъ есть истинный крестъ, см. *Теодора Студита Antirrheth.* III, — у *Миня* въ *Patr.* t. 99, col. 421 *sub. fin.*).

¹⁾ Четыре и четыре древнихъ святителя съ каждой стороны оконъ съ однимъ діакономъ впереди обѣихъ четверицъ; въ серединѣ три раздѣленные окна и между ними два вновь написанные святителя.—Изображеніе у *Фундуклея* въ *Обозр. Кіева*, къ стр. 38, и въ *Древностяхъ Россійскаго государства*.

епископско-священническимъ сопрестоліемъ около трехъ четвертей аршина ширины живопись состоитъ изъ четырехъ рядовъ или линий изображеній съ нѣсколькими надставками вверху, — первый рядъ снизу: въ серединѣ Спаситель съ Божіей Матерью и Предтечею (τριμύριον, деисусъ), по сторонамъ пророкъ Ілія и Петръ Александрійскій; второй и третій ряды—святители съ діаконами, изъ конхъ послѣдніе надъ дверями въ жертвенникъ и діаконикъ; четвертый рядъ: тайная вечеря, какъ Кіевская, но только представленная такимъ образомъ, что двойной Спаситель стоитъ у двухъ особыхъ престоловъ, у одного подавая Тѣло, у другаго Кровь; надъ тайною вечерію Божія Матерь съ младенцемъ Іисусомъ на персяхъ (Знаменіе); надъ Божіей Матерью, уже на сводѣ, престолъ съ книгою («уготованіе престола») и по сторонамъ его херувимы; далѣе на сводѣ Іисусъ Христосъ также съ херувимами по сторонамъ. Изъ сказаннаго видно, что священная живопись, которою украшался олтарь, послѣ Спасителя и Божіей Матери состояла преимущественно въ изображеніи святыхъ мужей изъ чина лицъ, служащихъ въ олтарѣ, и божественнаго дѣйствія, въ немъ совершаемаго.

Границу между олтаремъ и церковію въ древнее и старое время составляла олтарная преграда, надъ которою явились (впервые) иконы и въ самой церкви и которая въ концѣ концовъ превратилась въ нашъ нынѣшній иконостасъ.

Олтарь помѣщается въ пристроенной къ церкви абсидѣ, захватывая нѣкоторую часть и ея самой по передніе подкупольные столбы. Между олтаремъ и церковію нѣтъ никакой естественной преграды и они сливаются въ одно (въ сейчасъ помянутой аркѣ). Между тѣмъ олтарь есть мѣсто, назначенное исключительно для священниковъ, и не долженъ быть входенъ для всѣхъ. На этомъ основаніи олтарь отдѣляли отъ церкви посредствомъ преграды, поставленной въ помянутой аркѣ.

Мы говорили выше, что со времени Константина Великаго христіане взяли за образецъ для своихъ церквей Римскую базилику и что олтарная абсида церквей есть не что иное, какъ судейская абсида этой послѣдней. Со всею вѣроятностію слѣдуетъ думать, что и олтарную преграду ¹⁾, какъ готовую, христіане взяли изъ той же базилики, имен-

¹⁾ У насъ въ древнее время преграда называлась именно преградой или по чисто русскому произношенію перегородой, также заградой и оградой, см. Паломникъ игумена Даніила по изд. Норова стр. 142 (перегородка), Паломникъ архіепископа Антонія по изд. Саввантова стр. 93 и 109, Новгород. 1-ю лѣтопись подъ

но—что она была та рѣшетка, которая въ базиликахъ ограждала помѣщенія судей и ихъ писцовъ. Собственные и обычные названія олтарной преграды у Грековъ суть *χιγκλίδες* и *κάγκελλα* ¹⁾). Но оба эти названія первоначально означаютъ судебскую рѣшетку и двери въ ней ²⁾). По своей вышинѣ олтарная преграда была стѣнкой или прегражденіемъ погруднымъ,—по грудь человѣка: низъ нынѣшнихъ нашихъ иконостасовъ, что подъ мѣстными иконами, представляетъ собою не что иное, какъ эту древнюю преграду, только выдвинутую изъ-подъ олтарной арки и протянутую по всей ширинѣ церкви. Что олтарная преграда имѣла сейчасъ указанную вышину, это видно и ясно: во-первыхъ изъ того, что описательно она называется *θώρακες*—нагрудникъ и *στήθεις*—погрудникъ, *pectoralia* (собственно грудь) ³⁾; во-вторыхъ изъ того, что на нее можно было облакачиваться и класть руки ⁴⁾; въ-треть-

1204 г., Патерикъ Печерскій въ разсказѣ о трапезѣ и объ освященіи церкви. древніе списки Устава,— у *проесс. Серия* въ Полномъ мѣсяцесловѣ Востока, т. I, прилож., 1 изд. стр. 41, 2 изд. стр. 462 (въ русскомъ переводѣ устава патр. Алексѣя по синодальному списку № 380: «преграда олтаря» л. 37 об., «чистыя преграды» л. 216, «святая ограда» л. 248 об. fin., «олтарныя заграды» л. 253 об., «огорода олтарная» л. 265).

¹⁾ *Дюканжа* Gloss. Graecit. подъ сл. *κάγκελλος*, Constantinop. Christ. lib. III, с. LXX, р. 62, Scriptt. post Theophan., ed. Paris pp. 200 sub fin., 203.

²⁾ *Свида* въ Словарѣ подъ сл. *χιγκλίδες* и *Μευρσία* Glossarium подъ сл. *καγκελλοθύριον* (отъ *κάγκελλα*, полат. *saucella*,—канцеларія).—Въ первенствующее время, когда олтарь входенъ былъ и для мирянъ, приступавшихъ въ немъ къ самой святой трапезѣ для принятія Тѣла и Крови Христовыхъ (такъ было еще во времена Искдора Пелусіота, † ок. 440 г., сочиненій русск. перев. т. II, стр. 342, № 430) преграда не составляла необходимой принадлежности олтаря и дѣйствительно не вездѣ была: изъ житія Василія Великаго, — у Димитрія Рост. 1 Января,—видно, что въ Кесаріи Каппадокійской не было олтарной преграды до его времени; о древнѣйшей церкви св. купины на Синаѣ, которая и до настоящаго времени не имѣетъ олтарной преграды, см. патр. Іерус. Нектарія 'Εκτορη τῆς ἱεροκοσμικῆς ἱστορίας, стр. 156, Барскаго изд. 5 стр. 270 sub fin. и Журн. Мин. Нар. Просв. 1848 г., Отд. II, стр. 178.

³⁾ *Дюканжа* Gloss. Graecit. подъ сл. *κάγκελλος* и *στήθος*, *Свида* Словарь подъ сл. *θώρακος*.

⁴⁾ Выписка изъ житія св. Евемія Великаго, принадлежащаго Кириллу Сквинопольскому, въ которомъ ясно говорится, что облакачивались и клали руки на преграду, у *Дюканжа* въ Gloss. Graecit. подъ сл. *κάγκελλος*. См. еще у Константина Порфирогенита De ceremoniis,—у Миня въ Патрол. t. 112, coll. 256, 277, 403.

ихъ изъ того, что крестъ, водруженный на ея дверцахъ или дверяхъ, можно было доставать для цѣлованія безъ помощи подставы или лѣстницы ¹⁾, и наконецъ, въ-четвертыхъ, это съ одной стороны доказывается сохранившимися древними изображениями алтарныхъ преградъ ²⁾, а съ другой стороны объ этомъ свидѣтельствуесть живая современная дѣйствительность: у Грековъ царскія двери, бывшія въ древнее время одной вышины съ алтарною преградой, до настоящаго времени остаются маленькими погрудными (именно—въ такой же большой, какъ и у насъ, прорѣзъ въ иконостасѣ для входа въ алтарь, у нихъ вставляются весьма низенькія, вышиной по грудь, дверцы) ³⁾. По своей

¹⁾ См. Const. Porphyrog. De ceremoniis. lib. I, c. 9, ed. Bonn. p. 64 lin. (императоръ, входя въ церковь, цѣловалъ водруженные на алтарныхъ дверяхъ кресты). Что алтарная преграда въ св. Софій Константинопольской была вышиной погрудная, это даетъ знать Антоній Новгородскій, когда говоритъ, что на ней вчинець пять Константиновъ, на которомъ ставятъ агнецъ для причащенія людей, — col. 93. Если бы преграда была выше, чѣмъ погрудная, то неудобно было бы давать съ нея причастіе.

²⁾ См. у *Бандурія* въ Imperium Orientale t. II, p. 632, въ Менологін импер. Василія ч. I, стр. 63 и ч. II, стр. 154.

³⁾ У Грековъ царскія двери до настоящаго времени остаются маленькими потому, что они до сихъ поръ остаются вѣрными древней мысли, что двери эти не должны закрывать, а только затворять алтарь отъ молящихся, который долженъ закрываться отъ нихъ единственно на тѣ не долгія времена, когда задерживается завѣса. У насъ большія царскія двери стали какъ бы второй завѣсой и закрываютъ алтарь отъ молящихся не только на то время, когда онъ долженъ быть закрытъ (задерживаніе завѣсы), но и на все другое, пока онѣ затворены, чего бы не должно быть. Этимъ обстоятельствомъ, что у Грековъ царскія двери—маленькія, а не большія, изъясняется непонятное выраженіе въ отвѣтѣ Константиноп. патр. Павсія патр. Никону: «затворяетъ нижнія двери, завѣсъ же оставляетъ отверстие» (Скрижалъ, стр. хѣа). У насъ начали входить въ употребленіе большія царскія двери со времени митр. Макарія, который, въ бытность архіепископомъ Новгородскимъ, весьма неудачно заботясь о великолѣпнн въ ущербъ другому важнѣйшему интересу, устроилъ въ Софійскій соборъ царскія двери «сугубѣ первыхъ въ высоту и въ ширину» (эти сугубѣйшіе двери сохранились до настоящаго времени и показываютъ, что были ивъ предшествовавшія: онѣ имѣютъ 2 аршина 9 вершковъ вышины и 1½ арш. въ обонхъ створахъ или цѣлой ширины, — *проесс. Манжурія* Археологич. описаніе церковныхъ древностей въ Новгородѣ, II, 43 пр., 71). Въ дѣяніяхъ Стоглаваго собора царскія двери одинъ разъ называются «дверцами» (Стогл. гл. II, Казанск. изд. стр. 97), а въ одномъ Троицко-Лаврскомъ рукописномъ Уставѣ указывается ивъ вышина, когда говорится, что по скончаніи полунощницы, поемой въ притворѣ, братія входятъ въ церковь, творятъ три поклона

формѣ олтарная преграда была—или рѣшетка изъ столбиковъ, совершенно подобныхъ нашимъ точенымъ, употребляемымъ на перила у лѣстницъ, балконовъ и пр., или стѣнка изъ досокъ, и именно — или глухая и украшенная рельефной рѣзкой съ выпуклыми клеймами, круглыми квадратными, или сквозная, украшенная сквозной рѣзбой. Евсевій Кесарійскій, описывая великолѣпный храмъ, построенный Павлиномъ Тирскимъ, говоритъ объ олтарной преградѣ, которую онъ сдѣлалъ въ немъ: «поставивъ святой жертвенникъ въ серединѣ храма, онъ оградилъ его, чтобы не былъ доступенъ для всѣхъ, стѣнками изъ дерева (τοῖς ἀπὸ ξύλου δικτύοις), которыя были мелкой рѣзбы (λεπτοσυργία) самаго высокаго искусства, такъ что представляли смотрящимъ удивительное зрѣлище»¹⁾. Изображеніе олтарной преграды, состоящей изъ подобной сквозь рѣзанной стѣнки, только не представляющей об-

къ олтарю и цѣлуютъ висящій «на персѣхъ его (на верху олтарныхъ дверей) крестъ»,—№ 46 л. 114 об. фп.. Въ нашу поѣздку въ Новгородъ лѣтомъ 1877 г. мы нашли въ Спасско-Передицкой церкви, на полатяхъ или на хорахъ, въ разнооъ сваленномъ хламѣ, старыя царскія двери, которыя четвертинки безъ поставленнаго на нихъ полукруглаго (до нѣкоторой степени какъ бы сердцевиднаго) щита имѣютъ вышины 1 арш. 8 вершк., а со щитомъ 2 арш. (въ первомъ случаѣ намъ по верхъ живота, а во второмъ по носъ. На четвертинкахъ—четыре евангелиста, на щитѣ—Благовѣщеніе. Какъ будто изображеніе именно этихъ царскихъ дверей въ VI выпускѣ Русскихъ древностей въ памятникахъ водчества фиг. 204). У Грековъ царскія олтарныя двери не назывались и до сихъ поръ не называются царскими дверями, но святыми дверями—*ἅγια θύρα* (см. многія мѣста въ *De segetopp.* Константина Порфирогенита и вышній *Ἐρχολόγιον μέγα*). Царскими дверями, собственно царскими вратами—*βασιλικαὶ πόλαι*, вовсе не отъ Небеснаго, а отъ земнаго царя, назывались у Грековъ въ большихъ, посѣщавшихся царями въ храмовые праздники и такъ сказать царскихъ, Константинопольскихъ церквахъ, а преимущественно въ св. Софій, главныя входныя двери въ нихъ, потому вѣроятно, что онѣ отворялись только для царей (какъ въ Римѣ главныя входныя двери въ св. Петра и въ другія большія базилики отворяются только для папы). У насъ царскія двери начали называться царскими не позднѣе какъ со времени митр. Киприана, см. указъ его во Псковѣ, напечатанный въ *Акт. Историч.*, т. I № 8, и у *Павлова* въ *Памятникахъ* № 30. Въ Уставѣ церковномъ онѣ и до настоящаго времени называются преимущественно святыми, — гл. 2, чпѣ великія вечерни (въ XVI в. архіерейское служеніе совершалось у насъ при затворенныхъ царскихъ дверяхъ, описан. *Синодл. рипп. Горск. и Невостр.* № 366 л. 66 об., а послѣ стало совершаться при отворенныхъ; это значитъ, что когда большія царскія двери закрыли у насъ олтарь, чего прежде не было, то архіерей, чтобы быть видимыми (какъ было прежде), нашли нужнымъ растворить двери).

¹⁾ Н. Е. lib. X, с. 4, въ изд. Мина р. 865 фп..

разца въ своемъ родѣ, находимъ на купольной мозаикѣ Солунской церкви св. Георгія (ротонды), относимой къ IV вѣку и во всякомъ случаѣ относящейся къ глубокой древности ¹⁾. Нужно впрочемъ думать, что сквозная или прорѣзная стѣнка была болѣе или менѣе употребительна въ древнѣйшее время, когда преграды дѣлали изъ дерева. Въ послѣдующее время, когда ихъ стали дѣлать преимущественно изъ камня ²⁾, обычными формами были остальные двѣ—рѣпотка изъ столбиковъ или балясинъ и глухая стѣнка. Первая изъ этихъ двухъ формъ вѣроятно есть первоначальная, т. е. именно та, съ которой преграды взяли изъ Римскихъ базиликъ, и какъ отсюда слѣдуетъ заключать далѣе, въ древнѣйшее время вѣроятно была формою наиболѣе употребительною; въ позднѣйшее время она осталась господствующею формою на Западѣ (который и въ отношеніи къ самымъ церквамъ остался при формѣ базиликъ) ³⁾. Вторая форма, по всей вѣроятности—ведущая свое начало отъ Юстиніана, стала господствующею и едва ли даже не исключительно формою Востока ⁴⁾

¹⁾ См. Сборникъ Общества Древне-рускаго искусства при Московскомъ Публичномъ Музеѣ на 1866 г., Отд. II, къ стр. 26.

²⁾ Патриархи Софроній (*Commentarius liturgicus* с. 4, у Мниа въ *Patr.* t. 78, р. 3984 fin.) и Германъ (*Rerum ecclesiasticarum contemplatio*, у Мниа въ *Patr.* t. 98, р. 392) говорятъ, что преграды изъ мѣди: *καύκελλα (ἄστι) χαλκά*. Но намъ не представляется вѣроятнымъ думать, чтобы при рѣшительной склонности Грековъ къ камню мѣдь была общеупотребительна. Сохранившіеся древніе барьеры или ограды верхнихъ женскихъ галлерей, съ которыми, какъ должно думать, если не всегда, то большею частію были одного матеріала олтarnaя преграда, а также и сохранившіеся колонны отъ самыхъ олтarnыхъ преградъ—всѣ каменные.

³⁾ Древняя преграда изъ каменныхъ высѣченныхъ балясинъ, на подобіе нашихъ толстыхъ точеныхъ, сохранилась въ Равеннской церкви св. Аполлинарія in Classe (у одного побочнаго олтара), построенной въ 534 г..

⁴⁾ Что касается до количества олтarnыхъ дверей, то спереди въ олтarnой преградѣ ихъ дѣлали всегда однѣ—царскія или, какъ онѣ собственно назывались,—святыя, а затѣмъ дѣлали боковыя двери, находившяся или не находившяся съ боковъ олтара жертвенникъ и діаконикъ, такъ что если не находившяся (какъ это было въ древнѣйшее время), то изъ боковыхъ дверей былъ выходъ въ ту же самую церковь, въ ея угловыя отдѣленія, находившіяся съ боковъ олтара. Юстиніанъ въ олтarnѣ своей Софіи сдѣлалъ трои двери—царскія и двои боковыхъ, изъ которыхъ послѣднія были въ ту же самую церковь (въ бока), такъ какъ онъ не устроилъ рядомъ съ олтaremъ жертвенника и діаконика (которые были перенесены къ послѣднему, въ угловыя отдѣленія самой церкви, послѣ него; что дверей въ олтarnѣ

Въ то время, какъ мы приняли отъ Грековъ христіанство, у послѣднихъ еще вовсе не было нынѣшняго иконостаса, который въ своемъ нынѣшнемъ видѣ происхожденія весьма не древняго, а была олтaрная преграда въ олтaрной аркѣ и поверху ея—преграды въ той же аркѣ иконы (о чемъ сейчасъ ниже). Изъ какого матеріала были дѣлаемы олтaрныя преграды у насъ въ Россіи въ періодъ домонгольскій, положительныхъ указаній не имѣемъ. Что въ церквахъ деревянныхъ, каковыми были наибольшая часть нашихъ церквей домонгольскаго періода, онѣ дѣлались деревянныя, это само собою предполагается. Что въ церквахъ каменныхъ онѣ не дѣлались каменныя въ томъ смыслѣ, чтобы были изъ высѣченныхъ мраморныхъ или иныхъ каменныхъ досокъ, какъ было именно въ Греціи, это также необходимо предполагать. Если монахи Печерскаго монастыря, создавшіе лучшую въ Кіевѣ каменную церковь послѣ Десятинной Богородицы Владимировой и Софій Ярославовой, весьма затруднялись даже достать каменную доску для престола, то ясно, что не могло быть помысленій о каменныхъ олтaрныхъ преградахъ въ указанномъ смыслѣ ¹⁾. Послѣ настоящихъ каменныхъ олтaрныхъ преграды каменныхъ церквей могли быть каменныя не въ собственномъ смыслѣ, а именно—складенныя изъ кирпича стѣнки; затѣмъ, онѣ могли быть деревянныя и металлическія глухія стѣнки или сквозныя рѣшетки. Очень возможно, что было все то, что могло быть; но во всякомъ случаѣ должно и необходимо предполагать, что рѣшительно преобладающею формою была глухая деревянная стѣнка,—та, что теперь подъ мѣстными иконами (не въ одной только олтaрной аркѣ, но по всей ширинѣ церквей) и украшавшаяся также, какъ въ настоящее время. Весьма вѣроятно,—что въ великолѣпнѣйшихъ церквахъ стѣнки обкладывались серебряными или мѣдными посеребрёнными листами, а объ Андрѣ Боголюбскомъ, который устроилъ амвонъ отъ золота и серебра ²⁾, необходимо думать, что онъ обложилъ ихъ листами серебряными золочеными. Олтaрныя преграды становились въ олтaрныхъ аркахъ (между

было трое, это ясно говоритъ Павелъ Силенціарій, а что двѣ боковыхъ дверей было не съ лица, а съ боковъ—Const. Porphyrog. De ceremoniis, ed. Bonn., p. 548: *μικραὶ ἀγίαὶ θύραι τοῦ δεξιῦ τοῦ μέρου*).

¹⁾ Въ разсказѣ Патерика объ этой престольной доскѣ мы находимъ и единственное упоминаніе объ олтaрныхъ у насъ преградахъ, именно говорится, что, напрасно искавъ всюду требуемой доски, вошли одинъ разъ въ церковь пѣть вечеромъ (т. е. пѣли въ церкви еще не освященной, сгъ выше) «и видѣша у олтaрныхъ преграды доску каменну положену и столпы на устроеніе трапезы».

²⁾ Ипатск. лѣт., 2 изд. стр. 396 нач..

передними подкупольными столбами). Слѣдовательно, чѣмъ менѣе были церкви, тѣмъ менѣе (уже) были помянутыя арки; а чѣмъ менѣе были арки, тѣмъ менѣе (короче) были олтарныя преграды. Наши каменные церкви домонгольскаго періода не отличались своей величиной; а поэтому и олтарныя преграды не могли быть у насъ большія. Въ описаніяхъ церквей, которыя у насъ до сихъ поръ производятся не съ достаточной удовлетворительностію, ширина олтарныхъ арокъ не обозначается; но по измѣреніямъ этихъ арокъ на планахъ церквей, которыя сдѣлала мы сами, оказывается, что въ церквахъ большихъ или монументальныхъ ширина была отъ 3 съ половиною сажень до 3 безъ небольшого ¹⁾, а затѣмъ все убавляясь доходила до полуторыхъ сажень и менѣе ²⁾. Слѣдовательно, у насъ олтарныя преграды были вообще не велики или не длинны; отдѣляя въ серединѣ ихъ приблизительно аршинъ для царскихъ дверей (которыя были весьма не широки, см. немного выше въ примѣч. о Новгородскихъ домакаріевскихъ дверяхъ), мы получимъ на крылья: въ большихъ церквахъ—отъ полуторыхъ съ небольшимъ сажень до сажени съ тремя четвертями аршина, а въ остальныхъ церквахъ меньшее—до полусажени.

Въ отношеніи къ исторіи олтарной преграды восточная и западная, греческая и латинская, церкви имѣютъ себя совершенно противоположнымъ образомъ. На западѣ съ теченіемъ времени не только ничего не было прибавлено къ ней противъ ея первоначальной формы и не только не вышло изъ ней ничего новаго, но и она сама перестала считаться необходимостію, такъ что въ настоящее время тамъ олтари безразлично и имѣютъ ее (въ первоначальной формѣ) и вовсе не имѣютъ (представляя въ семъ послѣднемъ случаѣ какъ бы возвращеніе къ временамъ первоначальнѣйшимъ). Напротивъ, въ восточной церкви она превратилась въ нашъ нынѣшній иконостасъ (которому ничего подобнаго вовсе не знаетъ римская церковь). Между олтаремъ и церковію, для отдѣленія перваго отъ послѣдней, была поставлена въ

---

¹⁾ Въ Кіевскомъ Софійскомъ соборѣ ширина олтарной арки 3 сажени слишкомъ; въ церкви Печерскаго монастыря 3 сажени съ половиною (т. е. церковь меньшая имѣетъ олтарь и куполь, отъ ширины котораго зависитъ ширина олтаря, або арка олтарная между передними подкупольными столбами, большіе); во Владимірскомъ соборѣ Боголюбскаго 3 сажени безъ небольшого. Въ Константинопольской Софіи ширина олтарной арки (которая не между подкупольными столбами, а передними приставными) 45 футовъ, т. е. 6 саж. съ половиною.

²⁾ Полторы сажени ширины въ олтарной аркѣ Покровской церкви на Нерли, а она можетъ быть принята за приблизительную норму малыхъ церквей.

олтарной аркѣ преграда въ видѣ невысокой стѣнки или рѣшотки, и болѣе предѣ олтаремъ не было ничего; въ бока отъ преграды шли — подкупольные столбы, между которыми она находилась, и потомъ глухія стѣны жертвенника и діаконика, если они были, или угловыя по-за олтарю отдѣленія самой церкви. Ни на столбахъ, ни на стѣнахъ не было никакихъ иконъ, какъ не было ихъ и во всей церкви, ибо онѣ исключительно находились въ олтарѣ, на его абсидѣ ¹⁾; какъ столбы такъ и стѣны, подобно другимъ столбамъ и стѣнамъ церквей, были украшены и покрыты священными изображеніями или живописью, которая явилась въ церквахъ значительно ранѣе иконъ въ собственномъ

¹⁾ На основаніи сказаннаго выше есть основаніе предполагать, что иконы впервые явились въ олтаряхъ, на ихъ абсидахъ, только въ половинѣ IX вѣка, послѣ окончательнаго возстановленія иконопочитанія; изъ этого слѣдуетъ, что и вообще въ церквахъ онѣ явились не ранѣе этого времени. До своего появленія въ церквахъ иконы, сдѣлавшись предметомъ общественнаго чествованія и поклоненія, были поставляемы на общественныхъ площадяхъ, улицахъ и путяхъ или дорогахъ (кресты на площадяхъ и улицахъ началъ ставить Константинъ В.), надъ входами въ церкви и жилища (образъ Спасителя надъ воротами императорскаго дворца, называвшимися Халки, — въ святцахъ 9 августа, — каковой обычай сохранился до настоящаго времени), были изображаемы на священныхъ и несвященныхъ сосудахъ и одеждахъ (явившись въ церквахъ какъ общественная и собственная ихъ принадлежность только съ половины IX вѣка, иконы могли явиться въ нихъ гораздо ранѣе какъ частная собственность прихожанъ, т. е. можно думать, что сохранявшійся до позднѣйшаго времени, а отчасти и доселѣ сохраняющійся, обычай, чтобы прихожане поставляли въ церквахъ свои собственные иконы, начался еще до иконоборчества и что именно съ этихъ частныхъ иконъ и началось внесеніе иконъ въ церкви. Если въ исторіи иконоборчества не упоминается объ этихъ иконахъ, то объяснить дѣло весьма легко: при первомъ же указѣ противъ иконъ частныя иконы взяты были изъ церквей по домамъ. Константинопольскій иконоборческій соборъ 754 г. въ своемъ опредѣленіи какъ будто даетъ знать, что иконы были ставимы въ церквахъ частными людьми: *ὁ δὲ τοῦ μὲν ἀπὸ τοῦ παρόντος κατασκευάσαι εἰκόνα ἢ προσκυνῆσαι ἢ στήσαι ἐν ἐκκλησίᾳ ἢ ἐν ἰδιωτικῷ οἴκῳ ἢ χρῆσαι, εἰ μὲν ἐπίσκοπος ἢ πρεσβύτερος ἢ διάκονος εἶεν, καθαιρεῖσθαι· εἰ δὲ μονάζων ἢ λαϊκός, ἀναθηματιζέσθαι, — у Mansi в Sacrorum conciliorum nova collectio, t. XIII col. 328. Опредѣленіе седьмаго вселенскаго собора объ иконахъ читается: Ὅριζομεν σὺν ἀκριβεῖσι πάσῃ καὶ ἐμμελεῖσι παραπλησίως τῶν τύπων τοῦ τιμίου καὶ ζωοποιοῦ σταυροῦ ἀνατίθεσθαι τὰς σεπτὰς καὶ ἀγίας εἰκόνας — ἐν ταῖς ἀγίαις τοῦ Θεοῦ ἐκκλησίαις, ἐν ἱεροῖς σκεύεσι καὶ ἐσθῆσι, τοίχοις τε καὶ σάνισιν, οἴκοις τε καὶ ὁδοῖς (ibid. col. 377; русск. перев. обонхъ иѣсть въ Дѣяніи. собб. VII, 546 и 593 нач.). — Вальсамовъ относительно своего времени: ἀγίαὶ δὲ εἰκόνας καὶ σταυροὶ ἐν δημοσίαις ὁδοῖς παρὰ τοῦ θέλοντος ἀνασθηλοῦνται, — у Ралли и II, II, 475.*

смыслѣ. Такимъ образомъ, иконы для молитвы находились въ олтарѣ, на его абсидѣ, которая сквозь олтарную арку (ничѣмъ не загороженную) была видна и открыта присутствующимъ, а передъ церкви, далѣе котораго должны были простирать свои взоры молящіеся, представлялъ—въ олтарной аркѣ преграду и по сторонамъ ея на столбахъ и на стѣнахъ (жертвенника и діаконика), такъ же какъ и во всей церкви, священныя изображенія или живопись. Но надъ олтарной преградой въ ея аркѣ явилась одна икона; къ одной иконѣ прибавились другія, такъ что вышелъ цѣлый рядъ иконъ; надъ однимъ рядомъ явились другой и третій, такъ что весь верхъ олтарной арки былъ заставленъ рядами иконъ; затѣмъ, иконы выступили изъ олтарной арки и простерлись въ ширь по столбамъ и по стѣнамъ вплоть до продольныхъ стѣнъ церкви,—сѣверной и южной; наконецъ, сверху онѣ спустились внизъ на самую преграду и по ея линіи на столбы и стѣны, такъ что предъ олтаремъ съ жертвенникомъ и діаконикомъ образовали изъ себя одно сплошное цѣлое, одну сплошную и глухую площадь, стѣну: изъ всего этого вышелъ нашъ нынѣшній иконостасъ.

Это кратко представленное нами образованіе иконостаса въ дѣйствительности совершилось весьма не быстро, и въ своей окончательной, нынѣшней формѣ онъ нисколько не весьма древенъ, а напротивъ весьма молодъ,—восходитъ не далѣе какъ только къ XVII вѣку. Первый поводъ къ вынесенію иконъ изъ олтаря въ самую церковь, съ чего начался нашъ иконостасъ, былъ поданъ не преднамѣренно и такъ сказать не умышленно; онъ состоялъ въ томъ, что безъ всякой мысли объ этомъ вынесеніи иконъ изъ олтаря въ церковь была нѣсколько измѣнена первоначальная форма преграды, въ видахъ приданія ей большей красоты. Олтарная преграда, какъ всякія преграды, раздѣлялась столбиками или колонками на прясла. Эти столбики или колонки, какъ обыкновенно въ преградахъ, были одной съ нею вышины, возвышаясь надъ нею только головками. Но импер. Юстиніанъ умыслилъ иначе устроить преграду въ своей св. Софіи. Между пряслами преграды онъ поставилъ не колонки, равныя съ нею по вышинѣ, а колонны, которыя значительно возвышались надъ нею, представляя поверхъ ея не головки, а колоннаду (числомъ 12 колоннъ, нѣтъ сомнѣнія, по числу апостоловъ) ¹⁾. Къ нововведенію Юстиніана, которое стало образцомъ для послѣдующаго времени, скоро сдѣлано было дополненіе, которое требовалось архитектурными обычаями и условіями красоты, а также

¹⁾ Павелъ Силенціарій у *Дюканжа* Constantinop. Christ. lib. III, с. LXX, р. 62 (наша Новгородск. 1-я лѣтоп. подъ 1204 г.).

и вмѣстѣ должно было придавать колоннадѣ бѣольшую крѣпость, именно—поверхъ колоннъ былъ положенъ горизонтальный брусъ или такъ называемый архитравъ, который на церковномъ языкѣ былъ названъ космитисомъ—*κοσμίτης*, бывъ приравненъ къ ветхозавѣтному очистилищу, которое въ посланіи къ Евреямъ (IX, 1) называется τὸ ἅγιον κοσμητόν ¹⁾. Положеніе этого архитрава или космитиса поверхъ колоннъ собственно и было началомъ иконостаса. Съ своей боковой стороны, обращенной къ церкви, архитравъ долженъ былъ имѣть какія нибудь украшенія, и такъ какъ она обращена была не просто къ зрителямъ, а къ зрителямъ, стоящимъ на молитвѣ, то совершенно естественно было придти къ мысли помѣстить между украшеніями ²⁾ священныя изображенія, которыя бы поддерживали въ зрящихъ молитвенный духъ. Такъ это и было сдѣлано, и именно—первоначально начали высѣкать на архитравѣ или ставить на него изображеніе креста. Мы не знаемъ положительно, когда послѣ Юстиніана случилось то и другое, т. е. когда послѣ него положенъ былъ на колонны архитравъ и на послѣднемъ начатъ былъ

¹⁾ Константинъ Порфирогенитъ называетъ этотъ брусъ наддверіемъ, ὑπέρθυρον, и доской, δοκός, — Scriptt. post Theorphan. pp. 200 sub fin. и 203. Патриархъ Софроній, буквально повторяемый патр. Германомъ, говоритъ: *κοσμίτης ἐστὶ κατὰ τὸ νομικὸν καὶ ἅγιον κόσμιον (κοσμητόν), ἐμφαίνων τοῦ σταυροθέντος Χριστοῦ τὸ ἐκασφράγισμα διὰ σταυροῦ κοσμοῦμενον ἢ εἰς τύπον ὁ κοσμίτης τοῦ καταπετάσματος*, Comment. Liturg. у *Миѣя* t. 87, p. 3984 fin. (въ уставѣ св. Аѳанасія Аѳонскаго, — Замѣтки поклонника св. Горы стр. 20, и въ Уставѣ св. Саввы. — *Дюканжа* Gloss. Graecit. подъ сл. *ἰλαστήριον*, космитисъ прямо называется очистилищемъ—*ἰλαστήριον*). Симеонъ Солунскій, указывая вмѣстѣ съ духовнымъ знаменованіемъ и вещественное значеніе космитиса, говоритъ: *ὑπεράνω τῶν διαστόλων ὁ κοσμίτης συνέχων, τὸν σύνδεσμον δηλῶν τῆς ἀγάπης*, De sacro templo, у *Миѣя* Patr. t. 155, p. 345. Названіе космитисъ было извѣстно и у насъ, только у насъ оно употребляется не объ архитравѣ, а о столбахъ (косякахъ), на которые навѣшивались царскія двери; епископъ Савва говоритъ Кирику: «а попови, идуче въ оltарь на выходъ, то въ козмиѣ цѣловати, то бо есть колѣно Христово», Памятн. XII в., стр. 198, Памятн. *Павл.* col. 55 нач.. Объ этихъ архитравахъ или козмитисахъ (надглавникахъ), сохранявшихся на Аѳонѣ до первой полов. XVIII в., см. Барск. изд. 1778 г., стрр. 520, 605, 622. А рисунокъ оltарной преграды съ архитравомъ поверхъ колоннъ см. у *Дидрона* въ Manuel d'iconographie, p. 26, и у *Ленуара* въ Architecture monastique, p. 343 (въ св. Маркѣ Венеціанскомъ, оltарная преграда котораго есть греческая, космитисъ вмѣстѣ со всей преградой сохраняется, пребывая на своемъ мѣстѣ, до настоящаго времени).

²⁾ Объ украшеніяхъ, состоящихъ въ «изсѣченіи хитромъ животныхъ», Барск. стр. 520, cfr 622.

изображаемъ или ставимъ крестъ, но о томъ и о другомъ говорить Софроній Иерусалимскій (первой половины VII вѣка) ¹⁾. На олтарной абсидѣ, какъ мы видѣли выше, сначала изображаемъ былъ крестъ, а потомъ явились иконы и въ собственномъ смыслѣ; такимъ же образомъ имѣло себя дѣло и съ надолтарнымъ архитравомъ. Георгій Амартолъ, писавшій свою хроникку въ правленіе импер. Михаила III (842—867), говорятъ о поставленномъ на немъ изображеніи креста ²⁾; но импер. Василій Македонянинъ, преемникъ Михаила (867—886), въ построенной имъ церкви Спасителя приказалъ изобразить на немъ икону Спасителя ³⁾. Икона была изображена на самомъ архитравѣ. Не знаемъ, когда вскорѣ за симъ вмѣсто того, чтобы изображать ее на архитравѣ, начали ставить ее на немъ написанную или изображенную на особой доскѣ. Къ одной иконѣ начали потомъ прибавлять другія иконы, и такимъ образомъ и пошло дальнѣйшее развитіе иконостаса, какъ мы сказали выше.

Это дальнѣйшее развитіе иконостаса у Грековъ, который впрочемъ, какъ скажемъ сейчасъ ниже, вовсе не назывался у нихъ иконостасомъ, въ отношеніи къ формѣ совершалось не такимъ образомъ, чтобы къ одной иконѣ начали быть приставляемы другія иконы, написанныя на особыхъ отъ нея доскахъ, такъ чтобы рядъ иконъ постепенно увеличивался въ смыслѣ ряда особыхъ (на каждой по одной иконѣ) досокъ, чтобы надъ первымъ рядомъ особыхъ досокъ явился второй такой же и т. д., а такимъ образомъ, что постепенно увеличивалась самая доска, на которой была написана первая икона и что всѣ вновь прибывавшія иконы были пишемы на одной и той же доскѣ, которая по мѣрѣ ихъ прибыванія превращалась въ большій или меньшій, сколоченный изъ досокъ, дощаной щитъ. Такъ, говоримъ, одинъ дощаной щитъ, поставленный на архитравъ, большій или меньшій, смотря по количеству написанныхъ на немъ иконъ,—такова была внѣшняя форма, въ которой явился у Грековъ надолтарный иконостасъ. Этотъ щитъ сохраняется у Грековъ въ ихъ иконостасѣ и до настоящаго времени ⁴⁾

¹⁾ См. выше второе примѣчаніе.

²⁾ По изд. Муральта стр. 689: *κίονες καὶ σπλαῖται (ἄμα) τῷ συμπαρακειμένῳ (τοῖς κίονι) τοῦ σταυροῦ τύφω.*

³⁾ Константина Порфирогенита *Basilius Macedo*, въ *Scriptt. post. Theophan.* р. 203: *ἡ δὲ ταῖς κεφαλῆσι (τῶν στόλων) ἐπιχειμένη δοχὸς ἐκ καθαρῶν χρυσοῦ πᾶσα συνέστηκε... ἐν ᾗ κατὰ πολλὰ μέρη καὶ ἡ θεανδρική τοῦ Κυριοῦ μορφή μετὰ χρυμοῦσως (съ эмалью, финифтью) ἐκτετύπεται.*

⁴⁾ У Грековъ въ настоящее время двѣ формы иконостаса—своя и наша рус-

и, какъ со всею вѣроятностію должно думать, въ формѣ болѣе или менѣе древней, только увеличенной противъ древняго въ размѣрахъ. Форму въ точности описать невозможно и ее должно смотрѣть на рисункахъ; но если читатель вообразить себѣ равносторонній трехугольникъ съ весьма тупымъ верхнимъ угломъ, если онъ этотъ уголъ нѣсколько сръжетъ и придастъ волнообразную форму сторонамъ и если онъ весь щитъ окружить рамой, а наверху его поставитъ крестъ, то и будетъ имѣть приблизительное понятіе.

Этотъ щитъ, болѣе или меньшій и съ болѣе или меньшимъ количествомъ написанныхъ на немъ иконъ, явившійся на архитравѣ надъ алтарной преградой, получилъ у Грековъ названіе темплона—τέμπλον, въ просторѣчій τέμπλο, что въ латинскаго templum. Латинское templum значитъ храмъ, но затѣмъ оно имѣло еще у Римлянъ совсѣмъ другое техническое значеніе, именно—въ архитектурной техникумъ templum значило брусъ или дерево, положенное поперекъ кровельныхъ стропилъ. Стропила состоятъ изъ бревенъ или балокъ, составленныхъ трехугольниками и потомъ изъ деревьевъ толстыхъ или тонкихъ, смотря по тяжести крыши, положенныхъ поперекъ трехугольниковъ, по ихъ ребрамъ, на которыя кладется или самая крыша, если она деревянная, или же рѣшетины для крыши, если она желѣзная или черепичная,—эти-то послѣднія деревья и назывались у Римлянъ технически templa ¹⁾. Между деревомъ, положеннымъ поперекъ стропилъ

ская. Щитъ, какъ должно подразумѣвать, сохраняется въ ихъ собственной формѣ. Въ чемъ состоятъ различіе и какъ оно произошло, видно будетъ изъ дальнѣйшаго.

¹⁾ Витрувій въ своемъ сочиненіи De architectura, кн. IV, гл. 2, описывая устройство кровель на зданіяхъ говоритъ: supra cantherios templa, deinde in super sub tegulas asseres ita prominentes, uti parietes projecturis eorum tegantur, т. е. поверхъ стропилъ templa — поперечныя деревья, потомъ свергъ (этихъ послѣднихъ) подъ черепицей (которой, подразумѣвается, кроются кровли) рѣшетины, настолько спускающіяся, чтобы ихъ свѣсами прикрывались стѣны. Фестъ грамматикъ, неизвѣстно когда жившій въ продолженіе II—IV вѣковъ по Р. Х. и написавшій книгу о значеніи словъ говоритъ: Templum significat et lignum, quod in aedificio (supra cantherios) transversum ponitur, т. е. templum значитъ и дерево, которое въ строеніяхъ кладется поперекъ стропилъ (выписка взята изъ одного латинскаго лексикона). См. еще у *Дюканжа* въ Gloss. Latinit. подъ сл. Раппа, № 2. Рисунки римскихъ кровельныхъ стропилъ мы имѣемъ—во-первыхъ, на одной изъ таблицъ рисунковъ, приложенныхъ къ русскому переводу Витрувія, сдѣланному (съ французскаго перевода) подъ редакціей знаменитаго архитектора XVIII вѣка *Василія Баженова* (напеч. въ Спб., въ продолженіе 1790—1797 гг.), именно—«дскѣ I на конецъ четвертой книги» (въ примѣчаніяхъ къ

или чегонибудь, и между щитомъ изъ досокъ съ написанными на немъ иконами, поставленнымъ на архитравъ надъ олтарною преградой, нѣтъ никакого отношенія. Но *Теодоръ Студитъ*, обращающійся съ своими ямбами къ темплону, когда видъ олтаря еще не было иконъ, даетъ знать, что первоначально названъ былъ темплономъ самый архитравъ, на которомъ потомъ явился щитъ съ иконами, и что такимъ образомъ послѣдній получилъ свое имя отъ перваго ¹⁾. Архитравъ же могъ быть названъ темплономъ потому, что онъ есть точно такъ же поперечный брусъ, какъ и брусъя стропильныя ²⁾.

книгѣ, стр. 36, переводчикъ говоритъ: «Темпла суть локотники, на кои кладутся решетки»; во-вторыхъ, въ Словарѣ *Мюллера-Мотеса* подъ сл. Dachstuhl (см. особенно въ Словарѣ fig. 351).

¹⁾ Εἰς τὸ τέμβλον (ἱαμβοί): Θεῖαν τράπεζαν πρὸ προσώπου σοῦ βλέπων, αἰδοῦ τὸ σελτὸν καὶ ὄλωσ στήθι φόβῳ, т. е. (ямбы) къ темплону: Зря предъ лицомъ твоимъ (впереди тебя) божественную трапезу, да умилишься предъ святынею и да стовишь со всецѣлымъ страхомъ,—у *Миля* въ Patr. t. 99, p. 1796 нач..

²⁾ *Свида* въ своемъ Словарѣ говоритъ о темплонахъ: τέμπλα — ἐπίσημα. А ἐπίσημον значить всякій гдѣнибудь или на чемънибудь находящійся знакъ, мѣтку, условный какой-нибудь знакъ на щитѣ (какъ признакъ его владѣльца), подобный знакъ на кораблѣ, флагъ, изображеніе на монетѣ. Принимая слово τέμπλον въ этомъ второмъ значеніи, можно было бы думать, что его названіе было усвоено прямо самому щиту съ иконами въ томъ смыслѣ, что этотъ послѣдній, бывъ поставленъ надъ олтаремъ, служитъ какъ бы знакомъ, что онъ есть домъ Божій. Но принимать этого не позволяетъ *Теодоръ Студитъ*, употребляющій слово τέμπλον, когда надъ олтаремъ еще не было иконъ. *Свида*, выражающійся очень кратко, не разумеетъ ли подъ ἐπίσημα тѣхъ же деревьевъ стропильныхъ, украшенныхъ знаками, рѣзбой? Дѣло въ томъ, что у Грековъ и Римлянъ (а потомъ и на Западѣ) церкви не всегда имѣли потолки и кровли, но иногда и нерѣдко однѣ только послѣднія (чтобы не удивляться сему, читатель пусть вспомнитъ климатическія условія); во второмъ случаѣ стропила дѣлались не такъ аляповато, какъ это обыкновенно у насъ, но со всевозможнымъ изяществомъ и украшались рѣзбой, см. въ Словарѣ *Мюллера-Мотеса* рисунки подъ помянутымъ словомъ Dachstuhl. — Выписки изъ греческихъ писателей о темплонѣ у *Дюканжа* въ Gloss. Graec. подъ сл. τέμπλον—самый Словарь и appendix prima; въ частности о немъ въ отношеніи къ формѣ какъ щита см. греческій иконописный подлинникъ *иеромонаха Дюнисія*, — Ἐπισημεία τῶν ζωγράφων, изд. въ Афинахъ въ 1853 г., стр. 16 sqq (французскій переводъ, изданный равнѣ подлинника — Manuel d'iconographie chrétienne, Paris, 1845, p. 26 sqq; есть нѣмецкій переводъ). *Дюканжъ*, приведши множество выписокъ изъ греческихъ писателей о темплонѣ, не могъ постигнуть, что такое онъ, ибо ни въ одной выпискѣ не говорится, гдѣ онъ находился; но если бы онъ имѣлъ подъ руками уставъ Константинопольскаго патр. *Алексѣя* (о

Какія иконы были писаны у Грековъ на темплонахъ или на щитахъ въ первое время послѣ появленія послѣднихъ и въ нашъ періодъ домонгольской, положительно мы этого не знаемъ, потому что не имѣемъ современныхъ свидѣтельствъ ¹⁾. Но вопросъ о семъ рѣшаетъ нашъ нынѣшній иконостасъ. Во второмъ верхнемъ ярусѣ нашего ны-

---

которомъ ниже), то загадка для него разъяснилась бы, ибо въ послѣднемъ, въ главѣ о возжиганіи свѣчь, ясно говорится, гдѣ находился темплонъ, — по славянскому переводу: «да исполнится свѣщъ тѣло (τέμπλον), иже надъ дѣрми олтаря», Синод. ркп. № 330, л. 278 об., въ Опис. Горск. и Невостр. № 380). А если бы Дюканжъ догадался обратиться съ вопросомъ къ первому встрѣчному Греку, то дѣло было бы еще проще, ибо у Грековъ такъ же всякій знаетъ, что такое въ церкви τέμπλον, какъ у насъ всякій чнаетъ, что такое въ церкви иконостасъ (у Грековъ нынѣшній иконостасъ, представляющій собою разросшійся древній темплонъ, до сихъ поръ называется темпловомъ и не называется иконостасомъ).— Въ житіи нѣкоего презвитера Филиппа (не находящагося, кажется, въ нашихъ святцахъ), которое относитъ себя ко времени импер. Аркадія († 408), которое Болландисты относятъ къ VII—VIII в. (Мая t. III) и которое на самомъ дѣлѣ относится еще къ бѣдѣ позднему времени (а по своему качеству принадлежить къ числу тѣхъ апокрифовъ, о которыхъ Трульскій соборъ въ пр. 63), говорится, что этотъ Филиппъ, пришедъ съ однимъ спутникомъ въ Римъ и вошедъ въ церковь (папину, слѣд. св. Петра), «сталъ въ лѣвой части храма, гдѣ темплонъ церковный», 'Ἐπὶ τὰ εὐόνημα τοῦ ναοῦ, ἐνθα τὸ τέμπλον τῆς ἐκκλησίας ἐστὶ (у Болланд. и у Дюканжа подъ сл. τέμπλον). Что разумѣется въ житіи подъ темпловомъ, когда на Западѣ никакихъ темпловъ не было (и слово templum въ нашемъ смыслѣ вовсе не употреблялось), не можемъ сказать, но во всякомъ случаѣ это свидѣтельство не касается темпловъ восточныхъ, о которыхъ дѣло совершенно безспорно (можно было бы разумѣть икону Спасителя съ 12 апостолами, которая съ весьма древняго времени, съ первой половины V в., ставилась у Латинянъ на престолахъ, но эта икона ставилась на главныхъ престолахъ, а не на боковыхъ, какія могъ быть находившіяся въ лѣвой части, и преимущественно на престолахъ въ такъ называемыхъ криптахъ или конфессіяхъ,—престолахъ въ подпольяхъ или подземельяхъ подъ верхними главными престолами, находившихся непосредственно на гробахъ мучениковъ, о которыхъ см. *Дюканжа Gloss. Latinit.* подъ сл. Confessio и *Суртуа и Dictionnaire des antiquités chrétiennes Мартини* подъ тѣми же словами).

¹⁾ Имѣемъ свидѣтельство Мануэла Малакса, извѣстнаго писателя XVI вѣка, о томъ, какія иконы были на темплонѣ св. Софіи при взятіи Константинополя крестоносцами (выписка изъ его хроники у Дюканжа *Gloss. Graec.* подъ сл. τέμπλον); но онъ, знавшій про то, о чемъ писать, столько же, сколько знаемъ мы, и не помышлявшій ни о какой археологій, помѣщаетъ на самый темплонъ все то, что было писано на немъ вмѣстѣ съ поклонными иконами (о которыхъ сейчасъ ниже, именно—апостоловъ, пророковъ, іерарховъ, мучениковъ, преподобныхъ).

нѣшняго иконостаса находится въ серединѣ икона Спасителя съ предстоящими Ему Божіей Матерью и Предтечею. Икона Спасителя есть та первая икона, которая явилась на темплонѣ и отъ которой онъ пошолъ разростаться въ ширь и вверхъ; слѣдовательно, иконы стояція въ одномъ ряду съ сею иконою и выше надъ нею и суть тѣ иконы, которыя писаны были въ темплонѣхъ. При этомъ до какой степени развитія достигали у Грековъ темплоны въ нашъ періодъ домонгольскій, т. е. были ли уже писаны на нихъ всѣ тѣ иконы, которыя теперь находятся у насъ въ полныхъ иконостасахъ, мы вовсе не имѣемъ свѣдѣній. Далѣе, въ настоящее время ряды иконъ протягиваются по всей олтарной стѣнѣ, древній же темплонъ помѣщался только въ олтарной аркѣ; слѣдовательно, въ каждомъ ряду далеко не могло быть писано все то, что теперь у насъ стоитъ (каждый чистъ сполна, если только не предположить, что было писано миниатюрой). Наконецъ, темплоны, какъ это и у насъ теперь съ иконостасами, могли быть большіе и меньшіе, болѣе полные или менѣе полные, начиная отъ единственнаго изображенія Спасителя съ Божіей Матерью и Предтечею.

Еще въ нашъ періодъ домонгольскій явился у Грековъ подъ темплономъ новый рядъ иконъ, отличный отъ иконъ темплона тѣмъ, что онѣ не были писаны всѣ на одномъ щитѣ, какъ послѣднія, но каждая на своей и на отдѣльной доскѣ, подобно тому, какъ у насъ въ иконостасахъ всѣ иконы. Какъ было поступлено при семъ относительно способа поставленія иконъ,—такъ ли, что темплонъ былъ приподнятъ надъ архитравомъ и иконы,—размѣромъ малыя,—были поставлены подъ него, или къ нему (архитраву) была придѣлана съ боку полка и онѣ были поставлены на эту послѣднюю, не знаемъ ¹⁾. Этотъ рядъ иконъ состоялъ изъ 12 иконъ мѣсячныхъ (лицевыхъ святцевъ) и изъ иконъ дванадесятихъ праздниковъ. Его иконы получали названіе αἱ προσκυνήσεις—поклонныя иконы (собств. поклоненія), потому что икона текущаго мѣсяца и случавшагося праздника вынималась изъ своего мѣста и ставилась на налоѣ для поклоненія. Эти поклонныя иконы, которыхъ появленіе не можетъ быть возводимо къ болѣе раннему времени, чѣмъ первая половина XI вѣка, какъ нужно думать, не сразу стали необходимой принадлежностью всѣхъ церквей, и болѣе или менѣе долгое

¹⁾ Симеонъ Солунскій ставитъ икону Спасителя какъ будто непосредственно на архитравъ: ὑπεράνω τοῦ κοσμητοῦ μέσος μὲν ἔστι διὰ τῶν ἱερῶν εἰχόνων ὁ Σωτήρ, ἐκατέρωθεν δὲ ἡ Μήτηρ τε καὶ ὁ Βαπτιστής,—De sacro templo, у Миня t. 155, с. 136, р. 345 (въ надписаніи главы, τὸ πέπλον ошибочно вѣсто τὸ τέμπλον).

время находились только въ нѣкоторыхъ изъ нихъ. Такъ какъ 12 иконъ мѣсячныхъ съ присовокупленіемъ иконъ дванадцятихъ праздниковъ (которыя впрочемъ всѣ могли быть писаны на одной доскѣ) не могли умѣщаться въ олтарной аркѣ (за исключеніемъ развѣ такихъ церквей, какъ Софія Константинопольская), то необходимо думать, что онѣ выступали изъ арки и болѣе или менѣе протягивались въ обѣ стороны отъ нея по стѣнамъ ¹⁾).

Наконецъ, кромѣ темплона и поклонныхъ иконъ, по извѣстіямъ конца XI—начала XII вѣка, къ иконамъ предолтарнымъ принадлежала еще одна икона, ставившаяся не надъ олтаремъ, а предъ нимъ на полъ церковный. Это—храмовая икона церкви. Бывъ писана или въ малыхъ размѣрахъ, какъ поклонныя иконы, или по крайней мѣрѣ не въ большихъ, а среднихъ, она была полагаема на налоѣ (съ того или другого бока царскихъ дверей) ²⁾).

Какъ было относительно предолтарныхъ иконъ у Грековъ, такъ, конечно, должно было быть и у насъ. Однако было не совсѣмъ такъ относительно формы и способа поставленія.

¹⁾ О поклонныхъ иконахъ—*αἱ προσκύψαις*, помѣщенныхъ подъ темпლოномъ, упоминается въ первый разъ въ Уставѣ Константинопольскаго монастыря *τῆς Κεχαρισμένης*, построеннаго супругою импер. Алексѣя Комнина (1081—1118) Ирною и написаннаго ею самой, — Уставъ напечатанъ въ I томѣ *Analecta Graeca* Бенедиктинцевъ, гдѣ о поклонныхъ иконахъ гл. 59, стр. 246, выписка у Дюважа въ *Gloss. Graecit.* подъ сл. *Προσκύψαις*. Что поклонныя иконы не лежали на налояхъ, а стояли надъ олтаремъ, слѣд. подъ темпლოномъ, видно изъ того, что свѣчи ставились передъ ними *ἐν ταῖς λάμπαις*, о которыхъ см. нѣсколько ниже. Иконы мѣсячныя начали писаться и ставиться подъ темпლოномъ, какъ со всею вѣроятностію слѣдуетъ думать, со времени импер. Василія II Булгаробойца (современника нашего Владимира, 975—1025), по приказанію котораго были составлены лицевыя святцы, — его Менологій (прологъ съ лицевыми святцами). — У Грековъ иконы мѣсячныя до настоящаго времени стоятъ подъ темплономъ (въ тѣснѣйшемъ смыслѣ, ибо въ смыслѣ обширѣйшемъ называется у нихъ темплономъ весь иконостасъ) и надъ мѣстными иконами, вмѣстѣ или въ одномъ ряду съ дванадцятими праздниками.

²⁾ О храмовой иконѣ, лежащей (предъ олтаремъ) на поклонѣ, — *προκαμένης εἰς προσκύψαις*, говорится въ сейчасъ помянутомъ уставѣ монастыря *Κεχαρισμένης*, гл. 59, 60 и 66 (въ послѣдней главѣ *τὰ δωδεκαφώτια*—подсвѣчникъ съ 12 трубками для свѣчъ по кругу, съ 13-й по срединѣ, поставляется вмѣсто храмовой иконы предъ поклонными, нѣтъ сомнѣнія, по ошибкѣ). На основаніи Устава патр. Алексѣя, въ которомъ не говорится отдѣльно о храмовой иконѣ, можно думать, что иногда она поставлялась (какъ потомъ у насъ) вмѣстѣ съ поклонными иконами подъ темплономъ.

Иконы, писавшіяся у Грековъ на темплонѣ или на щитѣ, у насъ были писаны на особыхъ доскахъ или иначе этотъ темплонъ у насъ воспроизводился въ особыхъ и отдѣльныхъ иконахъ (какъ это у насъ и въ настоящее время), такъ что вмѣсто одного щита темплонъ явился у насъ составнымъ (составлявшимся изъ того или другого количества отдѣльныхъ иконъ)¹⁾. Чѣмъ объяснять эту разность, не можемъ сказать положительно, а что касается до предположеній, то представляется вѣроятнѣйшимъ слѣдующее: иконы для церквей въ первое время послѣ крещенія мы получали исключительно изъ Греціи, а въ послѣдующее время наибольшую частію изъ нея; такъ какъ большіе щиты, каковы темплоны, не удобно было перевозить, то иконописцы греческіе и придумали разнять ихъ на отдѣльныя иконы, сдѣлать ихъ какъ бы разборными.

По всей вѣроятности, этимъ различіемъ въ формѣ нашихъ темпловъ отъ греческихъ должно объяснять и то, что они первоначально названы были у насъ не тѣмъ именемъ, которое имѣли у Грековъ, не тѣлами, какъ греческое *τέμπλον* по славянски и какъ стали они между прочимъ называться у насъ уже послѣ²⁾, а получили новое и свое собственное имя. Это имя, взятое тоже изъ греческаго языка, есть *деисусъ*³⁾, русское превращеніе слова *δέησις*, которое значитъ моленіе. Объясняютъ усвоеніе этого имени темплону обыкновенно такимъ образомъ, что въ Греціи съ древняго времени былъ обычай дѣлать

¹⁾ Что у насъ иконы темплона, а по нашему деисуса, писались на особыхъ доскахъ, см. сейчасъ ниже выписку изъ Патерика Печерскаго (въ позднѣйшее время и у насъ находимъ тѣла, писанныя на одномъ цѣльномъ щитѣ, см. *Н. Суворова* Описание Вологодскаго Софійскаго собора, стр. 17 прим.).

²⁾ Что наше тѣло (съ носовымъ юсомъ въ я) отъ греческаго *τέμπλον*, а не отъ латинскаго *tabula* (изъ котораго тѣвля, какъ и у Грековъ *τάβλα*, *τάβλιον*), для сколько нибудь порядочнаго филолога не можетъ подлежать сомнѣнію, а для филологовъ не особенно порядочныхъ вотъ доказательство, такъ сказать дающее щупать себя руками: *τέμπλον* у Грековъ въ просторѣчій *τέμπλο*, произносилъ тембло; у насъ тѣло иногда пишется въ рукописяхъ «тямбло»: слѣд. тембло=тямбло (у Сербовъ тѣбло прямо по-гречески — тембло. См. *Іоакима Вуича* Путешествіе по Сербіи, у Будиму граду, 1828, стрр. 107 и 327).

³⁾ Патерика Печерскаго рассказъ о Спиридовѣ просфорникѣ и Алипії иконописцѣ: «великихъ иконъ пять деисуса и двѣ намѣстѣи» (о которыхъ сейчасъ ниже); Ипатск. лѣт. въ повѣсти объ убіеніи Боголюбскаго, изд. 2 стр. 395: «отъ верха и до деисуса». Въ Новгородской лѣтописи подъ 1204 г. употребляется названіе тѣло, но не о нашемъ темплонѣ, а греческомъ (св. Софіи Константинопольской).

на алтарныхъ аркахъ записи о построеніи церквей,—что когда явились архитравы, эти записи были дѣлаемы именно на нихъ подъ темплогнами,—что записи начинались словами: *δέησις τοῦ δοῦλου Θεοῦ τοῦ δεῖνυ*, т. е. (сія церковь есть) моленіе такого-то раба Божія,—что вмѣстѣ съ обычаемъ записей слово *δέησις* перешло къ намъ безъ перевода (принявъ форму деисуса) и что изъ записей, дѣлавшихся подъ темплогномъ, его и перенесли на самый темплогнъ ¹⁾. Но едва ли не гораздо вѣроятнѣе другое объясненіе, а именно—что названіе взято отъ иконы. Главная и первоначальная въ темплогнѣ икона Спасителя съ предстоящими по сторонамъ Божіей Матерью и Предтечею называется въ настоящее время у Грековъ *τρίμορφον* (*триμόρφιον*,—триобразіе, такъ какъ на иконѣ три лика) ²⁾, но весьма возможно предполагать, что въ древнее время икона эта называлась у Грековъ *δέησις* (моленіе) на томъ основаніи, что Божія Мать и Предтеча изображаются на ней въ молитвенномъ по отношенію къ Спасителю положеніи ³⁾, ибо у насъ эта икона темплогна или деисуса до позднѣйшаго времени называлась частнѣйшимъ образомъ деисусомъ. Отъ названія главной иконы и могъ получить у насъ темплогнъ свое новое названіе, тѣмъ болѣе что въ древнее время весьма не рѣдко онъ весь состоялъ изъ одной только этой иконы.

Иконы поклонныя и икона храмовая также перешли къ намъ еще въ періодъ домонгольскій. Относительно этихъ послѣднихъ иконъ мы находимся въ нѣкоторомъ недоумѣніи, для разрѣшенія котораго намъ не удалось найти твердыхъ данныхъ и разрѣшить которое мы оставляемъ будущимъ по насъ изслѣдователямъ. Въ первомъ изданіи книги мы писали: «Здѣсь между нами и Греками различіе было то, что храмовая икона не ставилась на полу церковномъ на налоѣ, но ставилась подъ темплогномъ или по нашему деисусомъ вмѣстѣ съ иконами поклонными ⁴⁾ (бывъ маленькою какъ эти послѣднія). Такъ же какъ и темплогнъ, иконы поклонныя вмѣстѣ съ храмовою получили у насъ свое названіе, а именно,—онѣ названы были иконами намѣстными. Что подъ нашими иконами намѣстными разумѣются греческія иконы

¹⁾ Записей этихъ, идущихъ изъ временъ древности и бывшихъ въ употребленіи до позднѣйшаго времени.— по крайней мѣрѣ до начала XVIII вѣка (называвшихся у насъ лѣтописями) извѣстно очень большое количество.

²⁾ Записки поклонника святой Горы, Кіевъ 1864, стр. 89.

³⁾ Сфг Акты Русскаго на святомъ Афонѣ монастыря св. великомученика и цѣлителя Пантелеймона, Кіевъ 1873, стрр. 52, 54 и 60.

⁴⁾ Что, какъ мы сказали, можетъ быть бывало и у самихъ Грековъ.

поклонныя съ иконою храмовою, это, во-первыхъ, слѣдуетъ изъ Патерика Печерскаго, который даетъ знать, что намѣстная икона Печерской церкви въ тѣснѣйшемъ смыслѣ ея храмовой иконы была поставлена высоко, такъ что нужно было приставлять къ ней лѣстницу ¹⁾, слѣдовательно подъ темпლოномъ или деисусомъ; во-вторыхъ, это доказывается тѣмъ мѣстомъ, которое доселѣ занимаетъ въ иконостасѣ Печерской церкви ея древняя намѣстная икона: она виситъ на шнурахъ надъ царскими дверями, въ линію съ рядомъ тѣхъ иконъ, которыя у Грековъ назывались поклонными ²⁾; а наконецъ и всего болѣе, хотя быть можетъ нѣсколько и неожиданно, это ясно изъ названія иконъ: намѣстный производятъ отъ на и мѣсто: но при этомъ производствѣ слово не будетъ имѣть смысла, ибо всякая икона (и все, что стоитъ) стоитъ на мѣстѣ; позднѣйшее намѣстный—изъ древняго «наместный», что значитъ праздничный ³⁾, каковы дѣйствительно и суть греческія поклонныя, а наши намѣстныя иконы ⁴⁾. Это мы писали въ первомъ изданіи книги. Но возможно, что примѣръ Печерской церкви представлялъ собою лишь исключеніе, а что вообще у насъ такъ же, какъ и у Грековъ храмовая икона лежала на валоѣ ⁵⁾. Въ такомъ случаѣ не будетъ основанія распространять названіе: намѣстный на иконы праздничныя и ограничивая его одной храмовой иконой нужно будетъ понимать его въ смыслѣ: главный (намѣстная икона — главная икона храма, сгг въ Словарѣ *Срезневскаго* сл. намѣстіе). При этомъ въ позднѣйшихъ нашихъ иконостасахъ рядъ иконъ праздничныхъ почти всегда стоитъ не подъ, а надъ рядомъ деисуса. Возможно, что по причинѣ или по причинамъ, которыхъ мы не можемъ указать, это такъ у насъ и съ древнѣйшаго времени или такъ именно началось ⁶⁾. По-

¹⁾ Въ разсказѣ Поликарпа объ Алимпіи иконописцѣ (о чудесномъ голубѣ).

²⁾ А по своимъ размѣрамъ она весьма не велика, именно—будучи болѣе широкою, чѣмъ высокою, имѣетъ 9 вершковъ ширины и 6 съ половиною вершковъ вышины (Ея изображеніе у *Фундуклея* въ *Обозр. Кіева*, къ стр. 66).

³⁾ См. въ Словаряхъ *Востокова* и *Срезневскаго* сл. мѣстный.

⁴⁾ А позднѣйшія наши мѣстныя иконы названы мѣстными по непониманію слова намѣстный: вверху стояли иконы намѣстныя, слѣдовательно нижнія должны быть просто мѣстныя. У Грековъ наши мѣстныя иконы называются: μεγάλα εἰκόνας, т. е. великія иконы.

⁵⁾ Главы древнихъ уставовъ о кажденіи и о возжиганіи свѣтъ какъ будто за это послѣднее. Онѣ говорятъ отдѣльно о тѣлѣ и отдѣльно о храмовой иконѣ: но если храмовая икона не на тѣлѣ, то негдѣ быть ей кромѣ наложя (чего уставы прямо не говорятъ).

⁶⁾ Въ Патерикѣ Печерскомъ въ разсказѣ о преп. Алимпіи иконописцѣ гово-

елику иконы темплона или деисуса не писались у насъ на одномъ щитѣ, какъ у Грековъ, а на разныхъ доскахъ, такъ же, какъ иконы поклонныя,—наши намѣстныя или праздничныя, то по формѣ темплонъ или деисусъ и эти иконы поклонныя или намѣстныя слились у насъ въ одно общее. Въ этомъ общемъ отличіе ряда иконъ поклонныхъ отъ рядовъ иконъ темплона или деисуса составляло то, что онѣ представляли собою рядъ иконъ меньшихъ, чѣмъ иконы темплона ¹⁾. Общее называлось именемъ бѣльшей части, т. е. деисусомъ; но когда нужно было отличить въ немъ иконы намѣстныя, какъ особую часть, то употреблялось о нихъ это послѣднее названіе ²⁾.

рится, что одинъ боголюбецъ заказалъ ему написать пять большихъ иконъ деисуса и двѣ иконы намѣстныя. Если бы было сказано, что обѣ намѣстныя иконы въ одну церковь или къ одному алтарю, тогда слѣдовало бы, что кромя иконы храмовой назывались намѣстными еще другія иконы тябла и надлежало бы разумѣть это именно объ иконахъ праздничныхъ. Но такъ какъ этого не сказано, то возможно, что двѣ намѣстныя иконы въ двѣ церкви или къ двумъ алтарямъ. Въ Ипатской лѣтописи подъ 1288-мъ годомъ какъ будто съ совершенною ясностію говорится о Владимиро-Волынскомъ князѣ Владимірѣ Васильковичѣ, что онъ написалъ двѣ намѣстныя иконы въ одну церковь (въ построенную имъ въ городѣ Любомлѣ, въ настоящее время мѣстечкѣ Волынской губерніи, Владимирскаго уѣзда, церковь св. Георгія иконы св. Георгія и Божіей Матери),—2 изд. стр. 610.

¹⁾ Сейчасъ указаннныя размѣры Печерской намѣстной иконы; Патерикъ: «великихъ иконъ пять деисуса и двѣ намѣстныя» (см. выше).

²⁾ У Грековъ нашъ иконостасъ (теперь такой же какъ и у насъ, т. е. съ мѣстными иконами), какъ уже мы говорили выше, до сихъ поръ не называется иконостасомъ, но отъ древней надолтарной его части или отъ его древняго надолтарнаго начала темплонъ, — *τέμπλον* (желающій провѣрить наши слова можетъ спрашивать любого Грека, а что касается до книгъ, то см. «Замѣтки поклонника святой Горы», принадлежащія челювѣку, весь свой вѣкъ прожившему на Востокѣ. стр. 118 (тутъ же кстатѣ см. и его размышленія, съ которыми, конечно, нельзя не согласиться), и книгу Герасолоубасъ Г. Паламы, стр. 487. Названіе иконостасъ, отъ *εἰκὼν* или *εἰκόνα* и *ἱεστῆρι*, — ставлю икону въ чезъ нибудь или на чезъ нибудь, у Грековъ употреблялось и употребляется, во-первыхъ, о кіотахъ иконъ домовыхъ и церковныхъ (въ первомъ случаѣ наше тябло или наша кіота съ иконами у Грековъ—*εἰκονοστάσιον*, причеиъ иконы у Грековъ не только ставились въ иконостасахъ или кіотахъ, но и вѣшались на нихъ, *Codin.* у Дюк. въ Gloss. Gr. подъ сл. *εἰκονοστάσιον*, во второмъ случаѣ разумѣются кіоты иконъ настѣнныхъ и настольныхъ, о которыхъ сейчасъ ниже), — во-вторыхъ, о налояхъ въ церквахъ и домахъ, на которые вѣшались иконы (выписки у Дюканжа въ сейчасъ указанномъ мѣстѣ, а затѣиъ нынѣшнее живое употребленіе). У насъ иконостасъ не назывался иконостасомъ до первой половины XVIII вѣка, см. въ Описаніи Синодд. ркпп. Горск.

Итакъ, въ періодъ домонгольскій нашъ деисусъ, по теперешнему иконостаю, состоялъ изъ того или другаго числа рядовъ иконъ, поставленныхъ въ олтарной аркѣ надъ олтарной преградой,—рядовъ, въ которыхъ различались двѣ составныя части,—иконы поклонныя (меньшія размѣрами), составлявшія нижній рядъ, и собственный деисусъ или греческій темлонъ, который составляли всѣ ряды дальнѣйшіе. До какой степени развитія доходилъ у насъ въ періодъ домонгольскій собственный деисусъ, т. е. до какого количества рядовъ и до какого количества иконъ въ рядахъ (или въ каждомъ ряду) достигалъ онъ, этого мы такъ же не знаемъ, какъ и о греческомъ темлонѣ или о томъ же деисусѣ у Грековъ. Однако есть одно указаніе, которое даетъ знать, что въ ширину онъ не выступалъ изъ олтарной арки и что въ вышину онъ болѣе или менѣе не доходилъ до ея верха. Объ Андрѣ Боголюбскомъ говорится, что въ Рождественской Боголюбовской церкви онъ устраивалъ сѣнь или навѣсъ надъ олтарной аркой отъ верха и до деисуса ¹⁾; слѣдовательно, иконы были въ аркѣ и отъ нихъ до ея верха было болѣе или менѣе далеко.

Въ настоящее время у насъ въ церквахъ кромѣ иконъ, находящихся въ иконостаѣ или составляющихъ иконостаю, есть еще иконы настѣнныя и настольныя или пристѣнныя и пристольныя, ставимыя въ кіотахъ у продольныхъ стѣнъ церковныхъ (сѣверной и южной) и у подкупольныхъ столбовъ. Эти иконы у Грековъ и у насъ восходятъ своимъ появленіемъ также къ нашему періоду домонгольскому. На иконахъ темплона или деисуса изъ новозавѣтныхъ святыхъ были изображаемы только апостолы; послѣ апостоловъ явились надъ олтаремъ на иконахъ поклонныхъ или намѣстныхъ и всѣ прочіе святые. Но они могли явиться здѣсь только въ изображеніяхъ миниатюрныхъ и такъ сказать иконахъ несобственныхъ. Большія и настоящія иконы прочихъ святыхъ, какіе изъ послѣднихъ въ какой церкви особенно чествовались, и было принято ставить у стѣнъ и столбовъ. У Грековъ эти иконы явились, какъ имѣемъ положительное свидѣтельство, не позднѣе

и *Невостр.* № 402 л. 243 об. (а когда авторъ приводитъ тамъ выписки говорить, что «иконастаю паки наричется у Грековъ нашъ дѣисусъ», то говорить не правду) и *Барская* изд. 1778 г. стр. 272 («темлонъ или стѣна, закрывающая олтарь или просто рѣзаніе», но не иконастаю). Какимъ образомъ названіе иконостаю (въ его смыслѣ кіоты для иконъ) дано было у насъ темплону или деисусу, см. сейчасъ ниже.

¹⁾ Повѣсть объ убіеніи,—въ Ипатск. лѣт., 2 изд. стр. 395.

первой половины XI вѣка ¹⁾, и, какъ со всею вѣроятностію слѣдуетъ думать, одновременно съ иконами поклонными. Когда явились эти иконы у насъ, не знаемъ; какъ кажется, не позднѣе Андрея Боголюбскаго, а во всякомъ случаѣ мы находимъ ихъ у насъ въ концѣ періода ²⁾.

¹⁾ Въ Уставѣ Константинопольскаго патріарха Алексѣя (1025—1048) уже упоминаются наши иконы какъ иконы «по стѣнамъ» и «дольнія»,—славянскій переводъ, Синод. ркп. № 330 (у Горск. и Невостр. № 380) лл. 247 об. и 279 (а что тутъ разумѣются не наши мѣстныя иконы, которыхъ еще несомнѣнно не было, но которыя подозрѣвать можетъ изъяснить охоту иной читатель, это видно изъ того, что предъ ними предписывается поставлять въ праздники менѣе свѣтъ, чѣмъ предъ иконами тѣбла, л. 279 и об.).

²⁾ Въ пожаръ Владимирскаго собора Боголюбскаго 1185 г. между другими богослужебными принадлежностями сгорѣли «укси церковныя» (Лавр. лѣт.). Думаемъ, что эти уксы изъ греческаго ὄξος (какъ уксы изъ ὄξος), что означаетъ матерію темнокрасную или темнофіолетовую, преимущественно дорогую (*Дюканж. Gloss. Graecit.* подъ этимъ словомъ, также у *Тейнера* и *Миклошича* въ изданіи *Monumenta aereantia ad unione[m] ecclesiarum Graecae et Romanae, Vindobonae, 1872, pp. 2—3 sub fin.*) и что тутъ должно разумѣть иконныя пелены; а если такъ, то послѣднія подвѣшивались на праздники именно къ иконамъ, стоящимъ на стѣнахъ и на столбахъ (см. немного ниже). Затѣмъ, Лаврентьевская лѣтопись говоритъ объ епископѣ Ростовскомъ Кириллѣ подъ 1231 г., что онъ украсилъ свою кафедральную церковь «иконами многоцѣннама, иже нѣсть мощи и сказати, и съ предполы, рекше пелены»: подъ иконами съ предполы несомнѣнно разумѣются иконы настѣнныя и настольныя.—Что касается до дальнѣйшей исторіи деисуса или по позднѣйшему иначе тѣбла (что есть его собственное греческое имя—τέμπλον) превратившагося въ нынѣшній иконостасъ, то обстоятельно о ней послѣ, а кратко она есть: во-первыхъ, самый деисусъ, находившійся въ олтарной аркѣ, выступилъ изъ нея и постепенно протянулся «во весь храмъ» (Историческія свѣдѣнія о Бѣлопесоцкомъ монастырѣ іеромон. Арсенія, помѣщенныя въ Чтевіяхъ Московскаго Общ. любителей духовн. просвѣщ., кн. XI, стр. 113 и 114), что случилось къ концу XV—началу XVI вѣка (Никон. лѣт. III, 177 и Русск. Временн. II, 138,—о деисусахъ Московскомъ, Ростовскомъ и Новгородскомъ); во-вторыхъ, явились иконы кіотныя, подобныя настѣннымъ и настольнымъ, предъ олтарной преградой и олтарными столбами (появленіе которыхъ должно быть объясняемо желаніемъ имѣть Спасителя и Божию Матеръ на бѣльшихъ иконахъ, нежели на какихъ они были въ деисусѣ и на большей къ себѣ близости, чѣмъ послѣдній), которыя, не бывъ приставляемы къ олтарной преградѣ и олтарнымъ столбамъ вилотную, были поставляемы передъ ними, что случилось не позднѣе первой половины XVI вѣка (Собр. лѣтт. VI, 285), а можетъ быть и гораздо ранѣе; въ-третьихъ, эти послѣднія иконы, первоначально стоявшія не вилоть къ преградѣ и олтарнымъ столбамъ

Кромѣ иконъ, стоящихъ въ иконостасѣ и по стѣнамъ въ кіотахъ, въ нашихъ церквахъ есть еще иконы, висящія на древкахъ (шестахъ): это такъ называемыя хоругви, собственное назначеніе которыхъ состоитъ въ томъ, чтобы быть носимыми въ крестныхъ ходахъ и вообще въ торжественныхъ церковныхъ процессіяхъ. Слово хоругвь, по-славянски: хор҃гы и хоругы, хор҃говь (-уговь), хор҃говь (-въ: Словари *Восток. и Микл.*), родственно съ греческими *χοραγία* или *χορηγία*,—совершенство религіознаго круговаго хожденія (хоровода), и *χοραγείον* или *χορηγείον*,—мѣсто совершенія этого хожденія, какъ въ нашемъ словѣ хороводъ первая половина: «хоръ» тождественна съ греческимъ *χορός* (которое собственно значить именно то, что наше хороводъ). Необходимо думать, что предки наши во времена языческія употребляли при своихъ религіозныхъ хороводахъ такъ или иначе (по той или другой

и поэтому производившія «безчинную» тѣсноту предъ олтаремъ, были отчасти поставлены на преграду или вставлены въ нее, отчасти вплотную придвинуты къ столбамъ, что случилось послѣ собора 1667 г. и вѣроятно вслѣдствіе его нарочитаго предписанія о поставленіи мѣстныхъ образовъ «чинно», т. е. такъ, чтобы они не производили тѣсноты предъ олтаремъ (Дополн. къ Акт. Истор. V, 460 стр., сѣг Вивліое. VI, 363 и 382 стр.,—для вещнаго дѣйствія мѣстныхъ иконы, чтобы освободить пространство, выносились изъ церкви, слѣд. еще не были вставлены въ ограду и приставлены къ столбамъ, и тѣмъ обстоятельствомъ, что мѣстныя иконы первоначально стояли въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ алтаря, а не вплотную, выясняется та загадка, что древнія мѣстныя иконы суть двуличныя, писанныя съ обѣихъ сторонъ). Когда сдѣлано было послѣднее, то и получился нынѣшній иконостасъ, названный такъ отъ кіотъ иконъ мѣстныхъ, которыя (кіоты) суть иконостасы,—*εικονοστασία* (Слова: деисусъ и тябло въ старое время кромѣ общаго значенія употреблялись еще въ частныхъ значеніяхъ: первое въ смыслѣ первого ряда иконъ всего деисуса, въ которомъ стояли икона Спасителя съ Божіей Матерью и Предтечею или икона деисусъ; второе—въ смыслѣ ряда иконъ подъ деисусомъ или древнихъ намѣстныхъ и потомъ въ смыслѣ всякаго ряда иконъ деисуса: деисусъ въ первомъ тяблѣ, во второмъ, въ третьемъ; затѣмъ, для обозначенія особыхъ рядовъ въ деисусѣ, взятомъ въ общемъ смыслѣ, употребляются еще выраженія: деисусъ сидящій, деисусъ стоящій, т. е. рядъ деисуса, въ которыхъ икона Спасителя, изображеннаго сидящимъ или стоящимъ). У Грековъ нынѣшній иконостасъ, состоящій изъ древняго темплона (противъ древняго значительно увеличеннаго) и подъ нимъ нашихъ мѣстныхъ, а по-гречески—великихъ, иконъ, явился такимъ образомъ, что эти послѣднія иконы была подставлены подъ темплонъ (а начали онѣ появляться я какъ кажется до подставленія подъ темплонъ не предъ олтаремъ, какъ у насъ, а внутри алтаря, сѣг патр. іерусал. Нектарія *Ἐπιτομή τῆς ἱεροσολιτικῆς ἱστορίας*, изд. Венец. 1677, стр. 158 стр., не позднѣе конца XIV вѣка, см. Acta Patriarchat. Constantinopolitani Миклошича II, 567).

причинѣ) явившіяся у нихъ въ семь случаѣ знамена (которыя отсюда и съ здѣшнимъ именованіемъ перешли потомъ въ военные полки) и что эти-то знамена языческихъ религіозныхъ процессій, по принятіи христіанства, и превращены въ наши христіанскія хоругви (съ перемѣною изображеній на нихъ). У Грековъ, сколько знаемъ, хоругви въ настоящее время не употребительны; на изображеніяхъ крестныхъ ходовъ въ Менологіи импер. Василія ихъ также не видится (ч. I стр. 146 и 210, ч. II стр. 137).

Въ позднѣйшее время у Грековъ и у насъ иконы писались, какъ и до настоящаго времени пишутся, по такъ называемому «Подлиннику», который ведетъ свое начало, какъ необходимо думать, отъ сейчасъ помянутаго Менологія импер. Василія (отъ его лицевыхъ изображеній). Въ житіи преп. Аврамія Смоленскаго есть указаніе на существованіе у насъ Подлинника въ періодъ домонгольскій, — Правосл. Собесѣдн. 1858 г. кн. 3, стр. 370 (преп. Аврамій «образъ же и подобіе (имѣлъ) на Великаго Василія, чрѣну браду такую имѣя, плѣшиву развѣ имѣя главу»: изъ этихъ словъ видно, что въ періодъ домонгольскій святыя писались у насъ уже въ установленномъ внѣшнемъ образѣ, а это и есть Подлинникъ).

Значительно ранѣе иконъ для молитвеннаго обращенія и чествованія явились въ церквахъ священныя изображенія, имѣвшія назначеніемъ украшать церкви и доставлять назиданіе взорамъ присутствующихъ, а въ частности служить нагляднымъ средствомъ поученія для тѣхъ изъ христіанъ, которые по безграмотности не могли поучаться изъ книгъ ¹⁾). Иконы, первоначально явившіяся въ олтаряхъ, вынесены

---

¹⁾ Нилъ Синайскій въ помянутомъ нами выше письмѣ къ Олимпіодору, сказавъ, что въ олтарѣ долженъ быть изображенъ одинъ крестъ и болѣе ничего, говоритъ о самой церкви: «святой же храмъ рукою лучшаго живописца наполни сюду и сюду (ἐνθεν καὶ ἐνθεν, вездѣ) исторіями ветхаго и новаго заветъа, дабы незнающіе грамотѣ и не могущіе читать божественныхъ писаній посредствомъ созерцанія живописи познавали (μνήμητι λαμβάνωσιν, — припоминали, приводили себѣ на память) добропобѣдіе неложно послужившихъ истинному Богу и возбуждались къ соревнованію славнымъ и присноблаженнымъ подвигамъ, чрезъ которые вѣсто земли они приобрѣли небо», — въ Патрол. *Миня* греческой серіи т. 79 col. 577. Подобнымъ образомъ Павлія Ноланскій говоритъ о побужденіяхъ, по которымъ онъ украсилъ живописью построенную имъ церковь, — *ibid.* латинск. серіи т. 61 col. 75: Propterea visum nobis opus utile, totis felicibus domibus pictura illudere sancta: si forte attonitas haec per spectacula mentes agrestum caperet fucata coloribus umbra.

были потомъ въ самыя церкви; наоборотъ, священныя изображенія, явившіяся первоначально въ собственныхъ церквахъ, внесены были потомъ въ олтари; такимъ образомъ, съ теченіемъ времени какъ однѣ, такъ и другія стали принадлежностію обѣихъ частей, изъ которыхъ состоятъ церкви. Не знаемъ, скоро ли священныя изображенія вошли у Грековъ въ общій обычай, но со всею вѣроятностію слѣдуетъ думать, что въ то время, какъ мы приняли отъ нихъ христіанство, онѣ считались уже у нихъ необходимой принадлежностію церквей. Отъ Грековъ священныя изображенія перешли и къ намъ; но у насъ онѣ вовсе не могли стать этой необходимой принадлежностію церквей, ибо у насъ расписываніе церквей вовсе не могло стать такимъ же дѣломъ нетруднымъ, какъ это было въ Греціи. Не ставъ необходимой принадлежностію всѣхъ церквей, священныя изображенія, какъ кажется, стали у насъ если не необходимой, то весьма желаемой принадлежностію первой каменныхъ.

Послѣ первоначальнаго, болѣе или менѣе продолжительнаго періода разнообразнаго произвола, долженъ былъ настать въ способѣ украшенія церквей священными изображеніями или живописью нѣкоторый опредѣленный порядокъ, т. е. должны были до нѣкоторой степени установиться обычай и правила, что именно гдѣ писать. Со всею вѣроятностію слѣдуетъ думать и отчасти имѣемъ положительныя основанія предполагать, что въ то время, какъ мы приняли отъ Грековъ христіанство, этотъ порядокъ, вполнѣ или несполнѣ сложившійся, былъ уже у нихъ наблюдаемъ. Такъ какъ памятниковъ живописи домонгольскаго періода сохранилось слишкомъ недостаточное количество, то мы не можемъ сказать о порядкѣ многаго опредѣленнаго. Но отчасти на основаніи сохранившихся памятниковъ, отчасти позволяя себѣ заключенія отъ послѣдующаго времени, мы получимъ слѣдующее общее: во-первыхъ, были мѣста въ церквахъ, на которыхъ было принято писать только извѣстныя священныя изображенія (а не какія нибудь другія); во-вторыхъ, послѣ этихъ мѣстъ, на которыхъ долженствовали быть писаны именно извѣстныя изображенія, вся площадь церквей раздѣлялась на двѣ половины и каждой половинѣ была усвоена своя особая категорія или группа священныхъ изображеній. Что касается до мѣстъ, на которыхъ были писаны извѣстныя, усвоенныя имъ, священныя изображенія, то такихъ мѣстъ мы пока знаемъ два: столбы олтарной арки или передніе подкупольные и потомъ куполь—въ церквахъ однокупольныхъ единственный, а въ церквахъ многокупольныхъ главный. На столбахъ олтарной арки, теперь закрытой иконостасомъ, было изображаемо Благовѣщеніе, именно—такимъ образомъ, что на одномъ столбѣ изобра-

жалась Божія Матерь, на другомъ Архангель Гавріиль ¹⁾ (бывъ взято съ закрытыхъ теперь столбовъ, оно изображается у насъ въ настоящее время въ верхнихъ клеймахъ царскихъ дверей). Въ куполѣ церкви однокупольныхъ единственномъ, а многокупольныхъ главнымъ былъ изображаемъ Спаситель съ ангелами, пророками и евангелистами; именно—въ самомъ верху или лбу Спаситель въ радужномъ кругѣ, одною рукою благословляющій (благовѣствующій), а въ другой держащій евангеліе; по сторонамъ Его и подъ Нимъ на сгибахъ верха къ тамбуру или шеѣ, если позволяло мѣсто, смотря по величинѣ купола, ангелы; въ тамбурѣ или шеѣ между окнами—пророки; въ четырехъ каморахъ или абсидахъ, иначе парусахъ купола—евангелисты ²⁾. Двѣ части, на которыя въ отношеніи къ живописи раздѣлялась вся площадь церкви, за исключеніемъ сейчасъ указанныхъ и вѣроятно другихъ неизвѣстныхъ намъ мѣстъ съ опредѣленно присвоенными имъ священными изображеніями ³⁾, суть: съ одной стороны стѣны церкви, столбы и лбы на дугахъ арокъ у сводовъ, и именно—у сводовъ какъ подъ самыми церквами, такъ и подъ полатыми или хорами, вообще вся поверхность перпендикулярная или отвѣсная; съ другой стороны — въ

¹⁾ Благовѣщеніе изображено мозаикой на нашихъ столбахъ въ Кіево-Софійскомъ соборѣ; изображеніе его сохраняется на этихъ столбахъ въ нѣкоторыхъ познѣйшихъ церквахъ, уцѣлѣвъ и скрываясь за мѣстными иконами; Благовѣщеніе повелѣваетъ изображать на этихъ столбахъ и греческій иконописный подлинникъ іероко. Діонисія—*Ἐπιφάνεια τῶν ζωγράφων*, стр. 252.

²⁾ Спаситель изображенъ былъ въ куполѣ Печерской церкви (разсказъ Поликарпа объ Алипії иконописцѣ, именно—о чудесномъ голубѣ); Онъ изображенъ въ Новгородской Спасо-Нередицкой церкви (а съ кѣмъ, этого не видно, потому что куполъ глухой, безъ оконъ); живопись нашего купола въ Новгородскомъ Софійскомъ соборѣ, можетъ быть, не особенно древняя, но по всей вѣроятности воспроизводящая древнюю, представляетъ Спасителя съ ангелами и пророками (въ самомъ верху Спаситель, подъ Нимъ надъ окнами херувимы и ангелы, между окнами пророки, Новгор. III лѣтоп. подъ 1045 г., архим. *Макарія* Археологич. опис. церкви древн. въ Новгородѣ I, 57); древній куполъ Кіевского Софійскаго собора не сохранился, но сохранились его каморы или паруса и на нихъ—мозаическіе евангелисты (Описаніе Кіевософ. собора стр. 45, *Фундулк.* стр. 39); Спасителя съ ангелами и пророками повелѣваетъ изображать въ нашемъ куполѣ упомянутый греческій иконописный подлинникъ, стр. 249, и Онъ же съ пророками всегда изображается въ немъ у Грековъ и въ настоящее время,—Замѣтки поклонника святой Горы, стр. 16 (въ куполѣ Константинопольской св. Софії—крестъ, см. рисунокъ *Грелота* въ *Imperium Orientale* Бандурія, t. II p. 758).

³⁾ Сравнивай указанный греческій подлинникъ, стр. 249 sqq.

церквахъ многокупольныхъ побочные купола и во всѣхъ церквахъ своды, и именно—какъ верхніе надъ самыми церквами, такъ и нижніе подъ полатыми или хорами, вообще вся поверхность горизонтальная. Поверхность горизонтальная, на которой фигуры должны быть изображаемы распростертыми и какъ бы парящими, представляла собою небо; поверхность перпендикулярная, на которой фигуры изображались въ ихъ естественномъ прямомъ положеніи, представляла собою землю. Сообразно съ этимъ и сюжеты живописанія или живописи, распадаясь на двѣ группы, одни считались болѣе приличествующими одной поверхности, другіе — другой, одни небу, другіе землѣ. На поверхности горизонтальной, на сводахъ и въ куполахъ были изображаемы: небесный трофей христіанства—крестъ, окруженный ангелами, Иисусъ Христосъ и Божія Матерь, окруженные тѣми же ангелами, парящіе на облакахъ и безъ облаковъ, въ различныхъ видахъ апофеоза (великаго совѣта Ангель, Еммануиль и пр.), пророки и вообще ветхозавѣтные праведники (первые, вѣроятно, какъ провозвѣстники уготовленнаго для людей Христомъ царства небеснаго, а всѣ вторые, какъ его чайтели) и наконецъ апостолы на престолахъ (какъ будущіе судьи міру) ¹⁾. На поверхности перпендикулярной или на стѣнахъ, столбахъ и лбахъ арокъ были изображаемы: дванадцатые праздники (какъ представляющіе событія изъ земной жизни І. Христа и Богородицы), святители, мученики и мученицы ²⁾.

¹⁾ На нижнихъ подзорныхъ сводахъ Кіевскаго Софійскаго собора изображены «звѣзды, составленныя изъ двухъ равноконечныхъ крестовъ, соединенныхъ между собою въ центрѣ», окруженныя поясными въ кругахъ ангелами, *Фундука.* стр. 39 (п. в. в. в.); на тѣхъ же сводахъ во Владимірскомъ Дмитріевскомъ соборѣ открыты изображенія: Божіей Матери съ праотцами и апостолами, сѣдающихъ на престолахъ и окруженныхъ сонмами ангеловъ, *п. Строганова* Дмитріевск. соб. стр. 11. За сямъ сравнивай сейчасъ указанный греческій подлинникъ, *ibid.*

²⁾ На стѣнахъ, столбахъ и лбахъ арокъ въ Кіевскомъ Софійскомъ соборѣ изображены святители, мученики и мученицы (первые «въ полуиспанскомъ видѣ», т. е. въ размѣрахъ большихъ тѣмъ естественные, а двои вторые, тамъ гдѣ не доставало мѣста, — на лбахъ арокъ, не во весь ростъ, а поясные въ кругахъ), *Фундука.* стр. 40. Въ Новгородской Спасо-Нередицкой церкви на стѣнахъ продольныхъ, южной и сѣверной, на столбахъ и на лбахъ арокъ изображены: дванадцатые праздники (именно на стѣнахъ и не всѣ, — теперь три: Введеніе, Срѣтеніе и Крещеніе, а было вѣроятно четыре, но одинъ уничтоженъ вслѣдствіе раздѣлки окна), мученики и мученицы (тамъ гдѣ не достаетъ мѣста также поясные въ кругахъ); на западной стѣнѣ подъ полатыми по обѣимъ сторонамъ входныхъ дверей—страшный судъ, съ прибавкою съ одного боку изъ Апокалипсиса (затѣмъ еще: на

Въ минуту принятія христіанства мы не знали никакой свѣтской живописи, такъ чтобы обратить знаніе на церковное употребленіе. Слѣдовательно, въ иконахъ и церковной живописи на первыхъ порахъ мы исполнѣ должны были зависѣть отъ Грековъ. Но какъ было потомъ: такъ ли, что, зависѣвъ отъ нихъ нѣкоторое первое время, мы потомъ водворили искусство живописи у самихъ себя и стали обходиться безъ нихъ, или напротивъ такъ, что и во все продолженіе періода мы оставались въ большей или меньшей отъ нихъ зависимости, главнымъ образомъ ихъ же имѣвъ своими живописцами и своими поставщиками иконъ? Отвѣтъ на вопросъ можетъ быть данъ не положительный, за совершеннымъ отсутствіемъ прямыхъ указаній, а только предположительный.

Живопись и иконописаніе, какъ всѣ ремесла художественныя, требуютъ для своего процвѣтанія той или другой степени просвѣщенія, ибо для сего необходимъ развитый вкусъ и сознательное разумѣніе техники, что возможно только подъ условіемъ ббльшаго или меньшаго просвѣщенія. Но у насъ въ Россіи въ періодъ домонгольской не было просвѣщенія ни ббльшаго ни малаго, изъ чего слѣдуетъ, что живопись съ иконописью не могли процвѣтать у насъ какъ искусства. Онѣ могли существовать и быть болѣе или менѣе распространены у насъ какъ ремесла, подобно тому, какъ въ настоящее время существуютъ въ Владимирскомъ Суздальѣ. Полагаемъ, что какъ таковыя живопись и иконопись нужно отдѣлять одну отъ другой и что о степени распространенности у насъ той и другой въ періодъ домонгольской нужно думать болѣе или менѣе различно. Живопись требуетъ мастеровъ на мѣсто, въ самыя церкви, которыя нужно расписывать и не

западной части южной стѣны подъ тѣми же полатами изображенъ стоящій и держащій церковь князь, — вѣроятно строитель церкви, предъ нимъ сидящій и благословляющій его Спаситель, между нимъ и Спасителемъ большая записъ, къ сожалѣнію, теперь не читаемая; на сѣверной стѣнѣ противъ князя остающіяся непонятными 12 головъ въ трехъ четвероугольникахъ). — Объ ангелѣ внѣ дверей церковныхъ, написующемъ входящихъ, говоритъ Іоаннъ Евхитскій, жившій около половины XI вѣка, — у Мня въ Патр. t. 120 p. 1196, n. 100. — Сдѣлаемъ замѣтку объ изображеніи у насъ бѣса. Бѣсъ изображается у насъ въ видѣ безобразно-чернаго голаго человѣка съ рогами и съ хвостомъ. Это — не созданіе греческой фантазіи, а безобразіе, взятое Греками изъ дѣйствительности. Бѣсы называются иначе еііопами. Еііопъ значитъ Негръ, и въ семь-то образѣ Негра, который воплощалъ собою на взглядъ Грековъ безобразіе, они и изображали бѣса, при чемъ и рога съ хвостомъ взяты съ дѣйствительности, ибо и до сихъ поръ нѣкоторые Негры Африки украшаютъ себя первыми и послѣднимиъ.

можетъ быть перевозима; напротивъ, иконы могутъ быть перевозимы и привозимы, какъ всякій товаръ. Такимъ образомъ, для живописи могли быть получаемы изъ Греціи только мастера, иконы же могли быть получаемы изъ нея какъ готовые произведенія. На семъ основаніи мы думаемъ, что ремесло живописи гораздо болѣе было распространено у насъ въ періодъ домонгольскій, чѣмъ ремесло иконописанія. Процвѣтаніе и просто существованіе всякаго ремесла непремѣнно условливаются степенью его выгоды: если ремесло не приноситъ выгоды, то естественно, что не будетъ охотниковъ имъ заниматься. Но несомнѣнно, что конкуренція Греціи должна была дѣлать у насъ ремесло иконописи вовсе невыгоднымъ. Только что начинающіе заниматься какиъ нибудь ремесломъ, по весьма понятной причинѣ, вовсе не въ состояніи продавать произведеній своего производства по такой же дешевой цѣнѣ какъ тѣ, которые занимаются имъ давно. Слѣдовательно, иконы нашего собственнаго производства должны были бы быть дороже привозныхъ иконъ греческихъ; но дорогогаго, равнокачественнаго съ дешевымъ, никто не станетъ покупать, а слѣдовательно, не имѣя возможности удешевить производство до рыночной цѣны, никто не будетъ имъ и заниматься. То обстоятельство, что греческія иконы должны были издалека привозиться, весьма мало должно было вліять на ихъ цѣны, ибо перевозъ былъ до самаго Кіева водяной, т. е. возможно дешевый, такъ что на каждую икону долженъ былъ обходиться не болѣе какъ въ нѣсколько копѣекъ. Единственное средство создать у насъ новое ремесло въ виду конкуренціи Грековъ была нынѣшняя запретительная система; но ни о чемъ подобномъ въ древнее время вовсе не думали и, конечно, всего менѣе могли думать въ приложеніи къ иконамъ. Такимъ образомъ, необходимо предполагать, что въ періодъ домонгольскій ремесло иконописанія было у насъ развито и распространено весьма слабо и что вся Русь была снабжаема иконами преимущественно изъ Греціи, подобно тому какъ въ настоящее время почти всю деревенскую Русь снабжаютъ ими иконники помянутаго Суздаля (собственно древней области Суздальской, въ настоящее же время Вязниковцы, иконописцы-богомазы Вязниковскихъ слободъ Мстеры, Холуя и др.). Главными мѣстами, которыми занимались поставкою къ намъ иконъ, должно считать Константинополь и ближайшую къ намъ Корсунь.

Изъ того обстоятельства, что Русь домонгольскаго періода имѣла иконы преимущественно получавшіяся изъ Греціи греческаго производства, читатель, полагаемъ, поспѣшитъ сдѣлать заключеніе, что въ періодъ домонгольскій она имѣла иконы гораздо лучшія, чѣмъ въ послѣдующее время собственнаго производства. Мы того рѣшительнаго мнѣ-

нія, что это заключеніе было бы совершенно ошибочно,—что напротивъ знаменитую византійско-русскую иконопись въ смыслѣ иконописи возможно неудовлетворительной должно возводить именно еще къ этому древнѣйшему времени и что даже и знаменитая русская поговорка: «годится—молиться, не годится—крышки покрывать», можетъ быть, вести свое начало не отъ Суздальцевъ, отъ которыхъ ее обыкновенно производятъ, а еще отъ Грековъ. Воображать, будто въ Греціи каждый иконописецъ былъ непременно художникъ, писавшій не иначе какъ возможно хорошія иконы, конечно, значило бы воображать нѣчто совсѣмъ неладное; на одного дѣйствительнаго художника приходилось, если не сотня, то навѣрное полсотни простыхъ ремесленниковъ и между этими послѣдними въ постепенной градаціи къ низу несомнѣнно доходило и до весьма худыхъ. Всякій худой товаръ, естественно, ищетъ спеціальнаго рынка своихъ потребителей и когда его находятъ, то естественно, на него устремляется. Въ Греціи у покупавшихъ людей способность оцѣнки достоинства иконъ была совсѣмъ другая, чѣмъ у насъ, а именно—совсѣмъ настоящая; слѣдовательно, плохія иконы посредственныхъ иконописцевъ тамъ и могли идти только за плохія, а слѣдовательно—и продаваться могли только по цѣнѣ вполнѣ соответствующей, т. е. весьма дешевой, и притомъ искать себѣ покупателей только въ невзыскательныхъ мѣстахъ глухихъ и бѣдныхъ. Но какая могла быть оцѣнка достоинства иконъ у насъ въ Россіи, гдѣ прежде не знали никакой живописи и иконописи и гдѣ и послѣ того, какъ онѣ вошли въ употребленіе, не прибавилось вкуса? Было бы написано что нибудь, было бы поярче, было бы золота побольше (т. е. истиннаго или мнимаго), а художественная сторона, конечно, должна была оставляться безъ всякаго вниманія. Такимъ образомъ, Россія естественно и необходимо должна была стать спеціальнымъ рынкомъ для греческихъ иконъ низшаго разбора,—для всего того, что дома являлось какъ бракъ и не находило покупателей. Такъ какъ требованіе иконъ въ Россію должно было быть огромное и съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе увеличиваться, то необходимо думать, что не только были скупаемы для нея всѣ плохія иконы, производившіяся беззаказно, но что въ мѣстахъ, ведшихъ съ ней торгъ иконами, заведена была спеціальная фабрикація иконъ, назначенныхъ именно для нея,—иконъ производившихся такъ же скоро и такъ же дешево и съ такими же работами о чемъ нибудь другомъ, кромѣ сихъ двухъ качествъ, какъ въ настоящее время творится въ Мстерѣ и Холуѣ.

Итакъ, необходимо думать, что Русь домонгольскаго періода молилась иконамъ преимущественно греческаго производства, но иконамъ

далеко и вовсе не высокаго достоинства. Сейчасъ сказанное нами должно быть разумѣемо впрочемъ объ иконахъ такъ сказать базарныхъ, объ иконахъ, которымъ молилось въ церквахъ и въ домахъ большинство. Что касается до князей и вообще людей богатыхъ, то они весьма легко могли пріобрѣтать и для себя и для строенныхъ ими церквей иконы и истинно хорошія, а именно—посредствомъ особыхъ заказовъ и посредствомъ нарочитой выписки изъ Греціи ¹⁾. И несомнѣнно, что хорошія иконы періода домонгольскаго были несравненно лучше хорошихъ иконъ нынѣшнихъ, ибо несомнѣнно, что хорошіе мастера греческіе и хорошая греческая иконопись X—XII вѣка были несравненно выше хорошихъ мастеровъ и хорошей иконописи настоящаго времени (за исключеніемъ, конечно, въ первомъ случаѣ нашихъ академиковъ, которые посвящаютъ себя иконописанію и которые не всегда впрочемъ понимаютъ иконописаніе надлежащимъ образомъ). Нынѣшняя наша хорошая иконопись, послѣ ббльшей или меньшей тщательности письма и доброкачественности красокъ, въ существѣ своемъ есть все та же византійско-русская иконопись, имѣющая своей отличительной чертой неестественность изображенія лицъ, въ которыхъ болѣе напоминаетъ о живыхъ людяхъ, чѣмъ они дѣйствительно представляются; напротивъ, древняя хорошая греческая иконопись соединяла съ строгимъ соблюденіемъ принятыхъ и установленныхъ формъ естественную живость и натуральность и возможное художественное совершенство изображенія лицъ, такъ что хотѣла давать и давала не однѣ напоминанія о святыхъ людяхъ, а именно ихъ самихъ и именно съ возможно ббльшимъ выраженіемъ въ ихъ внѣшнихъ живыхъ образахъ внутренней идеи каждаго изъ нихъ (о греческой иконописи по ея позднѣйшимъ жалкимъ образцамъ нашимъ составилось у насъ странное понятіе, будто эта иконопись не только не требуетъ художественности, но и есть нѣчто несовмѣстимое съ нею. На самомъ дѣлѣ, конечно, это не такъ: греческая иконопись требуетъ археологической точности ²⁾ во внѣшности и не допускаетъ произвола въ сочиненіи, но въ изображеніи всего и преимущественно ликовъ она, само собою разумѣется, настоя-

¹⁾ И, конечно, объ этихъ иконахъ, получавшихся изъ Корсуни посредствомъ нарочной выписки, а не обо всѣхъ вообще привозившихся изъ нея на продажу, должно разумѣть употреблявшееся въ древнее время выраженіе: Корсунская икона виѣсто хорошая икона.

²⁾ Съ этой археологической точностью, при незнаніи нашими иконописцами археологій, у насъ случилось то, что напр. на древнихъ святителяхъ къ митрамъ, саккосамъ и длиннымъ волосамъ остается надѣть только ордена.

тельно желаетъ художественности,—подъ тѣмъ условіемъ, чтобы Христосъ былъ изображаемъ именно Христомъ и святые именно святыми).

Не процвѣтала у насъ въ періодъ домонгольской иконописи, какъ ремесло, съ цѣлю снабженія иконами страны, были однако же у насъ иконописцы. Въ древнее время смотрѣли на занятіе иконописью какъ на занятіе священное и святое. Вслѣдствіе этого находились люди, которые выучивались ей (отъ приходившихъ для живописи въ храмахъ иконописцевъ греческихъ и другъ отъ друга) и которые занимались ею не въ видахъ пріобрѣтенія выгодъ и не какъ средствомъ существованія или промысломъ, а какъ упражненіемъ благочестивымъ, какъ своего рода христіанскимъ добрымъ дѣломъ. Между этими своего рода диллетантами—иконписцами, которые преимущественно должны были являться между монахами, каковъ извѣстный намъ преп. Алипій Печерскій ¹⁾, могли быть мастера и очень хорошіе, и такъ какъ они, не нища барышей, писали иконы не на спѣхъ, то и между ихъ произведеніями долженствовали быть иконы болѣе или менѣе замѣчательныя по своему достоинству.

Необходимо думать, что значительно иначе было у насъ дѣло въ періодъ домонгольской съ стѣнной церковной живописью. Для этой живописи требовались на лицо и на мѣсто работъ самые мастера. Сношенія между нами и Греціей, правда, были весьма дѣятельныя и живыя; путь изъ нея къ намъ былъ сравнительно не далекъ и легокъ ²⁾: но все-таки трудно и не вѣроятно предполагать, чтобы такъ же хлынули изъ нея къ намъ нужные намъ рабочіе, какъ должны были хлынуть товары. Послѣдніе, будучи привезены, могутъ ждать покупателя; рабочій же можетъ отправляться только на вѣрныя работы. Изъ этого слѣдуетъ, что греческіе стѣнные живописцы не толпились у насъ на рынкахъ, предлагая свои услуги всѣмъ имѣвшимъ въ нихъ нужду, но что могли быть получаемы изъ Греціи только чрезъ нарочную выписку. А если такъ, то, очевидно, была нужда и въ собственныхъ мастерахъ русскихъ. Мастера издалека могли имѣть охоту идти на работы только въ тѣхъ случаяхъ, когда онѣ предстояли большія и по достоинству цѣнныя. Но подобнаго рода работы по стѣнной живописи представляли только очень немногія церкви исключительныя. Послѣ немногихъ церквей исключительныхъ оставались всѣ церкви обыкновенныя, живопис-

¹⁾ Выучившійся иконописи отъ мастеровъ греческихъ. росписывавшихъ Печерскую церковь, см. Патерикъ.

²⁾ Въ Патерикѣ Печерскомъ, въ разсказѣ о зодчихъ, дается знать, что изъ Константинополя доѣзжали до Кіева въ 10 дней.

ныя работы въ которыхъ были сравнительно не велики и малоцѣнны: всѣ онѣ должны были быть достояніемъ природныхъ мастеровъ русскихъ и всѣ онѣ требовали существованія этихъ мастеровъ. Составляетъ вопросъ: были или нѣтъ росписываемы живописью церкви деревянныя, что могло быть дѣлаемо въ нихъ посредствомъ обтяжки полотномъ или посредствомъ штукатурки. Если да, то собственные мастера живописи могли повести у насъ свое начало еще отъ тѣхъ церквей, которыя были въ Кіевѣ еще до Владимира, а во всякомъ случаѣ они повели его отъ его первыхъ церквей. Если же нѣтъ, то они ведутъ свое начало отъ времени Ярослава, ибо росписаніе Владимировой Десятинной церкви живописцами греческими дало или не дало собственныхъ мастеровъ русскихъ (какъ учениковъ этихъ живописцевъ греческихъ), но во всякомъ случаѣ они должны были перемереть безъ дѣла (ибо отъ Десятинной церкви до Софіи и другихъ церквей Ярослава не было строимо церквей каменныхъ). Какъ бы то ни было, но необходимо думать, что собственные мастера русскіе ведутъ свое начало отъ той или другой ранней поры. До настоящаго времени сохранилось такъ мало остатковъ работъ нашихъ живописцевъ домонгольскаго періода, что положительнымъ сужденіямъ о нихъ едва ли можетъ быть мѣсто. Но вообще нужно думать, что относительно стиля они были неуклонно и старательно вѣрными подражателями мастеровъ греческихъ, а относительно достоинства представляли изъ себя посредственность съ значительнымъ процентомъ нисхожденія къ низу, но съ весьма незначительнымъ процентомъ восхожденія къ верху. Во все продолженіе періода наши живописцы находились въ живомъ общеніи съ живописцами греческими, имѣя передъ собой ихъ работы: естественно предполагать, что они именно старались подражать послѣднимъ, какъ своимъ учителямъ, поставляя свою задачу въ томъ, чтобы по возможности вѣрно и точно копировать ихъ, и вовсе не помышляя вводить какихъ нибудь особенностей, по которымъ бы ихъ живопись составила изъ себя особый стиль, кромѣ того—насколько ихъ индивидуальный національный характеръ долженъ былъ сказываться въ ихъ работахъ помимо ихъ воли. Относительно достоинства мы не полагаемъ вѣроятнымъ быть о нихъ высокаго мнѣнія потому, что они были не настояще — ученые художники, а просто ремесленники, мастеровые, подобно нынѣшнимъ мастерамъ изъ крестьянъ, въ рукахъ которыхъ находится росписываніе церквей сельскихъ (съ весьма значительной впрочемъ долей и городскихъ), — что имъ (вмѣстѣ со всѣми русскими людьми) не доставало просвѣщенія и съ нимъ нѣкотораго теоретическаго знанія и разумія и нѣкотораго эстетическаго развитія. Но какъ не бываетъ правила безъ

исключенія, такъ весьма возможно, что бывали примѣры отдѣльныхъ замѣчательныхъ живописцевъ, которые сейчасъ указанный недостатокъ восполняли избыткомъ таланта ¹⁾).

Въ Греціи стѣнная живопись, какъ кажется, считалась необходимою принадлежностью церквей, составляя общій и непремѣнный или какъ бы обязательный способъ ихъ украшенія. Если такъ, то греческій взглядъ, конечно, былъ извѣстенъ и у насъ. Но у насъ взгляду уже ни въ какомъ случаѣ не могло соответствовать дѣло. Для того, чтобы могли быть украшаемы живописью всѣ церкви, требовалось бы такое развитіе ремесла живописи, какое въ періодъ домонгольскій, въ средѣ совсѣмъ необразованной, вовсе не могло имѣть мѣста. Не знаемъ, сказали мы, были ли или не были украшаемы живописью деревянные церкви, каковыми были наибольшая часть нашихъ церквей домонгольскаго періода. Сколько знаемъ, вовсе не представляютъ примѣровъ такой живописи позднѣйшія деревянные церкви, сохранившіяся до настоящаго времени, что какъ будто говорить за ея совершенное неупотребленіе въ нихъ и въ древности. Но съ другой стороны намъ извѣстно одно древнее не совсѣмъ опредѣленное свидѣтельство, которое, напротивъ, какъ будто говорить объ ея употребленіи въ древнее время и въ деревянныхъ церквахъ; преп. Несторъ пишетъ о деревянной церкви Бориса и Глѣба, построенной Ярославомъ въ Вышгородѣ: «украси (ю) всякими красотами, иконами и иными письмены», — подлинными письмены какъ будто нужно разумѣть стѣнную живопись, потому что болѣе разумѣть нечего. Какъ бы то ни было, но если и дѣйствительно входило у насъ въ обычай украшать живописью и деревянные церкви, то во всякомъ случаѣ необходимо думать, что на дѣлѣ обычай не пошелъ далѣе весьма рѣдкихъ и немногихъ исключеній и что, за этими немногими исключеніями, деревянные церкви у насъ не

---

¹⁾ Крошѣ стѣнной живописи или фресокъ Кіевского Софійскаго собора, принадлежащихъ Греческимъ мастерамъ и по достоинству хорошихъ, сохранились отъ періода домонгольскаго до настоящаго времени фрески, принадлежащія русскимъ мастерамъ: въ Новгородской Спасо-Нередицкой церкви (снимки у Покровскаго въ Стѣнныхъ росписяхъ древнихъ храмовъ, табл. I—VII, и у гр. Толстова и Кондакова въ VI выпускѣ Русскихъ древностей, фигг. 151—186), въ Новгородской Спасо-Мирожской церкви (снимки у Толст. и Конд. *ibid.* фигг. 218—231) и въ Старо-Ладожской Георгіевской церкви (снимки у Прохорова въ Христіанскихъ древностяхъ 1871-го года и у Толст. и Кондак. *ibid.* фигг. 190—192). Обо всѣхъ трехъ образцахъ стѣнной живописи должно быть сказано, что они очень не высокаго достоинства.

были украшаемы живописью. А такъ какъ деревянныя церкви составляли рѣшительное большинство нашихъ церквей домонгольскаго періода, то слѣдуетъ, что у насъ оставалось безъ живописи это рѣшительное большинство церквей. Что касается до церквей каменныхъ, составлявшихъ въ общемъ количествѣ всѣхъ церквей весьма незначительный процентъ, то относительно ихъ, наоборотъ, есть вся вѣроятность думать, что живопись считалась столько же ихъ необходимой принадлежностью, какъ это было въ Греціи. Правда, мы не имѣемъ относительно этого общихъ свидѣтельствъ, но думать такъ заставляютъ частныя свидѣтельства, которыя говорятъ объ украшеніи живописью церквей каменныхъ и самыхъ незначительныхъ.

Особый родъ живописи составляла мусія или мозаика (*μουσαϊον*, *μουβιον*, *μουβιον*, *musivum*, *mosaicum*) ¹⁾, въ которой изображенія не писались посредствомъ красокъ, а составлялись изъ маленькихъ цвѣтныхъ квадратиковъ особо приготовленнаго стекла (*ψηφίδες*, *tessellae*—плиточки, камешки). Мусія, ведущая свое начало изъ глубокой древности, была чрезвычайно распространена и употребительна у христіанскихъ или византійскихъ Грековъ ²⁾ и, такъ какъ она представляетъ родъ живописи гораздо болѣе прочной, чѣмъ обыкновенная живопись красками, то въ украшеніи церквей она едва ли не преобладала надъ послѣднею. Какъ бы то ни было, но, считаясь живописью высшею, чѣмъ обыкновенная, она по крайней мѣрѣ до нѣкоторой степени украшала наибольшую часть церквей, именно — олтарь, столбы олтарной арки и ея верхъ и купола. У насъ этотъ родъ живописи, по сравнительной дороговизнѣ матеріала и по сравнительной трудности и мѣшкотности его производства, какъ кажется, не получилъ особенной распространенности. Впрочемъ, говоримъ объ этой нераспространенности не на основаніи прямыхъ свидѣтельствъ, которыхъ вовсе не знаемъ, а на основаніи того обстоятельства, что извѣстно слишкомъ мало церквей, имѣвшихъ мозаику, именно — и всего пять: четыре въ Кіевѣ — Десятинная церковь, Софійскій соборъ, церкви Печерскаго и Михайловскаго монастырей, и одна внѣ Кіева — Новгородскій Софійскій соборъ. Въ Патерикѣ Печерскомъ дается знать, что Греки привозили къ намъ мозаику на продажу ³⁾. Этимъ дается знать, что были и русскіе

¹⁾ Происхожденіе названія темно, ср. *Дюканжа* Gloss. Latinit. подъ сл. *Musivum* и *Graecit.* подъ сл. *Μουσαϊον*.

²⁾ Разумѣемъ — была распространена не только въ церковномъ, но и общественно-домашнемъ быту, какъ средство украшенія не только церквей, но и общественныхъ зданій и частныхъ домовъ.

³⁾ Въ разсказѣ Симона о живописцахъ.

мастера, которые занимались мозаическими работами изъ готоваго матеріала. А слѣдовательно распространенность у насъ мозаики не должно будетъ ограничивать только пятью помѣнутыми церквами. Работы русскихъ мастеровъ, какъ менѣе прочныя, могли давно осыпаться и быть замѣнены послѣ въ церквахъ, въ которыхъ онѣ были, простою живописью; съ другой стороны, изъ церквей самаго Кіева, въ которыхъ по преимуществу должна была сосредоточиваться мозаика, за исключеніемъ Софійскаго собора и церкви Михайловскаго монастыря, до насъ не сохранилось ни одной. Замѣчательно, что ничего не говорится о мозаикѣ между украшеніями Владимирскаго собора Боголюбскаго. Если онъ на самомъ дѣлѣ не былъ украшенъ ею, то, конечно, не по причинамъ, указаннымъ нами выше. Единственною таковою причиною нужно будетъ считать то, что Боголюбскій не относилъ ее къ числу украшеній великолѣпныхъ и что онъ съ своими современниками не имѣлъ къ ней вкуса (Насколько была украшена мозаикой Десятинная церковь Владимірова, остается неизвѣстнымъ. Въ Софійскомъ соборѣ Ярославомъ были ею украшены олтарь, столбы олтарной арки и ея верхъ, главный куполь съ каморами или абсидами и съ дугами подъ нимъ. На восточной стѣнѣ олтаря сохранились мозаическія—Божія Матерь, Тайная вечеря и святители съ діаконами, о которыхъ мы говорили выше; преосвященный Евгеній предполагаетъ, что былъ украшенъ мозаикою и сводъ олтаря, но что тамъ было, неизвѣстно. На столбахъ олтарной арки—Благовѣщеніе; на верху ея—Спаситель съ Божіею Матерью и Предтечею (деисусъ или триморфіонъ); куполь не сохранился, а въ уцѣлѣвшихъ его абсидахъ сохранились не вполне изображенія евангелистовъ; на передней дугѣ подкупольной изображенъ Спаситель, а на остальныхъ трехъ были изображены въ кругахъ погрудно 40 мучениковъ, изъ которыхъ уцѣлѣло теперь 15, — Описание Кіево-софійскаго собора стр. 42 sqq, *Фундукл.* стр. 37 sqq. Въ церкви Печерскаго монастыря, не сохранившейся до настоящаго времени, былъ украшенъ мозаикою олтарь, — Патерикъ въ разсказѣ о живописцахъ. Въ Михайловскомъ монастырѣ мозаика сохранилась въ олтарѣ, на передней части стѣны надъ горнимъ мѣстомъ или сопрестоліемъ; она состоитъ изъ одной линіи или одного ряда изображеній, которыя суть: въ серединѣ Троица съ предстоящими ангелами, съ обѣихъ сторонъ Троицы Тайная вечеря въ двухъ отдѣленіяхъ, какъ въ Новгородской Спасо-Нередицкой церкви, — съ одной стороны Спаситель преподаетъ подходящимъ ученикамъ Тѣло, съ другой стороны—Кровь, — *Фундукл.* стр. 53 sub fin.. Въ Новгородскомъ Софійскомъ соборѣ мозаика, находящаяся въ олтарѣ, представляетъ не изображенія святыхъ, а полосу

простыхъ украшеній, «въ родѣ оконъ съ полукружіями и крестами», которая идетъ по стѣнѣ поверхъ сопрестоля, — Археологич. описаніе церковн. древн. въ Новгородѣ преосв. *Макарія* I, 43).

Выше мы сказали, что въ древнее время къ нынѣшней нашей солеѣ примыкала противъ олтаря (передъ которымъ однимъ и она простиралась) другая солея, въ видѣ четверугольно-продолговатой, болѣе или менѣе значительной по величинѣ, площадки. На западномъ краю этой второй солеи въ древнее время стоялъ или же съ западной стороны ея въ древнее время къ ней примыкалъ амвонъ ¹⁾, который съ нынѣшними нашими амвонами, состоящими изъ небольшихъ, одной вышины съ нашими солеями и примкнутыхъ къ нимъ, полукруглыхъ рундуковъ, не имѣлъ ничего общаго. Въ настоящее время у насъ нѣтъ совершенно никакой и памяти о древнихъ амвонахъ, а между тѣмъ они исчезли у насъ не далѣе, какъ только въ началѣ XVIII столѣтія, и въ исторіи нашей церковной археологіи представляютъ ту замѣчательную особенность, что мы сохраняли ихъ гораздо долѣе, чѣмъ Греки ²⁾. Древній амвонъ ³⁾, явившійся въ церквахъ для той цѣли,

¹⁾ Стоялъ ли амвонъ на самой солеѣ или примыкалъ къ ней, въ настоящее время мы не можемъ этого сказать. У Кодина въ трактатѣ *Περὶ στεφφορίας βασιλέως* есть выраженіе, которое какъ будто заставляетъ думать, что амвонъ примыкалъ къ солеѣ, именно—онъ говоритъ, что императоръ послѣ вѣнчанія царскимъ вѣнцомъ, которое совершалось на амвонѣ, сходитъ съ послѣдняго не съ той стороны, съ которой взоселъ (амвонъ имѣлъ два входа), а съ противоположной, πρὸς τὸν σωλέαν καὶ τὸ αἴγιον βῆμα, по изд. Расіи, Paris 1588, p. 187. Но подъ солеей у него можно разумѣть не большую солею, на которой могъ стоять амвонъ, а малую или нашу нынѣшнюю, бывшую солеей въ собственномъ смыслѣ. Между тѣмъ то соображеніе, что амвонъ былъ для клириковъ и слѣдовательно долженъ былъ заключаться въ предѣлахъ ограды, отдѣлявшей ихъ отъ мірянъ, каковою была ограда большой солеи, и примѣръ Римской церкви, въ которой амвоны находились именно на солеѣ и въ ея оградѣ, заставляютъ болѣе склоняться къ тому мнѣнію, что амвонъ не примыкалъ къ солеѣ, а находился на ней самой (Павелъ Силвенціарій точно опредѣляетъ мѣсто амвона въ Юстиніановой Софіи, именно—что онъ былъ въ серединѣ церкви, но не въ самой серединѣ, а нѣсколько къ востоку, у *Дюканжа* въ *Constantinop. Christ. lib. III, c. LXXIV, p. 67*, но изъ его словъ нельзя вывести никакого заключенія по отношенію къ нашему вопросу. Если бы Кортюмовъ нѣмецкій переводъ описанія амвона св. Софіи, сдѣланнаго Павломъ Силвенціаріемъ, былъ совершенно точенъ, см. 1-ое прим. на стр. 232, то слѣдовало бы, что въ св. Софіи амвонъ не стоялъ на солеѣ, а примыкалъ къ ней, ибо говорится, что отъ послѣдней ступени обращенной къ востоку лѣстницы амвона ведетъ къ олтарю длинный въ серединѣ ходъ, т. е. древняя большая солея. *Vergr. 241*).

²⁾ См. ниже.

³⁾ Названіе ἀμβων обыкновенно производятъ отъ ἀμβάινω, ἀναβαίνω—восхожу;

чтобы все читаемое, возглашаемое и поемое въ нихъ было лучше слышимо присутствующими и, въ особенности, чтобы это такъ было съ чтеніемъ Священнаго Писанія, представлялъ изъ себя большее или меньшее возвышеніе, на которое должны были восходить читающіе, возглашающіе и поющіе. Наши свѣдѣнія относительно формъ, въ какихъ устроены были древній амвоны, весьма недостаточны; но очень вѣроятно, что форма, которую далъ ему Юстиніанъ въ своей Софіи, была наиболѣе употребительною и господствующею. Пусть читатель вообразить себѣ бесѣдку въ формѣ овальнаго огражденія, сдѣланнаго посредствомъ глухихъ погрудныхъ стѣнокъ (т. е. пусть онъ вообразить себѣ,—возьмемъ простое и нѣсколько грубое, но зато совершенно ясное, подобіе,—большой чанъ или весьма большую кадку, только не круглой, а овальной формы); пусть онъ поставитъ эту бесѣдку на колонны вышиной примѣрно отъ двухъ до трехъ аршинъ; пусть онъ вообразитъ себѣ, что на эту бесѣдку съ двухъ противоположныхъ и именно длинныхъ сторонъ овала, сдѣланы два входа (съ двумя, разумѣется, отверстіями въ бесѣдкѣ) посредствомъ приставленныхъ лѣстницъ, которыя защищены (оперены) глухими стѣнками: вообразивъ это, онъ будетъ имѣть точное понятіе объ амвононѣ наиболѣе употребительной формы. Иногда бесѣдка оставалась открытою, иногда же дѣлался на ней верхъ, именно—на ея огражденіе (барьеръ) ставились колонки и на эти колонки ставилась сферическая или пирамидальная крыша ¹⁾. Какъ по-

---

но едва ли оно не есть самостоятельное слово, родственное съ латинскимъ *umbro*; у классическихъ Грековъ оно значило—выпуклость, возвышенность, холмъ.

¹⁾ Юстиніанъ долженъ былъ устроить два, одинъ за другимъ, амвона въ св. Софіи: первый при первомъ построеніи церкви (532—537), второй при ея возобновленіи (558—562), когда упавшій куполъ сокрушилъ между прочимъ амвоны съ солею. Первый амвоны, подробно описанный Павломъ Силенціаріемъ (современникомъ, чиновникомъ Юстиніана, именно силенціаріемъ,—*Ἐκφρασις τοῦ ἄμβωνος*, въ нѣмецкомъ переводѣ Кортюма въ приложеніи къ книгѣ *Zalzenberna Altchristliche Baudenkmale von Constantinopel*), представляя изъ себя зданіе великолѣпнѣйшее, былъ обнесенъ огромнымъ шатромъ или киворіемъ, какъ киворій св. трапезы (былъ поставленъ въ шатрѣ, киворіи), который сдѣланъ былъ такимъ образомъ, что кругомъ амвона были поставлены восемь колоннъ и на нихъ положена сферическая крыша и который отличался отъ киворія св. трапезы тѣмъ, что между его столбами также какъ у самаго амвона было сдѣлано огражденіе изъ глухихъ погрудныхъ стѣнокъ (иконографическое воспроизведеніе этого шатра или киворія, относительно крыши, которая сдѣлана несферическою—невѣрное, см. у Кортюма, а чтобы до нѣкоторой степени вообразить себѣ всю величественную граціозность этого киворія, для сего нужно видѣть киворій надъ главнымъ престоломъ

и́стительны были дѣлаемы амвоны (ихъ бесѣдки), мы не знаемъ; но идя внизъ отъ овала въ двѣ сажени длиной и одну шириной, каковъ приблизительно былъ пространствомъ амвонъ Юстиніановой Софіи ¹⁾, нужно остановиться на такомъ меньшемъ, при которомъ бы сразу могло помѣщаться на амвонѣ человекъ не менѣе пяти (нбо на него восходили избранные пѣвчіе для пѣнія). Мы не знаемъ и того, какъ высоки были дѣлаемы амвоны; но идя внизъ отъ 3 аршинъ, каковую приблизительно имѣлъ амвонъ той же Софіи ²⁾, полагаемъ вѣроятнымъ принимать за меньшее два аршина, потому что знаемъ амвонъ, вышину котораго можно принять за среднюю и который имѣетъ ее въ 2 съ половиной

въ Римскомъ св. Петрѣ). Второй амвонъ, оставшійся, этого киворія уже не имѣлъ, потому что, какъ говорятъ позднѣйшіе писатели, у Юстиніана не хватило средствъ на его вторичное сооруженіе. Форма перваго амвона описана Силенціаріемъ, а что касается до формы втораго, описаній которой неизвѣстно, то должно думать, что она была одинакова съ формою перваго. Это форма есть то, что мы представили выше: овальная бесѣдка съ погруднымъ огражденіемъ, поставленная на колонны,—воспроизведеніе у Кортюма, но только тамъ неправильно сдѣланы лѣстницы длинными и отлогими, тогда какъ Силенціарій прямо говоритъ, что онѣ были крутыя и слѣд. короткія, описанія чегъ. 75). Не одинъ разъ выше упомянутый нами испанецъ Гонзалесъ Де Клавихо, бывшій въ Константинополѣ въ 1403-мъ году, говорить объ амвонѣ св. Софіи: «посреди церкви стоитъ что-то въ родѣ каедръ, поставленной на четырехъ яшмовыхъ колоннахъ; стѣны ея покрыты множествомъ плитъ разноцвѣтной яшмы; эта каедра вся покрыта сѣнью, стоящею на восьми колоннахъ разноцвѣтной яшмы», — въ переводѣ Срезневск. стр. 69). Изображеніе амвона нашей формы см. у Ленуара въ *Architecture monastique*, Paris, 1852, p. 340. Эту же форму имѣетъ амвонъ въ св. Маркѣ Венеціанскомъ, представляющій собою по всей вѣроятности снимокъ съ образца греческаго. Изображенія амвоновъ нашей формы, воспроизводяція ее не совсѣмъ удовлетворительно, въ *Менологii импер. Василія* подъ 14 Сент. и 23 Октября,—ч. I. стрр. 37 и 135,—въ первомъ случаѣ именно амвонъ св. Софіи.—Что касается до амвоновъ другихъ формъ, то въ городкѣ Стагусъ-Калабакъ (др. Стагонъ), находящемся недалеко на сѣверо-западъ отъ Трикалы, до настоящаго времени сохраняется въ каедральной епископской церкви древній амвонъ, представляющій собою *ein rechteckiger Marmorthron in Gestalt einer kleinen byzantinischen Kirche mit Aufgängen an der Ost- und Westseite*, т. е. прямоугольный мраморный тронъ въ видѣ малой византійской церкви со входами на восточной и западной сторонахъ,—*Энциклопедii Ерша и Грубера* т. 84, стр. 422 (а о самомъ Калабакѣ см. Благовѣщенскаго «Среди богомольцевъ», стр. 452).

¹⁾ По Кортюму.

²⁾ По нему же.

аршина ¹⁾). Амвоны, какъ мы сказали, дѣлались съ двумя всходами, устроявшимися одинъ противъ другаго съ противоположныхъ сторонъ (длинныхъ овала). Они ставились такимъ образомъ, что одинъ всходъ обращенъ былъ къ востоку или олтарю, а другой къ западу или входнымъ въ церковь дверямъ ²⁾). Не имѣемъ прямыхъ указаній, но съ вѣроятностію предполагаемъ, что на нихъ дѣлалось по два пюпитра, — одинъ обращенный къ югу, другой къ сѣверу, и что на одномъ читалось евангеліе, на другомъ апостолъ ³⁾).

Не знаемъ, какъ было въ Греціи, считался ли амвонъ необходимою принадлежностію всѣхъ церквей или онъ былъ только въ церквахъ главнѣйшихъ, преимущественно кафедрально-епископскихъ, но что касается до нашей Россіи, то со всею вѣроятностію нужно думать это послѣднее. Что онъ однако былъ у насъ по крайней мѣрѣ въ кафедрально-епископскихъ церквахъ, это не подлежитъ сомнѣнію, ибо кромѣ его несомнѣннаго существованія у насъ въ этихъ церквахъ въ позднѣйшее время мы имѣемъ свидѣтельства и современныя. Андрей Боголюбскій устроилъ въ своемъ Владимирскомъ соборѣ «онъбонъ отъ злата и сребра» ⁴⁾, — ясно и очевидно, что тутъ разумѣется не нынѣшній, а древній амвонъ. Іерусалимскій паломникъ игумень Данииль, описывая башенку или часовню надъ пещерой гроба Господня, уподобляетъ ее амвону: «и есть печерка та одѣлана яко (акы) амбонъ краснымъ мароморомъ и столбци мароморяны жъ около стоятъ, числомъ ихъ 12» ⁵⁾...

¹⁾ Амвонъ св. Марка Венеціанскаго, по всей вѣроятности, какъ мы сказали, снятый съ образца греческаго.

²⁾ Что амвоны ставились именно такимъ образомъ, это совершенно ясно даютъ знать Павелъ Силенціарій и Кудинъ, см. у Дюканжа въ Constantinop. Christ. lib. III, с. LXXV, р. 68 (латинскій переводъ Силенціарія у Дюканжа неправиленъ).

³⁾ На Западѣ были устроены два особые амвона. — одинъ для евангелія, другой для апостола; иногда устроены были и одинъ амвонъ, но двухъэтажный: двѣ бесѣдки, меньшая въ бѣльшей, изъ коихъ нижняя или бѣльшая — для чтенія апостола, а верхняя или меньшая — для чтенія евангелія (таковъ амвонъ въ св. Маркѣ Венеціанскомъ и см. у Дюканжа Gloss. Latin. подъ сл. ambo. Древніе западные амвоны сохранились въ Римскихъ церквахъ: св. Лаврентія за городомъ, св. Климента, Богородицы (S. Maria) In-Ara-Coeli и Богородицы In-Coemeterio, — *De-Blazera Rome et ses monuments*, планы къ стрр. 175, 233, 291 и 297, — во всѣхъ четырехъ случаяхъ въ двойственномъ числѣ. Видъ и планъ западнаго амвона въ Словарѣ *Мюллера-Мотеса* подъ сл. Ambo, а одинъ видъ у *Мартини* подъ тѣмъ же словомъ).

⁴⁾ Ипатск. лѣт., 2 изд. стр. 396 нач..

⁵⁾ По изд. *Норова*, стр. 22 fin..

Очевидно, что въ приведенныхъ словахъ разумѣтся древній, а не нынѣшній, амвонъ, и если Даниилъ беретъ его въ подобіе для ясности, то столько же затѣмъ очевидно, что онъ былъ вещью извѣстною Русскимъ людямъ, а слѣдовательно и употребительною въ Россіи.

Въ какой формѣ были устроены у насъ въ періодъ домонгольскій древніе амвоны, пока остается намъ вовсе неизвѣстнымъ. Въ XVI вѣкѣ, если судить по амвону, сдѣланному митр. Макаріемъ въ Новгородскій Софійскій соборъ, отчасти описанному, отчасти сохранившемуся до настоящаго времени ¹⁾, они устроены были въ формѣ помянутой бесѣдки, но не овальной, а круглой, ставились на колонки не особенно высокія, менѣе, чѣмъ въ ростъ человѣка ²⁾, и имѣли не по два всхода, а по одному.

Юстиніанъ устроилъ въ своей Софіи великолѣпный амвонъ, обложивъ его весь серебромъ ³⁾. Не имѣемъ прямыхъ свидѣтельствъ, но должно думать, что подражали ему въ семь случаевъ и его преемники; въ особенности это должно думать о ближайшемъ къ намъ христіанскимъ временамъ его преемникѣ — Василии Македонянинѣ, который, если не въ предѣлахъ всей имперіи, то въ предѣлахъ Константинополя хотѣлъ быть въ отношеніи къ строенію и великолѣпному благо-

¹⁾ Описаніе въ 6 т. Собр. лѣтт. стр. 291; самый амвонъ, безъ колонокъ, на которыхъ онъ стоялъ, въ настоящее время въ Петербургѣ, въ Академіи Художествъ (гдѣ вовсе несправедливо выдается за такъ называемую Халдейскую печь, о которой см. ниже).

²⁾ Колонки, имѣвшія форму державшихъ амвонъ на своихъ головахъ людей (кариатиды), называются въ описаніи «человѣчками» (слѣдоват. были ниже, чѣмъ человѣки).

³⁾ Первый амвонъ былъ великолѣпнѣйшій, но и второй былъ великолѣпный. Первый съ своимъ киворіемъ былъ устроенъ, по Павлу Силенціарію, изъ дорогихъ разноцвѣтныхъ мраморовъ, съ инкрустаціей серебра въ его и киворія стѣнкахъ, съ золотыми капителями у колоннъ послѣднаго и съ золотою кровлею надъ послѣднимъ (О сохранившихся остаткахъ амвона нашъ Антоній Новгородскій говоритъ, что они были хрустальные, по изд. *Savvaunt*. стр. 64, а такъ называемый Бандуріевъ Анонимъ по редакціи славянскаго перевода, вѣроятно на основаніи тѣхъ же остатковъ, говоритъ объ амвонѣ, что онъ сотворенъ былъ изъ сардоникъ камня съ аспиднымъ камнемъ и съ хрусталемъ и сапфиромъ, — Вѣстникъ Общества древнерусскаго искусства при Моск. Музеѣ 1874 г., кн. 1—3, отд. II, стр. 8). Второй амвонъ былъ сдѣланъ или деревянный или изъ нецѣннаго мрамора и весь обложенъ былъ серебромъ, — Анонимъ Бандуріевъ въ *Imperium Orientale*, t. I, lib. IV, p. 78 fl. и въ слав. перев. *ibid.* стр. 17, col. I fl., Антоній Новгородскій по изд. *Savvaunt*. стр. 78, Новгор. I глѣт. подъ 1204 г., Куданъ *De originibus Constantinop.*, ed. Paris., p. 72).

украшенію церковей вторымъ Юстиніаномъ ¹⁾. Вѣроятно думать, что и у насъ во Владимировой Десятинной церкви и въ Ярославовой Софіи амвоны были устроены съ бѣльшимъ или меньшимъ соревнованіемъ великолѣпнѣю греческому. А во всякомъ случаѣ имѣемъ положительное свидѣтельство, что Боголюбскій въ своемъ Владимирскомъ соборѣ устроилъ амвонъ съ великолѣпіемъ Юстиніановымъ.

(Объ амвонахъ у Грековъ см. *Bingh. Vol. III, p. 192 sqq, Дюканжа Gloss. Graecit.* подъ сл. *ἄμβων*, его же *Constantinop. Christ. Lib. III, cc. LXXIV и LXXV*. Не знаемъ, съ какого времени до Симеона Солунскаго амвоны начали быть сносимы у нихъ съ середины церкви на сторону ²⁾ и къ половинѣ XVII вѣка послѣднее стало у нихъ общимъ обычаемъ, а первое было совсѣмъ забыто ³⁾). На сторонѣ и именно—сѣверной, не знаемъ по позднѣйшему ли примѣру Запада или наоборотъ ему показавъ примѣръ, Греки не поставили амвоновъ на полъ церковный, но въ видѣ малыхъ бесѣдокъ или глухихъ балкончиковъ подвѣсили ихъ къ заднему подкупольному столбу (или, смотря по устройству церкви,—въ формѣ базилики и куполо-базилики, чтѣ въ настоящее время весьма нерѣдко, имѣющей много столбовъ, или же въ формѣ такъ сказать и если позволительно такъ сказать — сарая, совсѣмъ не имѣющей столбовъ,—къ одному изъ заднихъ столбовъ и къ стѣнѣ), въ видѣ каковыхъ висячихъ балкончиковъ, служа для чтенія евангелія на литургіи и для сказыванія проповѣдей, они остаются у нихъ и до настоящаго времени (у насъ въ Малороссіи, если не ошибаемся, есть эти новогреческіе амвоны — висячіе балкончики, но служатъ исключительно для второй изъ указанныхъ цѣлей; въ Петербургѣ въ Исакиевскомъ соборѣ нѣсколько подобнымъ образомъ устроена кафедра для проповѣдниковъ). Что касается до древнихъ амвоновъ у насъ въ Россіи, то послѣ періода домонгольскаго мы знаемъ свидѣтельства о нихъ за XV—XVII вѣкъ: подъ 1493 г. говорится объ амвонѣ древней формы Московскаго Успенскаго собора ⁴⁾; въ 1533 г. устроилъ

¹⁾ Cfr Константина Порфирогенита съ *Scriptt. post Theophan.*, p. 197 fin. sqq.

²⁾ Ибо Симеонъ говоритъ: *ὁ ἄμβων τε τίθεται ἀντικρὸ τοῦ βῆματος, εἰ τὸ πὸς ἐστίν*, *De sacro templo* c. 101 fin., у Мниа въ *Patr. t. 155, p. 309*.

³⁾ См. сейчасъ ниже выписку изъ Сузанова.

⁴⁾ Новгородск. 4 лѣтоп. подъ симиъ годомъ,—Собр. лѣтт. т. IV, стр. 163 (Подъ опонами на амвонѣ разумѣются занавѣсы изъ матеріи вмѣсто стѣнокъ, какъ это бывало и въ Греціи, чтѣ дастъ знать Анонимъ Бандуриевъ, неправильно утверждая, что такъ было сдѣлано Юстиніаномъ въ первомъ амвонѣ,—*Imperium Orientale, t. I, lib. IV, p. 75*).

такой амвонъ Макарій въ Новгородскій Софійскій соборъ ¹⁾; около одного времени съ Макаріемъ устроилъ такой амвонъ епископъ Тверской Акакій въ свой кафедральный соборъ ²⁾; въ половинѣ XVII вѣка былъ такой амвонъ въ Вологодскомъ кафедральномъ соборѣ ³⁾. Первую мысль объ уничтоженіи у насъ древнихъ амвоновъ подалъ Арсеній Сухановъ, не совсѣмъ впопадъ считавшій ихъ нашимъ нововведеніемъ; въ своемъ Проскинитаріи онъ пишетъ: «амбона (нашего) отнюдь нигдѣ нѣту (у Грековъ) и нашихъ зазирають, что церковь всю заслонилъ: олтарь и образы и престоль и царскія двери, всю де красоту отнял, а у нихъ (Грековъ) есть амбоны старинныя подлѣ стѣны на странѣ высоко» ⁴⁾... Вѣроятно, что вслѣдствіе представленій Суханова, были спрашиваемы о нашихъ амвонахъ восточные патріархи на соборѣ 1667 г. ⁵⁾; затѣмъ мы встрѣчаемъ указанія на ихъ существованіе въ самомъ концѣ XVII вѣка ⁶⁾.

Остается вопросомъ: откуда взялся нашъ нынѣшній амвонъ по исчезновеніи древняго и собственнаго амвона? Отвѣтъ можемъ дать не положительный, а только вѣроятный, и именно — онъ есть тотъ, что нынѣшній амвонъ существовалъ издревле совмѣстно съ исчезнувшимъ настоящимъ амвономъ и только принялъ имя послѣдняго по его исчезновеніи (а въ церквахъ его не имѣвшихъ можетъ быть и ранѣе этого), называвшійся дотолѣ другимъ и своимъ неизвѣстнымъ намъ именемъ. Нынѣшняя наша солея, какъ мы сказали, въ древнее время была весьма узка, въ собственномъ смыслѣ только прагомъ олтарнымъ, что значить ея имя; между тѣмъ къ затвореннымъ царскимъ дверямъ подходили для лобызанія водруженнаго на нихъ креста ⁷⁾: чтобы сдѣлать привстаніе

¹⁾ Собр. лѣтг. т. 6, стр. 291.

²⁾ Максимъ Грекъ говорить объ этомъ амвонѣ: «амвонъ преушищренъ, дѣло добровольно всяческими цвѣтми различныхъ узоръ и ваповъ (рѣзбы и красокъ) преудобрень, посреди церкви водружень», Казанск. изд. II, 295.

³⁾ Описаніе Вологодскаго кафедральнаго собора, *Н. Суворова*, Москва, 1863, стр. 18,—и продолжалъ оставаться въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ, см. Дополн. къ Акт. Истор. V, стрр. 100 col. 2 и 114 col. 2 (вмѣстность амвона).

⁴⁾ Синод. ркп. № 574, л. 325.

⁵⁾ Дополн. къ Акт. Истор. V, 470. Патріархи вполне одобрили наши амвоны, но предоставили на волю, строить ихъ или не строить, т. е. освободили отъ непремѣнной обязанности ихъ строить: послѣ этого, какъ должно думать, они и начали быть у насъ уничтожаемы.

⁶⁾ См. напр. Историческое описаніе Моск. Донскаго монастыря *И. Е. Забллина*, Москва, 1865, стр. 125.

⁷⁾ Въ уставѣ патр. Алексѣя дается знать о семъ обычаѣ чрезъ то, что онъ

на солею, требовавшееся при этомъ добызаніи (т. е. на нашу теперешнюю солею съ древней большой), болѣе удобнымъ и устроили, какъ можно думать, небольшую полукруглую выпушку изъ нея противъ царскихъ дверей и эта-то выпушка, какъ можно думать затѣмъ, и есть нашъ нынѣшній амвонъ (нѣсколько отодвинувшійся отъ царскихъ дверей съ расширеніемъ теперешней солеи). Въ Константинопольской св. Софіи предъ царскими дверями олтара былъ *πορφυροῦν ὀμφάλιον*, на который становились цари, подходя къ дверямъ, и съ котораго, какъ кажется, цѣловали они или которую либо изъ половинокъ или подруженныя на нихъ кресты ¹⁾. Слово *ὀμφάλιον*, значащее пупъ, въ другомъ приложеніи къ полу церковному, о которомъ сейчасъ ниже, означало вставленный въ этотъ полъ цвѣтной кругъ или овалъ не выпуклый, а совершенно ровный. Можетъ быть и въ нашемъ случаѣ его должно понимать такъ же, разумѣя указанный кругъ или овалъ, вставленный въ полъ большой солеи предъ малою. Но весьма возможно и правдоподобно понимать его и какъ выпушку изъ малой солеи въ большую, — выпушку, которая бы представляла нашъ нынѣшній амвонъ ²⁾ (Присоединимъ замѣтку о второмъ, сейчасъ поманутомъ нами, пупѣ въ церквахъ греческихъ. Въ наибольшей части нынѣшнихъ греческихъ церквей въ замѣтите въ полу, на серединѣ церкви (иногда нѣсколько ближе къ олтарю, иногда, наоборотъ, къ западнымъ дверямъ), вставленный большой кругъ или овалъ, который отличается своимъ цвѣтомъ отъ прилежащихъ къ нему частей пола, если послѣдній мозаическій, т. е. разноцвѣтный, или отъ всего пола, если онъ одноцвѣтный, и которымъ очевидно для чего-то обозначено мѣсто. Этотъ кругъ или овалъ, теперь не имѣющій у Грековъ никакого техническаго названія (и

запрещается, — Синод. ркп. № 330, л. 253 об. sub fin., а въ Уставѣ св. Саввы по славянскому переводу, Троицк. Лаврск. ркп. № 46, л. 114 об. fin., говорится, что по скончаніи полунощницы, которая поется въ притворѣ, братія входятъ въ церковь, творять койже три поклона св. олтарю и цѣлуютъ висащій на персяхъ его крестъ; о цѣлованіи креста на царскихъ дверяхъ императорами въ слѣдующемъ примѣчаніи.

¹⁾ Constant. Porphyrog. De cerem. l. I, сс. 1 § 10 и 9 § 5, ed. Bonn pp. 15 и 64 fin..

²⁾ Въ Греціи мы видали церкви, въ которыхъ дѣло съ нынѣшней нашей солей и съ нынѣшнимъ нашимъ амвономъ и въ настоящее время имѣетъ себя именно такъ, какъ мы представили выше, т. е. что солея весьма узка, примѣрно въ четверть ширины или менѣе, и что противъ царскихъ дверей сдѣлана изъ нея выпушка въ видѣ нашего амвона. Такъ это наприм. въ Панагіи Константинопольской, находящейся въ Церѣ, недалеко отъ русскаго посольства.

просто называемый *κύκλος*—круг) ¹⁾ и большинству ихъ вовсе неизвѣстный по своему назначенію ²⁾, въ древнее время называвшіяся *ὄμφαλος* или *ὄμφάλιον*, имѣлъ свое назначеніе въ отношеніи къ богослуженію: во-первыхъ, какъ положительно извѣстно, на немъ поставлялась передъ началомъ вечерни «свѣща церковная» (та, съ которою диаконъ, а по старому — кандиложигатель, предходить кадящему священнику) ³⁾, на немъ во время предначинательнаго сей службы кажденія священникъ дѣлалъ остановку для начертанія кадиломъ креста ⁴⁾, на немъ становился священникъ съ евангеліемъ, износившимся изъ алтаря на утрени для лобызанія молящимися (что нынѣ у насъ дѣлается посредствомъ положенія евангелія на налой) и на немъ канонархи сказывали стихи ⁵⁾; во-вторыхъ, какъ со всею вѣроятностію слѣдуетъ предполагать, на немъ дѣлали остановку священники во время великаго выхода) ⁶⁾.

Нѣсколько разъ мы говорили выше, что у Грековъ во время богослуженія мужчины и женщины становились въ церквахъ отдѣльно одни отъ другихъ,—первые въ самыхъ церквахъ, вторыя на верхнихъ галереяхъ. Обычай этотъ, взятый изъ житейскаго быта или изъ домашней жизни, въ которой женщины, отдѣленные отъ мужчинъ, жили у Грековъ въ своихъ особыхъ гинекеяхъ (весьма на подобіе того, какъ у магометанъ въ гаремахъ и совсѣмъ такъ, какъ у насъ до Петра Ве-

¹⁾ По Византію, *ὄμφάλιον* называется въ нѣкоторыхъ мѣстахъ *ἀετός*—орелъ: Κωνσταντινουπ. I, 493.

²⁾ Нѣкоторые греки баснословили намъ, что-де подъ симъ кругомъ погребаются архіереи (но онъ находится вовсе не въ однѣхъ кафедрально-епископскихъ церквахъ и такъ невеликъ, что подъ нимъ можно погребсти только одного архіерея).

³⁾ См. нашего церковн. Устава гл. 2, Чинъ великія вечерни.

⁴⁾ См. выписку изъ Марка іеромонаха у Дюканжа въ Gloss. Graecit. подъ сл. *ὄμφαλος*.

⁵⁾ Въ нынѣшнемъ греческомъ служебникѣ или требникѣ *διατάξις τῆς ἱεροδιακονίας* (*ἐν μέσῳ τοῦ ναοῦ*, т. е. именно на пупѣ).

⁶⁾ Cfr Constant. Porphyrog. De ceremoniis. L. I, c. 1, § 11, ed. Bonn p. 16 (о мѣстѣ ожиданія императоромъ св. даровъ).—Знаменитый Іерусалимскій пупъ земли (*ὁ ὄμφαλος τῆς γῆς*) есть ни что иное, какъ нашъ среди-церковный пупъ всѣхъ церквей греческихъ (и отличается отъ пуповъ другихъ церквей только тѣмъ, что на него, т. е. на этотъ кругъ, сдѣланный или вставленный въ полу (и болѣе ничего) поставленъ маленькій столбикъ, и именно—поставленъ за тѣмъ; чтобы на него (столбикъ) класть тарелку для принятія приношеній отъ русскихъ бабъ, приходящихъ цѣловать святой пупъ и принимающихъ кстаги за святыню и этотъ самый столбикъ...).

ликаго)¹⁾, нѣтъ сомнѣнія, восходить у нихъ къ самому первому времени христіанства, и во всякомъ случаѣ въ житіи Василія Великаго упоминается какъ уже бывшій до него. Такъ какъ верхнія галлерей составляли необходимую принадлежность церквей (ибо иначе не было бы гдѣ становиться женщинамъ), то, подразумѣвается, что у Грековъ онѣ были непремѣнно во всѣхъ церквахъ²⁾. Эти галлерей, какъ мы тоже говорили уже выше, вовсе не должно представлять себѣ въ видѣ тѣхъ маленькихъ и легкихъ (съ дощанымъ поющимъ поломъ и висачимъ на желѣзныхъ или деревянныхъ выпускахъ) хоръ, которыя устраиваются у насъ въ настоящее время въ каѳедральныхъ соборахъ, а отчасти и въ другихъ церквахъ, для пѣвчихъ. Онѣ устраивались совершенно прочно на столбахъ съ колоннами и на сводахъ и соразмѣрно съ величиною церквей были болѣе или менѣе обширны³⁾. Входы на нихъ устраивались не изъ самыхъ церквей (въ которыя не должны были заходить женщины), а всегда изъ папертей. Для пресѣченія возможности неопозволительныхъ сношеній между мужчинами и женщинами посредствомъ глазъ, галлерей эти иногда, а въ позднѣйшее время, какъ кажется, всегда завѣшивались прозрачными занавѣсями (такъ чтобы женщинамъ видна была церковь, но ихъ не видно было изъ церкви) или заставлялись рѣшотками⁴⁾. Для завѣдыванія галлерейми, именно—

¹⁾ Подразумѣвается—у нагометанъ и у насъ въ классѣ людей богатыхъ и вообще состоятельныхъ.

²⁾ Въ низу женщинамъ позволялось, не входя въ самую церковь или въ ея такъ сказать мужское отдѣленіе, становиться въ нартексахъ, Вальсамон. въ толк. на 2 пр. Діонисія Александр., у Ралли и П. II, 8. Но если церковь была настолько велика, чтобы имѣть нартексъ, то не было препятствій имѣть ей и галлерей.

³⁾ Боковыя (южная и сѣверная) галлерей Константинопольской св. Софій своей длиною равныя длинѣ церкви (ибо идутъ вплоть отъ западной стѣны до восточной), слѣдовательно, при 34 $\frac{1}{2}$ саженьяхъ длины, имѣютъ въ ширину по 7 слишкомъ сажень. Онѣ такъ обширны, что служили мѣстомъ для засѣданія соборовъ.

⁴⁾ Начало занавѣсей и рѣшотокъ восходить къ глубокой древности; въ Кесаріи Каппадокійской ввелъ первыя уже Василій Великій (по тому поводу, что разъ замѣтилъ, какъ служившій съ нимъ діаконъ перемигивался съ стоявшею на галлерей женщиной). Въ позднѣйшее время передъ настоящими рѣшотками или занавѣсями и преимущественно первыя были у Грековъ во всѣхъ церквахъ. Въ Константинополѣ онѣ остаются вездѣ и до сихъ поръ, но въ Аеннахъ онѣ не очень давно сниманы, потому что здѣсь *ἐλευθερία*—либерализмъ (здѣсь начинаютъ женщины становиться и въ самыхъ церквахъ, чего въ Константинополѣ еще вовсе нѣтъ).—

для наблюдёнія въ нихъ чистоты, для поставленія въ нихъ во время церковныхъ службъ свѣтъ передъ иконами и пр., находились при церквахъ особыя женщины, какъ бы своего рода причетницы (представлявшія собою остатокъ древнихъ діакоиссъ и въ Константинопольской св. Софіи, какъ мы говорили выше, до позднѣйшаго времени называвшіяся діакоиссами) ¹⁾. Галлерей назывались τὰ γυναικεία, αἱ γυναικωνίται, γυναικωνίδες, т. е. гинекеи, женскія отдѣленія, «бабинцы», τὰ ὑπερώα, αἱ ἐμβολαὶ τῶν γυναικῶν, τῆς γυναικωνίδος,—женскія горницы, женскія галлерей, также τὰ κατηχομένηα, κατηχομένηα,—оглашенники, мѣста оглашенныхъ или мѣста оглашенныхъ ²⁾.

И у насъ въ періодъ домонгольскій относительно раздѣленія въ церквахъ мужчинъ и женщинъ было такъ же, какъ у Грековъ, хотя весьма вѣроятно, что у насъ раздѣленіе не соблюдалось такъ строго, какъ это было у нихъ. Каменные церкви строились у насъ въ этотъ

Рѣшотки, которыми заставляются галлерей, суть тѣ самыя или совершенно такія, какія употребляются у насъ для сидѣнья на плетеныхъ стульяхъ (Таковыми же рѣшотками у Турокъ заставлены окна въ гаремахъ). Нашъ діаконъ Игватій, бывшій въ Константинополѣ въ 1391 году, пишетъ о стояніи женщинъ на полатяхъ св. Софіи: «мужескій полъ внутрь святыя церкви Софіи, а женскій полъ на полатахъ; и сице дивно и премудро бысть: вси убо женскаго полу стояху на полатахъ за шиданыи (т. е. шелковыми, отъ Seide—шолкъ) заповами,—лицъ ихъ украшенія прелестяго и мертвеннаго никому же отъ народа видѣти,—у Сахар. въ Сказанн. русск. нар., кн. VIII, стр. 102 col. 2.

¹⁾ Не входя въ церковь во время нахождения въ ней мужчинъ или во время службъ, женщины могли входить въ нихъ для лобызанія иконъ въ отсутствіе первыхъ, передъ началомъ или по окончаніи послѣднихъ. Что касается до лобызанія въ дни воскресныя и въ праздники евангелія и иконъ праздниковъ, то онѣ приносились къ нимъ на верхъ (равно какъ священники и діаконы входили къ нимъ и для кажденія); въ большихъ церквахъ, какъ напр. въ Софіи Константинопольской, были для священниковъ и діаконѣ особыя входы на галлерей или въ гинекеитисы извнутри церквей.

²⁾ Почему женскія отдѣленія названы катихуменами и катихуменіями, это не совсѣмъ ясно. Предполагать съ нѣкоторыми, чтобы въ древнѣйшее время стояли на этихъ галлерейхъ оглашенные, оставившіе имъ свое имя, нѣтъ никакого дѣйствительнаго основанія; не вѣроятно производить названіе виѣстѣ съ Дюканжемъ отъ того, quod divinos, qui a sacerdotibus et cantoribus concinebantur, huiusmodi ibi auditu exasperent mulieres, Constantinop. Christ. lib. III, с. XXXVIII, р. 33. Но, какъ кажется, самое вѣроятное есть то, чтобы видѣть въ названіи уничижительное и пренебрежительное имя, данное женскимъ галлерейамъ простымъ народомъ, въ смыслѣ мѣста оглашеннаго, несобственной церкви. Какъ будто на это послѣднее происхожденіе названія намекаетъ импер. Левъ Мудрый въ одной своей

періодъ непремѣнно съ верхними галлереями ¹⁾, которыя были названы у насъ полатями ²⁾, а что касается до церквей деревянныхъ, то отчасти и онѣ были строимы съ галлереями, главнымъ же образомъ раздѣленіе производилось въ нихъ, какъ должно думать, тѣмъ способомъ, что онѣ раздѣляемы были по длинѣ на двѣ части и что въ передней части становились мужчины, въ задней женщины, или что передняя часть составляла мужскую церковь, а задняя женскую. Галлерей или полати устраивались у насъ совершенно съ такой же прочностью, какъ и у Грековъ, и такъ же соразмѣрно съ величиной церкви большія (бывъ меньшими ихъ галлерей настолько, насколько наши церкви были меньше ихъ церквей). Въ отношеніи къ своему протяженію по стѣнамъ церквей у насъ галлерей раздѣлялись на три класса, именно — въ церквахъ большихъ онѣ шли (т. е. устраивались такъ, что шли) кругомъ всей церкви — по западной стѣнѣ и потомъ по стѣнамъ южной и сѣверной вплоть до алтаря; въ церквахъ среднихъ, — шестистолпныхъ — шли по западной стѣнѣ и потомъ по бокамъ (по южной и сѣверной стѣнамъ) до заднихъ подкупольныхъ столбовъ ³⁾; въ церквахъ малыхъ, — четырехстолпныхъ, по одной западной стѣнѣ. Входы на галлерей иногда устраивались у насъ, такъ же какъ у Грековъ, въ папертей, въ пристроенныхъ къ церквамъ столбахъ или башняхъ, о которыхъ говорили мы

повелѣтъ, когда говоритъ: 'Εν τοῖς τῶν ἐκκλησιῶν ὑπερώοις, ἅπερ ὁ πόλις ἀνδροκος κατηχοόμενα καλεῖν ἔγυνε (Такъ какъ подъ женскими галлерейми внизу находились свои галлерей, то эти послѣднія, собственно — ἐμβόλοι, чтò значитъ именно галлерей, крытые ходы, иногда также назывались катихуменами, а для отличія однихъ отъ другихъ — онѣ κρῶτα, а собственные катихумены — δεύτερα. Зонара и Вальсамонъ въ толкованіяхъ на 97 пр. Трулльскаго собора распространяютъ названіе катихуменъ на зданія, находившіяся въ оградахъ церквей, не основательно, не находя вѣроятнымъ видѣть въ словахъ правила тотъ смыслъ, который онѣ имѣютъ). О женскихъ галлерейхъ см. *Дюканжа* Constantin. Christ. указанное мѣсто и въ Gloss. Graecit. подъ сл. Κατηχοόμενα.

¹⁾ Всѣ сохранившіяся до настоящаго времени каменные церкви домонгольскаго періода имѣютъ эти галлерей или полати.

²⁾ Что наше названіе женскихъ галлерей полатями должно производиться не отъ греческаго παλάτιον, чтò значитъ — дворець, палата, а отъ домовыхъ или избныхъ палатей, представляющихъ своего рода галлерей, и что это послѣднее названіе, по всей вѣроятности, отъ того, неизвѣстнаго намъ, скандинавскаго слова, которое по-нѣмецки — Platten, чтò значитъ — доски, дощаная настѣлка, объ этомъ мы уже говорили выше, — стр. 138.

³⁾ Такъ въ Новгородѣ въ Николо-Дворищенскомъ соборѣ, въ Юрьевскомъ монастырѣ и у Ивана Предтечи на Опокахъ.

выше, но большею, кажется, частью изъ самыхъ церквей, въ западныхъ стѣнахъ этихъ послѣднихъ. Весьма вѣроятно, что и у насъ были особы женщины, завѣдывавшія полатями (и послѣ ставшія, какъ мы говорили выше, вмѣстѣ и просфоропеками церквей), но въ то же время у насъ упоминается и полатникъ, имѣвшій у себя ключи отъ полатей и запиравшій ихъ на ночь ¹⁾. Что у насъ, такъ же какъ у Грековъ, полати были завѣшиваемы занавѣсками или заставляемы рѣшотками, это если не весьма вѣроятно, то очень возможно. Что касается до нашего раздѣленія деревянныхъ церквей на двѣ половины, то и до настоящаго времени во многихъ мѣстахъ Россіи, преимущественно въ Малороссіи (древней настоящей Руси) и по сосѣдству съ нею соблюдается обычай, чтобы мужчины становились отдѣльно въ передней части, а женщины въ задней (въ настоящее время соблюдается не только въ церквахъ деревянныхъ, но по исчезновеніи галлерей изъ церквей каменныхъ и въ этихъ послѣднихъ). Если не вездѣ, то по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Малороссіи женская или задняя половина церкви носитъ свое особое имя «бабинца» (бабинець), т. е. бабьей, женской церкви. Не знаемъ, есть ли гдѣ нибудь у насъ, чтобы женская половина отдѣлялась отъ мужской посредствомъ особой перегородки, но, судя по примѣру Сербовъ, весьма вѣроятно думать, что это такъ у насъ было или бывало (У Сербовъ до настоящаго времени существуетъ обычай, не вездѣ впрочемъ и не непременно соблюдаемый, чтобы женская или задняя половина церкви отдѣлялась отъ мужской посредствомъ поставленной поперекъ ея перегородки, состоящей изъ невысокой рѣшотки, и чтобы полъ ея возвышался надъ поломъ послѣдней на ступень или на двѣ. Одна половина называется «мушка црква» (мужская церковь) или «мушка препрата», другая — «женска црква» или «женска препрата» ²⁾).

Выше мы сказали, что въ древнее время за службами церковными какъ служащіе священники, такъ и присутствующіе міране, отчасти стояли, отчасти сидѣли. Для священниковъ были устроены сѣдалища въ олтарѣ (сопрестоіе). Подобнымъ образомъ для низшихъ клириковъ были устроены сидѣнія на солеѣ, т. е. на древней большой,

¹⁾ Въ записи о чудѣ Николая чудотворца съ отрочищемъ въ Кіевѣ, о которой въ первой половинѣ тома стр. 775 (полатникъ Кіевософійск. собора, отличный отъ пономаря, о которомъ говорится тутъ же),—рпк. Моск. Дух. Акад. № 90, л. 236 об...

²⁾ Препрата—паперть; вѣроятно такъ названа была сначала женская половина церкви по сосѣдству съ папертью, а потомъ названіе перенесено было и на

ныиѣ не существующей ¹⁾, а для мирянъ въ остальной церкви. Какъ были устроены у Грековъ сидѣнія въ древнее время, мы не знаемъ, но съ полною вѣроятностью должно думать, что такъ, какъ это и въ настоящее время. Въ настоящее время у Грековъ въ каждой церкви есть такъ называемыя стасидіи, — τὰ στασίδια, что порусски значить стоялища, стояла (отъ ἵστημι, ставлю, возвр. становлюсь). Мы затрудняемся опредѣлить и описать эти стасидіи, хотя въ сущности онѣ и представляютъ собою вещь весьма простую. Онѣ суть ряды дѣйствительно какъ бы маленькихъ стойлъ, въ каждомъ изъ которыхъ можно свободно помѣститься одному человѣку, сдѣланные такимъ образомъ, что въ нихъ можно и стоять и сидѣть, именно—снабженные досками для сидѣнья, повѣшенными на петли, на время стоянія поднимающимися вверхъ, а когда нужно сидѣть, опускающимися на подставки; иначе ихъ можно опредѣлить такъ, что онѣ суть ряды кресель (въ голаго, ничѣмъ не обитаго и не покрытаго дерева), сдѣланные въ одной общей связи, съ подъемными сидѣньями, имѣющіе весьма высокую, въ ростъ человѣка, спинку (одну, общую всѣмъ имъ) и отгороженные одно отъ другаго весьма высокими, по грудь человѣка, перегородками. Кто видалъ въ нашихъ монастыряхъ такъ называемыя формы, имѣющіяся въ нѣкоторыхъ изъ нихъ у западной стѣны церквей ²⁾, тому мы скажемъ, что греческія стасидіи суть ни что иное, какъ эти формы, только сдѣланныя не такъ просто и топорно, какъ это у насъ (по крайней мѣрѣ, насколько намъ приходилось видать), а въ бѣльшей или меньшей мѣрѣ хорошимъ столярнымъ мастерствомъ (не сколоченныя изъ досокъ, а связанныя изъ рамъ и филеокъ) ³⁾. Стасидіи ставятся поперегъ и вдоль церквей и ихъ количество зависитъ отъ величины послѣднихъ. Если церковь небольшая, то ихъ ставится по одному ряду у западной стѣны (съ обѣихъ сторонъ входныхъ въ церковь дверей),

---

мужскую, см. Словарь *В. Караджича*, сл. препрата, а объ употребленіи названія препрата въ приложеніи къ мужской половинѣ церкви сгг напр. *Иоакима Вуича* Путешествіе по Сербіи, у Будиму, 1828, стрр. 161, 177, 219, 337 и другія.

¹⁾ Симеонъ Солунскій *De sacro templo* с. 135, у Мниа въ *Patr. t. 155* р. 346: ὀλοδιακόνου; καὶ ἀναγνώστα; (καθῆσθαι ἀκόλουτον) περὶ τῆν οὐλέαν.

²⁾ Наши формы, вѣроятно, при посредствѣ Малороссіи ведутъ свое ния, если не самихъ себя (сами онѣ могутъ быть остатками стасидій), изъ монастырей западныхъ, см. Дюканжа *Gloss. Latinit.* подъ сл. forma № 13.

³⁾ Онѣ дѣлаются изъ обычнаго на Востокѣ матеріала для простыхъ столярныхъ работъ—каштана; но этотъ матеріалъ равняется своимъ достоинствомъ нашему лучшему дубу.—Изображеніе стасидій см. у *Ленуара* въ *Architecture monastique*, р. 337.

и по одному ряду у стѣнъ южной и сѣверной, начиная непосредственно отъ западной стѣны и немного не доходя до стѣны олтаря. Если же церковь большая, то поперегъ съ запада ставятся два и даже (если не ошибаемся) три ряда съ оставленнымъ, подразумѣвается, въ серединѣ проходомъ, слѣдовательно подраздѣленные на полуряды (и слѣдовательно, если три ряда, то на обѣихъ сторонахъ прохода шесть полурядовъ), а вдоль четыре ряда — два у стѣнъ и два между подкупольными столбами, — тѣ и другіе не доходя на востокѣ немного до олтаря и вторые два оставляя проходъ къ двумъ первымъ на западѣ. Такъ какъ въ настоящее время у Грековъ (какъ и у насъ) нѣтъ древнихъ большихъ солей, на которыхъ стояли стасидіи низшихъ клириковъ и на которыхъ онѣ отдѣлялись отъ стасидій мирянъ загородками, бывшими вокругъ солей, то въ настоящее время тѣ и другія стасидіи слились въ одно, и чтобы представлять себѣ древнее, нужно воспроизвести въ воображеніи эти бывшія солей съ ихъ загородками или рѣшетками ¹⁾. Изъ сказаннаго видно, что стасидіи занимаютъ не все пространство церквей, а только нѣкоторую его часть, и слѣдовательно онѣ рассчитаны были не на то, чтобы давать мѣста для сидѣнія всѣмъ молящимся, сколько бы могли вмѣстить ихъ церкви, а только нѣкоторой ихъ части. Въ объясненіе этого, нужно себѣ припомнить, что приходы въ Греціи были такъ многочисленны и слѣдовательно такъ не велики, что развѣ

---

¹⁾ Мы говорили выше, что у Грековъ нѣтъ нашихъ клиросовъ (и что въ смыслѣ мѣстостоянія чтецовъ и пѣвцовъ у нихъ вовсе не употребляется слово κλήρος, изъ котораго наше крылось). Чтецы и пѣвцы помѣщаются тамъ двойко, именно — или въ продольныхъ рядахъ стасидій занимаютъ первыя мѣста отъ олтаря, по одному съ той и съ другой стороны (а если этихъ рядовъ по два на сторонѣ — въ переднихъ или находящихся между столбами). ижея передъ собою налои, зашитые глухими стѣнками, такъ чтобы служили и налоями и шкапами для книгъ, или впереди стасидій дѣлаются маленькія открыто-возвышенныя площадки въ родѣ нашихъ амвоновъ, на которыхъ они и стоятъ, ижея передъ собою тѣ же налои (что чтецы и пѣвцы у Грековъ не суть наши дьячки и пономари, которыхъ у нихъ въ настоящее время вовсе нѣтъ, объ этомъ мы говорили выше). Въ стасидіяхъ, на ряду съ одной стороны съ чтецами и пѣвцами, а съ другой съ мирянами, ижеютъ свои виѣолтарныя мѣста и архіереи, именно — въ правомъ ряду стасидій имъ принадлежатъ два ближайшія отъ пѣвцовъ праваго хора мѣста, — въ одномъ мѣстѣ, первомъ отъ пѣвцовъ и ничѣмъ не отличающемся отъ всѣхъ другихъ мѣстъ, стоятъ они по буднямъ, другое мѣсто (второе отъ пѣвцовъ), въ которомъ поставлено на нѣкоторомъ возвышеніи кресло и которое внизу затворяется дверцою или завѣшивается занавѣскою, составляетъ ихъ виѣолтарную кафедру, на которую они становятся въ праздники.

въ рѣдкой приходской церкви могло не доставать мѣсть въ стасидіяхъ для всѣхъ своихъ прихожанъ; а затѣмъ имѣемъ указанія, что, вѣроятно, не желая загромождать всего пространства церковей, заботились главнымъ образомъ о людяхъ старшихъ и почтеннѣйшихъ, предоставляя молодымъ и бѣднымъ, въ случаѣ недостачи мѣсть или стоять или садиться на полъ ¹⁾).

Какъ было у насъ въ періодъ домонгольской съ мѣстами для сидѣнія въ церквахъ мірскихъ или приходскихъ, — составляли ли онѣ общую принадлежность всѣхъ этихъ церковей или были по произволу только въ нѣкоторыхъ (какъ это въ настоящее время) и состояли ли онѣ изъ неподвижныхъ, правильно поставленныхъ и именно греческой формы стасидій, или же изъ подвижныхъ, нашихъ собственныхъ и какъ придется поставленныхъ, скамеекъ (по нашему теперешнему), пока ничего не можемъ сказать, потому что вовсе не встрѣчали относительно этого указаній.

Сейчасъ сказанное нами относится къ мужской части церковей. Что же касается до части женской, — верхнихъ галлерей или полатей, то должно думать, что какъ теперь нѣтъ на нихъ у Грековъ стасидій или какихъ-либо сидѣній, такъ не было и въ древнее время, т. е. что женщинамъ не предоставлено было у нихъ сидѣть въ церквахъ. Предположеніе это подтверждаетъ Сербскій законникъ царя Стефана Душана, въ которомъ между прочимъ читается пунктъ: «Жены да не садятся въ церкви, кромѣ царицы и ея старшей невѣстки», см. нашъ Краткій очеркъ православныхъ церковей Болгарской, Сербской и Румынской, стр. 689, § 197. Нужно думать, что какъ было это въ Греціи, такъ было и у насъ.

Послѣ самыхъ церковей въ отношеніи къ ихъ богослужебному устройству остается намъ сказать объ одномъ зданіи или зданійцѣ съ богослужебнымъ назначеніемъ, находившемся внѣ ихъ, но при нихъ —

¹⁾ Въ Постановленіяхъ Апостольскихъ читаемъ: «если въ то время, какъ вы сидите (въ храмѣ), войдетъ въ него какой нибудь почтенный и уважаемый по жизни человекъ, чужой или свой, то братья пусть примутъ его черезъ діаконовъ; если же нѣтъ мѣста, то діаконовъ пусть посадить его, пригласивъ уступить мѣсто кого либо изъ младшихъ», Lib. II, с. 58, — у *Bingham*. Vol. VI, p. 186 (ср. посланіе ап. Іакова, гл. II, стг. 2 и 3). Въ житіи Андрея Юродиваго читаемъ, что разъ онъ вошелъ въ церковь съ ученикомъ своимъ Епифаніемъ, юношей изъ знатнаго рода, въ то время, какъ въ ней шло чтеніе и — «Епифаній сѣлъ въ одномъ изъ сидѣній (ἐν ἐνὶ τῶν σκαμνῶν), а блаженный, какъ одинъ изъ бѣдныхъ, на полу» (Acta SS. Болланд. Maii t. VI, p. 46).

на ихъ дворахъ или въ ихъ оградахъ. Это водосвятельница или «крестильница» ¹⁾ святой воды. Въ Греціи съ древняго времени былъ и до настоящаго времени остается обычай первое число каждаго мѣсяца освящать малымъ освященіемъ св. воду при церквахъ «на всяку потребу» (съ которою, какъ мы говорили выше, священники ежемѣсячно обходятъ дома прихожанъ). Для этихъ ежемѣсячныхъ освященій, а также и для великаго Богоявленскаго, тамъ находились, а отчасти и теперь находятся при церквахъ на ихъ дворахъ особыя водосвятельницы, состоящія изъ каменныхъ чашъ (большихъ вазъ) на постаментахъ или подставахъ, накрытыхъ кровлею, повѣшенною надъ ними на колоннахъ или иначе—поставленныхъ въ шатрахъ ²⁾. Не знаемъ, вхо-

---

¹⁾ Въ древнее и старое время у насъ говорилось объ освященіи воды—крестить воду, ибо освященіе совершается чрезъ начертаніе въ водѣ крестомъ крестовъ. Праздникъ Богоявленія названъ у насъ Крещеніемъ не потому, что онъ есть день крещенія Господа, а потому, что онъ есть день крещенія воды, что видно изъ его древняго и стараго названія, которое есть «Водокрещи». См. второе ниже примѣч...

²⁾ Эти водосвятельницы ведутъ свое начало у Грековъ собственно отъ первенствующаго времени. Именно—въ первенствующее время былъ обычай поставять при церквахъ на ихъ дворахъ чаши или вообще устроить бассейны съ водой для той цѣли, чтобы входящіе въ церковь совершали при нихъ омовенія (—омовенія не въ томъ смыслѣ, какъ это дѣлается въ настоящее время католиками,—чрезъ легкое спусканіе пальцевъ въ чашу съ водой, но изобильныя—лица и рукъ, на подобіе того,—да извинитъ насъ читатель за сравненіе,—какъ это дѣлается теперь Турками, ибо писатели ясно говорятъ объ изобиліи доставлявшейся, а слѣдовательно и тратившейся, воды; чаши назывались чашами или бассейнами—φιάλη, умывальниками или умовенниками—λουτήρ и λουτρόν, источниками, колодезьями, фонтанами, потому что таковыми иногда были,—κρήνη, φρέαρ), см. *Bingh. Vol. III, p. 179*. Въ этихъ древнѣйшихъ чашахъ (бассейнахъ) и начали потомъ ежемѣсячно святить воду. Когда вошло въ обычай это послѣднее, не знаемъ, но обычай совершать у нихъ умовенія лица и рукъ при входѣ въ церковь оставался еще до X вѣка, см. *Constant. Porphyrog. De ceremoniis. lib. I, c. 17 § 2 и 18 § 1, ed. Bonn. pp. 100 и 109* (царь, входя въ церковь, заходитъ въ λουτήρ καὶ ἐχεῖσα ἵπταται). Въ настоящее время водосвятельницы находятся на всемъ Афонѣ (о водосвятельницѣ въ Лаврѣ св. Аванасія см. *Барская* изд. 5, стр. 524 fin. и Замѣтки поклонника Св. Горы стр. 192); затѣмъ, мы не видѣли ихъ въ городахъ (Константинополѣ, Афинахъ, Солуни и другихъ), но видѣли одну въ деревнѣ и слышали, что въ деревняхъ онѣ болѣею частію есть; въ Солуни остаются цѣлыми бывшія водосвятельницы при трехъ мечетахъ, бывшихъ христіанскихъ церквахъ.

дили ли у насъ эти водосвятельницы въ общій обычай, въ какомъ онѣ были у Грековъ, но имѣемъ свидѣтельства, впрочемъ уже послѣмонгольскія, что онѣ у насъ были ¹⁾).

¹⁾ Въ 1260 г. Данило Романовичъ Галицкій «принесе чашу отъ земля Угорьскыя кратора багряна, изваяну мудростью чудну и змѣены главы быша округъ ея, и постави ю предъ дверми церковными, нарѣцаемыми царскими, створи же въ ней крестялицю крестити воду на святое Богоявленіе» (Ипатск. лѣт., далѣе прибавлено не совсѣмъ для насъ непонятное: «створи же въ ней блаженный пскупу Иванъ отъ древа красна точень и позлащенъ дѣѣ, т. е. внутри, и внѣ, двеленію подобень», т. е. сдѣлалъ для вставленія въ нея точно соответствующую ей или же выточенную деревянную позолоченую чашу?). Въ 1409 г. Новгородскій владыка Иванъ «постави теремець камень, идѣже воду свѣщаютъ на койждо мѣсяць», Новгор. 4 лѣт. Въ Боголюбовскомъ монастырѣ въ настоящее время есть наша водосвятельница,—большая чаша изъ бѣлаго камня съ такой же выпуклой покрывкой и надъ нею навѣсъ или шатерь; послѣдній XVII, а можетъ быть и XVIII вѣка, а о первой, на сколько она древня, ничего не можемъ сказать, но едва ли временъ Боголюбскаго, см. Древній Боголюбовъ городъ и монастырь *В. Доброхотова*, М. 1852, стр. 42, гдѣ приложенъ и рисунокъ водосвятельницы (по увѣренію Доброхотова, чаша называется въ монастырѣ кандеей; но дѣйствительныя кандеи (отъ греческаго *κάνδο*) совсѣмъ другое,—небольшія металлическія чаши, служившія вмѣсто нашихъ столовыхъ колокольчиковъ такимъ образомъ, что въ края ихъ ударялось металлической палочкой или металлическимъ пестикомъ: названіе нашей чаши кандеей не есть ли испорченное изъ какого нибудь другаго и не даетъ ли знать, что прежде чѣмъ сдѣлаться водосвятной чашей она имѣла другое назначеніе?). Водосвятельницы (послѣ того, какъ перестали быть руко—и вообще умывальницами) назывались и называются у Грековъ чашами—*αἱ φιάλαι* (и за снѣгъ еще въ тѣхъ кафедрально-епископскихъ церквахъ, при которыхъ оставались отъ древняго времени крещальни,—особыя при нихъ званія для совершенія таинства крещенія, и въ частности въ Софій Константинопольской, назывались именами сихъ послѣднихъ, т. е. крещалень,—*βαπτιστήριον*, *φωτιστήριον* (*χολομβήθρα*), съ прибавленіемъ для отличія отъ нихъ прилагательнаго *μικρόν*: водосвятельница — *μικρόν βαπτιστήριον*, *φωτιστήριον*, крещальня — *μέγα βαπτ.*, *φώτ.*; описаніе великолѣпнѣйшаго лутира, позднѣйшей водосвятельницы, устроеннаго при св. Софій Юстиніановъ, см. у Анонима Бавдуріева въ *Imperium Orientale* t. I, lib. IV, p. 77, славянск. переводъ въ Вѣстникѣ Общества древне-русскаго искусства при Моск. Публ. Музеѣ 1874 г., кн. 1—3, Отд. II, стр. 17). У насъ послѣ того какъ установилась терминологія, водосвятельницы назывались «крестильницами», см. выше выписку изъ Ипатск. лѣт. и потомъ рукописныя уставы,—напр. Троицк. Лаврск. XV вѣка, № 46, л. 290 об. (въ переводѣ Устава патр. Алексѣя по рукописи конца XII—начала XIII вѣка водосвятельница называется логанею т. е. логанью,—переводъ сл. *φιάλη*, — и крестиломъ, Синод. ркп. № 330, лл. 264 об. *fin.* и 267 об. *sub fin.*).

VI.

Богослужебныя принадлежности.

Обращаемся къ богослужебнымъ принадлежностямъ, каковы суть священные сосуды, священныя одежды и прочее.

Священные сосуды, употребляемые при совершеніи таинства евхаристіи на литургіи, суть потиръ и дискось; къ нимъ принадлежать: звѣзда или звѣздца, покровы, воздухъ, лжица, копье и рипиды ¹⁾).

Не говоря о формѣ священныхъ сосудовъ и ихъ принадлежностей, которая можетъ быть и имѣть нѣкоторую исторію, но которая — во-первыхъ, совсѣмъ неизвѣстна, а во-вторыхъ — несомнѣнно окончательнымъ образомъ установилась задолго до принятія нами христіанства ²⁾ (за исключеніемъ въ томъ и другомъ случаѣ рипидъ), мы скажемъ только объ ихъ у насъ матеріи или матеріалѣ (съ прибавкой о формѣ и употребленіи однихъ послѣднихъ).

Священные сосуды — потиръ и дискось были у насъ употребляемы — золотые, иногда съ украшеніемъ драгоценными камнями и жемчугомъ ³⁾, серебряные съ тѣмъ же вѣроятно иногда украшеніемъ, каменные — изъ мрамора и другихъ благородныхъ камней, стеклянные, изъ низшихъ металловъ — мѣдные луженые и оловянные, и наконецъ деревянные ⁴⁾. Затѣмъ имѣемъ еще указаніе на потиры, матерія кото-

¹⁾ По-гречески потиръ — *ποτήρ, ποτήριον*, отъ неупотребит. темъ *πόω*, русскою, пью, значить сосудъ для питья, чаша (въ свѣтск. языкѣ частице — бокалъ, чара); дискось — *δίσκος*; значить блюдо; звѣзда, звѣздца по-гречески — *ἀστὴρ, ἀστερίσκος*, покровы — *χιλῶνιάτα*, воздухъ — *ἀήρ*, лжица — *λαβίς*, копье — *λόγχη*, рипиды — *ρίπιδις*.

²⁾ Послѣ потира, ведущаго свое начало отъ Тайной вечери I. Христа или отъ самаго перваго совершенія таинства Евхаристіи, и послѣ дискоса, если не современнаго ему, то явившагося скоро вслѣдъ за нимъ, уже Аванасій В. упоминаетъ о покровѣ дискоса и рипидахъ, — выписка у Дюканжа въ *Gloss. Graecit.* подъ сл. *δίσκος*; позднѣе всѣхъ явилась лжица, но и о ней уже упоминается въ дѣяніяхъ двукратнаго собора, *ibid.* сл. *λαβίς*.

³⁾ Положительно знаемъ, что золотыми сосудами, украшенными каменьями драгидъ и жемчугомъ великимъ. Андрей Боголюбскій снабдилъ свой Владимірскій соборъ. Ипатск. лѣт. 2 изд. стр. 396 нач...

⁴⁾ См. *преосв. Макарія* Археологич. описаніе церк. древн. въ Новгород. II, 192 вѣд. Объ употребленіи стеклянныхъ сосудовъ въ Греціи въ случаѣ нужды см. Теодора Студита *Epistoll. L. I, ep. 57*, у Миня въ Патр. t. 99, p. 1116, o

рыхъ составляетъ загадку. Митр. Георгій говоритъ въ своемъ Уставѣ: «аще кто не хотай (не нарочно) проткнетъ потирь, пролитое въ землю вскопаетъ и въ воду всыплеть»..., а епитимія такая то ¹⁾. Проткнуть потирь металлическій, каменный, стеклянный, конечно, невозможно; совершенно невѣроятно, думаемъ, допустить, чтобы могъ быть проткнутъ и потирь деревянный; слѣдовательно ясно, что тутъ разумѣется какой-то матеріалъ мягкій, изъ котораго дѣлаемы были между прочимъ потиры. Не рѣшаемся отвѣчать положительно на вопросъ: изъ какого мягкаго матеріала были дѣлаемы потиры, но считаемъ не невѣроятнымъ предполагать, что изъ тыквы, на подобіе тѣхъ тыквенницъ, которыя въ Малороссіи какъ сосуды для воды весьма употребительны и въ настоящее время ²⁾.

крапормомъ сосудѣ св. Θεодора Сикеота см. въ Паломникѣ архіеп. Антонія, по изд. *Savaait.*, стр. 131.

¹⁾ Правило повторяется и въ позднѣйшихъ рукописяхъ, напр. Волоколамск., нынѣ Моск. Д. Абад., XVI вѣка, № 566, л. 107 нач.: «аще ли по грѣху проткнется патырь, то пролитое съ землею ископавши и въ воду всыпати»...

²⁾ Находить невѣроятнымъ допускать употребленіе потировъ тыквенныхъ и полагають, что вмѣсто: «проткнется» должно читать: «поткнется», т. е. будетъ толкнуть, опрокинуть, какъ это и читается въ одной навѣстной рукописи, см. сочиненіе *С. Д. Муретова* Историческій обзоръ чинослѣдованія проскомидіи до «устава литургіи» Константинопольскаго патріарха Филоея, М. 1895, стр. 242—243. Но, во-первыхъ, слово: поткнути въ древнемъ языкѣ значило не толкнуть, а водрузить, утвердить (потченіе креста—водруженіе креста), см. въ Словарѣ *Срезневскаго* это слово, такъ что чтеніе этого слова въ рукописи вѣроятнѣе принимать за позднѣйшую поправку, сдѣланную именно на основаніи мысли о невѣроятности существованія потировъ, которые бы можно было протыкать. За тѣмъ, относительно допустимости потировъ тыквенныхъ должно быть сказано слѣдующее. Существуетъ преданіе (легенда), что истекшая изъ прободеннаго на крестѣ ребра Спасителя кровь была принята нѣкимъ Іаковомъ въ тыквенный сосудъ или тыквинцу (см. въ Четь-Минеѣ подъ 10-мъ Сентября сказаніе о мученикѣ Варисавѣ. Нѣкій Іаковъ принять былъ потомъ за ап. Іакова и тыквенная фляжка при поасѣ стала, по крайней мѣрѣ на Западѣ, принадлежностью апостола, см. въ Словарѣ *Мюллера* и *Мотеса* подъ сл. *Apostel*, S. 75 col. 2). Въ Солуни, въ монастырѣ называемомъ теперь по-турецки Чаушъ, до настоящаго времени сохраняется остатокъ тыквенной чаши, принимаемой за ту чашу, которая будто бы «служила Господу и ученикамъ его при Тайной вечери», см. *архим. Антонина* Замѣтки поклонника Святой Горы. Кіевъ, 1864, стр. 389, и *Н. Благовѣщенскаго* извѣстную книгу: «Среди богомольцевъ», 2-го изд. стр. 322 нач... На нѣкоторыхъ изъ нашихъ русскихъ изображеній Тайной вечери Спаситель преподаетъ ученикамъ Свою Кровь въ тыквенномъ сосудѣ, см. у *Н. В. Покровскаго* въ сочиненіи: Стѣнные росписи въ древнихъ гра-

Съ потирами и дисками металлическими, каменными и деревянными, звѣздицы и лжицы были употребляемы изъ того же самаго матеріала. Съ потирами и дисками стеклянными они, какъ должно думать, употребляемы были изъ того или другаго матеріала нехрушкаго. А что касается до потировъ тыквенныхъ, если таковые были, то при нихъ какъ звѣздицы съ лжицами, такъ и диски должно подразумѣвать деревянные.

Покровы и воздухи ¹⁾ были дѣлаемы, подобно потирамъ и дискамъ, изъ всякихъ матерій драгоцѣнныхъ, которыя могли доставлять Греція и азіатскій Востокъ, затѣмъ изъ всякихъ матерій такъ называемаго фабричнаго производства низшихъ, и наконецъ изъ крашенины домашняго холста.

Рипиды въ настоящее время употребляются у насъ только при архіерейскомъ служеніи литургіи, но въ древнее время онѣ одинаково употреблялись и при служеніи священническомъ, ибо онѣ составляютъ собственно принадлежность не сана служащаго, а самаго богослуженія. Назначеніе рипидъ состояло въ томъ, чтобы посредствомъ вѣянія или маханія надъ чашею съ виномъ и надъ хлѣбомъ для Крови и Тѣла отгонять отъ нихъ летающихъ въ олтарѣ мухъ, комаровъ и другихъ насѣкомыхъ ²⁾; а понятно, что всѣ эти насѣкомыя одинаково могутъ летать въ олтарѣ какъ при архіерейскомъ, такъ и при священническомъ служеніи. Пока рипиды оставались при своемъ первоначальномъ назначеніи и не превращались въ простую церемоніальную принадлежность богослуженія, онѣ не могли дѣлаться металлическими, какъ теперь, ибо металлическими неудобно производить вѣянія; онѣ дѣлались

махъ греческихъ и русскихъ рисункъ между стрр. 146 и 147 и во 2-мъ изданіи сочиненія: Очерки памятниковъ христіанской иконографіи рис. 186, и такъ это на изображеніи Тайной вечери въ Московскомъ Даниловомъ монастырѣ (кромя чтеній: проткнется и поткнется есть еще чтеніе: приткнется, см. въ Словарѣ Срезневскаго сл. потирь).

¹⁾ Въ древнѣйшее время воздухъ назывался ἀναφορά—возношеніе («святое возношеніе въ миръ принести», τὴν ἁγίαν Ἀναφορὰν ἐν αἰρήνῃ προσφέρειν), а названіе воздуха сдѣлалось общимъ изъ мѣстнаго Іерусалимскаго, — *Дюк. Gloss. Graecic.* подъ сл. ἀήρ.

²⁾ ῥιπίδιον, отъ ῥιπίζω—вѣю, машу. значить опахало, вѣеръ. О самомъ вѣяніи рипидами патр. Германъ говоритъ: στρέφονται αἰφνιδίως ὡς ἐν ἐκπλήξει, т. е. вертятся (рипиды) быстро, какъ бы въ изступленіи, въ экстазѣ; но другіе предписываютъ иначе: μετὰ πάσης εὐλαβείας καὶ ἡρέμα, т. е. со всякимъ благоговѣніемъ и потиху, — *Дюк.*

(какъ это намъ положительно извѣстно) изъ тонкихъ кожъ (ἐξ ὑμῆνων λεπτῶν), изъ полотна и всякой другой матеріи и изъ павлиньихъ крыльевъ¹⁾; когда именно онѣ начали при этомъ дѣлаться въ видѣ шестикрылатыхъ херувимовъ (по подобію тѣхъ изваянныхъ херувимовъ, которые осѣняли ветхозавѣтный кивотъ Завѣта и во образъ тѣхъ истинныхъ херувимовъ, которые осѣняютъ лице Божіе) остается неизвѣстнымъ²⁾. Употребленіе рипидъ требовало двухъ особыхъ діаконовъ кромѣ служащаго, которые должны были стоять съ ними съ боковъ святаго трапезы. Такъ какъ далеко не всякая приходская церковь могла имѣть трехъ дьяконовъ, то поэтому конечно онѣ и вышли изъ употребленія въ приходскихъ церквахъ, оставшись только въ кафедрально-епископскихъ³⁾ (Впрочемъ у Грековъ онѣ и доселѣ не вышли изъ употребленія и въ приходскихъ церквахъ: рипиды, такія же какъ и у насъ металлическія, у нихъ доселѣ есть въ каждой приходской церкви; за отсутствіемъ въ приходахъ потребныхъ діаконовъ онѣ не держатся надъ св. трапезой, но на великомъ выходѣ ихъ предносить предъ св. дарами мальчики,—что не противно уставамъ церкви, ибо послѣдніе запрещаютъ не то, чтобы никто не бралъ рипидъ въ руки кромѣ діаконовъ, а то, чтобы никто кромѣ діаконовъ не приближался съ ними къ св. трапезѣ, которая доступна для однихъ только священниковъ и діаконовъ⁴⁾).

Какъ должно представлять себѣ дѣло относительно качества священныхъ сосудовъ и ихъ принадлежностей въ большинствѣ нашихъ церквей домонгольскаго періода, объ этомъ скажемъ нѣсколько ниже въ общемъ замѣчаніи о всѣхъ богослужбныхъ принадлежностяхъ церквей.

¹⁾ Почему у автора, извѣстнаго подъ именемъ Діонисія Ареопагита, называются птерá, — Дюк.

²⁾ Отъ своей нынѣшней формы онѣ называются теперь у Грековъ ἑξαπτέρυγα — шестокрыльцы, шестокрылатцы.

³⁾ Въ случаѣ неимѣнія рипидъ (а слѣд. и въ случаѣ отсутствія діаконовъ, которые бы могли производить ими вѣяніе) повелѣвается производить это послѣднее посредствомъ покрыва (слѣд. наше теперешнее вѣяніе воздухомъ замѣняетъ вѣяніе рипидами), — у Дюк., у котораго вообще см. о рипидахъ, подъ сл. ριπίδιον. См. и въ нынѣшнемъ нашемъ служебникѣ замѣчаніе, читаемое послѣ «Побѣдную пѣснь».

⁴⁾ Митр. Георгій въ своемъ Уставѣ предписываетъ относительно рипидъ: «аще лѣтъ (лѣтомъ) будутъ мухи въ олтари, не достойтъ калугеру (монаху) ни подьяку отгонити отъ честныхъ даровъ, но токмо діакону». — Объ Андрѣ Боголюбскомъ дается знать, что онъ устроилъ въ Боголюбовскую церковь и во Владимирскій соборъ рипиды металлическія — золотыя, Ипатск. лѣт., 2 изд. стр. 395 и 396 нач...

Съ богослужебными одеждами священниковъ и причетниковъ въ періодъ домонгольской было у насъ не совсѣмъ такъ, какъ теперь, и въ отношеніи общаго количества одеждъ и въ отношеніи къ ихъ формѣ и въ отношеніи къ употребленію извѣстныхъ одеждъ извѣстными лицами.

Одеждами священниковъ въ періодъ домонгольской были: нынѣшніе — подризникъ съ поясомъ, епитрахиль и риза или фелонь, лишніе противъ нынѣшняго — малая или причетническая фелонь и ручникъ (не принадлежали къ ихъ одеждамъ — поручи, которыя употребляются нынѣ всѣми ими и набедренникъ съ палицей, даваемые нѣкоторымъ изъ нихъ).

Священнической подризникъ есть тоже самое и тоже самая одежда, что діаконскій стихарь, ибо священникъ носитъ свою собственную одежду и вмѣстѣ діаконскую или прибавляетъ первую къ послѣдней, какъ и онъ самъ произведенъ во священники изъ діаконствъ (составляющихъ первую степень собственнаго священства); у Грековъ подризникъ назывался и до сихъ поръ называется однимъ именемъ съ діаконскимъ стихаремъ, т. е. стихарь—*στυχάριον* (*στυχάριον*, какъ онъ и у насъ называется въ богослужебныхъ книгахъ, см. въ Служебникѣ «Чинъ священныя и божественныя литургіи», — одѣяніе священника съ діаконствомъ въ богослужебныя одежды). Стихарь составлялъ въ мірскомъ быту, изъ котораго онъ взятъ для богослужебнаго употребленія ¹⁾, одинъ изъ видовъ въ классѣ одеждъ, которыя у Грековъ назывались хитонами (*χιτών*), а у Римлянъ туниками (*tunica*), именно—одеждъ, которыя не накидывались только на плечи (какъ всякаго рода греческія иматин и римскія тоги), а совсѣмъ надѣвались и которыя въ этомъ разрядѣ одеждъ надѣвальныхъ (а не накидныхъ) имѣли специфическими особенностями то, что передъ у нихъ былъ неразрѣзанный (на полы отъ напоя,—на двѣ половины), а глухой, какъ у рубашекъ, и что у нихъ были рукавные прорѣзы (для просовыванія рукъ) или и самыя рукава. Въ своемъ классѣ одеждъ стихарь составлялъ одежду длинную по пять, и съ длинными по запястья рукавами ²⁾. Частное названіе стихаря въ

¹⁾ О стихаряхъ въ мірскомъ быту, въ которыхъ они, во-первыхъ, составляли форменную одежду нѣкоторыхъ придворныхъ чиновниковъ, а во-вторыхъ, можетъ быть, носились и всѣми по произволу (какъ хитоны украшенные), см. Константина Порфирог. *De ceremoniis. lib. I, cap. 26, §§ 1 и 97* и Дюк. *Gloss. Graecis.* подъ сл. *στυχάριον*.

²⁾ Это мы впрочемъ думаемъ о мірскихъ стихаряхъ, заключая отъ церковныхъ, ибо о формѣ первыхъ, какъ о таковыхъ, свѣдѣній нѣтъ.

классъ хитоновъ (туникъ) стихаремъ, — τὸ στιχάριον происходитъ отъ στιχός—рядъ, строка, полоса и означаетъ то, что онъ украшался иноквѣтными полосами, которыя нашивались на него или выстрачивались на немъ (τὸ στιχάριον вмѣсто χιτῶν στιχάριος — хитонъ, украшенный полосами) ¹⁾. Несомнѣнно представляя собою древнѣйшую изъ богослужебныхъ одеждъ, онъ взятъ былъ изъ мірской жизни ²⁾ для церковнаго употребленія, какъ думаемъ, впрочемъ сами отъ себя, нигдѣ не находя удовлетворительнаго объясненія, — во-первыхъ, въ воспоминаніе того нешвеннаго и цѣлотканнаго хитона Христова, о которомъ говоритъ евангеліе (Іоанн. 19, 23), — во-вторыхъ, потому, что будучи надѣтъ на домашнія одежды, онъ совсѣмъ скрываетъ эти послѣднія и слѣдовательно какъ бы совсѣмъ скрываетъ въ служащемъ священникѣ на время богослуженія житейскаго человѣка. Будучи одною и тою же одеждою у священниковъ и у діаконовъ, стихарь въ древнее время, какъ само собою понятно, у тѣхъ и у другихъ имѣлъ одну и ту же форму. Въ настоящее время онъ не сохраняетъ вполне этой древней формы ни у однихъ ни у другихъ. Древній стихарь представлялъ изъ себя длинную до пяты прямую или безъ талія и не особенно широкую рубашку съ длинными до самой кисти руки и съ узкими отъ верха до низу рукавами. Ближе къ древней формѣ нынѣшній стихарь священнической, которому стоитъ только уничтожить талію, нѣсколько удлинить противъ того, какъ нынѣ шьютъ его у насъ, и нѣсколько съузить верхи рукавовъ, чтобы стать совсѣмъ похожимъ на древній. Такъ называемыя запястья рукавовъ или ихъ концы у стихарей священническихъ дѣлались такъ же, какъ и теперь, т. е. разрѣзывались и потомъ плотно состегивались ³⁾; а запястья у стихарей діаконовыхъ памятники иконографическіе представляютъ двойкою и разрѣзанно-застегнутыми, какъ у священниковъ, и безъ сего разрѣза ⁴⁾. Что касается до полосъ

¹⁾ Надѣвая стихарь, священникъ и діаконы читаютъ: «возрадуется душа моя... одеждою веселія одѣя мя»; по-гречески: χιτῶνα εὐφροσύνης περιβαλέ με. Въ латинской церкви священнической и діаконовской стихарь называется tunica.

²⁾ Мы уже говорили выше, что ни одна изъ церковныхъ одеждъ не выдана нарочно, но всѣ взяты изъ мірской жизни, изъ житейскаго быта.

³⁾ Иконографическія изображенія въ Менологіи импер. Василія (на большей части рисунковъ запястья сдѣланы такъ, что какъ будто на нихъ надѣты поручи, но это только не искусство изображенія, — въ X вѣкѣ священники еще не употребляли поручей, о чемъ ниже).

⁴⁾ На Кіево-Софійской мозаикѣ какъ будто безъ разрѣзовъ; въ Менологіи импер. Василія и безъ разрѣзовъ и съ разрѣзами (причемъ отъ не искусства изображенія иногда тоже, чѣмъ выше).

или строкъ, которыми украшались стихари и отъ которыхъ получили названіе, то, въ древнѣйшее время бывъ одинаковою принадлежностью стихарей діаконскихъ, священническихъ и епископскихъ, въ позднѣйшее время (подъ именемъ источниковъ — *πηταμοί*) они стали принадлежностью только стихарей епископскихъ и между епископами не всѣхъ, а только нѣкоторыхъ избраннѣйшихъ (о чемъ ниже). Случилось это послѣ половины VII вѣка и прежде конца XII, послѣ патріарха Константинопольскаго Германа и до Θεодора Вальсамона: какъ было съ ними въ нашъ періодъ домонгольскій, пока мы не можемъ сказать ¹⁾.

Епитрахиль (*ἐπιτραχήλιον* — навыйникъ, нашейникъ) есть ничто иное, какъ діаконскій орарь, обогнутый вокругъ шеи и опущенный обоими концами напередъ. Что это именно такъ, о семъ кромѣ другаго прямо и ясно свидѣтельствуя греческіе чины поставленія во священники древніе и новыя ²⁾. Въ древнее время двѣ полосы согну-

¹⁾ Патр. Германъ, въ слѣдъ за патр. Софроніемъ, говоритъ о полосахъ на стихаряхъ, называя ихъ, какъ и послѣдній, *τὰ λώρια*, что значитъ собственно ремни, какъ епископскихъ, такъ и священническихъ и діаконскихъ, но Вальсамонъ усваиваетъ ихъ подъ именемъ источниковъ — *πηταμοί*, только нѣкоторымъ избраннѣйшимъ епископамъ (Софроній—*Comment. Liturg.* у *Миня* t. 87, p. 3988, Германъ—*Regum ecclesiat. Contempl. ibid.* t. 98, p. 393, Вальсамонъ см. ниже). Патр. Германъ говоритъ о полосахъ — *τὰ λώρια* — на рукавахъ стихарей и на нихъ самихъ съ боковъ. Въ такомъ именно видѣ и находимъ ихъ на стихаряхъ святителей въ изображеніяхъ послѣднихъ Софій Константинопольской, гдѣ святители еще не имѣютъ на рукавахъ поручей: на концахъ рукавовъ и на такъ называемыхъ ихъ запястьяхъ по двѣ поперечныя полосы (у однихъ одвоцвѣтныя — красныя, у другихъ двудоцвѣтныя — красно-зеленыя); на самыхъ стихаряхъ съ боковъ также по двѣ полосы (и такого же цвѣта) продольныя, — отъ подмышки до подола. Въ Мелологіи импер. Василія діаконскіе стихари имѣютъ полосы, но не продольныя съ боковъ, а поперечныя внизу, и не въ числѣ двухъ, а въ числѣ шести и пяти (подъ 1 и 6 Сентября и подъ 26 Октября, ч. I, стр. 6, 21 и 146, — во второмъ случаѣ съ рукавами не узкими, а довольно широкими). Въ Новгородской Спасо-Нередицкой церкви діаконы изображены въ бѣлыхъ стихаряхъ, имѣющихъ красныя оплечья и красную довольно широкую полосу по подолю.

²⁾ Симеонъ Солунскій о посвященіи священника: *πρῶτον μὲν ἀναγορεύει τοῦτον ὁ ἱεράρχης ἐν τῇ τῷ ὡράριον λαμβάνειν ἐκ τοῦ ἀριστεροῦ ὤμου ὀπισθεν καὶ εἰς τὸ δεξιὸν ἐπιθεῖναι, τῶν δὲ δύο μέρων γενομένων ἐμπροσθεν, ὅπερ τότε ἐστὶν ἐπιτραχήλιον ἐκτελοῦμενον καὶ οὕτω χαλοῦμενον, De sacris ordinationibus c. 181, у *Миня* t. 155, p. 389; въ другомъ мѣстѣ, говоря о необходимости священнику надѣвать на себя епитрахиль при совершеніи всякаго богослужебнаго дѣйствія, онъ предписываетъ относительно того случая, когда его позвали бы для совершенія неотложной требы, а между тѣмъ онъ не находилъ бы епитрахили (засунулъ ее): *ἴνα μὴ**

таго ораря, образующаго епитрахиль, не спивались вмѣстѣ (изъ чего теперь вышла нынѣшняя цѣльная епитрахиль), а оставлялись какъ есть, вѣроятно, будучи застегиваемы или состегиваемы вверху на одну или нѣсколько пуговиць ¹⁾.

Поясъ — ζώνη въ древнее время совсѣмъ отличался отъ нынѣшняго нашего. Онъ былъ или шнуръ, вервь, или узкая тесьма, покромка, но не широкій, ибо широкихъ поясовъ вовсе не знали и не употребляли Греки ²⁾. Нынѣшняя наша форма священническихъ богослуженныхъ и небогослуженныхъ поясовъ есть наша національная, т. е. взята изъ нашего собственнаго житейскаго быта. Въ Малороссіи и Галиціи (преимущественно послѣдней) ³⁾, гдѣ собственно сохраняются остатки нашего національнаго костюма (ибо въ Великороссіи, разумѣемъ—въ крестьянствѣ или у простаго народа, онъ почти совершенно татарскій, превращающійся теперь въ европейскій) до настоящаго времени крестьяне носятъ весьма широкіе кожаные пояса, совершенно такіе по формѣ, какъ наши священническіе (не только не уже священническихъ, но иногда имѣющіе неимовѣрную ширину, — вдвое противъ нихъ и болѣе). Когда случилось у насъ расширение священническихъ поясовъ по образцу народному, пока не встрѣчали мы указаній: можетъ быть, что еще и въ періодъ домонгольскій (и въ этомъ случаѣ дѣло должно будетъ представлять не такъ, что расширение началось съ архіереевъ, которые должны были подражать митрополитамъ Грекамъ, а такъ, что

καταληφθείη τὸ ἔργον, ἢ ζώνην ἢ ἀπὸ σκουρίου τι μέρος ἢ ἀπὸ ὑφάσματος ἱερῆς εὐλογεῖται καὶ ὡς ἐπιτραχήλιον περιβαλλέσθω καὶ ἐνεργεῖτω τὴν τελετὴν, Responsa ad Gabrielem Pentanol., Quaest. 17, ibid. p. 868 fin... Въ нашемъ теперешнемъ архіерейскомъ Чиновникѣ говорится: «и приносятъ епитрахиліи, и возьмъ орарій съ хитонисаннаго... архіерей полагаетъ (епитрахиліи) на выю его»; но въ Греческомъ теперешнемъ: «καὶ φέροι (ἀρχιεραὺς) τὸ ὄπισθεν τοῦ ὄραριου αὐτοῦ ἐπὶ τὸ ἔμπροσθεν τοῦ δεξιῶν μέρους. Въ славянскомъ чинѣ посвященія во священника, находящемся въ ркп. Моск. Дух. Акад. XV в., № 187, л. 333: «приносятъ задни конецъ ураря его (посвящаемаго) святитель напередъ».

¹⁾ На иконографическихъ изображеніяхъ (Менологій импер. Василія) совершенно ясно видно, что епитрахили не сшиты; но такъ какъ священники и святители обыкновенно изображаются въ ризахъ, которыя закрываютъ верхи епитрахилей, то нельзя видѣть, какъ имѣютъ себя эти послѣдніе.

²⁾ Пояса на классическихъ статуяхъ.

³⁾ Которая не поддается вліянію Нѣмцевъ и не имѣетъ, какъ Малороссія, вліянія Великороссіи.

оно началось съ сельскихъ священниковъ, которые, бывъ изъ крестьянъ, и въ священствѣ продолжали носить пояса крестьянскіе ¹⁾).

На поясахъ въ древнее время священники имѣли ручникъ—*ἐγχείριον*, какъ бы нашу столовую салфетку (и вмѣстѣ носовой платокъ), однимъ словомъ—то полотенце, которое въ настоящее время виситъ у нихъ на маломъ налоѣ у престола. Когда ручникъ снятъ былъ священниками съ пояса и повѣшенъ особо, не знаемъ; но на иконографическихъ памятникахъ X — начала XI вѣка, онъ изображается еще висящимъ на поясѣ ²⁾ и патр. Антиохійскій Петръ, современникъ патриарха Константинопольскаго Михаила Керуларія, говоритъ о немъ, какъ еще носимомъ на послѣднемъ ³⁾).

Священническая риза называется погречески *φαλόνης* ⁴⁾—фелонь, но ея собственное названіе есть *φαινώλης, φαινώλιον* ⁵⁾—феноль (лат. *raepula*) ⁶⁾, изъ котораго первое образовалось черезъ перестановку буквъ. Названіе не можетъ быть объяснено этимологически изъ греческаго языка (не отъ *φαίνω*), и по всей вѣроятности есть какое-нибудь иностранное, заимствованное вмѣстѣ съ самой одеждою (въ житейскій бытъ, изъ котораго потомъ и въ церковь,—по нѣкоторымъ древнимъ—персидское) ⁷⁾. Нынѣшняя риза или фелонь въ существѣ своемъ есть древняя, но съ одной стороны значительно урѣзанная, а съ другой—надбавленная: древняя фелонь получится, если, во-первыхъ, къ вы-

¹⁾ На изображеніяхъ священниковъ и святителей пояса, подобно верхамъ епитрахилей, закрываются ризами. Но въ Менологіи импер. Василія мы нашли одного святителя, который изображенъ такъ, что виденъ поясъ (подъ 28 Декабря,—Феодора архіепископа Константинопольскаго, т. II, р. 62): поясъ есть шнуръ. Сгг. поясъ Богородицы на Кіевософійск. мозаикѣ (неширокая тесьма). Въ западной церкви въ настоящее время употребляются два пояса: широкій—епископами, узкій—священниками. Послѣдній,—тесьма или шнурокъ съ кистями (*Серединск. О Богослуж. Зап. церкви I, 27*), есть древній поясъ священниковъ и епископовъ.

²⁾ Менологіи импер. Василія поды 26 Октября, т. I, р. 146 (сгг. изображеніе Божіей Матери на мозаикѣ въ Кіевософ. соборѣ).

³⁾ *Dissertatio contra Italum Argyrum*, у Миня въ *Patr. t. 120, р. 800, § 6 fin.* Ранѣе говорятъ о ручникѣ (*ἐγχείριον*'ѣ) патрр. Софроній и Германъ (последній: *καὶ πέφοκα τὸ ἐγχείριον ἔχειν ἐπὶ τῆς ζώνης*).

⁴⁾ Пишется и *φελώνης, фелόνης* и пр..

⁵⁾ Правописаніе тоже различно.

⁶⁾ Пишется и *repula*.

⁷⁾ По Евстафію Солунскому, у Дюк. въ *Gloss. Gr.* поды сл. *φαινώλης*.—О житейской (а не богослужбной) фелони говорятъ ан. Павелъ во 2 посланіи къ Тимошею, глава 4 ст. 13.

рѣзкѣ нынѣшней фелони спереди приставить совершенно такой же глухой передъ, какъ ея задъ, и во-вторыхъ, если обрѣзать ея верхъ сзади, такъ чтобы отверстіе лежало кругло по шеѣ. Древняя фелонь представляла изъ себя колоколо-образную одежду, которая закрывала всего священника съ головы до ногъ, и какъ сзади, такъ и спереди, такъ что онъ былъ въ ней какъ бы въ дому, отъ чего полатыни фелонь и называется (кромѣ собственнаго названія *raenula* еще) *casula*—домикъ, отъ *casa*—домъ: «фелонь круговидная,—говорить одинъ древній греческій писатель,—заключаетъ внутри себя всѣ члены (тѣла) какъ бы стѣна и изображаетъ вхожденіе со страхомъ Божиимъ во внутренній домъ ума и тамъ собесѣдованіе съ Богомъ»¹⁾. Для священныхъ дѣйствій передъ фелони былъ поднимаемъ руками, и именно извѣстнымъ образомъ, *ἐκ πλαγίου*, т. е. съ боковъ, такъ чтобы концы поднятаго переда, спускаясь на стороны по рукамъ, представляли изъ себя какъ бы крылья, напоминая объ ангельскомъ служеніи священниковъ²⁾. Древняя фелонь измѣнена у насъ (а равно и у Грековъ) въ нынѣшнюю посредствомъ вырѣзки переда не только послѣ періода домонгольскаго, но вообще въ позднѣйшее время³⁾. Въ настоящее время на священническія фелони нашиваются у насъ кресты, но этого не было не только въ древнее время, но и по крайней мѣрѣ до первой половины XV вѣка, до Симеона Солунскаго, который говоритъ, что никто кромѣ архіерея не можетъ носить на фелони крестовъ⁴⁾.

Вмѣсто своей собственной и настоящей ризы или фелони, о которой мы сказали сейчасъ, въ древнее время священники употребляли иногда малую фелонь или малую ризицу причетническую. Въ Менологіи импер. Василія есть нѣсколько изображеній литаній или крест-

¹⁾ У Дюк. *ibid.*

²⁾ Симеонъ Солунскій: αἴρεται ὑπὸ τῶν χειρῶν ἐκ πλαγίου ἐν χαρῆ τῶν ἱερῶν ἔργων, οἷον πτερὰ γένόμενον διὰ τὸ ἀγγελικὸν τῆς ἀξίας, *De sacris ordinationibus* с. 181, у Миня въ *Patr.* т. 155, р. 389.

³⁾ Не знаемъ, мы ли въ семъ случаѣ послѣдователи Грекамъ или Греки намъ, но у нихъ ризы сохраняли свою древнюю форму еще въ половинѣ XVII вѣка при Арсеніи Суявовѣ (Проскинитарія Казанск. изд. стр. 205). Въ Новгородскомъ Антоніевомъ монастырѣ есть риза съ вышитою на ней лѣтописью 1654 г., но, къ сожалѣнію, преосвящ. Макарій, упоминающій о ней въ своемъ Археологич. описаніи церк. древн. въ Новгородѣ, II, 324, не говоритъ, какой она формы (хотя, впрочемъ, если она съ вырѣзкой, вопросъ нашъ ею не рѣшится, ибо вырѣзка могла быть сдѣлана послѣ).

⁴⁾ *De sacra liturgia* с. 83, у Миня р. 264 нач.

ныхъ ходовъ и похоронныхъ провожденій гробовъ къ усыпальницамъ или могиламъ, на которыхъ всѣ клирики или духовные, какіе изображены, въ однѣхъ и тѣхъ же малыхъ фелоняхъ ¹⁾ (описаніе ихъ формы ниже). Въ нѣкоторыхъ случаяхъ нельзя рѣшить съ увѣренностью, есть ли между изображенными священники, а не одни только низшіе клирики, ибо ни на какомъ не видется епитрахилей; но есть и такіе случаи, гдѣ въ малыхъ фелоняхъ несомнительно изображены священники, ибо изъ-подъ фелоней ясно видны епитрахили ²⁾. Пока мы не можемъ сказать съ увѣренностію, когда были употребляемы священниками малыя фелони, кромѣ того, что онѣ были надѣваемы ими въ крестные ходы и для похоронныхъ провожденій (проводовъ), но полагаемъ, что въ семь случаевъ можемъ опереться на примѣръ церкви западной. Въ этой послѣдней церкви священники и до настоящаго времени одѣваются въ малую причетническую фелонь (*camisia, camisus*), «когда занимаютъ мѣсто въ хорѣ (т. е. по нашему—когда стоятъ на крилосѣ) или когда совершаютъ таинства или какія либо молитвословія» ³⁾. Съ большею вѣроятностію можно думать, что и въ восточной церкви священники надѣвали малую фелонь именно при совершеніи таинствъ и всякихъ частныхъ молитвословій или вообще при совершеніи всякихъ требъ. Отвѣтъ на вопросъ, почему въ этихъ случаяхъ священники надѣвали малую фелонь вмѣсто своей большой, будетъ очень простой, именно—потому, что послѣдняя по своей длинѣ и формѣ была неудобна для продолжительныхъ хожденій, что требовалось въ крестныхъ ходахъ и похоронныхъ проводахъ, и для дѣйствій руками, что требовалось при совершеніи таинствъ и молитвословій (крещеніе, причащеніе, бракъ, елеосвященіе, освященіе воды).

Одежды діаконовъ въ періодъ домонгольской состояли: изъ стихаря, ораря, ручника и можетъ быть пояса (изъ нынѣшняго у нихъ не было поручей).

О стихарѣ діакономъ мы сказали выше ⁴⁾. Употребляли ли иногда діаконы подобно священникамъ вмѣсто стихарей малыя причетническія фелони, этого на основаніи изображеній въ Менологіи импер. Василія съ увѣренностію рѣшить нельзя: на изображеніяхъ, какъ мы сказали,

¹⁾ Ч. 1-я стрр. 146, 192, 210, ч. 2-я стрр. 4, 93, 131, 142.

²⁾ Ч. 1-я стрр. 146 и 210 (литанія) и ч. 2-я стр. 93 (похороны).

³⁾ *Серединск.* О Богослуж. Западн. церкви I, 26.

⁴⁾ Стихарь діаконоскій иногда называется фелонью, т. е. названіе послѣдней, вѣроятно, употреблялось въ общемъ смыслѣ всякой богослужебной одежды.—Житіе Андрея Юродиваго въ Acta SS. Болландистовъ, Мая t. VI, p. 74: *διάκονος ὑπερφαισίμων, φορών τὸ φελώνιον αὐτοῦ, ἱεράτευεν.*

всѣ клирики, какіе на нихъ есть, начиная отъ священниковъ, представлены въ малыхъ фелоняхъ; но есть ли на нихъ послѣ священниковъ діаконы, а не одни только низшіе причетники, начиная съ иподьяконовъ, отвѣчать на это не представляется возможнымъ, ибо ни на комъ не видится ораря. Можно съ нѣкоторой вѣроятностію думать, что по крайней мѣрѣ въ крестныхъ ходахъ и похоронныхъ проходахъ діаконы употребляли малыя фелони вмѣсто стихарей,—это на томъ основаніи, что къ продолжительной ходьбѣ стихари, и въ древнее время болѣе узкіе, чѣмъ теперя, такъ же неспособны, какъ и фелони.

Орарь—*ὄραριον* происходитъ отъ латинскаго *os, oris*,—ротъ, лицо и значить полотенце для утиранія лица, именно—въ житейскомъ быту, изъ котораго взять орарь для церковнаго употребленія, былъ у знатныхъ людей обычай носить на плечахъ подобныя полотенца для указанной цѣли ¹⁾. Наиболѣе вѣроятное объясненіе, почему орарь усвоены діаконамъ, есть то, чтобы симъ полотенцемъ они отирали уста приступавшимъ къ чашѣ съ св. Кровію ²⁾. Вмѣстѣ съ этимъ съ весьма древняго времени они служили имъ и для той цѣли, чтобы подавать знаки къ молитвѣ (*ογαγε*—молиться) ³⁾. Въ древнѣйшее время орари были именно полотенца (Златоустый и Исидоръ Пелусіотъ называютъ ихъ *ὀρθόνα*) ⁴⁾, а патриархъ Софроній—*λινὰ ὄραρια* ⁵⁾, а затѣмъ вообще лентѣи. Форма ихъ съ древняго и до настоящаго времени остается одна и та же, только въ древнее время они были уже теперешнихъ ⁶⁾. Ихъ особенность въ древнее время составляло то, что на нихъ обыкновенно вышивалась (или писалась чернилами) пѣснь ангеловъ, которыхъ пред-

¹⁾ См. у *Дюк.* въ *Gloss.* *Graecit.* подъ сл. *ὄραριον*. А совершенно ясное свидѣтельство объ указанномъ житейскомъ употребленіи орарей см. у *Дюк.* въ *Gloss.* *Gr.* на концѣ II тома, послѣдняго счета стр. 245 нач., *Addenda ad dissert.*—Въ Сиріи это и до сихъ поръ такъ, см. *Besson's La Syrie et la Terre sainte, Paris, 1862, p. 428.*—Въ одной рукописи Синодальн. бібліотеки, по описанію *Горск. и Невостр.* № 239 л. 208, орарь называется зинцей (?).

²⁾ См. въ греческомъ *Πηδάλου* прилѣчаніе къ 22 пр. Лаодиц. собора, изд. 1864 г. *Закинск.* стр. 429.

³⁾ *Vingh.* I, 312.

⁴⁾ Перваго см. у *Дюк.* *ibid.*, второй—въ *Патрол. Миня* t. 78 col. 272.

⁵⁾ У *Миня* t. 87, p. 3988.

⁶⁾ Узкими они изображены въ Кіевософійскомъ соборѣ (на мозаикѣ) и еще болѣе узкими въ Новгородской Спасо-Нередицкой церкви. Златоустый называетъ ихъ *λεπταὶ ὀρθόνα*, патрр. Софроній и Германъ тоже прилагаютъ къ нимъ эпитетъ *λεπτός*, но не ясно, какъ понимаютъ это,—въ смыслѣ ли узины или тонины.

ставляют собою діаконы: ἄγιος, ἄγιος, ἄγιος, т. е. святъ, святъ, святъ, что дѣлалось одной строкой по длинѣ, буква подъ буквой ¹⁾).

Во времена патр. Германа, который выражается впрочемъ не со-всѣмъ опредѣленно, діаконы какъ будто препоясывались по стихарямъ поясами ²⁾), подобно священникамъ. Патр. Алексѣй въ своемъ Уставѣ совершенно ясно говоритъ объ этомъ препоясаніи, давая знать, что въ его время оно было обычаемъ не общимъ, а частнымъ ³⁾). На иконографическихъ памятникахъ періода домонгольскаго діаконы изображаются большею частію безъ поясовъ, но есть и препоясанные (т. е. препоясанные именно поясомъ, независимо и само по себѣ отъ орара) ⁴⁾).

Во времена того же патр. Германа діаконы какъ будто имѣли, подобно священникамъ, и ручки на поясахъ. А что касается до періода домонгольскаго, то на памятникахъ иконографіи они изображаются съ ручниками, которые держатъ въ рукахъ ⁵⁾).

(У Грековъ въ позднѣйшее время, можетъ быть нѣсколько захватившее и нашъ періодъ домонгольскій, были исключительные діаконы, имѣвшіе своей богослужебной одеждой или употреблявшіе при богослуженіи вмѣсто діаконскихъ стихарей священническія ризы или

¹⁾ Симеонъ Солунскій *Exposit. de divino templo*, § 36, у Миня, р. 712.

²⁾ У Миня t. 98, р. 393 sqq.

³⁾ «Въ Студійстѣмъ монастыри, говорятъ онъ, обрѣте (т. е. обрѣтохъ или обрѣтается, чтобы) препоясаться діакономъ», давая знать, что не такъ было въ патриархіи, Синод. ркп. № 330, л. 253 об. нач.. Патриархъ Антиохійскій Петръ, увѣщавая Михаила Керуларія не слишкомъ возставать на латинявъ за ихъ церковно-обрядовыя разности отъ Грековъ, между прочимъ говоритъ: «въ пречестной обители Студійской діаконы препоясуются, дѣлая дѣло несогласное съ церковнымъ преданіемъ: и ты не могъ искоренить этого страннѣйшаго (μονολόγιστος) обычая, какъ ни усиливался и какъ ни старался»,—у Миня въ Патр. t. 120 р. 808 fln..

⁴⁾ Безъ поясовъ въ Менологіи импер. Василія (подъ 1 и 6 Сентября и подъ 2 Декабря) и въ Новгородской Спасо-Нередицкой церкви; въ Кіевософійск. соборѣ одинъ дяконъ безъ пояса, другой препоясанный.—Во времена Симеона Солунскаго діаконы не препоясывались поясомъ, какъ это онъ говоритъ ясно, *De sacris ordinationibus* сс. 172 и 173, у Миня р. 381.

⁵⁾ Мозаика Кіевософійскаго собора, живопись Новгородской Спасо-Нередицкой церкви. Въ Менологіи импер. Василія діаконы безъ ручниковъ; но тамъ они изображены не въ положеніи служащихъ, а идущими на муку. Патр. Германъ крогъ орара на плечѣ и (какъ будто) ручника на поясѣ говоритъ еще о полотенцѣ, съ которыми служили въ его время діаконы и которое они, вѣроятно, держали въ рукахъ (ἡ δὲ ὀθόνη, μὲθ' ἧς λατοοργουῶσιν οἱ διάκονοι, δηλοῖ τὴν τοῦ Χριστοῦ ταπεινωσιν, ἣν ἀνεδείξατο ἐν τῇ κλητῆρι), у Миня р. 396.

фелони; это именно главнѣйшіе изъ чиновниковъ или клириковъ Константинопольскаго патріарха, которые, какъ мы говорили выше, въ позднѣйшее время были не изъ презвитеровъ, а изъ діаконовъ,—первые пять изъ сихъ чиновниковъ или такъ называемая первая ихъ пѣтерица—*πρώτη πεντάς*. Кодицъ, сообщающій объ этой странной и противуканонической привилегіи ¹⁾, объясняетъ ее такимъ образомъ, что чиновниками у патріарха сначала были презвитеры, а потомъ діаконы, и что послѣднимъ въ память такъ сказать о первомъ и даны ризы; но мы уже говорили выше, что его объясненіе, какъ діаконы замѣстили презвитеровъ въ качествѣ чиновниковъ при патріархѣ, неудовлетворительно; въ присвоеніи діаконами чиновниками священническихъ ризъ просто должно видѣть неумѣренное и незаконное притязаніе этихъ послѣднихъ. Помянутые діаконы употребляли священническія ризы не съ епитрахилью, а съ ораремъ. Одинъ изъ этихъ діаконовъ (именно этихъ, а не другихъ) выбирался въ придворные архидиаконы; какъ таковой онъ употреблялъ не ризу, а стихарь, но въ недѣлю крестопоклонную, когда онъ приносилъ изъ дворца въ св. Софію для поклоненія крестъ съ животворящимъ древомъ (и именно въ этотъ одинъ-разъ) онъ надѣвалъ на стихарь священническую ризу, опять также съ ораремъ, но не епитрахилью) ²⁾.

Въ древнѣйшее время епископы, нѣтъ сомнѣнія, употребляли одну и ту же богослужебную одежду со священниками. Но съ теченіемъ времени явились отличія. Первымъ изъ такихъ отличій былъ омофоръ, который первоначально (около второй половины IV вѣка) ³⁾ появился не какъ общая принадлежность всѣхъ епископовъ, а какъ отличіе высшихъ между ними и который усвоенъ всѣми не ранѣе какъ въ продолженіе второй половины IX—первой половины X вѣка ⁴⁾. Затѣмъ, неизвѣстно когда явившіяся въ болѣе или менѣе позднее время другія отличія архіереевъ въ продолженіе времени, соотвѣтствующее нашему періоду домонгольскому, раздѣлялись на два класса, именно—во-первыхъ, отли-

¹⁾ De officiis Constantinop. у Мина въ Patr. t. 157, p. 84.

²⁾ Кодицъ ibidd..

³⁾ Cfr *Bingh.* Vol. V, p. 248 sqq (ранѣе не упоминается).

⁴⁾ Константинопольскій соборъ 869 г. (у католиковъ VIII вселенскій) говоритъ объ омофорахъ, какъ о принадлежности еще не всѣхъ, а только нѣкоторымъ епископамъ, и употребляемой ими не при всякомъ служеніи, а только въ извѣстныхъ опредѣленныхъ временахъ, см. у Лаббея t. VIII, p. 1376, 14. Во времена Лиутпранда Кремонскаго († 972) употребляли омофоръ уже всѣ греческіе епископы,—*Legatio*, § 62.

чія патріарховъ, автокефальныхъ архієпископовъ и немногихъ избраннѣйшихъ митрополитовъ, во-вторыхъ—отличія всѣхъ прочихъ епископовъ. Отличія первыхъ состояли: въ саккосѣ, такъ называемомъ по-листавріи, стихарѣ съ источниками и гамматами и особаго рода жезлѣ¹⁾; отличія вторыхъ: въ епиманикіяхъ или поручахъ, епигонатіи или палицѣ и жезлѣ²⁾.

Иконографическія изображенія омофора—ὄμοφοριον, что значитъ парамникъ или наплечникъ³⁾, мы имѣемъ отъ конца X—начала XI вѣка въ Менологіи импер. Василія. Здѣсь мы находимъ его въ двухъ видахъ. Въ видѣ такой же, какъ нынѣ, широкой ленты, положенной на плечи епископовъ такъ же, какъ и теперь, и въ видѣ такъ сказать двойной епитрахили, надѣтой на шею. Если взять двѣ священническія епитрахили и именно нынѣшнія, а не древнія, т. е. спитыя, и отрѣзавъ у одной шейное отверстіе пришить ее къ шейному отверстию другой съ противоположной стороны, то эта такъ сказать двойная епитрахиль и будетъ омофоромъ второй формы. Надѣтый въ отверстіе на шею, какъ епитрахиль, онъ опускался обоими концами свободно висѣть, такъ что представлялъ поверхъ фелони архіерея какъ бы двѣ епитрахили—переднюю и заднюю⁴⁾.

Саккосъ—σακκος, что значитъ мѣшокъ, названный такъ отъ его формы, въ древнее время отличался отъ нынѣшняго тѣмъ, что не имѣлъ рукавовъ⁵⁾; въ первой половинѣ XIII вѣка, какъ одежда исключитель-

¹⁾ Вальсамонъ у Ралли и П. П., 260, IV, 478, 545, 546 стр., 548, 552.

²⁾ Онъ же *ibidd.* 478, 552.

³⁾ Изображаетъ собою заблудшую овцу (родъ человѣческой), поднятую Спасителемъ на рамена и поэтому непременно долженъ быть изъ волны или шерсти.

⁴⁾ Изображеній святителей въ омофорахъ этой формы много; см. напр. ч. I-й стр. 48, 133, 138, 166 (нѣсколько апостоловъ въ святительскихъ ризахъ съ омофорами той и другой формы), 179.—Симеонъ Солунскій говоритъ объ омофорѣ не совсѣмъ понятныя для насъ слова, какъ будто имѣющія отношеніе къ омофору нашей формы: τῆ τραχήλῃ τοῦ ἀρχιερέως τοῖς ὤμοις τίθεται, μᾶλλον δὲ κατὰ χαρὸν καὶ κόλφῃ τῶν ὤμων καὶ ἐμπροσθεν τε καὶ ὀπίσθεν, De vestris ordinat. с. 208, у Мина т. 155, р. 421. Такъ называемый «приперстникъ» саккоса нашихъ патріарховъ (нашивка на немъ въ видѣ епитрахили) не изъ омофора ли нашей формы?—Палліи западныхъ архієпископовъ имѣютъ (или по крайней мѣрѣ въ XVII вѣкѣ имѣли) совершенно ту форму, какъ наши омофоры втораго вида, только съ прорѣзомъ очень большимъ, такъ что лежатъ (лежали) на плечахъ очень низко, — см. изображеніе въ Словарѣ *Мюллера-Мотеса* подъ сл. *Pallium*, а для древняго времени рисунки въ *Vestiarium Christianum, by the W. B. Marriot, London, 1868.*

⁵⁾ Онъ не имѣлъ рукавовъ еще при Симеонѣ Солунскомъ: οὐδὲ γὰρ ἔχει τοῦτο

ная, онъ употреблялся для богослуженія только три раза въ продолженіе года: въ Пасху, Пятидесятницу и Рождество Христово ¹⁾).

Полиставріемъ—πολυσταύριον, т. е. многокрестіе, называлась фелонь или риза, вся сплошь украшенная множествомъ вытканыхъ, вышитыхъ или нашитыхъ на ней крестовъ.

Гамматами (γάμματα) на стихаряхъ ²⁾ назывались фигуры на нихъ, составленныя изъ четырехъ начертаній буквы гамма и имѣвшія форму или четырехугольника такимъ образомъ или креста ; иначе эти гамматы назывались тригоніями—τριγωνίον, что значить треугольникъ, такъ какъ каждая гамма въ отдѣльности представляетъ сію геометрическую фигуру.

Источники, по гречески ποταμοί, т. е. рѣки, были тѣ иноцвѣтныя продольныя на бокахъ (отъ подмышекъ до подола, въ числѣ двухъ на каждой сторонѣ) полосы, которыя въ древнѣйшее время составляли принадлежность всѣхъ стихарей до діаконскаго включительно и о которыхъ мы говорили выше ³⁾).

Чѣмъ отличался жезль (ῥάβδος) патриаршій отъ общаго архіерейскаго, прямо не говорится; но такъ какъ послѣдній былъ одинъ и тотъ же съ игуменскимъ ⁴⁾, то изъ сего слѣдуетъ заключать, что патриаршій былъ двурогій, какъ послѣдующій и нынѣшній архіерейскій, а общій архіерейскій былъ однорогій ⁵⁾ или клюкообразный (клюка).

Епиманикии—поручи или нарукавники (ἐπιμανίχια, ἐπί—на и μανίχιον,

ἃ καλοῦσι μανίχια (рукава, лат. manica), τὸ περιεχτικόν πάντων δηλῶν, Expositio de divino templo, у Мня р. 716.

¹⁾ Димитрій Хоматинъ у Ралли и П. V, 430.

²⁾ Вальсамонъ говоритъ о гамматахъ только на стихаряхъ; послѣ мы ихъ видимъ и на ризахъ или фелоняхъ и на савкосахъ, гдѣ четырехугольныя гамматы окружаютъ кресты.

³⁾ Что позднѣйшіе источники патриаршихъ стихарей суть древнія полосы—стиχοι всѣхъ стихарей, это даетъ знать Симеонъ Солунскій, когда говоритъ: τὸ τοῦ ἀρχιερέως στιχάριον ἄνωθεν κατιόντας τοὺς λεγομένους κέκτηται ποταμοὺς, Expositio de divino templo § 37, у Мня р. 712. Древнія полосы, какъ мы сказали, были или одноцвѣтныя—красныя, или двухцвѣтныя—красно-зеленыя. Позднѣйшіе источники, вѣроятно, всегда были одноцвѣтныя красныя, ибо между прочимъ знаменовали источники (χροοῦός) крови Христовой,—онъ же De sacra liturgia, у Мня р. 256.

⁴⁾ У Ралли и П. IV, 552.

⁵⁾ Во времена Симеона Солунскаго посохъ уже всѣхъ архіереевъ былъ двурогій (ῥάβδος ὡς ἀγχορας ἄνωθεν ἔχων), De sacra liturgia с. 80, у Мня р. 257.

изъ лат. *manica*, рукавъ) ко времени Симеона Солунскаго перешедшіе и ко всѣмъ священникамъ (но еще не къ діаконамъ ¹⁾), конечно, суть одни и тѣ же отъ древняго и до настоящаго времени.

Епигонатій—*ἐπιγονάτιον*, т. е. наколѣнникъ, по нашему теперешнему—палица, а по древнему—полицца ²⁾, во времена Симеона Солунскаго дававшійся уже архіереями нѣкоторымъ священникамъ и нѣкоторымъ архимандритамъ ³⁾, въ древнее время, какъ кажется, имѣлъ форму отличную отъ нынѣшней. По Вальсамону онъ означаетъ тотъ ручникъ—лентій (*τοῦ λεντίου ἐγχειρίδιον*), которымъ Господь отеръ ноги апостоламъ ⁴⁾; по Симеону Солунскому онъ означаетъ побѣду надъ смертію и воскресеніе Спасителя и имѣетъ какъ бы форму меча (*ὡς σῆμα ῥομφαίας ἔχει*) ⁵⁾: въ обоихъ случаяхъ дается знать, что онъ былъ нѣчто длинное и узкое на подобіе епитрахили или даже ораря ⁶⁾.

Наши митрополиты періода домонгольскаго не только не принадлежали къ числу немногихъ избраннѣйшихъ митрополитовъ Константинопольскаго патріархата, но и среди рядовыхъ его митрополитовъ, какъ мы говорили выше, занимали весьма невысокое мѣсто. Изъ этого слѣдуетъ, что въ богослужебномъ одѣяніи они ничѣмъ не отличались отъ своихъ епископовъ. Ихъ отличіе вмѣстѣ съ епископами отъ священниковъ состояло только въ поручахъ и епигонатіи (и не состояло въ головномъ покрывѣ, о которомъ сейчасъ ниже) ⁷⁾.

Богослужебную одежду чтецовъ и пѣвцовъ и вообще низшихъ

¹⁾ О священникахъ *De sacra liturgia* с. 83 и *Expositio de divino templo* § 39 sqq, у Миня pp. 261 и 712 sqq; чтобы діаконы носили епинаникии, Симеонъ Солунскій не говоритъ, см. *ibidd.*

²⁾ Т. е. малая пола (приполокъ).

³⁾ *De sacra liturgia* с. 83, у Миня p. 261 fin..

⁴⁾ У Ралли и II. IV, 548.

⁵⁾ *De sacra liturgia* с. 82, у Миня p. 260.

⁶⁾ Весьма возможно, что епигонатій произошелъ изъ древняго ручника (*ἐγχειρίδιον*), который вмѣсто того, чтобы быть заткнутымъ за поясъ, былъ къ нему, распущенный внизъ, привязанъ. Въ этомъ случаѣ нужно будетъ думать, что священники и діаконы въ періодъ домонгольскій ручника не употребляли.

⁷⁾ Во второй половинѣ XIII вѣка саккосъ и полиставрій (и предношеніе свѣчи) усвоены были всѣмъ митрополитамъ, которые имѣли титулъ *ὑπερτέριος*—пречестный, раздававшійся имъ весьма щедро, см. у Цахаріе въ *Ius Graeco-Romanum*, III, 598. Изъ нашихъ митрополитовъ несомнѣнно имѣлъ этотъ титулъ Теогагностъ, — Миклошича *Acta patriarchat. Constantinop. I*, 191 нач., но кажется не имѣлъ еще Петръ, — см. въ Стененъ. кн. I, 417, какъ привѣтствуетъ его патріархъ и *cfr ibid.*, 421 fin., какъ тотъ же патріархъ привѣтствуетъ Теогагноста.

клириковъ, какъ мы сказали выше, составляла въ древнее время краткая фелонь ¹⁾ или малая риза. Собственное названіе этой фелони у Грековъ было *χαμίσιον* ²⁾, что значитъ рубашку (отъ латинскаго *camisa*, *camisia* ³⁾, изъ котораго французское *chemise*), но надѣваемую не непосредственно на тѣло, а поверхъ другой въ собственномъ смыслѣ рубашки, какъ бы блузу (ибо собственная рубашка у Грековъ отъ этого *χαμίσιον* есть *ὑποχαμίσιον*). По своему названію краткая фелонь должна бы быть короткимъ стихаремъ. Весьма вѣроятно, что такую она и была въ древнѣйшее время ⁴⁾; но на иконографическихъ памятникахъ конца X—начала XI вѣка, именно—въ Менологіи импер. Василія, она является совѣмъ въ другомъ видѣ. Свообразную форму описать вразумительно довольно трудно. Кто видалъ католическія священническія ризы, тому мы просто скажемъ, что малая фелонь, какъ она является въ Менологіи, весьма похожа на эти ризы; кто не видалъ этихъ ризъ, тотъ пусть вообразитъ себѣ широкій мѣшокъ, пусть на днѣ его сдѣлаетъ такое отверстіе, чтобы въ него могла войти голова, пусть надѣнетъ его на себя въ это отверстіе, затѣмъ съ обѣихъ сторонъ, начиная отъ спуска съ плечъ, пусть разрѣжетъ его до низу; чрезъ это получится одежда, надѣтая на шею и висящая спереди и сзади въ видѣ двухъ отдѣльныхъ платовъ,—это приблизительно и будетъ малая фелонь въ томъ видѣ, какъ мы ее находимъ въ Менологіи импер. Василія ⁵⁾. О происхожденіи формы пока мы ничего не можемъ

¹⁾ Съ прилагательнымъ: краткій слово фелонь употреблялось и употребляется у насъ въ церковномъ языкѣ почему-то въ мужескомъ родѣ: «краткій фелонь»,—такъ въ Дѣяніяхъ Владимирскаго собора 1274 г. и другихъ старыхъ памятникахъ письменности, такъ и въ нынѣшнемъ Чиновникѣ архіерейскомъ.

²⁾ Симеонъ Солунскій *De sacris ordinationibus* сс. 159 и 186, у *Мишля* pp. 365 и 396, Кодиць *De officiis Constantinop.* с. 6, *ibid.* t. 157, p. 61 fin..

³⁾ См. *Дюк. Gloss. Latinit.* подъ сл. *camisa*.

⁴⁾ И можно съ вѣроятностію думать, что она доселѣ сохраняетъ свою древнѣйшую форму на Западѣ, гдѣ *camisia* или *camisius* низшихъ клириковъ (наша малая фелонь) дѣйствительно имѣетъ форму короткаго нашего стихаря или форму какъ бы поколѣнной рубашки.

⁵⁾ Серединскій полагаетъ, что нынѣшняя католическая священническая риза передѣлана изъ древней ризы одной и той же формы съ Востокомъ въ XV в. (0 *Богослуж. Западн. церкви* I, 28). Тоже, кажется, думаютъ и нѣкоторые католическіе писатели. Однако это неправда: въ Равеннской церкви св. Аполлинарія in *Славье*, построенной въ 534—49 году, мозаическіе святители представлены въ фелоняхъ или ризахъ, имѣющихъ форму нынѣшнихъ католическихъ ризъ и видѣтъ восточныхъ малыхъ фелоней Менологіи импер. Василія (нигѣя подъ ризами тунники

сказать. Много выше, объясняя то, какимъ образомъ случилось, что у насъ чтецы и пѣвцы названы однимъ именемъ съ діаконами, мы сказали, что единственно вѣроятное, чѣмъ можно объяснить это, есть—предполагать, что чтецы и пѣвцы были приняты за одно съ діаконами вслѣдствіе того, что носили одну и ту же богослужебную съ ними одежду, т. е. стихарь (и такъ какъ діаконы носили на стихаряхъ орари, а чтецы съ пѣвцами нѣтъ, то сначала діаконы назывались діаконами орарными, а чтецы съ пѣвцами просто діаконами, а потомъ первые стали называться просто діаконами, а вторые уменьшительнымъ именемъ діакъ). Изъ этого слѣдуетъ, что у насъ чтецы и пѣвцы начали носить діаконскій стихарь еще въ періодъ домонгольскій и съ болѣе или менѣе перваго времени (А такъ какъ это случилось у насъ, нѣтъ сомнѣнія, по примѣру Грековъ, то изъ сего слѣдуетъ, что и у послѣднихъ стихарь замѣнилъ собою, какъ одежда чтецовъ и пѣвцовъ, малую фелонь, которую видимъ въ Менологіи импер. Василія, болѣе или менѣе вскорѣ послѣ него) ¹⁾.

или стихари и потомъ далматки,—тѣже стихари, только съ весьма широкими, какъ у нынѣшнихъ нашихъ рясъ, рукавами). Слѣд. начала нашихъ малыхъ фелоней должно искать на Западѣ, какъ о томъ говорить и ихъ названіе.

¹⁾ Замѣна эта, какъ видно изъ словъ Симеона Солунскаго, началась частнымъ образомъ и не сдѣлалась всеобщою еще и въ его время, именно—онъ говорить, что на чтецовъ и пѣвцовъ надѣвается при посвященіи одѣяніе или имѣющее форму малой (подразумѣвается, священнической) фелони, т. е. ихъ собственная малая фелонь (по формѣ одна и та же съ этой малой священнической фелонью) или же стихарь, *De sacris ordinationibus* с. 186, у Мниа р. 396. Нашъ діаконъ Игнатій, сопутствовавшій митр. Пимену въ Царьградъ и описавшій коронацію импер. Мануила, бывшую въ 1390 г., говорить въ семъ описаніи объ одеждѣ пѣвцовъ св. Софіи: «пѣвцы же стояху украшены чудно, ризы имѣяху аки священныя стихари широки и долги, снце же и рукава ихъ широты и долги» (по этому описанію стихари пѣвцовъ имѣли форму западныхъ далматикъ)—Сказанія Русскаго народа *Сазарова*, кн. VІІІ, стр. 102. Онъ же даетъ знать, что у насъ не неизвѣстна была въ его время малая фелонь въ томъ видѣ, въ какомъ она въ Менологіи импер. Василія; онъ говорить: «и облекаша дая въ священныя фелонцы малъ до пояса багрянъ, еже есть ризницы малы багряны точію до пояса» (*ibid.* стр. 103). По сличенію съ Кодиномъ оказывается, что онъ разумѣетъ тутъ мантию (*De officiis Constantinop.* с. 17, у Мниа t. 157, pp. 108 *fin.* и 109 *sub fin.*): короткая мантия представляла какъ бы половину (заднюю) малой фелони въ ея указанномъ видѣ.—И въ настоящее время у насъ есть малая фелонь: она надѣвается на дьячковъ и пономарей при ихъ посвященіи весьма не на долгое время; но нынѣшняя наша малая фелонь есть ни что иное, какъ точная миниатюра большой (и тоже

Богослужебныя одежды высшихъ членовъ причта — діаконовъ, священниковъ и архіереевъ въ древнее время, обнимающее и нашъ періодъ домонгольскій, были у Грековъ двухъ цвѣтовъ — всегдашняго и траурнаго для дней поста и службъ надъ умершими; первый для всѣхъ одеждъ былъ бѣлый, второй — пурпуровый или красный ¹⁾ (При Хоматинѣ «по обычаю церковному траурныя первосвященническія, т. е. патріаршія, одежды должны были быть просты и безъ приложенія источниковъ и крестовъ» ²⁾), слѣдовательно не было траурныхъ поляставріевъ; а что не было траурныхъ саккосовъ, это ясно изъ того, когда они употреблялись). Что касается до одежды низшихъ клириковъ, то свидѣтельствъ, относящихся къ періоду домонгольскому, не знаемъ, а Симеонъ Солунскій говорить, что она должна быть или бѣлая или красная (т. е. красная не только какъ траурная, но и во всякое время) ³⁾.

Въ настоящее время архіереи наши имѣютъ нарочито-богослужебный головной покровъ, т. е. такой головной покровъ, который они употребляютъ только при богослуженіи, подобно богослужебнымъ одеж-

---

именно выѣшней, съ вырѣзаннымъ передомъ) фелони (имѣющая такое же отношеніе къ послѣдней, какъ напр. платье на куклѣ къ дѣйствительному платью).—Лаодикійскій соборъ въ 15 правилѣ своемъ запрещаетъ пѣть въ церкви кому-нибудь кромѣ пѣвцовъ, принадлежащихъ къ клиру, восходящихъ на амвонъ и поющихъ ἀπὸ διφθέρας. Аристинъ толкуетъ, что διφθέρα есть фелонь (у Ралли и П. III, 185); тоже повторяетъ за нимъ и нашъ митр. Кирилль (Памятн. *Павл.* col. 99, а за Кирилломъ многіе новыя). Но διφθέра, отъ δέφω, значащая между прочимъ одежду изъ выдѣланной кожи (каковою, конечно, никогда не была фелонь дьячская) въ данномъ случаѣ значитъ книгу (собственно пергаментъ, потомъ пергаментную книгу, а затѣмъ и вообще книгу).

¹⁾ Хоматинъ у Ралли и П. V, 430, Симеонъ Солунскій *De sacra liturgia* сс. 79 и 83, у Мниа pp. 256 и 261, и *De sacris ordinationibus* с. 181, *ibid.* p. 388 fin..

²⁾ *Ibid.*

³⁾ *De sacris ordinationibus* с. 186, у Мниа p. 396.—Греческіе полемисты укоряютъ латинянъ за то, что они употребляютъ богослужебныя одежды, сотканныя не изъ волны, а изъ шелка, и не одноцвѣтныя, а разно (многo)-цвѣтныя: св. Никиту Соида у А. С. Павлова въ Критическихъ опытахъ, стр. 188, § 9. Теофилакта Болгарскаго въ Патр. Мниа t. 126 p. 224 n. 2, статью: «О фразѣхъ и о прочихъ латинѣхъ» въ Никоновск. Коричей, гл. 48 § 13. Въ послѣдней: «презвитери и епископи ихъ святительскія ихъ ризы не отъ волны строятъ, но червленными брячинными (шелковыми, — Слов. *Восток.*) нитями ткуще облачаются много-различно (ποικιλοχρόως) унестрены».

дамъ,—это такъ называемая митра. Наша нынѣшняя митра происхожденія весьма не древняго, въ древнее же и старое время архіереи не имѣли такого головнаго покрова, за исключеніемъ—въ древнее время двоихъ изъ нихъ—папы Римскаго и патріарха Александрійскаго, а въ позднѣйшее время, послѣ отдѣленія папы отъ церкви, одного послѣдняго ¹⁾. Папѣ Римскому будто бы далъ головной покровъ Константинъ Великій, а патріархи Александрійскіе будто бы стали носить его со св. Кирилла по тому поводу и въ память того, что послѣдній былъ представителемъ папы на 3-мъ вселенскомъ соборѣ ²⁾. На самомъ дѣлѣ было не такъ. Въ древнѣйшее время явился было у епископовъ обычай украшать головы на время богослуженія повязками, по подобію Ветхозавѣтнаго первосвященника (Второзак. 28, 4. 37—39) ³⁾. Эти-то повязки, первоначально общія всѣмъ епископамъ или употреблявшіяся желавшими между ними по произволу, потомъ усвоены были только двумъ старшимъ между всѣми ими, каковы были Римскій и Александрійскій (а такъ какъ послѣдній занималъ мѣсто старшаго по Римскомъ до 2-го вселенскаго собора или до 381 г., когда долженъ уступить мѣсто епископу Константинопольскому,—2 всел. соб. пр. 3,—то это, значить, случилось до сейчасъ указаннаго года). Повязка папы, состоявшая въ томъ, что болѣе и менѣе драгоцѣнный и богато украшенный платъ, бывъ свернуть, обвивался кругомъ головы на подобіе вѣнца (колесомъ), превратилась съ теченіемъ времени въ его нынѣшнюю тиару. Исторія повязки патріарха Александрійскаго, до появленія на его головѣ нынѣшней митры, взятой отъ насъ Русскихъ, остается не совсѣмъ извѣстною ⁴⁾.

¹⁾ Вальсамонъ у Ралли и П. IV, 539, Симеонъ Солунскій,—*Expositio de divino templo* § 45 и *Responsa ad Gabrielem Pentapolitanum*, Quaes. 20, у Мниа pp. 716 и 872.

²⁾ Вальсамонъ *ibidd.* Первое мнѣніе основывается на такъ называемой (фальшивой) дарственной грамотѣ Константина Великаго папѣ Сильвестру, которую см. у Ралли и П. I, 147 и VI, 261, а въ славянскомъ переводѣ въ Никоновской Кормчей (на концѣ въ приложеніи), сгг Симеона Солунскаго р. 872.

³⁾ *Мартини* Dictionnaire des Antiquités Chrétienues подъ сл. *Évêques*, § IV.

⁴⁾ Головная повязка Ветхозавѣтнаго первосвященника, по гречески *хѣбарс* и *митра*, представляла собою длинный платъ, обернутый вокругъ головы, на подобіе арабско-персидскаго тюрбана и турецкой чалмы. Тѣмъ же въ бѣльшей или меньшей мѣрѣ была и повязка палъ съ патріархами Александрійскими. Царскій вѣнецъ императоровъ Константинопольскихъ, бывъ заимствованъ Константиномъ Великимъ съ Востока, первоначально представлялъ собою ту же повязку. Такъ называемая дар-

За исключеніемъ патріарха Александрійскаго никто изъ восточныхъ архіереевъ не имѣлъ до позднѣйшаго времени нарочито-богослужебнаго головнаго покрыва. Объ этихъ всѣхъ прочихъ архіереяхъ, за исключеніемъ патріарха Александрійскаго, писатели говорятъ, что они служатъ съ непокрытыми головами; напр. Симеонъ Солунскій: «съ непокровенною главою совершаютъ священнослуженіе всѣ іерархи и

ственная грамота папѣ Константина Великаго даетъ знать, что между одною и другою повязкою было какое-то различіе формы, именно—она говоритъ, что Константинъ первоначально хотѣлъ было возложить на главу папы Сильвестра свой императорскій вѣнецъ, но что тотъ отъ сего отказался, и тогда онъ возложилъ на него преславный платъ, знаменующій Воскресеніе Христова (ὀπέρλατρον λῶρον, — собственнo ремень, чтó затѣмъ значить длинная лента, длинная повязка). Въ IX—X вѣкѣ повязка папѣ называлась камилавкой, заимствовавъ имя отъ одного вида вѣнца императорскаго, называвшагося этимъ именемъ (скуфьеобразнаго, отъ котораго скуфьи монаховъ названы камилавками), и одинъ сего времени писатель говоритъ о ней: *Calamaucum* (вѣсто *camelaucum*) *ex bysso rotundum, quasi vraga, caput tegens sacerdotale, in occipitio vitta constrictum*, (носятъ) круглую камилавку изъ драгоцѣннаго полотна, застегнутую на затылкѣ пряжкой (завязанную лентами), покрывая ею первосвященническую голову какъ сферой (шлемомъ?),—у *Дюканжа* въ *Gloss. Latinit.* подѣ сл. *Camelaucum*. Когда папы измѣнили свою тиару изъ повязки въ вышнюю высокую конусообразную шапку, неизвѣстно, но вѣроятно послѣ того, какъ въ Европѣ явились Арабы (Испанія) съ ихъ тюрбанами или тѣми же головными повязками и когда такимъ образомъ оказалось предосудительное и соблазнительное тождество. Теперешняя папская тиара имѣетъ надѣтыми на себя три вѣнца, и дѣло должно представлять такъ, что папы, переставъ носить повязку, какъ таковую, надѣли ее на свою митру (богослужебный головной покровъ, общій папамъ со всѣми епископами, тогда какъ тиара составляетъ ихъ исключительную принадлежность,—темное происхожденіе митры, вѣроятно, подобно происхожденію нашей митры, о чемъ сейчасъ ниже), т. е. мы хотимъ сказать, что въ этихъ вѣнцахъ теперешней папской тиары, которыхъ сначала былъ одинъ и которые дошли до трехъ только въ позднѣйшее время, должно видѣть древнюю повязку (митра епископская у католиковъ съ раздвоеннымъ верхомъ, а папская тиара съ одинокимъ или цѣльнымъ, но надѣтый на нее вѣнецъ долженъ былъ сплотить ее верхъ, какъ обручъ, въ одно). Названіе тиара, — *τίαρα*, *tiara*, изъ персидскаго и означаетъ головную повязку въ видѣ тюрбана (чалмы), бывшую національнымъ головнымъ покровомъ Персовъ. Что касается до головнаго покрыва патріарховъ Александрійскихъ, то свѣдѣнія о немъ не только не достаточны, но и какъ будто несогласны между собою. Патріархъ Александрійскій Тимофей, преемникъ съ 460 г. Тимофея Елура, носилъ прозваніе *Σαλοφακίολος*, что значить бѣлотюрбанный (изъ египетскаго *σαλός*—бѣлый и взятаго въ египетскій греческаго *φακίολιον* или *φακελίον*, чтó значить тюрбанъ, чалма,—у *Дюк.* въ *Gloss. Graecit.* подѣ

священники Востока за исключеніемъ Александрійскаго¹⁾. Однако эти слова должно понимать не совсѣмъ въ собственномъ смыслѣ; не было у архіереевъ нарочито-богослужебнаго покрыва, но какъ они, такъ и всѣ прочіе клирики, до чтецовъ и пѣвцовъ включительно, служили отчасти съ покровенными главами. Много выше мы говорили, что головной покровъ клириковъ состоялъ — во-первыхъ, изъ скуфьи, которая прикрывала гуменце, выстригавшееся каждому клирику до чтеца и пѣвца включительно, и которая не только надѣвалась ими при выходѣ изъ дому, но не снималась съ головы никогда, составляя головной покровъ и комнатный постоянный, и во-вторыхъ—поверхъ сей скуфьи изъ шлагъ и шапокъ, составлявшихъ головной покровъ внѣкомнатный, выходной, головной покровъ открытаго воздуха,—1-й пол. т. стр. 580. Первый головной покровъ или скуфья былъ отчасти и богослужебнымъ головнымъ покровомъ всѣхъ клириковъ, которые входили въ немъ въ церковь и потомъ отчасти стояли въ немъ въ церкви, отчасти снимали его совершенно или приблизительно такъ, какъ въ настоящее время это дѣлаютъ у насъ священники съ своими скуфьями и камилавками. Такъ какъ архіереи и священники снимали скуфьи въ важнѣйшія времена литургіи, совершая важнѣйшія дѣйствія съ непокрытыми головами, то поэтому-то, конечно, Симеонъ Солунскій и говоритъ, что они служатъ съ непокрытыми головами, причемъ предполагается, что папа и патріархъ Александрійскій остаются въ своихъ головныхъ покрывахъ во все продолженіе литургіи²⁾ (нарочито именно надѣвая ихъ для слу-

---

сл. φακιάλιον, срѣ *Византія* Κωνσταντινούκ. III, 402). Въ Менологіи импер. Вальсамія свв. Аѳанасій и Кириллъ Александрійскіе, подъ 18 января, ч. II, стр. 116, представлены въ своеобразныхъ (ничѣмъ не украшенныхъ) скуфьяхъ, положивъ на наши женскіе повойники или чепцы. Но Вальсамонъ о своемъ времени говоритъ, что патріархъ Александрійскій служитъ, покрывая голову своей повязкой (у Ралли и II. IV, 539 fin.: ἰσροοργεῖ μετὰ τοῦ αὐτοῦ λόρου τὴν κεφαλὴν χαλοπτόμενος). Симеонъ Солунскій называетъ головной покровъ патріарховъ Александрійскихъ митрой (цитата выше) и ничего не говоритъ объ его формѣ (митра собственно значить повязку: μίτραι χυρίως οἱ ἀπὸ φασκίων [лат. fasciae, ленты, тесемки, покрояки] καὶ φραγίων στέφανοι, у Свицера въ Словарѣ подъ сл. Ὁράριον, II, 498, изъ Etymologicum Magnum, но могла быть употреблена Симеономъ и какъ названіе шапочки).

¹⁾ Expositio de divino templo § 45, у Миня р. 716. Тоже Responsa ad Gabrielem Pentapol., Quest. 20, ibid. р. 872. Вальсамонъ у Ралли и II. IV, 539 fin.: «тогда какъ всѣ служатъ съ непокровенными главами, одинъ патріархъ Александрійскій...»

²⁾ Папа и дѣйствительно не снимаетъ съ себя тиары во все продолженіе литургіи, когда служить въ ней послѣднюю.

женія послѣдней, тогда какъ скуфьи наоборотъ, составляя не нарочито-богослужебный головной покровъ, въ извѣстныхъ времена нарочито снимаются). Мы не имѣемъ свидѣтельствъ о сейчасъ указанномъ употребленіи греческимъ духовенствомъ ихъ скуфей, относящихся именно къ періоду домонгольскому. Но мы имѣемъ свидѣтельства изъ предшествующаго и изъ послѣдующаго времени. Извѣстный западный ученый время Карла Великаго Алкуинъ говоритъ о греческихъ священникахъ, что они совершаютъ божественныя тайны съ покровенными главами и имѣютъ на головахъ скуфьи, когда предстоятъ св. престолу (*pileatos divina mysteria celebrare et chufias in capite gestare, dum assistunt altaribus*) ¹⁾. Нашъ діаконъ Игнатій, о которомъ упоминали мы выше, говоритъ о пѣвчихъ Константинопольской св. Софіи именно во время стоянія ихъ въ церкви: «пѣвцы же стояху украшены чудно, ризы имѣяху... (приведено выше), на главахъ же ихъ воскрыльцы остры (остроконечныя скуфьи) со златомъ и съ бисеромъ и съ круживомъ» ²⁾. Кюдинъ говоритъ, что придворные пѣвчіе поютъ во дворцѣ наканунѣ Рождества всенощную въ стихаряхъ и съ покрытыми головами (*μετὰ τῶν ἱματίων καὶ ἐπὶ ῥιπταρίων αὐτῶν, φοροῦντες καὶ χαμίσι ἐπάνω τῶν ἱματίων*, и что между ними не имѣютъ покрововъ на головахъ только канонархи ³⁾), какъ этому и надлежало быть по правилу). Сейчасъ связанное нами относится къ духовенству бѣлому. Что касается до духовенства чернаго, къ которому именно принадлежали наши архіереи, то оно въ отношеніи къ употребленію въ церкви своего головнаго покрыва отчасти можетъ быть расходилось съ духовенствомъ бѣлымъ, отчасти же, и именно—въ отношеніи не къ простому присутствію въ церкви, а въ отношеніи къ служенію въ ней службъ, вполнѣ сходилось съ нимъ, являясь однимъ и тѣмъ же съ нимъ и въ отношеніи къ внѣшней формѣ. Головной покровъ духовенства чернаго или монаховъ, къ которымъ принадлежали наши архіереи, такъ же, какъ и у духовенства бѣлаго былъ двойной и состоялъ — во-первыхъ, изъ монашеской скуфьи, называвшейся у монаховъ великаго образа или схимниковъ кукулемъ, а у монаховъ малаго образа или манатейныхъ камилавкой и клобукомъ (вмѣсто древняго скуфьеобразнаго клобука явился у насъ нынѣшній высокій цилиндръ, какъ мы говорили выше, только со времени Никона, см. еще ниже, въ главѣ о монашествѣ), — во-вторыхъ, изъ платянаго извѣстной формы покрыва поверхъ камилавки или кло-

¹⁾ У Дюк. въ Gloss. Gr. подъ сл. *σκούφια*.

²⁾ У Сахарова въ Сказаніяхъ Русск. народа кн. VIII, стр. 102 sub fin..

³⁾ De officiis Constantinop. c. VI, у Миня въ Patr. t. 157, p. 61 fin..

бука, который неизвѣстно какъ назывался у насъ въ старое время и который въ настоящее время отъ матеріи называется крѣпой. Бѣлые духовные, служили ли они въ церкви службы или же только просто присутствовали въ ней, во всякомъ случаѣ изъ своего двойнаго покрыва имѣли на головахъ только внутренній или скуфьи, снимая вообще при входѣ въ церковь наружный, шляпы и шапки. Какъ было съ головнымъ покровомъ монаховъ, когда они только присутствовали въ церкви, но не служили, именно—снимали они въ семъ случаѣ съ клобуковъ крѣпу или не снимали, какъ въ настоящее время, это составляетъ вопросъ, къ которому мы возвратимся послѣ; но когда они не просто стояли въ церкви, но и служили (подразумѣваются, конечно, тѣ изъ нихъ, которые имѣли степени священства, начиная съ степеней чтеца и пѣвца) ¹⁾, то въ семъ случаѣ, подобно бѣлымъ духовнымъ, они снимали верхній покровъ (крѣпу), оставаясь въ одномъ клобукѣ или въ одной своей скуфьи и соблюдая относительно ея сниманія въ извѣстныхъ важнѣйшихъ, вообще положенныхъ времена, совершенно тѣже правила, которыя бѣлые духовные наблюдали относительно своихъ скуфей. Изъ этого-то монашескаго клобука или что тоже скуфьи, такъ какъ въ древнее и старое время клобукъ имѣлъ форму скуфьи, и возникла наша нынѣшняя архіерейская митра. У архіереевъ нашихъ было принято (вошло въ обычай) служить не во всякой скуфьи, а имѣть для сего нарочитыя, именно для богослуженія назначенныя, скуфьи. Такъ какъ скуфьи во время богослуженія снимались съ головы, то чтобы не класть ихъ плашмя и сплюсненно, что весьма непредставительно, а ставить, начали дѣлать ихъ (богослужебныя скуфьи) на твердой подкладкѣ, такъ что онѣ получили видъ шапочекъ. Шапочки начали дѣлать изъ дорогихъ матерій, украшать простыми украшеніями и иконами, и такимъ образомъ и явились у нашихъ архіереевъ особыя богослужебныя шапочки, увеличенныя потомъ до размѣра шапокъ, и эти-то сначала шапочки, потомъ шапки и суть нынѣшнія наши митры. Скуфьи, превращенныя посредствомъ подложенія твердой подкладки въ шапочки, оставались таковыми, т. е. малыми шапками, до конца XVI вѣка ²⁾; послѣ этого онѣ нѣсколько были увеличены въ размѣрахъ и сохраняя скуфьеобразную форму стали шапками, какъ начали и назы-

¹⁾ Ибо монахъ, какъ монахъ, не имѣющій постриженія въ клирики, подобно ирландцу (каковъ есть и онъ), не имѣетъ права читать и пѣть въ церкви (какъ и надѣвать стихаря), Вальсамъ у *Ралли и П.* III, 185.

²⁾ О шапочкѣ, приложенной Новгородцами къ мощамъ епископа Никиты послѣ 1558 г., см. въ Археологич. описаніи церковныхъ древностей въ Новгородѣ *проесс.*

ваться¹⁾. Нынешней дутой или шарообразной формой наши шапки обязаны Грекамъ, именно — Греки, заимствовавъ отъ насъ шапки въ XVI вѣкѣ, придали имъ форму вѣнцовъ или коронъ своихъ императоровъ, какую имѣли эти послѣдніе въ позднѣйшее время, предшествовавшее взятію Константинополя Турками²⁾; отъ Грековъ заимство-

Макарія II, 358; название «шапочка» въ служебникѣ конца XVI вѣка см. въ Описан. Синод. ркп. *Горск.* и *Невостр.* № 366, л. 47.

¹⁾ Въ древней скуфьеобразной формѣ, но нѣсколько въ увеличенномъ противъ скуфей размѣрѣ, см. митры (т. е. шапки) въ лицевыхъ кievскихъ святцахъ первой половины XVII вѣка, напечатанныхъ въ приложеніи къ *Annus Ecclesiasticus Мартиново*, а въ натурѣ шапку св. Петра митрополита см. въ Успенскомъ соборѣ у его гроба, а шапку патриарха Іова въ Московской Синодальной ризницѣ (ны бы весьма рекомендовали нашимъ архіереямъ возвратиться къ этой формѣ).

²⁾ Измѣнивъ нашу шапку указаннымъ образомъ, Греки сочинили сказку, будто патриархи Константинопольскіе начали носить ее со времени взятія Константинополя Турками, воспріявъ на свою голову вѣнецъ прекратившихъ существованіе императоровъ Византійскихъ. Въ 1557 г. патр. Константинопольскій Іоасафъ II просилъ царя Ивана Васильевича Грознаго устроить для великой церкви новую священноначальническую митру, какую носить одинъ лишь патриархъ во время богослуженія (Сношенія съ Востокомъ *Муравьева I*, 88). Но патриархъ просилъ новой митры, вовсе не имѣя старой. Бывшій въ 1585 г. въ Константинополь и видѣвшій совмѣстную службу трехъ патриарховъ, Константинопольскаго, Александрійскаго и Антиохійскаго, русскій посланецъ пишетъ, что шапка была на одномъ Александрійскомъ, котораго де «наричуть въ панино мѣсто (патриархъ Александрійскій дѣйствительно назывался панио) и ставятъ больши всѣхъ патриарховъ» (*ibid.* I. 149). Изъ этихъ словъ видно, что первый усвоилъ отъ насъ нашу шапку когда-то до 1585 г. патриархъ Александрійскій, конечно, опираясь на свои старыя права. Просьбу къ нашему царю о митрѣ патр. Іерусалимскаго Германа отъ 1560 г., дающаго знать, что дотолѣ патриархи не носили митры, см. *ibid.* I, 101. Если вѣрить показанію Аванасія Инсиланти (Αθανασίου Κομνηνού Ὑψηλάντου Τὰ μετὰ τὴν ἄλωσιν, 1453—1789, изд. Κωνσταντινοῦπ. 1870), то до 1620 г. никто изъ греческихъ архіереевъ не носилъ митры, ибо онъ говоритъ, что въ этомъ году на соборѣ Константинопольскомъ, бывшемъ въ присутствіи патриарховъ Александрійскаго, Антиохійскаго и Іерусалимскаго, низложенъ съ престола архіеписковъ Синайскій за то, «что вопреки древнему преданію первый изъ всѣхъ возложилъ на голову митру при совершеніи богослуженія» (стр. 129). Въ половинѣ XVII вѣка при Арсеніи Сухавовѣ носили митры одни только патриархи и еще никто изъ прочихъ архіереевъ (Просквинтарій, Синод. ркп. № 574, л. 95) и носили такъ сказать по секрету отъ сунтана, который, узнавъ въ 1658 г. о митрѣ патриарха Іерусалимскаго, чуть было его не удавилъ (*Муравьева* Сношенія съ Востокомъ, ч. 3, ркп. Моск. Дух. Акад., л. 814 об. sqq.). Въ Менологіи импер. Василія всѣ святители, за исключеніемъ

валь новую форму патр. Никонъ (что не весьма рекомендуетъ его вкусъ). Греческое названіе митра усвоено у насъ шапкамъ не знаемъ когда послѣ первой четверти XVIII вѣка ¹⁾.

Архіереи наши носятъ на шеяхъ поверхъ платья такъ называемыя панагіи, маленькія круглыя иконки съ изображеніемъ Спасителя, Божіей Матери и какихъ-либо святыхъ. Названіе панагія (παναγία) значитъ всесвятая, причеиъ подразумевается Матерь Божія (Μητήρ Θεοῦ). Въ старое время эти иконки, носимыя архіереями, назывались енколпіями—ἐγκόλιον, что происходитъ отъ ἐν и κόλιπος—нѣдро, пазуха и означаетъ крестъ или иконку, носимые въ нѣдрѣ, въ пазухѣ, т. е. крестъ или иконку тѣльные, носить которые на себѣ составляетъ у христіанъ обычай, восходящій до глубокой древности (о чемъ ниже). Названіе архіерейскихъ иконокъ енколпіями показываетъ, что первоначально они носили ихъ, какъ и всѣ христіане (желающіе, ибо обычай былъ добровольный, а не обязательный) не поверхъ платья, а подъ платьемъ, и что только потомъ они начали носить ихъ снаружи, какъ особенную принадлежность ихъ сана. Когда случилось это послѣднее, не знаемъ, но Симеонъ Солунскій говоритъ объ енколпіяхъ архіерейскихъ въ ихъ нынѣшнемъ смыслѣ иконокъ, носимыхъ снаружи ²⁾. Въ

Анастасія и Кирілла Александрійскихъ, безъ шапокъ; но по непонятной для насъ причинѣ сдѣлано еще исключеніе для одного изъ всѣхъ—Спиридона Тримиунтскаго, подъ 12 Декабря, ч. 2, стр. 24: Спиридонъ въ маленькой, плотно облегающей голову, скуфейкѣ, по низу которой вѣнчикъ изъ треугольниковъ.

¹⁾ Названіе митры далъ было шапкѣ, взявъ въ форму, патр. Никонъ, *архіеп. Саввы* Указатель Моск. Патр. ризницы, изд. 2, стр. 31, но вошло оно въ употребленіе только спустя уже много времени послѣ него, см. въ Описаніи документовъ и дѣлъ хранящихся въ архивѣ св. Синода т. I. приложж. стрр. 38 и 166 (отличіе доиконовской шапки отъ послѣиконовской и теперешней митры есть то, что она опушалась по низу горностаемъ или вообще мѣхомъ, при чемъ довольно долгое время она носилась по произволу архіереями и послѣ Никова: напр. св. Дмитрій Ростовскій былъ погребенъ именно въ шапкѣ съ мѣховою опушкой).

²⁾ На новопосвященнаго архіерея, по совершеніи обряда «вопрестоленія» (ἐνθρονισμός), возлагается мантия и τὸ ἐγκόλιον ὡς ἄνθεος ἀρραβών, какъ залогъ божественнаго обрученія,—послѣднія слова указываютъ на то, что у Грековъ договоры обрученія скрѣплялись мѣной енколпиевъ или тѣльныхъ крестовъ жениха и невѣсты (см. ниже), De sacris ordinationibus с. 216, у Миня р. 429. Въ другомъ мѣстѣ Симеонъ Солунскій говоритъ, что во свидѣтельство вѣрности архіерея исповѣданію вѣры, которое онъ произнесъ, и какъ бы печать, которою онъ скрѣпилъ это исповѣданіе, вѣшается на его шею крестъ малый или какой-либо енколпій (σταυρίον ἢ ἐγκόλιόν τι), De sacra liturgia с. 80, у Миня р. 257.

его время они состояли по произволу или изъ иконокъ въ собственномъ смыслѣ или изъ крестовъ. Свое поздѣйшее названіе панагій енкалпій получили, какъ должно думать, отъ того, что начали быть употребляемы въ видѣ иконъ и что на иконахъ (съ лицевой стороны) по преимуществу была изображаема Божія Матерь (отъ панагій архіерейскихъ въ собственномъ смыслѣ должно отличать панагіары, — такия же маленькія иконки, но складныя, съ пустою внутренностію, на подобіе медальоновъ, употреблявшіяся для храненія хлѣба Богородичнаго «панагійнаго», который люди благочестивые имѣли обычай брать съ собою, храня въ этихъ панагіарахъ, надѣвавшихся на шею, когда отправлялись въ путешествія, для споспѣшествованія въ пути. У архіереевъ эти панагіары назывались столовыми, путными и походными панагіями ¹⁾, потому что употреблялись для возношенія хлѣба Богородичнаго на трапезахъ и для его ношенія въ пути. Но онѣ могли быть употребляемы и всякимъ желающимъ, бывъ носимы въ нѣдрахъ или въ пазухѣ, точно такъ же какъ носили ихъ и архіерей.

Къ обычаямъ нашего богослуженія принадлежитъ возжиганіе свѣта предъ иконами, освѣщеніе самыхъ церквей (въ праздники) и куреніе еиміама предъ иконами и предъ молящимися или кажденіе на одѣ и на другихъ. О самыхъ дѣйствіяхъ въ ихъ богослужебномъ значеніи и примѣненіи мы скажемъ нѣсколько послѣ, въ самомъ богослуженіи; а здѣсь объ нихъ со стороны ихъ принадлежностей — матеріала и сосудовъ.

Для свѣта и освѣщенія въ древнее время, такъ же какъ и теперь, употребляемы были восковыя свѣчи и елей (ἔλαιον) или деревянное масло ²⁾. Вслѣдствіе нашей разности съ Греками относительно бо-

---

О патріархахъ Константинопольскихъ онъ говоритъ, что избранному въ патріарха (ὀλοφύριφ) императоръ между прочимъ посылаетъ τὸ τῆς ἐκκλησίας ἐγκόλιον, — что тутъ значить τῆς ἐκκλησίας не совсѣмъ для насъ понятно (какъ будто должно понимать такъ, что патріархи носили одинъ енкалпій, принадлежащій ихъ кафедральной церкви, т. е. св. Софій. и что императоръ, посылая избранному енкалпій, вручалъ ему чрезъ то власть), De sacris ordinatt. с. 229, у Мина р. 441.

¹⁾ *Архип. Саввъ* Указатель для обозрѣнія Московской патріаршей ризницы, изд. 2 стр. 12.

²⁾ Деревянное масло называется деревяннымъ не потому, чтобы оно получалось изъ самой древесины нѣкотораго дерева (его дровъ, полѣньевъ), какъ у насъ думаютъ многіе, но потому, что оно получается изъ плодовъ нѣкотораго дерева (а не изъ сѣмянъ растений, — льна, конопли и пр., какъ это у насъ). Дерево, дающее плоды, изъ которыхъ выжимается или выбивается деревянное масло, по-русски называется маслянымъ деревомъ, по-гречески ἡ ἔλαια. Ростомъ и видомъ оно при-

гательства свѣтильными матеріалами—воскомъ и деревяннымъ масломъ, у насъ должно было явиться совсѣмъ иное пропорціональное потребленіе того и другаго въ церквахъ, нежели какое было у нихъ. Греки были богаты деревяннымъ масломъ и не особенно богаты воскомъ; мы, напротивъ, были богаты воскомъ и совсѣмъ не имѣли своего деревяннаго масла. По этой причинѣ у Грековъ главнымъ свѣтильнымъ матеріаломъ въ церквахъ было масло, а у насъ, напротивъ, долженъ былъ стать имъ воскъ. Греки главнымъ образомъ масло, а не свѣчи, жгли предъ иконами и исключительно имъ освѣщали церкви (въ праздники); мы, наоборотъ, главнымъ образомъ употребляли свѣчи въ первомъ случаѣ и исключительно ихъ во второмъ.

Для свѣчъ, почти вовсе не зажигавшихся въ будни и составлявшихъ свѣтъ предъ иконами по преимуществу праздничный, у Грековъ были употребляемы подсвѣчники переносные и неподвижные или висячіе. Подсвѣчники переносные ставились, во-первыхъ, въ олтарѣ за престоломъ и употребляемы были при перенесеніи святыхъ даровъ и вообще на такъ называемыхъ выходахъ или входахъ; во-вторыхъ, предъ иконами, лежавшими на налояхъ—храмовою и такъ называемою поклонною, т. е. праздника или святаго дня. Подсвѣчники эти назывались у Грековъ (и до настоящаго времени называются) *τὰ μανουάλια*, что есть латинское *manuale*, отъ *manus*—рука, и значить ручникъ, ручной подсвѣчникъ. Въ настоящее время у насъ на тѣхъ изъ этихъ подсвѣчниковъ, которые ставятся предъ иконами, дѣлается возможно болѣе мѣстъ для поставленія или втыканія свѣчъ; но Греки и въ праздники зажигали предъ иконами не всѣ свѣчи, сколько ихъ будетъ принесено въ церковь (въ самыхъ церквахъ ихъ не продавали), а въ извѣстномъ опредѣленномъ количествѣ, смотря по важности праздника. Самое большее число свѣчъ, которое зажигалось на нашихъ подсвѣчникахъ въ самые большіе праздники, было 13-ть, во образъ Иисуса Христа съ 12 апостолами. Сообразно съ симъ и мѣстъ на подсвѣчникахъ устраивалось 13, изъ коихъ среднее — для свѣчи, образующей I. Христа, было значительно болѣе боковыхъ; отъ числа апостоловъ наши подсвѣчники назывались *δωδεκαφώτια μανουάλια, τὰ δωδεκάφωτα* ¹⁾). Под-

---

близительно какъ наша яблоня, а толщины достигаетъ значительно большей; листья по своей формѣ похожи на листья нашей ивы. Плоды дерева, изъ которыхъ получается масло,—небольшіе зеленые яблоки (тѣ масляны, которыя маринованными извѣстнымъ образомъ почти вездѣ можно найти въ продажѣ у насъ).

¹⁾ Уставъ Константинопольскаго монастыря *Κεχωρισμένων*, гл. 68, у Мина въ Патр. t. 127, p. 1084, Симеонъ Солунскій *De sacro templo* с. 140, у Мина р. 349.

свѣчники запрестольные или выходные имѣли по одной свѣчѣ (φῶτῃ μοναδικῇ), а поэтому и мѣсть въ нихъ устраивалось по одному ¹⁾. Памятники иконографіи X—XI вѣка представляютъ намъ образцы этихъ послѣднихъ подсвѣчниковъ: форма ихъ въ существѣ совершенно одна и также съ нынѣшними; отличаются они отъ нынѣшнихъ тѣмъ, что подставка внизу (въ видѣ опрокинутаго блюда) и блюда для свѣчъ вверху были значительно менѣе нынѣшнихъ и что стволы ихъ, состоявшіе изъ перемежающаго соединенія трубокъ и яблоковъ, были одной толщины по всей своей длинѣ ²⁾, — въ нашихъ сельскихъ церквахъ до настоящаго времени весьма нерѣдко можно встрѣтить выходные подсвѣчники совершенно этого древняго вида. Неподвижные подсвѣчники висѣли предъ иконами темплова или тѣбла, по нашему первоначальному деисуса, и предъ иконами настѣнными и настольными. У Грековъ они назывались αἱ λάμναι ³⁾, что есть латинское lamina, — ае. Послѣднее значить доску или листъ изъ какого-нибудь металла; но у Грековъ въ настоящее время λάμνα значить металлическій пруть и металлическую полосу, напр. пруть желѣзный, полосовое или въ полосахъ желѣзо. Очевидно, что старогреческимъ λάμναι должно придавать это послѣднее значеніе, разумѣя подъ ними тѣ желѣзные или мѣдные прутья, на которыхъ у насъ висятъ въ настоящее время свѣчныя лампы предъ мѣстными образами. Такъ какъ мы не имѣемъ (или по крайней мѣрѣ не знаемъ) иконографическихъ образцовъ этихъ лампъ, то не можемъ сказать—дѣлались ли мѣста для свѣчъ на концахъ ихъ самихъ (трубочки) или подъ нихъ подвѣшивались лампы, какъ у насъ въ настоящее время. Симеонъ Солунскій даетъ знать, что лампы устраивались односвѣчныя, дву- и трисвѣчныя ⁴⁾. Какъ было съ подсвѣчни-

¹⁾ Симеонъ Солунскій, *ibidd.*

²⁾ См. Менологій импер. Василия, ч. I стр. 140, ч. II стр. 69.

³⁾ См. Типикъ монастыря Κεχαριστομένης.

⁴⁾ De vasco templo с. 140, у Миня р. 349. Въ Уставѣ патр. Алексѣя говорится о возжиганіи свѣчъ на «гръзнѣхъ» (гръзновіе, гръзне), Синод. ркп. № 330, лл. 278 об. и 279. Если подъ гръзномъ должно разумѣть грознь, виноградную вѣтвь, виноградную кисть, то нужно будетъ понимать дѣло такъ, что лампы устраивались въ видѣ послѣднихъ.—Не мѣшаетъ замѣтить, что у Грековъ названіе λαμπάδα и въ древн. формѣ λαμπάς употреблялось въ двухъ значеніяхъ: въ смыслѣ нашей лампы, всякаго подсвѣчника для свѣчъ, и въ смыслѣ большой свѣчи въ отличіе отъ малой, которая κηρός, что собственно значить воскъ,—объ употребленіи слова λαμπάδα, λαμπάς, во второмъ смыслѣ см. Уставъ монастыря Κεχαριστομένης, гл. 59, у Миня р. 1080, и Копина у Дюк. въ Gloss. Graecit. подъ сл. λαμπάς.

камн у Грековъ, такъ, конечно, было и у насъ; въ частности весьма вѣроятно думать, что и подсвѣчники переносные или поставные передъ иконами храмовою (гдѣ эта икона лежала на налоѣ, а не стояла надъ олтаремъ) и поклонною, дѣлались именно двѣнадцатисвѣщными, а не болѣе.

Форма свѣчь въ древнее время у Грековъ, и у насъ, конечно, была одна и та же, что въ настоящее время. Весьма вѣроятно, что ихъ также украшали золотомъ и красками, какъ это говорятъ свидѣтельства о послѣдующемъ времени ¹⁾ и какъ это дѣлается до сихъ поръ ²⁾.

Кромѣ свѣчь въ собственномъ смыслѣ въ древнее и старое время употреблялись у насъ еще такъ называемыя вошаницы, представлявшія собою какъ бы искусственныя большія свѣчи. Именно—сливался или скатывался изъ воска цилиндръ въ размѣрахъ большой свѣчи, полый внутри; низомъ своимъ онъ надѣвался на большой деревянный стержень нарочно для него сдѣланнаго подсвѣчника, а сверху въ его пустоту вставлялся металлическій стаканъ, налитый воскомъ со вставленнымъ свѣтильникомъ; въ стаканѣ этой, такъ сказать истинной на видъ и неистинной на дѣлѣ, свѣчи и горѣлъ воскъ, наподобіе деревяннаго масла въ лампадѣхъ ³⁾.

Деревянное масло, зажигавшееся у насъ передъ иконами только въ праздники и бывшее у насъ, какъ необходимо думать, въ употреб-

¹⁾ Кодицъ *De officiis Sprolitanis* с. 6, у *Миля* т. 157, р. 64.

²⁾ Въ настоящее время у Грековъ есть особаго рода свѣчи, употребляемыя при бракахъ, крещеніяхъ и, если не измѣняетъ намъ память, діаконами при каждевіяхъ, которыя украшены такъ сказать восковой рѣзбой, на подобіе рѣзныхъ и вѣтвыхъ колонокъ въ нашихъ XVIII вѣка иконостасахъ, производимой посредствомъ отливки свѣчь въ фигурныя формы. Очень можетъ быть, что эти красивыя свѣчи ведутъ свое начало изъ древности и что въ прежнее время бывали и у насъ (въ настоящее время подобнымъ образомъ иногда дѣлаются у насъ маленькія свѣчи въ пасхальныя трикиріи или дикиріи священниковъ).

³⁾ Сейчасъ описанныя нами вошаницы половины XVII вѣка сохранились до настоящаго времени въ одной изъ Владимирскихъ церквей, см. Церковно-историческое описаніе Владимирскихъ достопамятностей *іером. Иоасафа*, Владимиръ, 1857, стр. 112. Весьма вѣроятно, что иногда вошаницы дѣлаемы были и не вошаныя, а деревянныя.—Вошаница съ виномъ, которая уцѣлѣла въ Ростовѣ въ пожаръ 1211 г. (Лаврент. лѣт.) какъ будто наша вошаница, но что такое значить, что она была съ виномъ, сказать не можемъ (срѣ о вошаникахъ, въ которыхъ возилась св. вода, *проесс. Макарія* Археолог. описан. церк. древн. въ Новгородѣ, index. Или же были сосуды, называвшіеся вошаницами и отличные отъ нашихъ вошаницъ).

леніи весьма ограниченномъ,—далеко не во всѣхъ церквахъ, и въ тѣхъ, въ которыхъ было, далеко не предъ всѣми иконами, возжигалось у насъ предъ ними въ тѣхъ самыхъ лампадахъ и лампадкахъ, въ которыхъ и въ настоящее время. Названіе лампада у Грековъ было собственно названіемъ всякаго подсвѣчника, люстры для свѣчь; для сосудовъ съ деревяннымъ масломъ у нихъ было особое названіе *κανδήλη*, изъ латинскаго *candela*, которое отъ глагола *candeo*. Это послѣднее названіе не вошло у насъ въ употребленіе, по всей вѣроятности, отъ того, что было другое, почти однозвучное названіе, именно названіе сосуда для кажденія—кадило ¹⁾. У Грековъ кадила, висѣвшія предъ иконами, или наши лампы, не всегда имѣли по одному свѣтильнику, но и по нѣскольку,—до семи, *ἑπτάλυχα* ²⁾.

Освѣщеніе церквей въ праздники, какъ мы сказали, у Грековъ производилось исключительно посредствомъ масла, а у насъ, наоборотъ, исключительно посредствомъ свѣчей. Въ отношеніи къ этому освѣщенію мы далеко отстали отъ Грековъ. Погречески оно называлось *φωταγωγή*, что значитъ иллюминація, и дѣйствительно устроилось такъ, что вся церковь была освѣщаема возможнымъ множествомъ огней. Освѣщеніе производилось посредствомъ двухъ родовъ поликандиль и посредствомъ отдѣльно повѣшенныхъ кандиль. Наши лампы и лампы съ деревяннымъ масломъ, какъ мы сейчасъ сказали, назывались у Грековъ кандилами; поликандило—*πολυκάνδηλον*, откуда наше поникадило, значитъ собраніе или соединеніе многихъ такихъ кандиль или лампадъ, ихъ множество. Соединеніе многихъ кандиль устроилось или посредствомъ подвѣшиванія ихъ къ кругамъ или посредствомъ навѣшиванія ихъ на протянутыя цѣпи и верви. Дѣлались металлическіе или деревянные большіе или меньшіе размѣровъ круги или ободы, вѣшались въ церкви и подъ ними частымъ рядомъ подвѣшивались кадила или лампы съ масломъ. Этого рода поликандила въ собствен-

¹⁾ Наше кадило не имѣетъ ничего общаго съ греческимъ *κανδήλη* и однозвучіе просто случайное. Кадило чисто славянское слово отъ кадить=чадить и есть переводъ греческаго *θυμιατὸν* (*θυμιατήριον*).

²⁾ Симеонъ Солунскій *De vasto templo* с. 140, у Мняя р. 349.—Деревянное масло употреблялось у Грековъ для освѣщенія церквей разбавленное водой, см. *Дюканж. Gloss. Graecit.* подъ сл. *Κρατήρ*.—Несторъ въ житіи преп. Теодосія, по изд. *Бодянк.* л. 21 об., строка 17, даетъ знать, что у насъ деревянное масло замѣняли иногда льнянымъ.—Даже въ XVI вѣкѣ бывало у насъ, что вмѣсто восковыхъ свѣчей употребляли въ церквахъ салныя,—Опис. Синод. ркпц. № 403, стр. 396 нач. . .

номъ и тѣснѣйшемъ смыслѣ назывались поликандилами. Ихъ вѣшалось по нѣскольку; главное и большее между ними еще частіе называлось *κίχλος* — кругъ ¹⁾; боковыя и меньшія Симеонъ Солунскій называетъ *τροχοί* — колеса. Другой родъ поликандиль, не называвшійся такъ, состоялъ въ томъ, что протягивались черезъ церковь металлическія цѣпи или неметаллическія верви, и подъ ними, такъ же, какъ подъ кругами, подвѣшивались частыми рядами кандила или лампы ²⁾. Отдѣльныя кандила, какъ само собою понятно, вѣшались на отдѣльныхъ, длинныхъ цѣпяхъ, шнурахъ или вервяхъ, укрѣпленныхъ въ сводъ церкви и, какъ нужно полагать, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ почему либо было не удобно протяженіе цѣпей ³⁾. Такъ какъ протянутыя цѣпи со множествомъ висящихъ подъ ними кандиль въ будніе дни, когда церкви не освѣщались, дѣлали бы не особенно красивый видъ, то цѣпи не постоянно висѣли, а только развѣшивались въ большіе праздники (съ исключеніемъ изъ ихъ числа, по всей вѣроятности, воскресенья, для котораго пришлось бы развѣшивать цѣпи слишкомъ часто и въ которое, вѣроятно, довольствовались поликандилами въ собственномъ смыслѣ и отдѣльно повѣшенными кандилами).

Мы—Русскіе для освѣщенія церквей свѣчами вмѣсто масла заимствовали отъ Грековъ поликандильные круги (съ превращеніемъ названія поликандило въ поникадило), приспособивъ ихъ такимъ образомъ, что по верхамъ ихъ подвѣшали трубки для вставленія свѣчъ (а нижнія наши поникадила, въ видѣ люстръ, давнія или недавнія у насъ, происхожденія западнаго) ⁴⁾. Очень можетъ быть, что въ древ-

¹⁾ Симеонъ Солунскій *De sacro templo* с. 140, у Миня р. 349, см. также у Дюк. въ *Gloss. Graecit.* подъ сл. *κандίλα* (*πολυκάνδηλον*) выписку изъ продолжателя Теофанова. На Аеонѣ эти κικлосы въ позднѣйшее время стали называться, какъ и теперь называются, хоросами, см. о нихъ у Барскаго, изд. 1800 г. стр. 521.

²⁾ О цѣпяхъ церковныхъ, служившихъ для нашей цѣли, многократныя упоминанія у Константина Порфирогенита въ *De ceremoniis*. Что вмѣсто цѣпей иногда были и верви, см. Кудина *De S. Sophia*, у Миня т. 157, р. 633.

³⁾ О множествѣ отдѣльныхъ кандиль въ св. Софіи см. Дюканжа *Constantinop. Christ. Lib. III*, с. XLVIII, р. 29, также нашего Антонія Новгородскаго по изд. Савваитова стр. 72 fin. (У Турокъ въ Константинополѣ, по примѣру, заимствованному отъ Грековъ, большія мечети увѣшены множествомъ этихъ отдѣльныхъ кандиль или лампадъ).

⁴⁾ Въ настоящее время у насъ, какъ кажется, уже весьма рѣдко можно встрѣтить поникадило въ древней формѣ круга или обода, съ поставленными по верху послѣдняго трубками для свѣчъ; однако по монастырямъ кой-гдѣ еще можно

нѣйшее время вмѣсто греческихъ цѣпей съ подвѣшенными подъ ними лампадами были употребляемы у насъ длинныя жерди или ряды съ рядами на нихъ тѣхъ же трубокъ для свѣчъ или съ рядами въ нихъ мѣсть (проверченныхъ) для послѣднихъ; но указаній на подобныя жерди пока мы не встрѣчали ¹⁾. Впрочемъ, должны мы оговориться, что знаемъ по крайней мѣрѣ двѣ исключительныя церкви, въ которыхъ съ кандилами и поликандилами было болѣе или менѣе по подобію греческому: это именно двѣ церкви Андрея Боголюбскаго—Боголюбовская Рождество-Богородицкая и Владимирскій Успенскій соборъ: по свидѣтельству Ипатской лѣтописи въ обѣихъ церквахъ повѣшено было множество золотыхъ и серебряныхъ кандиль и поликандиль,—2 изд. стр. 395.

Кажденіе предъ иконами и на молящихся имѣетъ смыслъ воскуренія благовонія предъ однѣми и предъ другими, для воздаянія чествованія однѣмъ и въ знакъ дружескаго привѣтствія отъ лица церкви другимъ (см. ниже). Такъ какъ обыкновенно употребляемый у насъ ладонъ вовсе не принадлежитъ къ числу благовонныхъ веществъ лучшихъ, то со всею вѣроятностію слѣдуетъ думать, что у Грековъ былъ употребляемъ главнымъ образомъ не онъ, а курительныя вещества, болѣе доброкачественныя ²⁾. Въ настоящее время для кажденія въ церкви у насъ употребляется исключительно кадило или маленькій извѣстной формы сосудъ на цѣпяхъ. Но въ часовняхъ и на домахъ употребляется еще такъ называемая кадея,—тотъ же маленькій сосудъ, только не на цѣпяхъ, а съ ручкой. Эта послѣдняя не есть выдумка русская, а происхожденія также греческаго,—*κάτζι*, изъ латинскаго *caza*, *cazia* ³⁾. Такъ какъ воскуреніе енміама посредствомъ простаго носенія сосуда съ нимъ, несомнѣнно, должно быть считаемо древнѣйшимъ

найти его (въ нашей Троицкой Лаврѣ, въ Троицкомъ соборѣ, есть такое поникадило, только нѣсколько передѣланное на люстру).

¹⁾ Протоіер. Лебединцевъ въ Описаніи Кіево-Софійскаго собора 1882 г. говоритъ, что въ алтарныхъ стѣнахъ собора сѣверной и южной и теперь еще виднѣются кольца, къ которымъ прикрѣплялась краями проволока или цѣпь для подвѣшиванія лампадъ, стр. 13.

²⁾ Иные у насъ думаютъ, что кажденіе въ церквахъ должно быть совершаемо именно нашимъ ладонемъ и ни чѣмъ нибудь другимъ; но про ладонъ ничего не писано въ канонахъ церковныхъ, а обычай церковный, требуя благовоннаго куренія или кажденія, предоставилъ рѣшать вопросъ о благовоніи людскимъ носамъ.

³⁾ *Дюкамжа* Gloss. Latinit. подъ слл. *caza*, *cazia* (Кадея въ Ипатск. лѣтоп. «кадея»,—2 изд. стр. 237).

нынѣшняго кажденія (маханія), то со всею вѣроятностію и кацея должна быть считаема древнѣйшею кадила. Впрочемъ, на памятникахъ иконографіи X—XI вѣка мы видимъ уже въ церковномъ употребленіи кадила и не видимъ кацен. Форма кадилъ въ сейчасъ помянутое время была таже самая, что и нынѣ, только онѣ не имѣли верхней крышки ¹⁾ (възъ чего слѣдуетъ заключать, что маханіе при кажденіи производилось не такъ сильно, какъ это дѣлается у насъ въ настоящее время, ибо иначе выскакивали бы уголья). Кадящіе священники и діаконы носили съ собою, въ лѣвой рукѣ, всегда или иногда и сосудъ съ еліамомъ, которымъ кадили ²⁾.

Въ древнее время у насъ, по подобію Грековъ, былъ обычай подвѣшивать поды иконы, находившіяся въ кіотахъ на стѣнахъ и на столбахъ (поды «иконы дольнія», какъ называетъ ихъ Уставъ патр. Алексѣя) пелены и предполы (погречески *подѣа*, *подѣа*, *подѣа*, что происходитъ отъ *πῶς*—нога и значить поножникъ, запонъ, фартукъ), именно—пелена, равная своею шириной съ шириной иконы, подвѣшивалась поды низъ послѣдней и простиралась до полу, закрывая и драпируя находившуюся поды нею стѣну ³⁾. Прямое упоминаніе объ этихъ пеленахъ у насъ мы находимъ только поды конецъ періода, но нѣтъ сомнѣнія, что онѣ явились одновременно съ самими иконами ⁴⁾. И до на-

¹⁾ См. Менологій импер. Василія, ч. 1, стрр. 63, 146, 160, 192, 210; ч. 2 стрр. 4, 137, 140, 142, 180.

²⁾ См. тотъ же Менологій, ч. 1, стр. 160, и ч. 2, стрр. 93 и 137; на Кіево-софійской мозаикѣ одинъ изъ двухъ діаконѣвъ съ сосудомъ, у *Фундука*. стр. 38, а въ Новгородской Спасо-Нередицкой церкви многіе изображенныя въ олтарѣ діаконѣ всѣ съ сосудами (какъ Кіевскіе, такъ и Новгородскіе, держатъ сосуды въ рукѣхъ на платкахъ, на салфеткахъ). Въ позднѣйшее время эти сосуды были дѣлаемы, какъ на Аeonѣ и до настоящаго времени дѣлаются, въ видѣ цервевей. Но эти церкви-ладоницы вовсе не должно смѣшивать съ Іерусалимами, о которыхъ мы говорили выше и съ которыми онѣ не имѣютъ ничего общаго (Въ настоящее время на Аeonѣ въ большіе праздники діаконѣ носятъ наши ладоницы при кажденіи на лѣвомъ плечѣ).

³⁾ Въ настоящее время у насъ низы стѣнъ и столбовъ поды иконами кіотными виѣсто пеленъ закрываются тумбами (стѣнками или щитами), которыя подставляются поды кіоты.

⁴⁾ Объ епископѣ Ростовскомъ Кирилѣ Лаврентьевская лѣтопись поды 1231 г. говоритъ: «украша церковъ святыя Богородица иконами многоцѣнными, иже вѣсть мощи и сказати, и съ предполы рекше съ пелены». Въ многочисленной всякаго рода утвари, которою снабдилъ Андрей Боголюбскій свой Владимірскій соборъ, не называются прямо наши пелены, но поды порталами, шитыми золотомъ и жемчугомъ,

стоящаго времени есть у насъ обычай вѣшать на иконы убрусы или полотенца (въ деревняхъ въ собственномъ смыслѣ полотенца изъ полотна и холста, въ городахъ изъ шелковыхъ и парчевыхъ матерій). Заключая отъ примѣра Грековъ, съ вѣроятностію можно думать, что въ древнее время употребленіе этихъ убрусовъ было у насъ значительнѣе, нежели теперь. Въ настоящее время у Грековъ находящіяся на боковыхъ стѣнахъ иконы, а иногда и мѣстныя, драпируются разными матеріями, и преимущественно бѣлыми кружевными, совершенно такъ, какъ у насъ драпируются у богатыхъ людей окна. У Грековъ этотъ обычай несомнѣнно относится къ древнему времени, ибо эту именно драпировку иконъ должно разумѣть подъ τὰ θεῖα πέπλα, о которыхъ говорятъ писатели ¹⁾. Съ вѣроятностію слѣдуетъ думать, что подобное было и у насъ.

(Ипатская лѣтопись, говоря подъ 1183 г. о пожарѣ Владимирскаго собора Боголюбскаго,—2 изд. стр. 426,—сообщаетъ намъ любопытное извѣстіе о старыхъ нашихъ обычаяхъ, когда между прочимъ пишетъ, что сгорѣли порты, шитыя золотомъ и жемчугомъ, «яже вѣшали на праздникъ (т. е. Успенія Богородицы) въ двѣ верви отъ Золотыхъ воротъ до Богородицѣ и отъ Богородицѣ до владычныхъ стѣнъ во двѣ же верви чюдныхъ». Дѣло должно быть понимаемо и представляемо такимъ образомъ, что по обѣимъ сторонамъ дороги вѣшалось по верви или по веревкѣ и что она—дорога, съ обѣихъ сторонъ драпировалась повѣшенными на вервяхъ портами, коврами. Почему убиралась такъ дорога отъ владычнаго крыльца до собора, понятно: потому, что владыка въ храмовой праздникъ собора входилъ въ него торжественною процессіей. Но не совсѣмъ понятно, почему убиралась такъ дорога отъ Золотыхъ воротъ города до собора. Вѣроятно, что къ Золотымъ воротамъ и къ находившейся на нихъ церкви былъ совершаемъ изъ собора въ Успеневъ день крестный ходъ ²⁾. Такъ какъ отъ собора до Золотыхъ воротъ, которыя не сохранились до настоящаго

наволоками и усами (о словѣ выше стр. 216 пр. 2) церковными, о которыхъ говорятъ лѣтописи, со всею вѣроятностію должны быть разумѣемы между прочимъ и онѣ (Лаврент. лѣт. подъ 1185 г., 2 изд. стр. 372, Ипатск. лѣт. подъ 1175 и 1183 гг., 2 изд. стрр. 396 и 426). У Грековъ обычай подвѣшивать подъ наши иконы пелены (κοβιά, κοβίαίς,—указаннымъ именно образомъ) остается до настоящаго времени.

¹⁾ Симеонъ Солунскій De sacro templo с. 141, у *Миля* р. 349, также у *Дюк.* въ Gloss. Graec. appendix prima подъ сл. κοβία.

²⁾ Не совершается ли онъ и теперь?

времени, но мѣсто которыхъ точно извѣстно, будетъ добрыхъ полверсты, если не болѣе, то понятно, какое множество нужно было порть, чтобы увѣшать ими двѣ верви, и съ какимъ совершенно исключительнымъ богатствомъ былъ украшенъ богослужебными принадлежностями соборъ, если эти порты были шиты золотомъ и жемчугомъ).

Какъ представлять себѣ наши церкви домонгольскаго періода относительно снабженности богослужебными принадлежностями въ сравненіи съ настоящимъ временемъ? Именно—мы хотимъ сказать: предполагая само собой предполагаемое, что церкви были снабжены тогда принадлежностями, такъ же какъ и теперь, въ разнообразной степени,—однѣ со всѣмъ возможнымъ для своего времени великолѣпнѣе, другія болѣе чѣмъ прилично, инныя въ достаточной мѣрѣ прилично и наконецъ инныя бѣдно и скудно, какъ представлять себѣ процентное отношеніе этихъ категорій въ сравненіи съ нынѣшнимъ и какъ представлять себѣ тогдашнее великолѣпіе и тогдашнюю скудость?

Необходимо полагать, что процентное отношеніе категорій было значительно иное, чѣмъ въ настоящее время,—что три первыя категоріи были значительно менѣе и что четвертая категория была несравненно болѣе, чѣмъ теперь. Въ настоящее время стремленіе снабжать церкви возможно приличными богослужебными принадлежностями, стремленіе къ доступному въ нихъ—принадлежностямъ великолѣпію составляетъ у насъ стремленіе болѣе или менѣе всеобщее, одинаково господствующее какъ въ городахъ, такъ и въ селахъ, какъ между людьми, для которыхъ великолѣпіе составляетъ принадлежность ихъ собственной жизни, такъ и между людьми, которые въ собственномъ быту не имѣютъ никакого понятія о великолѣпіи. Думать однако, чтобы эта заботливость о великолѣпіи домовъ Божіихъ, какое имъ причисляется, была у насъ всеобщюю съ древняго времени, возникши сама собой, было бы совсѣмъ ошибочно. Напротивъ, она происхожденія весьма недавняго и создана искусственнымъ образомъ—съ одной стороны настояніями и требованіями духовнаго правительства, чтобы принадлежности въ церквахъ были приличныя, съ другой стороны—пропагандою объ этомъ приличіи нынѣшняго новаго духовенства (которое въ своей просвѣщенности достигло уже по крайней мѣрѣ той степени, чтобы имѣть заботы о внѣшнемъ приличіи). Въ древнее же и долгое старое время, когда народъ былъ предоставленъ самому себѣ и своей доброй волѣ и когда духовенство не возвышалось надъ народомъ и нисколько не было требовательнѣе его, заботливость объ этомъ приличіи въ массѣ Русскихъ людей была далеко неревностная: таже незатѣйливая простота принадлежностей, которая господствовала въ домашнемъ быту,

перенесена была и въ церковь, и помышленія о чемъ-нибудь болѣе изысканномъ, о чемъ-нибудь такомъ, что бы рѣшительно возвышало дома Божіи надъ жилищами человѣческими, были въ массѣ народной весьма слабы. При другихъ условіяхъ нашего быта, дѣло начавшееся съ простоты постепенно восходило бы къ болѣе и болѣе изысканности. Если бы у насъ утвердилось просвѣщеніе, то въ слѣдъ за нимъ мы заимствовали бы отъ Грековъ ремесла и художества, что одно съ другимъ нераздѣльно (и что случилось у насъ, когда при Петрѣ мы вправду заимствовали просвѣщеніе отъ западной Европы). А если бы мы вмѣстѣ со всѣмъ ремесленно-художественнымъ (и фабрично-заводскимъ) сами стали производить и церковныя всякаго не «домашняго» сорта богослужебныя принадлежности (въ видѣ таковыхъ готовыхъ,—сосуды и пр., въ видѣ матеріала—матеріи для одеждъ): тогда онѣ какъ свои, всюду пріобрѣтаемыя и доступныя по цѣнѣ, необходимо и непремѣнно усвоились бы массою народа съ болѣею или меньшею постепенностію. Но ремесла и художества мы вовсе не усвоили отъ Грековъ и всѣ церковныя принадлежности не «домашняго» и выше чѣмъ домашняго производства мы должны были получать или отъ нихъ или вообще отъ другихъ (металлическія вещи — кромѣ Грековъ съ европейскаго Запада, матеріи для одеждъ кромѣ Грековъ съ азіатскаго Востока). Съ Греками и со всѣми другими, кто могъ снабжать насъ богослужебными принадлежностями, мы находились въ дѣятельныхъ торговыхъ сношеніяхъ; само собою разумѣется, что они и всѣ другіе, кто снабжалъ насъ этими принадлежностями, имѣли полную готовность снабжать насъ ими въ той мѣрѣ, въ какой мы спрашивали. Но, во-первыхъ, едва ли можно думать, чтобы наша внутренняя торговля иностранными товарами, а въ числѣ ихъ и богослужебными принадлежностями, находилась на такой степени развитія, чтобы товары всюду проникали, бывъ вездѣ легко пріобрѣтаемы и вмѣстѣ постепеннымъ образомъ создавая спросъ; во-вторыхъ, если бы это до нѣкоторой степени и было, то при тогдашнихъ условіяхъ торговли и при тогдашнемъ состояніи дорогъ товары на всякомъ значительномъ удаленіи отъ немногихъ центральныхъ пунктовъ ихъ склада, которые вели собственно заграничную торговлю, должны бы пріобрѣтать слишкомъ высокую цѣнность, и наконецъ въ-третьихъ—уже одно то, что богослужебныя принадлежности иностраннаго производства были предметами производства не своего, а заграничнаго и заморскаго, должно было создать взглядъ на нихъ народа, какъ на роскошь, назначенную не для него и для украшенія не его храмовъ, и слѣдовательно—какъ на такую роскошь, заботы о которой далеко не могли казаться ему его непремѣнной обязанностію.

О настоящемъ греческомъ великолѣпнѣ богослужебныхъ принадлежностейъ церковей въ бѣльшей или меньшей мѣрѣ заботились князья и епископы, ибо тѣ и другіе, конечно, признавали для себя обязательнымъ примѣръ греческій и стремились къ болѣе и менѣе совершенному его воспроизведенію; подѣ князьями однако должно разумѣть не все ихъ множество, а только тѣхъ, которые занимали престолы болѣе или менѣе видныя, именно обязывавшіе ко всякой представительности, а въ томъ числѣ и церковной. Церкви кафедрально-епископскія, которыя были церквами епископскими и вмѣстѣ княжескими, и церкви придворныя княжескія и должно представлять себѣ какъ классъ церковей, снабженныхъ богослужебными принадлежностями болѣе или менѣе великолѣпно. Отправляясь отъ соединенной группы этихъ церковей книзу, вѣроятно полагать, что лучшія приходскія церкви стоальныхъ княжескихъ городовъ, представляя изъ себя второй классъ, были снабжены богослужебными принадлежностями болѣе или менѣе прилично, что церкви городскія не бѣдныя и церкви околородно-сельскія таковыя же, представляя изъ себя третій классъ, были снабжены ими, если не съ достаточнымъ, то съ нѣкоторымъ приличіемъ. За симъ все остальное множество церковей какъ городскихъ, такъ и сельскихъ, должно представлять себѣ какъ огромный классъ церковей, снабженныхъ богослужебными принадлежностями бѣдно, хотя съ нѣкоторыми, конечно, градаціями въ этой бѣдности.

Какъ представлять себѣ бѣдность богослужебныхъ церковныхъ принадлежностейъ домонгольскаго періода (равно какъ и весьма долгаго послѣдующаго времени), это мы давали знать выше. Въ настоящее время, вѣроятно, уже совсѣмъ нѣтъ у насъ церковей, которыя бы снабжены были сими принадлежностями при помощи домашнихъ средствъ; и великолѣпныя и бѣдныя нынѣшнія принадлежности одинаково покупнаго и нарочито-искусственнаго (нарочито-индустриальнаго) производства и только отличаются одиѣ отъ другихъ своею цѣнностью. Но древнія (и старыя) бѣдныя церковно-богослужебныя принадлежности должны быть понимаемы именно такъ, что онѣ были или исключительно домашняго производства или что домашнее господствовало въ нихъ надѣ покупнымъ, соответственнымъ ему по цѣнности и по достоинству. Все домашняго производства есть отсутствіе чего-нибудь покупнаго, слѣдовательно: богослужебные сосуды, служебныя кружки, тарелки и мисы—деревянные, домашняго посуднаго производства; подсвѣчники и поникадила—также деревянные, домашняго токарнаго или плотничнаго производства, съ желѣзными трубками къ нимъ для свѣтъ домашней кузнечной работы; кадила—желѣзныя той же домашней кузнечной работы

или же, какъ весьма возможно предполагать, глиняныя въ видѣ малыхъ горшечковъ, съ дырками для цѣпей, домашняго горшечнаго производства; воздухи и покровы, одежды на престоль и жертвенникъ, ризы и стихари, навѣсы или сѣни надъ престолами, завѣсы къ царскимъ дверямъ, пелены и пр. изъ крашенины и набойки домашняго холста. Въ подобномъ видѣ совершенной безпримѣсности чего-нибудь покушнаго долженъ быть представляемъ нашъ разрядъ или классъ богослужебныхъ принадлежностей на самой первой своей степени, начиная снизу. Дальнѣйшія его степени къ верху—большая или меньшая примѣсь къ домашнему покушнаго, но съ преобладаніемъ перваго надъ послѣднимъ, и покушнаго, соотвѣтственнаго относительно своего достоинства домашнему.

Мы не имѣемъ свидѣтельствъ изъ самаго періода домонгольскаго, что въ продолженіе его рѣшительное большинство нашихъ церквей было снабжено богослужебными принадлежностями бѣдно и что эта бѣдность должна быть представляема такъ, какъ мы сейчасъ указали. Но о томъ и о другомъ съ полною достовѣрностію необходимо заключать отъ позднѣйшаго времени, которое можетъ быть не привнесло большаго улучшенія противъ періода домонгольскаго, но которое во всякомъ случаѣ не было временемъ ухудшенія противъ него и когда дѣло съ богослужебными принадлежностями большинства церквей находилось именно въ такомъ видѣ, какъ мы его изобразили ¹⁾.

Представить себѣ церковь, снабженную богослужебными принадлежностями домашняго приготовленія,—деревянными сосудами, крашенинными ризами и пр., конечно, очень странно. Но еще страннѣе былъ бы самъ читатель, если бы онъ, поставляя въ зависимость дѣйствіе благодати Божіей въ таинствѣ евхаристіи отъ матеріала богослужебныхъ сосудовъ и силу общественно-церковныхъ молитвъ отъ матерія ризъ, въ которыхъ служить священникъ, унижилъ и умалилъ подобное богослуженіе съ бѣдными принадлежностями какъ менѣе истинное и дѣйствительное, чѣмъ богослуженіе съ принадлежностями великолѣпными. Великолѣпіе богослужебныхъ принадлежностей, бывъ богопредано древнимъ Израильтянамъ вмѣстѣ съ ограниченіемъ мѣстъ обще-

---

¹⁾ Въ половинѣ XVII вѣка священникъ рядился къ одному приходу и при этомъ обязывался: «ризъ и стихаръ и патрахиль держати свои»,—Чтенія Общ. Ист. и Древн. 1879 г. кн. 1, Акты XVII в. о Шеговарскомъ приходѣ, стр. 9 sub fin... Въ томъ же XVII вѣкѣ ни въ церкви ни у священника не было ризъ, и когда нужно было служить, священникъ бралъ ризы въ сосѣднемъ приходѣ, — Описаніе рукописей Троицкой Лавры, № 227 л. 176.

ственной молитвы единственнымъ храмомъ для всего народа, не было богопредано намъ христіанамъ, которымъ дана свобода молиться Богу на всякомъ мѣстѣ и слѣдовательно при частныхъ соединеніяхъ людей въ церкви богатыхъ и бѣдныхъ. Такъ, общественное богослуженіе древнихъ и старыхъ предковъ нашихъ, имѣвшее принадлежности бѣдныхъ, конечно, не было менѣе истиннымъ и дѣйствительнымъ, чѣмъ наше богослуженіе съ принадлежностями болѣе или менѣе приличными. Есть однако другая сторона въ дѣлѣ, по которой древніе и старые предки наши являются не совсѣмъ въ выгодномъ свѣтѣ и далеко не заслуживающими особыхъ похвалъ: Богъ одинаково внимаетъ молитвамъ людей и подаетъ имъ Свою благодать въ храмахъ какъ бѣдныхъ до послѣдняго убожества, такъ и великолѣпныхъ до крайняго преизлишка; но собственное чувство людей должно заставлять ихъ заботиться о возможно приличной внѣшности храмовъ и ихъ принадлежностей, ибо если посредствомъ этихъ заботъ выражается уваженіе къ людямъ, то тѣмъ болѣе должно обязывать къ нимъ благоговѣніе предъ Богомъ. Надлежащій достатокъ этихъ-то заботъ вовсе и не можетъ быть усвоенъ нашимъ предкамъ, которые, прилагая къ Богу безцеремонную грубость своихъ земныхъ отношеній, слишкомъ много хотѣли надѣяться на то, что Онъ не прогнѣвается. Когда идетъ рѣчь о пасомыхъ, то всегда рождается вопросъ: насколько причастны винѣ пастыри? Наши высшіе пастыри или архіереи были въ данномъ случаѣ причастны винѣ въ полной мѣрѣ. Не знаемъ, были ли съ ихъ стороны какія-нибудь старанія къ возбужденію заботливости о церковной внѣшности на словахъ, но они поощряли эту незаботливость на дѣлѣ и своимъ примѣромъ: архіереи, какъ мы сказали выше, снабжали церкви антиминсами грубохолщевыми; въ виду такой внѣшности первой святыни церковей люди съ полнымъ правомъ могли извинять себя относительно всего прочаго.

Бѣдность богослужебныхъ принадлежностей церковей въ древнее (и старое) время была у насъ совсѣмъ другая, чѣмъ нынѣ, представлявшая собою нѣчто гораздо низшее нынѣшней и какъ бы совсѣмъ особый отъ нея родъ; но древнее наше великолѣпіе было тоже самое, что нынѣшнее, нисколько не уступало послѣднему, если только не значительно его превосходило. Великолѣпіе слагается изъ двухъ элементовъ—изъ цѣнности матеріала и достоинства и совершенства работы. Драгоценныхъ матеріаловъ для производства великолѣпныхъ принадлежностей не только не прибавилось въ настоящее время, но и убавилось. Эти матеріалы въ настоящее время суть — по отношенію къ металлическимъ произведеніямъ: золото, серебро и драгоценныя камни; по отношенію къ матеріямъ: шерсть и шолкъ съ золотомъ и серебромъ

(затканными въ первыхъ въ видѣ нитей); тоже самое было и въ древнее время и кромѣ того прибавлялось: въ первомъ случаѣ драгоценная финифть, которой въ настоящее время вовсе не умѣютъ дѣлать ¹⁾, и такой крупный жемчугъ, который въ настоящее время составляетъ только весьма большую рѣдкость, а во второмъ случаѣ такое обиліе жемчуга, которое уже давно стало только простымъ преданіемъ. О достоинствѣ и совершенствѣ древней заграничной работы въ сравненіи съ нынѣшнею нашею домашнею мы не можемъ говорить положительнымъ образомъ, потому что не сохранилось ея образцовъ до настоящаго времени, такъ чтобы возможно было произвести наглядное сравненіе между одною и другою. Но разсуждая апріорически, едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что древнему времени должно быть отдано предпочтеніе передъ нынѣшнимъ нашимъ, и даже предпочтеніе болѣе или менѣе рѣшительное. Во-первыхъ, металлическое производство: со стороны художественной нашъ періодъ домонгольскій былъ временемъ упадка этого производства у Грековъ; но это былъ упадокъ знаменитаго искусства классическаго, наше же современное искусство есть только еще нѣкоторый начатокъ чего-то, въ которомъ художникъ еще только чуть-чуть начинаетъ выглядывать изъ-за простаго мастера. Во-вторыхъ, что касается до производства матерій, то Греція и азиатскій Востокъ, съ котораго со всего мы получали ихъ вмѣстѣ съ Греціей, такъ славились совершенствомъ ихъ производства, что думать, будто мы сравнились съ ними въ отношеніи къ сему совершенству, вѣроятно было бы нѣсколько самоувѣренно, а думать, что мы превзошли ихъ—было бы совершенною отвагою ²⁾.

(Положительныхъ и прямыхъ извѣстій о церквахъ, снабженныхъ богослужебными принадлежностями великолѣпно, мы находимъ въ лѣтописяхъ весьма немного, — о Владимирскомъ Успенскомъ соборѣ Боголюбскаго и еще объ одной. Боголюбскій, создавшій свой соборъ съ исключительнымъ, Соломоно-Юстиніановымъ, великолѣпиемъ, соотвѣт-

¹⁾ Русское финифть—изъ греческаго χρυσοτόν (χρυσόω—сплавляю, составляю: χρυσοῦτή εἰκὼν τῆς Θεοτόκου,—Конст. Порфир. De septem. lib. 1 с. 31 нач., у Мина t. 112 р. 409; химинить, химинеть—въ записи на Мстисл. евангелии, у Срезн. Памя. р. п. и я. 27 сод. 1 стр.—финифть). Въ настоящее время у Грековъ финифть или эмаль—ἔχκαυστον, οράλτος.

²⁾ Чтобы имѣть понятіе, какія навеликолѣпнѣйшія архіерейскія богослужебныя одежды могли быть изготовляемы въ Греціи напр. въ XV вѣкѣ, пусть читатель пойдетъ въ Московскую синодальную ризницу и посмотритъ въ ней истинно дивный саккосъ митр. Фотія.

ственно съ зданіемъ снабдилъ его и богослужебными принадлежностями. Повѣсть объ убіеніи князя говоритъ о снабженіи имъ церкви принадлежностями: «всякими узорочья удивію и многими поникандѣлы золотыми и серебряными просвѣти церковь, и рипиды и всего строенья церковнаго, златомъ и каменьемъ драгимъ и жемчюгомъ великимъ, велми много, а 3-е (тріе) ерусалима велми велиции, иже отъ злата чиста, отъ каменя многоцѣнна устрои»¹⁾... Лаврентьевская лѣтопись, говоря о пожарѣ церкви 1185 г., который истребилъ все ея великолѣпіе, пишетъ: «что быше въ ней узорочій,—поникадила сребренная и ссудъ златыхъ и сребреныхъ и портъ золотомъ питыхъ и женчюгомъ и чудныхъ иконъ золотомъ кованыхъ и каменьемъ драгимъ и женчюгомъ великимъ, иже нѣсть числа, а въ теремѣ (кладовой) паволоки, уксы церковные, иже вѣспаху на праздникъ, и до ссудъ, иже нѣсть числа, все огнь взя безъ утеча (безъ остатка)»²⁾. Другая церковь, о великолѣпномъ снабженіи которой принадлежностями говорятъ лѣтописи, есть Владимиро-Волынской соборъ, построенный княземъ Мстиславомъ Изяславичемъ; въ Никоновской лѣтописи подь 1160 г. (ч. II, стр. 189) читаемъ: «того же лѣта князь Мстиславъ Изяславичъ подписа святую церковь въ Володимери Волынскомъ и украси ю давно святыми и драгими иконами и книгами и вещми и многими чудными и священными сосуды златыми съ бисеромъ и съ каменіемъ драгимъ»³⁾.

¹⁾ Въ Ипатск. лѣт. подь 1175 г., 2 изд. стр. 395 лп. вѣд.

²⁾ 2 изд., стр. 372.

³⁾ Ипатская лѣтопись говоритъ, что Татары при разграбленіи Переяславля (Кіевскаго) взяли «сосуды церковныя безчисленныя златыя и драгаго каменя»,— 2 изд. стр. 520. См. еще въ нижеслѣдующемъ спискѣ каменныхъ церквей о Смоленскихъ церквахъ Іоанна Богослова и архангела Михаила, №№ 3 и 4.

П Р И Л О Ж Е Н І Е.

Списокъ каменныхъ церквей домонгольскаго періода.

Настоящій списокъ мы располагаемъ по удѣламъ, а самые удѣлы по мѣстности, начиная отъ Кіева, именно: 1. Кіевъ съ его областью, 2. Переяславль, 3. Черниговъ (съ Рязанью и Муромомъ), 4. Владимиръ Волынскій, 5. Галичь, 6. Туровъ, 7. Полоцкъ, 8. Смоленскъ, 9. Новгородъ, 10. Ростовъ-Суздаль (и 11. Тмутаракань).

Въ списокъ церквей самага Кіева мы помѣщаемъ не только однѣ тѣ, которыя положительно извѣстны за каменные, но и всѣ построенныя князьями. О довольно значительномъ количествѣ этихъ послѣднихъ церквей въ лѣтописяхъ не говорится и не дается знать, изъ какого матеріала онѣ были—каменные или деревянные. Но на основаніи соображеній, которыя высказаны нами выше, весьма вѣроятно предполагать, что всѣ онѣ были именно каменные. Къ положительно извѣстнымъ и предполагаемымъ каменнымъ церквамъ, построеннымъ князьями, мы присоединяемъ составляющую исключеніе одну деревянную, именно — самую первую, построенную Владимиромъ, св. Василия, затѣмъ, чтобы списокъ извѣстныхъ княжескихъ церквей Кіева былъ совершенно полнымъ.

О церквахъ Кіева и удѣловъ, за исключеніемъ Новгорода, займемся извѣстія изъ первоначальной лѣтописи и ея домонгольскихъ продолженій, иначе—изъ лѣтописей Лаврентьевской и Ипатьевской, и тамъ, гдѣ не поставлено нами цитать, нужно смотрѣть эти лѣтописи (обѣ или которую-нибудь одну) подъ тѣми годами, къ которымъ относится построение церквей. Относительно Новгорода источникъ составляетъ древняя Новгородская или 1-я Новгородская лѣтопись.

Спискамъ церквей трехъ важнѣйшихъ городовъ домонгольской Руси—Кіева, Новгорода и Владимира предпосылаемъ топографическія замѣчанія о самыхъ городахъ.

1. Кіевъ и его область.

Кіевъ лежитъ на берегу Днѣпра, на правой, или, какъ въ старое время говорилось, на Польской его сторонѣ. Его мѣстность не представляетъ единообразной или ровной плоскости, но состоитъ изъ горъ и низ-

менностей. Въ настоящее время онъ расположенъ на двухъ горахъ—старый Кіевъ и Печерская часть и въ двухъ низменностяхъ—Подоль и Крещатикъ. Древній Кіевъ составляютъ: одна гора—нынѣшній старый Кіевъ и одна низменность—Подоль. Гора старокіевская представляетъ изъ себя такъ сказать земляной полуостровъ, а именно — возвышенную плоскость (надъ уровнемъ Днѣпра сажени на 40 — на 50, если не болѣе) ограниченную низменностями: съ юга поперечнымъ къ Днѣпру оврагомъ, отдѣляющимъ ее отъ другой плоской возвышенности, нынѣшней главною улицей города Крещатикомъ, отъ Печерской части; съ востока-сѣверо-востока начинающеюся отъ Днѣпровскаго устья сейчасъ поманутаго оврага и лежащею между отступающею отъ Днѣпра горой и этимъ послѣднимъ низменною плоскостью или равниною — Подоломъ. Доисторическій Кіевъ и первоначальный историческій (со времени Аскольда и Дира) находился на этой горѣ, занимая нѣкоторую ея часть, но потомъ былъ распространенъ по всей ей, а также спустился и на Подоль, вслѣдствіе чего на семъ послѣднемъ явилась другая половина города. По всей горѣ Кіевъ распространенъ Владимиромъ и Ярославомъ, а когда онъ спустился на Подоль, положительно неизвѣстно; но послѣ Ольги, при которой, по свидѣтельству лѣтописи (подъ 945 г.), „на подольи не сѣдяху людье, но на горѣ“, и болѣе или менѣе задолго до 1068 г., когда на Подоль является уже „торговище“ и когда слѣдовательно онъ уже былъ частью города болѣе или менѣе населенною и застроенною. Въ противоположность Подолу (по древнему Подолье) половина города, находившаяся на горѣ, получила названіе, какъ въ сейчасъ приведенномъ мѣстѣ лѣтописи, именно „Горы“. Относительно части горы, которую занималъ доисторическій и первоначальный историческій городъ въ тѣснѣйшемъ древнемъ смыслѣ этого слова, т. е. въ смыслѣ мѣста, обнесеннаго стѣнами, — крѣпости или кремля, обыкновенныя представленія совершенно ошибочны. Обыкновенно принимается, что первоначальный городъ „занималъ сѣверо-западную (— восточную?) часть старокіевской горы, составляющую такъ называемое Андреевское ея отдѣленіе“¹⁾, т. е. большую или меньшую мѣстность около нынѣшней Андреевской церкви. Но нынѣшняя Андреевская церковь находится въ 50 саженьяхъ²⁾ отъ Десятинной церкви (черезъ дорогу отъ нея), а эта послѣдняя была построена Владимиромъ внѣ города близъ загороднаго княжескаго теремнаго двора или дворца (загороднаго княжескаго дворца, который въ числѣ своихъ зданій имѣлъ каменный теремъ или башню). Если бы первоначальный городъ находился тамъ, гдѣ его полагаютъ, то загородный дворецъ приходился бы непосредственно за городской стѣной: но

¹⁾ *Фундукл.* Обзор., предисл. стр. 1.

²⁾ Бывъ въ Кіевѣ очень давно и не надѣясь на собственную память, мы указываемъ разстояніе по плану Кіева, снабженному масштабомъ, который приложенъ въ книгѣ Закревскаго: Лѣтопись и описаніе города Кіева.

какая цѣль и какой смысл строить загородный дворецъ тотчасъ же за городской стѣной? Этотъ загородный дворецъ былъ увеселительный лѣтній дворецъ, при которомъ находилась большая или меньшая роща (большій или меньшій паркъ) для ловли птицъ ¹⁾: это послѣднее обстоятельство совмѣстимо ли съ тѣмъ, чтобы дворецъ находился непосредственно за городомъ? Первоначальный городъ находился у „увоза“ или взвоза, т. е. взвѣзда, Боричева снизу на гору ²⁾. А увозъ Боричевъ шель на гору, какъ мы приводили свидѣтельства выше, не отъ Днѣпра, а изъ Крещатицкаго оврага ³⁾. Слѣдовательно—ясно, что первоначальный городъ находился въ мѣстности Михайловскаго монастыря и что, наоборотъ, мѣстность Андреевской и Десятинной церквей была довлдимирскимъ загородьемъ. Отъ 1745 года сохранился планъ Кіева, на которомъ означены валы его древняго „города“ или крѣпости, какъ должно думать, болѣе или менѣе сохранявшіеся до тѣхъ поръ ⁴⁾. По этимъ валамъ „городъ“ Кіева состоялъ изъ четырехъ особыхъ вмѣстѣ сомкнутыхъ или одинъ къ другому примкнутыхъ городовъ. Изъ сихъ четырехъ особыхъ городовъ — сѣверозападный, въ которомъ находится св. Софія, есть городъ Ярославовъ; юго-западный есть городъ новый, построенный по присоединеніи Малороссіи

¹⁾ Лѣтопись подъ 945 г. (по Ипатск. сп.): «И послаша Деревляне лучшіе мужи свои, числомъ 20, въ лодыи къ Ользѣ, и присташа подъ Боричевои въ лодыи. Бѣ бо тогда вода текущи возгѣ (Лавр.: «въздолѣ»—вдоль) горы Кіевскыя и на подолѣ не сѣдяху людье, но на горѣ; городъ же бяше Кіевъ, идѣже есть дворъ Гордятинъ и Никифоровъ, а дворъ княжь бяше въ городѣ, идѣже есть нынѣ дворъ Воротиславль и Чюдннъ, а перевѣсище бѣ внѣ города, и бѣ внѣ города дворъ теремный и другой, идѣже есть дворъ деместиковъ за святою Богородицею (Десятинною) надъ горою, бѣ бо ту теремъ камень». Перевѣсище—мѣсто, гдѣ перевѣшивались на деревьяхъ или на нарочно поставленныхъ колыяхъ сѣти для ловли птицъ.

²⁾ «Кій (построившій, по лѣтописцу, первоначальный городъ, остававшійся до Аскольда и Дира,—подъ 862 г.) сѣдяхе на горѣ, идѣже нынѣ увозъ Боричевъ»,—во введеніи, Лавр. лѣт. 2 изд. стр. 8, Ипатск. 2 изд. стр. 5.

³⁾ Словами, приведенными выше во второмъ примѣчаніи: «и присташа подъ Боричевои, бѣ бо тогда вода текущи»... лѣтописецъ хочетъ сказать: Деревляне пристали не на Днѣпрѣ у Подола или не въ Почайнѣ на Подолѣ потому, что тогда на Подолѣ еще не жили. А если пристали не на Днѣпрѣ и не въ Почайнѣ, значитъ въ Крещатицкомъ ручьѣ, къ которому слѣдовательно былъ Боричевъ спускъ (или отъ котораго Боричевъ взвѣздъ). А если Ольга приказываетъ послать императора Константинопольскаго сказать послѣднему: «аще ты также постонни у мене въ Почайнѣ, якоже азъ въ Суду», то это, вѣроятно, должно понимать такъ, что въ ручьѣ Крещатицкомъ останавливались только въ малыхъ судахъ, а не въ большихъ, на каковомъ бы прибылъ императоръ.

⁴⁾ Онъ у *Фундукл.* въ Обзор. между стрр. 24 и 25.

къ Москвѣ въ 1678 году ¹⁾). Относительно остальныхъ двухъ городовъ — юго-восточнаго, въ которомъ Михайловскій монастырь, и сѣверо-восточнаго, въ которомъ церкви Десятинная, Андреевская и Трехсвятительская, необходимо думать, что первый есть городъ первоначальный, доисторическій и историческій довладимировскій, а второй — построенный Владимиромъ. Первоначальный городъ лѣтописецъ называетъ „градкомъ“, давая знать, что онъ былъ сравнительно малъ ²⁾: это именно идетъ къ юго-восточному городу, въ которомъ Михайловскій монастырь. О построении новаго города Владимиромъ лѣтопись не говоритъ; но это построение необходимо предполагать. Онъ построилъ свою Десятинную церковь вѣдъ бывшаго до него города (по своему малому объему тѣснаго и не представлявшаго мѣста для большой церкви), близъ своего загороднаго дворца; онъ построилъ ее не въ качествѣ церкви домовою, такъ чтобы можно было представлять, что онъ поставилъ ее на дворѣ дворца, а въ качествѣ главной общественной: конечно, нельзя думать, чтобы онъ оставилъ ее на полѣ, и конечно необходимо думать, что обнесъ ее городомъ (примкнувъ послѣдній къ прежде бывшему) ³⁾.

Подоль или нижній городъ, подобно Горѣ или верхнему городу, неизвестно когда обнесенъ былъ своей стѣной, состоявшей изъ ограда изъ столбевъ, о которой упоминается подъ 1161 г. (Ипатск. лѣт., 2 изд. стр. 353 нач., Лаврент. лѣт. подъ 1202 г.). Мы уже говорили выше, что рѣчка Почайна, впадающая нынѣ въ Днѣпръ за Подоломъ, въ древнее и старое время до начала XVIII в. (Берлинск. стрр. 114 и 143) протекала черезъ весь Подоль; она впадала въ Днѣпръ, если вѣрить нѣкоторымъ показаніямъ, противъ Крещатицкаго оврага и въ одномъ мѣстѣ съ Крещатицкимъ ручьемъ. Крещатицъ или Крещатицкая улица, идущая по бывшему Крещатицкому оврагу, и Печерская сторона суть новыя части города (изъ коихъ первой еще вовсе нѣтъ на планѣ 1745 года). Крѣпость Печерскаго монастыря ведетъ свое начало отъ 1679 года, а ретраншементы, соединявшіе старый Кіевъ съ Печерскою крѣпостью по западному заго-

¹⁾ *Захрескаю* Лѣтопись и описаніе, стр. 152.

²⁾ Подъ 862 г.

³⁾ До Владимира Кіевъ—«градокъ»; при немъ, по свидѣтельству Титмара, *Chronic. Lib. VIII, c. 16*, онъ—*civitas magna, in qua habentur mercatus 8*: ясно, что Владимиръ значительно его расширилъ.—Въ лѣтописяхъ упоминается находившійся въ верхнемъ городѣ или на Горѣ мостъ (Лаврент. и Ипатск. подъ 1147 г., въ разсказѣ объ убіеніи Кіевлянами князя Игоря). Это значить, что въ верхнемъ городѣ былъ оврагъ, черезъ который былъ перекинутъ мостъ. Гдѣ полагать этотъ оврагъ, неизвестно (Если не избѣяетъ нашъ память, то по направленію отъ Андреевскаго взѣзда къ Михайловскому,—что мимо католическаго костела св. Александра,—спуску на Крещатицъ, какъ будто до сихъ поръ видны слѣды оврага: не здѣсь ли полагать мостъ?)

родью и доселѣ сохранившіеся только отчасти, время Миниховскихъ (1732—37 г., *Закревскій*, стр. 152).

Литература о Кіевѣ и его церковныхъ древностяхъ: 1. Краткое описаніе Кіева, содержащее историческій перечень сего города, также показаніе достопамятностей и древностей онаго. Собранное *Максимомъ Берлинскимъ*. Спб. 1820. 2. Обзорніе Кіева въ отношеніи къ древностямъ, изд. *И. Фундуклеемъ*. Кіевъ, 1847 (съ планами и фасадами церквей). 3. Лѣтопись и описаніе города Кіева. Составилъ *Н. Закревскій*. Москва, 1858 (Второе дополненное изданіе той же книги: Описаніе Кіева. Сочиненіе Николая Закревскаго. Вновь обработанное и значительно умноженное изданіе. М. 1868, въ двухъ томахъ.—Мы цитуемъ первое изданіе).

Церкви самаго Кіева:

Церковь св. Василя, построенная Владимиромъ въ честь своего ангела, или послѣ собственнаго крещенія или—что вѣроятнѣе—послѣ приступа къ общему крещенію народа (о чемъ выше), вообще самая первая церковь его строенія, поставлена была на холмѣ, близъ загороднаго теремнаго двора, о которомъ мы говорили выше, на томъ мѣстѣ, гдѣ стояли Перунъ и прочіе кумиры и гдѣ было общественное мольбище Кіевлянъ или главное изъ этихъ послѣднихъ; съ построенною послѣ Десятинною церковію она должна была находиться въ весьма близкомъ сосѣдствѣ съ запада или сѣверо-запада. Несомнѣнно была деревянная, хотя и не говорится объ этомъ совсѣмъ прямо (ибо, наоборотъ, непремѣнно прямо говорилось бы, если бы была каменная)¹⁾. Послѣ построенія нѣтъ объ ней въ лѣтописяхъ совершенно никакихъ дальнѣйшихъ упоминаній. Самое вѣроятное, что должно предполагать о ней, есть то, что, послѣ весьма недолгаго существованія, она сгорѣла въ пожаръ 1017 года, въ который выгорѣла Десятинная церковь. Видѣть нашу церковь въ сохранившейся до сихъ поръ въ Кіевѣ древней церкви Трехсвятительской (предполагая, что изъ деревянныхъ въ каменныя она превращена или самимъ Владимиромъ или кѣмъ-нибудь послѣ), какъ уже мы говорили выше, нѣтъ никакого основанія: наша церковь находилась въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ Десятинною, а нынѣшняя Трехсвятительская отстоитъ отъ нея почти на полверсты (и находилась на противоположномъ отъ нея концѣ Владимірова города, — въ юговосточномъ его углу отъ города первоначальнаго или Михайловскаго, тогда какъ Десятинная — въ сѣверозападномъ углу отъ города Ярославова или Софійскаго). Въ сохранившейся до

¹⁾ Говорится впрочемъ почти прямо: «и повелѣ (Владимиръ) рубити церкви и поставляти по мѣстоу, идѣже стояху кумиры, и постави церковь святаго Василя на холмѣ»..., лѣтоп. подъ 988 г.

сихъ поръ Трехсвятительской церкви самое вѣроятное видѣть Васильевскую церковь Рюрика Ростиславича, о которой см. ниже подъ № 20.

2. Десятинная церковь Богородицы. Обстоятельно о ней см. выше, стр. 95.

3. Св. Софія Ярославова. См. также выше, стр. 99 fn..

4. Церковь Благовѣщенія, построенная Ярославомъ на однихъ изъ воротъ имъ же самимъ построеннаго новаго города, именно главныхъ, названныхъ Золотыми.

5. Монастырь Георгіевскій ¹⁾, построенный имъ же, въ честь своего ангела.

6. Монастырь Ирининскій, построенный имъ же, въ честь ангела своей жены.

О постройкѣ всѣхъ трехъ церквей, какъ и Софіи, лѣтопись говоритъ неопредѣленно, не указывая ни начала ни конца строенія, подъ 1037 г. Всѣ три церкви разрушены въ нашествіе Монголовъ или можетъ быть разрушились въ наставшее затѣмъ совершенное запустѣніе Кіева. На мѣстѣ Георгіевской церкви въ 1744 г. импер. Елизаветой Петровной построена новая до настоящаго времени существующая (*Фундука.*, стр. 48). Золотыхъ воротъ (но не бывшей на нихъ церкви) церкви остаются нѣкоторыя развалины, а что касается до Ирининской церкви, то тутъ — вопросъ. Въ 1833 г. не подалеку отъ Софійскаго собора открыты изъ-подъ насыпи остатки какой-то церкви: эти остатки, по соображенію мѣстности, и приняты за остатки церкви Ирининской. Но о монастырѣ Ирининскомъ вѣроятнѣе думать, что онъ находился въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ Георгіевскимъ, а развалины нашей церкви находятся отъ него довольно далеко; между тѣмъ близъ св. Софіи могъ находиться не одинъ монастырь Ирининскій, но и всѣ тѣ каменные церкви, которыя находились въ верхнемъ городѣ и мѣстность которыхъ остается неизвѣстною (Монастыря Андреевскаго Яччина, монастыря Θεодоровскаго Вотча, Богородицы Пирогошей. Рисунокъ развалинъ Золотыхъ воротъ и планъ остатковъ церкви, принимаемой за Ирининскую, — у Фундуклея).

7. Монастырь Дмитріевскій, построенный Изяславомъ Ярославичемъ въ честь своего ангела, вскорѣ послѣ смерти отца, до 1062 г. (ибо первый его игуменъ Варлаамъ взятъ изъ Печерскаго монастыря въ семь году, — Несторово житіе преп. Θεодосія). Сынъ Изяславъ Ярополкъ († 1085 г.) построилъ въ монастырѣ другую церковь — св. Петра, которая прямо называется каменною (лѣтоп. подъ 1086 г.). Съ давняго времени не суще-

¹⁾ Т. е. церковь въ монастырѣ, какъ и далѣе, причежь, если нѣтъ прямой оговорки, всегда должно разумѣть одну церковь (а не многія). Употребляемъ выраженіе: монастырь такой-то вмѣсто: церковь монастыря такого-то для того, чтобы вмѣстѣ съ строителемъ церкви обозначить и строителя монастыря, который при употребленіи втораго выраженія оставался бы неизвѣстнымъ.

ствуетъ и гдѣ находился, остается неизвѣстнымъ. Одни полагаютъ его близъ Печерскаго монастыря, другіе близъ Златоверхаго Михайловскаго; гораздо вѣроятнѣе и имѣть за себя нѣкоторыя прямыя свидѣтельства послѣднее мнѣніе (Берлинск., стр. 89, — „Дмитріевскій взвозъ“ и „Дмитріевская лукомъ“, причемъ и дѣло можетъ быть представляемо такъ, что Святополкъ Изяславичъ, построившій Михайловскій монастырь, включилъ монастырь отца въ ограду своего монастыря или иначе распространилъ и перестроилъ его и далъ ему новое имя (хотя въ одномъ сказаніи Патерика Печерскаго, именно о Лаврентіи затворникѣ, Дмитріевскій монастырь и представляется самостоятельнымъ монастыремъ). А что касается до находившейся близъ Печерскаго монастыря церкви Димитрія, которую въ 1128 г., съ грѣхомъ великимъ и неправо преяли Печеряне, нарекли вѣ Петра Лаврент. лѣт. подъ симъ годомъ: то она была церковь, а не монастырь).

8. Монастырь Николаевскій женскій, построенный супругою Изяслава и извѣстный тѣмъ, что въ немъ приняла монашеское постриженіе мать преп. Θεодосія Печерскаго (Несторово житіе преп. Θεодосія). Гдѣ находился, неизвѣстно и есть ли одинъ и тотъ же съ позднѣйшимъ и нынѣшнимъ Пустынно-Николаевскимъ монастыремъ, находящимся въ Печерской части города, въ разстояніи около одной версты отъ Печерскаго монастыря ближе къ городу, это составляетъ вовсе нерѣшенный вопросъ, хотя обыкновенно и принимается за фактъ несомнѣнный (Первоначальнымъ мѣстомъ Николаевскаго монастыря считается Аскольдова могила; но на Аскольдовой могилѣ во времена лѣтописца, слѣдовательно много спустя времени послѣ Изяслава Ярославича, не было монастыря, а была домовая церковь св. Николая нѣкоего Ольмы, на дворѣ котораго находилась помянутая могила,—подъ 882 г.).

9. Монастырь Симеоновскій, построенный Святославомъ Ярославичемъ († 1075 г.), неизвѣстно въ какомъ году, также вѣроятно въ честь своего ангела. Находился въ Копыревомъ концѣ города, который составлялъ край Подола отъ Вышгорода, т. е. съ сѣвера (Ипатск. лѣт. подъ 1147, 1150 и 1162 гг., 2 изд. стрр. 250 нач., 283 sub fin. и 354 fin.: о Копыревѣ концѣ она же подъ 1140 г. нач. и Лавр. лѣт. подъ 1102 г.). По словамъ Кальнофойскаго, въ его время—въ первой половинѣ XVII вѣка церковь св. Симеона (какая-то) стояла (гдѣ-то) надъ самымъ Подоломъ (у *Захревск.* стр. 146 нач., сгг *Берлинск.* 72, который на основаніи Патерика Коссова разумѣетъ, кажется, ту же церковь, что и Кальнофойскій, но указываетъ ея мѣстоположеніе не согласно съ показаніями лѣтописей о Святославовомъ монастырѣ).

10. Монастырь Михайловскій Выдубицкій (собственно—Выдыбицкій), построенный Всеволодомъ Ярославичемъ и существующій до настоящаго времени. Находится внѣ города, въ двухъ верстахъ отъ Печерскаго монастыря внизъ по Днѣпру, на самомъ берегу этого послѣдняго. Цер-

ковь, заложенная въ 1070 г. и освященная въ 1088 г., также существуетъ до настоящаго времени, но далеко не въ своемъ древнемъ видѣ (восточная половина церкви, подмытая и разрушенная наводненіемъ Днѣпра, бывшимъ въ недавнее время, складена вновь,—*Берлинск.* стр. 51, а затѣмъ и вся она по возможности передѣлана на позднѣйшій ладъ,—планъ и фасадъ у *Фундука.*)¹⁾.

11. Монастырь Печерскій. Объ его каменной церкви, строенной почти одновременно съ Выдубицкою, въ продолженіе 1073—1089 годовъ, и до половины разрушенной въ нашествіе Монголовъ, см. выше стр. 106.

12. Монастырь Андреевскій Ячнинъ, женскій, построенный Всеволодомъ Ярославичемъ для его дочери Анны или Янки, которая дѣвою приняла монашество. Церковь заложена въ 1086 г. (объ освященіи въ Ипатской лѣтописи говорится подъ 1131 г., но тутъ, по всей вѣроятности, должно разумѣть не первоначальное, а новое послѣ поправокъ вслѣдствіе пожара, обветшанія или просто сдѣланныхъ съ цѣлю улучшенія). Съ давняго времени монастырь не существуетъ и гдѣ находился, неизвѣстно (Основанія, по которымъ Берлинскій полагаетъ его близъ Десятинной церкви, стр. 69, вовсе неосновательны).

13. Монастырь Михайловскій Златоверхій, построенный Святополкомъ Изяславичемъ и существующій до настоящаго времени (на краю горы старокіевской къ устью Крещатика въ Днѣпръ). Церковь, заложенная въ 1108 г. и неизвѣстно когда оконченная (строитель † 1114 г.)—также существуетъ до настоящаго времени, но безъ древнихъ куполовъ, которые разрушены въ нашествіе Монголовъ или обрушились послѣ, и съ позднѣйшими пристройками (еще см. о ней выше; планъ и фасадъ ея у *Фундука.*, а одинъ планъ у *Толст.* и *Кондак.* въ IV вып. Русскихъ древностей).

14. Монастырь Богородицкій Кловскій или на Кловѣ, построенный бывшимъ игуменомъ Печерскаго монастыря, преемникомъ преп. Феодосія, послѣ епископомъ Владимирскимъ, Стефаномъ, отъ имени строителя называемый еще въ лѣтописяхъ Стефанечъ, а имъ самимъ названный Влахерной по имени Влахерны Константинопольской (Несторово житіе преп. Феодосія, конецъ). Монастырь упоминается подъ 1096 г., а церковь, неизвѣстно когда заложенная, окончена въ 1108 г.. Монастырь въ на-

¹⁾ Названіе урочища, на которомъ былъ построенъ монастырь,—Выдыбичи позднѣйшее преданіе производитъ отъ того, что противъ него присталъ къ берегу Днѣпра идолъ Перуна, брошенный Владимирою въ рѣву, такъ какъ присемъ язычники кричали ему: «выдыбай (выплывай) нашъ боже». На самомъ дѣлѣ названіе, вѣроятно, происходитъ отъ того, что тутъ былъ перевозъ черезъ Днѣпръ и что перевозныя пристани назывались въ древности выдыбичами (выдыбать, выплывать, приставать къ берегу).

стоящее время не существует, бывъ разрушенъ въ нашествіе Монголовъ или послѣ. Онъ находился по древнему за городомъ въ полѣ, а по нынѣшнему въ Печерской части города на западной окраинѣ. Въ настоящее время на его мѣстѣ находится 1-я городская гимназія, смѣнившая бывший тутъ послѣ монастыря Кловскій дворецъ Печерскаго монастыря.

15. Церковь св. Іоанна, заложенная въ 1121 г., въ правленіе вел. князя Владимира Всеволодовича Мономаха, не сказано—кѣмъ (Ипатск. лѣтоп.), но по всей вѣроятности — имъ самимъ ¹⁾, въ Копыревомъ концѣ, о которомъ мы говорили выше (№ 9),—съ давняго времени не существующая.

16. Монастырь Ѳедоровскій (у позднѣйшихъ съ прозваніемъ Вотчь или Отчь, т. е. отчій по отношенію къ потомкамъ здателя), построенный Мстиславомъ Владимировичемъ въ честь своего ангела. Церковь заложена въ 1128 г... Съ давняго времени не существуетъ и относительно мѣстоположенія можно сказать только то, что находился въ самомъ городѣ, и не на Подолѣ, а на Горѣ (и именно за мостомъ отъ св. Софіи по направленію къ Десятинной церкви и Михайловскому монастырю,—Лаврент. и Ипатск. лѣтоп. подъ 1147 г.).

17. Церковь Богородицы Пирогощей или Пирогощяя, заложенная тѣмъ же Мстиславомъ Владимировичемъ въ 1131 г. (Лавр. лѣт.) и оконченная въ 1136 г. (Ипатск. лѣт.). Она построена была въ честь иконы или въ ней поставлена была икона Божіей Матери, которая или дала ей или получила отъ нея названіе Пирогощей и которая принесена была изъ Царяграда въ одномъ кораблѣ съ Владимирскою иконой Божіей Матери (Карамз. II, прим. 383). Въ Словѣ о полку Игоревомъ о ней читается: „вѣются голоса черезъ море до Кіева, Игорь ѣдетъ по Боричеву къ святой Богородицы Пирогощей“. Слѣдовательно, она находилась на Горѣ или въ верхнемъ городѣ.

18. Монастырь Кирилловскій, построенный въ неизвѣстномъ году вел. кн. Всеволодомъ Олеговичемъ, внукомъ Святослава (1138—1146, Лаврент. лѣт. подъ 1195 и Ипатск. подъ 1194 г.). Находился на урочищѣ Дорогожичи или Дорожичи (Ипатск. 1171 нач.), составлявшемъ часть поля Кіевскаго съ западной стороны (подъ 1179 г. въ Ипатской лѣтописи читается: „того же лѣта преставися княгиня Всеволожая, пріемъши на ся чернеческую скиму и положена бысть въ Кіевѣ у святаго Кюрила, юже бѣ сама создала“. Тутъ должна быть разумѣема не жена внука нашего Всеволода, также по имени Всеволода, которая въ этомъ году приведена была изъ Польши, о чемъ тутъ же непосредственно ниже, а вдова самаго нашего Всеволода. Она создала монастырь св. Кирилла въ томъ

¹⁾ Въ лѣтописи записано: «тогоже лѣта заложи церкви святаго Івана»... т. е. вѣроятно пропущены слова: великій князь, Владимиръ Всеволодовичъ и пр.

смыслѣ, что докончила его созиданіе послѣ смерти мужа). До 1786 г. существовалъ въ Кіевѣ Кирилловскій монастырь, зданіе и мѣсто котораго занимаютъ теперь богоугодными заведеніями и домомъ для умалишенныхъ (*Берлинск.* стр. 116 и *Закревск.* стр. 130). Этотъ бывшій монастырь, отъ котораго до настоящаго времени сохранилась церковь, считается за нашъ Кирилловскій. Но онъ находился на концѣ Подола и его мѣстоположеніе не сходится съ нашимъ (мѣсто Дорогожичи, полъ которыми находился нашъ монастырь, точно неизвѣстно, но несомнѣнно, что онѣ были не на Подолѣ, а съ запада, лѣт. подъ 980 г.,—мѣсто стоянки Владимира, который въ свое время не могъ стоять на Подолѣ и осаждать Кіева со стороны сего послѣдняго).

19. Церковь св. Василя, построенная Святославомъ Всеволодовичемъ, сыномъ предыдущаго, въ 1183 г., на Велицѣмъ дворѣ (Ипатск. лѣт.), т. е. при главномъ великокняжескомъ дворцѣ въ Кіевѣ, который былъ Ярославовъ (*ibid.* 1150 г., 2 изд. стр. 288 нп.: „на Велицѣмъ дворѣ на Ярославли“) и который, какъ необходимо предполагать, находился близъ св. Софіи.

20. Церковь св. Василя, построенная вел. кн. Рюрикомъ Ростиславичемъ въ честь своего ангела, въ 1197 г. на Новомъ дворѣ (Ипатск. лѣт.). Гдѣ находился Новый дворъ, къ сожалѣнію, не знаемъ; но со всею вѣроятностію предполагаемъ, что нынѣшняя Трехсвятительская церковь, переименованная изъ Васильевской въ позднѣйшее время, именно представляетъ собою остатки церкви, построенной Рюрикомъ Ростиславичемъ (княжескій дворецъ, бывшій подъ Угорскимъ, Лаврент. и Ипатск. лѣтт. подъ 1151 г. нп., не называется новымъ).

Которая-то изъ двухъ церквей Васильевскихъ въ 1231 г. была монастыремъ (Лаврент. лѣт.).

21. Спасскій монастырь на Берестовомъ, находившійся недалеко отъ Печерскаго монастыря, ближе къ городу. Въ первый разъ упоминается подъ 1072 г., именно называется его игумень Германъ. Въ 1096 г. Половцы, сдѣлавшіе набѣгъ на Кіевъ, выжгли въ окрестностяхъ Печерскаго монастыря—по чтенію Лаврентьевской лѣтописи: „Стефановъ монастырь и деревнѣ (т. е. деревни) и Германы“ (въ печатномъ неправильно: „и деревнѣ Германы“), по чтенію Ипатской лѣтописи: „монастырь Стефанечъ, деревнѣ и Германечъ“. Подъ Германы и Германечъ, очевидно, должно разумѣть монастырь Германовъ, какъ подъ монастыремъ Стефанечемъ—монастырь Стефановъ (Кловскій, № 14). Весьма вѣроятно полагать, что тутъ разумѣется Германъ вышеупомянутый и что именно онъ былъ основателемъ монастыря. За послѣдующее время монастырь является принадлежащимъ дому Мономаховичей (въ 1138 г. въ немъ погребена дочь Владимира Мономаха Евемія, затѣмъ сынъ—Юрій Долгорукій и сынъ сего послѣдняго Глѣбъ; въ 1185 г. вел. кн. Всеволодъ взялъ его игумена Луку въ епископы Ростовскіе). Кто нибудь изъ Мономаховичей, всего вѣроят-

нѣе—Юрій Долгорукій, и построилъ въ монастырѣ ту каменную церковь, которая въ позднѣйшей перестройкѣ существуетъ до настоящаго времени (о ней выше стр. 81).

22. Подъ 1147 г. упоминается въ лѣтописяхъ церковь св. Михаила, „Новгородская божница“, находившаяся въ Подолѣ, на его торговщѣ или торгу, т. е. церковь св. Михаила, составлявшая моленіе корпораціи или цеха Новгородскихъ купцовъ и ими построенная. Весьма вѣроятно предполагать, что эта церковь была каменная, а не деревянная. (О невѣроятности извѣстія Никоновской лѣтописи, чтобы въ 1008 году митр. Іоаннъ I поставилъ въ Кіевѣ каменную церковь святыхъ апостоловъ Петра и Павла,—I, 112, мы говорили выше,—стр. 6).

Сейчасъ перечисленныя церкви Кіева въ алфавитномъ порядкѣ (на случай справокъ): Андреевскаго монастыря № 12, Берестовскаго м. № 21, Благовѣщенія на воротахъ № 4, Богородицы Десятинной № 2, Богородицы Кловской № 14, Богородицы Пирогощей № 17, Васильевская №№ 1, 19 и 20, Георгіевскаго м. № 5, Германеча м. № 21, Десятинная № 2, Дмитріевскаго м. № 7, Ирнинскаго м. № 6, Іоанновская № 15, Кирилловскаго м. № 18, Кловскаго м. № 14, Михайловскаго Выдубицкаго м. № 10, Михайловскаго Златоверхаго м. № 13, Михайловская № 22, Печерскаго м. № 11, Петровская № 7, Пирогощей Богородицы № 17, Спасскаго м. № 21, Симеоновскаго м. № 9, Стефанеча м. № 14, Трехсвятительская №№ 1 и 19, Феодоровскаго м. № 16.

Въ области Кіевской каменные церкви находились:

23. Въ Вышгородѣ въ честь мучениковъ Бориса и Глѣба, построенная Святославичами и Всеволодовичами, которая, неизвѣстно когда бывъ начата, освящена въ 1115 году. Не существуетъ.

24. Въ Каневѣ въ честь св. Георгія, построенная, по всей вѣроятности, съ назначеніемъ быть каедральною епископа Юрьевскаго, вел. кн. Всеволодомъ Олеговичемъ въ 1144 г. Не существуетъ.

25. Въ Бѣлгородѣ каедральная епископская церковь въ честь свв. апостоловъ, построенная кн. Рюрикомъ Ростиславичемъ въ 1197 г. (Ипат. лѣт.). Не существуетъ.

2. П е р е с л а в л ь.

1. Каедральный соборъ архангела Михаила. Первый каменный построенъ былъ епископомъ Ефремомъ,—освященъ въ 1089 г.; послѣ непродолжительнаго стоянія упалъ въ 1123 г. (по Ипатск. въ 1124). Второй, неизвѣстно кѣмъ построенный, полуразрушился въ 1230 г. отъ землетрясенія, а окончательно разрушенъ былъ, вѣроятно, при взятіи города Монголами въ 1239 г., когда городъ былъ выжженъ (Ипатск. лѣт. подъ 1237 г. говорить о разрушеніи церкви Монголами положи-

тельно). Нынѣшній на ихъ мѣстѣ конца XVII вѣка (*Арандаренко*, III, 422).

2. Церковь св. Феодора, бывшая на воротахъ или города, т. е. городской крѣпости, или ограды соборной.

3. Церковь св. Андрея, бывшая „у церкви у воротъ“ (такъ Ипатск., въ Лаврент.: „у церкви отъ воротъ“), т. е., кажется, у церкви предшествующей. Обѣ построены вышеупомянутымъ епископомъ Ефремомъ и упоминаются подъ 1089 (Ипат. 1090) г. Давно, вѣроятно—отъ нашествія Монголовъ, не существуютъ.

4. Церковь Богородицы на княземъ дворѣ, заложенная Владимиромъ Мономахомъ въ 1098 г. (Ипат. л.). Не существуетъ.

Въ 1072 г. упоминается въ Переяславлѣ монастырь Іоанновскій, который, по всей вѣроятности, былъ княжимъ. На семъ основаніи весьма вѣроятно предполагать въ немъ каменную церковь. Въ настоящее время монастырь не существуетъ и остается вовсе неизвѣстнымъ и его бывшее мѣсто (*Арандаренко* III, 373. О невѣроятности извѣстія Никоновской лѣтописи, чтобы въ 1008-мъ году митр. Іоаннъ I поставилъ въ Переяславлѣ каменную церковь Воздвиженія честнаго креста,—I, 112, мы говорили выше,—стр. 6).

5. Церковь Бориса и Глѣба на Альтѣ (или Лтьѣ, отсюда Летская, Лятская, Лядская божница), на мѣстѣ убіенія Бориса, въ 3 верстахъ отъ города. Заложена Владимиромъ Мономахомъ въ 1117 г. и окончена прежде его смерти, случившейся въ 1125 году. По словамъ лѣтописца, была прекрасная, созданная тщаніемъ многимъ (Лаврент. лѣт. подъ 1125 г.). Давно не существуетъ.

6. Въ области Переяславской извѣстенъ одинъ городъ, имѣвшій каменную церковь, именно Городецъ или Городокъ, находившійся насупротивъ Кіева, на этой сторонѣ Днѣпра. Въ 1152 г. въ немъ сожжена была каменная церковь св. Михаила, имѣвшая деревянный верхъ (Ипатск. лѣт. подъ симъ годомъ нач.; о принадлежности города къ Переяславлю тутъ же и *ibid.* 2 изд. стр. 314 и Лаврент. лѣт. подъ 1151 г., 2 изд. стр. 318 sqq).

О позднѣйшемъ и нынѣшнемъ церковномъ Переяславлѣ см. въ Запискахъ о Полтавской губерніи II. *Арандаренко*. Часть III, Полтава, 1855, стр. 364 sqq.

3. Черниговъ (съ Рязанью и Муромомъ).

1. Спасскій кафедральный соборъ, существующій до настоящаго времени. Заложень Мстиславомъ Владимировичемъ (Тмутараканскимъ), вѣроятно, въ 1036 г. и остался послѣ его смерти, случившейся въ томъ же 1036 г., складеннымъ на столько, „яко на кони стояще рукою досящи“. Кѣмъ и когда окончень, неизвѣстно; со всею вѣроятностью полагаютъ,

что не Ярославомъ, который, бывъ занятъ своими Кіевскими постройками (начатыми именно послѣ смерти Мстислава), едва ли имѣлъ время и охоту заботиться о соборѣ Черниговскомъ, а его сыномъ Святославомъ, котораго онъ оставилъ удѣльнымъ княземъ Черниговскимъ и который скончался въ 1075 году. Послѣ сожженія Чернигова Монголами (Ипатск. лѣт.) соборъ оставался безъ возобновленія до 1675 года; въ этомъ послѣднемъ году онъ былъ нѣсколько поправленъ отъ усердія одного частнаго лица; но въ случившійся пожаръ 1750 г. онъ столько потерялъ, что упали его купола и бывшая при немъ башня (о которой мы говорили выше, — на мѣстѣ называвшаяся и называемая теремомъ) обвалилась до половины. Послѣ сего онъ былъ окончательно возобновленъ правительствомъ, съ значительной передѣлкой на новое, въ 1790—98 г. (при этомъ обвалившаяся башня надстроена, получивъ весьма некрасивый конусообразный верхъ, а въ параллель къ ней на другомъ углу собора построена другая, одной съ нею формы, башня). См. статью *М. Маркова*: „О достопамятностяхъ Чернигова“, помѣщенную въ Чтеніяхъ Общ. Ист. и Древн., годъ третій (1847), № 1, Смѣсь, стр. 15, и статью неизвѣстнаго: „Черниговъ“, помѣщенную въ Черниговскихъ Епархіальныхъ Извѣстіяхъ 1863 г., также у *пресвящ. Макарія* въ Ист. Р. Ц., т. I, 2 изд. стр. 61, и у *А. Раткина* въ Полномъ собраніи историческихъ свѣдѣній о монастыряхъ и церквяхъ, стр. 544. Плана собора мы не имѣемъ и заключаемъ объ его не особенно большой величинѣ потому, что вышина главнаго купола, которыхъ теперь 5, отъ пола 15 сажень (Марк.); его нынѣшній фасадъ см. въ изданіи *г-р. Строганова*: Русское искусство Е. Виолле-ле-Дюкъ и архитектура въ Россіи съ X по XVIII вѣкъ, Спб. 1878, и изъ одного съ нимъ источника въ Словарѣ Мюллера-Мотеса Fig. 1166.

2. Церковь Благовѣщенія, она же и св. Михаила, на княжемъ дворѣ, построенная княземъ Святославомъ Всеволодовичемъ (внукомъ Олега, правнукомъ Святослава),—заложена въ 1174 г., освящена въ 1186 г. (Ипатск. лѣтоп., сгг Лавр. подъ 1227 г. fin).

Къ этимъ двумъ церквямъ съ нѣкоторою вѣроятностію можетъ быть присоединяема третья, мучениковъ Бориса и Глѣба, въ позднѣйшее время монастырь (Лаврент. лѣт. подъ 1231 г.), построенная кн. Давидомъ Святославичемъ († 1123 г., отцомъ Святоши, Ипатск. лѣт. подъ 1162 г., 2 изд. стр. 355 нач.).

Во всей области Черниговской неизвѣстно положительнымъ образомъ ни одной каменной церкви; но могутъ быть предполагаемы таковыми двѣ, именно:

Во-первыхъ, не называемая по имени церковь въ Муромѣ, которую создалъ князь Муромскій Юрій Ярославичъ, умершій въ 1174 г.. Выращеніе лѣтописи „создалъ“, а не поставилъ или срубилъ (Лаврентьевской подъ симъ 1174 г.), располагаетъ болѣе думать о каменной, чѣмъ о деревянной церкви, и хотя Муромъ былъ столицей удѣла самаго послѣдняго

и такъ сказать самаго убогаго, однако одна каменная церковь есть дѣло не невозможное. Вѣроятно, наша не названная по имени церковь есть та церковь Рождества Богородицы, которая послѣ является Муромской соборной (житіе Петра и Февроніи).

Во-вторыхъ, церковь мучениковъ Бориса и Глѣба въ Рязани (старой, см. въ первой половинѣ тома стр. 696), упоминаемая подъ 1195 г. и бывшая кафедральною епископскою. Положительныхъ основаній и указаній считать эту послѣднюю церковь каменною нѣтъ совершенно никакихъ; но мы расположены думать это потому, что она была кафедральною епископскою. Правда, мы знаемъ другую кафедру, которая вѣроятно оставалась при деревянной церкви во все продолженіе періода домонгольскаго,—Туровъ. Но не особенно блистательная въ ряду удѣловъ Рязань представляла изъ себя удѣлъ не захудалый и упавшій, какъ Туровъ, а напротивъ удѣлъ, стремившійся къ занятію лучшаго положенія. Слѣдовательно, здѣсь вѣроятнѣе предполагать не то, что махнули рукой на такія заботы, какъ построеніе каменныхъ церквей, а противоположное.

4. Владимиръ Волынкій.

Единственная положительно извѣстная каменная церковь есть кафедральная церковь Богородицы, построенная княземъ Изяславомъ Мстиславичемъ (Карамз. III, прим. 3) до 1160 г., въ которомъ росписана (Никон. лѣт. II, 189). Съ позднѣйшими пристройками уніатовъ, во владѣніи которыхъ она находилась, и съ обвалившимися куполами существуетъ до настоящаго времени въ видѣ брошенной руины. См. о ней и видѣ ея остатки въ Памятникахъ старины въ западныхъ губерніяхъ имперіи, выпускъ I, Спб. 1868 г.

Вблизи Владимира находился монастырь, называвшійся Святая гора, основанный не позднѣе половины XI вѣка (Несторово житіе преп. Феодосія, по изд. Бодянскаго л. 13 об. нач.) и если не съ самаго начала бывшій, то впоследствии ставшій, какъ кажется, монастыремъ княжескимъ (Ипатск. лѣт. подъ 1223 г.). Какъ въ таковомъ, весьма вѣроятно предполагать въ немъ каменную церковь (По „Шематизму“ уніатскихъ монастырей, напечатанному въ Львовѣ, въ 1867 г., стр. 111, монастырь Святая гора подъ именемъ Загорова существуетъ до настоящаго времени).

Изъ городовъ Владимирской области знаемъ каменную церковь только въ одномъ, именно Городенѣ, что въ настоящее время мѣстечко Минской губерніи, Пинскаго уѣзда, Городная или Городно, о которомъ въ Ипатской лѣтописи подъ 1183 г. (2 изд. стр. 428) читается: „того же лѣта Городенѣ погорѣ весь и церкви каменная, отъ блистанія молніи и шибенія грома“.

Въ городѣ Мельникѣ, находившемся (а въ видѣ мѣстечка и доселѣ находящемся) на Западномъ Бугѣ между Брестъ-Литовскомъ и Дрогичи-

нымъ (вверхъ отъ перваго, сѣг Ипатск. лѣт. подъ 1288 г., 2 изд. стр. 599 fin.), вскорѣ послѣ нашествія Монголовъ упоминается икона Спаса Избавника, находившаяся въ церкви Богородицы и пользовавшаяся въ своей области особенной славой, бывшая „въ велицѣ чести“ (Ипатск. лѣт. подъ 1260 г., 2 изд. стр. 560). Можно думать, что для чтимой иконы былъ воздвигнутъ каменный храмъ.

Подобно Мельницкому Спасу упоминается еще Никола Жидичинскій находившійся недалеко на сѣверъ отъ Луцка на р. Стыри (мѣстечко Жидичинъ и доселѣ есть, сѣг Карамз. VI, прим. 629, стр. 101), къ которому князья ѣздили кланяться и молиться (Ипатск. лѣт. подъ 1227 г. нач.).

(Еще упоминается въ Ипатской лѣтописи подъ 1268 г., 2 изд. стр. 573, находившійся въ самомъ Владимирѣ монастырь св. Михаила великаго. Названіе св. Михаила великимъ, повторяемое дважды, какъ будто заставляетъ предполагать, что монастырь былъ особенно важный. Но никакихъ свѣдѣній о немъ пока мы не имѣемъ).

Б. Г а л и ч ѣ.

Въ области Галицкой лѣтописи не называютъ прямо каменную ни одной церкви за весь періодъ домонгольской. Но со всею вѣроятностію должны быть считаемы таковыми:

1. Церковь св. Іоанна Предтечи въ Перемышлѣ, о которой вовсе не упоминаютъ наши лѣтописи, но которую, по словамъ Длугоша, основалъ второй князь области Володаръ Ростиславичъ († 1124 г.) и которая, какъ нужно думать, была потомъ кафедральною епископовъ Перемышльскихъ (см. выше объ епархіяхъ въ приложеніи къ главѣ объ управленіи). Длугошъ пишетъ: *Wolodor Praemisliensis dux moritur et in ecclesia S. Iohannis, quam ipse fundaverat, Praemisliae sepelitur* (Lib. IV, изд. 1711 г. р. 425): *fundaverat*—основалъ заставляетъ предполагать каменную, а не деревянную церковь.

2. Церковь Божіей Матери въ Галичѣ, бывшая кафедральною епископскою. Въ 1219 г. Венгры, владѣвшіе Галичемъ, отбиваясь отъ осады, создали на этой церкви градъ или батареи (Ипат. лѣт. подъ симъ годомъ); если не совсѣмъ, то почти совсѣмъ очевидно, что должна быть разумѣема церковь каменная, а не деревянная, ибо послѣдняя едва ли бы была въ состояніи выдержать тяжесть града.

Б. Т у р о в ѣ.

Во всей области Туровской, составлявшей удѣлъ потомковъ старшаго сына Ярославова Изяслава и такимъ образомъ бывшей удѣломъ старѣйшимъ, не упоминается ни одной каменной церкви. Совершенно молчатъ лѣтописи и о самой церкви кафедральной епископской.

Весьма возможно, что и на самомъ дѣлѣ въ области не было ни одной каменной церкви во все продолженіе періода домонгольскаго и что самая каедральная церковь въ продолженіе всего его оставалась деревянною. Туровскіе Изяславичи, послѣ смерти сына Изяславова Святополка, занимавшаго престолъ великокняжескій съ 1093 по 1114 годъ, совершенно утратили всякое значеніе и совсѣмъ захудали, такъ что въ послѣдующее время вовсе не видимъ никакого ихъ участія въ общихъ дѣлахъ Руси, какъ будто они были выдѣлены изъ нея и перестали для нея существовать. Совершенно вѣроятно и возможно, что захудалые князья, не игравшіе среди другихъ князей никакой роли и такъ сказать устраненные въ деревенскую жизнь помѣщиковъ, вовсе не заботились о томъ, чтобы благоуукрашать свои владѣнія каменными церквами. Нѣтъ ничего невѣроятнаго и невозможнаго и въ томъ, что и самая даже каедральная церковь епископская во все продолженіе періода оставалась деревянною. Не совсѣмъ понятно, что не построилъ каменной каедральной церкви самъ помянутый Святополкъ Изяславичъ. Но это можетъ объясняться тѣмъ, что всѣ его заботы и всѣ его средства были посвящены построенію Кіевскаго Михайловско-Златоверхаго монастыря, который въ числѣ другихъ монастырей дѣйствительно представлялъ собою монастырь великолѣпный.

О нынѣшнемъ мѣстечкѣ Туровѣ въ отношеніи къ церквамъ, которыхъ въ немъ четыре (двѣ приходскихъ, одна приписная и одна кладбищенская), и которыя всѣ новаго строенія, см. въ Историко-статистическомъ описаніи Минской епархіи *архим. Николая*. Спб. 1864, стр. 275.

7. П о л о ц к ѣ .

1. Каедральная церковь св. Софіи. Въ житіи преп. Евфросинія Полодкой читается, что она нѣкоторое время подвизалась „въ голбцѣ каменнѣ“ этой церкви (Памятн. старинн. Русск. литер. *Кушелева-Безбородко* IV, 174), т. е. въ ея нижнемъ этажѣ или подвалѣ, о каковыхъ подвалахъ у церкви скажемъ нѣсколько ниже. Это свидѣтельство не особенно опредѣленно и можетъ быть понимаемо и такимъ образомъ, что голбець и фундаментъ были каменные, а самая церковь деревянная. Вѣроятнѣйшимъ однако представляется намъ думать, что вся церковь была именно каменная. Строеніе каменной церкви можетъ быть усвоено знаменитому Всеславу Брячиславичу († 1101), заботливость котораго о своихъ церквахъ косвенно подтверждается тѣмъ, что онъ грабилъ чужія (Новгородскій Софійскій соборъ).

2 и 3. Двѣ церкви Спаса и Богородицы въ двухъ монастыряхъ, женскомъ и мужскомъ, созданныхъ въ одномъ мѣстѣ преп. Евфросиніей († во второй половинѣ XII в., послѣ 1156 г.) и находившихся за городомъ, на мѣстѣ епископскаго сельца (*ibid.* стр. 178 sqq). Первая изъ нихъ, построенная въ продолженіе 30 недѣль (*ibidd.*), существуетъ до настоящаго времени.

8. Смоленскъ.

1. Кафедральный соборъ Успенія Божіей Матери, построенный Владиміромъ Мономахомъ въ 1101 г. (Ипатск. лѣт.). Существовалъ до начала XVI в. Нынѣшній временъ царя Алексѣя Михайловича (Историко-статистическое описаніе Смол. епарх., стр. 240 нач. sqq.).

2. Церковь свв. Бориса и Глѣба, близъ мѣста убіенія послѣдняго ¹⁾, на устьи рѣчки Смядыни (впадавшей въ Днѣпръ и нынѣ пересохшей), въ полуверстѣ внизъ по Днѣпру отъ Свирскаго предмѣстья города, построенная кн. Ростиславомъ Мстиславичемъ,—заложенная въ 1145 году (Новгор. I лѣт. подъ семь годомъ, Ипатск. лѣт. подъ 1197 г.). Въ настоящее время отъ бывшей церкви уцѣлѣли только небольшіе остатки стѣнъ, на поларшина вышины (ibid. стр. 210 sqq.).

3. Церковь св. Іоанна Богослова, построенная Романомъ Ростиславичемъ, сыномъ предъидущаго († 1180 г.), который „украшенъ всякимъ строеніемъ церковнымъ и иконы, златомъ и финиитомъ украшены“ (Ипатск. лѣт. подъ 1180 г.). Существуетъ до настоящаго времени, но съ новымъ куполомъ (и находится подъ горою, называемою отъ ней Богословскою, между Свирскимъ предмѣстьемъ и городомъ, ibid. стр. 220 sqq.).

4. Церковь Архангело-Михайловская, построенная Давидомъ Ростиславичемъ, братомъ предъидущаго († 1197), о красотѣ и богатствѣ которой лѣтопись говоритъ: „такое же (церкви) нѣсть въ полунощной странѣ, и всимъ приходящимъ къ ней дивитися изряднѣй красотѣ ея,—иконы златомъ (и серебромъ) и жемчюгомъ и каменіемъ драгимъ украшены и всею благодатью исполнена“ (Ипатск. лѣт. подъ 1197 г.). Существуетъ до настоящаго времени (и по находенію въ Свирскомъ предмѣстьи города иначе и наиболѣе называется Свирскою церковью, ibid. стр. 213 sqq., выше о ней стр. 80).

9. Новгородъ.

Новгородъ находится на Волховѣ, верстахъ въ 4 отъ его истоковъ изъ озера Ильменя, и именно — по обѣимъ сторонамъ рѣки и такъ, что на той и на другой сторонѣ находится почти по равной части города. Половина города, лежащая на лѣвомъ берегу рѣки, называется Софійскою стороною отъ находящагося на ней,—на самомъ берегу Волхова,—Софійскаго собора; половина города, лежащая на правомъ берегу рѣки,

¹⁾ О мѣстѣ убіенія Глѣба лѣтопись: «поиде отъ Смоленска (Днѣпромъ), яко зрѣмо, и ста на Смядинѣ въ насадѣ... и ту абые послани яша корабль Глѣбовъ, и обнажиша оружье»...

называется Торговой стороною отъ находящихся на ней торговых рядовъ (которые также на самомъ берегу Волхова и почти визави противъ собора, а между ними и соборомъ черезъ р. Волховъ мостъ).

Мы уже говорили выше, что топографія Новгорода возбуждаетъ недоумѣнія. Дворъ или дворецъ князей Новгородскихъ находился на Торговой сторонѣ (съ края торговых рядовъ, противоположнаго Волхову; отъ Ярослава Владимировича или Великаго, бывшаго княземъ Новгородскимъ, онъ назывался впоследствии Ярославовымъ дворичемъ); но кафедральный соборъ епископовъ былъ поставленъ не въ сосѣдствѣ съ дворцомъ, какъ бы тому надлежало быть, а совсѣмъ на другой сторонѣ города, и послѣ существовавшей или не существовавшей крѣпости вокругъ дворца мы находимъ ее вокругъ собора. Это какъ будто даетъ знать, что при водвореніи христіанства въ Новгородѣ князья нашли неудобнымъ помѣстить епископовъ въ самомъ городѣ и что, помѣстивъ ихъ въ загородной и зарѣчной слободѣ (каковою могла быть тогда Софійская сторона), они сочли нужнымъ оградить ихъ отъ ихъ первоначальной паствы посредствомъ нарочитой крѣпости. Къ тому же самому заключенію ведутъ и размѣры Софійской крѣпости. Эти ея размѣры и въ настоящее время не особенно велики, но въ древнѣйшее время они были еще менѣе; слѣдовательно, какъ будто ясно, что ея первоначальнымъ назначеніемъ было служить именно оградой для живущихъ около собора, т. е. для епископа съ его клиросомъ, а не мѣстомъ осаднаго сидѣнія для всѣхъ жителей города ¹⁾.

Какъ бы то ни было, но первоначальную и весьма долгое время единственную крѣпость Новгорода составляла крѣпость не вокругъ всего города или которой либо его стороны, а только крѣпость вокругъ Софійскаго собора. Объ огражденіи стѣнами самаго города Новгородцы, какъ должно думать, весьма долгое время не заботились потому, что надѣялись на свои болота, которыя спасли ихъ отъ Батыя и изъ-за которыхъ Андрей Боголюбскій въ 1169 г. долженъ былъ предпринимать противъ нихъ походъ зимой (кончившійся по этой причинѣ самой печальной неудачей). Построеніе Софійской крѣпости, которую Новгородцы первоначально называли „городомъ“, а потомъ Дѣтинцемъ и (по-московскому) Кремлемъ, на основаніи сейчасъ сказаннаго, должно быть усвоено св. Владимиру. Послѣ Владимира, по свидѣтельству позднѣйшихъ Новгородскихъ лѣтописей, она возобновлена была Ярославомъ въ 1042 или

---

¹⁾ Въ Ростовѣ вокругъ кафедральнаго собора епископскаго былъ построенъ совершенно такой же Кремль, чтѣ и въ Новгородѣ. Цѣль этого послѣдняго Кремля не можетъ подлежать сомнѣнію, т. е. не можетъ подлежать сомнѣнію, что онъ былъ построенъ для защиты епископовъ Ростовскихъ отъ язычниковъ, среди которыхъ они были водворены. Подобное же могло быть сдѣлано и въ Новгородѣ, для защиты епископовъ отъ первыхъ, весьма ненадежныхъ, христіанъ.

1044 году ¹⁾. Эта первая крѣпость была деревянная и оставалась таковою до 1116 г.. Въ семь послѣднемъ году князь Мстиславъ Владимировичъ заложилъ ее каменную, причемъ и болѣе или менѣе ее расширилъ ²⁾. Послѣ 1116 года стѣна крѣпости или Кремля многократно была возобновляема. Нынешняя Кремлевская стѣна представляетъ собою „совершенное возобновленіе“ древней стѣны, произведенное по приказанію Петра Великаго въ 1698 г. (съ поправленіемъ, произведеннымъ въ 1818 г. ³⁾).

Софійская сторона города окружена была землянымъ валомъ трехъ сажень вышины въ 1383 г. ⁴⁾. А на этомъ валу поставленъ былъ деревянный городъ въ 1534 г. ⁵⁾.

Торговая сторона окружена была такимъ же валомъ въ 1387 г. ⁶⁾, а по валу такимъ же городомъ въ 1537 г. ⁷⁾.

(Валы обѣихъ сторонъ остаются до настоящаго времени. Въ валу Софійской стороны, у дороги въ Юрьевъ монастырь, находится круглая каменная башня, извѣстная подъ именемъ Бѣлой ⁸⁾). Въ Новгородѣ намъ приходилось слышать баснословіе, что-де эта башня отъ временъ архіепископа Іоанна, при которомъ было нашествіе Суздальцевъ (въ 1169 г.) и что-де на эту именно башню была выносима икона Знаменія. Но во время нашествія Суздальцевъ около Софійской стороны еще не было никакого города и Новгородцы защищались на ней отъ враговъ наскоро и нарочно устроеннымъ острогомъ,—1 Новгор. лѣт., а икона Знаменія была выносима на острогъ „на Десятинѣ“, т. е. противъ Десятинскаго монастыря,—4 Новгор. и 1 Псковск. лѣтт. Башня, вѣроятно, отъ 1383 г., а можетъ быть даже и отъ 1534-го. А если она кажется слишкомъ ста-

¹⁾ Въ 1042 г. по 3-й Новгор. лѣт.—подъ 1116 г.; въ 1044 г. по лѣтоп. у Карамз.—II, прим. 35 fin..

²⁾ Новгор. 1-я лѣт.; въ лѣтописи не сказано прямо, что каменную, но впервые, употреблено выраженіе «заложилъ», которое указываетъ на строеніе каменное.—во-вторыхъ, въ томъ же самомъ году былъ заложенъ каменный городъ въ пригородѣ Новгорода—Ладогѣ (ibid.). Что касается до расширенія, то оно ясно определяется. Все мѣсто лѣтописи: «въ то же лѣто Мстиславъ заложилъ Новгородъ болѣе прѣваго» (Если въ той же лѣтописи подъ 1262 г. говорится: «срубилъ Новгородцы городъ Новъ», то тутъ должно разумѣть не Кремль Новгорода, а какой-то новый городъ, срубленный Новгородцами въ своей области. Нейгаузенъ, Нейшлось?).

³⁾ *Гр. Толстаго* Святыхъ и древности, стр. 65.

⁴⁾ 3-я Новгор. лѣт. (у Карамз. V, прим. 137, стр. 56; она окопана ровомъ въ 1372 г.).

⁵⁾ Софійск. Временн. по изд. *Строева* II, 380.

⁶⁾ 3-я Новгор. лѣтоп..

⁷⁾ Софійск. Временн. II, 398.

⁸⁾ Ея изображеніе у гр. Толстаго въ началѣ книги.

рою, то ее устарели непогоды и неособенное береженіе о ней Новгородцевъ).

Въ отношеніи къ городскому полицейскому, а частію и государственному, управленію Новгородъ раздѣлялся на части, которыя назывались концами и которыхъ сначала было пять, а потомъ прибавилось еще нѣсколько. (Изъ первоначальныхъ пяти концовъ три находились на Софійской сторонѣ: Людинъ или Гончарскій—часть города отъ Юрѣва монастыря, Неревскій—часть города съ противоположной стороны и Загородскій, т. е. находившійся за городомъ Софійскимъ,—въ серединѣ; два на Торговой сторонѣ: Славенскій—верхняя большая половина стороны по Плотницкій, нынѣ Ѳедоровскій, ручей ¹⁾, и Плотницкій,—меньшая половина стороны за симъ ручьемъ.

Литература о Новгородѣ: Историческіе разговоры о древностяхъ Великаго Новгорода, Москва, 1808 (*Митр. Евгенія*); Историческія изслѣдованія о древностяхъ Новгорода, *Н. Муравьева*, Спб. 1828 г.; О мѣстоположеніи древняго Новгорода, историческое изслѣдованіе *Ивана Красова*, Новгородъ, 1851. Собственно о церковномъ Новгородѣ: Археологическое описаніе церковныхъ древностей въ Новгородѣ и его окрестностяхъ, архимандрита (умершаго епископомъ) *Макарія*, въ двухъ частяхъ, Москва, 1860; Святыни и древности Великаго Новгорода *пр. М. Толстаго*, Москва, 1862 (къ книгѣ приложены: планъ Новгорода, карта его окрестностей, планъ и фасадъ Софійскаго собора).

Церкви въ самомъ Новгородѣ и его окрестности или на его загородья:

1. Св. Софія, кафедральный архіерейскій соборъ, 1045—1052. См. о немъ выше, стр. 107 ^{нр. 2)}.

2. Церковь Благовѣщенія на Городищѣ, заложена кн. Мстиславомъ Владимировичемъ въ 1103 г.—Городище составляло подгородное княже-

---

¹⁾ Въ части города, называвшейся и называемой Славно, отъ которой названіе конца и которая составляетъ уголъ Торговой стороны между верхнимъ Волховомъ и отдѣляющимся отъ него рукавомъ Жилотугомъ, производа названіе не отъ славы, а отъ Славнѣ, со всею вѣроятностію должно видѣть мѣсто, на которомъ зачался Новгородъ. Т. е. дѣло должно представлять такъ, что Варяги, овладѣвшіе Новгородомъ, поселились особой слободой отъ коренныхъ жителей, что часть города, населенная этими послѣдними, начала называться «Славянами» и что отсюда вышло позднѣйшее Славно или Славное.

²⁾ Общественное мольбище языческихъ Новгородцевъ, находившееся надъ рѣкою Волховомъ (въ 980 г., «пришедъ Добрыня Ноугороду, постави кумира надъ рѣкою Волховомъ»), по всей вѣроятности, находилось не на мѣстѣ Перынского монастыря, стоящаго на устьи Волхова, верстахъ въ 3-хъ отъ Новгорода, какъ принимается, а на томъ мѣстѣ, гдѣ стоитъ Софійскій соборъ.

ское село или княжескую слободу, подобно Кіевскому Берестову, въ которой князья имѣли свой дворецъ. Находилось вверху отъ Новгорода по правому берегу Волхова. Судя по тому, что съ теченіемъ времени въ немъ построено было до шести церквей (архим. Макарія, I, 486), представляло изъ себя селеніе весьма значительное. Въ видѣ малаго села существуетъ до настоящаго времени и отстоитъ отъ Новгорода, по нынѣшнему пространству послѣдняго и своему, въ 2 верстахъ. Мстиславова церковь стояла до 1342 г., а въ этомъ году по причинѣ ветхости порушена и на ея мѣсто заложена новая, которая и остается до настоящаго времени, составляя приходскую церковь нынѣшняго села (и единственную сохранившуюся изъ всѣхъ другихъ).

3. Церковь, вполнѣдствіи соборная (соборъ) ¹⁾, св. Николая Дворищенская, построенная тѣмъ же Мстиславомъ Владимировичемъ, на Ярославовомъ дворницѣ, т. е. при княжескомъ, по Ярославу называвшемся Ярославовымъ, дворцѣ, который, какъ мы сказали, находился на Торговой сторонѣ, рядомъ съ гостиннымъ дворомъ. Заложена въ 1113 г., когда окончена неизвѣстно. Съ пристройками и значительно переделанная существуетъ до настоящаго времени. Фасадъ церкви у *гр. Толстова и Кондакова* въ VI выпускѣ Русскихъ древностей въ памятникахъ искусства, фигг. 128 и 142.

4. Церковь Θεодора Тирона, построенная Воигостомъ въ 1115 г. Въ настоящее время не существуетъ; находилась близъ нынѣшней церкви Θεодора Стратилата, что на Софійской сторонѣ, между улицами Розважскою и Щирковою (преосв. Макарія I, 193 и 226 нач.).

Позднѣйшая Новгородская лѣтопись, находящаяся въ библиотекѣ Николо-Дворищенскаго собора, относить построеніе сейчасъ помянутой церкви Θεодора Стратилата къ 1118 г. и усволяетъ князю Всеволоду Мстиславичу (преосвящ. Макарія I, 192). Но лѣтопись эта заслуживаетъ весьма мало вѣры, и церковь, о которой молчатъ всѣ другія лѣтописи, должна была считаемая послѣмонгольской.

5. Церковь Рождества Богородицы въ монастырѣ, одновременно съ нею основанномъ, преп. Антонія Римлянина, построенная въ продолженіе 1117—1119 гг., росписанная въ 1127 году. Нѣсколько переделанная существуетъ до настоящаго времени. Фасадъ церкви у *Толст.* и *Кондак.* *ibid.* фигг. 130.

6. Церковь св. Георгія въ Юрьевомъ монастырѣ, построенная кн. Всеволодомъ Мстиславичемъ,—заложена въ 1119 г. и освященная (по III Новгород. лѣтоп.) въ 1130 г. Существуетъ до настоящаго времени (въ реставраціи архим. Фотія и съ чрезвычайно богатымъ украшеніемъ *гр. Орловой*).

¹⁾ Не каедральный, а одинъ изъ тѣхъ, которые были въ Новгородѣ для ежедневныхъ службъ.

Въ 1166 г. была заложена, а въ 1173 г. освящена въ Юрьевомъ монастырѣ другая каменная церковь—Спаса на воротахъ. Этой послѣдней давно нѣтъ.

7. Церковь Іоанна Предтечи на Петратиномъ дворѣ или (по позднѣйшему, Новг. III лѣт. подъ 1453 г.) на Опокахъ, находящаяся на Торговой сторонѣ и съ краю самаго Торга, построенная кн. Всеволодомъ Мстиславичемъ, во имя ангела своего сына, въ продолженіе 1127—1130 гг. Существовала до 1453 г., а въ семь году построена новая, остающаяся до настоящаго времени.

8. Церковь св. Николая на Яковлѣ улицѣ, при которой былъ потомъ монастырь Бѣло-Николаевскій, нынѣ приписная къ Звѣрину монастырю, построенная Ирознетомъ въ 1135—36 г. Существуетъ до настоящаго времени.

9. Церковь Успенія Богородицы, на Козьей Бородкѣ, на Торговой сторонѣ и на самомъ Торгу, недалеко отъ Николо-Дворищенскаго собора, построенная кн. Всеволодомъ Мстиславичемъ съ епископомъ Нифонтомъ, въ продолженіе 1135—1144 гг. Перестраивана нѣсколько разъ и нынѣшняя не старѣе половины XVI в. (преосв. Макарія I, 365).

Въ I Новгородской лѣтописи подъ 1153 г. читается: „иде боголюбивый архіепископъ Нифонтъ въ Ладогу и заложилъ церковь камяну святаго Климента“. Позднѣйшая III Новгородская лѣтопись предполагаетъ (подъ тѣмъ же годомъ), что это въ Новгородѣ на Торговой сторонѣ, на Иворовой (нынѣ Московской) улицѣ. Но ея предположеніе неосновательно: Нифонтъ заложилъ церковь Климента не въ Новгородѣ, а въ Ладогѣ, какъ то ясно даетъ знать I Новгор. лѣтопись подъ 1156 годомъ. Церковь Саввы освященнаго на Саввиной (нынѣ Космодеміанской) улицѣ, на Софійской сторонѣ, нынѣ не существующая (преосв. Макар. I, 224), была построена въ 1154 г. не каменная, какъ утверждаетъ III Новгор. лѣтопись, а деревянная, какъ свидѣтельствуется I Новгор. лѣтопись.

10. Церковь св. Бориса и Глѣба, на Софійской сторонѣ, въ самомъ Софійскомъ городѣ или Кремлѣ, на томъ мѣстѣ, гдѣ стояла первая деревянная св. Софія, близъ градной стѣны, построенная Садкомъ Сытиничемъ или Соткою богатымъ въ продолженіе 1167—1173 гг. Не существуетъ. (Позднѣйшій Николо-Дворищенскій лѣтописецъ,—у преосв. Макарія I, 115, полагаетъ ея мѣсто близъ нынѣшней церкви Андрея Стратилата; но на самомъ дѣлѣ она должна быть полагается близъ Софійской колокольни, ибо мѣсто нынѣшней церкви Андрея Стратилата при епископѣ Іоакимѣ, по всей вѣроятности, еще не входило въ ограду Кремля).

11. Церковь св. Іакова, бывшая послѣ соборомъ, находившаяся на Яковлевой улицѣ, близъ нынѣшней церкви св. Пантелеймона или Николо-Качановской (которая построена на ея кладбищѣ,—преосвящ. Макар. I, 200), заложена, какъ кажется—прихожанами, въ 1172 г. Не существуетъ.

12. Церковь Благовѣщенія въ монастырѣ архіепископа Іліи и брата его Гавріила, построенная въ 1179 г., въ продолженіе 70 дней. Въ 1189 г. было кончено ея стѣнное писаніе. Существуетъ до настоящаго времени (Упраздненный Благовѣщенскій монастырь находился внѣ города, между нимъ и Юрьевымъ монастыремъ, въ 3 верстахъ отъ перваго и въ 2 отъ втораго).

Въ 1180 г. на воротахъ монастыря была построена другая каменная церковь, нынѣ не существующая, какъ и самыя ворота.

13. Церковь Іоанна Предтечи на Торговищѣ, построенная архіепископомъ Іліею съ братомъ Гавріиломъ въ 1184 г. Не существуетъ (находилась не далеко къ востоку отъ Никола-Дворищенскаго собора, пресв. Макара. I, 283 нач.).

14. Церковь ап. Петра и Павла на Сильнищи (Синильнищи, Сънищи) или на Синичей горѣ, построенная Лукиничами въ продолженіе 1185—1192 гг. Существуетъ до настоящаго времени (находится внѣ города, по дорогѣ въ Юрьевъ монастырь, въ 2½ верстахъ отъ Кремля; въ настоящее время кладбищенская). Фасадъ ея у Толст. и Кондак. *ibid.* фиг. 144.

15. Церковь Успенія Богородицы въ Аркажемъ монастырѣ, построенная въ 1188 г. Семьюномъ или Симеономъ Дыбачевичемъ. Не существуетъ (Бывшій Аркажъ монастырь, построенный игуменомъ, послѣ епископомъ Новгородскимъ, Аркадіемъ, † 1153, находился недалеко отъ Благовѣщенскаго монастыря архіепископовъ Іліи и Гавріила).

16. Церковь Положенія ризы и пояса Богородицы, поставленная архіепископомъ Мартиріемъ на городскихъ воротахъ въ 1195 г., строенная въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ и исписанная стѣннымъ писмомъ въ слѣдующемъ 1196 г. писцомъ Гръциномъ Петровичемъ. Не существуетъ.

17. Церковь Воскресенія въ бывшемъ Воскресенскомъ монастырѣ, построенная архіепископомъ Мартиріемъ въ продолженіе 1195—96 гг. Существуетъ до настоящаго времени; находится внѣ города, въ одной верстѣ отъ него, при впаденіи безыменнаго ручья въ озеро Мачино, противъ Петропавловской на Синичей горѣ церкви.

18. Церковь св. Кирилла Александрійскаго въ Кирилловомъ монастырѣ въ Нѣлезенѣ, построенная Константиномъ и Дмитромъ братениками съ Лубяной улицы въ 1196 г., въ продолженіе 3 мѣсяцевъ. Существуетъ до настоящаго времени (Кирилловъ монастырь находится за городомъ, въ 4 верстахъ отъ него, на маломъ Волховѣ или Волховцѣ).

19. Церковь Спаса Преображенія на горѣ Нередица или Нередицахъ, построенная кн. Ярославомъ Владимировичемъ (внукомъ Мстислава Великаго) въ 1198 г.,—начата 8 Іюня, кончена въ Сентябрѣ. Существуетъ доселѣ. Находится внѣ города, въ 3 верстахъ отъ него, недалеко отъ

Городища, на томъ же Волковцѣ, что и предыдущая. Фасадъ ея у *Толст.* и *Кондак.* *ibid.* фиг. 148. ¹⁾

20. Церковь пророка Иліи на Холмѣ, въ Славной улицѣ, на Торговой сторонѣ. Построена Еревшемъ (Новгор. II лѣт.) въ продолженіе 1198—1202 г. Въ 1453 г. поставлена новая на старой основѣ (Новгор. IV лѣт.).

По Новгородской III лѣтописи, церковь Рождества Богородицы, построенная въ 1199 г. княгиней Ярославовой въ основанномъ ею монастырѣ на Михалищи (Михалицкомъ на Молотковѣ) была каменная. Но Новгородская I лѣтопись говоритъ „постави“, слѣд. она была деревянная.

21. Церковь 40 мучениковъ, построенная Вячеславомъ Прокшиничемъ, послѣ монахомъ Хутынского монастыря Варлаамомъ († 1243), въ продолженіе 1190—1211 г. Не существуетъ (Находилась на Софійской сторонѣ, въ Неревскомъ концѣ,—Новгор. I лѣт. подъ 1218 г., но не достовѣрно извѣстно, гдѣ именно,—преосв. Макар. I, 225 стр.).

22. Церковь св. Пантелеймона въ бывшемъ Пантелеймоновомъ монастырѣ, находившемся близъ Юрьева, построенная Θεодоромъ Пинециничемъ въ 1207 г. Не существуетъ (преосв. Макар. I, 198 прим., *Исторія Іерархіа VI, 774*).

23. Церковь св. Пятницы, построенная въ 1207 г. на Торгу „заморскими“ купцами, т. е. Новгородскими купцами, ведшими заморскую или заграничную торговлю. Въ перестройкѣ 1340 г. существуетъ до настоящаго времени; находится рядомъ съ Николо-Дворищенскимъ соборомъ, съ сѣверной его стороны (Въ 1156 году церковь эта была не складена каменная, какъ говоритъ III Новгород. лѣт., а „поставлена“ деревянная,—I Новгород. лѣт. Въ 1191 г. она опять была поставлена деревянная,—I Новгород. лѣт.). Фасадъ церкви у *Толст.* и *Кондак.* *ibid.* фиг. 143.

24. Церковь св. Варвары въ бывшемъ Варваринскомъ монастырѣ, находившемся на Софійской сторонѣ (преосв. Макарія I, 228), построенная въ 1218—19 гг. Не существуетъ.

25. Церковь св. Михаила на Софійской сторонѣ въ Прусской улицѣ, построенная въ 1219 г. Твердиславомъ съ Θεодоромъ. Посторонь ея была поставлена другая малая, которая совершена въ 4 дня. вмѣсто древней, много разъ перестраиванной, не особенно давно построена всеѣмъ нова.

26. Церковь св. Павла Исповѣдника, съ предѣлами Сумеона Богопріимца и Константино-Елены, построенная Семеномъ Борисовичемъ, въ

¹⁾ Въ Собраніи картъ, плановъ и рисунковъ къ Трудамъ перваго археологическаго съѣзда есть фасадъ церкви «Спасъ Преображенія въ Новгородѣ 1198 г.»; но, если не ошибаемся, это фасадъ не нашей церкви, а Спаса Преображенія, находящагося въ самомъ городѣ, на Ильиной улицѣ, построеннаго въ 1374 году.

1224 г., на Варецкой улицѣ Торговой стороны. Не существуетъ (проев. Макар. I, 398).

27. Церковь Спаса Преображенія въ монастырѣ Хутынскомъ, построенная около 1240 г. (Новгор. III лѣт. подъ 1515 г.; противъ свидѣтельства той же лѣтописи подъ 1198 и 1508 гг. см. Новгор. I лѣтопись подъ 1192 г.). На мѣсто древней въ 1515 г. построена новая, остающаяся до настоящаго времени (Новгор. III лѣт. подъ 1515 г.).

28. Церковь Рождества Богородицы въ Перыномъ монастырѣ, находящемся въ 4 верстахъ отъ Новгорода и въ одной верстѣ за Юрьевымъ монастыремъ, при самомъ истокѣ Волхова изъ Ильменя. Построенная неизвѣстно когда, признается домонгольской и даже одною изъ древнѣйшихъ (по мѣстному лѣтописцу новѣйшаго времени—995 г., проев. Макарія I, 425 нач.). Но и то и другое совершенно сомнительно. Если бы монастырь и дѣйствительно былъ современенъ введенію христіанства въ Новгородѣ, что, какъ увидимъ ниже, вовсе не должно быть считаемо доказаннымъ, то изъ этого нисколько бы не слѣдовало, что столько же древня въ немъ и каменная церковь. Говорить, что самое молчаніе лѣтописей о времени построенія церкви можетъ означать то, что оно восходитъ за ихъ предѣлы и что она могла быть построена „вскорѣ по пришествіи Іоакима въ Новгородъ“,—значить, съ позволенія сказать, говорить вещи для настоящаго времени крайне и предосудительно наивныя (Построена каменная церковь въ Перыиъ монастырѣ, когда такихъ каменныхъ церквей была одна во всей Руси и ни одной въ Новгородѣ!).

Церкви въ пригородахъ Новгорода:

Изъ пригородовъ Новгорода каменные церкви находились во Псковѣ и Ладогѣ. Изъ нихъ подъ Ладогой должно разумѣть не нынѣшній городъ Новую Ладогу, находящійся при впаденіи Волхова въ Ладожское озеро и основанный только въ 1704 г., а село Старую Ладогу, которое находится на Волховѣ въ 12 верстахъ выше первой и которое представляетъ собою древній городъ Ладогу, низшедшій въ села послѣ основанія Новой.

В о П с к о в ѣ:

1. Церковь св. Троицы, послѣ главный соборъ, построенная кн. Всеволодомъ Мстиславичемъ, изгнаннымъ изъ Новгорода въ 1136 г. и умершимъ во Псковѣ въ слѣдующемъ 1137 (по Новгор. I лѣт.) или въ послѣслѣдующемъ 1138 году (по Лаврент., Ипатск. и I Псковск.)¹⁾

¹⁾ Въ Псковской 1 лѣтописи подъ 1138 г. записано: «стоя же зныи Всеволодъ преставися въ Плесковѣ, мѣсяца Февраля въ 11 день, въ четвергъ масляныи»

Стояла до 1363 г., а нынѣшній соборъ третій послѣ нея, конца XVII в. (изображеніе церкви Всеволода на одной древней,—не очень, думаемъ, его иконѣ съ затѣйливыми сводами, у гр. Толстаго въ Святыхъ и древностяхъ Пскова стр. 16, по всей вѣроятности, есть просто фантазія иконописца).

2. Церковь Спаса на Мирожяхъ съ монастыремъ, построенная архіепископомъ Новгородскимъ Нифонтомъ († 1156, Новгор. I лѣт. подъ симъ годомъ). Существуетъ до настоящаго времени (Видь церкви въ приложеніи къ сейчасъ помянутой книгѣ гр. Толстаго, а также въ Трудахъ перваго археологическаго съѣзда въ Москвѣ I, 284, и у *Толст.* и *Кондак.* *ibid.* фиг. 216).

Въ Ладогѣ:

1. Церковь св. Климента, построенная тѣмъ же архіепископомъ Нифонтомъ (*ibid.*), въ настоящее время не существующая.

2. Церковь св. Георгія, построенная неизвѣстно кѣмъ и когда, удѣлѣвшая до настоящаго времени и замѣчательная остатками древней живописи (См. о ней въ 12-й книгѣ Христіанскихъ древностей *Прохорова* за 1862-й годъ. Фасадъ ея еще у *Толст.* и *Кондак.* *ibid.* фиг. 189).

Новгородскія церкви въ алфавитномъ порядкѣ (для справокъ): Бориса и Глѣба въ Кремлѣ № 10, Благовѣщенія на Городищѣ № 2, Благовѣщенія въ монастырѣ Или-Гавріила № 12, Варвары въ Варваринскомъ м. № 24, Воскресенія въ Воскресенскомъ м. № 17, Георгія въ Юрьевомъ м. № 6, Или пророка на Славной улицѣ № 20, Іо. Предтечч на Петрятиѣ (Опокахъ) № 7, Іо. Предтечи на Торговищѣ № 13, Кирилла Алекс. въ Кириллов. м. № 18, Климента № 9, Михаила арх. на Прусской у. № 25, Николая Дворищенская № 3, Николая на Яковлевской у. № 8, Павла Исповѣдника на Варедкой у. № 26, Пантелеймона въ Пантелеймон. м. № 23, Пятницы на Торгу № 23, Петра и Павла на Синилицѣ (Синичьей горѣ) № 14, Преображенія въ Нередицахъ № 19, Преображенія въ Хутынск. м. № 27, Ризположенія на воротахъ № 16, Рождества Богородицы въ Антоніевомъ м. № 5, Рождества Богородицы на Молотковѣ № 20, Рождества Богородицы въ Перыньскомъ м. № 28, Саввы Освящ. № 9, Сорока мучениковъ № 21, Софія № 1, Успенія Богородицы въ Аркажемъ м. № 15, Успенія Богородицы на Козьей Бородкѣ № 9, Θεодора Стратилата, — Тирона № 4.

недѣли, а въ недѣлю положенъ бысть въ церкви святыхъ Троица, юже бѣ самъ создалъ». Въ свое недолговременное пребываніе въ Псковѣ Всеволодъ, можетъ быть, и дѣйствительно успѣлъ создать церковь, ибо онъ могъ создать ее весьма небольшою, а можетъ быть и такъ, что онъ только заложилъ ее и что она была dokonчена уже послѣ него.

10. Ростовъ—Суздаль.

Исторію области мы излагали выше: старшимъ былъ въ ней Ростовъ, который при Владимирѣ имѣлъ своего удѣльнаго князя въ лицѣ св. Бориса; послѣ смерти Бориса въ продолженіе столѣтія область не составляла особаго удѣла, а принадлежала какъ часть къ другому удѣлу (Переяславскому); въ началѣ XII в. въ лицѣ Юрія Долгорукаго, младшаго сына Владимира Мономаха, она опять получила своего удѣльнаго князя, но при этомъ со столицей не въ Ростовѣ, а въ Суздальѣ; сынъ Долгорукаго Андрей Боголюбскій перенесъ столицу удѣла изъ Суздаля во Владимиръ Кляземскій, который скоро возвысился на степень столицы всего великаго княженія; въ началѣ XIII в. область раздѣлилась на двѣ отдѣльныя области—Суздальскую и Ростовскую. Мы поставимъ особо двѣ позднѣйшія области, именно—по позднѣйшему ихъ старшинству сначала Суздальскую, потомъ Ростовскую.

Область Суздальская со столицей Владимиромъ Кляземскимъ.

У древнѣйшихъ лѣтописцевъ не читается нарочитыхъ записей объ основаніи Владимира Кляземскаго. Одинъ изъ нихъ, именно—лѣтописецъ Суздальскій времянь Всеволода Юрьевича, сдѣлалъ случайнымъ образомъ неопредѣленную замѣтку, что онъ поставленъ Владимиромъ Великимъ ¹⁾. Позднѣйшіе лѣтописцы подъ этимъ Владимиромъ Великимъ разумѣютъ—одни Владимира святаго Святославича ²⁾, другіе Владимира Всеволодовича Мономаха ³⁾. Не можетъ подлежать почти никакому сомнѣнію, что основателемъ Владимира долженъ быть считаемъ второй, а не первый: во времена Владимира святаго область Ростовско-Суздальская составляла такую Украину Руси, что предполагать, будто великій князь могъ заботиться объ основаніи въ ней новыхъ городовъ, совершенно невѣроятно (А что касается до Владимира Мономаха, то сначала будучи сыномъ князя Переяславскаго, т. е. Всеволода, а потомъ самъ княземъ Переяславскимъ, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ былъ и княземъ Ростовско-Суздальскимъ; о своихъ четырехъ путешествіяхъ въ Ростовъ Мономахъ говоритъ въ своей духовной грамотѣ; объ его любви къ Ростову есть указанія въ Печерскомъ Патерикѣ; объ его дѣятельности частнѣйше въ области Суздальской свидѣтельствуется построенная имъ въ Суздальѣ каменная церковь).

Въ продолженіе полуторыхъ столѣтій бывъ дѣйствительно столицей

¹⁾ Лаврент. лѣт. подъ 1176 г., 2 изд. стр. 358 стр..

²⁾ Никон. лѣт., Степен. кн. и другія,—у Карамз. I, прим. 463.

³⁾ См. у Карамз. II, прим. 238.

великаго княженія ¹⁾ и потомъ около столѣтія столицей номинальной, Владимиръ Кляземскій въ настоящее время принадлежитъ къ числу губернскихъ городовъ далеко не лучшихъ. Онъ находится на лѣвомъ берегу рѣки Клязмы между нею и рѣчкою Лыбедью (впадающею въ рѣчку Рпеню ²⁾), не далеко отъ впаденія послѣдней въ Клязму) и расположенъ на половину на возвышенной плоскости, на половину по скатамъ къ Лыбеда и на низменной равнинѣ у послѣдней. Андрей Боголюбскій, избравшій Владимиръ въ свои столицы, по свидѣтельству лѣтописи, сильно устроилъ его городъ, доспѣвъ къ нему (городу) ворота златая, а другая серебряная (Ипатск. лѣт. подъ 1175 г.), изъ коихъ первыя находились съ западнаго вѣзда въ городъ отъ Москвы, а другія, какъ нужно думать, съ противоположнаго отъ Боголюбова. Всеволодъ Юрьевичъ въ большомъ городѣ Боголюбскаго устроилъ внутренній меньшій городъ или Дѣтинецъ (Лаврент. лѣтоп. 1194 г.). Первый городъ, отъ котораго до настоящаго времени сохраняются довольно значительные остатки валовъ, позволяющіе опредѣлить его очертаніе, и который обнималъ весь посадь или весь городъ не въ смыслѣ крѣпости, представлялъ изъ себя ту геометрическую фигуру, которая называется параллелограммомъ, т. е. продолговатый четырехугольникъ, имѣющій одну поперечную линію длиннѣе, а другую короче. Начинаясь у Клязмы противъ Золотыхъ воротъ ³⁾, онъ шолъ на эти ворота и отъ нихъ къ Лыбеди, затѣмъ по Лыбеди до Нижегородской шоссеиной дороги, отсюда къ Клязмѣ и по Клязмѣ вверхъ или назадъ до угла, откуда начато: продольныя линіи четырехугольника были параллельны Клязмѣ и Лыбеди и шли по нимъ, а поперечныя шли на пересѣкѣхъ отъ одной рѣки къ другой. Дѣтинецъ Всеволода состоялъ изъ двухъ внутреннихъ поперечныхъ стѣнъ въ четырехугольникѣ Боголюбскаго, такъ что послѣдній раздѣлялся ими (по длинѣ) на три малые четырехугольника—внутренній (самый Дѣтинецъ, заключавшій въ себѣ у Кляземской или южной стѣны соборъ Боголюбскаго, княжескій дворецъ съ построенною Всеволодомъ церковію св. Димитрія и монастырь Рождественскій) и два боковые (одинъ къ Москвѣ, другой къ Боголюбову) ⁴⁾. Необ-

¹⁾ Считаеиъ отъ Боголюбскаго до Михаила Ярославича Тверскаго.

²⁾ Названіе должно разумѣть какъ имя перенесенное съ Кіевской Ирпени, какъ это имѣетъ себя и съ названіемъ Лыбеди.

³⁾ Подлинныя Золотыя ворота Боголюбскаго не сохранились; но точно извѣстно ихъ мѣсто, на которомъ стоятъ новой постройки Золотыя ворота.

⁴⁾ Валы Дѣтинца Всеволодова тоже довольно значительно сохранились: валъ западный—противъ Владимирской часовни собора, черезъ дорогу отъ нея; валъ восточный—за домоиъ 2-й городской полицейской части. По-за Дѣтинцу были рвы; отъ этого мѣсто на большой городской улицѣ ниже Рождественскаго монастыря называется Ивановскимъ мостоиъ, хотя тутъ нѣтъ никакаго моста (т. е. тутъ былъ мостъ черезъ ровъ).

ходимо думать, что въ лѣтописи подъ 1237 г. называется Печернымъ городомъ именно послѣдній малый четверугольникъ, а подъ Новымъ градомъ тутъ же должно разумѣть Дѣтинець. Кромѣ Золотыхъ и Серебряныхъ воротъ упоминаются еще: Оринины и Мѣдныя отъ Лыбеди и Воложскія отъ Клязьмы (которыя всѣ трои вели въ Дѣтинець,—Лаврент. лѣт. подъ 1237 г.).

Церкви во Владимирѣ и его окрестности.

1. Церковь св. Георгія. Строеіе каменныхъ церквей во Владимирѣ началъ Юрій Долгорукій, который изъ всѣхъ князей домонгольскаго періода ознаменовалъ себя тѣмъ, что построилъ каменные церкви въ нѣсколькихъ пригородахъ своего удѣла. Неизвѣстно, въ какомъ году построенная имъ ¹⁾, сейчасъ названная церковь св. Георгія, въ новѣйшей передѣлкѣ (послѣ пожара 1778 г.) существуетъ до настоящаго времени. См. о ней въ Церковно-историческомъ описаніи Владимирскихъ достопамятностей *іеромон. Иоасафа*, Владимиръ, 1857, стр. 105, и также въ Трудахъ Владимирскаго Статистическаго Комитета, выпускъ IX, статью *К. Тихомирова*: городъ Владимиръ въ началѣ XVII столѣтія, стр. 26 ²⁾.

2. Кафедральный соборъ во имя Успенія Божіей Матери, построенный Боголюбскимъ, 1158—1160. См. о немъ выше, стр. 112.

3. Церковь неизвѣстнаго воимени, на Золотыхъ воротахъ построеннаго Боголюбскимъ города, построенная имъ же, — освящена въ 1164 г. (Лаврент. лѣт.; подобно Кіевской въ честь Благовѣщенія?). Въ настоящее время не существуетъ.

4. Церковь Спаса Вознесенія (теперь—Преображенія), съ монастыремъ, предъ сейчасъ помянутыми Золотыми воротами города, — недалеко отъ нихъ, если идти изъ города на лѣвой рукѣ, а если въ городъ — на правой, построенная имъ же, заложена въ 1164 г. (Лаврент. лѣт. подъ

¹⁾ Новгородская 4-я лѣтопись говоритъ о церкви подъ 1152 г., но вовсе не въ томъ смыслѣ, что она въ семь году построена.

²⁾ Свою каменную церковь Долгорукій, конечно, построилъ какъ главную церковь города. На этомъ основаніи весьма вѣроятно предполагать, что онъ поставилъ ее въ центрѣ города, какъ послѣдній шагъ себя при немъ. Слѣдовательно, мѣстоположеніе церкви можетъ служить къ опредѣленію центра первоначальнаго Владимира, построеннаго отцомъ Долгорукаго Владимиромъ Мономахомъ (Церковь находится въ верхней части города, на западъ отъ нынѣшняго собора, построеннаго Боголюбскимъ, къ Золотымъ воротамъ, — приблизительно на равномъ разстояніи между однимъ и другимъ, или надъ самымъ спускомъ или весьма не далеко отъ спуска къ низменности Клязьмы: отъ нынѣшняго собора пройдя половину разстоянія къ Золотымъ воротамъ нужно поворотить и нѣсколько углубиться въ переулочъ налѣво).

1164 и 1218 гг.). Въ новѣйшей передѣлкѣ (послѣ пожара 1778 г. существуетъ до настоящаго времени. См. о ней у *іеромон. Іоасафа ibid.* стр. 109.

5. Церковь Рождества Богородицы съ монастыремъ въ городѣ Боголюбовомъ, въ 11 верстахъ отъ Владимира, построенная имъ же одновременно съ Успенскимъ соборомъ¹⁾. Была украшена съ тѣмъ же баснословнымъ богатствомъ и великолѣпіемъ, какъ и послѣдній (подробное описаніе въ Ипатской лѣтописи подъ 1175 г. въ повѣсти объ убіеніи Боголюбскаго, 2 изд. стр. 395). Не существуетъ; нынѣшняя — половины XVIII столѣтія (см. *В. Доброхотова Древній Боголюбовъ городъ и монастырь съ его окрестностями, Москва, 1852*).

6. Церковь неизвѣстнаго древняго воимени, позднѣе и въ настоящее время Покровская, въ одной съ небольшимъ верстѣ отъ Боголюбова. Вовсе не упоминается въ лѣтописяхъ, но съ совершенною и такъ сказать несомнительною вѣроятностію усвоится Боголюбскому, ибо кромѣ него никому было поставить тутъ каменной церкви, а что касается до упоминанія, то лѣтописи прямо говорятъ, что онѣ называютъ по имени только нѣкоторыя изъ построенныхъ Боголюбскимъ церквей и что кромѣ этихъ нѣкоторыхъ онѣ поставилъ и „иныя церкви многія камены различныя“ (Ипатск. лѣт. подъ 1175 г., 2 изд. стр. 396). Можно и весьма вѣроятно полагать, что при церкви былъ учрежденъ Боголюбскимъ женскій монастырь, такъ сказать, парный къ Боголюбовскому, что въ древнее время было довольно обычно и причемъ ему былъ прямой примѣръ въ Ярославѣ

---

¹⁾ Боголюбовъ или Боголюбское, такъ названное Андреемъ Боголюбскимъ (который въ свою очередь получилъ названіе отъ него, какъ бывшаго любимымъ мѣстомъ его пребыванія и также мѣстомъ его мученической кончины), а какъ до него называвшееся — неизвѣстно, обыкновенно представляется какъ настоящій и собственный городъ. Но едва ли не правильнѣе представлять дѣло иначе, а именно — что оно было просто сельское помѣстье или загородная усадьба, дача князя, въ которой онъ построилъ великолѣпный дворецъ, обнесши его каменною стѣною, каковыя стѣны, по древнему называвшаяся «городомъ», и дала названіе города самому мѣсту; иначе сказать — едва ли не слѣдуетъ представлять Боголюбское просто какъ загородный замокъ князя, безъ всякаго при немъ настоящаго города (и только съ слободой или слободами холоповъ-ремесленниковъ). Если въ повѣсти объ убіеніи Боголюбскаго упоминаются «горожане Боголюбскыи (—Боголюбци)», то подъ этими горожанами, соединяемыми съ дворянами (въ Лаврент. лѣт.), можно разумѣть бояръ, жившихъ при князѣ въ его городѣ или замкѣ, а не обыкновенныхъ горожанъ. Представляя дѣло по нашему, нужно будетъ думать, что на дворѣ своего замка Боголюбскій построилъ домовый монастырь, — что послѣ его смерти замокъ былъ брошенъ, запустѣлъ и исчезъ, а монастырь остался, получивъ въ собственность принадлежавшую замку землю.

вовыхъ монастыряхъ Георгіевскомъ и Ирининскомъ ¹⁾). Существуетъ до настоящаго времени, стоя одиноко въ полѣ и будучи приписана къ Боголюбовскому монастырю (у *Доброхотова* стр. 67 sqq съ приложеніемъ фасада церкви, а еще ея планы и фасады въ изданіи *ир. Строганова*: Дмитріевскій соборъ во Владимирѣ на Клязьмѣ, Москва, 1849. и въ Собраніи картъ, плановъ и рисунковъ къ Трудамъ перваго Археологическаго съѣзда въ Москвѣ, л. XXI).

7. Церковь Рождества Богородицы съ монастыремъ, построенная Всеволодомъ Юрьевичемъ въ продолженіе 1192—1197 гг. (монастырь мужской, отъ церкви Рождественскій, былъ поставленъ рядомъ съ княжескимъ дворцомъ, въ качествѣ придворнаго, каковымъ у Боголюбскаго былъ Боголюбовскій, находившійся въ городѣ или оградѣ его Боголюбовскаго дворца). Недавно замѣнена новою, построенною въ древнемъ стилѣ (см. книжку: Владимирскій Рождественъ монастырь XII в., *К. Тихонравова*, Владимиръ, 1869, съ видами древней, въ какомъ видѣ она была предъ уничтоженіемъ, и новой церковей).

8. Церковь во имя праведни. Іоакима и Анны на воротахъ города или ограды Успенскаго собора, построенная епископомъ Іоанномъ въ 1196—97 гг. Не существуетъ.

9. Церковь Успенія Божіей Матери съ монастыремъ женскимъ, построенная супругою Всеволода Юрьевича Маріей (по словамъ Тверск. лѣт. подъ 1205 г. дочерью „Шварлова Ческаго“) въ продолженіе 1200—1202 гг. Существуетъ до настоящаго времени, но значительно передѣланная (или послѣ пожара 1855 г. или ранѣе). См. *іером. Іоасафа* *ibid.* стр. 44.

10. Церковь св. мученика Дмитрія на княжемъ дворѣ, прекрасная по словамъ лѣтописца, построенная неизвѣстно въ какомъ году тѣмъ же Всеволодомъ Юрьевичемъ († 1212). Существуетъ до настоящаго времени и въ 1835—47 гг. по Высочайшему повелѣнію ученымъ образомъ реставрирована, см. спеціально ей посвященное вышеупомянутое изданіе *ир. Строганова*, также книгу *В. Доброхотова* Памятники древности во Владимирѣ Кляземскомъ.

11. Церковь Воздвиженія креста на Торговищи, построенная Константиномъ Всеволодовичемъ въ 1218 г. и, если не ошибаемся, въ настоящее время не существующая.

12. Церковь св. Михаила, построенная или только украшенная имъ

---

¹⁾ Въ повѣсти объ убіеніи Андрея Боголюбскаго, какъ она читается въ Ипатской лѣтописи, упоминается «Арсеній, игумень (монастыря) святою Кузины и Демьяна», находившагося гдѣ-то близъ Боголюбова (2 изд. стр. 401). Можетъ быть, этотъ Арсеній и былъ игуменомъ монастыря, находившагося при нынѣшней Покровской церкви, т. е. игумень монастыря женскаго, что въ древнее время было обычно (я о чемъ см. ниже въ главѣ о монастыряхъ).

же (онъ вел. княземъ въ 1217—1218 г.) и находившаяся или на его или близъ его княжаго двора (Лавр. лѣт. подъ 1227 г.). Не существуетъ.

Въ пригородахъ Владимира каменные церкви находились:

Въ Суздаль съ его окрестностью три:

1. Соборная Богородицы, бывшая первою каменною во всей области. Первоначально была построена въ неизвѣстномъ году Владимиромъ Мономахомъ съ епископомъ Ростовскимъ Ефремомъ (Лавр. лѣт. подъ 1222 г.). На мѣстѣ первой, начавшей рущиться отъ старости, вел. кн. Юрій Всеволодовичъ (съ епископомъ Симономъ) въ продолженіе 1222—1225 гг. построилъ новую. Не существуетъ, бывъ замѣнена новою.

2. Церковь Спаса, построенная въ неизвѣстномъ году Юріемъ Долгорукимъ (Новг. 4-я лѣт. подъ 1152 г.). Какъ кажется, не существуетъ (къ этой церкви должны быть относимы слова Симона въ Патерикѣ, въ разсказѣ о живописцахъ, что Юрій Долгорукій создалъ во градѣ Суздали каменную церковь въ мѣру Печерской церкви. Весьма однако это сомнительно, если только не разумѣть подъ мѣрою одинъ планъ, но не размѣры).

3. Въ трехъ-четырехъ верстахъ отъ Суздаля, въ селѣ Кидекшѣ, на рѣкѣ Нерли, „идѣже бѣ становище святою мученику Бориса и Глѣба“, и которое, по всей вѣроятности, составляло загородную дачу княжескую, была построена каменная церковь въ честь мучениковъ Юріемъ Долгорукимъ (Лавр. лѣт. подъ 1159 г.). Существуетъ въ древнемъ видѣ до настоящаго времени (ея планъ и фасадъ см. въ Собраніи картъ, плановъ и пр., л. XVI).

Въ Переяславлѣ Залѣсскомъ церковь Спаса, заложенная тѣмъ же Юріемъ Долгорукимъ, а послѣ него доконченная Андреемъ Боголюбскимъ (Лавр. лѣт. подъ 1157 г.). Существуетъ въ древнемъ видѣ до настоящаго времени (городской соборъ. Ея фасадъ у *Мартынова* и *Снегирева* въ Русской старинѣ, годъ первый, и у *Толст.* и *Кондак.* въ Русскихъ древностяхъ фиг. 32, а фасадъ и планъ въ сейчасъ помянутомъ Собраніи, л. XVII).

Въ Юрьевѣ Польскомъ церковь св. Георгія, построенная тѣмъ же Юріемъ Долгорукимъ, а въ 1230 г. по причинѣ обветшанія замѣненная новою отъ его внука Святослава Всеволодовича. Существуетъ до настоящаго времени; весьма замѣчательна, какъ мы говорили выше, своими барельефами, которыми украшена сплошь и кругомъ вся и которые, къ прискорбію, въ значительной части закрыты позднѣйшими пристройками (Ея планъ безъ фасада въ томъ же Собраніи, л. XIII, а фасадъ и образцы барельефовъ у *Толст.* и *Кондак.* *ibid.* фигг. 76—85 и 88—94)¹⁾.

¹⁾ По увѣренію такъ называемой Тверской лѣтописи, Святославъ Всеволодовичъ самъ былъ мастеромъ построенной имъ церкви: «и създа ю (церковь) Свято-21*

Въ Нижнемъ Новгородѣ церковъ Спаса Святаго, заложенная вел. кн. Юріемъ Всеволодовичемъ въ 1225-мъ году (послѣдующій Преображенскій соборъ, существующій теперь въ позднѣйшей перестройкѣ, — Лаврент. лѣт.).

Область Ростовская.

Въ области Ростовской каменные церкви извѣстны въ самомъ Ростовѣ и въ Ярославлѣ.

Въ самомъ Ростовѣ:

1. Соборная церковъ Успенія Божіей Матери, на мѣсто сгорѣвшей деревянной въ 1160 г., начатая строеніемъ послѣ сего года, когда оконченная—неизвѣстно (по Тверск. лѣт. освященная въ 1162 г.), но въ 1187 г. исписанная стѣннымъ писаніемъ (Лавр. лѣт., 1187 sub fin.). Передъ 1213 г. она пала, вѣроятно обгорѣвъ въ великій пожаръ 1211 г., и въ этомъ году кн. Константиномъ Всеволодовичемъ (первымъ Ростовскимъ послѣ св. Бориса) заложена новая, которая, стоявъ до 1408 г., въ семь послѣднемъ году сгорѣла. Нынѣ существующій соборъ принимается за перестроенный послѣ 1408 г. древній; но мы рѣшительно въ этомъ сомнѣваемся и полагаемъ, что онъ гораздо позднѣйшій. Фасадъ его у *Толст. и Кондак. ibid.* фиг. 41.

2. Церковъ свв. мучениковъ Бориса и Глѣба на княжемъ дворѣ, построенная кн. Константиномъ Всеволодовичемъ въ продолженіе 1214—1218 гг.. Давно замѣнена новою (которая стоитъ близъ стѣны соборнаго Кремля, противъ юговосточнаго ея угла, — если не измѣняетъ намъ память, а не противъ югозападнаго, какъ читаемъ въ находящихся у насъ подъ руками книгахъ).

(Симонъ въ Патерикѣ, въ разсказѣ о живописцахъ, говоритъ: „въ своемъ княженіи христороубецъ Володимеръ (Мономахъ), вземъ мѣру божественныя церкви Печерскія, всѣмъ подобіемъ създа церкви въ градѣ Ростовѣ,—въ высоту и въ широту и въ долготу“. Какую церковъ разумѣть тутъ, мы находимся въ совершенномъ недоумѣніи).

(Планъ и видъ позднѣйшаго великолѣпнаго соборнаго Кремля, первоначальную цѣль котораго мы указывали выше, см. въ книгѣ *зр. Таблицю Древнія святыни Ростова-Великаго*).

славъ чюдну, рѣзаннымъ каменемъ, а самъ бѣ мастеръ», — Собр. лѣтт. XV, 355. По извѣстію, читаемому у Татищева, «мастеръ былъ Болгарскій», — III, 456.

Въ Ярославлѣ:

1. Церковь Успенія Божіей Матери на княземъ дворѣ, заложная Константиномъ Всеволодовичемъ въ 1215 г. Нынѣ кафедральный соборъ и позднѣйшей постройки.

2. Церковь Спаса въ монастырѣ (нынѣ архіерейскомъ), заложная тѣмъ же Константиномъ Всеволодовичемъ († 1218 г.) и оконченная въ 1224 г. его сыномъ Всеволодомъ. Не существуетъ, бывъ замѣнена новою.

II. Тмутаракань.

Въ этой маленькой, отдаленной колоніи нашей, которою мы владѣли весьма не долго, мы построили, въ продолженіе нашего владѣнія, двѣ каменные церкви:

1. Въ 1022 г. Мстиславъ Владимировичъ, князь Тмутараканскій, вышелъ войной на Касожскаго князя Редеду. Этотъ послѣдній предложилъ рѣшить дѣло единоборствомъ между ними самими. Мстиславъ, принявъ предложеніе, далъ обѣтъ создать церковь во имя Божіей Матери, если останется побѣдителемъ. Онъ одолѣлъ и зарѣзалъ Редеду и, возвратившись въ Тмутаракань, тотчасъ же заложилъ обѣтную церковь.

2. Преп. Никонъ Печерскій, сподвижникъ преп. Антонія, отшедъ изъ Печерскаго монастыря въ островъ Тмутаракань, по словамъ Нестора въ житіи преп. Θεодосія, „ту обрѣтъ мѣсто чисто близъ града, сѣде на немъ, и Божією благодатію возрасте мѣсто то и церковь святыя Богородица возгради на немъ, и бысть монастырь славнъ“ (по изд. Бодянск. л. 9). Выраженіе Нестора „возгради“, правда, не совсѣмъ опредѣленно, но при господствовавшей въ тѣхъ мѣстахъ у Грековъ архитектурѣ исключительно каменной, не естественно думать, чтобы Никонъ хотѣлъ устроить монастырь славный съ церковію деревянной.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

Самое богослуженіе.

I.

Переводъ богослужебныхъ книгъ на славянскій языкъ.

Съ первой минуты принятія нами христіанства при Владимирѣ богослуженіе начало быть совершаемо у насъ не на чужомъ греческомъ, а на нашемъ собственномъ славянскомъ языкѣ.

Благодѣніемъ перевода греческихъ богослужебныхъ книгъ на славянскій языкъ мы—Русскіе вмѣстѣ съ другими Славянами обязаны Греку половины IX вѣка Константину философу (по предсмертному монашескому имени—Кириллу). Хотя переводчикъ за свой трудъ вѣщается отъ насъ славянскимъ первоучителемъ и славянскимъ апостоломъ, однако заслуга его обыкновенно представляется далеко не въ томъ видѣ, какъ она имѣетъ себя въ дѣйствительности. По обыкновеннымъ представленіямъ дѣло было такимъ образомъ. Въ половинѣ IX вѣка западный славянскій народъ Моравы, не задолго предъ тѣмъ принявшіе христіанство отъ Римской половины церкви, были недовольны, что богослуженіе совершается у нихъ, какъ во всей этой половинѣ церкви, на чужомъ латинскомъ языкѣ, и возымѣли желаніе слушать его на своемъ собственномъ славянскомъ. Зная, что папа не согласится исполнить такое желаніе, и будучи увѣрены, что, напротивъ, охотно согласятся исполнить его Греки, Моравы и обратились къ послѣднимъ съ просьбою перевести для нихъ греческія богослужебныя книги на славянскій языкъ. Константинопольскій императоръ Михаилъ III (842—867), къ которому Моравы обратились съ своею просьбою, дѣйствительно принялъ ее весьма благосклонно и тотчасъ же поручилъ дѣло перевода книгъ Константину философу, который былъ однимъ изъ тогдашнихъ греческихъ ученыхъ и который, по вѣкоторымъ случайнымъ обстоятельствамъ, зналъ славянскій языкъ. Въ

дѣйствительности дѣло было далеко не такъ. Моравы, не задолго предъ тѣмъ принявшіе христіанство, никакъ не могли возымѣть желанія слушать богослуженіе на своемъ славянскомъ языкѣ. Въ Римской половинѣ церкви было общимъ принятымъ порядкомъ, чтобы всѣ принадлежашіе къ ней народы совершали богослуженіе на одномъ для всѣхъ латинскомъ языкѣ. Полагать, чтобы народъ, только что принявшій христіанство, могъ найти общій существующій порядокъ неправильнымъ, могъ возстать и протестовать противъ него, значить предполагать нѣчто совсѣмъ противное всякой вѣроятности и всякой исторической логикѣ. Протестъ противъ существующихъ, незаконныхъ и неправильныхъ, порядковъ народы обыкновенно поднимаютъ,—и не народы собственно, а отдѣльные избранные люди въ нихъ (ибо народы, какъ народы,—да извинитъ насъ читатель,—въ семъ случаѣ суть не что иное, какъ панурговы стада),—не тотчасъ какъ ихъ примуть, а послѣ того, какъ досыта наживутся съ ними и, испытавъ все ихъ неудобство, дойдутъ до ихъ критики. Такимъ образомъ, Моравы, только что принявшіе христіанство, никакъ не могли возстать противъ порядковъ Римской церкви, а съ жалобами и сѣтованіями на нихъ или же безъ сего должны были безпрекословно покориться и покоряться имъ. Но, говорятъ, Моравамъ помогли тутъ Греки: не будучи въ состояніи сами придти къ протесту противъ порядковъ Римской церкви, они-де были приведены къ нему примѣромъ церкви Греческой, которая дозволяла всѣмъ народамъ совершать богослуженіе на своихъ собственныхъ языкахъ. Въ томъ-то однако и дѣло, что Греческая церковь IX вѣка вовсе не представляла этого примѣра. Какъ народы, обращавшіеся къ Римской церкви, должны были совершать богослуженіе на латинскомъ языкѣ, такъ и народы, обращавшіеся тогда къ Греческой церкви, должны были совершать его на языкѣ греческомъ,—этими послѣдними были именно единоплеменные Моравамъ Славяне Балканскаго полуострова, жившіе въ предѣлахъ византійской имперіи, которые начали принимать христіанство отъ Грековъ задолго до Моравовъ и для которыхъ Греки вовсе не думали переводить своихъ богослужебныхъ книгъ на славянской языкъ. Что касается до дѣйствительныхъ мыслей и чувствъ тогдашнихъ Грековъ, то несомнѣнно, что они, совершенно такъ же какъ латиняне, были самымъ рѣшительнымъ образомъ за то и того ученія, чтобы у всѣхъ народовъ ихъ Греческой церкви богослуженіе совершалось на одномъ греческомъ языкѣ. Такимъ образомъ, Моравы вовсе не могли обращаться къ Грекамъ съ просьбою перевести для нихъ греческія богослужебныя книги на ихъ славянской языкъ. Какимъ же образомъ случилось, что они получали переводъ греческихъ

книгъ? Дѣло было слѣдующимъ образомъ. Моравы, до IX вѣка жившіе подобно всѣмъ другимъ Славянамъ разрозненно и безглавно и поэтому находившіеся въ зависимости отъ Нѣмцевъ, въ началѣ сего IX вѣка успѣли сплотиться въ одно цѣлое и довольно сильное государство, вмѣстѣ съ чѣмъ сбросили съ себя и помянутую зависимость. Вслѣдствіе этого между ними и Нѣмцами, желавшими снова покорить ихъ себѣ, началась ожесточеннѣйшая борьба. Ища себѣ союзниковъ противъ Моравовъ, Нѣмцы успѣли привлечь на свою сторону Болгарь, которые владѣли тогда Панноніей (нынѣшней Венгріей) и были непосредственными сосѣдями Моравовъ съ востока ¹⁾. Союзъ Нѣмцевъ съ Болгарами вынудилъ Моравовъ искать союза съ Греками, которые, будучи въ свою очередь сосѣдями послѣднихъ, могли парализовать ихъ содѣйствіе Нѣмцамъ, и посольство для сего-то политическаго или военнаго союза Моравы и отправили къ импер. Михаилу III. Союзъ политическій въ то время необходимо долженъ былъ сопровождаться и союзомъ церковнымъ, т. е. Моравы, ища заключить съ Греками первый союзъ, необходимо должны были вмѣстѣ съ тѣмъ предложить себя въ зависимость патріарха Константинопольскаго вмѣсто бывшей дотогѣ зависимости отъ папы Римскаго. Такъ это и было ими сдѣлано. По заключеніи обоихъ союзовъ, нужно было отправить въ Моравію, принятую подъ власть патріарха Константинопольскаго, греческихъ священниковъ. Въ начальники надъ имѣвшими отправиться священниками былъ избранъ нашъ Константинъ философъ, священникъ саномъ, и онъ-то по собственной инициативѣ и рѣшилъ дать Моравамъ греческое богослуженіе въ переводѣ на ихъ народный языкъ. Т. е. иначе сказать, среди господствовавшего въ IX вѣкѣ между Римлянами и Греками ученія о двухъ богослужебныхъ языкахъ — латинскомъ и греческомъ Константинъ философъ выступилъ какъ реформаторъ и новаторъ, провозгласившій принципъ равноправности всѣхъ языковъ и національности богослуженія и осуществившій свое новое ученіе въ приложеніи къ Моравамъ.

Такимъ образомъ, богослуженіемъ на своемъ собственномъ языкѣ мы, православные Славяне, обязаны не Моравамъ и не Грекамъ, причѣмъ Константинъ философъ былъ бы только орудіемъ исполненія чужой мысли, а исключительно и всецѣло сему послѣднему. Въ Греческой церкви IX вѣка, такъ же какъ и въ Латинской, было ученіе объ одномъ богослужебномъ языкѣ и если это ученіе пало и мы не сдѣлались его рабами, то именно благодаря тому, что въ лицѣ Константина

¹⁾ Славнофилажъ, конечно, это не понравится, но увь! это фактъ.

философа намъ посланъ былъ великій человѣкъ, который возсталъ противъ него и въ приложеніи къ намъ дѣломъ сокрушилъ его ¹⁾.

¹⁾ Отвергая общепринятое мнѣніе, мы идемъ противъ житія Константина (разумѣемъ — Паннонскаго), на которомъ оно основывается и авторитетъ котораго и мы съ своей стороны признаемъ столько же, сколько и другіе. Но необходимо думать, что въ данномъ случаѣ авторъ житія погрѣшаетъ противъ вѣдомой ему истины. Писавъ послѣ того, какъ переводъ былъ сдѣланъ въ вѣдрахъ Греческой церкви и былъ ею допущенъ, онъ, во-первыхъ, увлекается желаніемъ противопоставить свою церковь церкви Римской, почему и представляетъ дѣло такимъ образомъ, будто Моравы искали перевода отъ Греческой церкви, увѣренные получить его отъ ней. Во-вторыхъ, несомнѣнно, что авторъ малодушествуетъ и, умаляя истинную заслугу Константина, представляетъ его только исполнителемъ готовой мысли о переводѣ затѣмъ, чтобы смягчить его мнимую (въ глазахъ своихъ греческихъ современниковъ) вину за совершенное имъ необычное и такъ сказать революціонное дѣло: Константинъ-де рѣшился на подобное дѣло потому только, что о немъ была просьба отъ Моравовъ. А наконецъ, въ-третьихъ, не безъ вѣроятности, можно подозрѣвать у него особый умыселъ: представляя дѣло такимъ образомъ, что мысль о переводѣ, заявленная Моравами, была встрѣчена Греками съ величайшимъ сочувствіемъ, авторъ хочетъ обличать этимъ современныхъ себѣ Грековъ, порицавшихъ переводъ. Что Моравы вовсе не могли просить перевода, такъ какъ ни сами не могли придти къ мысли о немъ и не видѣли въ современной или тогдашней Греческой церкви пріятеля, которымъ бы могли быть приведены къ послѣдней, это несомнѣнно (а о древней Греческой церкви, бывшей въ семь отношеніи нисколько не похожею на позднѣйшую и дѣйствительно представлявшею изъ себя то, чѣмъ изображается въ житіи позднѣйшая, вовсе не могли они знать, ибо, конечно, было бы наввно представлять ихъ себѣ людьми, учащими церковной исторіи въ духовной академіи). Но если переводъ данъ былъ Моравамъ не прошенный ими, по чьей-то собственной инициативѣ въ Константинополѣ, то полагаемъ, не можетъ быть спора о томъ, по чьей именно — Константина или правительства: правительство вовсе не заботилось о томъ, чтобы дать этотъ переводъ собственнымъ обращающимся въ христіанство Славянамъ и слѣдовательно ясно, что оно не думало о подобномъ переводѣ. Что позднѣйшіе Греки были совсѣмъ не тѣхъ мыслей и расположеній, которыя имъ усвоются въ житіи, а за житіемъ и новыми изслѣдователями, на это мы имѣемъ положительныя доказательства. Болгарскій писатель конца IX — начала X вѣка, черноризецъ Храбръ, писалъ нарочитое сочиненіе въ защиту Константина перевода отъ нарекателей (сказаніе о письмевѣхъ): подъ нарекателями, конечно, нельзя разумѣть Латинянъ (до мыслей которыхъ Храбру не было никакого дѣла) и можно разумѣть только Грековъ. Греческій авторъ житія Климента Бѣлицкаго старается извинить и оправдать Константина предъ своими греческими читателями за такое странное дѣло, какъ переводъ книгъ съ греческаго языка на славянскій: онъ былъ вынужденъ къ этому, говоритъ авторъ, только настоятельной нуждой — крайней тупостью Болгаръ (для которыхъ, по его мнѣнію, сдѣланъ переводъ), не разу

Константинъ философъ послѣ приступа къ переводу греческихъ богослужебныхъ книгъ на славянскій языкъ жилъ очень недолго, а именно—лѣтъ около четырехъ или пяти; но трудившись надъ нимъ съ величайшимъ усердіемъ онъ успѣлъ перевести весь кругъ собственно богослужебныхъ книгъ. Послѣ его смерти (14 Февраля 869 г.) остался старшій братъ его Меоодій, бывшій потомъ архіепископомъ Моравскимъ († 6 Апрѣля 885 г.), который перевелъ всю Библию (за исключеніемъ, по неизвѣстной намъ, какъ можно думать—случайной, причинѣ, книгъ Маккавейскихъ), Номоканонъ (Іоанна Схоластикка) и большее или меньшее количество писаній отеческихъ.

Отъ Моравовъ заимствовали славянскія богослужебныя книги Болгары, а отъ сихъ послѣднихъ заимствовали ихъ и мы—Русскіе.

Я уже говорилъ выше, что въ нашихъ лѣтописяхъ нѣтъ ни единого слова объ этомъ заимствованіи нами у Болгаръ славянскихъ богослужебныхъ книгъ, какъ будто бы его совсѣмъ и не было. Вѣроятнѣйшимъ отвѣтомъ на вопросъ, когда именно Владимиръ заимствовалъ книги, представляется то, что онъ сдѣлалъ сіе еще прежде приступа къ общему крещенію народа, ибо иначе должно было бы на время вводить у новокрещенныхъ богослуженіе греческое или же оставить ихъ безъ богослуженія. То мнѣніе, будто Владимиръ получилъ славянскія книги отъ Болгаръ при посредствѣ Грековъ, въ Корсуни или не

мѣвшихъ прекрасной греческой рѣчи. Вообще, позднѣйшіе Греки, съ мыслью объ еллинаизаціи варваровъ или безъ сей мысли, рѣшительно не склонны были къ тому, чтобы поощрять варварство на свой собственный счетъ. Если Вальсамонъ на предложенный ему Александрійскимъ патриархомъ Маркомъ вопросъ: «безопасно ли позволять православнымъ Сиранъ и Армянамъ и другимъ служить на своихъ языкахъ или непремѣнно принуждать ихъ служить на греческомъ языкѣ», отвѣчалъ, что православные изъ другихъ народовъ, совсѣмъ не знающіе греческаго языка, могутъ служить на своихъ языкахъ, подъ условіемъ точнаго перевода греческихъ богослужебныхъ книгъ (у Ралли и П. IV, 452, 'Ερωτ.-'Αποκρ. 5): то, во-первыхъ, онъ былъ человѣкъ до нѣкоторой степени возвышавшійся надъ общимъ уровнемъ; во-вторыхъ, и какъ думаемъ—главное, онъ былъ патриархъ Антиохійскій (бывъ уже каковымъ онъ писалъ свои отвѣты Марку, какъ показываетъ надписаніе): въ его собственномъ патриархатѣ сельское населеніе было сирское и арабское и отъ времени глубокой древности употребляло въ богослуженіи свои собственные, сирскій и арабскій, языки; добровольно или недобровольно терпя обычай своего патриархата, освященные глубокою древностью, Вальсамонъ, естественно, долженъ былъ отвѣчать то, чтó отвѣчалъ. Между тѣмъ вопросъ Марка даетъ знать, какія мысли были между Греками на счетъ употребленія въ богослуженіи другихъ языковъ кромѣ греческаго.

въ Корсуни, совершенно неосновательно. Греки не питали ни малѣйшей вѣжности къ славянскимъ книгамъ и никакъ не могли имѣть охоты услуживать Владимиру ихъ доставленіемъ; притомъ же послѣдній вовсе и не нуждался въ ихъ услугахъ, имѣя полную возможность обратиться къ Болгарамъ самъ непосредственно. Не знаемъ, пытались ли Греки препятствовать Владимиру въ усвоеніи славянскаго богослуженія, мечтавая навязать намъ богослуженіе греческое, но, какъ говорили мы выше, весьма вѣроятно, что противъ возможности сего были принимаемы имъ свои мѣры.

Не однократно приходилось говорить намъ выше, что славянскій языкъ нашихъ богослужебныхъ книгъ называется нашимъ собственнымъ языкомъ далеко не въ собственномъ смыслѣ: онъ есть славянскій, но не нашъ русскій, а болгарскій, и въ отношеніи къ понятности весьма далеко не то, что первый. Есть люди, которые смотрятъ на это обстоятельство странными глазами, именно — которые видятъ въ такъ называемомъ церковно-славянскомъ, или иначе — болгарскомъ языкѣ богослужебныхъ книгъ какъ бы языкъ къ-то предназначенный для богослуженія всѣхъ православныхъ славянскихъ народовъ, подобно латинскому языку Римской церкви. На самомъ дѣлѣ ничего подобнаго не бывало и болгарскій языкъ сталъ церковно-славянскимъ или богослужебнымъ языкомъ и другихъ православныхъ Славянъ просто по волѣ и по винѣ самихъ этихъ народовъ. Константинъ философъ перевелъ для Моравовъ греческія богослужебныя книги на ихъ моравскій языкъ. Болгары, заимствовавъ книги отъ Моравовъ, переложили ихъ съ моравскаго на свой болгарскій языкъ ¹⁾. Другимъ славянскимъ православнымъ народамъ, т. е. намъ съ Сербами, оставалось дѣлать тоже самое, т. е. заимствуя у Болгаръ книги, перелагать ихъ на собственные народныя языки. Но ни мы, ни Сербы этого не сдѣлали, а такимъ обра-

---

¹⁾ Переложили однако, должно думать, такъ, что не мало оставили моравизмовъ, чего не хотятъ знать нынѣ наши славянскіе филологи и что въ то же время составляетъ для нихъ камень преткванія (Мы хотимъ сказать: болгарскій языкъ богослужебныхъ книгъ, по всей вѣроятности, долженъ быть представляемъ не какъ чистый древне-болгарскій языкъ, а какъ болгарскій съ ббльшей или меньшей примѣсю моравизмовъ, слѣдовательно — языкъ болѣе или менѣе искусственный, хотя не въ томъ смыслѣ, чтобы кто нибудь сдѣлалъ языкъ искусственнымъ нарочно и намѣренно, — что вѣрно, а въ томъ смыслѣ, что онъ сдѣлался таковымъ ненамѣренно и случайно. Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что церковно-болгарскій языкъ долженъ быть изучаемъ не только при помощи живаго болгарскаго языка, но вмѣстѣ и языка моравскаго).

зомъ и явился у насъ и у нихъ языкъ церковно-славянскій, или что тоже — оставленный безъ измѣненія болгарскій языкъ богослужебныхъ книгъ. Есть люди весьма довольные этимъ обстоятельствомъ въ виду того, что церковно-славянскій языкъ доставляетъ множество словъ для такъ называемаго высокаго слога и что въ нѣкоторыхъ случаяхъ онъ даетъ возможность избѣгать тривіальности (напр. не называть Господа Господиномъ, какъ было бы по-русски). Но первое изъ сейчасъ указанныхъ удобствъ, если только считать его удобствомъ, несомнѣнно доставлялъ бы и свой собственный русскій языкъ, ибо языкъ книжный скоро устарѣлъ бы противъ говорнаго, а второе удобство вовсе не имѣетъ той серьезной важности, которую ему усваиваютъ, и все дѣло тутъ просто въ привычѣ (какъ показываетъ примѣръ Нѣмцевъ, Французовъ и Англичанъ); между тѣмъ мы, т. е. народъ нашъ не былъ бы обреченъ на то, чтобы слушать богослуженіе на языкѣ далеко не совсемъ для него понятномъ. Причиной, почему не были переведены нами богослужебныя книги съ болгарскаго языка на нашъ собственный русскій, прежде всего, какъ мы увѣрены, была наша косность; затѣмъ, другою и дѣйствительною причиной должно быть считаемо то, что нашъ языкъ, дотолѣ весьма мало письменный, не былъ обработанъ и приготовленъ для письмени и что такимъ образомъ переложеніе на него представляло бы большой трудъ, требовавшій борьбы съ нимъ и его организаціи ¹⁾.

Въ церковномъ языкѣ нашемъ отчасти въ древнее время существовали и потомъ вышли изъ употребленія, отчасти же и до настоящаго времени остаются слова, взятая изъ языковъ западныхъ—латинскаго и нѣмецкаго: таковы весьма употребительныя въ древнее время, но послѣ вышедшія изъ употребленія, комкати—причащаться и комканіе—причастіе отъ латинскихъ: communicare и communicatio; таковы доселѣ остающіяся — церковь отъ нѣмецкаго Kirche, оltарь отъ ла-

---

¹⁾ Церковное правительство наше домонгольскаго періода, вѣроятно, вовсе не поднимало мысли о томъ, чтобы перевести богослужебныя книги съ болгарскаго языка на русскій, ибо митрополитами нашими, которые могли бы поднять подобную мысль, въ періодъ домонгольскій, были почти исключительно Греки. Но частныя попытки въ этомъ родѣ несомнѣнно бывали. Таковую частную попытку перевода на чистый русскій языкъ, на примѣръ, представляетъ собою такъ называемое Галичское или Крылосское евангеліе 1144 г. (Описаніе его, принадлежащее *Θ. И. Буславу* см. въ «Матеріалахъ для исторіи письменъ», изданныхъ къ столѣтнему юбилею Московскаго университета, стр. 11).

тинскаго altare¹⁾). Необходимо думать, что слова эти были усвоены Болгарами и отъ нихъ нами — Русскими при посредствѣ Моравовъ²⁾).

О славянскихъ первоучителяхъ или славянскихъ апостолахъ Константиѣ и Мееодіи дошло до насъ много сказаній на языкахъ—славянскомъ, латинскомъ и греческомъ. Изъ всѣхъ дошедшихъ сказаній единственно первоначальныя и достовѣрныя суть славянскія такъ называемыя (не совсѣмъ правильно) Паннонскія житія Константина и Мееодія, написанныя ихъ учениками (и изъ нихъ Константиново, какъ должно заключать по его признакамъ, еще при жизни Мееодія)³⁾; все же остальное есть позднѣйшее⁴⁾. Латинская *Vita cum translatione* принадлежит не современнику Константинову Гавдеряку, епископу Велитрскому (по нинѣшнему Веллетрійскому) или точнѣе—не Іоанну, діакону Римской церкви, писавшему по просьбѣ Гавдерика жизнь Климента Римскаго, но за смертію не окончившему своего труда (и поэтому не сказавшему о возвращеніи мощей Климента въ Римъ Константиномъ, что должно было составлять послѣднюю главу его сочиненія), а писателю конца XI—начала XII вѣка Льву Марсиканскому, бывшему сначала монахомъ Монтекассинскимъ, а потомъ епископомъ Остіенскимъ, какъ это ясно видно изъ свидѣтельствъ Іакова de Vogagine и Петра de Natalibus. Источники Льва (который зналъ пославянски или можетъ быть даже, и какъ будто вѣрооятнѣе, былъ родомъ Славянинъ), суть Паннонское житіе Константина и слово объ обрѣтеніи мощей Климента, „историческу бесѣду имуще“. Греческое житіе Климента Бѣлицкаго, будто бы принадлежащее архіепископу Теофилакту⁵⁾,

¹⁾ Также цесарь, изъ котораго царь, вмѣсто греческаго кесарь.

²⁾ И въ самой Болгаріи сидѣло вѣкоторое время латинское духовенство, но это сидѣніе было такъ непродолжительно (866—870), что едва ли могло оставить послѣ себя какіе нибудь слѣды.

³⁾ Впервые обратилъ серьезное вниманіе ученыхъ на эти житія и прекрасно разобралъ ихъ (не совсѣмъ правильно впрочемъ назвавъ ихъ Паннонскими) покойный А. В. Горскій въ статьѣ: «О св. Кириллѣ и Мееодіи», помѣщенной въ Москвитанинѣ 1843 г., ч. III, № 5. Самыя житія напечатаны покойнымъ Бодянскимъ въ Чтеніяхъ Общ. Ист. и Древн., 1863 г. кн. 2 и 1864 г. кн. 2.

⁴⁾ Разборъ всѣхъ сказаній (не особенно критическій) въ книгѣ Бодянскаго: «О времени происхожденія славянскихъ письменъ» и въ книгѣ Воронова (съ которыми мы тоже далеко не во всемъ согласны): «Кириллъ и Мееодій,—главнѣйшіе источники для исторіи свв. Кирилла и Мееодія», Кіевъ, 1877. Къ нимъ должно присоединять изданіе г. Вильбасова: «Кириллъ и Мееодій».

⁵⁾ Незвѣстный авторъ житія выдаетъ его за произведеніе архіепископа Теофилакта, а самаго Теофилакта выдаетъ за ученика Климентова. Но архіепископъ

которое утверждаетъ, что Константинъ изобрѣлъ азбуку и сдѣлалъ переводъ книгъ не для Моравовъ собственно, а для Болгаръ, и что онъ былъ потомъ учителемъ Болгаръ и вмѣстѣ Моравовъ, представляетъ собою не что иное, какъ образецъ греческаго баснословія ¹⁾. Оно написано въ Болгаріи во времена господства въ ней Грековъ и цѣль его есть—съ одной стороны удовлетворить претензіи Болгаръ думать, будто славянская азбука изобрѣтена именно для нихъ и будто они обращены въ христіанство именно первоучителями, а съ другой стороны—увѣрить Болгаръ, что Константинъ и Мееодій перевели богослужебныя книги на славянскій языкъ не потому, чтобы этому такъ и надлежало быть, а только по настоянію крайней нужды вслѣдствіе скотоподобной (κτηνώδης) тупости ихъ соотечественниковъ, которымъ никакъ не давался прекрасный еллинскій языкъ, и что самъ князь болгарскій Борисъ былъ рѣшительно на сторонѣ сего послѣдняго:

Константинъ и Мееодій, природные Греки по своей національности и вовсе не греческіе Славяне ²⁾, были уроженцы города Фессалоники или Солуни. Они были сыновья одного мѣстнаго знатнаго вельможи, по имени Льва, по фамилии, къ сожалѣнію, неизвѣстнаго, который занималъ въ своемъ родномъ городѣ должность друнгарія (δρουγγάριος), чтѣ значить помощникъ или товарищъ стратега, т. е. по нашему должность помощника или товарища генераль-губернатора. Въ многочисленной семьѣ Льва Мееодій былъ однимъ изъ старшихъ, Константинъ же самый младшій. Годъ рожденія перваго неизвѣстенъ, второй же родился въ 827 году.

Мееодій по примѣру отца служилъ въ военной службѣ; рано отличился своими способностями и въ молодыхъ лѣтахъ былъ поставленъ сравнительно на высокое мѣсто, а именно — въ начальники или губернаторы

Феофилактъ жилъ во второй половинѣ XI—началѣ XII вѣка. Такъ какъ онъ могъ быть выданъ за ученика Климентова только такое время спустя послѣ его смерти, какъ уже перестало быть точно извѣстнымъ, когда онъ жилъ, то этия приблизительно опредѣляется ранній крайній срокъ появленія житія (а усвоить житіе самому Феофилакту и доказывать, будто авторъ не выдаетъ себя за ученика Климентова, весьма странно).

¹⁾ Авторъ доходитъ до того, что страну Моравію превращаетъ въ городъ Моравъ страны Панноніи (Μοράβος τῆς Παυονίας, — § III) и что Боцела, вассальнаго Нѣмцамъ князя или князька крошечной части Панноніи, дѣлаетъ государемъ всей ея: τῆς Παυονίας σερπλάτης κρατοῦντα, — § IV, слѣдовательно Ростислава и Святополка Моравскихъ его подручниками! (Ученый читатель, желающій видѣть курьезы нашего автора, пусть сравниваетъ его съ Паннонскимъ житіемъ Константина въ разказѣ о входѣ послѣдняго въ Римъ).

²⁾ Какъ объ этомъ ясно свидѣтельствуетъ житіе Константиново, а «и Гърци любяще и изъ дѣтска» въ житіи Мееодіевомъ должно читать: «и прѣци».

одной неизвѣстной области ¹⁾ (по всей вѣроятности находившейся въ самомъ генераль-губернаторствѣ Солунскомъ), населенной Славянами. Въ начальники области, населенной именно Славянами, поставленъ былъ потому, что зналъ славянскій языкъ. Пробывъ на своей должности довольно долгое время, Мееодій, или по неизвѣстнымъ намъ особеннымъ причинамъ или просто вслѣдствіе душевнаго расположенія и влеченія, сложилъ съ себя мірскія одежды и постригся въ монахи, чтобы идти подвизаться (мѣстомъ для подвиговъ онъ выбралъ одинъ пустынный монастырь, находившійся на малоазійскомъ Олимпѣ).

Константинъ, человекъ исключительный по своей натурѣ, съ самаго дѣтства давалъ ожидать въ себѣ не чиновника и не человека отъ міра сего, а читателя христіанской мудрости созерцательной и дѣятельной. Послѣ начального ученія въ домѣ родительскомъ онъ изъявилъ непреклонное желаніе получить возможно полное и совершенное образованіе, и такъ какъ этого невозможно было достигнуть тогда въ Солуни, то былъ отправленъ въ Константинополь слушать уроки у тамошнихъ придворныхъ профессоровъ. Въмѣстѣ съ послѣдними онъ слушалъ уроки и у добровольнаго профессора—знаменитаго Фотія, во время его ученія еще мірскаго человека и придворнаго сановника ²⁾. причемъ отношенія учителя и ученика окончились тѣмъ, что одинъ удостоилъ другаго искренней дружбы. Какъ юноша безукоризненныхъ нравовъ и выдававшійся своими блестящими талантами, Константинъ взятъ былъ ко двору, чтобы быть товарищемъ и руководителемъ въ начальномъ ученіи малолѣтнему императору Михаилу III ³⁾. Окончивъ свое образованіе, Константинъ хотѣлъ было поселиться гдѣ-нибудь въ уединеніи, подобно тому, какъ это дѣлали юные Василій Великій и Іоансъ Златоустый, чтобы съ полной свободой предаться своимъ любимымъ занятіямъ—чтенію книгъ и уединеннымъ духовно-нравственнымъ упражненіямъ. Но его заставили остаться въ столицѣ и, посвятивъ во священники, сдѣлали библіотекаремъ патриаршей библіотеки. По неизвѣстной причинѣ, можетъ быть—не совладѣвъ съ своимъ желаніемъ насладиться уединенной жизнью, Константинъ весьма скоро скрылся изъ столицы въ одинъ изъ монастырей, находившихся на Мраморномъ морѣ. Однако послѣ шестимѣсячнаго исканія открыли мѣсто его уединенія, возвратили его въ Константинополь и упросили принять на себя должность профессора философіи среди тѣхъ придворныхъ профессоровъ, у которыхъ онъ недавно самъ слушалъ уроки. Во время этого профессорства, которому Константинъ вѣроятно главнымъ образомъ обя-

¹⁾ Въ житіи «княженіе», что есть переводъ греческаго ἀρχοντία.

²⁾ Поставленъ изъ сановниковъ въ патриархи 21 Декабря 857 г.

³⁾ Михаилъ наследовалъ отцу своему Θεофілу 21 Января 842 г., будучи 3-лѣтнимъ дитятей.

занъ именованъ философа, онъ долженъ былъ исполнить два важныя частныя порученія правительства, именно—во-первыхъ, держалъ богословскій диспутъ съ иконоборцемъ—низложеннымъ Константинопольскимъ патриархомъ Іоанномъ или Янниемъ¹⁾, во-вторыхъ, совершилъ путешествіе для богословскаго, такъ сказать — международнаго, диспута къ Сарадинамъ, вслѣдствіе вызова къ Грекамъ со стороны этихъ послѣднихъ²⁾. Возвратившись изъ путешествія къ Сарадинамъ, Константинъ скоро отказался отъ профессорства и отъ всего житія сего и сначала жилъ гдѣ-то въ совершенномъ уединеніи съ однимъ слугою, ведши себя относительно заботъ о насущномъ истиннѣйшимъ философомъ, а потомъ перешелъ на Олимпъ къ Мееодію. Отсюда, исполняя новое порученіе правительства, онъ совершилъ путешествіе для подобнаго же, что сейчасъ выше, богословскаго диспута къ Хазарамъ, причемъ ему сопутствовалъ и старшій братъ. На пути въ Хазарію онъ имѣлъ продолжительную остановку въ Херсонесѣ Таврическомъ, или Корсуні, во время которой выучился отъ одного тамошняго Іудея еврейскому языку и обрѣлъ преданныя забвенію мощи св. мученика Климента Римскаго³⁾.

Когда Константинъ съ Мееодіемъ возвратились изъ Хазаріи, въ Константинополь прибыло моравское посольство для заключенія политическаго и церковнаго союза. Въ начальники надъ священниками, имѣвшими отправиться въ Моравію, избранъ былъ Константинъ, съ одной стороны, нѣтъ сомнѣнія, потому, что предшествующими опытами доказалъ свою способность къ исполненію важныхъ порученій, а съ другой стороны—по той част-

¹⁾ Іоаннъ, бывшій патриархомъ при Теофилѣ, низложенъ былъ послѣ смерти сего послѣдняго, когда въ Константинополѣ было восстановлено иконопочитаніе оставшагося его супругой Теодорой.

²⁾ Константинъ путешествовалъ не къ эмиру (амирѣ) Милитенскому, какъ предполагалъ А. В. Горскій, а къ самому амируннѣ, т. е. калифу.

³⁾ Кромѣ сего Константинъ, во время своего пребыванія въ Корсуні, по его Паннонскому житію, «обрѣтъ же ту евангеліе и псалтырь рускими письмены писано и чловѣка обрѣтъ глаголюща тою бесѣдою»... Подъ рускими письменами, какъ мы увѣрены (если не ошибаемся, вмѣстѣ съ Шафарикомъ), должно разумѣть готскія письмена, которыя могли быть названы рускими по едино-язычнымъ съ Готами и поселившимся съ ними въ Тавридѣ Варягамъ-Руссамъ или Норманнамъ передъ 839 г., о чѣмъ мы говорили выше. Болѣе чѣмъ вѣроятно, что самъ письменамъ мы должны въ весьма значительной степени считать себя обязанными благодарностью за то, что Константинъ сталъ нашимъ апостоломъ или пришелъ къ мысли и рѣшился дать намъ богослуженіе на нашемъ собственномъ языкѣ. Книга, переведенная на готскій языкъ, такой же новый, какъ и славянскій, могли нанести его на первую мысль сдѣлать тоже и для Славянъ, а потомъ укрѣпить его и въ рѣшимости осуществить свою мысль (впослѣдствіи, обличая латинскихъ епископовъ, Константинъ дѣйствительно указываетъ между прочимъ на готскія книги).

ной причинѣ, что онъ такъ же, какъ и братъ его, зналъ славянскій языкъ. Это знаніе обоими славянскаго языка условливалось тѣмъ, что они были уроженцы Солуни: въ IX вѣкѣ Солунь со всѣхъ сторонъ была окружена поселеніями славянскими; между городомъ и деревнями, какъ обычно, существовали самыя живыя сношенія (причемъ въ частности то, что при слуга въ городѣ была деревенская) и вслѣдствіе этого-то всѣ жители Солуни или всѣ солунскіе Греки больше или меньше умѣли говорить по-славянски (какъ Русскіе, живущіе гдѣ-нибудь вмѣстѣ съ инородцами, обыкновенно болѣе или менѣе умѣютъ говорить поинородчески).

Пришедъ къ великой мысли дать Моравамъ богослуженіе на ихъ собственномъ языкѣ ¹⁾, Константинъ началъ съ того, что изобрѣлъ собственную славянскую азбуку, каковое изобрѣтеніе состояло въ томъ, что онъ взялъ греческую азбуку и дополнилъ ее буквами, которыхъ не доставало въ ней для выраженія звуковъ славянскаго языка, лишнихъ противъ языка греческаго. Послѣ изобрѣтенія азбуки онъ тотчасъ же приступилъ къ переводу, сдѣлавъ первый опытъ его въ самомъ Константинополѣ, до отбытія въ Моравію.

Или тотчасъ же или весьма вскорѣ послѣ прибытія Константина въ Моравію въ сопровожденіи Меоодія, Моравы снова вынуждены были возвратиться подъ власть папы, отъ котораго они отложились было къ патриарху Константинопольскому. Но Константинъ послѣ уничтоженія чрезъ сіе собственной и официальной цѣли его посольства не возвратился назадъ въ Константинополь, а остался въ Моравіи: возвратившись подъ власть папы, Моравы въ виду возможности имѣть славянскія богослужебныя книги не хотѣли возвратиться къ книгамъ латинскимъ, и Константинъ остался у нихъ по ихъ желанію, чтобы дать имъ славянскія книги (въ предѣлахъ Римской церкви книги греческаго обряда). Въ продолженіе

---

¹⁾ Сейчасъ мы сказали, что на первую мысль о семъ могли его навести готскія богослужебныя книги, видѣнныя имъ въ Херсонесѣ или Корсуні. Раздумывая надъ этою мыслию онъ могъ вспомнить то, что во времена Іоанна Златоустаго была въ Константинополѣ готская церковь, въ которой совершалось богослуженіе на готскомъ языкѣ, и что великій отецъ, проповѣдуя въ сей церкви, которую самъ и далъ Готамъ, указывалъ какъ на доказательство превосходства христіанства передъ язычествомъ на то, что писанія еллинскихъ мудрецовъ—Платона, Пифагора и всѣхъ аевнскихъ философовъ забыты, а писанія рыбаей и скинотворцевъ переведены на всѣ языки вселенной (Златоустаго *Homilia habita in ecclesia Pauli, Gothis legendibus, postquam presbyter Gothus concionatus fuerat*,—ed. Montfauc. Parisina altera, t. XII, p. 512). Это могло окончательнo укрѣпить его въ его мысли, ибо если люди рядовые, вспоминая про хорошее у предковъ, со вздохами искренними и лицемѣрными (если дѣло идетъ о самооправданіи) говорятъ: это было не при насъ, а при другихъ людяхъ, то люди исключительные, наоборотъ, съ твердостью говорятъ: это такъ должно быть и при насъ.

40 мѣсяцевъ, т. е. 3-хъ лѣтъ и 4-хъ мѣсяцевъ, Константинъ перевелъ съ греческаго языка на славянской „весь церковный чинъ“ или весь кругъ общественнаго богослуженія и въ тоже время приготовилъ учениковъ, которые бы могли совершать богослуженіе по его книгамъ. Черезъ 40 мѣсяцевъ Константинъ отправился съ учениками для ихъ поставленія въ церковныя степени къ латинскому митрополиту, которому принадлежала въ то время церковная власть надъ Моравіею, именно — къ митрополиту Венеціанскому, причѣмъ на пути имѣлъ довольно продолжительную остановку у одного подручнаго Нѣмцамъ славянскаго князя, — Коцела Блатенскаго, имѣвшаго столицу въ городѣ Мозебургѣ на озерѣ Блатенскомъ который привѣтствовалъ славянскія книги съ такою же величайшею радостію, какъ и Моравы. Митрополитъ Венеціанскій вмѣсто посвященія учениковъ Константина собралъ на него многочисленный соборъ, на которомъ потребовалъ отъ него отчета въ томъ, какъ онъ рѣшился на свое нововведеніе, когда будто бы опредѣлено и признано, чтобы богослужебными языками были только два—греческій и латинскій. Горячо и безпощадно обличивъ своихъ обличителей, Константинъ обратился съ жалобою къ папѣ — знаменитому Николаю I, которымъ и позванъ былъ въ Римъ. Не заставъ въ живыхъ папы Николая († 13 ноября 867 г.) и пришедъ въ Римъ при его преемникѣ Адріанѣ II (посвященъ 14 декабря того же 867 г.), Константинъ вмѣстѣ съ своими славянскими книгами нашель у папы благосклоннѣйшій приемъ: послѣднія, бывъ освящены на престолѣ церковномъ, такъ сказать торжественно были канонизованы къ богослужебному употребленію. Весьма трудно и совсѣмъ невѣроятно предполагать, чтобы благосклонность папы Адріана II, вопреки всему латинскому и въ частности его самого окружавшему духовенству, была искреннею. Поэтому необходимо думать, что въ умѣ его знаменитаго предшественника, который позвалъ Константина въ Римъ, явились по отношенію къ послѣднему и его славянскимъ книгамъ особыя планы, которые требовали показать благосклонность къ одному и къ другимъ, и что Адріанъ II, являя эту благосклонность, дѣйствовалъ по мыслямъ Николая. Такимъ планомъ для Николая могло быть то, чтобы руками Константина устроить миссію для обращенія славянскихъ народовъ въ католическое христіанство и чтобы при этомъ славянскія книги (которыя впоследствии можно было запретить во всякое время) употребить какъ средство для усиѣннѣйшаго привлеченія народовъ къ христіанству и католичеству.

Въ Римѣ, не побѣдивъ общей вражды къ славянскимъ книгамъ, но пріобрѣтши себѣ лично общее величайшее расположеніе и уваженіе, Константинъ неожиданно впалъ въ болѣзнь и на 43 году жизни скончался 14 февраля 869 года. Передъ смертію онъ принялъ монашество съ именемъ Кирилла и горячо увѣщевалъ остававшагося брата Меодія не возвращаться на родину и не покидать дѣла славянскихъ книгъ.

Послѣ смерти Константина къ папѣ обратился съ просьбою о Ме-

еодіи помянутый выше князь Блатенскій Коцель. Папа немедленно и охотно исполнилъ просьбу Коцела и возложивъ на Мееодія ту всеславянскую миссію, о которой мы сказали сейчасъ выше, писалъ ему, что посылаетъ Мееодія не только ему, но, и всѣмъ странамъ тѣмъ славянскимъ⁴. По вторичной просьбѣ Коцела, адресованной вслѣдъ за первой, папа посвятилъ Мееодія въ епископы Паннонскіе¹). Славянскія книги Мееодія тотчасъ же привлекли къ себѣ отъ латинскихъ книгъ все населеніе Коцеловой области, и слѣдствиемъ сего было то, что по жалобамъ латинскаго духовенства Мееодій былъ схваченъ нѣмцами и отправленъ въ ссылку. Пробывъ въ послѣдней два съ половиною года и бывъ освобожденъ изъ нея по настоятельному и рѣшительному требованію папы (видѣвшаго въ немъ своего миссіонера и человѣка весьма для себя полезнаго) Мееодій былъ выпрошенъ у папы снова Моравами, которые выхлопотали у перваго независимость своей церкви (дотошъ зависимой отъ чужихъ митрополитовъ) и настоятельно желали имѣть Мееодія своимъ архіепископомъ или митрополитомъ. Въ санѣ архіепископа Моравскаго, подвергавшись разнымъ навітамъ со стороны нѣмецкаго духовенства, Мееодій скончался 6 Апрѣля 885 года.

Нѣкоторые новѣйшіе ученые, не далеко уходя въ разумѣніи дѣла отъ людей IX—X вѣка, великость Константиновой заслуги полагаютъ въ изобрѣтеніи азбуки и переводѣ книгъ. Но какъ понимаетъ всякій, сколько нибудь разумѣющій дѣло, изобрѣсти азбуку была вовсе не великая мудрость и никто не думаетъ у насъ считать великимъ человѣкомъ Стефана Пермскаго за изобрѣтеніе имъ Зырянской азбуки (хотя онъ сдѣлалъ свое дѣло хитрѣе и самостоятельнѣе Константина, не взявъ для буквъ готовыхъ начертаній, какъ послѣдній, а изобрѣтши ихъ самъ). Еще проще было совершить переводъ и за него собственно Константинъ былъ бы столько же великимъ человѣкомъ, сколько суть великіе люди наши нынѣшніе переводчики съ иностранныхъ языковъ. Великость Константиновой заслуги не въ азбукѣ и переводѣ, а въ мысли о послѣднемъ, въ намѣреніи дать Славянамъ богослуженіе на ихъ собственномъ языкѣ, въ ученіи о равноправности всѣхъ народовъ имѣть богослуженіе на ихъ собственныхъ языкахъ.

Совершенно необходимо думать, вопреки многимъ ученымъ, что Константинъ перевелъ для Моравовъ богослужебныя книги не на болгарскій, а на ихъ собственный моравскій языкъ. Никто до Константина не преду-

¹) Мееодій передъ путешествіемъ съ Константиномъ въ Моравію былъ игуменомъ одного монастыря, но не имѣлъ пресвитерскаго сана (каковыя игумены—просто монахи у Грековъ въ древнее время были обычны, см. ниже о монашествѣ). При жизни Константина и скорѣе послѣ прибытія въ Римъ Мееодій поставленъ былъ папою въ пресвитеры, каковымъ и отправился къ Коцелу. А по просьбѣ Коцела поставленъ въ епископы (съ восстановленіемъ древней каедръ Паннонской).

становлялъ (и никто никогда не могъ предустановлять), что богослужебнымъ языкомъ Славянъ долженъ быть языкъ болгарскій: съ какой же бы стати для Моравовъ Константинъ перевелъ богослужебныя книги на этотъ послѣдній языкъ? Мнѣніе, что онъ перевелъ для Моравовъ богослужебныя книги на болгарскій языкъ, основывается на томъ, что до путешествія въ Моравію онъ зналъ именно этотъ послѣдній языкъ. Но основаніе весьма странное и смѣшное. Неужели Константинъ, пока не выучился моравскому языку, не могъ сдѣлать того простаго дѣла, чтобы взять себѣ помощниковъ, которые бы его болгарскій переводъ превращали въ моравскій?

Нѣкоторые филологи хотятъ найти въ рукописяхъ подлинный языкъ перевода Константинова. Напрасное исканіе! Константинъ перевелъ книги на моравскій языкъ, съ моравскаго онѣ переведены были на болгарскій и затѣмъ у Болгаръ, какъ прямо и ясно свидѣтельствуешь черноризецъ Храбръ, переводъ подвергался большимъ или меньшимъ исправленіямъ¹⁾, (заслуга Константина, какъ мы уже говорили, вовсе не въ томъ, что онъ отлично перевелъ богослужебныя книги съ греческаго языка на славянскій).

Изобрѣтенная Константиномъ славянская азбука, какъ мы говорили, есть ни что иное, какъ азбука греческая, дополненная новыми буквами для выраженія тѣхъ звуковъ славянскаго языка, которыхъ не было въ греческомъ. По свидѣтельству помянутаго Храбра, къ 24 греческимъ буквамъ Константинъ присоединилъ 14 новыхъ, такъ что весь алфавитъ его состоялъ изъ 38 буквъ. Эти новыя буквы Константина, послѣ него еще нѣсколько умноженные, были: б, ж, с (зѣло), ц, ч, ш, щ, ъ, ы, ѣ, ѵ, џ, ѡ. Послѣ прибавлены ѣ или нынѣшняя я и іотированные или смягченные юсы ѣ и ѡ (э оборотное есть наша весьма поздняя буква²⁾). На-

1) У Храбра совершенно ясно говорится объ исправленіи перевода Константинова, а не его азбуки, какъ неправильно понимаютъ нѣкоторые, предполагая исправителя азбуки въ Климентѣ.

2) Буква ѣ изобрѣтена Константиномъ для такого въ бывшемъ извѣстнѣмъ ему говорѣ Солунскихъ Славянъ звука ѣ, который въ установившемся потомъ церковно-славянскомъ, какъ и въ нашемъ русскомъ, языкѣ замѣняется звукомъ е, почему буква ѣ имѣетъ у насъ звукъ е, а называется, сохраняя свое первоначальное названіе, соответствовавшее первоначальному употребленію, ять. Солунскіе Славяне говорили, какъ доселѣ говорятъ Поляки: бяда, бѣлый, вяра, мяра, място, свѣтъ. сяно, язда; а въ церковно-славянскомъ языкѣ, какъ и въ нашемъ русскомъ: бѣда, бѣлый, вѣра, мѣра, мѣсто, свѣтъ, сѣно, ѣзда (у теперешнихъ Болгаръ въ нѣкоторыхъ словахъ звукъ ѣ вмѣсто церковно-славянскаго и нашего ѣ: вѣну, звѣваю, вождѣ, мѣсо, рѣдъ, тѣжко, ѣгна, ѣзыкъ, вмѣсто: вяну, звѣваю, коляда, мясо, рѣдъ, тѣжко, ягна, языкъ). — Буквы ѣ и ѡ, называемыя юсами, изобрѣтены были Константиномъ для выраженія носовыхъ звуковъ говора Солунскихъ Славянъ ем (эм) и ом (ом), а по исчезновеніи этихъ звуковъ изъ церковно-славянскаго языка упо-

чертанія новыхъ буквъ Константинъ не выдумывалъ самъ, а за исключе-
 ніемъ одной буквы отчасти взялъ ихъ изъ другаго извѣстнаго ему алфа-
 вита, именно изъ священнаго алфавита еврейскаго, главнымъ же обра-
 зомъ сдѣлалъ ихъ изъ тѣхъ же буквъ греческаго алфавита, достигнувъ
 этого тройкимъ образомъ—черезъ нѣкоторое измѣненіе буквъ, черезъ ихъ
 сложеніе и черезъ употребленіе нѣсколькихъ начертаній одной и той же
 буквы въ видѣ отдѣльныхъ буквъ. Изобрѣсти собственные начертанія для
 всѣхъ новыхъ буквъ ничего не стоило, но Константинъ не хотѣлъ дѣлать
 этого, какъ необходимо думать, потому, что въ древности придавалось
 великое значеніе начертаніямъ буквъ (еврейская азбука сослана Сифу
 Богомъ съ неба черезъ архангела Гавріила,—хроногрр.) и что онъ хотѣлъ
 избѣгнуть укоризнъ за дерзновенное въ семь отношеніи творчество (авторъ
 Паннонскаго житія заставляетъ Константина выразить опасеніе, какъ бы
 изобрѣтеніемъ азбуки не обрѣсти себѣ еретическо имя). Изъ еврейскаго
 алфавита взяты начертанія буквъ: ц, ч, ш и щ; первая есть еврейская

треблявшіяся для выраженія соотвѣтствовавшихъ имъ или служившихъ замѣно
 ихъ въ послѣднемъ языкѣ звуковъ *л* и *у* (Изъ всѣхъ славянскихъ языковъ носо-
 вые звуки вполне сохраняются теперь въ одномъ польскомъ языкѣ. Наши русскія
 слова: голубъ, дубъ, мужъ, глубокій, зубъ, рука, мѣсяць, пятно, святой, горячій,
 рядъ, по польски: голубъ, домбъ, монжъ, гленбоки, зембъ, ренка, мѣсенць, пентно,
 свенты, горонцы, ржондъ. Нѣкоторый остатокъ носовыхъ звуковъ сохраняется и у
 Солунскихъ Славянъ: вмѣсто нашихъ: града, жа(м)тва, зубы, мудро, язва, языкъ,
 иные изъ нихъ говорятъ: гренда, жентва, зембы, мондро, ензва, ензыкъ. Нѣкоторые
 слѣды носовыхъ звуковъ сохраняются и въ нашемъ русскомъ языкѣ. Существитель-
 ныя имена среднего рода, кончающіяся на *мя*: бремя, время, имя, племя, конча-
 ются въ родительномъ падежѣ на *емъ*: бременъ, времени, имени, племени, потому,
 что нѣкогда произносились съ носовымъ звукомъ *емъ*: бремень, время, именъ, пле-
 менъ. Пламя и до сихъ поръ: пламя и пламень; темя и до сихъ поръ: темя и те-
 менъ. Что юсовыя: жребъ, поросбъ, телъ, ягнъ, произносились нѣкогда съ носовымъ
 звукомъ: жеребѣн, поросѣн, телѣн, ягнѣн, видно изъ того, что уменьшительныя отъ
 нихъ: жеребѣн-окъ, поросѣн-окъ, телѣн-окъ, ягнѣн-окъ. Архіепископъ Новгородскій
 Антоній въ своемъ паломникѣ, писанномъ послѣ 1200-го года, передаетъ по-русски
 греческое слово *ἐμβολος*, галлерія, въ формѣ: уболъ, и этииъ какъ будто даетъ
 знать, что въ его время у насъ носовые звуки еще до нѣкоторой степени сохраня-
 лись. Что юсъ ж служилъ къ выраженію носового звука *омъ* видно между прочимъ
 изъ того, что славянское слово жголь Греки воспроизводили словомъ: *βυλλος*, он-
 глось (см. въ 1-й полов. этого тома стр. 3, прим.). Носовые звуки, бывшіе въ
 славянскихъ языкахъ, остались цѣлыми въ латинскомъ языкѣ: латинское *sumt*,
 третье лицо множественнаго числа, настоящаго времени, глагола *sum*, емь, пред-
 ставляетъ собою сохраняющее носовой звукъ одно и то же слово съ нашими *сжтъ*;
 окончанія третьяго лица множественнаго числа латинскихъ глаголовъ на *ant*, *ent*,
unt и *unt* соотвѣтствуютъ нашимъ окончаніямъ на *атъ*, *ятъ*, *утъ* и *ютъ*).

цаде въ той ея формѣ, какая употребляется въ началѣ и серединѣ словъ; вторая—таже цаде въ ея формѣ, употребляемой на концѣ словъ; третья есть еврейская шинъ, а четвертая образована изъ сей послѣдней по подобію первой цаде. Всѣ остальные новыя буквы за исключеніемъ, какъ сказали, одной, изъ алфавита греческаго: б изъ виты съ легкимъ измѣненіемъ формы; з есть греческая стигма, которая взята была потому, что имѣла служить знакомъ также сложнаго звука дв; ѣ и ъ, какъ мы думаемъ, представляютъ собой перевернутое внизъ головой греческое ρ, раздѣленное на двѣ буквы посредствомъ маленькаго въ одномъ случаѣ отличія въ формѣ; ы, которой древняя форма ѣ, сложена изъ ѣ и і; ѱ, какъ нужно думать, есть особое начертаніе греческой буквы епсилонъ; ю сложено изъ іоты и омикрона; Ѡ есть особое начертаніе альфы, а ж, какъ нужно полагать, есть нѣкоторое видоизмѣненіе сей послѣдней. Единственная буква, начертаніе которой должно признать самостоятельнымъ изобрѣтеніемъ Константина, есть ж. Наибольшей части буквъ своего алфавита Константинъ далъ славянскія названія и придумалъ эти послѣднія такъ, чтобы изъ нихъ по порядку выходили фразы со смысломъ: азъ, буки, вѣди, значить: я книги знаю (буки изъ готск. *bosa*, нѣмецк. *buch*); глаголь, добро, есть, значить: выговаривай хорошенько е. Оставлены съ греческими названіями: у, фертъ, херъ (оὐ φερτὸν χεῖρ—несносная рука).

Кромѣ славянской азбуки Константина, которая по его монашескому имени называется Кириллицей, есть еще другая славянская азбука, такъ называемая Глаголица, съ самостоятельными начертаніями буквъ (далеко не удачной формы). Эта послѣдняя азбука съ древняго времени существовала и отчасти до сихъ поръ существуетъ у католическихъ Далматинцевъ, въ древнее время бывъ азбукой ихъ славянскихъ (католическаго обряда) богослужебныхъ книгъ и вмѣстѣ житейскаго быта, а въ настоящее время оставаясь исключительно въ первыхъ. Далматинцы усвоили было себѣ изъ Моравіи славянскія книги Константина или переведенныя съ греческаго. Но когда эти книги были отъ нихъ изгнаны, они перевели на славянскій языкъ книги католическія и чтобы Римское правительство не смѣшивало этихъ послѣднихъ книгъ съ ненавистными для него первыми они и выдумали для нихъ особый алфавитъ ¹⁾.

¹⁾ Для приданія своему алфавиту авторитета въ глазахъ папъ Далматинцы выдавали его за изобрѣтеніе блаженнаго Иеронима, далматинскаго уроженца. Въ половинѣ XIII вѣка они добились ему и своимъ славянскимъ, и въ писаннымъ, книгамъ оффиціальнаго признанія со стороны папъ, смъ нашу книгу: Краткій очеркъ исторіи правосл. церкви Болгарск., Сербск. и Румынск., стр. 705 гл. (Отъ Далматинцевъ глаголическое письмо переходило къ Болгарамъ, а отъ Болгаръ приобретали знакомство съ нимъ и нѣкоторые русскіе книжные люди, которые способствовали написать нѣсколько словъ поглаголически и шеголяли какъ своего рода ученостію.—

II.

Общественное богослуженіе.

Всякій до нѣкоторой степени знаетъ, что общественное церковное богослуженіе явилось въ своемъ нынѣшнемъ видѣ не вдругъ и не сразу, — что оно имѣетъ болѣе или менѣе продолжительную исторію. Когда мы приняли христіанство, эта исторія еще далеко не доходила до своего конца и мы еще въ значительной степени захватили ее, такъ что она должна была воспроизвестись у насъ въ слѣдъ за Греками. Не излагая обстоятельнымъ образомъ исторіи общественнаго богослуженія, чтò къ нашей дѣли не относится и чтò при теперешней разработкѣ предмета было бы и невозможно, мы однако имѣемъ нужду представить ее суммарнымъ образомъ.

Общую характеристическую черту исторіи всего богослуженія составляетъ то, что оно не слагалось единообразно для всего православнаго міра въ какомъ-нибудь извѣстномъ его центрѣ, а многообразно по частнымъ церквамъ и мѣстамъ (монастырямъ), и что для водворенія единообразія почти вовсе не было употребляемо со стороны высшей церковной власти нарочитыхъ законодательныхъ мѣръ. Иначе сказать, въ отношеніи къ богослуженію постоянно господствовалъ въ церкви духъ свободы и отсутствовали стремленія къ централизаціи.

Исторія литургіи, которая по своему установленію ведетъ начало отъ самаго Іисуса Христа (Тайная вечера) и которая стала общественною службою христіанъ съ самаго перваго появленія ихъ общества, есть слѣдующая.

На первой и единой для всей церкви основѣ, положенной апостолами, она развивалась и слагалась потомъ независимо въ частныхъ церквахъ, имѣя и сохраняя при единеніи церковей единство существа и будучи при ихъ свободѣ болѣе или менѣе разнообразною въ несущественномъ, причемъ это послѣднее послѣ благословенія хлѣба и чаши или совершенія Таинства евхаристіи должно понимать болѣе или менѣе широко.

По отношенію къ темному вопросу объ изобрѣтателѣ глаголической азбуки намъ гдодозрѣвается, что изобрѣтателемъ этотъ былъ хорватскій епископъ половины XI вѣка Чедеда, о которомъ см. въ сейчасъ помянутомъ нашемъ Краткомъ очеркѣ, стрр. 704 и 705).

Съ конца IV вѣка началó водворяться единообразіе литургіи тѣмъ путемъ, что стали помѣстно входить въ общее употребленіе литургіи или знаменитыхъ мужей или знаменитыхъ каедръ. Въ западной половинѣ Греческой церкви, именно—патріархатахъ Константинопольскомъ и Ангіохійскомъ, таковыми были литургіи или ихъ редакціи, принадлежавшія Василю Великому († 379) и Іоанну Златоустому († 407), а въ половинѣ восточной—патріархатахъ Іерусалимскомъ и Александрійскомъ литургіи, принадлежавшія патріаршимъ каедрамъ — въ томъ и другомъ патріархатѣ своей каедрѣ (Іерусалимская литургія по первому основателю каедрѣ и виѣстѣ съ тѣмъ по первому, конечно, учредителю чина и ея самой называлась литургіей ап. Іакова; литургія Александрійская по тѣмъ же причинамъ называлась литургіей евангелиста Марка).

Это принятіе въ общее употребленіе немногихъ литургій не ввело однако совершеннаго единообразія помѣстнаго, а было только значительнымъ шагомъ на пути къ объединенію. Не случилось перваго по двумъ причинамъ: съ одной стороны потому, что церкви, принимая помянутыя литургіи, не вводили ихъ у себя въ употребленіе неизмѣнно въ томъ видѣ, какъ ихъ получали, а больше или меньше дополняли ихъ изъ мѣстныхъ, прежде бывшихъ, литургій или же измѣняли ихъ на основаніи сихъ послѣднихъ ¹⁾; съ другой стороны потому, что въ развитіи своего состава литургія не остановилась на томъ, чѣмъ она была въ IV вѣкѣ (повдѣе явилась цѣлая часть ея—проскомидія).

Послѣ XII вѣка Востокъ соединился съ Западомъ, усвоивъ литургію Василя Великаго и Іоанна Златоустаго ²⁾. Но самыя эти литургіи остались все въ томъ же видѣ большаго или меньшаго разнообразія.

Въ второй половинѣ XIV вѣка Константинопольскій патріархъ Филофей († 1379) обработалъ редакцію служебника, которая или официально введена была въ общее употребленіе или же неофициально начала входить въ него. Однако нѣкоторое разнообразіе

¹⁾ А также и свобода предстоятелей церквей въ употребленіи молитвъ собственнаго сочиненія оставалась совершенно неприкосновенною по крайней мѣрѣ до половины V вѣка: во времена Исидора Пелусіота († ок. 440 г.), такъ же какъ во времена Іустина философа, нѣкоторые изъ нихъ еще возносили за богослуженіемъ молитвы экспромптѣ (Творенн. Исидора въ русск. перев. ч. III, стр. 278).

²⁾ Во времена Вальсамона въ Іерусалимѣ и Александріи употреблялись еще свои литургіи — Іакова въ первомъ и Маркова во второй, — отвѣты на вопросы Марка Александрійскаго, писанные въ 1203 г., у Ралли и П. IV, 448.

и послѣ сего продолжалось довольно долго. Совершенный конецъ ему положило только книгопечатаніе, давшее всѣмъ въ руки одни и тѣже служебники ¹⁾).

Вмѣстѣ съ двумя литургіями полными есть еще въ православной церкви третья не полная, именно — литургія преждеосвященныхъ даровъ, употребляемая въ дни великаго поста. Начало этой литургіи восходитъ къ глубокой, хотя и не апостольской, древности. Первоначально она явилась какъ мѣстный обычай нѣкоторыхъ частныхъ церквей (можно предполагать по указаніямъ, что церкви Александрійской), но потомъ принята была всею Греческою церковію. Мы не знаемъ, вышла ли она изъ одного мѣста или заразъ изъ нѣсколькихъ, и такимъ образомъ не можемъ сказать, было ли ея первое начало единообразно или многообразно; но во всякомъ случаѣ было многообразно ея продолженіе вслѣдствіе той свободы, съ которою относились церкви ея принимавшія къ ея получавшемуся образцу. Ея нынѣшнее полное единство ведетъ свое начало отъ того же весьма недавняго времени, что и литургій совершенныхъ ²⁾).

Прочія общественныя церковныя службы, по своему происхожденію не богопреданныя, а имѣвшія основаніе въ собственномъ молитвенномъ усердіи вѣрующихъ, явились не одновременно съ литургіей, а спустя нѣкоторое время послѣ нея ³⁾).

Въ отношеніи къ этимъ службамъ прежде разнообразія частныхъ долгое время существовало еще раздѣленіе такъ сказать поклассное или раздѣленіе на категоріи. Въ настоящее время у насъ во всѣхъ церквахъ однѣ и тѣже службы по количеству и по составу. Но долгое время это было не такъ, а именно—мірскія церкви имѣли свое количество службъ, монастыри—свое; первыя имѣли ихъ (безъ литур-

¹⁾ Собранія древнихъ литургій находятся у: *Euseb. Renaudot*'а въ *Liturgiarum orientalium collectio*, два тома, Paris, 1716, у *Ios. Alois. Assemani* въ *Codex liturgicus ecclesiae univergae*, 13 томовъ, Rom. 1749, у *Muratori* въ изданіи *Liturgia Romana vetus*, два тома, Venet. 1748 г. Санктпетербургской Духовной Академіей издано «Собраніе древнихъ литургій восточныхъ и западныхъ въ переводѣ на русскій языкъ»,—пять выпусковъ, Спб. 1874—1878.

²⁾ О литургіи преждеосвященныхъ даровъ специальныя русскія изслѣдованія: *Н. Малиновскаго*—О литургіи преждеосвященныхъ даровъ, Спб. 1850, *Г. Смирнова*—О литургіи преждеосвященныхъ даровъ, Москва. 1850.

³⁾ Объ утрени въ дни воскресные говоритъ уже Плиній въ своемъ извѣстномъ письмѣ о христіанахъ къ Траяну (*ante lucem convenire* — на заутреню *urgensque secundi ad capiendum cibum* — для совершенія таинства евхаристіи или на литургію).

гій) двѣ — утреню и вечерню, вторые имѣли ихъ всѣ тѣ, которыя въ настоящее время у насъ во всѣхъ церквахъ, ибо теперь у насъ во всѣхъ церквахъ уставъ монастырскій ¹⁾; затѣмъ относительно состава и характера службъ церкви раздѣлялись на три класса: кафедрально-епископскія, приходскія въ тѣснѣйшемъ смыслѣ и монастырскія ²⁾.

¹⁾ Лишнія противъ мірскихъ церквей службы монастырскія за исключеніемъ павечерницы введены были, по увѣренію Кассіана, монахами Палестинскими (послѣ монаховъ Египетскихъ, которые вмѣстѣ съ мірянами имѣли только утреню и вечерню), — у *Bingh.* Vol. V, p. 302 sqq; но во всякомъ случаѣ, если не предупредилъ ихъ, то одновременно съ ними сдѣлалъ то же самое Василій Великій. — *Sermo asceticus* у Мина въ Патрол. t. 31, col. 877; несомнѣнно принадлежащая именно монахамъ Палестинскимъ служба изъ числа сейчасъ указанныхъ есть первый часъ, который, по свидѣтельству Кассіана, впервые введенъ въ монастырѣ Вилеенскомъ при его собственной бытности въ немъ († послѣ 432), — у *Bingh.* *ibid.* p. 311. Павечерница явилась въ неизвѣстное позднѣйшее время, — *ibid.* p. 304. Названіе этой службы значить не то, что она поется послѣ вечерни, а то, что она поется послѣ вечерней трапезы (вечерянія) или ужина (по греческ. ἀποδειπνον отъ ἀπὸ и δείπνος ужинъ). Послѣдованіе изобразительныхъ (Ἀκολουθία τῶν τοπικῶν) или такъ называемая обѣдница, которая въ настоящее время поется въ великомъ постѣ послѣ часовъ, въ древнее время пѣлась монахами въ продолженіе всего года въ тѣ дни, когда они не пѣли литургіи (первоначальные монахи, жившіе въ пустыняхъ, въ разбросанныхъ на большомъ пространствѣ отдѣльныхъ кельяхъ, собирались въ церкви для служенія литургіи только по воскресеньямъ, а въ остальные дни каждый отпѣвалъ службы у себя въ кельѣ. Названіе послѣдованія τὰ τοπικὰ значить образъ литургіи, т. е. значить службу, которая замѣняла литургію). Греческіе или восточные часы 1-й, 3-й, 6-й и 9-й, въ которые введено монахами пѣніе особыхъ послѣдованій («часовъ»), въ древнее время — подразумѣвается — совершавшихся въ свое время, соответствуютъ нашимъ: 7-му и 9-му утра, 12-му дня и 3-му по полудни. — Если напр. въ Постановленіяхъ апостольскихъ, кн. VIII, гл. 34, предписывается совершать молитву утромъ, въ третій часъ и шестой и девятый, и вечеромъ и въ пѣтеловозглашеніе, то это должно разумѣть не объ общественной молитвѣ въ церкви, а о домашней всякаго христіанина: общественная молитва въ церкви по тѣмъ же Постановленіямъ, кн. II, гл. 59, дважды днемъ — утромъ и вечеромъ. Если импер. Юстиніанъ предписываетъ въ своемъ кодексѣ, lib. I, tit. III, 42 § 10, чтобы всѣ клирики въ каждой церкви пѣли τὰ τε νοκτερνὰ καὶ τὰ ὀρθρινὰ καὶ τὰ ἑσπερινὰ; то или должно разумѣть у него утреню, обѣдню и вечерню или понимать его такъ, что nocturnam службу предписывается клирикамъ пѣть для самихъ себя).

²⁾ Кромѣ Сусеона Солунскаго, который сейчасъ и нѣсколько ниже, см. еще Григорія протосинокла отвѣтъ Марку Ефесскому, — выписка у Дюканжа въ *Gloss. Graecit.* подъ слл. Ἠσυχαστήριον и Καθολικὴ ἐκκλησία.

О службахъ, составлявшихъ принадлежность и особенность церковей кафедрально-епископскихъ, или объ ихъ вечерняхъ и утреняхъ подробныя свѣдѣнія сообщать намъ Сумеонъ Солунскій. Службы эти по своему составу и по своему характеру весьма значительно отличались отъ нынѣшнихъ нашихъ, которыя суть монастырскія. Что касается до состава, то вечерня церковей кафедрально-епископскихъ была слѣдующая ¹⁾: 1) начало, какъ на литургіи: «Благословенно царство», 2) великая ектенія и 3) малая ектенія, между прошеніями которыхъ 4) три антифона съ Трисвятымъ (подъ воскресенья и праздники—большіе, въ будни—малые?), 5) Господи возвахъ и входъ, 6) по входѣ пѣніе на амвонѣ хвалебныхъ пѣсней воскресенія, 7) прокимень: «Господь воцарися», 8) ектенія сугубая и 9) ектенія малая. Составъ таковой же утрени былъ: 1) «Благословенно царство», 2) ектенія великая, 3) пѣніе трехъ псалмовъ: «Господи, что ся умножиша, — Боже, Боже мой, къ Тебѣ утреннюю, — Се благословите Господа», на каждомъ стихѣ которыхъ хоры попеременно: «Слава Тебѣ Боже», 4) ектенія малая, 5) непорочны съ малою ектеніею послѣ каждой и входъ изъ притвора, гдѣ совершалась предшествующая часть утрени, въ самый храмъ, 6) входное аллилуія, 7) псаломъ: «Благословите вся дѣла Господня Господа» и вся пѣснь трехъ отроковъ, 8) Богородичень: «Тебе необоримую стѣну» ²⁾. Относительно своего характера вечерня и утрени кафедрально-епископскихъ церковей имѣли ту особенность, что онѣ подобно литургіи представляли изъ себя сплошное пѣніе, которое не прерывалось чтеніемъ, почему онѣ, какъ особый классъ службъ, назывались пѣсеннымъ послѣдованіемъ (*ἀσματικὴ λεγομένη ἀκολουθία*, — Сум. Сол.); при этомъ съ внѣшней стороны совершенія и исполненія онѣ были службами торжественными, которыя принято было совершать цѣ-

¹⁾ Выписку подлинныхъ мѣстъ изъ Сумеона Солунскаго о нашихъ вечернѣ и утренѣ см. въ приложеніи къ этой главѣ. Если мы, можетъ быть, не совсѣмъ вѣрно передаемъ порядокъ службъ, изложенный у Сумеона Солунскаго не совершенно ясно, то читателю предоставляется самому поправить насъ.

²⁾ По изложенію Сумеона Солунскаго на утрени кафедрально-епископскихъ церковей нѣтъ канона; въ другомъ мѣстѣ онъ ясно говоритъ, что его на ней не было и что только онъ въ свое время приложилъ его къ ней (см. въ выпискахъ). Слѣдовательно, каноны первоначально явились и долгое время пѣлись, составляя какъ бы особое добавленіе къ утренѣ, только въ монастыряхъ. Вмѣсто цѣлаго канона мы находимъ въ нашей утренѣ только одну 8-ю его пѣснь: можетъ быть изъ этой 8-й пѣсни утрени церковей кафедрально-епископскихъ и развился цѣлый канонъ монастырскій.

лыми соборами священниковъ и которыхъ пѣніе составлено было такъ, что должно было исполняться болѣе или менѣе многочисленными, вообще настоящими, хорами пѣвчихъ ¹⁾).

Что такое были службы церквей приходскихъ или ихъ утрени и вечерни, положительно ничего неизвѣстно; но со всею вѣроятностію слѣдуетъ думать, что онѣ не представляли собою въ собственномъ смыслѣ особаго класса отъ соотвѣтствующихъ службъ монастырскихъ, какъ службы церквей кафедрально-епископскихъ, а были тѣже самыя службы, только болѣе или менѣе сокращенныя, чѣмъ въ монастыряхъ; именно—со всею вѣроятностію слѣдуетъ думать, что монастыри, когда они явились, усвоили себѣ службы церквей приходскихъ (а не кафедрально-епископскихъ, какъ простѣйшія) и потому только болѣе и менѣе удлиннили ихъ (и сверхъ того прибавили новыя службы) ²⁾.

Какъ въ кафедрально-епископскихъ церквахъ, такъ и въ приходскихъ и въ монастыряхъ наши службы (въ первыхъ двухъ классахъ—свое число: утрени и вечерни, въ третьемъ классѣ свое число: утрени, вечерни и всѣ прочія, нынѣ общія всѣмъ церквамъ, службы) первоначально представляли весьма большое разнообразіе, ибо перваго и втораго класса службы, такъ же какъ литургіи и еще болѣе, были сла-

¹⁾ По всей вѣроятности, должно разужьть то пѣніе, которое у насъ называлось демественнымъ, ибо демественный отъ деместикъ, а деместикъ есть греческое *δωμῆστιχός*, что значить регентъ хора пѣвчихъ (пѣніе партесное или многоголосное въ противоположность унисонному или одноголосному).

²⁾ Немногія свѣдѣнія, которыя мы имѣемъ о службахъ приходскихъ церквей (утренѣ и вечернѣ), именно говорятъ за то, чтобы представлять ихъ одиѣми и тѣми же съ соотвѣтствующими службами монастырскими, но только болѣе сокращенными. Сумеонъ Солунскій говоритъ, что въ нихъ дѣлаются опущенія противъ монастырей (не читается псалтири, кромѣ четырнадцатницы).—*De sacra presatione* с. 303, у Миня въ *Patr. t. 155, p. 556 fin.*; тоже даютъ знать и наши русскія свѣдѣнія, см. *Опис. Синод. ризп. Горск. и Невостр.* Отд. II, 3, стр. 125, № 233, л. 273 об. Такъ должно представлять дѣло и по самому его существу, т. е. трудно допустить, чтобы монахи по своемъ появленіи составили для себя службы совсѣмъ новыя, а не усвоили готовыя—церквей приходскихъ. Что же касается до того, что въ церквахъ приходскихъ явились свои службы (утрени и вечерни), отличныя отъ церквей кафедрально-епископскихъ, то причина тутъ ясна: службы кафедральныхъ церквей были службы торжественныя, составленныя такъ, что рассчитаны были, какъ свидѣтельствуемъ Сумеонъ Солунскій (*De sacra presatione* с. 301, у Миня въ *Patr. t. 155, p. 553 fin.*), на многочисленныя лики или соборы священниковъ и на цѣлыя хоры пѣвчихъ. Такъ какъ въ приходскихъ церквахъ ничего этого не было, то для нихъ (послѣ ихъ появленія) и были составлены свои чины службъ.

гаемы предстоятелями частныхъ церквей самостоятельно и свободно ¹⁾, а что касается до третьяго класса, то настоятелямъ, а въ особеннoсти—создателямъ или ктиторамъ монастырей предоставлено было право составлять для нихъ и предавать имъ свои уставы жизни и богослуженія (подъ тѣмъ, разумѣется, условіемъ, чтобы все свое въ уставахъ не клонилось къ ослабленію подвига молитвы и истинныхъ монашескихъ правовъ монаховъ,—сгг ниже въ главѣ о монашествѣ, и разумѣя подъ уставами богослуженія уставъ всѣхъ службъ за исключеніемъ литургіи). Постепенное объединеніе перваго и послѣдняго класса службъ—церквей каедрально-епископскихъ и монастырей совершалось тѣмъ путемъ, что каедры епископскія низшія принимали уставы каедръ высшихъ, а монастыри низшіе уставы монастырей высшихъ. На верху перваго объединенія или уставовъ каедрально-епископскихъ церквей въ западной половинѣ Греческой церкви—патріархатахъ Константинопольскомъ и Антиохійскомъ является уставъ Константинопольской великой церкви; а какъ было въ половинѣ восточной, остается положительно неизвѣстнымъ, но весьма вѣроятно—такъ же какъ въ литургіи, т. е. что уставы патріархій или мѣстныхъ великихъ церквей. На верху втораго объединенія или уставовъ монастырей въ восточной половинѣ церкви является уставъ Іерусалимскаго монастыря Саввы освященнаго ²⁾, а въ половинѣ западной уставъ Константинопольскаго монастыря Студійскаго ³⁾. Что касается до церквей приходскихъ, то тутъ мы не имѣемъ никакихъ положительныхъ данныхъ для предположеній, но дѣло должно быть съ вѣроятностію представляемо такъ, что церкви каедръ низшихъ постепенно усвоили уставы церквей каедръ высшихъ (церкви епископій извѣстной митрополиі уставъ церквей митрополиі, какъ епархіи въ собственномъ смыслѣ, церкви митрополиі извѣстной патріархіи уставы церквей патріархіи какъ таковой же).

При этомъ объединеніи уставовъ должно быть подразумѣваемо тоже самое и даже значительно большее господство мѣстной и частной розни однихъ и тѣхъ же уставовъ, которая имѣла мѣсто въ литур-

¹⁾ Относительно втораго класса службъ или церквей приходскихъ подъ предстоятелями, какъ думаемъ, должно разумѣть мѣстныхъ епископовъ, а не священниковъ самыхъ церквей, такъ что здѣсь должно было господствовать съ самаго начала большее или меньшее единообразіе по епархіямъ.

²⁾ Въ редакціи Софронія, патріарха Іерусалимскаго († 644),—*преосв. Филарета* Обзоръ пѣснопѣвцевъ, стр. 233.

³⁾ Который, какъ это представляется вѣроятнымъ думать, былъ ничѣмъ инымъ, какъ нѣскольео измѣненнымъ воспроизведеніемъ того же устава Саввина.

гяхъ, т. е. что извѣстный уставъ, приобретаая большую или меньшую распространенность, не являлся вездѣ въ совершенномъ единообразіи своего первообраза (въ своей первообразности), но въ разныхъ мѣстахъ являлся съ своими частными особенностями; напимѣръ: уставъ Константинопольской великой церкви, ставъ общимъ уставомъ епископій патріархата, въ разныхъ частныхъ церквахъ, которыя его приняли, явился съ своими мѣстными, большими или меньшими особенностями; уставъ Студійскаго монастыря, бывъ принятъ большимъ или меньшимъ количествомъ монастырей, явился въ этихъ монастыряхъ — во всѣхъ или во многихъ съ своими мѣстными особенностями ¹⁾.

Послѣ раздѣленія на классы, всѣ церкви: каедрально-епископскія, приходскія и монастырскія соединились въ одинъ классъ, что случилось такимъ образомъ, что всѣ церкви приняли одинъ и тотъ же уставъ монастырскій, и именно—Іерусалимскій св. Саввы. Сначала приняли этотъ уставъ церкви каедрально-епископскія и потомъ уже и весьма не скоро и церкви приходскія. Собственныя утренняя и вечерня каедрально-епископскихъ церквей, какъ мы сказали, были службы по своему характеру торжественныя и составленныя такъ, что были разсчитаны на большіе соборы пресвитеровъ. Но въ Греціи, при томъ условіи, чтобы каждый уѣздный городъ имѣлъ своего епископа, уже съ самаго древняго времени долженствовало быть не малое количество епископовъ, для которыхъ имѣть при себѣ большіе соборы пресвитеровъ и содержать хоры пѣвчихъ было весьма затруднительно и даже совсѣмъ невозможно. А чѣмъ далѣе шло время, тѣмъ болѣе имперія вслѣдствіе своихъ несчастныхъ обстоятельствъ (выражаемся этой избитой фразой, не думая взваливать вину за обстоятельства на когонибудь другаго, кромѣ самихъ Грековъ) бѣднѣла и бѣднѣла, съ чѣмъ вмѣстѣ должны были бѣднѣть и епископы. Такимъ образомъ, для многихъ изъ епископовъ соответственное служеніе собственныхъ службъ стало невозможнымъ ²⁾, и они должны были искать выхода изъ за-

¹⁾ Съ помѣстными разнообразіемъ однихъ и тѣхъ же уставовъ нашихъ службъ можно до нѣкоторой степени ознакомиться черезъ книгу *Гоара* *Εὐχολόγιον* sive *Rituale Graecorum et caet.*, въ которомъ напечатаны или указываются редакціи службъ однихъ и тѣхъ же уставовъ.

²⁾ Къ иллюстраціи сейчасъ сказаннаго не мѣшаетъ припомнить, что въ Константинопольской св. Софій предъ импер. Константиномъ Мономахомъ (вступилъ на престолъ въ 1042 г.) литургія совершалась не каждый день, а только по субботахъ, воскресеньямъ и праздникамъ и что нѣкоторые объясняютъ это недостаткомъ средствъ, см. Кедрина ed. Paris p. 790, также ябмъ Іоанна Евхаистскаго на ежедневную литургію въ св. Софій, въ *Patr. Миня* t. 120, p. 1157 нач.

трудненія. Выходъ этотъ они и нашли въ томъ, что, оставивъ свои собственныя службы, обратились къ болѣ простымъ и не требовавшимъ ни соборовъ презвитеровъ ни хоровъ пѣвчихъ службамъ монастырскимъ. Это оставленіе епископами собственныхъ службъ, вѣроятно, началось довольно рано, а во всякомъ случаѣ оно окончилось, по свидѣтельству Сумеона Солунскаго, въ періодъ господства въ Константинополѣ крестоносцевъ (1204—1261)¹⁾, послѣ чего собственныя епископскія службы на пространствѣ всей Греческой церкви оставались до Турокъ только въ одной Солуни. Предъ епископами, искавшими простоты, были два класса простыхъ службъ: мірскихъ приходскихъ церквей и монастырей. Если, по свидѣтельству Сумеона Солунскаго, они усвоили послѣднія, то это, вѣроятно, должно понимать такъ, что оставляя торжественныя службы, которыя, какъ таковыя, должны были быть продолжительными, они хотѣли замѣнить продолжительность торжественную также продолжительностію, хотя бы то и простою. Впрочемъ, весьма вѣроятно, что не всѣ епископы усвоили монастырскій уставъ во всемъ его объемѣ, что многіе по произволу его урѣзывали и что иные и прямо усвоили только уставъ приходскихъ церквей. Объ этомъ слѣдуетъ заключать изъ словъ современнаго Сумеону Солунскому, который говоритъ, что въ его время во всѣхъ епископіяхъ былъ монастырскій уставъ Іерусалимскій, писателя Григорія протосинкелла, который въ свою очередь говоритъ объ особыхъ уставахъ епископій, монастырей и приходскихъ церквей²⁾. Послѣ кафедрально-епископскихъ церквей, мы сказали, не скоро усвоили монастырскій уставъ и приходскія церкви; но точнѣе должно сказать, что приходскія церкви въ Греціи и до сихъ поръ не усвоили вполнѣ монастырскаго устава. Этотъ послѣдній уставъ относится къ уставу приходскихъ церквей, какъ его распространеніе: монахи взяли службы приходскихъ цер-

¹⁾ Вальсамонъ въ своихъ отвѣтахъ Марку Александрійскому, писанныхъ въ 1203-мъ году, даетъ знать, что тогда еще не былъ принятъ въ Константинополѣ уставъ Іерусалимскій (ибо въ четырехдесятницу или великій постъ—литургія каждый день: отв. 57, у Ралли и П. IV, 489). А отвѣты Константинопольскаго патриаршаго собора на вопросы нашего Сарайскаго епископа Теогноста, имѣвшіе мѣсто въ 1276-мъ году, даютъ знать, что тогда уже былъ принятъ въ Константинополѣ Іерусалимскій уставъ (ибо соборъ, отвѣчая на вопросъ епископа: «пѣти ли въ великій пятокъ службу», говоритъ: «святими отцы установлено: службы въ томъ дни вѣсть»,—въ Памятн. *Павл.* col. 132, п. 3).

²⁾ Выписка у *Дюканжа* въ *Gloss. Graecit.* подъ сл. ἡσυχαστήριον и καθολικῆ ἐκκλησία.

квей—вечерню и утреню и ихъ дополнили, а потомъ еще прибавили новыя службы. Въ отношеніи къ дополненію тѣхъ службъ, которыя взяты монахами изъ приходскихъ церквей, т. е. вечерни и утрени, церкви эти усвоили монастырскій уставъ, ибо эти службы совершаются у Грековъ въ мірскихъ приходскихъ церквахъ по изложенію монастырскаго устава, а не по древней ихъ собственной, болѣе краткой, редакціи. Но въ отношеніи къ службамъ собственно монашескимъ приходскія церкви въ Греціи и до настоящаго времени принимаютъ монастырскій уставъ не вполнѣ. Можетъ быть читатель слыхалъ, а можетъ быть—и не слыхалъ, что въ Греціи вовсе и нигдѣ не читаютъ часовъ передъ обѣдней: со стороны монастырей и монаховъ это есть злоупотребленіе, а въ приложеніи къ приходскимъ церквамъ и мірскимъ священникамъ это значить то, что они не исполняютъ въ семь случаевъ монастырскаго устава (котораго никто не дѣлалъ для нихъ обязательнымъ). Когда приходскія церкви въ Греціи усвоили монастырскій уставъ въ указанномъ первомъ отношеніи, остается неизвѣстнымъ; но во всякомъ случаѣ уже послѣ Сумеона Солунскаго († 1430), который еще ясно говоритъ объ особомъ уставѣ приходскихъ церквей именно въ семь отношеніи ¹⁾, а основываясь на примѣрѣ нашей церкви нужно думать, что только въ позднѣйшія времена послѣ распространенія печатныхъ книгъ (въ которыхъ принято было печатать вечерню и утреню непремѣнно въ объемѣ монастырскаго устава).

Представлялось бы, что сейчасъ указанное разнообразіе службъ, существовавшее въ Греціи, не должно было имѣть мѣста у насъ. Мы Русскіе не составляли службъ, а заимствовали ихъ готовыя. Поэтому казалось бы, что мы приняли ихъ сначала и потомъ принимали являвшіяся послѣ нашего крещенія дополненія къ нимъ въ одномъ извѣстномъ видѣ, и такимъ образомъ казалось бы, что у насъ господствовало въ службахъ совершенное единообразіе. Обращаясь къ нашимъ рукописямъ, мы однако же вовсе подобнаго единообразія не находимъ, а напротивъ находимъ, что и у насъ службы отличались, если не такимъ же, какъ у Грековъ, то во всякомъ случаѣ весьма большимъ разнообразіемъ ²⁾. Ясно изъ этого, что послѣ Константина философа, который перевелъ съ греческаго языка на славянскій, конечно, одну извѣстную редакцію богослужебныхъ книгъ, были переводимы и многія другія. Такъ какъ мы Русскіе и въ древнее и въ позднѣйшее время

¹⁾ De usaga ptesatione с. 303, у Мина въ Patr. t. 155, р. 556 ff.

²⁾ См. Описаніе синодальныхъ рукописей *Горскаго* и *Невоструева*, Отдѣлъ третій, часть первую (книги богослужебныя).

весьма мало трудились надъ переводами съ греческаго языка, котораго не знали ¹⁾; то необходимо думать, что указанные переводы разныхъ редакцій богослужебныхъ книгъ были дѣлаемы Болгарами и что мы съ своей стороны заимствовали ихъ отъ сихъ послѣднихъ. Мы уже нѣсколько разъ говорили выше, что заслуга Константина философа вовсе не въ томъ, что онъ перевелъ книги, а въ томъ, что онъ подалъ мысль объ этомъ переводѣ, что онъ провозгласилъ право быть этому переводу. Самый же переводъ былъ дѣломъ вовсе не труднымъ. Если бы мы не имѣли положительнаго свидѣтельства черноризца Храбра, что у Болгаръ былъ переводъ богослужебныхъ книгъ Константиновъ, т. е. что они заимствовали этотъ переводъ отъ Моравовъ, то весьма можно было бы предполагать, что они вовсе и не дѣлали такого заимствованія, а по примѣру и подобію Константина сами перевели книги. Какъ бы то ни было, но несомнѣнно, что Болгары, заимствовавъ отъ Моравовъ переводъ Константиновъ, не только продолжали его въ отношеніи къ тому, что явилось въ Греческой церкви послѣ сего перевода, но весьма много дополнили и въ отношеніи къ тому, что было прежде, и что такимъ то образомъ разности греческихъ богослужебныхъ книгъ и воспроизвелись въ ббльшей или меньшей мѣрѣ и въ нашихъ славянскихъ книгахъ.

Что касается до того, какимъ образомъ эти разности отъ Болгаръ перешли и къ намъ, то очевидно, что послѣ перваго заимствованія отъ нихъ книгъ, что сдѣлано было правительствомъ, мы и послѣ продолжали заимствовать отъ нихъ не только то, что у нихъ являлось въ переводѣ новаго, а и вообще книги, и что съ книгами и переходили къ намъ разности. Съ очень большою вѣроятностью можно думать, что древніе предки наши особенно цѣнили и уважали богослужебныя книги, написанныя въ Болгаріи, такъ какъ онѣ могли быть полнѣе и исправнѣе книгъ, написанныхъ въ Россіи, по причинѣ близости Болгаріи къ Греціи или къ первоисточнику службъ и книгъ, и такъ какъ Болгары могли править переводы по оригиналамъ. Что касается до способа пріобрѣтенія книгъ болгарскаго письма, то могли ѣздить за покупкой ихъ нарочно или выписывать ихъ чрезъ тѣхъ купцовъ, которые торговали съ Греціей, совершая въ Константинополь ежегодныя путешествія; могли выносить ихъ люди, ходившіе на Востокъ для поклоненія

---

¹⁾ Между Русскими могли быть переводчики только изъ числа тѣхъ монаховъ, которые жили на Афонѣ и вообще въ монастыряхъ греческихъ, а въ періодъ домонгольской въ частности еще изъ числа тѣхъ Грековъ, которые жили въ Россіи при митрополитахъ или епископахъ (бывшихъ изъ Грековъ).

святѣмъ мѣстамъ (между этими людьми особенно могли пріобрѣтать книги поклонники Аѳонскіе, поелику на Аѳонѣ были болгарскіе монастыри, въ которыхъ монахи занимались промысломъ писанія книгъ); наконецъ, могли быть и такіе люди, которые специально посвящали себя дѣлу снабженія Руси богослужебными книгами, списанными съ болгарскихъ оригиналовъ. Въ послѣдующее время несомнѣнно были такіе люди ¹⁾ и, конечно, могли быть они еще и въ періодъ домонгольской.

Въ какомъ состояніи находилась у насъ въ періодъ домонгольской литургія, нѣкоторый отвѣтъ на этотъ вопросъ даютъ два сохранившіеся отъ сего періода служебника. Одинъ изъ служебниковъ усвоится преданіемъ Антонію Римлянину († 1147), другой такъ же преданіемъ усвоится преп. Варлааму Хутынскому († болѣе или менѣе вскорѣ послѣ 1192 г.), во всякомъ случаѣ одинъ изъ монастыря Антоніева, другой Варлаамова, слѣдовательно оба одной и той же Новгородской области ²⁾. Первый служебникъ содержитъ одну только литургію Златоустаго, второй — всѣ три, т. е. Златоустаго, Василия Великаго (которая поставлена первою) и преждеосвященныхъ.

Прежде всего служебники, не смотря на то, что они одной и той же мѣстности и по времени написанія отдѣляются одинъ отъ другаго не слишкомъ большимъ промежуткомъ времени, если только не всѣмъ современны, далеко не вполне согласны сами между собою. Въ служебникѣ Варлаамовомъ нѣтъ нѣкоторыхъ молитвъ и возгласеній, читаемыхъ въ Антоніевомъ, и относительно нѣкоторыхъ дѣйствій даются предписанія, отличныя отъ послѣднаго. Вообще изъ взаимнаго сличенія служебниковъ ясно, что въ періодъ домонгольской у насъ су-

¹⁾ Стефанъ Новгородецъ въ половинѣ XIV вѣка говоритъ, что онъ встрѣтилъ въ Константинополѣ своихъ земляковъ Ивана и Добригу, считавшихся пропавшими безъ вѣсти, которые жили въ Студійскомъ монастырѣ, занимаясь списываніемъ книгъ (подразумѣвается—славянскихъ съ болгарскихъ рукописей), и что вообще изъ Студійскаго монастыря идетъ на Русь много книгъ (подразумѣвается — славянскихъ, писанныхъ подобными Ивану и Добригѣ, жившими въ монастырѣ — очевидно, составлявшемъ нарочитое русское подворье—русскими каллиграфами).

²⁾ Въ настоящее время оба служебника находятся въ Московской Синодальной библіотекѣ; ихъ описаніе въ Описаніи Синод. ркпп. *Горск. и Невостр.*, №№ 342 и 343.—И. И. Срезневскій въ своихъ «Древнихъ памятникахъ Русскаго письма и языка» указываетъ еще третій служебникъ, — Новгородскаго Софійскаго собора, писанный около 1250 г. и сохранившійся не въ полномъ видѣ, — стр. 58 col. 2 нач. Желательно, чтобы служебникъ былъ описанъ такъ, чтобы можно было сличать три служебника одной и той же мѣстности.

ществовали литургіи въ нѣсколькихъ редакціяхъ и что онѣ представляли болѣе или меньшее разнообразіе.

Отличія служебниковъ отъ нынѣшняго нашего состоятъ, во-первыхъ, въ разности первой части литургіи или проскомидіи ¹⁾:

Въ настоящее время проскомидія представляетъ собою цѣльное и довольно обширное молитвенное послѣдованіе. Въ нашихъ служебникахъ она еще не имѣетъ этого вида настоящей части литургіи и еще сохраняетъ древній видъ простаго и краткаго приуготовленія къ послѣдней: кратко говорится — въ одномъ служебникѣ о приуготовленіи просфоры для Тѣла Христова и вина для Крови, въ другомъ—вмѣстѣ съ первою просфорою и другихъ просфоръ, и потомъ—въ одномъ служебникѣ одна молитва, въ другомъ—двѣ ²⁾.

Одинъ служебникъ — Варлаамовъ послѣ просфоры для Тѣла или агничной ничего не говоритъ о другихъ просфорахъ; другой служебникъ, Антоніевъ, говоритъ о другихъ просфорахъ, но только: «и просфумисавъ просфуръ».

Обычай взимать на проскомидіи вмѣстѣ съ агнцемъ частицы въ честь Божіей Матери и святыхъ и за живыхъ съ умершими есть обычай позднѣйшій, явившійся неизвѣстно когда не ранѣе VIII вѣка ³⁾.

¹⁾ Въ служебникѣ Антонія Римлянина передъ литургією Златоустаго (какъ мы сказали, единственною въ немъ) положены три молитвы «iereю за ѿ предъ службою». Начала молитвъ — первой: «Владыко Господи Боже Вседержителю, не хотяя смерти грѣшникомъ»...; второй: «Владыко Господи Боже нашъ, нынѣ хотяща приступити къ страшнѣй Ти и чуднѣй тайнѣ»...; третьей: «Молю Тя, Господи, отъими отъ мене беззаконія моя». Въ служебникѣ Варлаама Хутынскаго положены двѣ первыя молитвы служебника Антоніева и потомъ еще: «Умываючеся молвити псаломъ ѿ Умыю въ неповинныхъ руцѣ мои и объяду олтарь Твой, Господи — въ церквахъ благословлю Тя, Господи» (какъ это и въ нынѣшнемъ служебникѣ).

²⁾ Въ служебникѣ Варлаамовомъ: Ко съсоудохранимъници дѣиомъ. хотя рѣзати просфору. прѣрѣтити. тринѣды можемъ. и рѣж. глѣ съ. ꙗко ѡбѣца на замолвни... Прѣрѣжати крѣтомъ глѣ. Жрътѣса агнецъ бѣ... Агъ киню и водоу къ умью. Коимъ проводимъ... За гѣмъ молитва: Бѣ бѣ намъ нже немъи хлѣбъ... И покрывети дары глѣ. Гѣ кофриса... А се покрывамъ умью. Шѣлѣуса гѣ всилоу. А се поада. Домоу твоемоу... И вотомъ дѣиомъници (ектенія). Блѣки ꙗмо... (Начало литургіи).

³⁾ Ибо патриархъ Константинопольскій Германъ (низверженный съ престола Львомъ Исавромъ въ 730 г. и умершій послѣ сего неизвѣстно въ какомъ году) въ своемъ Regum ecclesiasticarum contemplatio еще ничего не говоритъ о семъ обычаѣ,—въ Патр. Миня t. 98, p. 396 (Можно подозрѣвать, что къ установленію

Какъ было дѣло въ семь отношеніи въ концѣ X — первой половинѣ XIII вѣка или въ нашъ періодъ домонгольскій, прямыхъ указаній не имѣемъ, но вотъ относящіяся сюда свидѣтельства греческія и наши. Константинопольскій хартофилаксъ Петръ, жившій въ концѣ XI вѣка, на предложенный ему вопросъ: «можно ли служить литургію съ одной просфорой», отвѣчалъ: «если нѣтъ памяти святаго, или (поминовенія) умершаго, то нѣтъ никакого препятствія»¹⁾. Епископъ Новгородскій Нифонтъ на такой же вопросъ Кирика отвѣчалъ: «если будетъ далеко (отъ города) въ селѣ, и негдѣ будетъ взять другой просфоры, то можно; а если близко будетъ торгъ (базарь), гдѣ можно купить, то нельзя: если гдѣ нибудь почему нибудь не будетъ (другой просфоры), то можно»²⁾. Въ другомъ мѣстѣ тотъ же Нифонтъ говоритъ Кирику, что заупокойную литургію всегда должно служить на трехъ просфорахъ, — одна большая дорная, изъ которой вынимается агнецъ и гдѣ умершій не поминается, а другія двѣ за упокой³⁾. Задаваніе вопросовъ относительно другихъ просфоръ кромѣ агничной въ Греціи и у насъ ясно показываетъ, что обычай проскомисать эти другія просфоры еще только вводился и еще не былъ окончательно и твердо водворившимся, ибо въ послѣднемъ случаѣ напрасны были бы вопросы. Тоже показываютъ и отвѣтъ Нифонта, дозволяющаго въ случаѣ нужды совершать литургію и на одной просфорѣ. Изъ словъ Нифонта и отвѣта Петра хартофилакса видно, что на литургіяхъ заупокойныхъ приносились просфоры только за тѣхъ умершихъ, за которыхъ онѣ пѣлись, и вмѣстѣ что такое приношеніе считалось обязательнымъ, — почему у Нифонта за одного умершаго двѣ просфоры, не ясно. Изъ отвѣта Петра хартофилакса видно, что на литургіяхъ незаупокойныхъ или обычныхъ считалось обязательнымъ приносить просфору за святаго дня, если таковой былъ, а вмѣстѣ дозволялось и было въ обычаѣ приносить и другія, точно неизвѣстнаго назначенія, просфоры (ибо отвѣтъ даетъ знать, что приносились другія просфоры и въ томъ случаѣ, если день не имѣлъ святаго). У митр. Георгія читается слѣдующее не совсѣмъ вразумительное правило: «аще будетъ проскура разсѣлася или будетъ два креста цѣла, (а) иное не будетъ проскуры, то да сотворить тѣмъ крестомъ другую проскуру и тако да литургисаеть, аще ли иныхъ будетъ много, то оста-

---

обычая, какъ къ внесенію иконъ въ церкви, послужило иконоборчество, которое возставало не только противъ почитанія иконъ, но и противъ призыванія святыхъ).

¹⁾ У *Ралли и П.* V, 369.

²⁾ У *Калайд.* стр. 194, у *Павл.* соі. 50.

³⁾ У *Калайд.* стр. 173, у *Павл.* соі. 32.

вити ѱ). Два креста разумѣются на одной и той же просфорѣ, какъ въ настоящее время у Грековъ употребляются просфоры пятикрестныя ¹⁾ для замѣны пяти особыхъ просфоръ (т. е. одна просфора пятикрестная употребляется вмѣсто пяти особыхъ, такъ что каждая часть просфоры, имѣющая крестъ, идетъ за особую просфору, — въ настоящее время эти просфоры у Грековъ весьма употребительны). Не совсѣмъ ясно, какъ понимать рѣчь о двухъ крестахъ, — такъ ли, что два креста были обычнымъ числомъ на просфорахъ неоднокрестныхъ (и что «если они оба сохраняются, не смотря на поврежденіе просфоры»), или такъ, что если изъ многихъ (неизвѣстныхъ) крестовъ сохраняются только два. Если первое, то это будетъ значить, что господствующимъ обычаемъ было употреблять двѣ просфоры или вмѣсто двухъ одну двукрестную; если второе, то будетъ значить, что въ случаѣ нужды митр. Георгій дозволяетъ совершать литургію на двухъ просфорахъ, обычно же употреблялось ихъ сколько-то болѣе ²⁾.

¹⁾ Въ нашихъ старыхъ службеникахъ крестовыя, см. о нихъ въ Бесѣдахъ къ глаголемому старообрядцу митр. Филарета, — бесѣд. 10, § 11. Собственно не пятикрестныя, а пятипечатныя. О просфорахъ этихъ см. еще Синод. ркп. по Опис. Горск. и Невостр. № 355, стр. 58 нач.; Арсеній Сухановъ въ Проскинитаріи: «просфора одна велика..., на ней пять печатей крестныхъ» (т. е. образующихъ изъ себя, своимъ расположеніемъ, крестъ, отъ чего и просфора пятипечатная иначе — крестовая), — Синод. ркп. № 574 л. 38 об. и еще л. 367 фп. (указывается, какъ совершаютъ службу на одной пятипечатной просфорѣ).

²⁾ Въ монастыряхъ обычай совершать проскомидію на семи просфорахъ, что въ XVI—XVII вѣкѣ у насъ стало общимъ обычаемъ, восходитъ своимъ первымъ началомъ не позднѣе, какъ къ XI вѣку. Патріархъ Константинопольскій Алексѣй († 1043) въ своемъ уставѣ, который онъ далъ построенному имъ монастырю (уставѣ Студійскомъ, о которомъ нѣсколько ниже), предписываетъ, чтобы литургія всегда была совершаема въ монастырѣ на семи просфорахъ, изъ коихъ шесть — малыя, а седьмая — авафора или возношеніе за него — ктитора монастыря (о здравіи при жизни и за упокой по смерти), имѣвшая раздѣляться братіи, — большая, см. Опис. Синод. ркп. Горск. и Невостр. № 380, л. 228 об. Императрица Ирина, супруга импер. Алексѣя Комнина († 1118), въ своемъ ктиторскомъ уставѣ «сноваданному ею монастырю предписываетъ: «ежедневно да приносятся на божественной литургіи семь хлѣбовъ: одинъ Господскій, другой обрадованной Господи нашей и Богородицы, другой святаго дня, иной за искупленіе и оставленіе грѣховъ державнаго моего царя и мовѣхъ, иной за усопшихъ монаховъ (монастыря, который былъ женскій), другой за усопшихъ родителей и прочіихъ сродникоу нашихъ, иной о живыхъ дѣтяхъ, зятяхъ и прочіихъ сродникахъ нашихъ», — устава гл. 34, у Мисл въ Patr. t. 127, р. 1056 (Тутъ же императрица предписываетъ, чтобы каждую субботу приносились кресты, стаѳора, за усопшихъ родителей, дѣтей и

По служебнику преп. Варлаама изъимаетъ агнецъ изъ просфоры не священникъ, какъ это теперь и какъ это и въ служебникѣ преп. Антонія, а діаконъ. Такое предоставленіе совершать проскомидію діакону, сохраняющееся въ нѣкоторыхъ служебникахъ греческихъ и славянскихъ до весьма поздняго времени, есть остатокъ древняго обычая, когда хлѣбъ для евхаристіи приготавливали діаконы ¹⁾).

Послѣ проскомидіи въ самой литургіи служебники представляютъ слѣдующія разности отъ нынѣшняго нашего:

1. Ектенія сугубая, читаемая въ обонхъ служебникахъ одинаково, отличается отъ нынѣшней отъ нашей ²⁾).

2. Послѣ перенесенія св. даровъ съ жертвенника на престолъ на великомъ выходѣ по обонмъ служебникамъ полагается умененіе рукъ священнослужащихъ и ихъ взаимное многолѣтствованіе, именно—послѣ омовенія рукъ старшій священникъ поклонится передъ престоломъ трижды и говоритъ сослужащимъ: «благословите священницы», а послѣдніе, поклонившись ему, отвѣчаютъ: «многа лѣта, отче, Духъ Святыи найдетъ на тя и сила Вышняго осѣнитъ тя»; старшій говоритъ: «да помянетъ вы Господь въ царствіи Своемъ», а ему отвѣчаютъ: «буди намъ по глаголу твоему». Объ умененіи рукъ священнослужащими передъ началомъ литургіи вѣрныхъ и объ ихъ потомъ взаимномъ цѣлованіи говорить св. Кирилль Іерусалимскій ³⁾).

3. По обонмъ служебникамъ послѣ возглашенія діакономъ: «возлюбимъ другъ друга», священники рекутъ: «Отца и Сына и Св. Духа, Троицу неразлучну и единосуцну нынѣ» (что теперь поеть хоръ), и цѣлуются въ уста, глаголюще: «миръ о Христѣ іерейству твоему».

4. По служебнику преп. Антонія при возглашеніи діакономъ: «ста-

---

сродниковъ, — за четверыхъ по одному, и чтобы каждое воскресенье приносились другіе кресты «равнымъ образомъ усопшимъ»,—ἐπίσης τοῖς κελοῦταιμένοις προσκομισθήσομεν).

¹⁾ Во времена патріарха Германа въ Константинопольской Великой церкви агнецъ изымался діаконами, а въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ священниками; не осуждая обычая другихъ мѣстъ, патріархъ говоритъ, что должно смотрѣть на обычай Великой церкви,—у *Миня* въ Патр. t. 98, pp. 397 ff. и 400 нач.

²⁾ По служебнику преп. Варлаама: Рыцѣмъ насн. Ото кснѣ дѣла и ѿ. Гѣ исдержит. Богатъ и мѣть. Не хотан смерть. И ѿ престоши. Помилуи нас. И крѣ молимъса ѿ бѣ. И иже (молися) оуслышати. И иже молимъса хд ксо в.

³⁾ См. у *пресв. Филарета* въ Историческомъ обзорѣ пѣнопѣвцевъ, стр. 90 нач. О многолѣтствованіи подъ именемъ ἀποσπός и ἀγάπη говоритъ Константинъ Порфирогенитъ въ De ceremoniis,—у *Миня* t. 112, coll. 170, 189, 368.

немъ добръ, станемъ со страхомъ»... священникъ цѣлуетъ престолъ и говоритъ: «Святый Боже, Святый крѣпкій»...

5. По обоимъ служебникамъ послѣ възгласа: «Благодатію и щедротами», священникъ воздвигаетъ руки и говоритъ: «Господи, устнѣ мои отверзеша, (и) уста моя возвѣстятъ хвалу Твою».

6. Въ обоихъ служебникахъ предъ освященіемъ св. даровъ нѣтъ молитвы: «Господи, иже пресвятаго Твоего Духа», а въ литургіи Василія Великаго при освященіи св. даровъ нѣтъ словъ: «преложивъ Духомъ Твоимъ Святымъ». Во второй литургіи опускаютъ то и другое и многіе послѣдующіе служебники и между прочимъ служебникъ Кипріановъ ¹⁾, изъ чего должно заключить, что того и другого не было и въ служебникѣ патр. Филовея, съ котораго перевелъ или справилъ свой служебникъ митрополитъ Кипріанъ (Никодимъ въ Пидаліонѣ, въ примѣч. къ 9-му правилу Лаодакійскаго собора, Закине. изд. 428 гп., говоритъ, что слова эти изъ литургіи Іоанна Златоустаго перенесъ въ литургію Василія Великаго какой-нибудь дерзновенный невѣжда).

7. По обоимъ служебникамъ послѣ възгласа: «святая святымъ» священники и діаконъ приступаютъ къ св. престолу и говорятъ старшему священнику: «многа лѣта, отче; Богъ святую и чистую и честную твою молитву даруетъ намъ на многа лѣта, честный отче», а старшій священникъ отвѣчаетъ: «купно съ животомъ вашимъ», на что ему рекутъ: «аминь».

8. По служебнику преп. Варлаама священникъ, влагая въ потиръ часть Тѣла Христова, прежде нынѣшняго: «исполненіе Духа Святаго», говоритъ: «смѣшеніе святаго Тѣла и честныя Крове Господа нашего Іисуса Христа».

9. Въ служебникѣ преп. Антонія ничего не говорится о вліяніи теплоты въ потиръ.

10. По тому же служебнику приобщеніе священнослужущихъ совершается особеннымъ отъ нынѣшняго образомъ. А именно: священники, начиная съ младшаго, берутъ части Тѣла Христова и говоря слова: «Тѣло Христово дается рабу Божию имярекъ» и пр. подаютъ ихъ старшему, а тотъ, принимая отъ нихъ части, снова вдаетъ имъ. Подобнымъ образомъ причащаются и Крови. Діакона причащаютъ—старшій священникъ Тѣломъ, а младшій—Кровію Христовою.

11. Въ обоихъ служебникахъ предъ приобщеніемъ и при самомъ приобщеніи положены иныя молитвы, чѣмъ нынѣ.

¹⁾ Опис. Сввод. ркп. Горск. и Невостр. №№ 344, л. 40 об.; 347, л. 61 об.; 348, л. 11 об.; 360, л. 35.

12. Въ служебникѣ преп. Антонія нѣтъ возглашеній: «Со страхомъ Божиимъ и вѣрою приступите» и «Спаси Боже люди твоя», а въ служебникѣ преп. Варлаама нѣтъ втораго изъ сихъ возглашеній.

Вмѣстѣ съ сейчасъ указанными разностями служебниковъ домогольскаго періода отъ нынѣшняго нашего въ отношеніи такъ сказать матеріальномъ, состоявшими въ различіи и недостаткѣ молитвъ и молитвенныхъ возглашеній, въ недостаткѣ или лишкѣ обрядовыхъ дѣйствій, должна быть еще подразумѣваема одна немаловажная разность въ отношеніи формальномъ, состоявшая въ иномъ голосовомъ исполненіи того, что одинаково есть какъ въ древнихъ служебникахъ, такъ и въ нынѣшнемъ. Эта послѣдняя разность простирается не на одну литургію, а и на всѣ службы, общественныя и частныя, а поэтому мы и скажемъ здѣсь о ней вообще. Въ настоящее время у насъ на всѣхъ службахъ, общественныхъ и частныхъ, употребляется пѣніе въ пѣкоторыхъ такихъ случаяхъ, гдѣ въ древнее время употреблялось чтеніе или точіѣе — говореніе; эти случаи суть: по отношенію ко всѣмъ службамъ — молитвенныя воззванія на ектеніяхъ: «Господи помилуй» и «Поддай Господи»; по отношенію къ литургіи — «Вѣрую» и «Отче нашъ». Въ церкви, какъ и въ обыкновенномъ быту, пѣлось то, что собственно назначено для пѣнія, — священныя пѣсни и стихи (священныя стихотворенія), а все сейчасъ указанное нисколько не есть то или другое: указанныя молитвенныя воззванія суть именно молитвенныя воззванія, Отче нашъ есть молитва, Вѣрую — исповѣданіе вѣры. Со всѣмъ этимъ по правильному должно быть такъ, чтобы чтець или предстоятель возглашалъ говоромъ (молитвеннымъ), а весь присутствующій въ церкви народъ повторялъ за нимъ говоромъ (тѣмъ же самымъ). Вѣрую и Отче нашъ у Грековъ и до настоящаго времени не поются, а говоромъ возглашаются (чтеніемъ произносятся) настоятелями церквей или старшими изъ присутствующихъ въ нихъ и повторяются за ними народомъ (подобно тому, какъ это у насъ съ причастной молитвой: Вѣрую Господи). Господи помилуй и Поддай Господи Греки въ настоящее время уже поютъ (можетъ быть, не совсѣмъ удачно увлекшись нашимъ примѣромъ), но они этого вовсе не дѣлали еще въ половинѣ XVII вѣка; Арсеній Сухановъ многократно свидѣтельствуетъ въ своемъ Проскинитаріи, что у нихъ «людіе говорятъ: Господи помилуй и Поддай, (а) пѣніемъ на октеняхъ Господи помилуй и Поддай Господи не поютъ нигдѣ, ниже въ праздники (Московскій взгляд!), но все (всегда) говоромъ говорятъ»¹⁾. Когда вошло у насъ въ обычай пѣть Господи

¹⁾ Синод. ркп. № 574, л. 261 об. Въ другомъ мѣстѣ: «здѣ (въ Греціи)

помилуй и Подаи Господи, положительныхъ свѣдѣній не имѣемъ, но съ увѣренностію думаемъ, что не въ періодъ еще домонгольскій, а уже послѣ ¹⁾). Относительно Вѣрую и Отче нашъ имѣемъ тѣ положительные свѣдѣнія, что обычай пѣть ихъ первоначально явился во Псковѣ въ первой половинѣ XVI вѣка и что Новгородъ и Москва усвоили его отъ Пскова когда-то послѣ начала второй половины XVI вѣка (Свѣдѣнія находимъ у Зиновія Отенскаго въ его «Истины показаніи», которое написано въ 1566 г.. Одинъ изъ собесѣдниковъ Зиновія, съ которыми онъ ведетъ пренія и рѣчи въ своей книгѣ,—Захарія Щечкинъ, сообщилъ ему, что въ Псковѣ поютъ на обѣднѣ Отче нашъ и собираются пѣть Вѣрую и спрашивалъ его, почему не поютъ въ Новгородѣ. Изъ того обстоятельства, что во Псковѣ пѣли Отче нашъ и собирались пѣть Вѣрую, ясно, что первый обычай явился не задолго передъ тѣмъ. Что не пѣли въ Новгородѣ, это дается знать вопросомъ Захарія. А что не пѣли въ Москвѣ, объ этомъ необходимо заключать изъ отвѣта Зиновія: онъ съ такою рѣзкостью возстаетъ противъ обычая пѣть Вѣрую и Отче, которой никакъ не позволилъ бы себѣ, если бы это было уже и обычаемъ Московскимъ,—рукопись Моск. Д. Акад. № 61, стр. 813 sqq) ²⁾).

Литургія преждеосвященныхъ даровъ, находящаяся въ служебникѣ преп. Варлаама, отличается отъ нынѣшней нашей слѣдующимъ:

1. Входить съ кадильницею творить одинъ діаконовъ безъ священ-

отнодъ ни въ коемъ мѣстѣ не слышали есмы, чтобы пѣли Господи помилуй на октеняхъ, но вездѣ говоромъ говорятъ лики и вси предстоящїи», *ibid.* 315 об.

¹⁾ Въ Новгородской 4-й лѣтописи подъ 1476 г. (Собр. лѣт. IV, 130) читается: «Той же зимы нѣкоторые философовъ начаша пѣти: о Господи помилуй, а друзїи: Осподи помилуй». Изъ этого слѣдуетъ, что въ 1476 г. Господи помилуй уже пѣлось въ Новгородѣ, но нисколько не слѣдуетъ, чтобы пѣлось уже и во всей Московской Руси. Совершенно вѣроятно, что именно философамъ Новгородскимъ XV вѣка и должно быть усвоено нововведеніе.

²⁾ Но совершенно непонятно для насъ, что архіепископъ Новгородскій Геннадій задолго до Зиновія Отенскаго говоритъ въ предисловіи къ своей Пасхалии, что исповѣданіе вѣры или Вѣрую «на божественной литургїи всегда пѣваемо есть»,—у Павл. въ Памм. соі. 816, также въ Опис. ркпп. Троицк. лавр. библиот. № 736, л. 51. Можетъ быть, подъ пѣніемъ Геннадій разумѣетъ речитативное истовое чтеніе (Обычай пѣть, а не читать «Вѣрую» есть обычай западной церкви,—идущій, по нѣкоторымъ, отъ начала XI вѣка, см. Никифора Влеммида въ Патрол. Миня t. 142, col. 793—794,—и противъ него сильно возстаютъ Греки, см. напр. *Иліи Типальда* Πατιστικῶν Ἐλεγγυῶν т. II, стр. 188).

ника: «и шедъ діаконъ съ кадилницею и съ трѣми свѣщами глаголетъ: свѣтъ Христовъ просвѣщаетъ».

2. При перенесеніи святыхъ даровъ священникъ читаетъ 50-й псаломъ.

3. Въмѣсто возгласа: «преждеосвященная святая святымъ» возгласъ обыкновенной литургіи: «святая святымъ».

4. Призыванія мірянъ къ приобщенію: «со страхомъ Божиимъ и вѣрою приступите» не положено, а прямо послѣ приобщенія служащихъ сказано: «таже діаконъ покадитъ святые дары, глаголя: вознесися на небеса Боже, попь: всегда и нынѣ и присно».

5. Конечная молитва «потребити хотящѣи» гораздо короче нынѣшней.

Въ каноническихъ сочиненіяхъ нашихъ періода домонгольскаго читаются правила, касающіяся отчасти самой литургіи и ея принадлежностей, отчасти служащаго священника.

Вотъ эти правила послѣ тѣхъ, которыя уже приведены нами выше. Касающіяся литургіи и ея принадлежностей:

По предписанію митр. Георгія, на просфорѣ не должно служить, если ей выйдетъ 8 дней (§ 34). А епископъ Нифонтъ у Кирика продолжаетъ этотъ срокъ до двухъ недѣль (у *Калайд.* стр. 194 sub fin., у *Павл.* col. 51).

На входахъ за обѣдней и за вечерней священникъ, по епископу Саввѣ у Кирика, долженъ цѣловать входя въ олтарь космить или дверной столбецъ, ибо онъ есть колѣно Христово, а въ олтарѣ св. трапезу, ибо тутъ перси Христовы (у *Калайд.* стр. 198, § 13, у *Павл.* col. 55).

Если лѣтомъ будутъ мухи въ олтарѣ, то, по предписанію митр. Георгія, не должно отгонять ихъ отъ св. даровъ монаху или иподіакону, а только діакону (§ 26).

Если архіерей присутствуетъ за литургіей въ церкви, но не служить, то, по нему же, антидоръ раздаетъ не онъ, а служившій священникъ (§ 94).

Литургія заукояная, по нему же, не поется въ воскресенье (§ 28).

Во всю святую четыредесятницу, пишеть онъ же, кромѣ субботы и воскресенья и Благовѣщеньева дни, должна быть литургія преждеосвященная (§ 153).

Если въ великомъ постѣ будетъ приготовленъ въ воскресенье запасной агнецъ на всѣ пять дней недѣли (понедѣльникъ — пятница: предъидущ. правило митр. Георгія), а между тѣмъ въ продолженіе не-

дѣли будетъ служена литургія не каждый день, то, по Нифонту у Кирика, не употребленный агнецъ можно оставить до другой недѣли, а нѣтъ бѣды, если и до третьей (у *Калайд.* стр. 194 sub fin., у *Павл.* col. 51).

Если епископъ. служить преждеосвященную литургію, то цѣловать его, по наставленію Нифонта у Кирика, въ рамо или плечо (у *Калайд.* стр. 181, у *Павл.* col. 33).

Если священникъ, совершая проскомидію, уронить просфору, то, по епископу Саввѣ у Кирика, можно проскомисать ею, отерше (ее) добрѣ (*Калайд.* стр. 196, § 7, у *Павл.* col. 53).

Если кто не нарочно проткнетъ потирь или дору уронить, то, по митр. Георгію, пролитое съ землей вскопать и всыпать въ воду, а уроненную дору сжечь (§ 92).

Архіепископъ Новгородскій Ілія († 1186) съ неизвѣстнымъ по имени епископомъ Бѣлгородскимъ нарочито составили правила относительно двухъ, могущихъ имѣть мѣсто при совершеніи литургіи, случавъ, именно — во-первыхъ, если во время совершенія проскомидіи будетъ забыто влить вина или воды, и во-вторыхъ, если во время литургіи мышь начнетъ ѣсть агнецъ.

Первое правило: «Если случится за литургіей, что священникъ или діаконъ забудетъ влить воды или вина и усмотрятъ это только уже послѣ святая святымъ, когда будетъ раздроблено Тѣло и даже часть его вложена въ потирь: то опять изъ службы не повторяютъ ничего, но священникъ или діаконъ возьметъ одинъ потирь, отнесетъ его въ малый олтарь (жертвенникъ), вольетъ вина и воды, говоря при семъ то, что говорится при семъ на проскомидіи, и принесши поставитъ (на престолѣ) на своемъ мѣстѣ; священникъ благословитъ одинъ потирь, говоря: а еже есть въ чаши сей честною (sic) кровь Христа Твоего, а діаконъ: аминь; и причастятся по обычаю, вліявъ укропа, и окончиваютъ службу по обычаю, снова ничего не повторяя и не вынимая другаго Тѣла». Второе правило: «Если случится, что мышь начнетъ грысть агнецъ на дискосѣ и замѣтитъ это священникъ до переноса или по переносѣ, то пусть оскреbetъ его ножикомъ и на немъ служить, а новаго не вынимаетъ, а крохи должно всыпать въ тѣ крохи, которыя снимаются съ лѣтона» (у *Калайд.* стр. 223, у *Павл.* col. 76).

Если священникъ, служивъ литургію, забудетъ потребить дору, то, по предписанію митр. Георгія, долженъ потребить ее на другой день (§ 157).

Правила, касающіяся служащаго священника:

Передъ совершеніемъ литургіи священникъ, по наставленіямъ

епископа Нифонта у Кирика, долженъ воздержаться отъ жены по крайней мѣрѣ одинъ день; въ самый же день совокупленія не только не долженъ служить литургіи, но и входить въ олтарь. Но если священникъ имѣетъ нужду часто служить литургію, то между двумя днями служебными онъ можетъ совокупиться съ женой въ третій неслужебный поутру,—служивъ въ воскресенье и имѣя нужду служить во вторникъ, можетъ совокупиться поутру въ понедѣльникъ (у *Калайд.* выпущено, у *Павл.* col. 31).

На вопросъ о томъ, должно ли служить литургію, если ночью случится соблазнъ во снѣ, епископъ Савва у Кирика отвѣчаетъ: если прилежалъ мыслию къ какой нибудь женщинѣ, то не должно; если же приготавлился служить, но сатана соблазнилъ, желая оставить церковь безъ службы, то ополоснувшись служить; если случится соблазнъ въ воскресенье и не выйдетъ сѣмя, то нѣтъ въ томъ ничего, а если увидишь сѣмя на одеждѣ, а женщины не видалъ во снѣ, то ополоснувшись и одѣвшись въ другую одежду служить (у *Калайд.* выпущено, у *Павл.* col. 55).

На вопросъ: можетъ ли служить священникъ литургію, если почему нибудь ночь передъ ней не спалъ, а между тѣмъ наканунѣ обѣдалъ и ужиналъ, епископъ Савва у Кирика отвѣчаетъ, что можно (у *Калайд.* стр. 196, § 10, у *Павл.* col. 53). Смыслъ вопроса тотъ, что если не спать ночь, то слѣдующій день будетъ какъ бы продолженіемъ предъидущаго и что такимъ образомъ, ѣвши наканунѣ и не спавши ночь, священникъ будетъ совершать литургію какъ бы послѣ ѣды, поѣвши.

Мыться передъ совершеніемъ литургіи, по наставленію епископа Саввы у Кирика, должно непременно съ вечера, а не поутру, хотя бы въ послѣднемъ случаѣ можно было вымыться и рано, такъ чтобы успѣть поспать (у *Калайд.* стр. 197, § 11, у *Павл.* col. 54).

Если идетъ кровь изъ зубовъ, то, выплевавши изо рта, служить нѣтъ бѣды (Нифонтъ у Кирика,—*Калайд.* стр. 186, у *Павл.* col. 40).

Надъ мертвецомъ бывши, можно служить литургію (митр. Георгій § 33 и Савва у Кирика,—*Калайд.* стр. 195, *Павл.* col. 51), хотя бы кадилъ его и цѣловалъ (послѣдній).

По предписанію митр. Георгія, священникъ наканунѣ совершенія литургіи не долженъ ѣсть луку (§ 25).

У него же читаемъ не совсѣмъ вразумительное: «Аще поиъ, вошедь въ церковь, ти воротится воспать, не достоинъ служить» (§ 112).

По его же предписанію, священникъ, служившій литургію, долженъ воздержаться отъ жены слѣдующую ночь (§ 161).

Служивши литургію можно плевать до обѣда, ибо заѣлъ дорой и запилъ укропомъ (Савва у Кирика § 9, — *Калайд.* стр. 196, *Павл.* col. 53).

У митрополита Георгія и у Кирика въ Вопросаніи читаются правила относительно литургіи, которыя остаются для насъ не совсѣмъ понятными. Приведемъ ихъ здѣсь на концѣ:

У митр. Георгія:

«Недѣлю проскумисати въ горахъ ни въ клѣтѣхъ, вурокъ (въ укоръ?) улагають священныя тайны и по священному мѣсту ходаше ли сами или скотѣхъ или иною скверною оскверяему и безчестуему или готову сквернаву сущу, еретичества (—ская) бо суть, а не крестьянска» (§ 107).

У Кирика:

«А еже се вынимаемъ просфору, не веляше въ субботу вынимати, (но) въ недѣлю вынимати, и рече: все любо поособь положи, тѣла на то и не клади (нужно: и тѣла на то не клади?), яже тѣгда молиться (нужно: ломиться?), мала дѣля блюда рече особь. Аже се съ другомъ разломивъ же (—ше)¹⁾, служити не веляше велии: како, рече, можеши разломити кромѣ службы? Грѣхъ великъ есть въ томъ, не мози того творити (и) и инѣмъ възбрани. А еже речеть дьяконъ: вънемъ, попь: святая святымъ, въземъ подыметь тѣло, и люди рекутъ: единъ святъ, а попь тѣломъ учинить 3 кресты на дискосѣ, но не на одномъ, но по раду и передъ людьми, и преломить тѣло, и положить на дискосѣ ись правое руки, а въ лѣвой преломить верхнюю часть, въ потиръ вложить, а исподнюю отъ себе положить; но оли онѣ двѣ части въземъ, то сю положивъ и начнетъ ломити, ись правое руки покладывая на дискосъ, а въ лѣвой не покладываетъ, дондеже все изламаетъ, тоже изъ лѣвой положить, ать не тѣщи руцѣ будутъ» (Савва § 12, — у *Калайд.* стр. 197, у *Павл.* col. 54. Можетъ быть, должно тутъ припомнить объ употребительной у Грековъ до настоящаго времени такъ называемой «ипсомѣ», о которой см. *Опис. синодд. ркп.* № 368, л. 47, и *cfr* у *Ралли* и *П.* IV, 425 и 426).

Относительно прочихъ службъ, составляющихъ общественное богослуженіе, какъ мы сказали, у Грековъ было такъ: во-первыхъ, службы раздѣлялись на три класса — церковей кафедрально-епископскихъ, церковей приходскихъ и монастырей; во-вторыхъ, въ каждомъ классѣ было такое же частное или помѣстное разнообразіе каждой службы, какъ и литургіи.

¹⁾ Указываетъ на какой-то обычай преломленія двоими просфоры?

Константинъ философъ, первый переводчикъ богослужебныхъ книгъ съ греческаго языка на славянскій, конечно, перевелъ ихъ въ одной извѣстной редакціи, а не въ нѣсколькихъ. Но перевелъ ли онъ въ этой одной редакціи всѣ три класса или только который нибудь одинъ, это составляетъ вопросъ, на который мы не можемъ отвѣчать. Авторъ его Паннонскаго житія говорить объ его переводѣ: «вскорѣ же (по прибытіи въ Моравію) весь церковный чинъ преложь, научи я (Моравовъ) утреници, часовомъ, вечерни, павечерници и тайнѣй службѣ» (литургіи). Упомянутое о часахъ и павечерницѣ даетъ знать, что Константинъ перевелъ ту или другую редакцію службъ монастырскихъ; слѣдовательно, остается неизвѣстнымъ, перевелъ ли онъ по одной извѣстной редакціи службъ церковей кафедрально-епископскихъ и приходскихъ. Впрочемъ, здѣсь вопросъ собственно объ однихъ первыхъ службахъ. Относительно службъ церковей приходскихъ или ихъ вечерень и утрень, какъ мы сказали, должно думать, что онѣ были тоже самое, что и соответствующія имъ службы монастырскія, только въ болѣе сокращенномъ видѣ; а если такъ, то, сдѣлавъ переводъ книгъ въ пространномъ изложеніи (по монастырскому уставу), Константинъ далъ тѣмъ возможность употреблять ихъ и сокращенно (какъ службы приходскихъ церковей). По своему сану Константинъ не былъ епископомъ, а презвитеромъ (хотя у насъ совершенно неправильнымъ образомъ и величается епископомъ); въ то время, какъ онъ совершалъ для Моравовъ переводъ богослужебныхъ книгъ, въ Моравіи еще не было своего епископа; слѣдовательно, онъ не имѣлъ непосредственнаго побужденія переводить классъ нашихъ службъ, составлявшій принадлежность церковей кафедрально-епископскихъ, изъ чего вѣроятнѣйшее заключеніе есть то, что онъ и дѣйствительно его не переводилъ. Послѣ смерти Константина Мееодій сдѣлался Моравскимъ архіепископомъ и оставался въ этомъ санѣ около 10 лѣтъ. Хотя Паннонское житіе послѣдняго ничего не говоритъ, чтобы онъ дополнялъ послѣ Константина переводъ богослужебныхъ книгъ, но есть вся вѣроятность думать, что онъ сдѣлалъ наше дополненіе ¹⁾). Какъ бы то ни было, но необходимо принимать, что послѣ Моравовъ у Болгаръ былъ въ славянскомъ переводѣ и въ употребленіи—по одной редакціи или по нѣсколькимъ—и нашъ классъ службъ; а равнымъ образомъ необходимо принимать,

¹⁾ Не говоря сказаннаго прямо, Паннонское житіе Мееодія даетъ нѣкоторое основаніе подозрѣвать это. О переводѣ Константиномъ богослужебныхъ книгъ житіе выражается, что онъ перевелъ «избранныя службы». Слово избранныя какъ будто хочетъ дать знать, что Мееодій послѣ Константина дополнилъ его переводъ службъ.

что отъ Болгарь онъ переходилъ и къ намъ. Во-первыхъ, предоставляется необходимымъ думать это а priori: Болгары видѣли передъ собою у Грековъ двѣ категоріи службъ въ отношеніи къ характеру: простыя—церквей приходскихъ и монастырей и торжественно-помпозныя—церквей кафедрально-епископскихъ: въ высшей степени было бы странно, если бы они захотѣли удовольствоваться только первыми и не имѣли желанія перенести къ себѣ и послѣднихъ. А за тѣмъ столько же странно было бы и то, что мы, видя у Болгарь вторыя службы, взяли бы отъ нихъ для всеобщаго употребленія только первыя, ибо подобное отреченіе отъ службъ торжественныхъ значило бы какое-то намѣренное съ нашей стороны стремленіе къ убожеству. Во-вторыхъ, мы имѣемъ и положительныя свидѣтельства, что у насъ въ періодъ домонгольскій (и слѣдовательно впереди насъ у Болгарь) дѣйствительно существовали тѣ особыя службы, составлявшія принадлежность церквей кафедрально-епископскихъ, о которыхъ говоримъ. Отъ періода домонгольскаго, какъ извѣстно, сохранилось весьма мало богослужбныхъ книгъ, а въ позднѣйшее время, отъ котораго онѣ сохранились, у насъ уже во всѣхъ церквахъ были приняты службы монастырскія; поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что мы не находимъ послѣдованій нашихъ особыхъ службъ въ сохранившихся богослужбныхъ книгахъ. Но если мы не находимъ въ нашихъ книгахъ послѣдованій сихъ службъ въ полномъ ихъ видѣ, то по крайней мѣрѣ находимъ ихъ въ отрывкахъ, которые даютъ все право заключать объ ихъ предшествовавшемъ существованіи и въ этомъ полномъ видѣ. Въ одномъ Московскомъ Синодальномъ пергаминаномъ Требникѣ конца XIV или начала XV в. сохранился отрывокъ вечерни, принадлежащей къ классу вечерней церквей кафедрально-епископскихъ или такъ называемаго пѣсеннаго послѣдованія ¹⁾.

Что касается до службъ церквей приходскихъ, то мы не знаемъ, существовали ли онѣ у Болгарь и у насъ въ славянскомъ переводѣ по своей собственной, сокращенной противъ церквей монастырскихъ, редакціи. Но мы положительно знаемъ, что онѣ, бывъ отправляемы по тѣмъ или другимъ книгамъ, существовали у насъ въ таковомъ сокращеніи на дѣлѣ.

Такимъ образомъ, относительно прочихъ общественныхъ службъ послѣ литургіи за періодъ домонгольскій представляется наиболѣе вѣроятнымъ думать, что у насъ были въ употребленіи всѣ три класса ихъ,

¹⁾ Опис. Синод. ркп. Горск. и Невостр. Отд. III, 1, стрр. 138 sqq и 143, № 371, лл. 87 sqq и 110 об.

какіе были въ Греціи, т. е. не только службы монастырскія и приходскія, но и каедрально-епископскія.

Относительно церквей каедрально-епископскихъ должна быть сдѣлана существенная оговорка, а именно: не необходимо думать, чтобы во всѣхъ этихъ церквахъ первоначально введены были собственныя ихъ службы, напротивъ весьма возможно и гораздо болѣе вѣроятно, что въ нѣкоторыхъ изъ нихъ, и даже большей части, началось прямо со службъ монастырскихъ, или иначе—что собственныя службы введены только въ нѣкоторой, и можетъ быть только меньшей ихъ части. Собственныя службы каедрально-епископскихъ церквей по своему характеру торжественно-помпозныя, какъ мы говорили выше, составлены были такъ, что были рассчитаны на большіе соборы священниковъ и на цѣлыя хоры пѣвчихъ. А одно изъ этихъ-то двухъ обстоятельствъ и оставляетъ принимать за вѣроятнѣйшее, что службы эти уже съ самаго начала введены были у насъ не во всѣхъ каедрахъ, а только въ той или другой, и даже можетъ быть только въ меньшей, ихъ части. Не могло быть у насъ препятствій со стороны многочисленныхъ соборовъ священниковъ; но другое дѣло были хоры пѣвчихъ. Образовать потребное количество сколько нибудь удовлетворительныхъ пѣвческихъ хоровъ (подразумѣвается—при помощи учителей пѣнія, приведенныхъ изъ Греціи) ¹⁾ было дѣломъ вовсе не легкимъ, и весьма сомнительно полагать, чтобы правительство въ состояніи было этого достигнуть. Если бы въ Греціи во времена Владимира непремѣнно и обязательно требовалось, чтобы въ каедральныхъ епископскихъ церквахъ совершались назначенныя для нихъ службы, то какъ бы никакъ онъ достигъ того, чтобы это непремѣнно-обязательное стало возможнымъ и у насъ. Но необходимо думать, что въ Греціи еще задолго до него началось обращеніе епископскихъ каедръ къ службамъ монастырскимъ по причинамъ, которыя указаны нами выше. Слѣдовательно, примѣръ современной Греціи избавлялъ Владимира отъ обязанности во что бы ни стало стремиться къ достиженію того, чтобы во всѣхъ каедрально-епископскихъ церквахъ ввести ихъ собственныя службы и давалъ ему право ограничить свои старанія только предѣлами того, что было для него возможно. А такимъ образомъ представляется вѣроятнѣйшимъ думать, что

---

¹⁾ Если къ Ярославу пришли три греческіе пѣвца, то это должно понимать не такъ, какъ понимаетъ Степенная книга, которая говоритъ о приходѣ (I, 224), будто только съ Ярослава началось у насъ настоящее греческое пѣніе, а такъ, что Ярославъ досталъ возможно хорошихъ учителей пѣнія, съ которыхъ началось у насъ пѣніе улучшенное.

собственныя службы кафедрально-епископскихъ церквей уже съ самаго начала были введены у насъ не во всѣхъ этихъ послѣднихъ, а только въ нѣкоторыхъ важнѣйшихъ, и что другія,—весьма возможно, большая ихъ часть,—прямо начали со службъ монастырскихъ.

Должна быть сдѣлана нѣкоторая оговорка и относительно церквей приходскихъ, а именно: то, что относительно церквей кафедрально-епископскихъ представляется думать необходимымъ, относительно сихъ церквей можетъ быть думаемо, какъ возможное и вѣроятное. Вообще говоря, должно принимать за несомнѣнное, что въ приходскихъ церквахъ нашихъ вечерня и утреня гѣлись въ томъ сокращеніи противъ монастырей, какъ это было принято въ Греціи и въ Болгаріи, но при этомъ могли быть отдѣльные священники, которые бы усердствовали пѣть ихъ и въ полнотѣ монастырскаго изложенія (такъ какъ этого, само собою разумѣется, никто не запрещалъ).

Когда всѣ церкви кафедрально-епископскія усвоили у насъ монастырскія службы или когда въ этихъ церквахъ у насъ совсѣмъ прекратилось пѣніе ихъ собственныхъ особыхъ службъ, положительнымъ образомъ неизвѣстно. Вѣроятнѣйшимъ представляется думать, что это случилось у насъ не прежде Грековъ, а уже послѣ нихъ, ибо тѣхъ особенныхъ причинъ, которыми Сумеонъ Солунскій объясняетъ ихъ исчезновеніе у Грековъ, у насъ не было, такъ что у насъ причиною этого исчезновенія какъ будто должно считать простое подражаніе Грекамъ. У послѣднихъ, по свидѣтельству того же Сумеона, совершенно прекратили свое существованіе въ кафедрально-епископскихъ церквахъ ихъ собственныя службы, за исключеніемъ одной Солуни, въ періодъ господства въ Константинополѣ латинянь. Если мы положимъ, что у насъ, въ слѣдъ за Греками, это случилось не ранѣе конца сего періода, то получимъ, что у насъ это случилось не въ нашъ періодъ домонгольскій, а только въ началѣ слѣдующаго (Отличіе церквей кафедрально-епископскихъ отъ монастырей въ прочихъ службахъ послѣ литургіи состояло: во-первыхъ, въ томъ, что церкви кафедральныя имѣли ихъ только двѣ—вечерню и утреню, тогда какъ монастыри имѣли ихъ многія; во-вторыхъ, что вечерня и утреня церквей кафедральныхъ были свои особыя отъ монастырей. Мы говоримъ здѣсь объ усвоеніи кафедральными церквами монастырскихъ вечерни и утрени вмѣсто своихъ собственныхъ. Когда случилось усвоеніе всѣхъ другихъ службъ монастырскихъ, одновременно ли съ первымъ или послѣ, на этотъ вопросъ мы не въ состояніи отвѣчать совершенно ничего).

Приходскія церкви удерживали у насъ свой сокращенный въ сравненіи съ монастырями чинъ вечерни и утрени или свой особый ихъ

видъ весьма долгое время. Мы имѣемъ свидѣтельства изъ XVII вѣка, что это и тогда еще было такъ ¹⁾. Когда приходскія церкви усвоили у насъ лишнія противъ ихъ собственныхъ службъ монастырскія,—одновременно ли съ тѣмъ, какъ службы общія начали совершать по монастырскому уставу (въ монастырскомъ объемѣ) или же ранѣе, на это мы такъ же ничего не можемъ отвѣчать, какъ и сейчасъ выше.

Какой уставъ или какіе уставы богослуженія были въ нашихъ монастыряхъ до преп. Θεодосія Печерскаго, остается неизвѣстнымъ. Ниже мы увидимъ, что бѣльшая часть бывшихъ у насъ прежде него монастырей должны быть представляемы не какъ настоящіе монастыри, а какъ монашескія слободки, находившіяся при мірскихъ приходскихъ церквахъ; слѣдовательно, большая часть этихъ бывшихъ прежде него монастырей не имѣла нужды въ собственномъ уставѣ богослуженія (такъ какъ монахи ходили за службы въ приходскія церкви, при которыхъ жили). Въ немногихъ настоящихъ монастыряхъ, которые имѣли собственные церкви, былъ тотъ или другой уставъ или же тѣ или

---

¹⁾ Въ одной рукописи XVII вѣка написаны, въ слѣдъ за уставомъ, главы іеромонаха Марка, «о недовѣдомыхъ уставу». Въместо главы 77, гдѣ нужно было говорить: «когда не стихословимъ, Госнодеви поемъ»... писецъ сдѣлалъ замѣчаніе: «я мы убо сеѣ статьи изъ устава не выписахомъ, потому что въ мирскихъ церквахъ того указу не держатъ кромѣ монастырей»; далѣе, опуская главы—79, «о еже како подобаеъ творити литію» и 80, «о еже когда бываеъ литія и когда не бываеъ», писецъ говоритъ, что онъ не написалъ ихъ «того ради, занеже въ мирскихъ церквахъ того преданія не держатъ»,—Опис. Синодл. рлпп. *Горск. и Невостр.* Отд. II, 3, стр. 125, № 233 л. 273 об.—Выше мы сказали, что каноны утреніи являлись въ монастыряхъ какъ бы дополненіями сихъ службъ (какъ бы приложеніями, сдѣланными къ нимъ) и что въ церквахъ кафедрально-епископскихъ, пока сохранялись въ нихъ свои особыя утрени, каноны на сихъ послѣднихъ не пѣлись. Изъ этого необходимо слѣдуетъ заключать, что они болѣе или менѣе долго не пѣлись и въ церквахъ приходскихъ. Когда вошло въ обычай пѣть ихъ въ церквахъ приходскихъ у Грековъ, и въ слѣдъ за Греками у насъ, это, къ сожалѣнію, пока остается намъ вовсе неизвѣстнымъ.—До настоящаго времени вовсе не сохранилось богослужебныхъ книгъ, которыя бы содержали службы по сокращенію приходскихъ церквей, а не въ полномъ объемѣ монастырскомъ. Должно думать, что въ первомъ видѣ книгъ почти что и не писали (за исключеніемъ тетрадокъ, которыя попы сами составляли про себя), и это—по той простой причинѣ, что книга съ службами сокращенными годилась бы только для однихъ приходскихъ церквей, а книга съ службами полными одинаково годилась какъ для приходскихъ церквей, такъ и для монастырей.

другіе уставы, заимствованныя изъ Греціи (если настоящихъ монастырей было нѣкоторое нѣсколько, то весьма могло быть такъ, чтобы и уставовъ богослуженія было въ нихъ не одинъ, а нѣсколько).

Преп. Θεодосій Печерскій, стремившійся къ тому, чтобы сдѣлать свой монастырь возможно истиннымъ и подлиннымъ монастыремъ и чтобы учредить въ немъ образъ жизни монашеской по возможности совершенный, ввелъ въ немъ уставъ жизни, который въ его время въ Греціи и въ частности въ патриархатѣ Константинопольскомъ, имѣвшемъ къ намъ ближайшее отношеніе, считался совершеннѣйшимъ и пользовался наибольшою знаменитостью, именно—уставъ Студійскаго монастыря. Взявъ Студійскій уставъ какъ цѣлое, онъ ввелъ у себя не только ту его половину, которая касалась жизни, но и ту, которая касалась богослуженія, т. е. вмѣстѣ съ Студійскимъ уставомъ жизни онъ ввелъ у себя и Студійскій уставъ богослуженія.

Въ монастырѣ Студійскомъ, находившемся въ Константинополѣ ¹⁾, построенномъ при импер. Львѣ Великомъ (457—474) сенаторомъ Студіемъ (Στοῦδης, Στοῦδιος, монастырь—μοναστήριον τοῦ Στοῦδίου,—τὸν Στοῦδῖτον), его позднѣйшій, пользовавшійся по своей части, относившейся къ жизни, великою славою у ревнителей истинной монашеской жизни, уставъ введенъ былъ его знаменитымъ игуменомъ—преп. Θεодоромъ, который по монастырю называется Студитомъ или Студійскимъ († 826). Преп. Θεодоръ не предавалъ своего устава писмени, а только самымъ дѣломъ ввелъ его въ жизнь и въ практику монастыря (изложивъ впрочемъ правила, касающіяся жизни, въ завѣщаніи своему преемнику и много говоривъ о нихъ въ своихъ поученіяхъ монахамъ или въ своемъ такъ называемомъ Маломъ Катихизисѣ, см. ниже въ главѣ о монашествѣ). Послѣ преп. Θεодора, сколько извѣстно теперь, были составлены двѣ записи его устава: одна въ самомъ его монастырѣ, сдѣланная неизвѣстнымъ и въ неизвѣстное время, какъ слѣдуетъ думать, по распоряженію монастырскихъ властей ²⁾; другая во второй четверти XI вѣка Константинопольскимъ патриар-

¹⁾ На концѣ города, вверхъ по Мраморному морю отъ св. Софійи и на самомъ берегу пераго, не далеко отъ Золотыхъ воротъ и отъ извѣстнаго Семибашенья (турецк. Еди-Куле); въ настоящее время мечеть Емиръ-Ахоръ-Джами, иначе—Имрагоръ-Джами.

²⁾ Эту запись воспроизводитъ въ своемъ уставѣ преп. Аванасій Аеонскій, скончавшійся въ 980 г.; слѣдовательно, она сдѣлана неизвѣстно когда до сего 980 г...

хомъ Алексѣемъ (1025—1043). Патріархъ Алексѣй, возведенный на кафедру изъ епископовъ Студійскаго монастыря, построилъ въ Константинополѣ свой собственный монастырь (о которомъ см. *Дюканжа* Constantinop. Christ. lib. IV, p. 152): для этого своего монастыря онъ и написалъ уставъ, взятый съ жизни и практики Студійскаго монастыря.

О томъ, какъ преп. Θεодосій Печерскій получилъ для своего монастыря Студійскій уставъ, мы имѣемъ два разногласящія свидѣтельства. Лѣтописецъ (подъ 1051 г. sub fin.) говоритъ, что Θεодосій, собравъ многочисленную братію, «нача искати правила чернецьскаго, и обрѣтесе тогда (въ Кіевѣ) Михаилъ чернець монастыря Студійскаго, иже бѣ пришелъ изъ Грекъ съ митрополитомъ Георгіемъ, и нача у него искати устава чернець Студійскихъ, и обрѣтъ у него, исписа»... Несторъ въ житіи преп. Θεодосія говоритъ, что онъ «посла единого отъ братія въ Костянтинъ градъ въ Ефрему скопцю, да весь уставъ Студійскаго монастыря испьсавъ, присълетъ ему, онъ же преподобнаго отца нашего повелѣная ту абіе и створи, и весь уставъ монастырскыи испьсавъ и пославъ блаженому. отцю нашему Θεодосію»... По первому извѣстію, преп. Θεодосій получилъ готовую записъ устава; по второму, она нарочно была сдѣлана для него самого. Безспорно вѣроятнѣйшимъ должно считать первое, ибо кромѣ несомнѣннаго превосходства авторитета лѣтописца, какъ историческаго показателя, предъ авторитетомъ Нестора, первое безспорно вѣроятнѣе втораго само по себѣ. Которую изъ двухъ помянутыхъ выше записей получилъ преп. Θεодосій, мы положительно не знаемъ; но необходимо думать, что сдѣланную патріархомъ Алексѣемъ, а не въ самомъ монастырѣ. Во-первыхъ, записи, сдѣланной въ самомъ монастырѣ, вовсе неизвѣстно въ славянскомъ переводѣ ¹⁾, и въ этомъ переводѣ мы имѣемъ только записъ Алексѣеву; во-вторыхъ и главное, записъ, сдѣланная въ самомъ монастырѣ, представляетъ собою записъ только весьма краткую, тогда какъ записъ Алексѣева есть настоящій и обстоятельный уставъ: чтобы преп. Θεодосій удовольствовался первою, имѣя возможность получить вторую, это совсѣмъ невѣроятно (Очень можетъ быть, что у чернца Михаила, къ которому преп. Θεодосій обратился съ разпросами объ уставѣ, оказалась на лицо только собственная записъ монастыря; но добываясь обстоятельнаго устава, онъ могъ узнать отъ него о существованіи записи Алексѣевой, представляющей собою именно такой уставъ,

¹⁾ Въ греческомъ подлинникѣ она при твореніяхъ Θεодора Студита, — у Мина въ Патр. t. 99, p. 1703 sqq. См. ее въ приложеніяхъ къ этой главѣ.

и потомъ черезъ него или не черезъ него,—можетъ быть, именно черезъ Ефрема—и получить ее нарочно).

Студійскій уставъ патр. Алексѣя преп. Θεодосій получилъ на греческомъ языкѣ и долженъ былъ перевести его съ греческаго языка на славянскій. Чьими руками онъ это сдѣлалъ, остается вовсе неизвѣстнымъ; но во всякомъ случаѣ должно смотрѣть на сей переводъ, какъ на его дѣло ¹⁾.

Славянскій переводъ устава патр. Алексѣя извѣстенъ въ настоящее время въ двухъ спискахъ домонгольскаго періода: одинъ списокъ, сохранившійся далеко не въ полномъ видѣ, конца XI—начала XII вѣка, находится въ Московской Типографской (синодальной типографіи) библиотекѣ; другой списокъ, конца XII—начала XIII вѣка, находится въ Московской Синодальной библиотекѣ ²⁾.

Уставъ патриарха Алексѣя состоитъ изъ двухъ частей: одна часть (первая) представляетъ собою уставъ монашескаго богослуженія, другая часть (вторая)—уставъ монашеской жизни. Первая часть состоитъ изъ трехъ отдѣленій, именно—въ ней излагается уставъ службъ: по тріоди постной, по тріоди цвѣтной и по мѣсяцеслову.

Точнымъ и обстоятельнымъ образомъ обозначить, чѣмъ отличается Студійскій уставъ патр. Алексѣя отъ нынѣшняго нашего, который есть Іерусалимскій св. Саввы, мы, къ сожалѣнію, не въ состояніи. Предоставляя сдѣлать это специалистамъ ³⁾, мы съ своей стороны огра-

¹⁾ Языкъ перевода, сколько хватаетъ нашихъ филологическихъ свѣдѣній, не препятствуетъ тому, чтобы считать его сдѣланнымъ въ Россіи. Но если присяжными филологами будутъ найдены несомнѣнные признаки, указывающіе на то, что онъ есть болгарскій, то сіе будетъ значить не то, что онъ совершенъ въ Болгаріи, а то, что преп. Θεодосій сдѣлалъ его при помощи Болгарина.

²⁾ Описание перваго списка у *преосв. Серія* въ Полномъ Мѣсяцесловѣ Востока I, 1-го изд. стр. 120 и приложж. 35 вѣр (авторъ принимаетъ тутъ списокъ Студійскаго устава за особый уставъ неизвѣстнаго Константинопольскаго монастыря, но послѣ онъ увидѣлъ свою ошибку); описание втораго списка въ *Опис. Синодд. ркпп. Горск. и Невостр.* № 360.

³⁾ Послѣ перваго изданія нами настоящей книги въ 1881-мъ году вопросъ о взаимномъ отношеніи уставовъ и объ ихъ отличіи одного отъ другаго былъ трактованъ: г. *Н. Одинцовымъ* въ сочиненіи: *Порядокъ общественнаго и частнаго богослуженія въ древней Россіи до XVI вѣка*, Спб., 1881, стр. 36 вѣр; *А. А. Дмитриевскимъ* въ статьѣ: *Богослуженіе въ русской церкви въ первые пять вѣковъ*, напечатанной въ «Православномъ Собесѣдникѣ» 1882-го года, ч. I-й Собесѣдника

ничимся немногими замѣчаніями ¹⁾. Какъ мы уже говорили выше, на Студійскій уставъ не должно смотрѣть какъ на самостоятельный уставъ, сочиненный преп. Θεодоромъ, а какъ на тотъ же уставъ св. Саввы, но только нѣсколько измѣненный преп. Θεодоромъ по мѣстнымъ условіямъ и по личнымъ соображеніямъ. Чинъ и послѣдованіе или порядокъ службъ въ обоихъ уставахъ болѣе или менѣе одни и тѣже, но въ отношеніи къ матеріи пѣвческой и такъ сказать составляющей собственное человѣческое творчество части службъ (не Священное Писаніе) Студійскій уставъ отличается отъ Іерусалимскаго тѣмъ, что по нему полагались каноны своихъ Студійскихъ творцовъ, тогда какъ въ первомъ каноны иныхъ творцовъ. Затѣмъ, еще главное отличіе уставовъ одного отъ другаго древними указывается въ томъ, что по уставу Саввы подь всѣ воскресенья и Господскіе праздники положено всеобщее бдѣніе «съ вечера до утра» и на немъ великое славословіе съ хвалитными стихирами, тогда какъ по Студійскому уставу не положено всеобщихъ бдѣній ни для одного дня въ году, а также ни для одного дня и великаго славословія, но въ праздники только стихирны хвалитныя и стиховныя. Это отличіе Студійскаго устава отъ Іерусалимскаго, очевидно, должно быть изъясняемо мѣстными условіями: уставъ Саввы написанъ былъ для монастырей, находившихся въ пустынѣ, въ которыхъ монахи жили въ одинокихъ, разбросанныхъ на большомъ пространствѣ, келліяхъ; напротивъ, уставъ Студійскій написанъ для монастыря городского, гдѣ монахи жили въ большихъ зданіяхъ или корпусахъ, соединенныхъ на небольшомъ пространствѣ. Монахи пустынныхъ монастырей не собирались для общаго богослуженія всѣ вмѣстѣ каждый день, такъ какъ это было для нихъ затруднительно, а только въ воскресенья и праздники (совершая по буднямъ молитвословія у себя въ келліяхъ); но и въ воскресенья и праздники собираться на утрени ночью было бы для нихъ затруднительно: а поэтому-то Савва и установилъ всеобщія бдѣнія, такъ чтобы монахи собирались къ церкви наканунѣ воскресеній и праздниковъ. Въ монастырѣ Студійскомъ, въ стѣнахъ котораго всѣ монахи жили близъ церкви, указанныхъ препятствій вовсе не существовало, а поэтому-то преп. Θεодоръ, отмѣнивъ всеобщія бдѣнія, и опредѣлилъ.

стр. 232 вѣд; *И. Д. Мансветовымъ* въ сочиненіи: Церковный уставъ (типикъ),— его образованіе и судьба въ греческой и русской церкви, М. 1885, стр. 78 вѣд.

¹⁾ Въ приложеніяхъ къ этой главѣ мы помѣщаемъ нѣсколько выписокъ изъ устава.

чтобы въ продолженіе всего года всѣ службы совершались въ свое время ¹⁾.

Отличаются еще уставы Іерусалимскій и Студійскій не въ отношеніи къ службамъ, о которыхъ говоримъ, а въ отношеніи къ литургіи, именно—къ временамъ пѣнія литургіи преждеосвященной или постной. По уставу Іерусалимскому ее положено пѣть въ тѣ дни, какъ у насъ въ настоящее время; но по уставу Студійскому, который въ семьъ случаѣхъ послѣдовалъ Константинопольской великой церкви, она пѣлась въ среду и пятокъ на сырной недѣлѣ или масляницѣ и потомъ въ великомъ постѣ ежедневно съ понедѣльника по пятокъ (не исключая и пятка страстной недѣли) ²⁾.

Студійскій уставъ патр. Алексѣя, введенный преп. Θεодосіемъ въ Печерскомъ монастырѣ, по увѣренію лѣтописца, былъ заимствованъ отъ Печерскаго монастыря всѣми нашими монастырями: «Θεодосίη, ἰσχυρῶς (уставъ)—говоритъ онъ,—πρεδαστὴρ μοναστηρίου ἑαυτοῦ; ἀπὸ τοῦ αὐτοῦ μοναστηρίου μεταβίβασεν ὁ αὐτὸς ὅλον τὸν ἑαυτοῦ ἑκείνῳ» (подъ 1051 г.); а послѣ монастырей, какъ должно думать, его усвоили и всѣ наши епископскія кафедръ (но не приходскія церкви, ибо эти послѣднія усвоили монастырскій уставъ уже послѣ того, какъ вмѣсто устава Студійскаго у насъ введенъ былъ нынѣшній Іерусалимскій). Относительно монастырей нѣтъ основаній заподозрѣвать показаніе лѣтописца въ общемъ, но болѣе чѣмъ вѣроятно, что оно должно быть понимаемо съ ограниченіями, а именно—признавая за справедливое, что уставъ Студійскій приняла большая часть монастырей, очень возможно и вѣроятно пред-

---

¹⁾ Что касается до великаго славословія, то по уставу патр. Алексѣя въ нѣкоторые дни оно полагается,—Опис. Синод. ркп. № 380, стр. 243 фп.. Если по уставу Студійскому не было положено всеобщныхъ бдѣній ни для одного дня въ году, то это вовсе не значитъ и вовсе не должно быть понимаемо такъ, чтобы ихъ не было положено и по уставу Константинопольской великой или патріаршей церкви. Уставъ Студійскаго монастыря самъ по себѣ, а уставъ великой церкви и всѣ другіе уставы, бывшіе въ Константинопольскомъ патріархатѣ въ мірскихъ церквахъ и въ монастыряхъ сами по себѣ (въ Константинопольской великой церкви, какъ и въ другіихъ великихъ церквахъ, всеобщныя бдѣнія были съ древняго времени: въ Константинополѣ онѣ упоминаются при І. Златоустомъ, въ Кесаріи Каппадокійской онѣ ввелись или при Василіи Великомъ или непосредственно передъ нимъ).

²⁾ Опис. Синод. ркп. № 380, лл. 5 об., 10 и 32 об.; Синеона Солунскаго Responsa ad Gabriel. Pentanol., quaest. 56,—у Миня въ Патр. t. 155, р. 904 sqq.

полагать, что одновременно съ нимъ въ нѣкоторыхъ монастыряхъ были и свои особые уставы. Въ періодъ домонгольской наши сношенія съ Греціей были весьма живыя и дѣятельныя; у монаховъ нашихъ тогда весьма обычно было ходить на Востокъ для поклоненія тамошнимъ святымъ мѣстамъ: и совершенно возможно, что иные монахи выносили оттуда свои уставы, которые и вводили въ монастыряхъ.

Сейчасъ сказанное нами вполне подтверждается и тѣмъ, какъ въ періодъ домонгольской было у насъ дѣло съ самымъ уставомъ Студійскимъ. Мы говорили выше, что въ Греціи какіе-нибудь извѣстные уставы, приобрѣтая болѣе или меньшее распространеніе, не распространялись такъ, чтобы вездѣ сохранять совершенное единообразіе, а напротивъ такъ, чтобы являться въ болѣе или меньшемъ помѣстномъ разнообразіи. Уставъ Студійскаго монастыря, принятый въ Греціи въ болѣе или менѣе значительной части монастырей Константинопольскаго патріархата, не оставался тамъ во всѣхъ монастыряхъ совершенно однимъ и тѣмъ же, но получилъ въ нихъ болѣе или меньшее помѣстное разнообразіе. Это разнообразіе Студійскаго устава изъ Греціи перешло и къ намъ. Мы сказали, что отъ періода домонгольскаго сохранились до настоящаго времени двѣ рукописи Студійскаго устава: сохранившіяся двѣ рукописи представляютъ Студійскій уставъ въ двухъ особыхъ редакціяхъ ¹⁾. Если перешло къ намъ изъ Греціи разнообразіе одного и того же устава, то тѣмъ болѣе изъ множества бывшихъ тамъ другихъ уставовъ могли перейти къ намъ нѣкоторые ²⁾.

¹⁾ См. *преосв. Сергія* Полный Мѣсяцесловъ Востока т. I, 1-го изд. стрр. 120 фп. и приложж. 35 sqq.

²⁾ Въ одной Синодальной рукописи, впрочемъ—позднѣйшей, XVI в., читается монастырскій уставъ богослуженія, по которому «составъ богослуженія всенощнаго имѣеть свой видъ», — Опис. Синод. ркпп. *Горск.* и *Невостр.* № 330, л. 10. И. И. Срезневскій въ своихъ «Древнихъ памятникахъ Русскаго письма и языка» говоритъ о Новгородскомъ монастырскомъ уставѣ церковнаго служенія, писанномъ по нему до 1200 г., какъ будто о какомъ-то особомъ, — стр. 38 соі. 1.—Въ подтвержденіе нашихъ словъ можемъ еще указать на одинъ убѣдительный пригѣръ. Въ рукописяхъ нашихъ читается краткій богослужебно-бытовой уставъ монастыря святаго отца нашего Іоанна Пателарія (Румянц. ркпп. у *Восток.* № 230, л. 118, и № 231, л. 333 об., фундамент. ркп. Московск. Д. Акад. № 54, л. 91 об. и ркп. *Ундольскаго* № 29, л. 305). Этотъ св. Іоаннь, уставъ котораго былъ переведенъ на славянскій языкъ и былъ принесенъ къ намъ въ Россію, не представлялъ изъ себя какой нибудь знаменитости, а былъ невѣдомымъ или по крайней мѣрѣ весьма

Въ XVI—XVII вѣкѣ архіерейское служеніе у насъ отличалось нѣкоторыми особенными обрядами, каковы: такъ называемое лѣтопровожденіе въ новый годъ, т. е. по старому 1 Сентября, совершеніе такъ называемаго печнаго дѣйствія въ недѣлю праотцовъ или отцовъ предъ Рождествомъ Христовымъ, дѣйство страшнаго суда въ недѣлю мясопустную, хожденіе на ослати въ недѣлю Ваий; затѣмъ—до настоящаго времени совершается у насъ умовеніе ногъ въ великій четвергъ.

О времени перехода къ намъ всѣхъ этихъ обрядовъ мы не имѣемъ никакихъ положительныхъ свѣдѣній. Умовеніе ногъ, лѣтопровожденіе и дѣйство страшнаго суда со всею вѣроятностью должно относить къ періоду домонгольскому и къ самому первому времени, представляя дѣло такимъ образомъ, что обряды эти перешли къ намъ вмѣстѣ и одновременно или нераздѣльно съ самымъ общественнымъ богослуженіемъ; а вопросъ о печномъ дѣйствіи и о хожденіи на ослати пока нужно оставить нерѣшеннымъ.

Умовеніе ногъ, совершаемое въ воспоминаніе великаго урока смиренія, который преподаль начальствующимъ въ церкви Спаситель, восходя своимъ началомъ къ глубокой и можетъ быть самой первоначальной древности, составляетъ такой обрядъ, неисполненіе и опущеніе котораго означало бы со стороны архіереевъ намѣренное уклоненіе отъ того, чтобы напоминать себѣ о смиреніи. А поэтому-то и необходимо думать, что оно перешло къ намъ вмѣстѣ и одновременно съ самымъ общественнымъ богослуженіемъ, ибо невозможно, конечно, усвоить первымъ нашимъ архіереямъ сейчасъ указаннаго намѣренія. Въ древнее время умовеніе совершали у Грековъ не только архіереи, но и настоятели и настоятельницы монастырей ¹⁾: весьма вѣроятно,

---

мало вѣдомымъ настоятелемъ монастыря въ итальянской Греціи, на островѣ Пателареѣ (по которому называется Пателаріемъ) или Пантеларіи (между Сициліей и Тунисомъ, ближе ко второму. По академической рукописи уставъ сполна напечатанъ И. Д. Мансветовымъ въ сочиненіи: Церковный уставъ (типикъ), М. 1885, стр. 442 fn.).

¹⁾ Въ ктиторскомъ уставѣ импер. Ирины, супруги импер. Алексѣя Комнина, данномъ основанному ею женскому монастырю, предписывается: «во святой и великій четвергъ долженствуетъ быть отъ честнѣйшей игуменія умовеніе ногъ въ паперти церковной, гдѣ изображено и умовеніе, совершенное Спасителемъ, по содержащемуся въ уставѣ послѣдовавію и чину»,—гл. 72, у Миня въ Патр. t. 127, p. 1096. Чинъ умовенія игуменскаго у Гоара въ Euchol., ed. Paris, p. 745.—Въ уставѣ патр. Алексѣя предписывается совершать умовеніе ногъ, согласно съ преда

что это такъ было и у насъ. Лѣтопровожденіе и дѣйство страшнаго суда состояли въ томъ, что для пѣвнйя праздничныхъ молебновъ, между заутреней и обѣдней, выходили съ крестами и иконами вонъ изъ церквей, на площади передъ ними ¹⁾. Подобное совершеніе нарочитыхъ общественныхъ молебновъ есть древній греческій обычай, и нѣтъ совершенно никакихъ причинъ думать, чтобы онъ усвоенъ былъ нами только въ позднѣйшее время, а не съ самаго древняго (у Грековъ общественныя молебны назывались литіями и литавіями ²⁾; литіи, тоже что и наши того же имени моленія, совершались въ самыхъ церквахъ, въ ихъ нартексахъ или папертяхъ; литавіи—съ выходомъ изъ церквей и съ крестными ходами) ³⁾. Пещное дѣйствіе воспроизводило въ лицахъ и драматически (въ художественномъ отношеніи далеко не удовлетворительно) исторію съ тремя еврейскими отроками въ печи Вавилонской: въ церкви на мѣстѣ амвона поставлялась деревянная печь, въ нее вводились халдеями три отрока (исполнителями были большіе и малые архіерейскіе пѣвчіе); халдеи напрасно старались утратить и опалить отроковъ и сами распростирались опаленные, между тѣмъ къ отрокамъ спускался сверху на цѣпи или на веревкѣхъ деревянный ангель, съ которымъ они три раза обходили кругомъ печь, поя пѣснь библейскихъ отроковъ ⁴⁾. Можно было бы подумать, что эта церковная драма заимствована нами съ Запада; но изъ Симеона Солунскаго узнаемъ, что она есть греческая ⁵⁾. Однако есть ли она у Грековъ древняя и собственная, или позднѣйшая, придуманная по образцу латинянъ (въ то время, какъ послѣдніе господствовали въ Константинополѣ) это пока составляетъ для насъ вопросъ, вмѣстѣ съ чѣмъ составляетъ вопросъ и то, когда она перешла къ намъ ⁶⁾. Хожденіе на осляти въ недѣлю Ваій

нѣмъ Великой церкви, а не монастыря Студійскаго, какъ сказано въ немъ именно, прежде литургіи, а не послѣ ея,—Опис. Синодд. ркп. № 380, стр. 243 нач.

¹⁾ Описанія позднѣйшаго ихъ совершенія: перваго въ Вивліоѣ. VI, 163 и X, 2, втораго *ibid.* XI, 3 (VI, 221).

²⁾ *Λιτή* отъ *λίσσομαι*,—просьба, моленіе, и *λιταρεία* изъ *λιτανεύω*—тоже.

³⁾ Симеонъ Солунскій—*De vasa precatione*, гл. 339: *περί τῆς ἐν ἀνάθητι λιτῆς καὶ τῶν λοιπῶν ἕξωθεν τοῦ ναοῦ λιτανειῶν*,— у *Миня* въ Патр. t. 155, р. 613.

⁴⁾ Описаніе позднѣйшаго совершенія въ Вивліоѣ. т. VI, стрр. 183 и 363.

⁵⁾ *Dialogus contra haereses*, с. 23,— у *Миня* въ Патр. t. 155, р. 113 *sub fin.*

⁶⁾ Въ Ипатской лѣтописи подъ 1146-мъ годомъ, 2 изд. стр. 228, называется воевода одного князя Иванъ Халдеевичъ. Возможно, что воевода былъ такъ прозванъ потому, что былъ сынъ или потомокъ одного изъ халдеевъ; принимая это,

состояло въ томъ, что послѣ заутрени, на которой освящалась и раздавалась народу обычная верба, отвозилась съ крестнымъ ходомъ на известное разстояніе отъ церкви кадка съ «нарядной вербой», украшенной всякими цвѣтами и овощами (въ Москвѣ на Лобное мѣсто),— что здѣсь предварительно или вмѣстѣ съ ходомъ прибывшій архіерей совершалъ молебное пѣніе и что потомъ онъ возвращался въ церковь верхомъ на осляти (за отсутствіемъ у насъ дѣйствительныхъ ословъ— на лошади, маскированной осломъ, т. е. покрытой попоной и съ придланными большими ушами), причемъ его осла велъ за поводъ или самъ государь или его представитель (въ Москвѣ самъ государь, а въ случаѣ его болѣзни бояринъ, въ городахъ—воеводы) ¹⁾. Само по себѣ хожденіе на осляти совершенно могло бы быть принято за обычай греческій: въ древнѣйшее время архіерей у Грековъ не ходили въ крестныхъ ходахъ пѣшкомъ, но или ѣздили на императорскихъ колесницахъ (патріархи Константинопольскіе) или верхомъ на ослахъ (на которыхъ они ѣздили обыкновенно) ²⁾; мы не знаемъ, такъ ли это продолжалось и въ позднѣйшее время, но совершенно вѣроятно было бы предположить, что ѣзда на ослѣ (хожденіе на осляти) осталась по крайней мѣрѣ для недѣли Ваій, чтобы точно воспроизводить вшествіе Спасителя въ Іерусалимъ. Однако, не позволяютъ усвоить обряда Грекамъ Константинъ Порфирогенитъ и Кодицъ. Оба они, представляющіе собою свидѣтелей X и XIV вѣковъ, говорятъ о церемоніяхъ недѣли Ваій и ни тотъ ни другой ничего не говорятъ о нашемъ обрядѣ ³⁾. Есть нѣкоторыя указанія, что нашъ обрядъ совершался съ древняго времени въ Іерусалимѣ ⁴⁾. На этомъ основаніи, можетъ быть, слѣдуетъ думать, что обрядъ явился у насъ вмѣстѣ съ уставомъ Іерусалимскимъ. А если такъ, то послѣднее случилось уже только во времена митр. Кипріана ⁵⁾.

будетъ имѣть свидѣтельство, что до 1146-го года у насъ было въ употребленіи печное дѣйствіе.

¹⁾ Описаніе позднѣйшаго совершенія въ Вивліюе. VI, 314, и XI, 54.

²⁾ См. хронографъ Малалы въ Патр. Мнѣя т. 97, pp. 701 и 704, и *Рейскія* Комментаріи къ De ceremoniis Констант. Порфирог., къ 19 гл. II кн. прим. 67,— у *Миня* въ Патр. т. 112, р. 1143.

³⁾ Константинъ Порфирог. въ De ceremon. lib. I, с. 32, у *Миня* въ Патр. т. 112, р. 412, Кодицъ De officiis Constantinopolitanis cap. 10, у *Миня* ibid. т. 157, р. 84.

⁴⁾ См. у *Дюканжа* въ Gloss. Graecis. подъ сл. βασιφόρος ἵππερα.

⁵⁾ На Западѣ въ средніе вѣка духовенство ѣздило въ недѣлю Ваій на деревянныхъ ослахъ, которые таскаемы были мальчиками (Handbuch der christlich-

Общественныя церковныя службы состоятъ не только въ моленіяхъ Господу Богу, но и въ прославленіяхъ памятей его святыхъ. Поэтому, считаемъ бесполезнымъ сдѣлать нѣкоторое замѣчаніе о святцахъ. Въ настоящее время во всей православной церкви одни и тѣже общіе святцы ¹⁾; но далеко не такъ это было въ древнее время. Былъ сравнительно немногочисленный отдѣлъ святыхъ, которымъ съ самаго перваго и самаго древняго времени праздновалось всею церковію; большинство же ихъ долго оставались только мѣстными святыми тѣхъ частныхъ церквей, въ которыхъ прославились, бывъ по отношенію къ другимъ частнымъ церквамъ такъ сказать святыми произвольными, — праздновать которымъ нисколько не запрещено было другимъ частнымъ церквамъ, если хотѣли, но нисколько не вмѣнялось и въ обязанность; при этомъ подъ частными церквами должно разумѣть не церкви дѣльныхъ народовъ, не патріархіи и не митрополіи, а епископіи. Памяти апостоловъ, которые суть вселенскіе учителя въ собственнѣйшемъ смыслѣ, начали быть правднуемы всею вселенскою церковію съ самаго перваго времени; послѣ апостоловъ явились мученики, которые утвердили и возрастили своею кровію церковь, ими основанную: памяти этихъ, такъ сказать—вторыхъ основателей церкви, подобно тому какъ и первыхъ, съ самой минуты ихъ появленія, также начали быть правднуемы во всемъ христіанскомъ мірѣ. Но изъ сихъ двухъ ликовъ очень долгое время и состоялъ сонмъ вселенскихъ признанныхъ святыхъ: прочіе святые, начиная съ святителей, столько же долгое время оставались только мѣстными святыми тѣхъ частныхъ церквей, въ которыхъ прославились, бывъ внѣ ихъ предѣловъ произвольными, которымъ желающіе могли праздновать, но которымъ праздновать никто не обязывался;

---

kirchlichen Alterthümer von *Siegel*, IV, 172 нач.). Но производить нашъ обрядъ отъ этихъ западныхъ деревянныхъ ословъ намъ вовсе не представляется вѣроятнымъ.

¹⁾ Что впрочемъ должно быть понимаемо далеко не совсемъ въ точномъ смыслѣ: у Грековъ нѣтъ ни одного славянскаго святаго; между самими Славянами— у насъ Русскихъ не всѣ святые сербскіе и болгарскіе, у Сербовъ и Болгаръ наоборотъ; у насъ и у другихъ Славянъ нѣтъ позднѣйшихъ греческихъ святыхъ; ни у Грековъ ни у кого изъ Славянъ вовсе нѣтъ грузинскихъ святыхъ. Слѣдовательно, сказанное прилагается въ точномъ смыслѣ только къ древнимъ греческимъ святымъ.—Святцы, по-слав. святѣци, есть множественное слова святѣць; а послѣднее значить или есть тоже, что—святый (Слов. *Восток.*); слѣдовательно, названіе святцы значить: святые, т. е. списокъ, каталогъ святыхъ (а святѣи отъ единств. святокъ,—лѣтоп. подъ 1097 г.: «останиса на святокъ»,—праздники).

а до такой степени слово «мѣстный» должно понимать въ частномъ смыслѣ, видно изъ того, что епископія Маіумская въ патриархатѣ Іерусалимскомъ, крошечная по пространству и находившаяся рядомъ съ епископіей Газской, отъ которой была отдѣлена, имѣла, по словамъ Созомена (Н. Е. lib. V, с. 3), особыхъ отъ послѣдней и своихъ собственныхъ святыхъ. Когда началось общее празднованіе святителямъ и прочимъ подъ ними святымъ, это пытаются рѣшить на основаніи древнихъ сохранившихся святцевъ. Но святцы тутъ рѣшительно ни къ чему не служатъ. Святцы въ богослужебныхъ книгахъ, равно какъ и самыя эти книги, писались не подъ надзоромъ какихъ-нибудь церковныхъ властей, а безъ всякаго надзора простыми писцами и переписчиками; праздновать мѣстнымъ святымъ, какъ мы сказали, виѣ мѣсть ихъ прославленія было нисколько не обязательно, а съ другой стороны желающимъ нисколько и не воспрещалось: подобнымъ образомъ и вносить въ святцы имена чужихъ мѣстныхъ святыхъ, не будучи обязательнымъ, нисколько не было и запрещено. Писцы богослужебныхъ книгъ могли имѣть естественное усердіе вносить въ святцы имена чужихъ мѣстныхъ, но знаменитыхъ, святыхъ (начиная, конечно, съ чужихъ святыхъ сосѣднихъ мѣсть); а такимъ образомъ и могло случиться, что мѣстные святые могли появиться въ святцахъ не своихъ мѣсть, болѣе или менѣе задолго до того, какъ ввелось общее имъ празднованіе, изъ чего слѣдуетъ и то, что свидѣтельство святцевъ остается въ данномъ случаѣ не причемъ ¹⁾). Имѣемъ мы одинъ оффиціальный актъ, изъ котораго открывается, когда началось общее празднованіе святителямъ, первымъ въ порядкѣ чиновъ святыхъ послѣ мучениковъ. Актъ этотъ есть указъ импер. Льва Мудраго († 911), предписывающій, чтобы послѣ апостоловъ и мучениковъ было повсемѣстно празднуемо святителямъ: Аѳанасію Александрійскому, Василию Великому, Григорію Богослову, другому Григорію, вѣроятно—Нисскому, Іоанну Златоустому, Кириллу Александрійскому и Епифанію Кипрскому ²⁾). Такимъ образомъ вотъ только когда положено начало обобщенію святцевъ въ нынѣшнемъ смыслѣ! ³⁾). Послѣ импер. Льва мы не знаемъ другихъ подобныхъ ука-

¹⁾ Каждая частная церковь имѣла диптихъ своихъ святыхъ или ихъ каталогъ, по которому совершала ихъ памяти. Если бы сохранились эти оффиціальные диптихи, было бы—другое дѣло.

²⁾ Указъ у *Caspari* въ *Ius Graeco-Romanum*, Pars III, p. 184. См. его въ греческомъ подлинникѣ съ русскимъ переводомъ въ приложеніяхъ къ этой главѣ.

³⁾ А если мы имѣемъ положительныя свидѣтельства, что сейчасъ перечислен-

зовъ ни со стороны государства, ни со стороны церкви, и дѣло дальнѣйшаго обобщенія совершалось, какъ нужно думать, просто само собой, безъ вмѣшательства власти гражданской или церковной. Этому дальнѣйшему обобщенію черезъ столѣтіе послѣ импер. Льва неофициальнымъ образомъ долженъ былъ дать рѣшительный толчокъ общегреческій Синаксарь или Прологъ, т. е. сборникъ краткихъ сказаній о знаменитѣйшихъ святыхъ всей Греческой церкви, составленный по приказанію импер. Василія Булгаробойца, при которомъ крестился нашъ Владимиръ (975—1025). Императоръ, приказывая составить общегреческій Синаксарь, имѣлъ цѣлю привести такъ сказать въ радостную всѣмъ извѣстность, до какой степени духовное небо церкви украсилось духовными звѣздами — святыми Божіими; естественно, что симъ возбуждалось желаніе сдѣлать ихъ общимъ достояніемъ церкви и чрезъ общее празднованіе памятей всѣхъ ихъ.

Если каждая частная церковь въ смыслѣ каждой отдѣльной епископіи имѣла своихъ мѣстныхъ святыхъ, то вмѣстѣ съ симъ не предполагается необходимо, чтобы каждая частная церковь имѣла и право канонизаціи святыхъ; однако это должно быть такъ полагаемо. Даже въ латинской церкви, стремившейся несравненно болѣе къ централизаціи, чѣмъ церковь Греческая, право это принадлежало епископамъ до второй половины XII вѣка и было присвоено папами исключительно самимъ себѣ только въ 1171 г. (послѣ единичнаго примѣра въ 993 г.)¹⁾.

Въ какомъ объемѣ Русская церковь домонгольскаго періода содержала греческіе святцы или въ какомъ объемѣ она праздновала греческимъ святымъ, это составляетъ вопросъ, на который, за отсутстви-

---

нымъ святителямъ праздновалось внѣ мѣстъ ихъ прославленія задолго до императора Льва, то это значитъ, что празднованіе ихъ памятей, какъ знаменитѣйшихъ святыхъ, болѣе или менѣе повсемѣстно распространилось задолго до обязательнаго приказанія.

¹⁾ Handbuch der christlich-kirchlichen Alterthümer von Siegel II, 270, сfr *Мартини* Dictionnaire подъ сл. Canonisation.—Во времена Августина мученики вписывались въ диптихи мѣстныхъ церквей или что тоже канонизовались не прямо мѣстными епископами, а послѣ предварительнаго изслѣдованія окружными митрополитами съ соборами епископовъ. Но это было такъ по особымъ обстоятельствамъ мѣста и времени.—чтобы въ число мучениковъ не вписать еретиковъ, между которыми также были мученики (*Мартини* *ibid.*). О канонизаціи святыхъ у Грековъ и объ образованіи у нихъ святцевъ см. еще во введеніи къ нашей книгѣ: Исторія канонизаціи святыхъ въ русской церкви.

емъ достаточныхъ данныхъ, нельзя отвѣчать удовлетворительно. Святцы, которые находимъ при нашихъ богослужебныхъ книгахъ домонгольскаго періода (преимущественно евангеліяхъ), тутъ совершенно столько же къ чему нибудь служить, какъ и выше, ибо тутъ простая случайность греческихъ оригиналовъ, съ которыхъ они списаны и потомъ собственный произволь писцовъ (въ дополненіяхъ изъ другихъ рукописей), отъ чего празднованіе, конечно, нисколько не зависѣло (а что святцы и дѣйствительно ровню ни къ чему не служатъ, это совершенно ясно видно изъ того, что они весьма разнообразны, что изъ двоекъ святцевъ одного и того же времени одни весьма полны, другіе весьма кратки). Въ Греціи, и именно въ патріархатѣ Константинопольскомъ, въ концѣ XI вѣка еще не было такъ, чтобы каждый день имѣлъ своего святаго, а было еще такъ, что нѣкоторые дни оставались безъ празднуемыхъ святыхъ ¹⁾. Предполагая, что мы въ семь случаевъ шли не впереди Грековъ, а за ними, нужно думать, что и у насъ было такъ же ²⁾. Студійскій уставъ патр. Алексѣя, введенный преп. Феодосіемъ въ Печерскомъ монастырѣ, былъ принятъ большею частію нашихъ монастырей и нашими епископіями (епископскими кафедральными церквами) — сначала нѣкоторыми, а потомъ и всѣми; въ богослужебной части этого устава, какъ мы сказали выше, есть отдѣлъ службъ по мѣсяцеслову, излагающій въ порядкѣ мѣсяцевъ и дней службы тѣмъ святымъ, празднованіе которымъ онъ полагаетъ. Весьма вѣроятно, что преп. Феодосій и всѣ послѣ него принявшіе его уставъ праздновали греческимъ святымъ въ томъ объемѣ, въ какомъ были положены памяти святыхъ и празднованія имъ въ семь послѣднемъ. Въ уставѣ находимъ слѣдующее: въ мѣсяцы Сентябрь — Январь положены службы на большую часть дней, хотя и не на всѣ, въ мѣсяцы Февраль, Мартъ, Май — Июль положено службъ отъ 6 до 9, въ мѣсяць Августъ — 15

¹⁾ Константинопольскій хартофилаксъ діаконъ Петръ въ своихъ каноническихъ отвѣтахъ, писанныхъ въ 1092 г., на вопросъ: «можно ли служить литургію на одной просфорѣ», отвѣчаетъ: «если нѣтъ памяти святаго или (помяновенія) умершаго, можно», у Ралли и П. V, 369.

²⁾ А если наши мѣсячныя Миней домонгольскаго періода, сохранившіяся до настоящаго времени, имѣютъ службы на всѣ дни мѣсяцевъ, — *преосв. Серія* Полный мѣсяцесловъ Востока, т. I, изд. 1 стр. 52 прилож., изд. 2 стр. 471: то можно понимать это такъ, что Миней писаны были въ полномъ составѣ всѣхъ дней каждаго мѣсяца съ намѣреніемъ доставить желающимъ возможность праздновать тѣмъ святымъ, какимъ хотятъ (какимъ святымъ кто хочетъ изъ всѣхъ святыхъ каждаго мѣсяца).

службъ, а въ мѣсяцъ Апрѣль только 2: мы печатаемъ святцы устава въ приложеніяхъ къ этой главѣ. Что касается до церквей приходскихъ, то должно быть принимаемо за несомнѣнное, что, за исключеніемъ соборовъ въ городахъ, развѣ только въ весьма немногихъ изъ нихъ были совершаемы иногда службы кромѣ воскресній еще и по буднямъ. А слѣдовательно здѣсь и вопросъ единственно о названныхъ соборныхъ церквахъ, въ которыхъ службы совершались ежедневно. Уѣздные соборы, конечно, слѣдовали своимъ соборамъ кафедральнымъ; а такимъ образомъ и здѣсь вѣроятнѣйшее, что можно предполагать о большинствѣ,—господство святцевъ устава Θεодосіева.

Иное дѣло уставъ, иное дѣло его исполненіе,—говорять о всякаго рода уставахъ. Въ особенности это должно быть сказано о церковныхъ уставахъ въ Россіи въ періодъ домонгольскій. Уставы сія у насъ были, но вовсе не можно и не должно представлять, чтобы они, подобно тому, какъ это нынѣ, во всѣхъ церквахъ на всемъ пространствѣ Руси были исполняемы полно и надлежащимъ образомъ. Для надлежащаго выполненія всѣхъ существовавшихъ церковныхъ уставовъ требовалось немалое количество книгъ, а мы говорили выше, какъ дорого и какъ трудно пріобрѣтаемы были книги въ періодъ домонгольскій и какъ по сей причинѣ должны были быть скудны ими церкви. Для надлежащаго выполненія какого бы ни простаго устава требуется немалое своего рода знаніе; но мы говорили выше, до какой степени малообразованнымъ и малограмотнымъ должно быть представляемо большинство нашего духовенства періода домонгольскаго. Уставы были, но они выполнялись приблизительно и относительно въ своемъ цѣломъ видѣ и надлежащимъ образомъ въ кафедральныхъ архіерейскихъ соборахъ, въ лучшихъ монастыряхъ, въ лучшихъ городскихъ приходскихъ церквахъ; во всемъ же остальномъ множествѣ церквей въ приходсахъ и монастыряхъ они исполнялись, сколько и какъ Богъ дастъ... Необходимо думать, какъ мы говорили выше, что были даже такія церкви, которыя совсѣмъ не имѣли богослужебныхъ книгъ, и что были даже такіе священники, которые совсѣмъ не знали грамоты, не умѣли читать: въ томъ и другомъ случаѣ, очевидно, слишкомъ малыми должны были быть помышленія объ уставѣ...

III

Собственные русские праздники.

Въ періодъ домонгольскій было установлено въ Русской церкви нѣсколько собственныхъ праздниковъ или празднованій, особыхъ отъ церкви греческой, а одинъ новый праздникъ былъ установленъ въ совокупности съ сею послѣднею.

Праздники или празднованія особая отъ церкви Греческой были установлены: во-первыхъ, въ честь своихъ святыхъ, во-вторыхъ — въ воспоминаніе нѣкоторыхъ событій, взятыхъ не изъ своей исторіи.

Своимъ новоявленнымъ святымъ были установлены празднованія: мученикамъ Борису и Глѣбу, преподобному Феодосію Печерскому и святителю Леонтію Ростовскому.

Борисъ и Глѣбъ, по христіанскимъ именамъ Романъ и Давидъ, сыновья Владимира отъ Болгарыни (а не отъ Гречанки) и рожденные имъ еще въ злычествѣ, были убиты Святополкомъ въ 1015 году, — первый 24 Іюля, т. е. черезъ 9 дней послѣ смерти отца, на рѣкѣ Альтѣ близъ Переяславля ¹⁾, а второй 5 Сентября или черезъ 43 дня послѣ перваго на Днѣпрѣ близъ Смоленска (при впаденіи въ Днѣпръ рѣчки Смядыни ²⁾). Тѣла ихъ были погребены въ Вышгородѣ при церкви св. Василія ³⁾. Скоро на ихъ могилахъ начали совершаться чудеса.

¹⁾ Въ 3 верстахъ, — *Н. Арндаренка* Записки о Полтавской губерніи, ч. III, стр. 387 фп.

²⁾ Нынѣ пересошей, впадавшей въ Днѣпръ около версты ниже города, — Историко-статистич. описаніе Смоленской епархіи, стр. 210.

³⁾ Тѣло Бориса было погребено въ Вышгородѣ при помянутой церкви тотчасъ послѣ его убіенія; тѣло же Глѣба первоначально погребено было гдѣ-то на полѣ или въ лѣсу, недалеко отъ мѣста убіенія, и перенесено было въ Вышгородъ къ тѣлу брата спустя довольно долгое время, когда Ярославъ окончательно занялъ великокняжескій престолъ (Монахъ Іаковъ говоритъ, что тѣло убитаго Глѣба было повержено на пустѣ мѣстѣ, — по лѣтописи: на брезѣ, т. е. Смядыни, — межю двѣма колодами. Это должно понимать не такъ, чтобы оно было брошено и оставлено лежать поверхъ земли, — хотя Несторъ и представляетъ дѣло именно уже такъ, — но такъ, что оно погребено было съ безчестіемъ, ибо первое есть нѣчто совершенно невозможное: цѣлые годы валяться поверхъ земли люди не оставляютъ не только тѣла князей, но и самыхъ послѣднихъ нищихъ). Святополкъ не далъ мѣста тѣлу Бориса въ Десятинной церкви рядомъ съ Владимиромъ по причинѣ понятной; погребенъ же онъ въ Вышгородѣ потому, что его убійцы были изъ послѣдняго, т. е.

Когда о послѣдникъ было донесено Ярославу, а этотъ сообщилъ митрополиту Іоанну, то митрополитъ присовѣтоваль князю создать въ честь мучениковъ особую церковь и установить имъ особое празднованіе. Церковь была создана, въ нее перенесены были мощи мучениковъ и въ слѣдъ за тѣмъ князь съ митрополитомъ установили праздновать имъ праздникъ 24 Іюля, въ день кончины Бориса (который былъ вмѣстѣ и днемъ освященія новосозданной церкви), написавъ имъ особую службу, которая была или личнымъ трудомъ митрополита или трудомъ неизвѣстнаго, сдѣланнымъ по его распоряженію.

Борисъ и Глѣбъ были мучениками не совсѣмъ въ собственномъ и строгомъ смыслѣ этого слова, ибо хотя они потерпѣли невинную и мученическую смерть, но не за вѣру Христову, а по причинамъ политическимъ, не имѣющимъ отношенія къ вѣрѣ. Русская земля однако встрѣтила ихъ прославленіе съ величайшею радостію и величайшимъ усердіемъ: они были ея первыми святыми, слѣдовательно — первыми собственными предстателями за нее предъ Богомъ и первымъ залогомъ Божія къ ней благоволенія. Въ древнѣйшее время, а вѣроятно и во весь періодъ домонгольскій, память ихъ праздновалась весьма торжественно и день ея, какъ даетъ знать митр. Георгій въ своихъ правилахъ (§ 9) и какъ даютъ знать лѣтописи, причислялся къ великимъ годовымъ праздникамъ ¹⁾

съ мѣста убіенія они привезли тѣло съ собой и похоронили его при своей церкви. Вышгородъ, въ настоящее время село, находится на правомъ берегу Днѣпра, въ 8 верстахъ къ сѣверу отъ Кіева.

¹⁾ Лѣтописи говорятъ подъ 1093-мъ годомъ: «въ праздникъ Бориса и Глѣба, еже есть праздникъ новый Русьскыя земля»,—Лаврент. по 2 изд. стр. 215 нач., Ипатск. по тому же изд. стр. 155.—Новгородскій архіепископъ Антоній въ своемъ Паломникѣ сообщаетъ, что въ Константинополѣ въ св. Софіи была большая икона Бориса и Глѣба, которая служила оригиналомъ для иконописцевъ и что въ части Константинополя, называемой нынѣ Перкою, была церковь ихъ имени (по изданію *Саввантова* coll. 79 и 159). Если бы послѣдняя была построена Греками, то можно было бы заключать, что Борисъ и Глѣбъ были внесены въ греческіе святцы; но вѣроятнѣе, что она построена не ими, а какииъ нибудь изъ русскихъ князей, находившихся въ Константинополѣ въ заточеніи. Во всякомъ случаѣ икона въ св. Софіи и дѣлавшіеся съ нею списки свидѣтельствуютъ, что Греки вѣровали въ русскихъ святыхъ и имѣли усердіе къ нимъ. Монахъ Іаковъ увѣряетъ, что къ мощамъ Бориса и Глѣба стекались поклонники изъ всѣхъ православныхъ странъ: «не нашему языку единому токмо, говоритъ онъ, подано бысть Богомъ, но и всей земли спасеніе (въ мощахъ святыхъ мучениковъ); отъ всѣхъ бо странъ ту приходаше туе почерпають исцѣленія». Въ одномъ греческомъ прологѣ, писанномъ въ Сугдаѣ, противъ

Кромѣ 24 Іюля еще въ періодъ домонгольскій начали праздновать Борису и Глѣбу 2 Мая, въ память двукратнаго перенесенія ихъ мощей изъ старыхъ церквей въ новыя — въ 1072 г. при Изяславѣ и въ 1115 г. при Владимирѣ Мономахѣ. Въ позднѣйшихъ святцахъ имена ихъ записаны многократно (см. *пресв. Серія* Полный Мѣсяцесловъ Востока т. II): 20 Мая, къ которому ошибочно вмѣсто 2 Мая отнесено первое перенесеніе мощей 1072 г.; 11 Августа—перенесеніе ветхихъ ракъ изъ Вышгорода въ Смоленскъ на Смядыню въ 1191 г.; 12 Августа, ошибочно принятое за день убіенія Бориса; 5 сентября, которое есть день убіенія Глѣба.

Мощи свв. мучениковъ неизвѣстно куда сокрыты въ нашествіе Монголовъ, когда разоренъ былъ Вышгородъ.

Сказанія о Борисѣ и Глѣбѣ суть: монаха Іакова «Сказаніе страстей и похвала», о которой см. въ первой половинѣ тома стр. 746; рассказъ лѣтописца, помѣщенный подъ 1015 г.; преп. Нестора «Чтеніе о житіи и о погубленіи», о которомъ см. въ той же первой полов. т. стр. 748.

Службу Борису и Глѣбу, написанную митр. Іоанномъ или по его приказанію, мы помѣщаемъ въ приложеніи къ этой главѣ.

Преп. Θεодосій Печерскій скончался 3 Мая 1074 г. Черезъ 17 лѣтъ послѣ его смерти въ 1091 г. игумень и черноризцы Печерскіе, какъ рассказываетъ лѣтописецъ, совѣтъ сотворши, сказали: «не добро есть отцу нашему Θεодосію лежать внѣ церкви своего монастыря, которую онъ основалъ». Вслѣдствіе этого совѣта мощи Θεодосія были откопаны изъ могилы въ пещерѣ, въ которой онъ былъ похороненъ, и перенесены въ главную монастырскую церковь. Впрочемъ, это перенесеніе мощей не было какимъ-нибудь приступомъ къ канонизаціи Θεодосія, а именно только перенесеніемъ его мощей или его останковъ изъ одного мѣста въ другое: монахи Печерскіе разсуждали, что послѣднимъ приличіе лежать въ главной монастырской церкви, которой положилъ основаніе Θεодосій передъ своею смертію и которой слѣдовательно онъ былъ первоначальнымъ ктитормъ или здателемъ, чѣмъ въ пещерѣ, бывшей общею усыпальницею или общимъ кладбищемъ монастырскимъ,— и перенесли мощи изъ пещеры въ церковь. Перенесеніе совершенно

---

24 іюля сдѣлана на погѣ замѣтка, что «въ тотъ день память святыхъ новоявленныхъ мучениковъ въ російскихъ странахъ Давида и Романа, убіенныхъ отъ единокровнаго брата, несчастнаго (τάλανος, океаннаго) Сфатопулка», — Записки Одесск. Общ. Ист. и Древн. V, 620 нач. Изъ сего слѣдуетъ заключать, что по крайней мѣрѣ Греки Сугдайскіе, ведшіе торговлю съ Русскими, чтили нашихъ святыхъ.

довольно значительное время спустя послѣ смерти Θεодосія по той причинѣ, что церковь, бывъ имъ заложена и на третье лѣто бывъ окончена, почему-то очень долго оставалась не освященною (см. выше стр. 106), именно—до 1089 г. Черезъ другія 17 лѣтъ послѣ перенесенія и черезъ 34 года послѣ кончины, въ 1108 г., какъ пишетъ тотъ же лѣтописецъ, «вложи Богъ въ сердце Θεоктисту игумену Печерскому и нача възвѣщати князю Святополку, дабы вписалъ Θεодосія въ сенаникъ, и радъ бывъ (князь) обѣщася и створи, повелѣ митрополиту вписати въ синодикъ, и повелѣ вписывати по всѣмъ епископьямъ, и вси же епископи съ радостью вписаша и (начаша) поминати ѿ на всѣхъ соборѣхъ».

Подъ синодикомъ должно разумѣть списокъ святыхъ, поминавшихся на литіяхъ праздничныхъ въ молитвѣ: «Спаси, Боже, люди Твоя», при чемъ усвоеніе списку названія синодика или поминальника должно быть объясняемо тѣмъ, что въ древнее время на литіяхъ праздничныхъ послѣ святыхъ были поминаемы (какъ и въ настоящее время могутъ быть поминаемы) живые съ мертвыми или читался синодикъ, какъ поминальникъ ¹⁾. А такимъ образомъ, подъ вписаніемъ преп. Θεодосія въ синодики по всѣмъ епископіямъ должно разумѣть внесеніе его имени по всѣмъ епископіямъ въ списки святыхъ, поминавшихся на литіяхъ праздничныхъ, для той, какъ указано, цѣли, чтобы по всѣмъ епископіямъ онъ былъ поминаемъ на сихъ литіяхъ вмѣстѣ съ другими поминавшимися святыми ²⁾. Почему игумень Печерскій искалъ

¹⁾ И въ настоящее время читается здѣсь замѣчаніе—въ греческомъ еѵологii: μετὰ ταῦτα μνημονοεῖται, ὡν βούλεται, ζώντων καὶ τεθνεώτων; въ славянскомъ служебникѣ: «таже поминаеть, яже хоцеть, живыя и мертвыя тайно».

²⁾ Эти рѣчи наши должны быть считаемы поправкой къ тому, что мы говоримъ въ I изд. настоящаго полутома И. Р. ц.. Тамъ мы разумѣли синодикъ недѣли православія потому, что советѣмъ не имѣли въ виду синодика литійнаго. Что дѣйствительно нужно разумѣть послѣдній, а не первый, это видно—во-первыхъ, изъ того, что синодикъ недѣли православія читается только одинъ разъ въ году, тогда какъ говорится, что «поминати на всѣхъ соборѣхъ»; во-вторыхъ, изъ того, что въ синодикѣ недѣли православія поминаются собственно не святые, а защитники и поборники православной вѣры (и не молитвенно призываются они, а возглашается имъ вѣчная память). Что касается до выраженія о литіяхъ праздничныхъ «на всѣхъ соборѣхъ», то оно значитъ, что литіи эти совершаемы были только въ соборныхъ церквахъ (и большихъ монастыряхъ), сгд выше стр. 410 прим. (по селамъ онѣ и въ настоящее время совершаются развѣ только весьма рѣдко). Въ позднѣйшей исторіи канонизаціи встрѣчаемъ одну запись о причтеніи къ лику святыхъ, въ которой говорится, что святой вписанъ былъ въ синодикъ церковный и

у великаго князя только того, чтобы имя Θεодосія повелѣно было вписать по всѣмъ епархіямъ въ литійные снудики (списки святыхъ), а не того, чтобы повелѣно было по всѣмъ епархіямъ праздновать день его памяти, иначе сказать — почему игумень искалъ установленія общаго или повсемѣстнаго празднованія Θεодосію частичнаго или частнаго, положительно сказать не можемъ. Относительно вѣроятнаго думаемъ, что въ Греціи въ концѣ XI—началѣ XII вѣка стали общепочитаемыми святыми изъ лика преподобныхъ, къ которому принадлежалъ Θεодосій, только еще очень немногіе знаменитѣйшіе и что по сей причинѣ игумень Печерскій и не находилъ возможнымъ искать для Θεодосія общепочитаемости въ собственномъ смыслѣ этого слова. Самъ ли игумень Печерскій придумалъ тотъ частный способъ общепочитаемости, котораго искалъ для преп. Θεодосія, или взялъ съ примѣра Греческаго, сказать также не можемъ. Что касается до общепочитаемости въ собственномъ смыслѣ этого слова, чрезъ празднованіе дня памяти, то нужно думать, что относительно нея не было новаго распоряженія со стороны власти церковной въ совокупности съ гражданскою, но что съ теченіемъ времени она была усвоена преп. Θεодосію сама собою. Въ этой исторіи вписанія преп. Θεодосія въ снудики литійные по всѣмъ епископіямъ представляется недоумѣннымъ то, что игумень Печерскій обращался съ просьбою о вписаніи Θεодосія не къ митрополиту, а къ великому князю, и что великій князь повелѣлъ митрополиту и епископамъ вписать Θεодосія. Если бы предполагать, что лѣтописецъ съ точностью передаетъ дѣло, то нужно было бы сказать, что игумень Печерскій усвоилъ великому князю право, которое этому послѣднему не принадлежало, и что великій князь присвоилъ себѣ право митрополита и позволилъ себѣ по отношенію къ нему незаконное принужденіе. Но мы думаемъ, что должно предполагать неточность у лѣтописца въ передачѣ дѣла, — что игумень искалъ у великаго князя ходатайства предъ митрополитомъ и что великій князь съ своей стороны и исполнилъ именно эту просьбу игумена.

Празднованіе памяти преп. Θεодосія совершалось въ древнее время, какъ и нынѣ совершается, въ день его преставленія—3 Мая. Въ нѣкоторыхъ позднѣйшихъ святцахъ подъ 14 Августа записано перенесеніе его мощей 1091 г., а въ нѣкоторыхъ святцахъ XIII вѣка

въ которой подъ снудикомъ несомнѣнно долженъ быть разумѣемъ литійный списокъ святыхъ той епархіи, подвижникомъ которой былъ и къ мѣстному празднованію въ которой канонизованъ былъ святой, см. въ нашей Исторіи канонизаціи святыхъ въ Русск. церкви о преп. Паисіи Угличскомъ.

подъ 31 Мая записано перенесеніе мощей неизвѣстно какое, наконецъ есть немногіе святцы, въ которыхъ онъ записанъ еще 11 Января—въ день его тезоименитства (а память вмѣсто 3 ошибочно подъ 2 Мая).

Мощи преп. Θεодосія, такъ же какъ и мощи Бориса и Глѣба, неизвѣстно куда сокрыты въ нашествіе Монголовъ, и въ настоящее время въ соборной или главной церкви Печерскаго монастыря находится только его кенотафъ (одна, ничего не содержащая въ себѣ, рака, составляющая только какъ бы памятникъ) ¹⁾.

Сказанія о преп. Θεодосіи: рассказы лѣтописца подъ 1051 и подъ 1075 г. и Несторово житіе, о которомъ см. въ первой половинѣ тома стр. 754.

Древнюю службу преп. Θεодосію помѣщаемъ въ приложеніи къ этой главѣ.

Св. Леонтій былъ третьимъ епископомъ Ростовскимъ отъ начала епархіи и скончался около 1077 г.. Его жизнь, весьма мало извѣстную, мы передали выше. Въ 1164 г. были открыты его мощи по охотному случайному поводу, именно—въ Ростовѣ сгорѣлъ соборъ (1161 г.) и нужно было приступить къ постройкѣ новаго: когда стали копать рвы для фундамента этого послѣдняго, то и открыли мощи Леонтія вмѣстѣ съ мощами его преемника Исаіи. Праздновать память Леонтія (23 Мая въ день обрѣтенія мощей) установилъ епископъ Ростовскій Іоаннъ черезъ 25—30 лѣтъ послѣ открытія мощей между 1190—1194 года ²⁾. Необходимо или по крайней мѣрѣ весьма вѣроятно предполагать, что епископъ сдѣлалъ это съ спроса и дозволенія митрополита и болѣе чѣмъ вѣроятно предполагать, что празднованіе установлено было мѣстное, только для одной епархіи Ростовской ³⁾.

¹⁾ Какой-то странствователь по святымъ мѣстамъ, бывшій въ Кіевѣ въ Печерскомъ монастырѣ въ 1590-мъ году, увѣряетъ, что онъ видѣлъ въ монастырѣ мощи преподобныхъ Антонія и Θεодосія и что ему дали муръ, исходящаго изъ главы Θεодосія, см. Описаніе рукописей бібліотеки Троицкой Лавры № 734 л. 35. Что касается до муръ, то, конечно, должно разумѣть муръ изъ муроточивыхъ главъ неизвѣстныхъ святыхъ; а что касается до мощей (изъ которыхъ мощи преп. Антонія и совсѣмъ не были открываемы): то или странствователя невозвѣстными образомъ мистифицировали, по просту сказать—обманывали, въ монастырѣ, или же самъ онъ принадлежалъ къ числу странствователей—сочинителей и вралей.

²⁾ См. *Ключевскаго Житія святыхъ* стр. 9 sqq. Объ епископѣ Іоаннѣ, которому, по словамъ лѣтописца, «отверженъ бѣста отъ Бога очи сердечныи на церковную вещь», см. Лаврент. лѣт. подъ 1194 г..

³⁾ Лѣтописецъ Владимірскій, распространяющійся объ епископѣ Іоаннѣ подъ

О краткомъ житіи Леонтія мы говорили выше (первой половины тома стр. 757). О службѣ Леонтію, написанной помянутымъ сейчасъ епископомъ Іоанномъ или по его приказанію, см. въ приложеніи къ этой главѣ.

Относятъ къ періоду домонгольскому установленіе празднованій святымъ и равноапостольнымъ Ольгѣ и Владимиру. Но то и другое весьма сомнительно. Что Владимиръ не былъ причисленъ къ лику святыхъ тотчасъ или вскорѣ послѣ своей смерти, это мы положительно знаемъ изъ монаха Іакова ¹⁾. Онъ не былъ причисленъ къ лику святыхъ и въ то время, какъ была составлена неизвѣстнымъ авторомъ Похвала ему, послужившая основой для повѣсти объ его крещеніи, помѣщенной въ лѣтописи ²⁾; а эта Похвала не можетъ быть относима къ болѣе раннему времени, чѣмъ вторая половина XII вѣка. Подъ 1200 годомъ Лаврентьевская лѣтопись говоритъ объ одномъ событіи, случившемся 15 Іюля или въ день кончины Владимира: она говоритъ, что событіе случилось на память святыхъ мучениковъ Кирика и Улиты и не прибавляетъ, что и на память св. Владимира. Подъ 1229 г. Ипатская лѣтопись, говоря о Владимирѣ, прилагаетъ къ нему епитетъ «великій», чѣмъ даетъ знать, что онъ еще не былъ святымъ («иной князь не входилъ бѣ въ землю Лядску толь глубоко, проче Володимера великаго, иже бѣ землю крестьяль»,—2 изд. стр. 505 sub fin.). Новгородская 1-я лѣтопись подъ 1240 г., говоря подобно Лаврентьевской о событіи, имѣвшемъ мѣсто 15 Іюля, вмѣстѣ съ греческими памятниками дня не означаетъ, подобно ей, памяти св. Владимира. Это послѣднее свидѣтельство, младшее изъ всѣхъ, особенно рѣшительно. Событіе, которое случилось 15 Іюля 1240 г., есть побѣда (знаменитая) Александра Невского надъ Шведами на рѣкѣ Невѣ, при устьи Ижоры (та, по которой онъ названъ Невскимъ): если бы тогда уже праздновалась память Владимира, то какъ бы лѣтописецъ не вспомнилъ о крестителѣ Руси, который, бывъ причисленъ къ лику святыхъ, естественно, началъ быть считаемъ и ея нарочитымъ патрономъ, и не приписалъ побѣды его заступленію, и слѣ-

---

1194 г. (Лаврент. лѣт.), не позднѣе котораго установлено празднованіе, ничего не говоритъ объ этомъ установленіи: ясно, что празднованіе не касалось Владимира (и другихъ мѣстъ, кромѣ Ростова).

¹⁾ Который доказываетъ, что Владимиръ хотя и не творитъ чудесъ, но святъ дѣлами (первой полов. т. стр. 185 fin. и 243). Еслибы онъ былъ причисленъ къ лику святыхъ, то не было бы нужды этого доказывать.

²⁾ Которая говоритъ, что не только не празднуется Владимиру въ день его кончины, но и за него не возносятся молитвы,—*ibid.* стр. 186 и 236.

довательно какъ бы опустилъ и забылъ выставить его имя? Между тѣмъ у него записано, что Александръ побѣдилъ Шведовъ «силою святыя Софьи и молитвами Владычица нашея Богородица и приснодѣвица Марія, мѣсяца Іюля въ 15, на память святого Кюрика и Улиты, въ недѣлю на сборъ святыхъ отецъ 630, иже въ Халкидонѣ». Наконецъ, ни въ однихъ святцахъ домонгольскаго періода и ближайшаго къ нему времени нѣтъ имени Владимира, хотя между семи святцами мы знаемъ такіе, писцы которыхъ имѣли очевидное намѣреніе внести имена русскихъ святыхъ какъ можно полнѣе, каковы напр. святцы Румянцевскаго Обиходника XIII в. (напечатанные преосв. Макаріемъ въ И. Р. Ц.,— т. III, по изд. 2 прилож. 5). Въ виду сейчасъ сказаннаго мы не можемъ принять за доказательство противнаго то, что въ службѣ Владимиру есть признаки ея написанія въ періодъ домонгольскій,—что Кіевъ называется въ ней «велимъ градомъ», каковымъ пересталъ быть послѣ нашествія Монголовъ, и что русскіе люди приглашаются въ ней свѣтися «къ честнѣй церкви Владимира преславленнаго», которая послѣ нашествія Монголовъ перестала существовать. Не невозможно, что служба дѣйствительно написана уже въ періодъ домонгольскій; въ этомъ случаѣ дѣло должно будетъ понимать такъ, что неизвѣстнымъ ревнителемъ памяти Владимира она была составлена задолго до того, какъ было установлено ему празднованіе. Гораздо же вѣроятнѣе понимать дѣло такъ, что позднѣйшіе творцы службы переносятъ въ обстановку домонгольскаго періода просто въ своемъ воображеніи для приданія своему представленію большей наглядности и для сего пользуются такъ называемою ораторскою вольностію¹⁾. Послѣ 1240 г. празднованіе

¹⁾ И если они были жители сѣвера: Новгорода или Владимира—Москвы, то могли и не знать, что послѣ нашествія Монголовъ Кіевъ пересталъ быть велимъ градомъ и что Десятинная церковь (въ которой погребенъ былъ Владимиръ) перестала существовать. Въ спискахъ болѣе ранняго времени, чѣмъ XV вѣкъ, намъ неизвѣстно службы Владимиру. Въ рукописяхъ XV—XVII вѣка она читается не во всѣхъ въ одноъ и томъ же видѣ, но въ однихъ полнѣе, въ другихъ сокращеннѣе; по самой полной, извѣстной намъ, редакціи (Троицк. Лаврск. № 613, л. 392. XV в.) она содержитъ: двои стихиры на Господи воззвахъ, стихиры на стиховнѣ, тропарь, сѣдальны по 1 и 2 каенсмахъ и по поіелелеѣ, два канона, свѣтиленъ и стихиры на хвалитѣхъ. Изъ этого первоначальное, какъ кажется, есть первыя стихиры на Господи воззвахъ и первый канонъ (обозначеніе стихиръ и канонъ нѣтъ началами см. въ приложеніяхъ). О церкви Владимира говорится въ первомъ или считаеомъ нами первоначальнымъ канонѣ; именно второй стихъ 9-й пѣсни: «Людіе рустіи придѣте къ честнѣй церкви Владимира преславленнаго, великаго князя...», и

памяти Владимира было установлено когда-то до 1311 года, ибо въ этомъ послѣднемъ году архіепископъ Новгородскій Давидъ поставилъ церковь въ его воища на однихъ изъ воротъ своего Софійскаго Кремля ⁴⁾).

Чтобы празднованіе Ольгѣ было установлено прежде празднованія Владимиру, это весьма сомнительно. Затѣмъ, ея имени точно такъ же нѣтъ въ святцахъ періода домонгольскаго и ближайшаго времени, какъ и имени послѣдняго ⁵⁾).

Можетъ, конечно, казаться весьма недоумѣннымъ, что у насъ, устанавливая свои праздники, не установили таковыхъ въ числѣ первыхъ начальникамъ и виновникамъ нашего христіанства, каковы Владимиръ съ Ольгой. Общій отвѣтъ на это есть тотъ, что недоумѣннаго въ исторіи весьма не мало; недоумѣнно напр., что въ Печерскомъ монастырѣ не было написано житія Антонія и что онъ не былъ причисленъ къ лику святыхъ вмѣстѣ съ Θεодосіемъ или вообще въ періодъ домонгольскій, и однако это есть фактъ. Что касается до отвѣта частнѣйшаго, который можетъ быть данъ, то о немъ сейчасъ ниже.

потомъ 4-й: «Да торжествуетъ днесь весело память твою святолюбно въ церкви, боговзбранный съсудъ Божія милости, юже любезно украси»... Кіевъ называется великъ градомъ во вторыхъ стихирахъ на Господи воззвахъ, именно во второй стихирѣ:... «веселится и радуется велій градъ твой, Василіе»...

⁴⁾ Новг. I лѣт. подъ 1311 г. гл.—Въ Ипатской лѣтописи Владимиръ называется святымъ подъ 1254 г. (2 изд. стр. 545); но составляетъ вопросъ—не позднѣйшая ли это приписка или поправка изъ «великій», какъ подъ 1229 г. А что касается до позднѣйшихъ приписокъ, то сравнивая приведенную запись Новгородской 1-й лѣтописи 1240 г. съ ея воспроизведеніемъ въ Софійскомъ Временникѣ подъ 1241 г. и въ Лаврентьевской лѣтописи подъ 1263 г. (Ссылка на послѣдній годъ въ первой половинѣ тома, стр. 185, должна быть считаема за недосмотръ.—Принимаемъ мы за вѣроятное, что празднованіе памяти Владимира установилъ, конечно, черезъ посредство церковной власти, Александръ Ярославичъ Невскій, побуждаемый тѣмъ, что въ день его кончины одержалъ свою знаменитую побѣду, смъ наше сочиненіе: Исторія канонизаціи святыхъ въ Русской церкви).

⁵⁾ У насъ подъ руками два списка службы Ольгѣ: Академич. изъ Волоколл. № 372 л. 161 об. и № 389 л. 263 об. Въ службѣ читается: «проси мира княземъ и на поганыхъ побѣды»... (4-й стихъ 3-й пѣсни канона), «миръ недвижннхъ княземъ испроси»... (3-й стихъ 6-й пѣсни канона). Изъ этихъ словъ какъ будто слѣдуетъ, что она писана еще до единовластныхъ великихъ князей Московскихъ (но съ другой стороны не есть ли она твореніе Пахомія Сербина, — Филар. Обз. § 95, который просто тѣмъ же воображеніемъ, что и выше, переносится во времена многихъ князей?)—О службѣ см. въ приложеніяхъ.

Въ нынѣшнихъ святцахъ кромѣ названныхъ четверыхъ—Бориса съ Глѣбомъ, преп. Феодосія и св. Леонтія, есть еще не малое количество святыхъ въ періодъ домонгольскаго; но внесеніе въ святцы всѣхъ другихъ святыхъ и начало празднованія ихъ памятей (со включеніемъ въ то число, какъ сейчасъ сказано, и преп. Антонія Печерскаго) относится къ разному позднѣйшему времени.

Наши святые домонгольскаго періода были канонизованы собственною властію нашей Русской церкви безъ сношенія съ патріархами Константинопольскими. Такъ это было, какъ мы сказали выше, и въ Греціи, гдѣ канонизація святыхъ принадлежала мѣстнымъ церквамъ. Какими правилами руководствовались при семъ въ Греціи, остается намъ неизвѣстнымъ ¹⁾. Но у насъ, какъ это ясно дается знать, для сего требовалось, чтобы тѣла или останки святыхъ были прославлены чудотвореніями. Одновременно съ Борисомъ и Глѣбомъ потерпѣлъ мученическую смерть отъ руки Святополка третій сынъ Владимира Святославъ; но его тѣло отсутствовало ²⁾ и не творило чудесъ, а поэтому онъ вмѣстѣ съ двоими первыми и не причисленъ къ лику святыхъ. Въ Ростовѣ одновременно были открыты мощи Леонтія и Исаія, и однако причисленъ къ лику святыхъ только одинъ первый: необходимо подразумѣвать причиною то, что только при его мощахъ совершались чудотворенія. Въ Смоленскѣ было написано житіе Авраамія, и однако онъ не былъ причисленъ къ лику святыхъ: ясно, что къ свидѣтельству житія не доставало свидѣтельства чудотвореній. Что послѣднія считались необходимымъ условіемъ для канонизаціи, это ясно даютъ знать авторъ Похвалы Владимиру и въ слѣдъ за нимъ лѣтописъ. Первый, а за нимъ вторая жалуются, что Русскіе люди, обязанные Владимиру такимъ великимъ благомъ, какъ христіанская вѣра, не воздаютъ своему крестителю «почестья противу онаго взданью»: «да аще быхомъ, говорятъ они, имѣли потщаніе и молбу приносили Богу зань въ день преставленія его, видя бы Богъ тщаніе наше къ нему, прославилъ бы ѿ». Т. е. прославилъ бы чудотвореніями, послѣ чего—подразумѣвается—онъ былъ бы причисленъ къ лику святыхъ.

На основанія сейчасъ сказаннаго можетъ быть данъ частный вѣроятный отвѣтъ на вопросъ: почему Владимиръ и Ольга не были причислены къ лику святыхъ въ періодъ домонгольскій. Именно—отвѣтомъ

¹⁾ Сгѣ сейчасъ указанное наше сочиненіе Исторія канонизаціи святыхъ въ Русской церкви.

²⁾ Бѣжавъ отъ Святополка въ Венгрію, онъ убитъ и погребенъ на горѣ Угорской или на Карпатахъ.

этимъ будетъ то, что вѣроятно въ продолженіе всего періода домонгольскаго при ихъ гробахъ не совершалось чудотвореній.

Вмѣстѣ съ чудотвореніями, какъ это и въ позднѣйшее время, не составляло необходимаго условія для причтенія къ лику святыхъ или для канонизаціи нетлѣнныя мощи. Мощи Бориса и Глѣба, бывъ открыты, найдены нетлѣнными, по учредить праздникъ въ честь ихъ или канонизовать ихъ рѣшено было прежде, чѣмъ открыты были мощи. Въ извѣстїи о канонизаціи преп. Феодосія ничего не говорится объ его мощахъ. Св. Леонтій былъ канонизованъ не тотчасъ и не вскорѣ послѣ того, какъ были открыты и найдены нетлѣнными его мощи. Открытіе мощей послѣдняго вмѣстѣ съ мощами Исаи, совершенное не вслѣдствіе бывшихъ при ихъ гробахъ чудотвореній и не съ цѣлю ихъ канонизаціи, возбуждаетъ и другой вопросъ, на который мы затрудняемся отвѣтить: какая была цѣль этихъ открытій. Авторы краткихъ житій Леонтія и Исаи, говоря объ открытіи ихъ мощей и обрѣтеніи послѣднихъ нетлѣнными, выражаютъ такую радость, что какъ бы это было уже самымъ прославленіемъ святыхъ. Изъ сего можно заключать, что нетлѣнныя мощи считалось залогомъ прославленія (посредствомъ чудесъ).

Въ древнее и старое время подъ нетлѣніемъ мощей не разумѣли непременно цѣлости всѣхъ тѣлъ, но столько же цѣлость и однѣхъ костей. Прежде всего самое слово мощи значитъ именно кости и съ совершенною ясностію употребляется иногда въ старомъ языкѣ для обозначенія ихъ однѣхъ, а не цѣлыхъ тѣлъ: въ 1472 г. въ Москвѣ по случаю перестройки Успенскаго собора открывали гробы митрополитовъ, и въ одной лѣтописи читаемъ о результатѣ досмотра: «Иону цѣла суца обрѣтоша, Фотѣя же цѣла суца не всего, едины ноги толико въ тѣлѣ, а Кипреяна всего ислѣвши, едины мощи» ¹⁾. Что касается въ частности и собственно мощей святыхъ, то помянутый выше лѣтописецъ прямо и ясно высказывается, что подъ мощами святыхъ должно разумѣть именно кости и говорить о простомъ народѣ: «кой толко не въ тѣлѣ лежитъ, тотъ у нихъ не святъ, а того не помянуть, яко кости наги источаютъ исцѣленія» ²⁾. Зиновій Отенскій въ своемъ «Истинны показаніи», писанномъ въ 1566 г., говоритъ: (во святыхъ Господнихъ, въ церквахъ положенныхъ), воистинну удивляетъ вся воля Божія: чудо бо преславно воистинну—кости голы сухи на

¹⁾ Софійск. лѣт. 2,—въ Собр. лѣт. т. VI, стр. 195 стр.

²⁾ Ibid., стр. 196. Сѣг Исторію митр. Платона, I, 323.

всякія недуги и болѣзни испѣленія точать и бѣсовъ прогоняють¹⁾. Въ грамотѣ Новгородскаго митрополита Питирима отъ 1667 г. читаемъ о мощахъ Нила Столбенскаго: «гробъ и тѣло его святое земли предадеса, а мощи святыя его цѣлы всѣ»²⁾. Если съ сейчасъ приведенными указаніями относительно значенія и употребленія слова мощи мы обратимся къ извѣстіямъ о мощахъ святыхъ періода домонгольскаго, то увидимъ, что и онѣ въ нѣкоторыхъ случаяхъ говорятъ о костяхъ, а не о цѣлыхъ тѣлахъ. Первоначальный нашъ лѣтописецъ, бывший монахомъ Печерскаго монастыря и самъ откапывавшій по порученію игумена мощи преп. Θεодосія, говоритъ: «прокопахъ (мѣсто въ пещерѣ, гдѣ положенъ былъ Θεодосій) велми и влезохомъ (съ товарищемъ) и видѣхомъ ѿ (Θеодосія) лежащъ мощми, но состави не распалися бѣша и власи главни притяскли бяху»: оборотъ «мощми» и слово «состави», при соображеніи указаннаго выше, не оставляютъ сомнѣнія, что лѣтописецъ говоритъ объ обнаженныхъ костяхъ, причѣмъ вмѣсто не совсѣмъ опредѣленнаго «не распалися бѣша» въ нѣкоторыхъ спискахъ стоитъ совершенно опредѣленное «не разсыпалися быша». О мощахъ Бориса и Глѣба, Леонтія и Исаиі сказанія говорятъ, какъ о цѣлыхъ тѣлахъ.

Какъ кажется, въ періодъ домонгольскій мощи святыхъ полагались не на вскрытіи въ томъ смыслѣ, что оставлялась открытою верхняя гробовая доска, а въ наглухо закрытыхъ гробахъ. Такъ думать заставляеть то обстоятельство, что нѣкоторыя мощи, напр. Θεодосія Печерскаго, были поставлены не въ самой церкви, а въ притворѣ или на паперти³⁾. Если бы мощи были открыты, то едва ли бы находили удобнымъ и приличнымъ ставить ихъ въ притворѣ⁴⁾.

¹⁾ Рукоп. Моск. Д. Акад. № 61 стр. 324.

²⁾ Акты историч. IV, 207 col. 2.

³⁾ «Принесше (изъ пещеры) положиша ѿ въ церкви своей ему въ притворѣ на деснѣй странѣ», лѣтоп. подъ 1091 г. А также и мощи Исаиі Ростовскаго: «полагають святаго въ притворѣ на правой странѣ входя въ церковь»,—житіе въ Правосл. Собесѣдн. 1858 г., кн. I, стр. 446. Что и у Грековъ мощи святыхъ поставлялись въ притворахъ, см. Вальсажъ съ толков. на 2 пр. Діонисія Александр.— у Рагги в II. IV, 8 (а въ древнѣйшее время мощи мучениковъ полагались и не въ церквахъ, а въ особыхъ кимитіріяхъ).

⁴⁾ У Грековъ по крайней мѣрѣ до конца XI в. мощи святыхъ, ваходившіяся въ церквахъ, не только не предлагались на вскрытіи, но и находились въ закрытыхъ ракахъ не поверхъ половъ церквей, а подъ полами: о древнемъ времени до

Кромѣ святыхъ прославленныхъ и настоящимъ образомъ канонизованныхъ для общаго или мѣстнаго празднованія были еще въ періодъ домонгольскій, какъ и во всякое время послѣ, святые, такъ сказать, непрославленные,—люди, по существовавшимъ о нихъ мнѣніямъ, свято почившіе, которымъ не творилось празднованій церковныхъ даже и мѣстныхъ, но которыхъ память и гробы болѣе или менѣе усердно чтились (подобно напр. тому, какъ въ настоящее время въ Москвѣ—у Троицы чтутся памяти и гробы митрополитовъ Платона и Филарета).

Такихъ святыхъ по мнѣнію и такъ сказать по чаянію народному въ разныхъ мѣстахъ Россіи, вѣроятно, было не мало.

Изъ нихъ извѣстны и могутъ быть указаны:

Въ Кіевѣ. Послѣ Владимира и Ольги вел. кн. Мстиславъ Владимировичъ, по христіанскому имени Феодоръ, скончавшійся въ 1132 г. и положенный въ церкви св. Феодора, имъ самимъ созданной (его имя даже внесено въ нѣкоторые святцы, см. у Восток. № 319 л. 100 об., стр. 452). Затѣмъ, вѣроятно, многіе или по крайней мѣрѣ нѣкоторые изъ сонма подвижниковъ Печерскихъ и во главѣ ихъ, конечно, преп. Антоній.

Въ Черниговѣ. Князь Игорь Ольговичъ (внукъ Святослава, правнукъ Ярослава), убитый въ 1147 г. Кіевлянами и вскорѣ перенесенный изъ Кіева въ Черниговъ.

Въ Смоленскѣ. Преп. Аврамій Смоленскій (о которомъ см. въ первой половинѣ тома стр. 640).

Въ Псковѣ. Князь Новгородскій Всеволодъ-Гавріилъ Мстиславичъ, изгнанный изъ Новгорода въ 1136 г. и скончавшійся во Псковѣ въ слѣдующемъ 1137 г.

Въ Ростовѣ. Епископъ Исаія, преемникъ св. Леонтія, мощи котораго были открыты и найдены нетлѣнными одновременно съ мощами послѣдняго.

VI вѣка включительно см. Прокопія въ De aedificiis lib. I, cap. IV (о мощахъ апостоловъ Андрея, Луки и Тимофея, находившихся въ Константинопольской церкви апостоловъ); что касается до позднѣйшаго времени, то въ 1087 г. Барскіе купцы нашли мощи Николая Чудотворца подъ поломъ церкви въ закрытой наглухо рацѣ (см. въ Трудахъ Кіевск. Д. Акад. въ Декабрьской кн. 1874 г. статью *Красовскаго*: Установленіе праздника 9 Мая, стр. 549).—Мощи Іоанна Златоустаго и Григорія Богослова, находившіяся въ церкви апостоловъ, лежали запечатанными въ каменныхъ ковчеггахъ во второй половинѣ XIV вѣка (Діаконъ Игнатій, у *Сазарова* въ Сказаніяхъ русскаго народа, т. II, кн. 8, стр. 101).

Во Владимирѣ Кляземскомѣ. Аврамій, мученикъ Болгарскій. Этотъ Аврамій ¹⁾, родомъ не русскій, а какого то «иного языка» христіанскаго, былъ весьма богатый купецъ, объѣзжавшій для торговли земли и города; когда онъ прибылъ къ Болгарамъ Камскимъ въ ихъ столицу, то послѣдніе, отличавшіеся вѣротерпимостію ²⁾, по неизвѣстной причинѣ начали нудить его отречься отъ Христа; но онъ не захотѣлъ сдѣлать этого и предпочелъ мученичество, котораго и сподобился 1 Апрѣля 1229 г. Черезъ годъ его мощи, погребенныя на общемъ христіанскомъ кладбищѣ столицы Болгарской, были принесены во Владимиръ и положены въ женскомъ Успенскомъ монастырѣ ³⁾.

Празднованія, установленныя у насъ въ періодъ домонгольскій въ память событій, какъ мы сказали, не своихъ, а чужихъ, были: 9 Мая перенесенія мощей Николая Чудотворца и, можетъ быть, 1 Октябрю Покрова Божіей Матери.

Мощи Николая Чудотворца были перенесены изъ города Миръ въ Ликіи, гдѣ онъ былъ епископомъ и гдѣ скончался, въ Баръ-градъ или городъ Бари въ южной Италіи въ 1087 г.. Это перенесеніе мощей было собственно ихъ похищеніемъ со стороны Барянъ. Около 1036 г. Ликія съ Мирами подпала власти магометанъ и у жителей Итальянскихъ коммерческихъ городовъ, ведшихъ торговлю съ Малой Азіей, явилась мысль пріобрѣсти мощи Николая Чудотворца, какъ знаменитѣйшаго святаго христіанскаго міра и въ частности какъ патрона мореплаванія. Въ 1087 г. одновременно приняли намѣреніе сдѣлать это купцы Венеціанскіе и Барскіе, причемъ послѣднимъ удалось предупредить первыхъ. Приплывъ въ Миръ и пришедъ въ церковь св. Николая Чудотворца, находившуюся внѣ тогдашняго города, они нашли ея стражами четырехъ жившихъ при ней монаховъ. Заставивъ послѣднихъ обманомъ указать себѣ мѣсто, гдѣ находились мощи, и отнявъ у нихъ возможность дать извѣстіе о совершаемомъ хищеніи въ городъ, они нашли мощи въ гробницѣ подъ поломъ церкви, съ поспѣшностію вынесли ихъ изъ нея и бѣжали на корабль. Въ Баръ они прибыли съ мощами послѣ 19-дневнаго плаванія 9 Мая 1087 г. Въ Россіи были получены извѣстія объ этомъ событіи и было установлено

¹⁾ Сказаніе о немъ въ Лаврентьевской лѣтописи подъ 1229 и 1230 годами.

²⁾ Какъ дается знать въ сказаніи упоминаемъ о христіанскомъ кладбищѣ въ ихъ столицѣ.

³⁾ О святыхъ и о почитаемыхъ усопшихъ домонгольскаго періода смъ указанное выше наше сочиненіе: Исторія канонизаціи святыхъ въ Русской церкви.

въ память его празднованіе почти тотчасъ же, какъ оно случилось. Какимъ образомъ были и могли быть получены извѣстія, мы говорили выше (первой полов. т. стр. 774); но установленіе празднованія составляетъ не легко рѣшимый вопросъ. Изъ страны православной мощи были похищены въ страну отпавшую отъ православія: какая же могла быть причина для установленія празднованія? Что это было сдѣлано не по приказанію папы, власть котораго будто бы признавали тогда Русскіе, какъ хотятъ утверждать католическіе писатели, совершенно ясное и совершенно современное доказательство на сіе представляютъ сношенія папы Климента съ нашимъ митрополитомъ Іоанномъ II, да и вообще думать, будто мы когда нибудь признавали власть папы или были съ нимъ въ единеніи могутъ только именно эти писатели. Остается полагать, что Русскіе видѣли въ этомъ перенесеніи мощей ихъ изхищеніе изъ нечистыхъ рукъ мусульманскихъ въ руки хотя и не православныя, но все-таки христіанскія, и что взглядъ на дѣло съ сей-то стороны и побудилъ ихъ установить празднованіе въ память событія. Въ нашемъ словѣ на перенесеніе или о перенесеніи мощей (см. о немъ выше *ibid.*), воспроизводящемъ латинскія сказанія, есть одна особенность противъ послѣднихъ. Въ немъ утверждается, что Баряне рѣшились принести къ себѣ мощи вслѣдствіе видѣнія, бывшаго одному «благовѣрному» пресвитеру, которому явился св. Николай и приказалъ передать Барянамъ свое желаніе быть положеннымъ въ ихъ городѣ. Подъ «благовѣрнымъ» пресвитеромъ несомнѣнно должно разумѣть греческаго православнаго священника, т. е. священника тѣхъ православныхъ Грековъ, которые были въ Барѣ, какъ и во многихъ другихъ мѣстахъ южной или нижней Италіи. На этомъ основаніи можно думать, что православные Греки итальянскіе (приходившіе въ Кіевъ для торговли съ другими Итальянцами) увѣряли Русскихъ, будто перенесеніе случилось по ихъ желанію и при ихъ содѣйствіи и будто св. Николай пожелалъ лежать въ неправославной Италіи именно ради ихъ — православныхъ. А если такъ, то это должно было еще болѣе расположить Русскихъ къ тому, чтобы видѣть въ перенесеніи событіе радостное, а не скорбное. Множество чудесъ, которыя совершались при мощахъ Николая Чудотворца въ первое время по ихъ принесеніи въ Баръ-градъ и слухи о которыхъ дошли до нихъ ¹⁾, еще болѣе должны были утвердить ихъ въ сейчасъ указанномъ взглядѣ на дѣло. Въ какомъ именно году было установлено празднованіе 9 Мая, точнымъ образомъ

¹⁾ О чудесахъ говорится въ нашемъ русскомъ словѣ.

неизвѣстно; но вообще, какъ даетъ знать наше слово на перенесеніе мощей, весьма въ скоромъ времени послѣ самаго событія ¹⁾.

Празднованіе Покрова Божіей Матери 1 Октября установлено у насъ въ Россіи въ воспоминаніе одного чудеснаго видѣнія, о которомъ повѣствуется въ житіи одного греческаго святаго, именно—преп. Андрея, Константинопольскаго юродиваго.

Преп. Андрей жилъ во времена импер. Льва Великаго (457—474) или неизвѣстно когда позднѣе. Онъ былъ родомъ Скѣвъ или не Грекъ и въ дѣтствѣ былъ купленъ въ рабы однимъ Константинопольскимъ вельможей. Наученный греческому языку и грамотѣ, онъ началъ прилежно читать житія мучениковъ и святыхъ и наконецъ возревновалъ подражать послѣднимъ. Для подвижничества ему нужна была свобода отъ рабства, а такъ какъ онъ не надѣялся получить ее отъ господина, то избралъ подвигъ юродства, дабы быть отпущену, что и случилось, какъ рабу непотребному. Юродствовалъ на улицахъ и рынкахъ Константинополя и подвизавшись подвигомъ суровѣйшихъ лишеній въ продолженіе 66-ти лѣтъ, преп. Андрей, по его житію, сподобился очень многихъ видѣній, къ числу которыхъ принадлежатъ и то, въ воспоминаніе котораго установленъ нашъ праздникъ.

Въ житіи Андрея объ этомъ послѣднемъ видѣніи читается слѣдующій рассказъ: «Нѣкогда во время совершенія неусыпаемаго славословія (всенощнаго бдѣнія) въ святомъ гробѣ, находящемся во Влахернахъ ²⁾, пошелъ туда блаженный Андрей, творя (дорогою) обычное (т. е. юродствуя). Присутствовалъ тамъ и Епифаній (другъ Андрея

¹⁾ Читаемая въ рукописяхъ служба на перенесеніе мощей (см. въ приложеніяхъ), не содержащая признаковъ времени, можетъ быть, написана вскорѣ послѣ установленія праздника и авторъ ея не есть ли Григорій, монахъ Печерскій, который называется въ Патерикѣ «творцомъ канонѣвъ» и которому послѣ канона преп. Θεодосію можетъ быть усвоенъ только нашъ канонъ (если разумѣть каноны на опредѣленные праздники, а не просто для молитвеннаго употребленія)?

²⁾ Влахернами въ Константинополѣ называлась мѣстность, составляющая его сѣверо-западный уголь, прилежащій къ Золотому рогу или заливу. Императрица Пульхерія, сестра Θεодосія младшаго и супруга Маркіана († 453), построила здѣсь знаменитую церковь Божіей Матери, получившую отъ мѣста названіе Влахернской. Императоръ Левъ Великій пристроилъ къ церкви придѣлъ и въ немъ подожилъ (въ 469 г.) обрѣтенную въ Іерусалимѣ и принесенную въ Константинополь священную ризу Божіей Матери, для которой устраивалъ изъ золота и серебра великолѣпный ковчегъ, называвшійся святымъ гробомъ—*ἅγιος σαρφός*. Въ нашемъ видѣніи подъ святымъ гробомъ разумѣется придѣлъ сего святаго гроба. Всенощное бдѣніе въ честь Божіей Матери совершалось въ немъ подъ каждую субботу.

изъ благородныхъ юношей) съ однимъ изъ своихъ рабовъ. Имѣлъ же (блаженный) обычай стоять (тамъ на бдѣніи), смотря по тому, сколько давало бодрости расположеніе духа, — иногда до полуночи, иногда же до утра. Итакъ, когда былъ уже четвертый часъ ночи, видитъ блаженный Андрей ясными очами (*ὀφθαλμοφανῶς*) Превеличайшую, идущую въ женскомъ образѣ отъ царскихъ дверей ¹⁾ въ сопровожденіи страшной свиты, въ которой были и честный Предтеча и сынъ Громовъ, державшіе ее подъ руки съ обѣихъ сторонъ, и многіе святые въ бѣлыхъ одеждахъ предшествовали ей, другіе же послѣдовали съ пѣніями и пѣснями духовными. Когда она приблизилась къ амвону, — идетъ блаженный къ Епифанію и говорить: видишь ли Госпожу и Владычицу міра? этотъ отвѣчаетъ: да, отче мой духовный. И когда они смотрѣли, (Богоматерь), преклонивъ колѣна свои, молилась на многій часъ, омывая слезами свое боговидное и непорочное лице. Послѣ окончанія молитвы она вошла въ олтарь, моляся въ немъ за окружающій его народъ. Когда кончила молитву, то омофоръ ²⁾ свой, который имѣла на своей пренепорочной главѣ и который былъ какъ видъ молніи, снявъ съ нея съ прекрасною честностію ³⁾ и взявъ въ свои пренепорочныя руки, — великій и страшный, распростерла поверхъ всего стоявшаго тамъ народа. Чудные мужи (т. е. Андрей и Епифаній) на многій часъ видѣли его распростертымъ надъ народомъ и блистающимъ славою Господа какъ илектръ. Доколѣ тамъ была всесвятая Богородица, видимъ былъ и онъ; когда же удалилась Она, невидимъ сталъ и онъ: совсѣмъ взяла его съ собой, благодать же оставила бывшимъ тамъ... Въ заключеніе разсказа прибавляется, что видѣніе было для Епифанія предстательствомъ богоноснаго отца, т. е. св. Андрея (житія глава 24-я, у Болландистовъ р. 94).

Въ воспоминаніе этого-то видѣнія и былъ установленъ у насъ въ Россіи праздникъ Покрова Божіей Матери. Весьма не легко отвѣтить на вопросъ: чтó было побужденіемъ къ его установленію или какъ случилось, что онъ былъ установленъ? Отвѣчаютъ на него, что св. Андрей былъ принимаемъ предками нашими за Славянина, что на видѣніе, котораго онъ удостоился, они смотрѣли, какъ на залогъ Божія благово-

¹⁾ Подъ царскими дверями разумѣются не наши царскія двери олтаря, а главныя входныя двери въ церковь, — у Грековъ эти послѣднія назывались царскими.

²⁾ Тὸ μαφόριον — женскій головной покровъ, женскій головной платокъ (убрусъ).

³⁾ Τῆ ὑπαίφ' αἰσχύνης — важностію, пристойностію (изяществомъ).

ленія къ народамъ славянскимъ и что по сей причинѣ и установили праздникъ, придавая ему значеніе какъ бы правднованія національно-славянскаго ¹⁾). Но трудно понять, съ какой стати предки наши, считая преп. Андрея за Славянина, усвоили ему сейчасъ указанное значеніе, когда видѣніе было не у Славянъ гдѣ-нибудь, а въ Константинополѣ. Въ древнихъ Прологахъ славянскихъ читается краткое слово о нашемъ праздникѣ, которое даетъ отвѣтъ на вопросъ объ его установленіи, но, къ сожалѣнію, отвѣтъ, которому не достаетъ совершенной опредѣленности. Сказавъ кратко о страшномъ и чудномъ видѣніи святымъ Андрею и Епифанію, авторъ слова продолжаетъ: «Се убо егда слышахъ (—въ), помышляхъ: како страшное и милосердное видѣніе и заступленіе наше бысть безъ праздника; надѣяжеса на милосердая твоя словеса, Владычице, еже къ Сыну въ молитвѣ рече: Царю небесный, прїими всякаго человѣка, славящаго Тя..., тѣмъ словесемъ надѣяся въсхотѣхъ, да не безъ праздника останеть святой покровъ твой, Преплагаа, но якоже ты хощещи украсити честный праздникъ твоего покрова, Всемилостивая, украси, да прославляющїи тя възвеселятся, видящи многоименнѣ твоя праздники сіяющи»... Эти слова, какъ, по-видимому, совершенно ясно, говоритъ человѣкъ, который установилъ праздникъ, т. е. въ этихъ словахъ дается знать, что праздникъ устроенъ какимъ-то частнымъ лицомъ или какимъ-то однимъ человѣкомъ. Но въ заключеніе слова по девяти спискамъ, которые мы имѣли подъ руками ²⁾, говорится—по однимъ: «устави же таковы праздникъ праздновати мѣсяца Октямбрия въ 1 день»... по другимъ: «уставижеса таковы праздникъ»... До окончательнаго разъясненія дѣла, если оно возможно, мы полагаемъ, что или должно читать: «уставихъ», или читая: «уставися» должно относить безличную рѣчь автора къ нему самому, какъ бы онъ хотѣлъ сказать: «уставися нами», вообще полагаемъ, что на основаніи слова должно приписывать установленіе праздника какому-то

¹⁾ Что предки наши, разумѣя подъ Скивами Славянъ, и именно самихъ себя (ср. лѣтопись подъ 907 г.), и св. Андрея принимали за Славянина, это видно, во-первыхъ, изъ того, что слова житія Андрея: ἦν τῷ γένει Σλάβος по-славянски переводятся: «бѣаше же родомъ Словенинъ» (см. житіе въ Четь-Миней митр. Макарія подъ 2 Октября), во-вторыхъ—изъ того, что и въ древнемъ проложномъ сказаніи св. Андрей называется Славяниномъ, см. у Срезневск. въ Свѣдѣніяхъ и замѣткахъ о малозвѣстныхъ и незвѣстныхъ памятникахъ № LXXXVII стр. 159 нач..

²⁾ Восемь списковъ XIII—XIV вѣка Типографской бібліотеки и девятый 1400 г. Синодальной бібліотеки.

одному человѣку и чьей-то частной и личной инициативѣ. Допуская и принимая это, мы безъ особеннаго труда объяснимъ себѣ загадку установленія праздника: съ частнымъ человѣкомъ могло случиться, чтобы онъ возымѣлъ мысль установить праздникъ и безъ всякаго особеннаго повода, просто возбужденный ревностію прославить видѣніе, свидѣтельствовавшее о готовности Божіей Матери къ заступленію рода христіанскаго. Но если и здѣсь должно искать особенныхъ поводовъ, то намъ представляется до нѣкоторой степени вѣроятнымъ думать слѣдующее: у насъ въ Россіи въ честь Константинопольской Влахернской церкви были устроены церкви ея имени ¹⁾; такъ какъ видѣніе имѣло мѣсто во Влахернской церкви, то кто-нибудь изъ основателей или настоятелей нашихъ Влахернскихъ церквей и пришло къ мысли установить въ память видѣнія праздникъ. Такъ или иначе, но если праздникъ былъ установленъ по инициативѣ какого-нибудь частнаго лица, то онъ долженствовалъ быть сначала частнымъ праздникомъ только того мѣста, гдѣ былъ установленъ, причемъ самое вѣроятное подозрѣвать какой-нибудь знаменитый монастырь ²⁾. Будучи въ началѣ мѣстнымъ, праздникъ скоро могъ сдѣлаться общимъ по крайней сочувственности всѣмъ его мысли и дѣли, т. е. по той причинѣ, что прославлять покровъ Божіей Матери и молить Ее о немъ исполнены готовности всѣ христіане. Что праздникъ не заимствованъ нами отъ кого-нибудь изъ

¹⁾ Такъ, Стефанъ, игумень Печерскій, преемникъ преп. Θεодосія, будучи согнавъ съ игуменства братіей монастыря, составилъ себѣ въ Кіевѣ свой собственный монастырь «и церковь возградъ (въ немъ) въ имя святяя Богородица и нарекъ мѣсто то по образу сущаго въ Костянтиниградѣ—изъ Лакеръна» (Несторъ въ житіи Θεодосія на концѣ). А вообще объ извѣстности и знаменитости у насъ Влахернской церкви даетъ знать Патерикъ Печерскій, по которому зодчіе для строенія Печерской церкви были посланы Божіей Матерью изъ Влахерны.

²⁾ Что праздникъ сначала былъ мѣстнымъ въ томъ смыслѣ, что былъ праздникомъ не всей страны, а одной какой-то области и одного какого-то города, это совершенно ясно дается знать въ канонѣ ему, въ которомъ многократно говорится объ одномъ князѣ и объ одномъ городѣ. Канонъ мы имѣемъ подъ руками въ двухъ спискахъ—Синодальномъ № 377 л. 1 и Академ. изъ Волок. № 389 л. 1. Во 2 стихѣ 3 пѣсни: «защити князя и люди». Въ 4 стихѣ той же пѣсни: «молися побѣду дати князю на враги». Въ 4 стихѣ 4 пѣсни: «Укрѣпи, Владычице, славящаго тя князя на враги... и заступнице граду нашему». Въ 4 стихѣ 5 пѣсни: «подати побѣду князю нашему, погубити (на) насъ воюющихъ». Во 2 стихѣ 8 пѣсни: «благочестивому князю нашему рогъ возвыси». Въ 1 стихѣ 9 пѣсни: «спаси градъ и люди умножи и дай же князю здравіе». Во 2 стихѣ той же пѣсни: «радуйся стражъ граду нашему».

южныхъ Славянъ, а, наоборотъ, послѣдними заимствованъ отъ насъ, въ этомъ удостовѣряють, или по крайней мѣрѣ даютъ все право думать это, слова службы: «Владычице... за ны грѣшныя къ Богу помолися, твоего покрова праздникъ въ рустѣй земли прославльшимъ»¹⁾. Когда установленъ праздникъ, это пока вовсе неизвѣстно. Желаящіе положительно относить его къ періоду домонгольскому ссылаются на то, что въ Новгородѣ есть Покровскій Звѣринъ монастырь, существующій по крайней мѣрѣ съ первой половины XII вѣка, и что близъ Владимира есть Покровская церковь, построенная по всей вѣроятности Андреемъ Боголюбскимъ и во всякомъ случаѣ несомнѣнно относящаяся къ періоду домонгольскому. Но монастырь и церковь суть ли Покровскіе съ періода домонгольскаго или стали таковыми только въ послѣдующее время, это остается неизвѣстнымъ²⁾. Праздникъ находимъ записаннымъ въ святцахъ второй половины XIII вѣка³⁾; слѣдовательно, онъ явился не позднѣе этого времени. Если принимать предположеніе, что сначала онъ явился въ видѣ частнаго праздника, то первое его установленіе можно будетъ относить къ періоду домонгольскому, потому что какъ бы ни скоро частный праздникъ сдѣлался общимъ, но все-таки для этого нужно было нѣкоторое время. На вопросъ: почему праздникъ положенъ 1 Октября, пока не можемъ отвѣчать совершенно ничего⁴⁾.

Пространное и въ своемъ родѣ весьма замѣчательное житіе св. Андрея юродиваго написано священникомъ церкви св. Софіи въ Константи-

¹⁾ Калона 8-й пѣсни стихъ 1-й. Кромѣ нашихъ двухъ списковъ см. указаніе относительно нашего мѣста еще на третій въ Описаніи Синод. ркпп. *Горск. и Невостр.*, Отд. III, 1, стр. 554, № 431 л. 126 об..

²⁾ Церковь Звѣрина монастыря подъ 1148 г. называется въ лѣтописяхъ церковію св. Богородицы, но не называется Покровскою.

³⁾ Святцы Румянцевскаго Обиходника, напечатанныя *проесс. Макаріемъ* въ приложеніяхъ къ 3-му т. Исторіи, по изд. 2 прилож. 5.

⁴⁾ 1 Октября память преп. Романа сладкопѣвца, который, живъ въ Константинополѣ при церкви Богородицы Кировой, ходилъ во Влахернскую на всеобщія бдѣнія: нѣтъ ли тутъ какой-нибудь связи? Стефанъ Печерскій, устроивъ свой Влахернскій монастырь, по вся лѣта творилъ въ немъ праздникъ свѣтлѣ святѣй Богородицѣ мѣсяца Іудія во 2 день (положенію честныя ризы Богородицы во Влахернской церкви, — Несторъ въ житіи Θεодосія). Что касается до самаго Андрея Юродиваго, то онъ скончался по житію 28 Мая, а въ нашихъ старыхъ святцахъ его память записана подъ различными числами: 2 и 16 Октября, 4 и 5 Іюня (въ греческихъ святцахъ его нѣтъ). О службѣ Покрову см. въ приложеніяхъ.

нополѣ Никифоромъ, который выдаетъ себя за современника и за близкаго друга святому (оно напечатано въ Acta SS. Болландистовъ, Maii t. VI, Corollarium). Но личность автора возбуждаетъ сомнѣнія: онъ былъ уже священникомъ, когда Андрей началъ юродствовать (сар. 2 sub fin.); Андрей юродствовалъ 66 лѣтъ (сар. 28); житіе написано не тотчасъ послѣ смерти Андрея, а послѣ того, какъ умеръ ученикъ его Елифаній, согласно съ его пророчествомъ бывшій послѣ его смерти епископомъ (sic) Константинопольскимъ (ibid.). Такимъ образомъ, должно будетъ выходить, что Никифоръ писалъ житіе болѣе чѣмъ въ столѣтней старости, что не весьма вѣроятно.

Время жизни св. Андрея авторъ вовсе не обозначаетъ годами (хотя и сообщаетъ день его смерти въ неизвѣстномъ году). Но онъ говоритъ, во-первыхъ, что вельможа, купившій его въ рабы дитятей, жилъ при импер. Львѣ Великомъ (*ἀνὴρ τις ἐν Κωνσταντινουπόλει ἐπὶ τῆς βασιλείας Λέοντος τοῦ φιλοχρίστου βασιλέως τοῦ μεγάλου*, сар. 1 нач.); во-вторыхъ, что во время его юродства былъ его современникомъ св. Даниилъ столпникъ, что въ Анаплѣ (сар. 13), который взомолъ на столпъ въ 465 г., а скончался въ 489 г. (у Болландистовъ мѣсто о Даниилѣ понято и переведено неправильно). По симъ двумъ согласнымъ между собою свидѣтельствамъ время жизни Андрея должно быть относимо ко второй половинѣ V вѣка. Однако въ житіи есть признаки, которые заставляютъ относить жизнь его къ болѣе позднему времени. Таковые признаки суть: во-первыхъ, житіе, если оно современно Андрею, должно быть относимо по его языку (который весьма варварствуетъ) къ болѣе позднему времени, чѣмъ V вѣкъ; во-вторыхъ, говорится въ житіи, что Андрей, принявъ на себя подвигъ юродства, „началъ ребячествовать по примѣру онаго древняго дивнаго Симсона“ (сар. 2 fin.), а разумѣемый тутъ Симеонъ, юродивый Сиро-Палестинскій, жилъ во второй половинѣ VI вѣка¹⁾; въ-третьихъ многократно упоминаются въ житіи Сарацины и Агаряне и въ одномъ мѣстѣ ясно представляются народомъ, высоко поднявшимъ рогъ свой на Византію (сар. 25).

Полагаютъ, что подъ Львомъ Великимъ житія долженъ быть разумѣемъ Левъ философъ (886—911). Однако послѣдняго, сколько знаемъ, никто не называетъ Великимъ. Притомъ, упоминаніе о Даниилѣ столпникѣ, какъ современникѣ Андрея, даетъ знать, что примиренія противорѣчій или разрѣшенія вопроса о нихъ должно искать инымъ путемъ.

Время пребыванія на каедрѣ Константинопольской ученика Андрея Елифанія должно бы служить къ опредѣленію времени жизни перваго. Но Елифаній взомолъ на каедру съ монашескою перемѣною имени и не называемый въ житіи по этому второму имени онъ остается между епископами (sic) Константинопольскими вовсе неизвѣстнымъ. Господинъ; ку-

¹⁾ Въ нашихъ святцахъ 21 Іюля; у Болландистовъ его жизнь подъ 1 Іюля, Jul. t. I, p. 136 sqq.

пившій Андрея въ рабы, по имени Θεогность, имѣлъ санъ протоспаварія и наконецъ былъ стратилатомъ въ восточныхъ предѣлахъ; но пока у лѣтописцевъ византійскихъ не найдено подобнаго Θεогноста.

Житіе св. Андрея, какъ мы сказали, весьма пространное и въ своемъ родѣ весьма замѣчательное, послѣ изображенія подвиговъ его подвижничества и суровѣйшаго аскетизма, повѣствуетъ: о многочисленныхъ видѣніяхъ, ему бывшихъ, о случаяхъ обличенія имъ людей грѣшныхъ и о многообразныхъ (отчасти такъ сказать апокалипсическихъ по характеру) бесѣдахъ его съ Елифаніемъ.

(Нарочитый экскурсъ о житіи Андрея юродиваго см. у *Срезневскаго* въ Свѣдѣніяхъ и замѣткахъ о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ, № LXXXVII, стр. 149 sqq).

Относятъ къ періоду домонгольскому установленіе въ Новгородѣ празднованія иконѣ Знаменія Божіей Матери, 27 Ноября, въ воспоминаніе бывшаго отъ нея чуда.

Зимой 1169 г. великій князь Суздальскій Андрей Юрьевичъ Боголюбскій, ссорясь съ Новгородцами изъ-за Двинскихъ областей и изъ-за принятаго послѣдними враждебнаго ему князя ¹⁾, послалъ на Новгородъ весьма большую рать подъ предводительствомъ сына своего Мстислава, которому сопутствовало еще пятеро князей съ вспомогательными войсками изъ другихъ княженій. Опустошивъ область Новгородскую и пожегши ея села, Суздальцы подступили къ самому Новгороду. Тогда владыка Новгородскій Іоаннъ съ посадникомъ Якуномъ вынесли на острогъ, сдѣланный около города по случаю нашествія враговъ, икону Знаменія Божіей Матери, находившуюся въ церкви Спаса на Ильиной улицѣ. Три дни сѣзжались Новгородцы битися съ Суздальцами; въ четвертый день, 25 Февраля, Суздальцы пустили на острогъ стрѣлы, какъ дождь,—и обратилась икона лицомъ къ городу и напала на Суздальцевъ тѣма и всѣ ослѣпли, а Новгородцы, вышедъ на поле, однихъ избили, другихъ изымали, а прочіе разбѣжались, и плѣнныхъ взято было такое множество, что продавали человѣка по двѣ ногаты ²⁾.

¹⁾ Романа Мстиславича, сына Мстислава Изяславича Владимиро-Волынскаго, котораго Боголюбскій прогналъ изъ Кіева въ предшествующемъ 1168 году.

²⁾ Мы передали редакцію сказанія, помѣщенную въ 4-й Новгородской лѣтописи, которая представляется намъ старѣйшею. Другая редакція (въ Новгородской 3-й лѣтописи краткая, а въ Псковской 2-й лѣтописи итѣющая видъ пространной и цѣльной повѣсти), говоритъ, что архіепископу Іоанну былъ гласъ во время молитвы вынести на градъ икону Богородицыну, что архіепископъ послалъ было за иконою архидіакона, но она не двинулась, и что когда онъ самъ пришелъ со кре-

Болѣ чѣмъ вѣроятно, что празднованіе иконѣ Знаменія въ воспоминаніе этого чуда установлено не въ 1169 г., а спустя значительно времени послѣ. Во всѣхъ сказаніяхъ владыка Новгородскій называется Іоанномъ, но онъ былъ не Іоаннъ, а Ілія, принявшій имя Іоанна только передъ смертью, при постриженіи въ монашество, и употребленіе въ сказаніяхъ втораго имени вмѣсто перваго несомнѣнно указываетъ на позднѣйшее время. Во-вторыхъ, объ установленіи празднованія вовсе не говоритъ древняя Новгородская лѣтопись, писанная современниками ¹⁾, равно какъ не говорятъ о немъ и другія древнія лѣтописи ²⁾. Третьихъ, сохранился до настоящаго времени отъ второй половины XII вѣка Уставъ церковный, принадлежавшій именно Благовѣщенскому монастырю архіепископа Іліи: въ его мѣсяцесловѣ нѣтъ нашего праздника. Наконецъ, вчетвертыхъ и главное — весьма трудно и совсѣмъ невѣроятно допустить, чтобы Новгородцы захотѣли установить этотъ праздникъ тотчасъ послѣ побѣды или вообще въ періодъ домонгольскій. Сдѣлать это значило бы нанести Суздальцамъ тяжкую обиду, а на это они не могли рѣшиться ни при Андрѣ Боголюбскомъ, къ которому, не смотря на побѣду, обратились въ слѣдующемъ 1170 г., ни при его преемникахъ до конца періода (Праздникъ находимъ записаннымъ въ мѣсяцесловѣ второй половины XIII вѣка ³⁾); когда онъ установленъ ранѣе, сказать не можемъ. Новгородцы побѣдили Суздальцевъ 25 Февраля, а праздникъ — 27 Ноября; это объясняютъ такъ, что не находили удобнымъ временемъ для него великій постъ, въ среду на второй недѣлѣ котораго было 25 Февраля въ 1169 г. и въ которомъ оно по большей части приходится и что поэтому установили его праздновать въ день ангела тогдашняго воеводы Якуна, ибо 27 Ноября Іакова

стами, икона двинулась сама о себѣ. 1-я Псковская лѣтопись, сокращенно повторяя 4-ю Новгородскую, прибавляетъ новое противъ ней и противъ другихъ двухъ упомянутыхъ выше, что «застрѣлиша Суздальцы икону». По тремъ первымъ лѣтописямъ число князей, приходившихъ подъ Новгородъ, было 70 и 2.

¹⁾ Т. е. Новгородская 1-я лѣтопись.

²⁾ Лаврентьевская и Ипатьевская (последняя подъ 1173 г.).—Всѣ три лѣтописи ничего не говорятъ и о чудѣ, бывшемъ во время осады, но авторъ второй изъ нихъ, повторяемый въ послѣдней, пишетъ: «слышахомъ преже три лѣтъ бывшее знаменье Новѣгородѣ всѣмъ людемъ выдающимъ: въ трехъ бо церквахъ Новгородскихъ плакала на трехъ иконахъ святая Богородица, провидѣвши бо Мати Божія пагубу, хотащую быти надъ Новымъ городомъ»...

³⁾ Румянц. Обиходника, напеч. пресов. Макаріемъ (Однако записанное въ святцахъ: «Знаменіе святыя Богородица, иже на иконѣ» необходимо ли разумѣть о нашемъ Новгородскомъ праздникѣ?).

Персского. Если бы было несомнѣнно доказано, что праздникъ установленъ въ 1169 году, то, конечно, объясненіе можно было бы находить удовлетворительнымъ. Но пока дѣло составляетъ вопросъ).

Кромѣ праздниковъ, нарочито установленныхъ, была еще у насъ въ періодъ домонгольскій категория новыхъ и собственно Русскихъ праздниковъ, относительно которыхъ со всею вѣроятностью слѣдуетъ думать, что они не были установлены нарочно, а вводились сами собой. Эти праздники—дни освященія нѣкоторыхъ знаменитыхъ церквей, какъ-то: Владимировой Десятинной, Софіи Кіевской Ярославовой и другихъ. Обыкновенно думаютъ о происхожденіи этихъ праздниковъ, что князья устанавливали ихъ нарочитыми узаконеніями. Но гораздо вѣроятнѣе думать о нихъ совсѣмъ другое. Въ древнее время день освященія каждой церкви долженствовалъ быть для нея великимъ годовымъ праздникомъ, т. е. каждая церковь ежегодно должна была праздновать день своего освященія какъ большой праздникъ ¹⁾. Естественно, что по сей причинѣ церкви отмѣчали въ своихъ мѣсяцесловахъ или вносили въ свои святцы дни своихъ освященій. Писцы книжные, переписывая святцы знаменитыхъ церквей для другихъ церквей, не выпускали изъ нихъ мѣстныхъ праздниковъ первыхъ, а такимъ образомъ праздники эти распространялись по святцамъ и становились общими праздниками всей Русской церкви. Въ позднѣйшихъ святцахъ праздниковъ этихъ уцѣлѣло немного, именно—12 Мая освященіе Десятинной Владимировой церкви, 11 Мая и 4 Ноября два освященія Кіевской Ярославовой Софіи, 26 Ноября освященіе Кіевской Ярославовой церкви св. Георгія; но весьма вѣроятно, что въ домонгольскій періодъ были вносимы изъ мѣстныхъ святцевъ въ общіе дни освященія и многихъ другихъ церквей.

Одинъ праздникъ изъ этой категоріи остался навсегда или до настоящаго времени; это—праздникъ св. Георгія 26 Ноября, иначе осеняго Юрія ²⁾. Причина, почему сохранился одинъ этотъ праздникъ изъ числа многихъ ему подобныхъ, очевидно, должна быть полагаема въ особомъ усердіи народа къ св. Георгію, котораго собственный, т. е. независимый отъ какихъ-нибудь стороннихъ поводовъ, праздникъ онъ видѣлъ въ праздникѣ 26 Ноября.

¹⁾ Симеона Солунскаго De sacro tempore глава 121: О томъ, что въ каждомъ божественномъ храмѣ необходимо должно быть (ежегодно) празднуемо его освященіе,—у Мина въ Патр. t. 155, р. 324.

²⁾ Который, какъ мы сказали, есть празднованіе дня освященія Кіевской Ярославовой церкви св. Георгія.

Новый праздникъ, установленный въ періодъ домонгольской Русскою церковію въ совокушности съ церковію Греческой, былъ праздникъ Всемиловитому Спасу и пречистой Богородицѣ 1-го Августа. Въ настоящее время этотъ праздникъ у насъ уже не празднуется ¹⁾, но объ его прежнемъ празднованіи свидѣтельствуеетъ народное названіе 1-го Августа Спасовымъ днемъ. Праздникъ учрежденъ былъ нашимъ великимъ княземъ Андреемъ Юрьевичемъ Боголюбскимъ и императоромъ Константинопольскимъ Мануиломъ или, точнѣе говоря, учрежденъ былъ послѣднимъ и принятъ по его предложенію первымъ. О времени и причинѣ установленія праздника сказаніе, читаемое въ Прологѣ, говоритъ, что въ 1164 г. князь и императоръ въ одинъ и тотъ же день вышли войной на враговъ — первый на Камскихъ Болгаръ, второй на Сарацинъ, и что оба они одержали надъ врагами побѣды заступленіемъ Всемиловитаго Спаса и пречистой Богородицы. Но должно думать, что относительно времени авторъ ошибается, хотя Боголюбскій, которому онъ хочетъ усвоить инициативу, и дѣйствительно одержалъ побѣду надъ Камскими Болгарами въ 1164 г. Сохранился до настоящаго времени указъ импер. Мануила отъ 1166 г. о праздникахъ неприсутственныхъ и полу-присутственныхъ, т. е. о такихъ, въ которые или совсѣмъ не должно быть присутствія въ судахъ или должно быть только послѣ обѣдни ²⁾. Если бы не между первыми, то между вторыми долженствовалъ быть праздникъ только что учрежденный самимъ императоромъ; а между тѣмъ его нѣтъ ни между одними ни между другими. Изъ этого слѣдуетъ, что въ 1166 г. онъ еще не былъ учрежденъ. Весьма вѣроятно, что Мануиль установилъ праздникъ въ 1168 г. по

¹⁾ Въ настоящее время у насъ 1-го Августа «Происхожденіе честнаго и животворящаго креста Христова» — праздникъ въ воспоминаніе того, что въ Константинополѣ, начиная съ 1-го Августа до Успеньева дня, обносился по всему городу въ торжественной процессіи животворящій крестъ, хранившійся во дворцѣ (см. Констант. Порфирог. De segetim. lib. II, с. 8, у *Миня* въ Патр. t. 112, р. 1005, срѣ *преосв. Сергія* Полный Мѣсяцесловъ Востока, т. II, ч. 2, Забѣтки, 1 Августа). Названіе праздника «происхожденіе» есть неудачный переводъ греческаго слова *προέλευσις*, которое значить торжественную церемонію, крестный ходъ (или можетъ быть — *πρόβδος*, которое употреблялось въ одномъ смыслѣ съ *προέλευσις*. Ношеніе креста или ходы съ нимъ начинались съ 1-го Августа, а поэтому и записано подъ 1-мъ Августа, съ подразумѣніемъ, что въ этотъ день — начало ходовъ). Служба Всемиловитому Спасу (по содержанію — Спасу и Кресту) печатается въ Августовской мѣсячной Минее до настоящаго времени (и ее предписываетъ Минея совершать 1 Августа въ тѣхъ храмахъ, которые посвящены Всемиловитому Спасу).

²⁾ Напечатанъ въ Jus Graeco-Romanum *Цахаріе*, III, 469.

случаю блестящей побѣды, одержанной имъ надъ Венграми (8 Іюля 1167 г.), которую онъ усвоилъ заступничеству Божіей Матери, почему когда возвратился съ войны домой и въ триумфѣ въѣзжалъ въ Константинополь, то приказалъ везти впереди себя на особой колесницѣ Ея икону ¹⁾. Что касается до Андрея Боголюбскаго, который вообще былъ князь изъ ряду вонъ благочестивый и особенно усердный чти-тель Божіей Матери, то онъ, нѣтъ сомнѣнія, встрѣтилъ бы предложеніе императора принять установленный праздникъ съ величайшею готовностію и безъ особенныхъ личныхъ къ тому побужденій. Но онъ имѣлъ этихъ личныхъ побужденій слишкомъ много, имѣлъ ихъ и въ то самое время, когда по всей вѣроятности пришло къ нему предложеніе императора: въ 1168 г. его войска (подъ предводительствомъ сына его Мстислава) одержали побѣду еще болѣе важную, чѣмъ та, которую онъ одержалъ въ 1164 г. надъ Болгарами, именно — побѣду надъ его врагомъ великимъ княземъ Мстиславомъ Изяславичемъ, котораго выгнали изъ Кіева ²⁾. Несомнѣнно, что ни Кіевъ ни Новгородъ не питали къ Боголюбскому ни малѣйшаго расположенія; а на этомъ основаніи болѣе чѣмъ вѣроятно предполагать, что праздникъ, установленный имъ, былъ введенъ только въ области Суздальской и что онъ не былъ первоначально принимаемъ ни въ Кіевѣ ни въ Новгородѣ (если только и потомъ былъ принимаемъ ³⁾).

Иконы особенно чтимыя и чудотворныя.

Въ періодъ домонгольскій, какъ и послѣ и какъ теперь, были у насъ иконы, которыя находились въ особенномъ уваженіи, къ кото-

¹⁾ *Ἱστορία τοῦ Ἑλληνικοῦ ἔθνος ὑπὸ Κ. Παπαρρηγοπούλου, IV, 591* (0 годѣ и днѣ побѣды—*Geschichte von Ungarn Фесслера, изд. Клейна, I, 267*). Подъ иконою должно разумѣть знаменитую Константинопольскую икону Божіей Матери Одигитрію, о которой сейчасъ ниже, и дѣло должно представлять такъ, что императоръ бралъ ее съ собою въ походъ.

²⁾ Предполагать, чтобы праздникъ былъ установленъ по инициативѣ русскаго князя и отъ него принятъ императоромъ, какъ представляетъ дѣло нашъ Прологъ, и само по себѣ совершенно неѣроятно. Что это и на самомъ дѣлѣ было не такъ, а наоборотъ, доказательства находятъ въ самомъ же Прологѣ: въ немъ уцѣлѣлъ отрывокъ посланія къ Боголюбскому, писаннаго по приказанію Мануила (и по приговору всего причта церковнаго, какъ будто патріархомъ) съ предложеніемъ принять праздникъ, см. у *преосв. Сергія* въ *Полн. Мѣсяцесловѣ, т. II, ч. 2. Заѣтки, 1 Августа* (ср. въ *Никон. лѣт. II, 159*).

³⁾ Нарочитую службу празднику мы, конечно, заимствовали отъ Грековъ вмѣстѣ съ самымъ праздникомъ. См. о ней въ приложеніяхъ.

рымъ были питаемы особенное усердіе и особенная вѣра. Точно такъ же были иконы, отъ которыхъ совершались чудотворенія и знаменія.

Укажемъ эти иконы, сколько онѣ извѣстны:

1. Успенія Божіей Матери Кіево-Печерская, находящаяся въ Печерскомъ монастырѣ, храмовая главной церкви. По преданіямъ Печерскаго монастыря, записаннымъ въ Патерикѣ, икона эта чудеснымъ образомъ прислана была Божіею Матерью изъ Константинополя, изъ Влакерны, вмѣстѣ съ зодчими для построенія церкви ¹⁾. По свидѣтельству Патерика, отъ иконы сотворялись многія чудеса ²⁾. Сохраняясь въ монастырѣ до настоящаго времени, не стоитъ въ иконостасѣ, въ ряду мѣстныхъ иконъ, а виситъ на шнурахъ надъ царскими дверями ³⁾.

2. Божіей Матери Пирогощая или Пирогоща, находившаяся въ Кіевѣ. Въ 1131 г., по свидѣтельству лѣтописей, вел. кн. Мстиславъ Владимировичъ заложилъ въ Кіевѣ каменную церковь Богородицы, которая (церковь) получила названіе Пирогощей или Пирогощей ⁴⁾. Въ 1155 г., по свидѣтельству тѣхъ же лѣтописей, Андрей Юрьевичъ Боголюбскій, уходя отъ отца своего изъ Кіева въ Суздаль, взялъ изъ Вышгорода икону Богородицы (послѣдующую—Владимирскую), которая принесена была изъ Константинополя въ одномъ кораблѣ съ Пирогощею ⁵⁾. Можно понимать это такъ, что икона принесена была Мстиславу (бывъ по его приказанію куплена или по его заказу написана въ Константинополѣ) и что онъ построилъ церковь для нея; но гораздо вѣроятнѣе понимать такъ, что церковь была построена ранѣе, а икона принесена была послѣ и только поставлена въ церкви (можетъ быть, нарочно бывъ куплена или заказана для послѣдней въ ея храмовыя иконы). Степенная книга говоритъ, что икона принесена была самому Юрію Долгорукому (1,253 нач., — подразумѣвается, бывъ по его приказанію куплена или по его заказу написана): не невозможно, что она основывается въ семъ случаѣ на спискахъ лѣтописей, въ которыхъ именно это говорилось. Отъ чего получила икона прозваніе и какъ было—такъ ли, что церковь дала его ей или, наоборотъ, она церкви, остается неизвѣстнымъ (по Степенной книгѣ, *ibid.*, икона получила

¹⁾ Синонь въ главѣ о зодчихъ.

²⁾ *Ibid.*, самый конецъ главы.

³⁾ О чемъ выше стр. 213. Ея изображеніе у *Фундукл.* въ Обзор. Кіева.

⁴⁾ Въ 1131 г. по Лавр. лѣт., по Ипатск. въ 1132 г. Въ первой: «заложилъ церковь святая Богородица Пирогощюю»; во второй: «заложена церкви камена святая Богородица, рекома Пирогоща».

⁵⁾ Лѣт. Лавр. и Ип.; изъ Вышгорода—во второй.

прозваніе отъ того, что принесена была изъ Константинополя гостемъ, т. е. купцомъ, Пирогощей). Что икона пользовалась особеннымъ уваженіемъ, это видно изъ словъ о ней лѣтописей подь 1155 г. (гдѣ она представляется не менѣе извѣстною, чѣмъ Владимирская) и изъ того, что князь Игорь Святославичъ, герой Слова о полку Игоревомъ, по освобожденіи изъ плѣна у Половцевъ, прежде всего поѣхалъ въ Кіевъ, «къ святѣй Богородици Пирогощей» (Слово, — самый конецъ), чтобы принести ей — подразумѣвается — благодареніе. Въ настоящее время иконы не существуетъ, равно какъ и церкви, въ которой она находилась.

3. Николая Чудотворца (Никола ¹⁾), такъ называемаго Мокраго, находящаяся въ Кіевскомъ Софійскомъ соборѣ. Эта икона около 1090—1100 г. ²⁾ сотворила чудо, состоявшее въ томъ, что у двоихъ супруговъ, жителей Кіева, возвращавшихся домой изъ Вышгорода, съ тамошняго праздника, въ лодкѣ по Днѣпру, вслѣдствіе случившейся бури, былъ выброшенъ въ рѣку младенецъ, который, утонувъ, черезъ нѣсколько дней былъ найденъ лежащимъ у нашей иконы живымъ и невредимымъ, только мокрымъ, отъ чего и икона получила прозваніе (Она до настоящаго времени находится въ соборѣ тамъ же, гдѣ находилась въ древнее время, — на полатахъ или женскихъ галлерейхъ, въ лѣвой боковой сторонѣ, теперь — въ придѣлѣ Николая Чудотворца).

4. Смоленской Божіей Матери, называемая Одигитрією, находящаяся въ Смоленскомъ кафедральномъ соборѣ. По мѣстнымъ преданіямъ, икона принесена изъ Греціи супругой Всеволода Ярославича, дочерью (будто бы, — первой полов. т. стр. 299 прим.) импер. Константина Мономаха, и есть одна изъ иконъ, написанныхъ, по преданію, евангелистомъ Лукой ³⁾. вмѣстѣ съ этой Смоленской иконой считались у насъ написанными евангелистомъ Лукой еще иконы Божіей Матери Владимирская и Полоцкая — Евфросиньянская. Но эти наши преданія нужно понимать особеннымъ образомъ. Чтобы Греки имѣли охоту отдавать Русскимъ иконы, которыя у нихъ принимались за написанныя евангелистомъ Лукой, это такъ же мало вѣроятно, какъ то,

¹⁾ Въ древнее время нѣкоторые святые, носившіе употребительнѣйшія или трудно произносимыя имена, назывались у насъ уменьшительно потому, что на нихъ перенесенъ былъ обычай изъ житейскаго быта. Николай Чудотворецъ оставался съ уменьшительнымъ именемъ Никола до позднѣйшаго времени (т. е. хотимъ сказать — въ письмени, ибо у народа остается съ нимъ и до сихъ поръ).

²⁾ См. у преосв. Макарія т. 2, по 2 изд. стр. 175, прим. 265.

³⁾ Историко-статистич. описаніе Смоленск. епархіи, стр. 246 sqq.

чтобы мы въ настоящее время имѣли охоту отдавать Грекамъ или кому-нибудь икону Владимирской Божіей Матери, т. е. мы хотимъ сказать — совершенно невѣроятно. Если у насъ были иконы, которыя слыли и считались за написанныя евангелистомъ Лукой, то это несомнѣнно и очевидно значить, что онѣ были копіи или списки съ иконъ, которыя принимались у Грековъ за таковыя. Иконы эти находились у Грековъ въ великомъ уваженіи; а потому и естественно, что Русскіе желали имѣть съ нихъ копіи, и нѣкоторыя изъ сихъ-то копій, особенно у насъ прославившіяся, народная молва и народное усердіе и превратили въ самые оригиналы ¹⁾. У Грековъ принимались за написанныя евангелистомъ Лукой три иконы Божіей Матери: находившаяся въ Константинополѣ и называвшаяся Одигитріей ²⁾, находившіяся въ Іерусалимѣ и въ Ефесѣ. Знаменитѣйшею была Константинопольская: она тоже была для Константинополя, что для Москвы иконы Божіей Матери Владимирская и Иверская ³⁾. Съ этихъ-то иконъ и были спи-

¹⁾ И у Грековъ снимались копіи съ Одигитрии (какъ у насъ теперь снимаются копіи съ иконъ Владимирской и Иверской), см. напр. *Миклошича Acta Patriarchat. Const. I*, 198 и 413.

²⁾ Принесенная въ Константинополь изъ Антиохіи при импер. Θεодосіи Младшемъ, — *Дюк.* по цитатѣ слѣдующ. прии.

³⁾ Название иконы Одигитрія, — Ὁδηγήτρια, значить Путеводительница. Она находилась въ монастырѣ, который назывался μονή τῶν Ὁδηγῶν — монастырешъ Путеводителей и по ней (иконѣ) — τῆς Ὁδηγήτριας, — Путеводительницы. Монастырь ли далъ названіе иконѣ или наоборотъ и отъ чего его производить, остается неизвѣстнымъ и спорнымъ. Самымъ вѣроятнымъ объясненіемъ представляется то, что монастырь находился на морскомъ берегу и что въ немъ имѣли обычаи пѣть молебны, испрашивая напутствія и *путеводительства*, моряки, отправлявшіеся въ плаваніе (ср. *Никольск. Пособіе къ изученію Устава*, изд. 3 стр. 518 прим. По Козину, — *De aedificiis CP.*, у Миня въ Патрол. t. 157, col. 556, монастырь Одигитрии построилъ импер. Михаилъ Пьяница, котораго убилъ въ 867 г. Василій Македонянинъ, и икона получила свое названіе отъ того, что многіе слѣпые получали отъ нея исцѣленіе и что такимъ образомъ она была Путеводительницею слѣпыхъ). Монастырь находился на берегу Мраморнаго моря, близъ императорскаго дворца, у юго-восточнаго угла его стѣны или ограды, подлѣ воротъ городской стѣны отъ моря, которыя нынѣ называются Ахирь-Капу. См. о немъ *Дюканюса* въ *Constantinop. Christ., lib. IV*, p. 88 и *Византия* Κωνσταντινουπόλ. I, 184 (для точнаго опредѣленія мѣста сравн. нашего Стефана Новгородца). — Икона Божіей Матери Одигитрія оставалась въ Константинополѣ дѣлою до Турокъ (наши памятники — Стефанъ Новгородецъ, іеродіаконъ Зосима и діаконъ Игнатій, — у *Сахар.*), а этими послѣдними при разграбленіи города изрублена, — *Мих. Дука*, у Миня въ

сками наши иконы, слывшія за письмо евангелиста Луки. Смоленская икона Божіей Матери называется Одигитріей; изъ этого ясно, что она есть списокъ съ иконы Константинопольской. Истинная ея исторія, вѣроятно, есть та, что ее приобрѣлъ изъ Константинополя Владимир Всеволодовичъ Мономахъ, какъ храмовую икону для построенной имъ въ Смоленскѣ церкви Богородицы (послѣдующаго и нынѣшняго каедральнаго собора).

5. Владимирской Божіей Матери, находящаяся въ Москвѣ, въ Успенскомъ соборѣ. Изъ сказаннаго выше видно, что икона приобрѣтена изъ Константинополя или Мстиславомъ Владимировичемъ или его братомъ Юріемъ Долгорукимъ. Андрей Юрьевичъ Боголюбскій, въ 1155 г. ушедшій отъ своего отца изъ Кіева въ родовую Суздальскую область, взялъ съ собою икону изъ Вышгорода (въ которомъ, значить, она передъ тѣмъ находилась). Въ Суздальской области, избравъ вмѣсто Суздаля новую столицу себѣ въ городѣ Владимирѣ, Боголюбскій въ послѣднемъ поставилъ и икону, которую великолѣпнѣйшимъ образомъ украсилъ ¹⁾ и для которой соорудилъ великолѣпнѣйшій храмъ. Боголюбскій бралъ съ собою икону въ военные походы и ей приписывалъ свои побѣды (походъ на Камскихъ Болгаръ 1164 г., — Лавр. лѣт.). Лѣтописцы домонгольскаго періода неоднократно называютъ икону чудотворною ²⁾. Въ 1237 г. при взятіи и разграбленіи Владимира Татарами она лишилась своихъ украшеній, бывъ послѣдними одрана. Въ 1395 г., по случаю грознаго нашествія на Россію Тамерлана, икона принесена была изъ Владимира въ Москву, въ которой навсегда и осталась ³⁾. Съ которой изъ трехъ названныхъ выше греческихъ иконъ была спискомъ наша икона, не можемъ сказать; но съ вѣроятностію думаемъ, что съ той же Одигитріи Константинопольской.

6. Божіей Матери Полоцкая, Евфросиньинская. Преп. Евфросинія основала въ Полоцкѣ (въ половинѣ XII в.) два монастыря — женскій и мужской. Для одного изъ своихъ монастырей — женскаго, по словамъ ея житія, она испросила у императора греческаго ту изъ трехъ иконъ Божіей Матери, написанныхъ евангелистомъ Лукою, ко-

---

Патр. т. 157, р. 1101, сфг *пресс.* *Серія* Полный Мѣсяцесловъ Востока, т. II, Запѣтенъ къ 28 Іюля.

¹⁾ «Икона въ ню боле тридесать гривеньъ золота, крожъ серебра и каменя драгаго и жемчуга», — Лаврент. лѣт. подъ 1155 г., тоже Ипатск. *ibid.*

²⁾ Лаврент. лѣт. подъ 1169, 1175 (2 изд. стр. 349 нач.) и 1177 гг.

³⁾ См. впрочемъ относительно сего въ 1-й полов. II тома настоящей Исторіи стр. 332—333.

торая находилась въ Ефесѣ (подробнѣе см. ниже, въ главѣ о монастыряхъ). Это, очевидно, должно повимать такъ, что Евфросинія, пріобрѣла себѣ изъ Греціи копію съ иконы. Присемъ подѣ иконою, какъ заставляють думать нѣкоторые признаки (укажемъ ихъ ниже, тамъ же), нужно разумѣть не Ефесскую, а ту же Константинопольскую Одигитрію ¹⁾ (Женскій монастырь Евфросиніинъ существуетъ до настоящаго времени; но икона въ настоящее время находится не въ немъ, а въ городѣ Торопцѣ Псковской губерніи, въ тамошнемъ соборѣ, бывъ перенесена въ послѣдній по одному случаю въ 1239-мъ году, см. въ Географическо-статистическомъ словарѣ Семенова подѣ сл. Торопецъ).

7. Николая Чудотворца Дворищенская, находящаяся въ Новгородѣ, въ бывшемъ княжескомъ Николодворищенскомъ соборѣ. По позднѣйшему сказанію, чудесно обрѣтена плавающею въ озерѣ Ильменѣ при томъ случаѣ, когда больнымъ Новгородскимъ княземъ Мстиславомъ Владимировичемъ, вслѣдствіе соннаго видѣнія, было послано посольство въ Кіевъ за тамошнею иконою Николы Мокраго ²⁾. Вѣроятно, дѣло было такъ, что Мстиславъ Владимировичъ желалъ имѣть храмовой иконою построенаго имъ въ 1113 г. Дворищенскаго собора копію съ иконы Кіевскаго Николы Мокраго, вслѣдствіе того, что послѣдняя начала прославляться чудотвореніями.

8. Знаменія Божіей Матери, находящаяся въ томъ же Новгородѣ, въ Знаменскомъ соборѣ. О чудѣ, совершенномъ иконою въ 1169 г., мы говорили выше, и здѣсь только коснемся вопроса объ ея названіи. На иконѣ, называемой Знаменіемъ, Божія Матерь изображается стоящею въ молитвенномъ положеніи съ распростертыми руками (какъ на алтарной мозаикѣ Кіево-Софійскаго собора). Этого вида иконы Божіей Матери назывались у Грековъ «моленіями» (δέησις) или по нашему деисусами ³⁾. Не рѣшая окончательно вопроса о томъ, отъ чего случилось, что икона называвшаяся у Грековъ «моленіемъ», у насъ названа Знаменіемъ, на основаніи имѣющихся указаній думаемъ, что она получила названіе отъ совершеннаго ею «знаменія», т. е. чуда ⁴⁾.

¹⁾ А за Ефесскую икона начала слѣть, вѣроятно, потому, что за Константинопольскую слыла уже одна изъ двухъ старшихъ иконъ — Смоленская или Владимірская.

²⁾ Сказаніе у *преосв. Макарія* въ Археологическомъ описаніи церковныхъ древностей въ Новгородѣ, I, 247 вѣд.

³⁾ См. Акты Русскаго на святомъ Аѳонѣ монастыря св. великомученика и цѣлителя Пантелеймона, Кіевъ, 1873, стрр. 52, 54 и 60.

⁴⁾ Лаврент. лѣт. подѣ 1169 г.: «слышахомъ преже тріа лѣтъ бывшее зна-

9. *Николая Чудотворца Жидичинская*. Въ древнее время городъ или мѣстечко, въ настоящее время — мѣстечко, Жидичинь находится въ Волынской губерніи, на рѣкѣ Стыри, недалеко на сѣверъ отъ города Луцка. Подъ 1227 г. въ Ипатской лѣтописи сообщается, что въ немъ была икона св. Николы, молиться которой ѣздили князья.

10. *Спаса Избавника Мѣльницкая*. Городъ Мѣльникъ находился (а въ видѣ села и до настоящаго времени находится) на Западномъ Бугѣ, между Брестъ-Литовскомъ и Дрогичинымъ, въ теперешней Гродненской губерніи. Подъ 1260 г. въ Ипатской лѣтописи сообщается, что въ этомъ городѣ, въ церкви святой Богородицы, находилась икона Спаса Избавника, которая была «въ величѣ чести»¹⁾.

11. *Николая Чудотворца (Николы) Зарайская*. Существуетъ странная повѣсть о принесеніи образа Николая Чудотворца изъ Корсуни Крымской въ Зарайскъ Рязанскій священникомъ Корсунскимъ Евстаѳіемъ, въ 1224 г. (1225 г.), вслѣдствіе повелѣнія, даннаго ему свыше²⁾. Въ своихъ подробностяхъ повѣсть есть очевидная легенда; но нѣтъ основаній сомнѣваться въ томъ немногомъ, что икона дѣйствительно принесена изъ Корсуни священникомъ Евстаѳіемъ. На концѣ повѣсти сообщается, что при церкви Николая Чудотворца, созданной для иконы, въ продолженіе 335 лѣтъ служилъ «не перемѣняяся» роль священника Евстаѳіа. Это даетъ знать, что церковь св. Николая была ктиторскою въ родѣ Евстаѳіа, составлявшею родовую наслѣдственную собственность (о чемъ см. выше). На семь основаній дѣло о принесеніи иконы можетъ быть представляемо такъ, что священникъ Евстаѳій (родомъ, подразумѣвается, Грекъ), которому не было удачи въ своей Корсунѣ, приобрѣлъ хорошую икону Николая Чудотворца и съ нею отправился въ Русь, чтобы создать, гдѣ придется, церковь въ честь святаго, которая бы составляла его ктиторию (Такъ какъ потомки Евстаѳіа, одному изъ которыхъ принадлежитъ составленіе повѣсти, были заинтересованы въ томъ, чтобы придать исторіи прибытія иконы на Русь характеръ необычайности, то этимъ легко объясняется и легендарность повѣсти)³⁾.

менье Новгородѣ, всѣмъ людямъ видящимъ: въ трехъ бо церквахъ Новгородскихъ плакала на трехъ иконахъ святая Богородица» (За Лаврент. Ипатск. подъ 1173 г.).

¹⁾ Изд. 2, стр. 560.

²⁾ Повѣсть не сполна передается у *Карамзина*, III, прил. 360 и у *Воздвиженскаго* въ Историч. обозр. Рязанской іерархіи, стр. 6, кратко у *А. О. Бычкова* въ Описаніи Сборниковъ Публичн. библиот. № 13, а въ подлинномъ и полномъ видѣ напечатана и во *Временникѣ* Общ. Ист. и Древн., кн. 15, Слѣсь.

³⁾ См. въ статейномъ спискѣ посольства въ Грузію Никифора Толочанова,

(Въ Нижегородскомъ Благовѣщенскомъ монастырѣ есть икона Божіей Матери, называемая Корсунскою, подъ которою читается греческая подпись: εἰκὼν ἱστορηθεῖσα ἐν ἔτη κςφά ὑπὸ Συμεῶν ἱερομονάχου, т. е. икона написанная въ 6501 г. Сумеонѣмъ іеромонахомъ ¹⁾). Мы не видимъ никакихъ причинъ сомнѣваться въ достовѣрности подписи ²⁾, и такимъ образомъ, по нашему мнѣнію, эта икона есть древнѣйшая изъ всѣхъ извѣстныхъ русскихъ иконъ ³⁾, современная почти самому крещенію Владимира, ибо 6501 г. отъ С. М. есть 993 г. отъ Р. Х.) ⁴⁾.

Лѣтописи сообщаютъ о чудесномъ знаменіи отъ трехъ иконъ въ Новгородѣ, которыя остались непрославленными и неизвѣстными. Лаврентьевская лѣтопись, рассказывая подъ 1169 г. о нападеніи Суздальцевъ на Новгородъ и ничего не говоря о чудѣ, совершившемся при самомъ нападеніи, вмѣсто того сообщаетъ: «слышахомъ преже три лѣтъ бывшее знаменье Новѣгородѣ, всѣмъ людемъ видающимъ: въ трехъ бо церквахъ Новгородскихъ плакала на трехъ иконахъ святая Богородица, провидѣвши бо Мати Божія пагубу, хотящую быти надъ Новымъ городомъ» ⁵⁾...

Святыня, привезенная и полученная изъ Греціи.

Въ позднѣйшее время, въ продолженіе XVI—XVII столѣтій, относительно которыхъ имѣются достаточно подробныя свѣдѣнія, Греки усердно снабжали насъ — Русскихъ своей, подлинной и поддѣльной, святыней. Очень не невѣроятно думать, что это было такъ и въ пе-

напеч. въ V части Визлюевки *Новикова*, стр. 197, рассказъ о совершенно такой же ктиторской иконѣ Божіей Матери Влахернской.

¹⁾ См. *архим. Макарія* Памятники церковныхъ древностей, — Нижегородская губернія, Сиб. 1857, стр. 177 *шп.* 844.

²⁾ Что касается до слова *ἱστορέω* (*ἱστορηθεῖσα*), то въ приложеніи къ иконамъ оно употребляется вмѣсто *γράφω* весьма часто и совсѣмъ обычно, см. у *Дюк.* въ *Gloss. Graecit.* сл. *ἱστορεῖν*; въ нынѣшнемъ греческомъ *Евхологіи* великомъ: *εὐχὴ ἧν λέγει ὁ ἀρχιερεὺς ἐπὶ ἱστορηθεῖσαν καινὴν εἰκὼνα.*

³⁾ Хотя, бывъ написана въ 993 г., она могла явиться въ Россіи только уже въ позднѣйшее неизвѣстное время.

⁴⁾ Упоминаются два Сумеона между живописцами, писавшими изображенія для Мѣсяцеслова импер. Василя, см. *преосв. Серія* Полный Мѣсяцесловъ Востока т. I, изд. 1 стр. 219 нач., изд. 2 стр. 280 нач.

⁵⁾ Лаврентьевскую лѣтопись повтораеъ Ипатская подъ 1173 г.

ріодъ домонгольскій. Но свѣдѣнія наши за періодъ въ семь отношеній очень недостаточны.

Первую святыню привезъ изъ Греціи самъ креститель Руси св. Владимиръ; именно—онъ привезъ изъ Херсонеса Таврическаго, въ которомъ послѣ его взятія вѣнчался бракомъ съ греческой царевной, мощи скончавшагося здѣсь въ ссылкѣ св. Климента, епископа Римскаго, и ученика его Фива. При этомъ, какъ мы говорили выше, можетъ быть принимаемо и то, что мощи Климента, подъ которыми должно разумѣть главу его ¹⁾, унесенныя изъ Херсонеса въ Римъ обрѣтшимъ ихъ Константиномъ, первоучителемъ Славянскимъ, были Владимиру въ Херсонесъ присланы отъ папы. Теперь неизвѣстно мощей ли Климента, ли Фива.

На второмъ мѣстѣ по хронологическому порядку полагаютъ принесеніе изъ Константинополя въ Кіевъ мощей великомученицы Варвары, которыя находятся въ Кіевскомъ Златоверхо-Михайловскомъ монастырѣ. Общепринятое въ настоящее время мнѣніе относительно принесенія мощей есть то, что ихъ привезла съ собой супруга строителя монастыря вел. кн. Святополка Изяславича дочь Константинопольскаго императора Алексѣя Комнина по имени Варвара. Но это общепринятое мнѣніе есть не что иное, какъ принятое всѣми безъ дальнихъ справокъ простое предположеніе Златоверхо-Михайловскаго игумена Θεодосія Софоновича (1655—1672), которое высказано имъ въ его хроникѣ и которое должно быть признано вовсе несостоятельнымъ. У импер. Алексѣя Комнина не было дочери, по имени Варвары, и не было дочери выданной въ Россію: всѣ четыре дочери, которыхъ онъ имѣлъ (Анна, Марія, Евдокія и Θεодора), выданы были, какъ это положительно извѣстно, въ самой Греціи. Съ другой стороны, и о Святополкѣ Изяславичѣ, принимая наивѣроятнѣйшее, что онъ женатъ былъ одинъ разъ, положительно извѣстно, что онъ женатъ былъ не на Гречанкѣ, а на Половчанкѣ, на дочери князя Половечскаго Тугоркана. Такимъ образомъ, время принесенія мощей великомуч. Варвары изъ Константинополя въ Кіевъ остается неизвѣстнымъ, и только съ вѣроятностію можетъ быть предполагаемо, что мощи получены были изъ Константинополя по старанію строителя Златоверхо-Михайловскаго монастыря вел. кн. Святополка Изяславича (1093—1114) ²⁾.

¹⁾ См. Ипатскую лѣтопись подъ 1147-мъ годомъ, въ разсказѣ о поставленіи митр. Климента Смолятича.

²⁾ Западное извѣстіе о мощахъ, по которому онѣ будто бы отданы были изъ Константинополя въ Венецію въ 991-мъ году (можетъ быть, нѣкоторая часть ихъ), см. у *Дюканжа* въ *Constantinop. Christ., Lib. IV, p. 144* сл..

Въ Ипатской лѣтописи подъ 1134-мъ записано, что въ неизвѣстное (не названное) мѣсто Руси «принесена бысть доска оконечная гроба Господня Дионисьемъ, (котораго) послать бо бѣ Мирославъ». Что такое доска оконечная, это объясняетъ игумень Даниль въ своемъ паломникѣ, когда говорить (гл. III), что лавица, на которой лежало тѣло Спасителя, покрыта мраморными досками и что для цѣлованія святаго камня на сторонѣ (въ мраморной доскѣ) продѣланы три оконца. Такъ какъ неизвѣстно мѣсто, куда принесена была доска, то само собою подразумѣвается, что неизвѣстна и ея дальнѣйшая судьба.

Въ 1197-мъ году вел. кн. Всеволоду Юрьевичу, по христіанскому имени Дмитрію, принесены были изъ Солуни дска гробная св. Дмитрія, мура непрестанно точившая на здравіе немощнымъ, и сорочка того же мученика, и положены были великимъ княземъ въ созданной имъ во Владимирѣ церкви св. Дмитрія (соборѣ, о которомъ выше стр. 322) ¹⁾. Въ настоящее время, если не ошибаемся, нѣтъ въ церкви ни доски, ни сорочки.

Въ 1211-мъ году Новгородецъ Добрыня Ядрейковичъ, послѣдующій архіепископъ Новгородскій Антоній, привезъ съ собою изъ Константинополя «гробъ Господень» ²⁾, т. е., какъ нужно думать, модель гроба Господня, о которой не имѣется дальнѣйшихъ свѣдѣній.

Въ 1218-мъ году епископъ Полоцкій (Николай, родомъ Грекъ) принесъ вел. кн. Константину Всеволодовичу нѣкоторую часть страстей Господнихъ (подъ которыми должно разумѣть частицы вещей, относящихся къ страданію Спасителя,—тернового вѣнца, трости, губы ³⁾ и пр.), мощи мученика Логгина сотника, именно—обѣ его руки, и мощи св. Маріи Магдалины, которыя были положены вел. княземъ въ упомянутой выше церкви (соборѣ) св. Дмитрія ⁴⁾ и которыхъ въ настоящее время, если не ошибаемся, также нѣтъ въ церкви.

Объ епископѣ Ростовскомъ Кириллѣ 2-мъ, занимавшемъ каяедру съ 1231-го по 1262-й годъ, говорится въ лѣтописи, что онъ между прочимъ внесъ въ свою соборную церковь многія мощи святыхъ въ ракахъ прекрасныхъ ⁵⁾. Должно тутъ разумѣть мощи неизвѣстныхъ

¹⁾ Лаврент. лѣт. подъ 1197 и 1212 годами, 2 изд. стрр. 393 и 415.

²⁾ Новгородск. 1-я лѣтопись подъ 1211-мъ годомъ.

³⁾ Эти части страстей Господнихъ приносины были въ Россію не одинъ разъ, см. 1-й пол. II тома настоящей И. Р. Ц. стрр. 333 прим. и 371 прим..

⁴⁾ Лаврентьевск. лѣт. подъ 1218 г., 2 изд. стр. 419.

⁵⁾ Лаврентьевской, подъ 1231-мъ годомъ, 2 изд. стр. 435 fin..

греческихъ святыхъ, которыя такъ или иначе были получены епископомъ изъ Греціи ¹⁾).

IV.

Частное богослуженіе.

Частное богослуженіе составляютъ существующія въ православной церкви молитвенныя послѣдованія, совершаемыя по разнымъ частнымъ и временнымъ нуждамъ людей, имѣющихъ потребность въ нихъ или для самихъ себя, или для принадлежащихъ имъ мѣстъ и предметовъ. Сюда относятся: послѣдованія всѣхъ таинствъ, за исключеніемъ таинства причащенія, которое соединено съ общественнымъ богослуженіемъ — литургіей, послѣдованіе погребенія умершихъ, заложение и освященіе храмовъ, разнаго рода молебныя пѣнія и молитвословія людямъ (болящимъ и скорбящимъ, здравующимъ и радующимся), въ мѣстахъ и надъ предметами (для освященія тѣхъ и другихъ).

Въ древнее время, такъ же, какъ и теперь, послѣдованія частныхъ службъ были соединяемы въ одну книгу, которая у Грековъ называлась и называется *Εὐχολόγιον*, что значитъ молитвословъ, а у насъ теперь называется требникомъ. Названіе требникъ, происходящее отъ слова треба, взятаго или въ общемъ значеніи сего послѣдняго — потребное, нужное, или въ частномъ богослужебномъ значеніи, которое было усвоено ему язычествомъ, нѣтъ сомнѣнія, ведетъ свое начало отъ древняго времени. Но въ древнее время, какъ нужно думать, оно было названіемъ простонароднымъ; другимъ же названіемъ, не простонароднымъ, было близкое къ греческому—молитвенникъ ²⁾).

Отъ періода домонгольскаго не сохранилось до настоящаго времени ни одного требника. Поэтому ни одного послѣдованія частныхъ службъ мы не можемъ представить въ томъ именно видѣ, какой онѣ имѣли въ періодъ домонгольскій. Обращаясь къ древнѣйшимъ дошедшимъ до насъ и слѣдовательно ближайшимъ къ періоду домонгольскому требникамъ, находимъ: во-первыхъ, что послѣдованія, представляя въ

¹⁾ Что и отъ папы еще разъ послѣ св. Владимира получены были мощи, см. 1-й пол. тома стр. 597 нач..

²⁾ Нифонтъ у Кирика въ Вопрошаніи: поступать съ новокрещеннымъ «якоже въ молитвеницѣ кажетъ» (какъ въ требникѣ указано), — у *Калайд.* стр. 183, у *Павл.* col. 36; см. еще въ Ипатск. лѣт. подъ 1288 г., 2 над. стр. 609 и 610.

существомъ своемъ тоже самое, что и нынѣшнія, болѣе или менѣе разнятся отъ нынѣшнихъ частностями; во-вторыхъ, что онѣ не представляютъ совершеннаго единообразія сами между собою, но больше или меньше разнятся по спискамъ тѣми же частностями. Иначе сказать, находимъ тоже самое, что и въ службахъ общественныхъ.

Относительно частныхъ службъ мы сдѣлаемъ здѣсь то, что—во-первыхъ, изложимъ въ систематическомъ порядкѣ (насколько онъ возможенъ) касающіяся ихъ правила, читаемыя въ нашихъ каноническихъ сочиненіяхъ періода домонгольскаго, а отчасти правила и позднѣйшихъ сборниковъ, носящія признаки древности или дающія право заключать къ ней; во-вторыхъ, въ тѣхъ изъ сихъ службъ, которыя имѣютъ такъ сказать бытовую сторону,—соединены съ бытовыми обычаями (крещеніе, бракъ), мы укажемъ, сколько позволяютъ свѣдѣнія, сіи послѣднія, и наконецъ, въ-третьихъ — вообще нѣсколько ихъ комментируемъ¹⁾. Въ числѣ таинствъ мы скажемъ и о причащеніи, а именно — приведемъ касающіяся его правила, которыя читаются въ каноническихъ сочиненіяхъ.

Крещеніе.

Относительно мѣста совершенія крещенія митр. Георгій предписываетъ, чтобы оно не было совершаемо въ домовыхъ церквахъ, а только въ однѣхъ приходскихъ: «аще церковь у кого будетъ въ дому, достоитъ въ ней пѣти литургія, а дѣтати въ ней не крестити, но въ соборнѣй церкви» (§ 79; соборная церковь — въ смыслѣ приходской церкви).

Правила соборовъ Трульскаго (31-е) и Двукратнаго (12-е) дозволяютъ совершать крещеніе въ домовыхъ церквахъ подъ условіемъ, чтобы это было съ вѣдѣнія мѣстнаго епископа²⁾. Это дозволеніе подтверждаетъ и импер. Левъ философъ въ одной изъ своихъ новеллъ³⁾. Но патріархъ Константинопольскій Алексій своимъ соборнымъ опредѣленіемъ 1029 г. совсѣмъ запретилъ совершать крещеніе въ домо-

¹⁾ А за свѣдѣніями о нихъ какъ именно о чинопослѣдованіяхъ церковныхъ можно обращаться въ указанному выше сочиненію г. *Одичова* Порядокъ общественнаго и частнаго богослуженія въ древней Россіи до XVI вѣка (СПб. 1881).

²⁾ Правило Трульскаго собора 59-е, повидимому противорѣчащее указанному, Зонара толкуетъ такъ, что оно разумѣетъ совершеніе крещенія безъ вѣдома епископа,—у *Ралли и П.* II, 439.

³⁾ Въ *Ius Graeco-Romanum Casarię*, III, 87.

выхъ церквахъ ¹⁾). Нѣтъ сомнѣнія, что митр. Георгій и повторяетъ именно указъ патр. Алексія.

У насъ въ Россіи правило каноническое о совершеніи крещенія не иначе какъ въ церкви приходской или домовою, по отдаленности деревень отъ сель и по невозможности вслѣдствіе этого иныхъ большихъ младенцевъ приносить въ церковь, нѣтъ сомнѣнія, было нарушаемо съ самаго древняго времени. Весьма вѣроятно, что и происекшее отсюда злоупотребленіе, — обычай крестить дѣтей вмѣсто церкви на домахъ безъ дѣйствительной нужды, восходитъ также къ отдаленной древности (въ семъ случаѣ мы такъ сказать возвратились къ первоначальной древности, когда крещеніе совершалось не въ церквахъ и не при церквахъ въ крещальняхъ, а на рѣкахъ и вообще на естественныхъ водныхъ источникахъ).

Митрополитъ Георгій дозволяетъ совершать крещеніе въ монастыряхъ: «въ монастыри достоитъ дѣтя крестити» (§ 51), причемъ, конечно, подразумѣваетъ случаи нужды и не хочетъ сказать того, чтобы оставлялось на волю родителей — крестить въ приходской церкви или въ монастырѣ.

О времени крещенія младенцевъ митр. Іоаннъ пишетъ въ своемъ Правилѣ: «относительно здоровыхъ дѣтей святые отцы опредѣляли ждать трехлѣтія, или и немного менѣе либо немного болѣе сего; на внезапные же смертные случаи находимъ это время ограниченнымъ и кратчайшимъ срокомъ: для весьма больныхъ дѣтей мы нашли опредѣленнымъ восьмой день или не много болѣе сего; а чтобы такіе младенцы ни въ какомъ случаѣ не умерли не свершонными, то должно крестить больное дитя, въ какой бы день или часъ не належала опасность смерти» ²⁾). Относительно больныхъ дѣтей согласно съ митр. Іоанномъ предписываетъ и митр. Георгій: «аще дѣтя умирати начнетъ, омыше не ждати ни единаго дни» (§ 63).

Трехлѣтнюю отсрочку для крещенія здоровыхъ дѣтей назначаютъ древніе святые отцы, именно — Григорій Богословъ, котораго митр. Іоаннъ буквально повторяетъ въ своемъ Правилѣ ³⁾). Но въ позднѣйшее время были приняты гораздо кратчайшіе сроки: императоръ Левъ философъ въ одной изъ своихъ новеллъ предписываетъ крестить здоровыхъ дѣтей въ 40-й день, а желающимъ не запрещаетъ и въ 8-й ⁴⁾).

¹⁾ У *Ралли и П.* V, 31 sub fin..

²⁾ Греческій подлинникъ, съ котораго нашъ русскій переводъ, въ *Запискахъ Академіи Наукъ*, т. XXII, кн. 2, приложж. стр. 5.

³⁾ См. *ibid.* стр. 17, примѣчаніе издателя подлинника *А. С. Павлова*.

⁴⁾ Въ *Ius Graeco-Romanum Casarię*, III, 91. Петръ хартофилаккъ въ

Какъ было у насъ въ семь отношеніи въ періодъ домонгольскій, это даютъ знать житія святыхъ, именно—было такъ, что въ 8-й день нарекали имя, а въ 40-й крестили. Несторъ въ житіи преп. Θεодосія пишетъ: «въ осмый день принесоста (дѣтище) къ святителю Божію, якоже обычай есть крестьяномъ, да имя дѣтищу нарекутъ... таче же, яко и минуша 40 дній дѣтищу, крещеніемъ того освятиша». Тоже самое пишетъ Ефремъ въ житіи преп. Аврамія Смоленскаго.

Относительно крещенія въ великій постъ у митр. Георгія читаемъ: «въ постъ ни человекъ (взрослый) ни дѣтина не крестится, ни страстныя недѣля, но въ вербную субботу Лазареву и въ великую субботу, аще ли боленъ будетъ, да крестити ѿ (§ 78). На чемъ основано это предписаніе митр. Георгія, не знаемъ; Вальсамонъ изъ соображенія правилъ церковныхъ выводитъ то заключеніе, что въ постъ крещеніе не должно быть совершаемо въ простые дни недѣли, но можетъ быть совершаемо въ субботы и воскресенья ¹⁾. Подобнымъ образомъ и на славянскомъ языкѣ читается правило, принадлежащее неизвѣстному (и неизвѣстнаго времени): «въ говѣно крестити дѣти въ субботу да въ недѣлю», съ прибавленіемъ: «аще болно будетъ, да крестятъ томъ часѣ, егда родится» ²⁾.

Относительно формы крещенія у Кирика читаемъ правило, данное епископомъ Саввой: «полови, крестяще дѣта, къ собѣ лицемъ обратити, аще великъ человекъ погружати его трижды»... (У *Калайд.* стр. 198, у *Паал.* col. 55). Предписывая трехкратное погруженіе при крещеніи только взрослыхъ, но не дѣтей, епископъ, очевидно, допускаетъ и подразумѣваетъ какъ бывшую въ обычаѣ и другую форму крещенія послѣднихъ, т. е. обливаніе. Относительно этого обливанія, а не погруженія, всѣхъ вообще, а не однихъ больныхъ, младенцевъ, въ нѣкоторыхъ позднѣйшихъ требникахъ читаемъ: «аще младенецъ есть убо крещаемый, и посажаетъ его долѣ въ крестильници, водѣ сущи, и по шію куплетъ (погружаетъ), придержива лѣвою рукою, десною (же) рукою пріимъ теплую воду возливаетъ на главу его, занеже младенцу слабу сущу блюстися залитіа» ³⁾.

своихъ каноническихъ отвѣтахъ, писанныхъ въ 1092 г., на вопросъ: «въ какое время должно быть крестимо дитя», даетъ отвѣтъ: «если больно, то нѣтъ срока, но крестится тотчасъ; если же здорово, то спустя 40 дней (послѣ рожденія)»,—у *Ралли и П.* V, 369.

¹⁾ У *Ралли и П.* IV, 489, 'Ерѡт.—'Апѡкр. 57 (Πηδάλ. примѣч. къ 48 пр. Лаодик. соб.).

²⁾ Волокол. ркп. Моск. Д. Акад. № 566, л. 154 об..

³⁾ Опис. Синод. ркп. *Горск. и Невостр.* № 358 л. 171 и № 377 л. 50.

Относительно формы отрицанія отъ сатаны у Кирика читаемъ: «отрицаясь отъ сатаны должно поднимать руки вверхъ и сказать пять разъ: нѣтъ у меня твоего зла, ничего не скрыто у меня, нигдѣ не держу и не таю» (у *Калайд.* стр. 182, у *Павл.* col. 35) ¹⁾.

У того же Кирика читается наставленіе священнику, что онъ, хотя погружать крещаемого въ водѣ, долженъ завить себѣ руки, чтобы не замочились оцѣстья или концы рукавовъ его одежды, а также и пелена, т. е. та пелена, на которую принимаетъ отъ него младенца воспріемникъ (у *Калайд.* стр. 181, у *Павл.* col. 33; въ старое,—а нѣтъ сомнѣнія и въ древнее, время эта пелена связывалась концами и надѣвалась на шею воспріемнику, а младенецъ въ нее влагался) ²⁾.

Относительно того случая, если крестящій священникъ хочетъ быть и крестнымъ отцомъ, у митр. Георгія читается: «если священникъ крестящій хочетъ быть и отцомъ воспріемнымъ, то пусть привяжетъ честный платъ къ иконѣ и положить въ него дитятю; а когда нужно будетъ нести дитятю на великомъ выходѣ, то прикажетъ нести другому вмѣсто себя, также и къ причастію поднесетъ тотъ, кому велить» (§ 60). Первые слова этого наставленія о вложеніи священникомъ дятати въ привязанный къ иконѣ платъ (т. е. платъ—пелену, о которой сейчасъ выше), какъ будто должно понимать такъ, что священникъ положить въ него дитя, когда кончитъ крещеніе и приступитъ къ совершенію литургіи, прежде которой—подразумѣвается—совершенно крещеніе (и что во время самаго крещенія онъ имѣетъ платъ съ положеннымъ въ него младенцемъ на своей шеѣ) ³⁾. Что касается до ношенія новокрещеннаго дитяти на великомъ выходѣ, то въ нѣкоторыхъ позднѣйшихъ требникахъ относительно сего читаемъ: «если будетъ тогда (въ день крещенія) литургія (прежде которой — подразумевается — со-

О греческомъ способѣ крещенія младенцевъ (всѣхъ, а не больныхъ только) чрезъ такое именно погруженіе, какое предписывается требниками, т. е. чрезъ троекратное погруженіе тѣла безъ головы и чрезъ троекратное возліаніе воды на голову, см. въ моей статьѣ: «Къ нашей полемикѣ съ старообрядцами», напечатанной въ I кв. Чтеній Общества Исторіи и Древностей за 1896-й годъ, стр. 25.

¹⁾ Сfr Опис. Синод. респ. № 347 л. 9 и № 371 л. 101 об.

²⁾ Въ Синод. требникѣ XVI в., по Опис. *Горск.* и *Невостр.* № 377 л. 50: «и синдона связавъ оба угодная (угольная?) конца, возлагаетъ на выю куму»; то же въ Стоглавѣ гл. 45, Казанск. изд. стр. 216.

³⁾ О совершеніи крещенія передъ литургіей за тѣмъ, чтобы новокрещенное дитя въ самый день крещенія могло быть приобщено, сfr въ Пидальонѣ къ 31 пр. 6-го всел. соб. прим. 2.

вершено крещеніе), то предносятъ новокрещеннаго со свѣчами на великомъ выходѣ, а если крестившійся совершенный человекъ, то самъ идетъ на выходѣ впереди служащихъ, держа въ обѣихъ рукахъ по свѣчѣ¹⁾. По Сумеону Солунскому, со свѣчами и пѣніемъ стиха: «Елицы во Христа креститесь» провожали новокрещеннаго въ домъ²⁾, а по нашимъ сейчасъ указаннымъ требникамъ онъ долженъ былъ приходить съ ними въ церковь на всякую службу въ теченіе семи дней до разрѣшенія отъ одеждъ крещальныхъ³⁾.

Ничего нѣтъ въ каноническихъ сочиненіяхъ нашихъ періода домонгольскаго относительно числа воспріемниковъ при крещеніи. Но въ Греціи считалось правильнымъ то, чтобы ихъ было не по двое и не по нѣскольку (какъ первое у насъ въ настоящее время постоянно, а второе весьма не рѣдко), а по одному — мужчина у дитяти мужскаго пола и женщина у дитяти женскаго пола. Въ позднѣйшее время находимъ неоднократное подтвержденіе этого правила и у насъ въ Россіи⁴⁾.

Въ Греціи съ древняго времени установился обычай, остающійся и до сихъ поръ, чтобы всѣхъ дѣтей извѣстныхъ родителей крестили одни и тѣ же воспріемники⁵⁾. Было ли у насъ такъ же, указаній не знаемъ (у Сербовъ доселѣ такъ же, какъ у Грековъ).

Относительно того, должно ли разрѣшать больнаго младенца, находящагося въ опасности смерти, отъ одеждъ крещальныхъ ранѣе 8-го дня, у Кирика читаемъ: «если кто скажетъ: разрѣши скорѣе, чтобы такъ (въ одеждахъ крещальныхъ) не умерло больное дитя, то отвѣчай: развѣ худо, что станетъ такъ предъ Богомъ, нося неповрежденную Христову печать, — я бы радъ былъ, если бы со мной такъ было» (у *Калайд.* стр. 183, у *Павл.* col. 36).

¹⁾ Опис. Синод. рукоп. № 347, замѣч. передъ л. 128.

²⁾ De sacramentis, гл. 67, у *Мина* въ Патр. t. 155, p. 233 sub fin..

³⁾ Опис. *ibid.*

⁴⁾ Одна извѣстная намъ записъ, читаемая въ лѣтописи, даетъ знать, что у князей нашихъ періода домонгольскаго было въ семь отношеній такъ, какъ слѣдуетъ по правильному; въ Ипатск. лѣт. подъ 1178 г. fin., 2 изд. стр. 415: «родися у великаго князя Всеволода четвертая дчи и нарекоша ѳия во святѣмъ крещеніи Полагья (sic), а княже Сбыслава; и крести ю тетка Олга».

⁵⁾ О древнемъ времени см. у *Раали и П.* V, 380 (когда отсутствуетъ мужъ, начавшій воспринимать въ извѣстномъ домѣ дѣтей, — крестившій перваго сына, то вмѣсто него приглашается его жена).

О дѣтскомъ крещальномъ головномъ покровѣ—кукульѣ ¹⁾ нѣкоторые требники говорятъ: «священникъ возлагаетъ на главу младенцу (по остриженіи его власовъ) куколь, той есть именуется вѣнецъ,—сошвена камочка (камка) червлена или крашенина сина, и вышито на немъ три крестика; то есть одѣяніе главъ, и держитъ то священникъ въ церкви ²⁾, и снимаетъ съ младенца послѣ отпуста священія» ³⁾.

Относительно того случая, когда неизвѣстно — крещенъ или не крещенъ младенецъ, въ Вопросаніи Кириковомъ предписывается: «если не будетъ свидѣтеля крещенію, то должно крестить» (у *Калайд.* стр. 203, у *Павл.* col. 62).

На вопросъ: если дитя по болѣзни будетъ крещено ранѣе 40 дней и если нельзя будетъ найти для него кормилицы, то можно ли кормить его самой матери (которая въ продолженіе этихъ 40 дней остается нечистою), митр. Іоаннъ отвѣчалъ, что можно и должно, «ибо — говорить—лучше (ему) какимъ бы то ни было образомъ жить, нежели отъ излишняго тѣанія (въ соблюденіи правилъ) умереть» (κρείττον γὰρ ὀπωδῆποτε ζῆσαι, ἢ διὰ τὴν πολλὴν ἀκρίβειαν θανεῖν) ⁴⁾.

Находимъ нѣкоторыя правила относительно крещенія взрослыхъ, случай котораго въ періодъ домонгольской могли быть довольно часты.

Въ Вопросаніи Кириковомъ взрослыхъ повелѣвается крестить, какъ мы указали выше, въ три погруженія: «если (крещаемый) будетъ взрослый человекъ, то погружать его трижды и три креста сотворить (въ водѣ) по порядку» (у *Калайд.* стр. 198, у *Павл.* col. 55).

Въ томъ же Вопросаніи Кириковомъ читается наставленіе относительно оглашенія взрослыхъ, готовящихся къ крещенію: «Болгарину, Половчину, Чюдину передъ крещеніемъ 40 дней поста, а изъ церкви выходить (имъ) отъ (литургіи) оглашенныхъ; Славянину (тоже самое) въ продолженіе 8 дней, а молодому отроку (тому же Славянину) прямо крещеніе, а если бы поготовился нѣсколько дней, то было бы гораздо лучше. А молитвъ огласительныхъ четыре, а говорятся по 10 разъ»

¹⁾ Κουκοῦλλιον, κουκοῦλλα, κουκοῦλα (*Дюк. Gloss. Graecit.*) изъ латинскаго cuscullus — болпакъ, колпачекъ, чепчикъ (у Ювенала nocturni cusculli — ночные колпаки, *id. Gloss. Latin.*).

²⁾ Т. е. этотъ (эдакій) куколь священникъ имѣетъ всегда въ церкви вѣстѣ съ другими вещами, относящимися къ богослуженію, для надѣванія на крещаемыхъ дѣтей.

³⁾ Опис. Синод. ркп. № 358 л. 184, срѣ *проев. Макарія* Археологическое описаніе церковныхъ древностей въ Новгородѣ, II, 357.

⁴⁾ Записокъ Акад. Наукъ т. XXII, кн. 2, прилож. стр. 6.

(т. е. каждая изъ нихъ въ продолженіе дней оглашенія — 40 или мѣнѣе—должна быть прочитана надъ оглашеннымъ 10 разъ,—у *Калайд.* стр. 180 *fin.*, у *Павл.* col. 33). Чѣмъ объяснить рѣзкое различіе, дѣлаемое между инородцемъ и Славяниномъ или Русскимъ, не совсѣмъ ясно. Вѣроятно предполагалось, что инородца язычника гораздо труднѣе научить начаткамъ христіанской вѣры, чѣмъ язычника Русскаго, который, живъ прежде среди христіанъ, могъ пріобрѣсти уже нѣкоторыя предварительныя о ней понятія. Очень можетъ быть также, что имѣлось въ виду и то соображеніе, чтобы слишкомъ большою продолжительностію пріуготовленія не отталкивать Русскихъ, еще остававшихся въ язычествѣ, отъ принятія христіанства ¹⁾).

Въ томъ же Вопросаніи Кириковомъ читаемъ нѣкоторыя правила относительно особенныхъ случаевъ, могущихъ встрѣтиться при крещеніи взрослыхъ: «если крестишь взрослога человѣка и будетъ ему соблазнъ въ продолженіи 8 дней послѣ крещенія, то дать ему причастіе (къ которому онъ — подразумѣвается — долженъ былъ приступать въ продолженіе 8 дней ежедневно), но онъ не долженъ мыться, а только сотворить поклоны. А если женщинѣ, готовящейся къ крещенію, случится обычное женское, то крестить, когда очистится. Если женское явится въ продолженіи 8 дней послѣ крещенія, то не разрѣшать (отъ одеждъ крещальныхъ въ восьмой день, а) пока не очистится; разрѣшить (когда очистится), давши причастіе, но не мыться ей въ тотъ день, а только священникъ отретъ ей губою лице, какъ сказано въ требникѣ («яко въ молитвеници кажетъ»,—у *Калайд.* стр. 183, у *Павл.* col. 35).

Относительно женщинъ родящихъ и домовъ, въ которыхъ онѣ родили, находимъ слѣдующія правила:

Мать крестимаго дитяти въ продолженіе 8 дней (послѣ крещенія до его измовенія и разрѣшенія отъ одеждъ крещальныхъ) не должна ѣсть ни мяса, ни масла (митр. Георгій § 46, сѣгъ въ Описаніи Синод. ркш. № 358, л. 184 *fin.*). Но если она больна и не можетъ поститься, то не принуждается къ строгому посту, который бы могъ подвергнуть опасности ея жизнь (Митр. Іоаннъ,—въ Запискахъ Акад. Н. XXII, 2, стр. 17).

Женщина родившая не должна входить въ церковь въ продолженіе 40 дней (Вопрошаніе Кириково, у *Калайд.* стр. 181, у *Павл.* col. 33).

¹⁾ Греческіе гражданскіе законы какъ будто менѣе требовательны относительно пріуготовленія къ крещенію язычника-Грека, чѣмъ Самарянина,—у *Ралли и Ш.* I, 121, Кѣіѣнов.

Въ комнату, въ которой женщина родить дитя, не должно входить въ продолженіи трехъ дней, потомъ вымоютъ ее вездѣ и сотворятъ молитву, которую творять надъ осквернившимся сосудомъ, — въ тогда входятъ (Вопрошаніе Кириково, у *Калайд.* стр. 182, у *Павл.* col. 34).

Въ періодъ домонгольскій Русскіе имѣли обычай носить по три имени—по два христіанскихъ и по одному народному. Народныя имена назывались русскими, мірскими, прозваніями или прозвищами, а у князей еще княжескими (Владимиръ Мономахъ о самомъ себѣ въ своей грамотѣ: «азъ худый, дѣдомъ своимъ Ярославомъ нареченный въ крещеніи Василій, русьскимъ именемъ Володимиръ»; Ипатск. лѣт. подъ 1151 г.: у князя Святослава Олеговича родился сынъ «и нарекоша имя ему въ святомъ крещеніи Георгій, а мірскій Игорь», см. еще ту же лѣтопись подъ 1187 г., 2 изд. стр. 443 нач.; Лаврент. лѣт. подъ 1213 г.: «родися сынъ Георгію князю и прозваша и Всеволодъ, а въ святомъ крещеніи нарекоша имя ему Димитрій», см. еще Ипат. лѣтопись подъ 1198 г.: «Ефросѣнья, а прозваньемъ Изморагдъ»; та же лѣтоп. подъ 1177 г., 2 изд. стр. 409 нп.: «родися у Игоря сынъ и нарѣкоша ему имя въ крещеньи Андрѣанъ, а княжее Святославъ», см. еще той же лѣт. 2 изд. стрр. 386, 415, 456). Обычай носить народныя имена былъ не только частнымъ княжескимъ, но и общимъ всего народа ¹⁾. Онъ оставался до самаго конца періода; впрочемъ князей съ одними христіанскими именами безъ народныхъ встрѣчаемъ съ древняго времени (Илія, сынъ Ярослава, † 1020 г.), а постепенно начинаетъ прибывать число ихъ съ начала XII вѣка (остается впрочемъ тутъ вопросомъ, какъ понимать дѣло: такъ ли, что князья, которые въ лѣтописяхъ называются по христіанскимъ именамъ, не имѣли народныхъ, или такъ, что они имѣли эти имена и только почему нибудь, вопреки другимъ князьямъ, называются не по этимъ именамъ, а по христіанскимъ). Что касается до обычая носить по два христіанскихъ имени, то за позднѣйшее время мы имѣемъ многочисленныя свидѣтельства (начиная съ митр. Алексѣя, который въ мірѣ имѣлъ имена Сумеона и Елесеерія и по крайней мѣрѣ до второй половины XVII вѣка);

¹⁾ Въ Вышгородѣ при Ярославі былъ старѣйшина огородниковъ, который «зовемъ баше Ждавъ помирську, а въ крещеніи Микула» (Николай,—въ чудесахъ Бориса и Глѣба); въ Киевѣ въ 1199 г. былъ художникъ-архитекторъ, «во своихъ си пріятельхъ» (называвшійся, бывшій извѣстный подъ) именемъ Милонѣгъ, Петръ по крещенью» (Ипатск. лѣт.); упоминаются (въ лѣтописяхъ) болре съ народными именами: Жирославъ, Жирята, Нѣздла, Судимиръ, Яволодъ и пр.

относительно древнѣйшаго времени отчасти необходимо должно заключать отъ позднѣйшаго, въ которое обычай не могъ явиться, какъ новый, отчасти же имѣемъ и свидѣтельства, хотя не совершенно надежныя: Владимиръ Мономахъ, имѣвшій христіанское имя Василія, по увѣренію Никоновской лѣтописи,—II, 216, имѣлъ другое христіанское имя Андрея; Мстиславу Великому, сыну Владимира Мономаха, кромѣ имени Θεодора, которое онъ носилъ несомнѣнно, однимъ позднимъ сказаніемъ усвоется еще имя Георгія ¹⁾. Одно имя нарекалось священникомъ въ 8-й день по рожденіи, какъ это положено уставомъ крещенія ²⁾, а другое имя, какъ должно думать, было даваемо въ 40-й день при самомъ крещеніи (бывъ нарекаемо тѣмъ же священникомъ, а можетъ быть и самими родителями). Что касается до причины ношенія двухъ именъ, то весьма вѣроятно, что обычай мы ввели не сами, а заимствовали у Грековъ (хотя о послѣднихъ въ семъ отношеніи ничего неизвѣстно), и слѣдовательно—вѣроятно, что у насъ не было никакой причины, а просто воспроизведеніе готоваго примѣра. У Грековъ же обычай могъ ввестись по тѣмъ побужденіямъ, что люди хотѣли находиться подъ покровительствомъ не одного патрона, а двухъ (извѣстно, что на Западѣ и до настоящаго времени носятъ не по одному имени, а по нѣсколькѣ, и иногда довольно по большому количеству именъ) ³⁾.

Въ древнее время, такъ же, какъ и теперь, христіанскія греческія имена болѣе или менѣе передѣлывались у насъ на свой ладъ. При этомъ нѣмныя (а можетъ быть и многія) имена передѣлывались иначе, чѣмъ теперь: Алексѣй—Алекса или Олекса, Андрей—Ядрей, Іоаннъ—Иванъ, но и Янъ, Константинъ—Коснятинъ, Михаилъ—Михаль.

Въ періодъ домонгольскій было у насъ въ обычай употреблять уменьшительныя формы именъ вмѣсто полныхъ. Употреблявшіяся уменьшительныя формы по ихъ нынѣшнему употребленію—не ласкательныя и даже прямо бранныя, однако онѣ употреблялись не съ симъ послѣднимъ намѣреніемъ, а просто въ замѣну формъ полныхъ. Княжна Анна,

¹⁾ Въ сказаніи о построеніи Новгородской церкви Николы Дворищенскаго, см. Археолог. описаніе древностей церковныхъ въ Новгородѣ *проесс. Макарія*, т. I, стр. 256 прим. и т. II, стр. 58. Какъ будто встрѣчалось намъ и вполне достовѣрное свидѣтельство, что Мстиславъ носилъ христіанское имя Георгія; не ругаемся однако, чтобы это было такъ.

²⁾ Новгородская 4 лѣтоп. подъ 1342 г. называетъ это имя «молитвеннымъ».

³⁾ У князей было въ обычай, чтобы внукамъ давать имена дѣдовъ,—Ипатск. лѣт. подъ 1173 г. *фп.*, 1188 г. *sub фп.* и 1192 *фп.*, 2 изд. стрр. 386, 444 нач. и 454 нач..

дочь Всеволода, называлась Янькой (отъ Яна вмѣсто Анна, какъ Янъ вмѣсто Іоаннъ); большая часть князей, носившихъ имя Василя, назывались Васильками (Василько); нѣкоторые князья Владиміры назывались Владимирками; бояринъ Миронъ (посадникъ Новгородскій) назывался Мирошка, бояринъ Прокопій—Прокша.

Въ правленіе Ярослава у насъ совершенно было въ сферѣ таинства крещенія или по отношенію къ нему странное дѣло: въ 1044 г. выкопаны изъ земли и крещены кости братьевъ Владимира—Ярополка и Олега, послѣ чего, какъ бы уже кости людей крещенныхъ и ставшихъ христіанами, положены подлѣ останковъ Владимира въ Десятинной церкви. «Въ лѣто 6552,—пишетъ лѣтописецъ,—выгребоша 2 князя Ярополка и Олга сына Святославля, и крестиша кости ею, и положиша я въ церкви святыя Богородица». Кому принадлежитъ инициатива въ этомъ крайне суевѣрномъ дѣйствіи, не знаемъ; но во всякомъ случаѣ съ совершенною вѣроятностью должно думать, что въ концѣ концовъ вина за него падаетъ не на насъ, а на Грековъ. Обычай крестить кости мертвыхъ или же за мертвыхъ крестить живыхъ (повторяя надъ ними послѣдними крещеніе), явился у Грековъ не позднѣе IV вѣка, когда онъ былъ осужденъ соборно (Карфагенск. соб. пр.—по нашему счету 26, по греческому—въ Пидаліонѣ 25, у *Ралли и П.* 18). Послѣ IV вѣка мы не встрѣчаемъ о немъ извѣстій; но необходимо думать, что онъ у нихъ оставался,—что Ярославъ узналъ про него и что такимъ-то образомъ онъ и воспламенился желаніемъ присоединить своихъ умершихъ дядей къ христіанству (вѣроятно, былъ бы присоединенъ къ христіанству *volens-potens* и самъ Святославъ, если бы его кости не отсутствовали). Если въ 1044 г. былъ въ Кіевѣ митрополитъ и суевѣрное дѣло совершено съ его согласія, то это необходимо будетъ понимать такъ, что иные наши митрополиты-Греки способны были дозволить рѣшительно все (по крайней мѣрѣ въ области суевѣрія); но вѣроятнѣе думать, что въ 1044 г. митрополита въ Кіевѣ не было и что Ярославъ именно и воспользовался его отсутствіемъ, чтобы сдѣлать дѣло, согласіе на которое онъ не могъ рассчитывать получить отъ митрополита.

М у р о п о м а з а н і е .

Таинство муропомазанія требуетъ особой матеріи—св. муро.

Въ продолженіе всего періода домонгольскаго, равно какъ и долгое время послѣ, мы получали св. муро изъ Константинополя отъ па-

тріарха, ибо хотя каждый епископъ имѣеть право освящать его, но нужда и обычай усвоили это право только патріархамъ и даже изъ всѣхъ патріарховъ едва ли не одному патріарху Константинопольскому ¹⁾. Для приготовленія или варенія св. мѹра требуются особое приспособленное мѣсто и особые сосуды, а главное—требуется значительное количество благовонныхъ веществъ, которыя можно достать далеко не вездѣ. Съ другой стороны дѣйствию мѹрваренія желали придать возможно большую торжественность; а этого возможно было достигнуть всего болѣе въ патріархіяхъ, гдѣ оно могло быть совершаемо цѣлыми соборами архіереевъ (находившихся при патріархахъ,— *σύνολος ἐνδημοῦσα*) ²⁾.

Въ нашихъ извѣстіяхъ мы не находимъ совершенно никакихъ указаній, относящихся къ исторіи приобрѣтенія нами мѹра изъ Константинополя ни за древнее, ни за позднѣйшее время ³⁾. Не наши извѣстія даютъ знать, что дѣло было не такимъ образомъ, чтобы мѹро было варимо патріархомъ въ опредѣленные сроки и постоянно было готово въ патріархіи для имѣвшихъ въ немъ нужду, какъ это у насъ теперь, а такъ, что митрополіи, имѣвшія въ немъ нужду, присылали въ Константинополь своихъ уполномоченныхъ, которые должны были купить и представить патріарху потребныя вещества, послѣ чего онъ и совершалъ вареніе ⁴⁾ (со всею вѣроятностію должно подразумѣвать,

¹⁾ Предполагаемъ послѣднее потому, что патріархи по крайней мѣрѣ Болгарскіе не присвоили себѣ этого права и получали мѹро изъ Константинополя, см. посланіе въ Болгарію патр. Константинопольскаго Каллиста отъ 1355 г. въ Acta Patriarchat. Constantinop. *Миклошича* t. I, pp. 440 и 441 (А что въ патріархатѣ Констант. освящали мѹро только патріархъ, см. ib. p. 441 sub fin. и Симеона Солунск., De sacro unguento c. 71, у *Митя* въ Патрол. t. 155, p. 240).

²⁾ Строго говоря, не столько нужда, сколько наклонность патріарховъ создать себѣ изъ этого освященія мѹра привилегію (и статью дохода): каждая митрополія, конечно, могла найти у себя мѣсто для варенія мѹра и каждая изъ нихъ могла, конечно, приобрѣтать вещества нужныя для него; а что до собора архіереевъ, то они (не необходимо нужныя) могли составляться нарочные изъ епископовъ митрополіи.

³⁾ Кромѣ того, что митр. Фотій въ одномъ изъ своихъ посланій во Псковъ пишетъ: «повелѣно есть намъ — православнымъ хрестіаномъ... крещатися во имя Отца и Сына и Святаго Духа и потомъ мазатися святымъ и честнымъ великимъ мѹромъ, еже идетъ изъ Царяграда, по заповѣди Господни утвореное и указаное святыми отци»,—Акт. Ист. I, 68 col. 2.

⁴⁾ См. указанное посланіе въ Болгарію Констант. патр. Каллиста, p. 441 fin. Въ XVI в. мѹро у Грековъ варилось и въ настоящее время варится также не

что за трудъ также нужно было ему платить, и не менѣе вѣроятно, что плата была болѣе или менѣе высокая, особенно съ такихъ митрополій, какъ наша Русская).

Въ настоящее время въ Греціи и у насъ священники, особенно сельскіе, позволяютъ себѣ съ св. муромъ большое злоупотребленіе, а именно—не рѣдко разбавляютъ его елеемъ или точнѣе сказать не рѣдко вмѣсто мюра употребляютъ елей, къ которому прилита капля перваго ¹⁾. Слѣдуетъ думать, что еще обычнѣе было это злоупотребленіе въ древнее темное время, тѣмъ болѣе, что тогда нѣкоторые епископы въ Греціи, а вѣроятно и у насъ, находили возможнымъ допускать его ²⁾.

У Кирика въ Вопросаніи записаны два наставленія относительно того, какія части тѣла помазывать св. муромъ, и именно — по одному наставленію, принадлежащему епископу Новгородскому Нифонту: чело, ноздри, уши, сердце и едину правую руку (у *Калайд.* стр. 181, у *Павл.* col. 33); по другому наставленію, принадлежащему епископу неизвѣстной епархіи Саввъ, — тѣже части и еще уста (у *Калайд.* стр. 198, у *Павл.* col. 55, — изъ чего видно, что въ одно и то же время не было совершеннаго единообразія). Относительно правой руки во второмъ наставленіи прибавлено, что ее нужно мазать «долонь въ знаку» (Въ настоящее время помазуются: чело, очи, ноздри, перси, уши, уста, руки и ноги).

Митрополитъ Кириллъ 3-й въ дѣяніяхъ Владимирскаго собора 1274 года указываетъ на существовавшее отъ неразумія злоупотребленіе, что «муро божественное смѣшивали съ масломъ и такъ мазали

въ опредѣленные сроки и чрезъ весьма большіе промежутки времени: о XVI вѣкѣ см. Сношеній съ Востокомъ т. I, стрр. 124 и 154; о настоящемъ времени въ Пидаліонѣ прим. къ 6 пр. Кареаг. соб. Антоній Новгородскій въ своемъ Паломникѣ сообщаетъ любопытное извѣстіе относительно варенія мюра въ Константинополѣ, что его варили «иконами ветхими, иже не знати святыхъ» (т. е. употребляя такія иконы вмѣсто дровъ,—по изд. *Савваитова* стр. 71; варилось муро, по его указанію, въ самой церкви св. Софіи, съ лѣвой стороны алтаря, *ibid.* Въ Вопросаніи князя Антиоха у св. Аванасія,—1-й пол. тома стр. 887 *fl.*, которое на самомъ дѣлѣ не принадлежитъ св. Аванасію, говорится, что старыя и совсѣмъ повредившіяся иконы Греки сожигаютъ: *Вальха Ketzehistorie*, X, 311).—Симеонъ Солунскій говоритъ, что муро варилось преимущественно въ великую среду (освящаемое въ вел. четвергъ), *ibid.* p. 240, чѣмъ даетъ знать — во-первыхъ, что оно варилось одинъ день, во-вторыхъ, что варилось и не на страстной недѣлѣ.

¹⁾ Откровенныя рѣчи о священникахъ въ сѣмъ отношеніи греческихъ, совершенно идущія и къ нашимъ, см. въ Пидаліонѣ, указ. прим. къ 6 пр. Кареаг. соб.

²⁾ Іоаннъ Китрскій у *Ралли и П.* V, 413 *sqq.*

по всему тѣлу крещаемого». Митрополитъ преподаетъ наставленіе, что муро особо, а масло особо, что послѣднимъ мажутъ «на всѣхъ составѣхъ» послѣ оглашенія, а первымъ послѣ крещенія и именно: чело, очи, уши, ноздри и уста (причемъ митрополитъ ссылается на огласительныя слова Кирилла Іерусалимскаго, — Русск. Достопп. I, 113, у *Павл.* col. 93).

П р и ч а щ е н і е.

Относительно того, какъ часто долженъ приступать къ причастію святыхъ Таинъ благочестивый христіанинъ, у митр. Георгія читаемъ правило: «Подобаетъ достойному причаститься пречистыхъ таинъ по всѣ недѣли святаго поста и въ великій четвертокъ и въ великую субботу и на Пасху и на Вознесеніе Господне и на Сошествіе Св. Духа и въ Петрово говѣнье и на Петровъ день и на святую мученику Бориса и Глѣба и на Преображеніе Господне и на Успеніе св. Богородицы и на Воздвиженіе честнаго креста и въ день св. Димитрія и на Введеніе св. Богородицы и въ день св. Николы и на Рождество Христова и на Крещеніе Господне» (§ 9). Т. е. митр. Георгій предписываетъ достойному христіанину приступать къ причащенію—каждое воскресенье великаго поста, два раза на страстной недѣлѣ и затѣмъ начиная съ Пасхи въ каждый большой годовой праздникъ, а также въ Петровъ постъ.

Извѣстно, что въ первенствующее и древнѣйшее время христіане причащались за каждой литургіей, ибо литургія по своему первоначальному и собственному смыслу есть совершеніе таинства причащенія для присутствующихъ, такъ что присутствовать за ней и не причащаться (когда она именно для причащенія присутствующихъ) есть собственно внутреннее противорѣчіе. Но съ теченіемъ времени людскія лѣдность и нерадѣніе о достойномъ приготовленіи себя къ принятію таинства произвели то, что христіане начали уклоняться отъ слишкомъ частаго причащенія. Сначала было такъ, что люди не желавшіе причащаться не приходили за литургію. Но когда было постановлено церковію правило, чтобы каждый непременно присутствовалъ за литургіей по крайней мѣрѣ черезъ два воскресенья въ третье (собора Сардик. пр. 11, Трулльск. пр. 8), тогда вошло въ обычай не приступать къ причащенію и присутствуя за литургіей. Митр. Георгій въ приведенномъ выше правилѣ, по всей вѣроятности, высказываетъ существовавшія въ его время требованія въ семъ отношеніи Греческой церкви,

которыя остаются неизвѣстными изъ греческихъ источниковъ. Насколько у насъ въ Россіи исполнялись эти требованія въ періодъ домонгольскій, совершенно ничего сказать не можемъ, ибо не имѣемъ на этотъ счетъ никакихъ указаній ¹⁾.

Больныхъ, находящихся при смерти, правила предписываютъ сподоблять причащенія во всякомъ случаѣ, т. е. хотя бы они состояли подъ епитиміей или были тяжкіе грѣшники. Митр. Георгій пишетъ: «Въ смерть достойтъ причащаться всякому человѣку и во епитимьи; ни одному человѣку, крестьяну будущему—мужу или женѣ, малу или велику, молоду и стару, не достойтъ умирати безъ покаянія и безъ причастія святыхъ таинъ ли въ ночь ли въ день» (т. е. потребуеть къ себѣ духовника днемъ или ночью, § id.). Въ Вопросаніи Кириковымъ епископъ Нифонтъ предписываетъ: «аще безъ покаянія былъ будетъ человѣкъ и разболиться на смерть, а оже ся къ тобѣ покаеть добрѣ, да иже аще и вельми грѣшенъ есть, причащеніе дай ему» (у *Калайд.* стр. 186, у *Павл.* col. 40).

Относительно причащенія больныхъ въ церкви у митр. Георгія читаемъ: «трудоватому достойтъ съ здоровыми комкати, святый Василей и Григорей Богословець струны ихъ омываху, ту не гнушавуса ихъ» (§ 84). Это, очевидно, должно понимать такъ, что у насъ здоровые гнушались причащаться вмѣстѣ съ больными.

Относительно причащенія больныхъ на дому, а не въ церкви, у Кирика предписывается нести причастіе безъ ризъ (у *Калайд.* стр. 198, § 14, у *Павл.* col. 55). Самый чинъ сего причащенія «вборзѣ» у того же Кирика излагается такъ: «Благословенъ Христосъ Богъ нашъ, Пресвятая Троице, Отче нашъ, Вѣрую, Вечери Твоей, Слава, стихира Царю небесный, стихира Богородицы, Господи помилуй 40 и молитвы причащенію: и тако дастъ святыхъ даровъ, таже водицы». Затѣмъ прибавляется: «и приготови сосудъ чистъ, да еще възблюеть, влити въ рѣку» (у *Калайд.* стр. 184 fin., у *Павл.* col. 37).

Относительно причащенія бѣсноватаго («аже то взрючуются»,—а если иные бѣснуются) ²⁾ Нифонтъ у Кирика повторяетъ правило Ти-

¹⁾ Единственное указаніе, которое знаемъ, есть то, что вел. кн. Ростиславъ Мстиславичъ причащался каждое воскресенье великаго поста, — Ипатск. лѣт. подъ 1168-мъ годомъ, 2 изд. стр. 363 нач..

²⁾ Взрючатся значитъ собственно падать, см. *Восток.* Слов. подъ сл. взрр-тятся и Опис. Синодд. ркпп. *Горск.* и *Невостр.* Отд. II, 2, стрр. 400 и 672. Поэтому, подъ болѣзнию, вѣроятно, должно разумѣть ту женскую болѣзнь, сопре-

моея Александрійскаго, а именно — что можно причастить его, если онъ не богохульствуетъ. При этомъ Кирикъ сообщаетъ любопытное извѣстіе, что по мнѣнію народному причащеніе бѣсноватаго запечатлѣвало въ немъ болѣзнь ¹⁾ (у *Калайд.* стр. 177, у *Павл.* col. 28—29).

Относительно причащенія челоуѣка, имѣющаго гнойныя раны ²⁾, Нифонтъ отвѣчалъ Кирику, что весьма должно причащать его, ибо—говорить—не этотъ смрадъ отлучаетъ отъ святости и не тотъ, который у иныхъ идетъ изъ устъ, а смрадъ грѣховный (у *Калайд.* стр. 186, у *Павл.* col. 39).

Относительно причащенія больной родильницы митр. Георгій пишетъ: «аще жена, родивши дѣтя, умирати начнетъ, омывше ю дати компаніе, аже къ смерти ей будетъ» (§ 63). Тоже самое говорится у Кирика (*Калайд.* стр. 195, § 2, у *Павл.* col. 51 fin.).

Относительно причащенія новокрещеннаго младенца въ самый день крещенія у Кирика пишется: «крестивъ дѣтя, дать ему причастіе, хотя бы и не было приношено на вечерню или на часы, только бы на обѣдню» (у *Калайд.* стр. 179, у *Павл.* col. 31).

Относительно причащенія новокрещеннаго младенца въ 8-й день по крещеніи или въ день омовенія и разрѣшенія отъ одеждъ крещальныхъ у Кирика читается: «если крестятъ дѣтя и если его, пока не будетъ разрѣшено, не принесутъ (ни однажды) ни на вечерню ни на заутреню или по недосугу или по убожеству или почему нибудь, и дома ничего не будетъ надъ нимъ пѣто, то дать ему причастіе на литургіи, но только та, которая кормитъ дитя—родная мать или кормилица, не должна ѣсть до обѣда, если же поѣстъ, то не давать дитяти причастія, а на обѣдѣ не ѣсть ей ни мяса, ни молока до осьмага дни, но только одной» (той, которая кормитъ, т. е. или матери или кормилицѣ, — у *Калайд.* стр. 185 fin., у *Павл.* col. 39).

Относительно причащенія новорожденнаго крещеннаго младенца и его матери у Кирика читаемъ не совсѣмъ вразумительное: «Подобаеть причащеніе даяти крещеному дѣтяти и матери, аще есть въ покаяніи

вождающуюся падаіемъ, которой страдаютъ такъ называемыя «кликуши» (Вздрючить кого—встрепать кого хорошенько, какъ встрепываетъ болѣзнь женщинъ?).

¹⁾ Въ настоящее время простой народъ такъ думаетъ о брабѣ.

²⁾ «Аже будетъ, рече, челоуѣкъ ижался и гной изыядна (изъ ядна)»... Ядно значить пластырь, прижиганіе, см. Опис. Синодд. ркпп. Отд. II, 2, стр. 201. Слѣдовательно подъ ижался должно разумѣть какую либо операцію, которую челоуѣкъ искусственно вызвалъ гной (какъ это и объясняетъ Востоковъ въ Слов. подъ сл. *Ижатися*).

безъ опитемы ¹⁾ и очистилася дѣтяти ²⁾, аще и съсало есть ³⁾ яко на капищи устьяца (*вар.* накапнати устца). Повели дати съсати такоже и всю о 8 днй. А достояло бы, рече, за 10 лѣтъ, елико днй, даяти причасте» (у *Калайд.* стр. 182 fin., у *Павл.* col. 35).

Относительно причащенія дѣтей въ день Пасхи у Кирика предписывается: «оставить отъ службы въ великую субботу причастіе и дору и давать дѣтамъ въ Пасху послѣ заутрени, послѣ чего (можно имъ ѣсть) сыръ и яйца; если и не были у заутрени, часовъ не пѣтъ имъ ⁴⁾, но прочитатъ молитву и такъ давать причастіе; это—говорить—правило написано для тѣхъ дѣтей, которыя не могутъ утерпѣть до обѣда не ѣвши; если хотятъ причащать осушихъ (грудь младенцевъ), то можно и послѣ того, какъ кормлены грудью» (у *Калайд.* стр. 185, у *Павл.* col. 38). Изъ сего правила видно, что въ день Пасхи имѣли обычай причащать дѣтей. А если причащали дѣтей, то съ вѣроятностію слѣдуетъ заключать, что имѣли обычай причащаться и взрослые ⁵⁾.

Относительно холостыхъ отроковъ блудящихъ у Кирика предписывается давать причастіе на Великій день (Пасху) тѣмъ изъ нихъ, которые чисто сохранили великое говѣніе: если же случилось, что согрѣшили (въ великое говѣніе), то нужно смотрѣть не съ мужней ли женой. И еще: «холостымъ отрокамъ, если соблюдутся отъ блуда надлежащимъ образомъ въ продолженіе 40 дней, хотя и не въ говѣніе, но воздерживаясь отъ мяса и отъ вина, можно дать причастіе» (у *Калайд.* оба мѣста опущены, у *Павл.* col. 41).

На вопросъ: должно ли причащаться въ томъ случаѣ, если наканунѣ ночью случится во снѣ тѣлесное оскверненіе, митр. Георгій отвѣчаетъ правиломъ Тимоѳея Александрійскаго, именно: «если человекъ мыслію прилежалъ похоти женской, то не достоинъ; а если оскверненіе случилось по искушенію діавола, хотящаго симъ отчуждить людей отъ причащенія, то достоинъ» (§ 151).

«Хотяще камкати (причащаться), говоритъ митр. Георгій, того дни

¹⁾ Т. е. если родившая женщина не состоитъ подъ епитиміей духовника.

²⁾ Посредствомъ принятія 40-дневной молитвы.

³⁾ Если и сама (мать, а не кормилица) кормила младенца.

⁴⁾ «Любо си и не были на заутрени, часовъ не пой имъ».

⁵⁾ Въ слѣдъ за приведеннымъ у Кирика еще читается: «Спроситъ я (Нифонта): а если толчетъ яйцемъ въ зубы до обѣдни, и если дѣлаетъ это и взрослый? Если такъ дѣлаютъ дѣти, отвѣчалъ (Нифонтъ), нѣтъ бѣды, пусть причащаются, а если взрослый, то когда потолчетъ однажды, нѣтъ бѣды причащаться, а если много разъ, и дѣлая это не въ забытїи, то нехорошо и ты это запрещай».

не мыться (въ банѣ), ни зноится (потѣть, париться), также и по комканіи» (т. е. и послѣ причащенія въ самый его день,—§ 124).

«У попа своего, говорить онъ же, (достоить) комкати (причащаться) попадаи» (§ 59).

«Надъ мертвецемъ бывши, говорить онъ же, (достоить) комкати» (Послѣ посѣщенія мертвеца можно причащаться,—§ 33).

Относительно причащенія не служащаго священника тотъ же митр. Георгій пишетъ: «Попъ, аще хочеть комкати не служивъ, въ олтари комкаетъ съ попы, фелонъ вложь» (§ 20). Въ Вопросаніи Кирика относительно причащенія не служащаго іеромонаха читается: «аще бы не служилъ, причащатися достоить въ монатъи съ людьми» (у *Калайд.* стр. 179, у *Павл.* col. 31).

Митр. Георгій указываетъ и осуждаетъ какой-то обычай, имѣвшій мѣсто въ отношеніи къ святымъ тайнамъ; но, къ сожалѣнію, рѣчь его остается для насъ не совсѣмъ понятною. Онъ пишетъ: «нелѣпо издолбающимъ влагати святое комканіе, аки отъ меча крыюще, якоже друзин творять, укоръ приносяще Христовымъ тайнамъ» (§ 107).

Относительно приготовленія запасныхъ даровъ для больныхъ митр. Георгій пишетъ: «достоить попомъ вынимати святое Тѣло по вся лѣта въ великій четвергъ и иссушивши держати въ стружцѣ отъ года до года больныхъ дѣля». Сообщая грустный фактъ, что въ Россіи въ семь отношеніи было далеко не исправно, митрополитъ обращается затѣмъ съ увѣщаніемъ къ нашимъ священникамъ и епископамъ: «аще ли того попове не держать и епископы не учать ихъ тому, то вси хотять въ томъ слово воздати за то къ Богу въ день судный,—и митрополиты и епископы и попове, то бо есть велико дѣло, а не исправлено въ Русской землѣ; а Бога дѣля исправите: архіереи, святители! много людей умираеть въ васъ безъ причащенія въ вашемъ ненаказаніи и небреженіи и лѣности и піянствѣ» (§ 10).

Епископъ Нифонтъ у Кирика, отвѣчая на вопросы послѣдняго, не запрещаетъ готовить запасные дары и во всякое время, но говорить, что есть назначенный на то день—великій четвергъ, когда ихъ и должно готовить. Относительно самаго приготовленія говорить, что въ Тѣло должно накапать Крови «ложкою» изъ потира, когда отънимается. Причащая больныхъ, положить дары въ потиръ и прилить не вина и воды, какъ на преждеосвященной литургіи, но одного вина (у *Калайд.* стр. 176 fin., у *Павл.* col. 27—28).

П о к а я н і е.

Въ настоящее время таинство покаянія неразрывно соединено съ таинствомъ причащенія, такъ что приступаютъ и допускаются къ послѣднему не иначе, какъ послѣ предварительной исповѣди. Это не съ древнѣйшаго времени, а съ неизвѣстнаго намъ позднѣйшаго. Въ древнее время обыкновенно приступали къ таинству причащенія съ предварительнымъ внутреннимъ приготовленіемъ и непосредственнымъ исповѣданіемъ грѣховъ предъ Богомъ (какъ это дѣлаютъ въ настоящее время священники, готовясь совершать литургію), къ очищенію же души посредствомъ таинства покаянія передъ священникомъ обращались въ случаяхъ сознанія особенной нужды въ семъ нарочитомъ духовномъ врачествѣ.

Срокъ относительно того, какъ часто приступать къ таинству покаянія, не былъ назначенъ церковію, ибо эти сроки каждому человѣку должна была назначать его собственная совѣсть. Свидѣтельства даютъ знать, что не только въ древнее, но и въ довольно позднее время приступали къ таинству покаянія далеко не каждый разъ, какъ приступали къ таинству причащенія, а сравнительно рѣдко ¹⁾. Впрочемъ, сравнительно рѣдко вовсе не съ тѣмъ, какъ мы къ нему приступаемъ, а съ тѣмъ, какъ часто причащались.

Въ настоящее время у насъ въ Россіи каждый священникъ, приходскій или не приходскій, eo ipso есть и духовный отецъ, имѣющій право принимать на исповѣдь. Не такъ было у насъ, въ слѣдъ за Греціею, въ древнее время, не такъ это въ Греціи и до настоящаго времени; а именно — въ Греціи, а въ слѣдъ за нею у насъ, было такъ, что духовникомъ могъ и имѣлъ право быть никакъ не всякій священникъ eo ipso, а только тѣ нѣкоторые изъ числа священниковъ, которымъ нарочито вручалась епископами власть на это и которые по выбору между ними нарочито поставлялись епископами въ духовники. Греческіе канонисты и толкователи церковныхъ чиновъ и обычаевъ объясняютъ происхожденіе нашего обычая тѣмъ, что право вязать и рѣшать грѣхи людей принадлежитъ епископамъ и что поэтому они и вручаютъ власть духовничества не всѣмъ пресвитерамъ, а только нѣ-

¹⁾ См. каноническіе отвѣты Константинопольскаго хартофилакса Петра (о немъ *Fabric. Biblioth. Graec., ed. Harl., XI, 334*), написанные въ 1092 г., — у Ралли и П. V, 372 fin..

которымъ, какъ бы своимъ нарочитымъ уполномоченнымъ ¹⁾. Съ этимъ однако объясненіемъ вовсе нельзя согласиться. Точно также и совершение таинства евхаристіи или литургіи принадлежитъ собственно епископамъ, ибо презвитеръ ничего не можетъ дѣлать безъ вѣдома епископа (апост. пр. 39). Но если всѣмъ презвитерамъ дается епископами право совершать ее, то точно также всѣмъ презвитерамъ могла бы и долженствовала бы быть вручаема (какъ у насъ въ настоящее время и есть) и власть духовничества. Происхожденіе обычая, ведущаго свое начало отъ древности ²⁾, должно объяснять тѣмъ, что не всякій священникъ можетъ быть духовникомъ (хотя бы имъ и всякій имѣеть право). Таинство покаянія есть духовное врачество; но далеко не всякій священникъ можетъ быть надлежаще искуснымъ врачомъ, способнымъ разсуждать душевныя состоянія кающихся и преподавать надлежащія врачеванія. На этомъ-то основаніи и ввелся въ церкви обычай, чтобы власть духовничества была предоставляема не всѣмъ священникамъ, а только нѣкоторымъ изъ нихъ, которые бы были преимущественно къ сему способны ³⁾.

Это правило предоставлять власть духовничества не всѣмъ священникамъ, а только способнѣйшимъ, съ теченіемъ времени получило въ Греціи въ высшей степени странное приложеніе: священниковъ, способныхъ быть духовниками, стали находить сначала преимущественно, а потомъ и исключительно между монахами, такъ что духовничество стало наконецъ исключительно привилегіею сихъ послѣднихъ,

¹⁾ Вальсамонъ у Ралли и П. III, 45, 93, 311 sqq, 314, IV, 464, 536; Сумеонъ Солунскій De sacris ordinationibus cap. 468, у Миня t. 155, p. 468 (Идальонъ въ примѣч. къ толков. 39 апост. пр.).

²⁾ См. Сократа Церк. ист., кн. V, гл. 19, и Созом. кн. VII, гл. 16.

³⁾ До какой степени даже въ концѣ XI вѣка было придаваемо значеніе тому, чтобы исповѣдь была совершаема не механически, а надлежащимъ образомъ, видно изъ Петра хартофилакса, у котораго читаемъ вопросы-отвѣты: «Хорошее ли дѣло исповѣдывать грѣхи наши духовнымъ мужамъ?—Хорошее и весьма полезное, но не таковыя, которые относительно сего неискусны и невѣжественны, дабы неразумнымъ спихожденіемъ и потворствомъ или безвременнымъ и неразсудительнымъ наложеніемъ епитимій не сдѣлали изъ тебя презрителя или лѣнивца или безстрашника. Итакъ, если найдешь мужа духовнаго и опытнаго, могущаго врачевать тебя непостыдно и съ вѣрою, исповѣдуйся ему, какъ Господу, а не какъ человѣку.—Если же не найду человѣка, къ которому бы имѣлъ довѣріе исповѣдаться, что долженъ дѣлать? — Исповѣдайся наединѣ Богу, осуждая себя и говоря по подобію мытаря: «Боже нашъ, Ты вѣси...» (у Ралли и П. V, 372 fin.).

съ совершеннымъ устраненіемъ бѣлыхъ или мірскихъ священниковъ ¹⁾. Въ XII вѣкѣ, если не ранѣе, дѣло уже было въ такомъ положеніи совершенной крайности. Какъ случилась эта величайшая странность, что монахамъ начали поручать, а потомъ и исключительно предоставили исполненіе пастырской обязанности, рѣшительно противорѣчащей идеѣ монашества, объяснить не легко. Отвѣчая на вопросъ, Вальсамонъ высказываетъ мнѣніе, что это случилось отъ лицемѣрной скромности или стыдливости мірянъ, предпочитавшихъ открывать свои грѣхи монахамъ, а не мірскимъ священникамъ ²⁾. Но едва ли не гораздо вѣроятнѣе думать, что это случилось вслѣдствіе исканій и стараній самихъ монаховъ, которые могли видѣть въ духовничествѣ весьма дѣйствительное средство направлять въ монастыри милостыню людей живыхъ и въ особенности людей умирающихъ ³⁾.

У насъ въ Россіи въ періодъ домонгольской и долгое время послѣ, такъ же какъ въ Греціи, не были духовниками всѣ священники, а только нѣкоторые по избранію и особому назначенію. Но у насъ не доходило до той крайности, чтобы ими были исключительно монахи. Когда мы приняли христіанство, у насъ совсѣмъ не было монаховъ (за исключеніемъ тѣхъ сравнительно весьма немногихъ, которые присланы были изъ Греціи), и слѣдовательно духовничество волей-неволей долженствовало быть поручаемо бѣлымъ священникамъ. Съ теченіемъ времени у насъ явились монахи. Но они весьма долго не являлись въ такомъ числѣ, чтобы ихъ могло быть достаточнымъ для исключительнаго исправленія должности духовниковъ. Какъ бы то ни было, но извѣстія даютъ знать, что у насъ вопреки Греціи (и къ нашей совершенной въ семь случаевъ похвалѣ) были духовниками не одни монахи, а одинаково какъ монахи, такъ и бѣлые священники. Архіепископъ Новгородскій Антоній говоритъ въ своемъ Паломникѣ о Константино-

¹⁾ См. патріарха Антиохійскаго Іоанна De disciplina monastica et de monasteriis laicis non tradendis, у Миня въ Патр. t. 132, p. 1128, и Вальсамона у Ралли и П. II, 69 fin. sqq (Зонара ibid. 535), III, 312, IV, 465.

²⁾ У Ралли и П. II, 70 и III, 312 (въ первомъ случаѣ онъ выражается не ясно, такъ что слова его подали поводъ къ спорамъ между нашими учеными; но онъ совершенно ясно выражается во второмъ мѣстѣ: «думать, что не могутъ принимать помышленія людей всѣ священники, а только священники-монахи, — беззаконно; полагаю, что обычай вошелъ отъ лицемѣрія, и поэтому-то крайне рѣдко, можно сказать—никогда, не пойдетъ кто нибудь открыть свои помыслы къ епископу или священнику, если онъ не монахъ»).

³⁾ Сгѣ ниже въ главѣ о монашествѣ.

полѣ: «Покаяльныхъ отцовъ бѣльцовъ не держать, но инокѡвъ старыхъ и умѣющихъ изучити закону Божію»¹⁾. Греціи, очевидно, тутъ противопоставляется Россія, въ которой былъ обычай держать покаяльныхъ отцовъ и изъ бѣлыхъ священниковъ. Въ нашихъ сборникахъ читаемъ: «чернцамъ у попа у мірянина пріимати годится причастіе святыхъ таинъ, а въ покаяніи не быти у него, но старца многолѣтна держати себѣ духовника»²⁾. Этими словами, очевидно, дается подразумѣвать, что не чернцы или міряне имѣли своими духовниками и священниковъ мірянъ (иначе—это не запрещалось бы чернцу). Еще читаемъ предписание, что «іерей, аще въ старость цѣломудрену доспѣлъ есть», можетъ принимать на исповѣдь, «юній же іерей еще сущи, отнудъ никакоже да смѣетъ пріяти ни едину душу»³⁾... Хотя и монахъ-священникъ есть іерей, но монахи-іеромонахи никогда не называются іереями, а всегда монахами, и несомнѣнно, что тутъ разумѣется мірской священникъ. У Кирика въ Вопрошаніи читается непонятное: «Достоить всякъ родъ пріяти на покаяніе, толико женѣ (жены, жонѣ) не достоить» (*Калайд.* стр. 199, у *Павл.* col. 57). При этомъ непонятномъ, очевидно, должно быть подразумѣваемо опущенное: монаху⁴⁾, и слѣдовательно—для женщинъ духовниками у насъ были исключительно мірскіе священники. Въ дѣяніяхъ Владимирскаго собора 1274 г. читается: «аще кто явится (отъ епископовъ), пострывая мирскаго попа на мздѣ на игуменство»... (*Русск. Достоп.* I, 109 стр., у *Павл.* col. 89). Игуменство въ собственномъ смыслѣ, очевидно, тутъ не можетъ быть разумѣемо; много выше мы говорили, что у Грековъ и въ слѣдъ за ними и у насъ игуменами назывались іеромонахи, жившіе у приходскихъ церквей въ качествѣ духовниковъ; ясно, что это игуменство здѣсь и разумѣется, что оно употреблено въ общемъ смыслѣ духовничества и что приведенныя слова значатъ: если кто изъ епископовъ ставитъ на мздѣ въ духовники мірскаго священника. Наконецъ, въ лѣтописяхъ прямо находимъ примѣры княжескихъ духовниковъ изъ бѣлыхъ священниковъ⁵⁾.

Усвоеніе духовничества монахамъ доходило въ Греціи до стран-

¹⁾ По изд. *Савваит.* стр. 85.

²⁾ Ркп. Московск. Дух. Акад., бывш. Волокол. № 566 л. 6 стр. и об.

³⁾ Ученыхъ Записокъ II Отд. Акад. Н. кн. V, отдѣлъ 3, стр. 25 (*Опис. Бѣлозерск. Сборн.* л. 224).

⁴⁾ Весьма можетъ быть, опущенное нагѣренно монахами-переписчиками.

⁵⁾ *Ипатск. лѣт.*, 2 изд. стр. 362 sub стр. (у вел. кн. Ростислава Мстиславича былъ духовникомъ Семьюнъ попъ, который, какъ мірской священникъ, отговорилъ князя отъ постриженія въ монахи).

наго злоупотребленія, а именно—духовничествовали даже простые монахи, не имѣвшіе священства, и это, какъ кажется, не только самовольно, но и по порученію епископовъ ¹⁾. Было ли и у насъ тоже самое, не знаетъ; но имѣя въ виду наклонность людскую, и особенно монашескую, къ злоупотребленіямъ, не безъ вѣроятности можемъ это предполагать ²⁾.

Въ Греціи дѣло духовничества организовано или устроено такимъ образомъ, что всѣ приходы каждой епархіи раздѣляются на большіе или меньшіе духовническіе округа,—что въ каждый округъ назначается въ духовники іеромонахъ, который постоянно живетъ при одной изъ церквей округа,—что въ посты или вообще во времена, назначенныя для исповѣди, онъ объѣзжаетъ всѣ селенія округа и принимаетъ желающихъ на исповѣдь. Есть основанія полагать, что такъ это съ древняго времени. Есть основанія полагать, что такъ было въ древнее время и у насъ въ Россіи. Наши памятники говорятъ объ игуменахъ, жившихъ у насъ при приходскихъ церквяхъ: очевидно, что подъ игуменами должно разумѣть никого иного, какъ іеромонаховъ, жившихъ на приходахъ духовниками. Впрочемъ, наши правила, которыя приводимъ ниже, даютъ знать, что у насъ дѣло было не такимъ образомъ,

¹⁾ Отвѣты Константинопольскаго собора, бывшаго при патр. Николаѣ Грамматикѣ († 1111), на вопросы монаховъ Аѳонскихъ,—въ Никон. Кормч. гл. 54, вопр.-отвѣт. 14, л. 581 фп.; отвѣты Вальсамона на вопросы Марка, патриарха Александрійскаго, у Ралли и П. IV, 464, 'Ерѳт.-'Аѳѳр. 21; Никифора хартофилакса (XIII в.) къ монаху Θεодосію, *ibid.* V, 399 фп.; Сimeонъ Солунскій *De sacris ordinationibus* с. 249, у Миня въ Патр. t. 155, р. 468 (последній даетъ знать, что духовничество поручалось простымъ монахамъ епископами). Еще: Вальсам. у Ралли и П. III, 311, и Опис. свнодд. ркпц. № 388 л. 378 об. и № 395 л. 269, стр. 321 и 351. Въ Греціи даже игуменія монастырей притязали быть духовницами,—у Ралли и П. IV, 477 (вопр. 37).—Наставленіе патриарха Константинопольскаго митрополиту Угровлахійскому отъ 1401 г., чтобы сей последний поставилъ духовниковъ въ каждомъ селѣ; у *Миклошича* въ *Acta Patriarchat. Const.*, II, 495.—Свидѣтельство, что у насъ жили на приходахъ вмѣстѣ съ священниками іеромонахи духовники (игумены),—Опис. Свнодд. ркпц. № 46, стр. 296 фп..

²⁾ Подъ 1261 г. Ипатская лѣтопись говоритъ, что жители одного города, осажденнаго Татарами, готоваясь къ поголовной смерти, исповѣдывались къ духовникамъ, всякимъ священникамъ и діаконамъ (2 изд. стр. 565). Но тутъ разувѣются не православные Русскіе, а католическіе Поляки, ибо городъ—Судомиръ, нынѣшнему Сендомиръ, на Вислѣ, на половинѣ разстоянія между Краковомъ и Варшавою.

чтобы всѣ міряне извѣстнаго духовническаго округа непремѣнно обязаны были ходить на духъ къ своимъ духовникамъ (чего, вѣроятно, не было и въ Греціи), но что всякій воленъ былъ и помимо ихъ выбирать себѣ въ духовники кого хотѣлъ изъ лицъ, имѣющихъ права духовничества (не имѣя за тѣмъ права оставлять духовника разъ избраннаго).

У насъ въ Россіи духовники были не изъ однихъ монаховъ, но и изъ бѣлыхъ священниковъ; слѣдовательно—въ однихъ округахъ духовниками были первые, въ другихъ вторые. Въ какіе именно округа преимущественно или обыкновенно назначались первые, въ какіе вторые, относительно этого пока мы вовсе не имѣемъ свѣдѣній.

Правила объ исповѣди, читаемыя въ нашихъ каноническихъ сочиненіяхъ домонгольскаго періода, касаются отчасти духовныхъ отцовъ, отчасти казуистическихъ случаевъ, главнымъ же образомъ епитимій, которыя должны быть налагаемы на кающихся.

Если отецъ духовный, пишетъ митр. Георгій, уйдетъ далеко, не передавъ своихъ духовныхъ дѣтей другому, то они сами имѣютъ право искать себѣ другаго духовнаго отца (§ 16).

Если отецъ духовный, пишетъ онъ же, умирая передастъ своихъ дѣтей духовныхъ другому, который имъ нелюбъ, то имѣютъ право сами найти себѣ духовнаго отца, ибо покаяніе дѣло вольное (§ 18).

Если у кого будетъ, пишетъ онъ же, духовный отецъ лютъ или невѣжа, то, отпросившись у него, можетъ идти къ другому каяться, а если не отпустить, то не можетъ самъ оставить его (§ 27). У Кирика относительно сейчасть сказаннаго случая читаемъ слѣдующее наставленіе, преподанное епископомъ Иліей и нѣсколько оригинальнымъ образомъ дозволяющее грѣхъ обмана въ томъ самомъ случаѣ, когда дѣло идетъ объ исповѣданіи грѣховъ: «если кто захочетъ отъ своего духовнаго отца придти къ тебѣ, то скажи ему: отпросись у него; а если онъ не захочетъ гнѣвать своего духовнаго отца, то прими его на исповѣдь тайно и скажи ему: бери у него (духовнаго отца) молитву и дарокъ ему дай, какъ и прежде, а ко мнѣ ходи на духъ тайно и слушай меня, ибо если будешь и у одного и у другаго духовнаго отца однимъ и тѣмъ же, то нѣтъ тебѣ пользы» (у *Калайд.* стр. 202, § 20, у *Павл.* col. 61). Въ наставленіи этомъ не совсѣмъ понятно, чтѣ значить брать у духовнаго отца молитву, которая бы не давала ему подозрѣвать, что его сынъ духовный имѣетъ другаго духовнаго отца.

У митр. Георгія читаются слѣдующія два правила, составляющія отвѣты на вопросы казуистическіе:

Брата роднаго можно принимать на исповѣдь (§ 19).

Мужу съ женой можно каяться у одного духовнаго отца (§ 22).

Покаяніе, смотря по степени грѣховности кающагося, должно сопровождаться большою или меньшею епитиміей, «для заглаженія неправды грѣха и для побѣжденія грѣховной привычки» (Простр. Катих.). Въ древнее время, какъ даютъ знать свидѣтельства, не было дѣлаемо нынѣшняго послабленія и епитиміи были налагаемы на кающихся или обыкновенно или наибольшую частію ¹⁾).

У митр. Георгія и у Кирика въ Вопросаніи говорится объ епитиміяхъ за многіе грѣхи. Не представляя всего, находимаго у нихъ, списка епитимій, чтò было бы безцѣльно, укажемъ особенности.

Относительно человѣка новопокаявшагося, т. е. который никогда не бывалъ на исповѣди и пришелъ въ первый разъ, митр. Георгій предписываетъ: «да хранить епитимью 40 днѣй, ни ядя ни мяса ни масла и по 40 днѣй дати ему въ субботу и въ недѣлю мяса и рыбы» (§ 129).

Относительно наложенія епитиміи на тяжкаго грѣшника у Кирика предписывается: не налагать на него тотчасъ же должной епитиміи, но сначала что либо малое, и когда обучится, то постепенно прибавлять ему, но не отягчать вдругъ (у *Калайд.* стр. 201, § 10, у *Павл.* col. 59).

На вопросъ: какъ поступать въ томъ случаѣ, если человѣкъ будетъ въ большой епитиміи, а соберется въ дальній путь, Кирикъ получилъ отвѣтъ: разрѣшить отъ епитиміи и молитву разрѣшительную дать, но пусть разрѣшенный соблюдаетъ положенную на него заповѣдь; если человѣкъ пойдетъ на войну или разболится, то дать ему причастіе (у *Калайд.* § 11, у *Павл.* col. 59).

Тотъ же Кирикъ спрашивалъ: можетъ ли жена помогать мужу нести епитимію и мужъ женѣ, и получилъ въ отвѣтъ: весьма можетъ по доброй волѣ, ибо какъ могутъ дѣлать сіе другъ другу и братъ брату ²⁾, такъ и супруги между собою» (у *Калайд.* стр. 194 нач., у *Павл.* col. 50).

¹⁾ Покаяніе безъ епитиміи называлось чистымъ, епитимія иначе называлась канономъ, — Описан. Синодд. ркп. *Горск.* и *Невостр.* Отд. III, ч. I, № 374, стр. 177.

²⁾ Въ сборникахъ читается правило: «Аще кто възметъ изду, хотя зань (съ кого взялъ) постытися»... (Волокол. ркп. № 566 л. 125 об.), показывающее, что въ старое время былъ обычай нанимать другихъ нести за себя епитиміи (въ правилѣ предписывается, что нанявшійся постытися столько же долженъ постытися за себя, а взятую изду раздать нищимъ, иначе будетъ осужденъ).

Тотъ же Кирикъ спрашивалъ у епископа Нифонта мнѣнія о написанномъ въ одной найденной имъ заповѣди, что 10 литургій избавляютъ отъ епитиміи 4-мѣсячной, 20 отъ 8-мѣсячной, а 30 отъ годовой ¹⁾. Ему отвѣчено было, что заповѣдь неприемлема, ибо иначе богатые люди только давали бы служить за себя литургіи, а сами бы не отрекались отъ грѣховъ нимаго (у *Калайд.* стр. 189, у *Павл.* col. 44) ²⁾.

У митр. Георгія написано: если кто смѣсится съ женою въ пятницу, въ субботу и въ воскресенье и зачнетъ, то родившійся будетъ или воръ или разбойникъ или блудникъ, а родители да примуть двухлѣтнюю епитимію и поклоны по 100 на день (§ 108). Но когда Кирикъ прочелъ это епископу Нифонту, какъ найденное въ нѣкоторой заповѣди, то епископъ сказалъ, что книги, въ которыхъ пишется подобное, стоитъ сжечь (у *Калайд.* стр. 188 fin., у *Павл.* col. 44).

Между грѣхами, за которые налагаются епитиміи, нѣкоторые указываютъ темныя стороны и пороки нравовъ времени; таковы: убійство или продажа поганымъ челядина (митрр. Іоаннъ и Георгій; по послѣднему, епитимія какъ разбойнику), продажа матерями дѣтей (митр. Георгій), ношеніе женщинами дѣтей на молитву вмѣсто своихъ священниковъ къ латинскимъ, а также ношеніе ихъ въ случаяхъ болѣзни не на молитву къ священнику, а на леченіе къ волхвамъ (Кирикъ), хожденіе 1-го января на коляду по обычаю поганыхъ (митр. Георгій).

(Въ рукописяхъ сохранилось не малое количество чиновъ или послѣдованій исповѣди. Нѣкоторыя изъ этихъ послѣднихъ отличаются такою необыкновенною тщательностію въ перечисленіи видовъ блуда, что человекъ не совершенно развратный и не занимающійся развратомъ специально и такъ сказать научно объ очень многихъ изъ сихъ видовъ только и узнаетъ изъ подобныхъ послѣдованій. Вина за эти, истинно соблазнительныя послѣдованія, представляющія собою источникъ къ изученію византійскаго разврата ³⁾, никоимъ образомъ не должна быть возлагаема на церковь, какъ на таковую. Послѣдованія составлены разными частными духовниками и не получали ни малѣйшей апробаціи церкви. Между духовниками, нѣтъ сомнѣнія, пользовались особою сла-

¹⁾ Читается это въ Синод. ркп. по Опис. *Горск. и Невостр.* № 374 л. 260 об., въ Волокол. ркп. № 566 л. 481.

²⁾ Въ одной ркп. Троицкой Лавры, — № 214 л. 446, правило о пѣніи литургій вмѣсто епитимій усваивается Іоанну Постнику.

³⁾ Который дѣйствительно былъ ужасенъ и о которомъ нѣсколько мы скажемъ ниже.

вой тѣ, которые отличались подробностью разспросовъ на исповѣдн, что принималось за строгость. Это должно было возбуждать между ними соревнованіе какъ можно болѣе отличатся требуемымъ качествомъ, и вотъ — произведенія корифеевъ (воображаемыхъ) по части исповѣди мы и имѣемъ въ нашихъ послѣдованіяхъ. Что касается до людей, мнѣнія которыхъ могутъ быть до нѣкоторой степени принимаемы за выраженіе собственныхъ взглядовъ церкви, то у нихъ находимъ мы совсѣмъ противное. У діакона Петра, хартофилакса Константинопольской церкви конца XI вѣка, по своему сану хартофилакса представлявшаго собою какъ бы уста патріарха Константинопольскаго, въ каноническихъ отвѣтахъ на вопросы неизвѣстнаго, читаемъ вопросо-отвѣтъ: «Исповѣдаясь Богу, долженъ ли я вспоминать и считать всѣ грѣхи, которые сдѣлалъ?—Никоимъ образомъ, и особенно если согрѣшилъ тѣломъ и блудомъ, ибо когда хочешь ты припомнить такой-то и такой-то грѣхъ, оскверняется твоя душа; поэтому, хорошо по подобию мытаря говорить: Боже, милостивъ буди мнѣ грѣшному», — у Ралли и П. V, 373 слп.).

Бракъ (и брачное сожитіе).

Христіанскій бракъ, подобно тому, какъ было въ Греціи и вездѣ, не могъ скоро утвердиться у насъ въ народной массѣ ¹⁾, и со всею вѣроятностію слѣдуетъ думать, что въ семь отношеніи она полуязычествовала болѣе продолжительное время, чѣмъ въ какомъ-нибудь другомъ. Сначала послѣ принятія христіанства оставалось въ своей собственной формѣ и въ своемъ собственномъ видѣ языческое многоженство; затѣмъ, когда совокупными усиліями церкви и государства было уничтожено оно, что впрочемъ случилось весьма не скоро, въ народѣ остался обычай вступать въ браки или брачныя сожитія безъ церковнаго вѣнчанія, произвольно расторгать браки и заключать новые. У митрр. Іоанна и Георгія дается знать, что простой народъ нашъ считалъ церковное благословеніе браковъ назначеннымъ и нужнымъ только для князей и бояръ, для себя находя довольнымъ и одно соблюденіе языческихъ обрядовъ—гудѣніе и плясаніе. Не знаемъ, былъ ли заимствованъ этотъ взглядъ нашимъ народомъ у Грековъ, у которыхъ ко

¹⁾ Въ Греціи христіанскій бракъ не входилъ въ общій и обязательный обычай до конца IX вѣка (не говоря о рабахъ, о которыхъ ниже), см. новеллу импер. Льва мудраго у *Цахаріе* въ *Ius Graeco-Romanum*, III, 185.

временамъ нашего христіанства остался обычай соединять браками безъ церковнаго вѣнчанія рабовъ, или образовался у него самостоятельно; но примѣръ Грековъ въ отношеніи къ этому браку рабовъ даетъ все право предполагать, что своего языческаго обычая народъ держался у насъ весьма долго: въ Греціи обычай соединять браками рабовъ безъ церковнаго вѣнчанія оставался не менѣе, какъ до XIII вѣка ¹⁾.

Относительно вѣнчанія браковъ въ Греціи съ древняго до настоящаго времени было и есть, а у насъ въ слѣдъ за Греціею въ древнее и старое время было такъ, что священники вѣнчали ихъ не иначе, какъ по особымъ каждый разъ (на каждый отдѣльный бракъ) дозволеніямъ епископовъ, выдававшимся письменно (эти записки, содержащія дозволеніе, у Грековъ назывались и называются βούλλα, что значитъ собственно печать, а въ приложеніи къ письменному оффиціальному акту—актъ, снабженный печатью, а у насъ въ старое, а вѣроятно—и въ древнее, время назывались «вѣнечными знаменами» отъ того же значенія слово знамя, что βούλλα, т. е. печать, сfr Слов. Восток. подъ сл. знаменати). Происхожденіе обычая такъ дѣлать греческіе канонисты и толкователи чиновъ и обычаевъ церковныхъ объясняютъ тѣмъ же, чѣмъ — происхожденіе обычая ставить особыхъ духовниковъ. Но дѣйствительной причиной происхожденія обычая должно быть считаемо совсѣмъ другое, а именно — чтобы приходскіе священники по злоупотребленію и по невѣжеству не вѣнчали браковъ въ недозволенныхъ степеняхъ родства (Въ позднѣйшее время вѣнечныя знамена выдавались у насъ не исключительно самими епископами или не исключительно въ ихъ только домахъ ихъ чиновниками, но и чрезъ протопоповъ уѣздныхъ соборовъ. Причиной сего, очевидно, было то, что у насъ, при крайней обширности епархій, обращаться всѣмъ непосредственно къ самимъ архіереямъ было бы весьма затруднительно. А такъ какъ эта причина существовала въ періодъ домонгольскій нисколько не менѣе, а еще значительно болѣе, чѣмъ въ послѣдующее время: то необходимо думать, что такъ было и въ сей періодъ или съ самаго перваго времени).

Въ Греціи обрученія утверждались посредствомъ мѣны енкалпіемъ между женихомъ и невѣстой (или ихъ родителями?), см. у *Дюканжа* въ Gloss. Graecit. подъ сл. Ἐγκάλπιον, также *Миклошича* Acta Patriarchat. Constantinop. I, 485, 496; II, 49, 50, 115, 212.—Браки князей и, вѣ-

¹⁾ У Ралли и П. V, 400 (относительно XI—XII ibidd. 371, 443, и П. 500 fin.).

роятно, людей богатыхъ у насъ, какъ было и въ Греціи, вѣнчали епископы.—Относительно языческаго вѣнчанія, которое болѣе или менѣе долгое время оставалось и въ христіанствѣ (у нѣкоторыхъ), въ одномъ обличительномъ словѣ читается не вполнѣ вразумительное: «благоуханья воня, имже въ лѣсѣ или въ поли вѣнчаются человекѣи и по удесомъ тычются», — въ Лѣтописи занятій Археогр. Комиссіи, вып. 1, статья *Пытина*: «Для объясненія статьи о ложныхъ книгахъ», стр. 31. О чествованіи Славянами язычниками (и двоевѣрцами) на пирахъ свадебныхъ фаллоса см. у *Тихонр.* въ Лѣт. т. IV, Смѣсь, стр. 92.

Правила, читаемыя въ каноническихъ сочиненіяхъ періода домонгольскаго, касаются:

1. Второго и третьяго браковъ.

Если у покаяльника ¹⁾ или у простца умереть жена, говоритъ митр. Георгій, и онъ пожелаетъ взять вторую жену законную (а не наложницу), то (бракъ) вѣнчается (§ 45).

Кто возьметъ третью жену или возьметъ вторую, разведшись съ первой, говоритъ онъ же, то не вѣнчается (§ 47).

Если кто возьметъ третью жену, говоритъ митр. Іоаннъ, и священникъ благословитъ вѣдая или не вѣдая, то да извержется (Русск. Достоип. I, 95, у *Павл.* col. 9). Правило—непонятное въ отношеніи къ невѣдающему священнику, но въ отношеніи къ браку оно хотеть сказать то, что третій бракъ отнюдь не вѣнчается (если невѣдѣніе понимать не какъ невѣдѣніе того, что извѣстное лицо вступаетъ въ третій бракъ, а какъ невѣдѣніе того, что кто бы то ни было вступающій въ третій бракъ отнюдь не долженъ быть вѣнчаемъ, то за это свое невѣдѣніе священникъ признается заслуживающимъ наказанія. Вальсамонъ на предложенный ему вопросъ: сельскій невѣжественный священникъ зная благословившій третій бракъ заслуживаетъ ли прощенія, отвѣчалъ: не знающій факта заслуживаетъ по законамъ прощенія, а не знающій закона не получаетъ прощенія,—у Ралли и П. IV, 495. У Герберштейна въ латинскомъ переводѣ Правила митр. Іоанна нѣтъ слова: «вѣдая» и возможно, что оно есть какъ-то случившаяся негѣлая вставка).

¹⁾ Что такое покаяльникъ, см. первой полов. тома стр. 465.

2. Благословнаго расторженія браковъ и разводовъ.

Если мужу жена не дастъ ножницъ, говоритъ митр. Георгій, то не должно постригать его въ монахи, тоже и женѣ (§ 57), т. е. одинъ изъ супруговъ не можетъ быть постриженъ въ монашество, если другой не изъявитъ на это согласія.

Законнымъ поводомъ къ разводу епископъ Нифонтъ у Кирика признаетъ прелюбодѣяніе одного изъ супруговъ. Затѣмъ, если мы понимаемъ его рѣчь, не совсѣмъ вразумительную въ рукописяхъ, онъ допускаетъ разводъ еще въ томъ случаѣ, когда произойдетъ великое зло между мужемъ и женою, такъ что они не въ состояніи будутъ терпѣть другъ друга, когда мужъ надѣлаетъ много долговъ и для ихъ уплаты начнетъ грабить одежду жены или когда онъ начнетъ пропивать ее или, наконецъ, когда вообще случится что нибудь подобное. При всемъ этомъ онъ поставляетъ условіемъ то, чтобы зло считалось достаточной причиной къ разводу только послѣ трехлѣтняго его продолженія (у *Калайд.* стр. 192, у *Павл.* col. 48).

3. Супружескаго цѣломудрія или воздержанія супруговъ въ нѣкоторыя времена отъ плотскаго смѣшенія.

Кирикъ спрашивалъ епископа Нифонта: вступившіе въ бракъ могутъ ли совокупляться въ ночь, слѣдующую послѣ брака, такъ какъ они причащались (при совершеніи брака,—см. ниже чинъ вѣнчанія). Нифонтъ отвѣчалъ, что могутъ, ибо—говоритъ—святые отцы, которые велятъ имъ причащаться (при бракѣ), могли бы написать и запрещеніе, если бы находили его нужнымъ (у *Калайд.* опущено, у *Павл.* col. 43) ¹⁾.

Митр. Георгій предписываетъ воздерживаться супругамъ другъ

---

¹⁾ Въ Греціи твердо держались того мнѣнія, что новобрачные, поелику въ день брака они причащались, должны воздерживаться первую ночь отъ супружескаго совокупленія,—Вальсамовъ въ Отвѣтахъ Марку Александрійскому, у Ралли и П. IV, 457 (отв. 11), сfg въ Пидаліонѣ прим. къ 13 пр. 6-го всел. соб., Закинеск. изд. стр. 230 (Отсюда, по всей вѣроятности, происходитъ болгарскій обычай, не знаемъ — общій или мѣстный нѣкоторыхъ мѣстъ, чтобы первую ночь послѣ брака спалъ съ новобрачною не новобрачный, а дружка, — долженствующій, подразумевается, оберегать цѣломудріе новобрачной отъ новобрачнаго).

отъ друга во весь великій постъ, а если не могутъ, то по крайней мѣрѣ первую и послѣднюю недѣлю (§§ 7 и 64). Но Нифонтъ у Кирика возстаетъ противъ строгости этого предписанія и говорить, что они должны воздерживаться только въ одну недѣлю Пасхи, въ которой всѣ дни какъ воскресенье. При этомъ Нифонтъ строго осуждаетъ тѣхъ, которые считаютъ должнымъ отказывать въ причастіи супругамъ, не воздержавшимся въ великій постъ (у *Калайд.* опущено, у *Павл.* col. 37—38).

Затѣмъ, митр. Георгій предписываетъ воздерживаться отъ смѣшенія въ пятницу, субботу и воскресенье, въ Господскіе праздники и нарочитыхъ святыхъ (§§ 13 и 108). О дѣтяхъ, зачатыхъ въ пятницу, субботу и воскресенье, онъ говоритъ, что они будутъ или татями или разбойниками или блудниками (§ 108).

Относительно воздержанія, когда одинъ изъ супруговъ или оба приступаютъ къ причастію, митр. Георгій (§§ 8 и 13) и епископъ Нифонтъ у Кирика (*Калайд.* стр. 188, у *Павл.* col. 43) предписываютъ воздерживаться ночь передъ причастіемъ и ночь послѣ причастія. Архіепископъ Илія у Кирика полагаетъ довольнымъ требовать воздержанія въ одну только первую ночь (у *Калайд.* опущено, у *Павл.* col. 61).

Относительно смѣшенія съ женами родившими митр. Георгій предписываетъ воздерживаться пока онѣ нечисты, т. е. въ продолженіе 40 дней (§ 13), а епископъ Савва у Кирика совѣтуетъ переждать по крайней мѣрѣ 8 дней, подвергая не соблюдающихъ сего епитиміи (у *Калайд.* стр. 200, § 24, у *Павл.* col. 57).

(У митр. Георгія есть правило относительно времени совершенія браковъ, именно — относительно ихъ вѣнчанія въ масляную недѣлю. Но оно читается въ рукописяхъ такъ, что само себя уничтожаетъ. Въ однихъ: въ масляную недѣлю творится бракъ; въ другихъ: въ масляную недѣлю не творится бракъ,—§ 30).

Въ каноническихъ сочиненіяхъ нашихъ домонгольскаго періода не находимъ указанія на одинъ замѣчательный древній обычай, относящійся къ вѣнчанію браковъ. Именно—если вѣнчались лица, находившіяся въ супружескомъ сожитіи прежде брака и если они имѣли дѣтей, прижитыхъ до него, то послѣднія становились при вѣнчаніи вмѣстѣ съ ними и такимъ образомъ привѣнчивались. Въ 1187 г. возвратился изъ плѣна Половецкаго князь Владимиръ Игоревичъ, сынъ Игоря Святославича Новгородъ-Сѣверскаго, попавшій въ плѣнъ вмѣстѣ съ отцомъ въ томъ походѣ, который воспѣвается въ Словѣ о полку Игоревомъ; въ плѣну онъ женился безъ христіанскаго вѣнчанія на Половецкой княжнѣ, дочери князя Кончака; когда онъ возвратился домой, то былъ

обвѣчанъ христіанскимъ бракомъ и при этомъ привѣчано было указаннымъ способомъ дитя, которое родилось у него до вѣччанія: «приде Володимеръ изъ Половецъ съ Кончаковною—читаемъ въ Ипатской лѣтописи—и створи свадьбу Игорьъ сынови своему и вѣча его и съ дѣтатемъ» ¹⁾. Въ одномъ позднѣйшемъ сборникѣ читаемъ между другими правилами: «достойтъ всякому вѣччатися, аще и дѣти будутъ (рожденныя до вѣччанія), да входятъ въ церковь» ²⁾. Весьма вѣроятно, что этотъ обычай привѣччиванія заимствованъ нами отъ Грековъ; но во всякомъ случаѣ онъ былъ, подобно намъ, у Сербовъ. Св. Савва сербскій, бывъ поставленъ въ архіепископы, послалъ по странѣ протопоповъ для вѣччанія христіанскимъ бракомъ супружествъ, которыя были заключены безъ вѣччанія, что было въ Сербіи первоначально такъ же обычно, какъ и у насъ; при этомъ онъ повелѣлъ, чтобы «всѣ дѣти, елицы бѣху рождени отъ нихъ безъ благословенія законнаго, совокупивше ихъ подѣ окриль родителю своюю, тако вѣччаху ихъ по единому кождо ихъ» ³⁾.

Въ древнее время у насъ не было соблюдаемо никакихъ правилъ относительно возраста, когда вступать въ бракъ юношамъ и когда выдавать за мужъ дѣвицъ ⁴⁾. Примѣры, представляемые лѣтописями, недостаточны для рѣшенія вопроса о среднихъ принятыхъ возрастахъ, если только такіе возрасты были. Женились, какъ кажется и весьма вѣроятно, не позднѣе 19 лѣтъ, а самый ранній извѣстный возрастъ женитьбы у князей 10 лѣтъ (10-ти лѣтъ женатъ князь Константинъ Всеволодовичъ Ростовскій въ 1196 г.). Выдавали за мужъ дѣвицъ вѣроятно не позднѣе 17 лѣтъ, а самый ранній извѣстный возрастъ замужества княженъ 8 лѣтъ (8-ми лѣтъ выдана за мужъ, т. е. именно выдана за мужъ, а не обручена только, сестра помянутаго Константина

¹⁾ 2 изд. стр. 443 стр..

²⁾ Волоколамская рив. № 566 л. 114 об. стр..

³⁾ Живот светого Симеуна и светого Саве написао Доментијан, изд. Даничичемъ,—Бѣлградъ 1865, стр. 244. Сгг нашу книгу Краткій очеркъ исторіи православныхъ церквей Болгарской, Сербской и Румынской, стр. 453.

⁴⁾ Въ Греціи импер. Левъ философъ установилъ, чтобы юноши вступали въ бракъ не ранѣе 15 лѣтъ возраста, а дѣвицы—13 (у Ралли и П. I, 285), что потомъ подтвердилъ импер. Алексѣй Комнинъ, *ibid.* V, 285, сгг Вальсамова *ibid.* IV, 484, 'Ерѳт.-'Апѳхр. 50). А обычай, какъ даютъ знать примѣры, считалъ брачнымъ возрастомъ для юношей 12-лѣтній, см. житіе Дороева новаго, принадлежашее Іоанну Евхаитскому, въ Пагр. *Милл* t. 120, р. 1053, § 3.

Верхуслава Всеволодовна въ 1187 г.) ¹⁾. Въ простомъ народѣ, у котораго браки заключаются по хозяйственнымъ расчетамъ, выдавать за мужъ дѣвицъ, представляющихъ собою работницъ въ домахъ родителей, вѣроятно, такъ же, какъ и теперь, старались какъ можно позже, а женить сыновей, дабы чрезъ сіе пріобрѣтать въ дома работницъ, вѣроятно, старались, какъ это было и въ позднѣйшее время до указовъ о возрастѣ, какъ можно ранѣе (Я самъ зналъ женщину, которая, имѣя около 19—20 лѣтъ, вышла за мужъ за мальчика, которому было не болѣе 10 лѣтъ: весьма долгое время супругъ ея игралъ съ ребятишками и весьма долгое время она трепала его за волосы, когда съ игръ онъ возвращался домой мокрый и оборванный).

Древній чинъ обрученія и вѣнчанія, читаемый въ рукописяхъ, представляетъ не мало отличій отъ нынѣшняго нашего. Вотъ эти отличія по Синодальнымъ служебникамъ XIV вѣка. 1. Замѣчается, что священникъ беретъ перстни и отдаетъ ихъ обручаемымъ (золотой жениху, желѣзный невѣстѣ), а они передаютъ ихъ другъ другу, но не сказано, что при этомъ священникъ произноситъ: «обручается рабъ Божій..., обручается раба Божія». 2. При пѣніи 127 псалма: «Блаженіи вси боящіяся Господа» не показано припѣва: «слава Тебѣ, Боже нашъ, слава Тебѣ». 3. Нѣтъ вопросовъ жениху и невѣстѣ: «имаша ли произволеніе благое» ²⁾. 4. Не сказано, что при возложеніи вѣнцовъ на главы жениха и невѣсты священникъ произноситъ: «вѣнчается рабъ Божій..., вѣнчается раба Божія», а только: «Господи Боже нашъ, славою и честію вѣнчай»... 5. Чтенія апостола и евангелія не положено. 6. По Отче нашъ священникъ пріобщаетъ бракосочетавшихся преждеосвященными св. дарами; послѣ сего преподаетъ имъ «общую чашу», относительно которой замѣчается, что—когда все выпьютъ, «стекляницу сокрушаютъ» ³⁾. 7. Пѣнія тропаря: «Исаія ликуй» и другихъ съ троекратнымъ обхожденіемъ вокругъ налоя не положено; но послѣ общей чаши священникъ ведетъ бракосочетавшихся къ «лавицѣ» (лавкѣ) и, посадивъ ихъ на ней, произноситъ молитву, положенную на разрѣше-

¹⁾ Въ Греціи полагалось, что τὴν ἐπταετη γυναικα δεκτὴν ἔρωτος εἶναι, — у Галли и П. IV, 485 нач.. Но тамъ дѣвицы, какъ и вообще на югѣ, развиваются гораздо скорѣе нашихъ.

²⁾ У Грековъ нѣтъ этихъ вопросовъ и до настоящаго времени, а у насъ они—со второй половины XVII вѣка (бывъ заимствованы изъ Малороссіи, которую въ свою очередь заимствованы отъ латинской церкви).

³⁾ О сокрушеніи сосуда у Грековъ см. у Дюк. въ Gloss. Graecit. подъ сѣ Постѣриов.

ніе вѣнцовъ (Опис. Синод. ркп. *Горск. и Невостр.* № 344, л. 124 об., стр. 19, и № 345, л. 76 об., стр. 24).

Вѣнцы, употребляемые при совершеніи браковъ, въ древнее и старое время не рѣдко были у насъ деревянные, при чемъ дѣлалось такъ, что дерево покрывалось холстомъ и что по нему вѣнцы расписывались красками и украшались священными изображеніями (Образцы можно видѣть въ нѣкоторыхъ музеяхъ. Въ музей Новгородскаго земства, теперь, кажется, уже исчезнушемъ, было до 10 паръ вѣнцовъ изъ лубка и дубовой коры, см. Опись музея Новгор. земства, составл. *Бюословскимъ*, Новгородъ, 1868).

Е л е о с в я щ е н і е .

Въ Греціи въ позднѣйшія времена явился обычай совершать таинство елеосвященія не только надъ живыми людьми, но и надъ тѣлами людей умершихъ. Отъ Грековъ обычай переходилъ къ Сербамъ, въ требникахъ которыхъ XV вѣка находимъ «Чинъ на освященіе масла умершимъ инокомъ и бѣльцемъ» (Опис. Синод. ркп. № 374 л. 112 об., стр. 165, гдѣ и о Грекахъ). Когда именно явился обычай у Грековъ—въ нашъ ли еще періодъ домонгольскій или уже послѣ и переходилъ ли онъ къ намъ, пока не имѣемъ свѣдѣній ¹⁾.

П о г р е б е н і е и п о м и н к и .

Помиповенныя службы по умершимъ называются панихидами (παννυχίδες), что значитъ всенощное бдѣніе, тогда какъ службы поются не только не по цѣлой ночи, но и вообще не ночью. Должно думать, что несоотвѣтствующее времени и продолжительности службъ названіе перенесено на нихъ со всенощныхъ бдѣній, которыя совершались въ кимитиріяхъ на гробахъ мучениковъ, и перенесено, нужно думать, по тому побужденію, что, какъ говоритъ Нифонтъ у Кирика, «не грѣховъ бо дѣла поемъ надъ мертвыми, но яко надъ святыми» (у *Калайд.* стр. 183 lin., у *Павл.* col. 36), т. е. чтобы посредствомъ названія выразить уваженіе къ умершимъ и чаяніе ихъ спасенія (сfr у *Дюк.* въ Gloss. Graecit. подъ сл. παννυχίδες).

Греческая церковь отличается отъ нашей Русской церкви одною

---

¹⁾ Отъ патріарха Константинопольскаго Никифора II, который скончался въ 1261-мъ году, сохранилось сочиненіе: *Περὶ τῶν λεγόντων ὅτι χρὴ καὶ μετὰ τὸν θάνατον εὐχέλαιον ποιεῖν ἐν νεκρῷ*,—*Патрол. Миня* t. 140 col. 805: а это весьма не далеко отъ нашего періода домонгольскаго.

особенностию касательно хранения останковъ людей умершихъ. У насъ зарываютъ покойниковъ въ землю и въ ней оставляютъ навсегда. Въ Греціи не такъ: сначала зарываютъ покойниковъ въ землю, а потомъ черезъ три года или черезъ другой опредѣленный, немного меньшій, немного большій, срокъ кости ихъ выкапываютъ изъ земли и кладутъ въ особомъ помѣщеніи—кимитиріи (*κοιμητήριον*) или усыпальницѣ.

Откапываніе и положеніе костей въ кимитиріи составляетъ особый обрядъ, служащій какъ бы продолженіемъ или довершеніемъ похоронъ: призывается священникъ и при пѣніи имъ малой паннихиды кости изъемяются изъ земли; бывъ вынуты, онѣ обмываются водою и виномъ, слагаются въ небольшой ящикъ и вносятся въ церковь, гдѣ поется надъ ними заупокойная литургія и великая паннихида; послѣ этого относятся въ кимитирій. Сей послѣдній есть особый домъ или домикъ или сарай при церкви, въ которомъ имѣются, во-первыхъ, большая яма (по срединѣ) или большой ларь для ссыпанія костей людей бѣдныхъ, во-вторыхъ — шкапы съ ящиками или полками для костей людей богатыхъ, желающихъ хранить ихъ особо (на черепахахъ дѣлаются надписи, кому они принадлежали и когда владѣльцы ихъ умерли).

Когда обычай сталъ у Грековъ болѣе или менѣе общимъ обычаемъ, сказать не можемъ; но на Аѳонѣ онъ явился или начался когда-то до второй половины XI вѣка, какъ это видно изъ вопросовъ Аѳонскихъ монаховъ къ патріарху Константинопольскому Николаю Грамматіку (1084—1111) ¹⁾. Относительно возникновенія обычая Аѳонцы даютъ знать, что у нихъ на кладбищахъ выкопано (приготовлено) извѣстное число могилъ, что когда наполнятся всѣ могилы, они переносятъ останки изъ нихъ въ кимитиріи, чтобы освободить могилы для новыхъ покойниковъ, т. е. указываютъ на побужденія практическія. Въ позднѣйшее время обычай получилъ значеніе повѣрки, не умеръ ли кто подъ клятвою архіерейскою или іерейскою. Если по прошествии трехъ лѣтъ разрывали могилу и находили тѣло не разложившимся и надутымъ (*τορπιναῖος*), то это считалось признакомъ, что человѣкъ умеръ не разрѣшоннымъ отъ клятвы: призывался архіерей или священникъ для разрѣшенія и тѣло снова зарывалось на нѣкоторое время въ землю ²⁾.

¹⁾ См. вопросы съ отвѣтами патріарха въ сочиненіи *προεσς. Πορφύριου «Αεωνъ»*, III, стрр. 219 и 353 (въ греческомъ подлинникѣ вопросы-отвѣты напечатаны у Ралли и П. IV, 417, а въ славянскомъ переводѣ они въ Никоновской Коричей,—гл. 54, но ни тамъ ни здѣсь нашего вопроса-отвѣта не читается).

²⁾ Cfr у Дюк. въ Gloss. Graecit. подъ сл. *τορπιναῖος*; о вниманіи изъ

У насъ этотъ обычай вырванія останковъ умершихъ изъ могилъ принимаемъ былъ на болѣе или менѣе продолжительное время въ Печерскомъ монастырѣ, къ чему было также практическое побужденіе въ ограниченности его кладбищъ, находившихся въ его пещерахъ ¹⁾. Но чтобы онъ сколько нибудь распространился вообще въ Россіи, на это не имѣемъ совершенно никакихъ указаній.

Въ Греціи еще и до настоящаго времени остается отчасти обычай хоронить мертвыхъ безъ гробовъ, полагая тѣло прямо въ землю. Въ древнее же время этотъ обычай, какъ кажется, былъ всеобщимъ. Покойниковъ, хоронимыхъ безъ гробовъ, приносятъ въ церковь, отиѣваютъ и относятъ къ могиламъ на такъ называемыхъ кроватяхъ (*τὰ κρᾶββάτια*) или одрахъ, которые имѣютъ совершенно одну и ту же форму съ нашими спальными кроватями. У насъ въ Россіи употребленіе гробовъ несомнѣнно восходитъ къ самому древнему времени ²⁾. Весьма возможно однако, что и у насъ люди бѣдные, и особенно въ мѣстностяхъ бездѣсныхъ, гдѣ гробы были дороги, хоронились по обычаю греческому безъ нихъ. Въ Греціи и до настоящаго времени зарываютъ тѣла покойниковъ въ землю чрезвычайно мелко. Такъ было и у насъ въ древнее время, а нынѣшній нашъ обычай зарывать тѣла глубоко, введенный нарочитыми предписаніями правительства, — съ весьма недавняго времени (только съ начала прошлаго столѣтія).

Князья и вообще люди богатые хоронились у насъ такъ же, какъ и въ Греціи, въ мраморныхъ и вообще въ каменныхъ ракахъ или гробницахъ. Раки эти по своей формѣ были тоже, что обыкновенные гробы, только несравненно ихъ болѣе. Онѣ заранѣе приготавливались и поставлялись на назначенныхъ мѣстахъ, тѣла же покойниковъ, бывъ отиѣты въ деревянныхъ гробахъ или безъ гробовъ, потомъ приносились къ нимъ и полагались въ нихъ (ибо носить раки какъ гробы при самыхъ погребеніяхъ было бы невозможно, по причинѣ ихъ тяжести). Раки изъ простаго камня, по всей вѣроятности, приготавливались у насъ дома, раки же мраморныя, нѣтъ сомнѣнія, привозились изъ Греціи ³⁾.

земля костей умершихъ на Аеоу см. Письма Святогорца, ч. I, изд. 2 стр. 106 sqq. (письмо 9), также *Барскаго* Путешествіе, изд. 1800 г. стр. 534 и *Благовѣщенскаго* «Среди богомольцевъ», 2 изд. стр. 62.

¹⁾ О существованіи въ Печерскомъ монастырѣ обычая откапывать тѣла умершихъ см. во 2-мъ изданіи нашего сочиненія: *Исторія канонизаціи святыхъ въ русской церкви*, стр. 207 sqq.

²⁾ Лѣтоп. подъ 1092 г. («продающаи корсты» — продавцы гробовъ).

³⁾ Рака или гробница Ярославова до сихъ поръ сохраняется въ Киевскомъ

Тѣла князей, а отчасти и вообще людей богатыхъ, погребались въ церквахъ, т. е. подъ церквами въ подпольяхъ. Раки или гробницы съ тѣлами не зарывались въ землю, а становились поверхъ земли и только замазывались ¹⁾. (Подполья подъ церквами назывались у насъ въ древнее время голубцами или голбцами ²⁾, какъ доселѣ называются въ иныхъ мѣстахъ голубцами, въ другихъ голбцами подполья подъ избами. «Голубецъ» невольно напоминаетъ римскія колумбаріи (colubarium) или голубятни, какъ назывались у языческихъ Римлянъ кнмятири или цеметеріи для храненія останковъ умершихъ. Съ немалою вѣроятностію можно предполагать, что тождество названій не случайное и что наше ведетъ свое начало изъ языческой древности).

Правила относительно погребенія.

Если кто умретъ покаявшись, предписываетъ мптр. Георгій, то пѣть надъ нимъ въ ризахъ и творить по немъ сорокоустье (§ 72).

Если человекъ, не будучи внѣ ума, лишитъ себя жизни, предписываетъ онъ же, то не пѣть надъ нимъ, но повреци его (§ 93).

Нифонтъ говоритъ у Кирика, что умершихъ безъ покаянія онъ приказываетъ иногда отпѣвать безъ ризъ, и это для того, чтобы другіе, видя сіе, убоялись (у *Калайд.* стр. 184 нач., у *Павл.* col. 36).

Кирикъ спрашивалъ Нифонта: должно ли отпѣвать младенцевъ, если они умрутъ во время самаго крещенія, и получилъ во отвѣтъ: не грѣховъ ради поемъ надъ мертвыми, но какъ надъ святыми, ибо должны всякаго христіанина считать за святаго, а Богъ судить всѣмъ; должно пѣть по нимъ и въ сороковой день (у *Калайд.* стр. 183 fin., у *Павл.* col. 36).

Кирикъ сообщилъ Нифонту, что съ однимъ мертвецомъ погребли икону св. Михаила; послѣдній не велѣлъ выгребать, ибо — сказали — онъ (погребенный) есть христіанинъ (у *Калайд.* стр. 184, у *Павл.* col. 37). Изъ этого видно, что общаго обычая погребать иконы съ умершими не было, но что частный обычай дѣлать это существовалъ.

Софійскомъ соборѣ. Ея описаніе и рисунокъ у *Фундука.* въ Обзор. Кіева, стр. 36 fin. (также въ Описаніи Кіевософ. собора).

¹⁾ Ипатск. лѣт. подъ 1288 г. о гробницѣ кн. Владимира Васильковича, 2 изд. стр. 608.

²⁾ Житіе Евфросиніи Полоцкой,—въ Памм. *Куш.-Безб.* IV, 174 col. 1, *проеса. Макарія* Археологич. Описаніе церкк. древностей въ Новгородѣ I, 270 sub fin..

Мірскаго священника, предписываетъ митр. Георгій, погребать въ башмакахъ, въ сорочкѣ и въ носкахъ безъ наколѣнниковъ ¹⁾, такъ же покаяльника и простца (§ 91). Что хочетъ сказать это предписаніе, не совсѣмъ ясно; если не ошибаемся — то, что наколѣнки должны быть надѣваемы только на умершихъ монаховъ, а священники мірскіе и міряне могутъ быть хоронимы и безъ нихъ. Причиной, почему наколѣнки считались нужными для монаховъ и не нужными для мірянъ, можетъ быть, было то, что на послѣднихъ надѣвалось «исподнее» платье, замѣнявшее наколѣнки, т. е. закрывавшее ноги, а первые хоронились безъ него въ однихъ сорочкахъ.

По предписанію Нифонта, покойниковъ не должно отпѣвать по захожденіи или передъ захожденіемъ солнца, но когда оно еще высоко, ибо—говорить—погребаемый видитъ послѣднее солнце до общаго воскресенія (у *Калайд.* стр. 184, у *Павл.* col. 37).

Увѣщаніе Нифонта погребать валяющіяся кости мертвыхъ мы привели выше.

Правила относительно поминовенія усопшихъ.

Относительно заупокойныхъ литургій въ продолженіе сорокоуста Нифонтъ у Кирика предписываетъ: всегда служить эту литургію на трехъ просфорахъ: одна большая, дорная, изъ которой вынимается агнецъ и гдѣ мертвый не поминается, а другія двѣ за упокой (у *Калайд.* стр. 173, у *Павл.* col. 24). Почему за упокой двѣ просфоры, а не одна, сказать не можемъ (Не потому ли, что заупокойными числами, какъ даетъ знать одно изъ правилъ, приводимыхъ ниже, считались чѣтныя?).

Митр. Георгій дѣлаетъ настоятельное увѣщаніе относительно того, чтобы не пѣть нѣсколькихъ сорокоустовъ за одинъ разъ: «се подобаетъ вѣдати, пишеть онъ, аще попъ возметъ сорокоустье или два или три, да поетъ первое одно, и потомъ (другое), а во едино двое сорокоустье не поетъ; аще ли кто ослушается кануновъ и пѣти начнетъ въ единъ день, то сбереть себѣ гнѣвъ Божій и пагубу на душу свою въ день страшнаго и праведнаго суда Божія; рече бо Господь: не можетъ наемникъ двѣма господинома работати, то како попираете Слово Божіе, не боящеся суда Божія и по своему изволенію творяще и инѣхъ тому же учаще, о таковыхъ бо рече святое Писаніе: о горе вамъ мудрымъ и о семъ хитрымъ, и паки рече Господь: о горе вамъ, вожеве

¹⁾ О которыхъ см. ниже въ прим. къ уставу.

слѣпи, выдаще слѣпи есте, слышаще не хотите разумѣти» (§ 162). Настоятельность увѣщанія и обличенія даетъ знать, что въ Русской землѣ было слишкомъ обычно поступать вопреки должнаго. Требованіе митр. Георгія кратко подтверждаетъ и епископъ Нифонтъ у Кирика ¹).

Въ воскресенье, предписываетъ митр. Георгій, не должно пѣть литургіи за упокой (§ 28).

Изъ Греціи перешолъ къ намъ обычай, чтобы еще при жизни давать пѣть за себя сорокоустъ ²). Митр. Георгій пишетъ противъ этого обычая: если кто при жизни дастъ пѣть за себя сорокоустъ, то не должно пѣть (§ 58). Но Нифонтъ на вопросъ объ этомъ Кирика отвѣчалъ: нельзя того желающимъ запретить, ибо это дѣлаютъ ища спасенія своей душѣ; хотя ты и приводишь Георгія, митрополита Русскаго, написавшаго запрещеніе, а пѣть того нигдѣ (т. е. Нифонтъ не зналъ правилъ митр. Георгія); впрочемъ лучше бы имъ было, если бы поручили надежному другу, чтобы исправилъ послѣ смерти ихъ; когда берешь сорокоустъ, то научи его, говоря: братъ, добро бы тебѣ не согрѣшати болѣе, ибо мертвые не грѣшати (у *Калайд.* стр. 194 *лп.*, у *Павл.* col. 51). У епископа Саввы Кирикъ спрашивалъ: если живой человѣкъ дастъ пѣть за себя сорокоустъ, должно ли служить за него и посылать ему самому кутью? Епископъ отвѣчалъ ему: пѣть бѣды ѣсть и пить ему освященное (у *Калайд.* *ibid.* стр. 199, у *Павл.* col. 56,—такъ что человѣкъ самъ себя поминалъ). Какъ видно изъ нашихъ рукописей, вопросъ о сорокоустѣ за живыхъ и впоследствии занималъ наше общество. Мнѣнія раздѣлялись: одни защищали обычай, другіе напротивъ, и конечно—справедливо, осуждали его.

Относительно кутьи заупокойной Кирикъ пишетъ: «Слышалъ я нѣгдѣ, что надъ кутьею за упокой нужно зажигать двѣ свѣчи или четыре или сколько бы ни было, но чѣтъ («или колико хочаще ладно»), а за здравіе пять или три (вообще нечетъ). Клима (— одинъ изъ числа тѣхъ, къ которымъ Кирикъ обращался съ вопросами) сказать мнѣ на это: сколько хочешь—и за здравіе и за упокой, но безъ просфоръ, ибо просфора проскомисается въ олтарѣ и не кладется на

¹) «За того единого и пѣніе и служба»—у *Калайд.* стр. 173, у *Павл.* col. 24.—Въ одномъ позднѣйшемъ исповѣданіи священническомъ между другими грѣхами: «или сорокоустья два или три во единомъ мѣстѣ пѣль буду»,—*Опис. Синод.* рѣшп., Отд. III, 1, стр. 219.

²) О существованіи въ Греціи обычая даже до настоящаго времени см. въ Пидалионѣ примѣч. къ толков. на 120 пр. Кареаг. соб..

кутью; въ Царьградѣ въ монастыряхъ принесутъ въ церковь вино, ладанъ, свѣчи, просфоры, и несутъ все на обѣдню въ олтарь, а на вечерню не носятъ кутьи, и канона не должно пѣть,—канонъ поется на заутрени праздниковъ и безъ кутьи, а за упокой въ субботу; а освящать на блюдѣ, кромѣ сочива, все: горохъ, боръ (ячмень), соевипу, ривифъ (ῥοβιφι, горохъ),—на четыре части съ пшеницей и съ коноплями всыпать тѣхъ овощей, которыя есть. Это написалъ я,—прибавляетъ Кирикъ,—не для того, что должно дѣлать все это, а вѣдѣнія ради, когда что такое случится» (у *Калайд.* стр. 180, у *Павл.* еол. 32).

Въ старое, а по всей вѣроятности и въ древнее, время у насъ особеннымъ образомъ погребали людей умершихъ несчастными и внезапными смертями, — удавленниковъ, утопленниковъ, замерзшихъ, вообще самоубійцъ и умершихъ одночасно на дорогахъ и на поляхъ. Ихъ не отпѣвали и не клали на кладбищахъ при церквахъ, а не отпѣтыхъ отвозили на такъ называемые убогіе дома, иначе—божедомы или божедомки и скудельницы, которые находились внѣ городовъ на вспольяхъ. Эти убогіе дома были не что иное, какъ большія и глубокія ямы, иногда имѣвшія надъ собой «молитвенные храмы¹⁾, попросту—сарай, иногда же, кажется, нѣтъ. Въ эти ямы клали и бросали тѣла и оставляли ихъ незасыпанными до 7-го четверга по Пасхѣ или до семика. Въ этотъ послѣдній посылались священники отпѣть общую панихиду²⁾, а граждане мужи и жены приходили «проводить скудельницы», принося съ собой къ панихидѣ канонъ или кутью и свѣчи³⁾. Послѣ панихиды приходше проводить скудельницы мужи и жены Бога ради засыпали яму съ тѣлами и выкапывали новую. Странно, что съ самоубійцами смѣшивались несчастно или одночасно умершіе. Вѣроятно, что первоначально изъ послѣднихъ были полагаемы въ убогіе дома только тѣ, которые оставались неизвѣстными—кто они и откуда, полагались затѣмъ, чтобы могли найдти и взять ихъ родственники (можетъ быть, это позволялось родственникамъ и въ позднѣйшее время).

Въ скудельницахъ или общихъ ямахъ имѣли обычай погребать и всѣхъ вообще во время общихъ большихъ мбровъ. Но эти послѣднія скудельницы устраивались или выкапывались не за городами

¹⁾ Опис. Синод. ркш. Отд. III, 1, стр. 401, № 403, л. 133.

²⁾ Ibid. стр. 377.

³⁾ Соф. 2 лѣт. подъ 1474 г. и Псковск. 1 лѣт. подъ 1521 г.,—Собр. лѣтт. V, 294, и VI, 198.

на пустыхъ мѣстахъ, а при церквахъ на кладбищахъ, только при этомъ были выбираемы церкви, находившіяся на концахъ и окраинахъ городовъ ¹⁾.

Освященіе церквей.

Въ лѣтописяхъ читаются многократныя записи о великихъ освященіяхъ церквей (въ такомъ-то году такая-то церковь святаена великимъ священіемъ). Великое освященіе предполагаетъ малое: подь первымъ, какъ думаемъ, нужно разумѣть освященіе, совершенное самимъ архіереемъ (который самъ лично долженъ бы освящать и всѣ приходскія церкви своей епархіи,—выше стр. 182); подь вторымъ—освященіе, совершенное священниками съ присланнымъ отъ архіерея антипинсомъ.

Церкви ежегодно должны праздновать день своего освященія какъ свой большой годовой праздникъ (какъ день своего рожденія,—о чемъ выше). Въ древнѣйшее время, какъ показываютъ записи въ святцахъ о дняхъ освященія Кіевскихъ церквей—Десятинной, Софійской и Георгіевской, это было у насъ соблюдаемо по крайней мѣрѣ въ церквахъ важнѣйшихъ. Въ послѣдующее время, какъ даютъ знать свидѣтельства, это не вездѣ было у насъ наблюдаемо и въ сихъ послѣднихъ церквахъ. Епископъ Ростовскій Кирилль 2-й, при своемъ вступленіи на кафедру въ 1231 году, ввелъ обычай этого ежегоднаго празднованія въ своей кафедральной церкви, а у прежде бывшихъ епископовъ Ростовскихъ, по словамъ лѣтописца, сего нѣсть было ²⁾.

Въ Уставѣ митр. Георгія читается правило объ освященіи церквей, въ извѣстныхъ въ настоящее время рукописяхъ Устава не имѣющее конца: «аще будетъ церкви новопоставлена, то вечеръ и завтра отпѣти ей (въ ней) канунъ во имя той церкви (молебень празднику или святому, которому она посвящена), и егда будетъ литургія, обойти

¹⁾ О сихъ скудельницахъ см. Новгор. 1 лѣт. подь 1230 г., также *преосв. Макарія* Описание церкв. древнн. въ Новгородѣ I, 138 fin., 159, 558 sqq.

²⁾ Лаврент. лѣт. подь 1231 г., 2 изд. стр. 436 fin.. Уставъ объ ежегодномъ празднованіи дни освященія церкви см. въ Опис. Синод. ркп. № 372 л. 63, стр. 151. — Въ Малоруссіи и Вѣлоруссіи, по свидѣтельству Снегирева, день освященія приходской церкви до сихъ поръ составляетъ главный годовой праздникъ прихода, — Русскіе престонародные праздники, I, 176. — О маломъ освященіи см. Воскресенскую лѣтопись подь 1287 г. (Полн. собр. лѣтт. VII, 179) и сгг что говорятъ о немъ Пидалионъ въ прим. къ 7 пр. 6-го всел. собора, Закичск. изд. стр. 329.

около всея церкви съ кресты въ ризахъ и внити въ церковь и створше октенья»... (§ 98).

Относительно положенія мощей въ новоосвящаемыхъ церквахъ въ томъ же Уставѣ предписывается: «церкви безъ мощи не ставятъ, но мощи въ 4 столпцы трапезы вдолбше положить» (§ 53).

Чинъ братотворенія.

Въ древнее и старое время у насъ былъ обычай такъ называемыхъ побратимства и посестримства; именно два лица, — мужчина съ женщиной, женщина съ женщиной или же мужчина съ женщиной вступали въ союзъ духовнаго братства съ цѣлю и съ общаніемъ братской любви и помощи. Союзы эти скрѣплялись и освящались нарочитымъ благословіемъ церкви, что на церковномъ языкѣ называлось братотвореніемъ. Въ старыхъ потребникахъ нашихъ находимъ два чина братотворенія, — краткій и пространный или простой и сложный. Первый состоялъ въ томъ, что священникъ читалъ надъ вступающими въ братство нѣсколько молитвъ ¹⁾. Второй чинъ представляетъ настоящее и довольно обширное послѣдованіе. Священникъ становилъ вступающихъ въ братство предъ олтаремъ, клалъ имъ руки на евангеліе, положенное передъ ними на налоѣ, опоясывалъ ихъ однимъ поясомъ и давалъ имъ по свѣчѣ; затѣмъ, самое послѣдованіе: ектенія, молитва, чтеніе апостола и евангелія, ектенія сугубая, еще молитвы, Отче нашъ и приобщеніе побратимовъ преждеосвященными дарами, наконецъ обвоженіе ихъ кругомъ налоя при пѣніи тропаря: «Господи призри съ небесе и виждь» и другихъ ²⁾.

¹⁾ Опис. Синодд. ркнп. Отд. III, 1, стр. 145, № 371, л. 133.

²⁾ Ibid. стр. 211, № 377, л. 61. Братотвореніе перешло къ намъ изъ Греціи (ἀδελφοποιία, — *Дюк. Gloss. Graecit.* подъ симъ словомъ). Канонисты греческіе запрещаютъ совершать его монахамъ и говорятъ, что законы гражданскіе вовсе не признаютъ его за какой либо актъ юридическій, — у Ралли и П. V, 370 и 400.

Прибавленіе къ главѣ.

Посты и споры о нихъ у насъ.—Пища въ продолженіе всего года и правила относительно ея.—Домашняя молитва.—Домашняя и личная святыня.

Существующіе въ православной церкви посты раздѣляются на двѣ категоріи. Св. четыредесятница и еженедѣльные посты среды и пятка тотчасъ или вскорѣ послѣ своего появленія, что относится къ весьма древнему, первенствующему, времени, были канонически узаконены церковью какъ посты обще-и-необходимо обязательные для всѣхъ вѣрующихъ или вообще введены были въ силу путемъ законодательнымъ ¹⁾. Остальные посты—Рождественскій, Успенскій и Петровскій, по своему первоначалу также весьма древніе ²⁾, ввелись и утвердились въ церкви не путемъ прямого законодательства, а путемъ обычая. По сей часъ указанной причинѣ относительно второй категоріи постовъ въ церкви весьма долгое время существовало разногласіе. Одни соблюдали ихъ, другіе не соблюдали, и не только не соблюдали, но даже укорали и соблюдавшихъ. Сами соблюдавшіе также расходились между собой: одни соблюдали ихъ всѣ три, другіе не всѣ; въ отношеніи къ продолженію одни соблюдали ихъ такъ, какъ нынѣ, другіе сокращали до двѣнадцати дней, до шести, до четырехъ и даже до одного. Это разногласіе оставалось въ Греческой церкви во все время нашего періода домонгольскаго ³⁾. Что касается до патриархата Константинопольскаго,

---

¹⁾ Апост. пр. 69, соборы — Лаодик. 50 и Гангр. 19, Діонисія Алекс. 1, Петра Алекс. 15.

²⁾ См. у *Бил.* т. IX, р. 244, De jejuniis quatuor temporum.

³⁾ Рѣчи о сихъ постахъ Анастасія Синаита, патриарха Антиохійскаго (VI в.), Анастасія, епископа Кесаріи Палестинской (послѣ 920 г.), Никона Черногорца (конца XI—начала XII в.) и Θεодора Вальсамона (конца XII—начала XIII в.) см. у Ралли и П. IV, 419, 488, 565, 580, 589 sqq. А рѣчи о нихъ патр. Константинопольскаго Николая Грамматика, читаемыя въ двухъ его посланіяхъ на Аеонъ, къ проту Аеонскому и къ монахамъ Аеонскимъ, въ греческомъ подлинникѣ съ русскимъ переводомъ см. у *преосв. Порфирія* въ сочиненіи: «Аеонъ», III, 205 sqq, 340 sqq (одно изъ посланій въ греческ. подлинникѣ у Ралли и П. IV, 417, а въ

который долженствовалъ быть для насъ въ семь случаѣ примѣромъ и образцомъ, то не о всемъ патріархатѣ, а о самомъ Константинополѣ Ѳеодоръ Вальсамонъ сообщаетъ, что въ послѣднемъ въ его время было: монашествующіе и весьма многіе изъ мірянъ соблюдали всѣ три поста и именно въ томъ продолженіи, какъ нынѣ; нѣкоторые изъ мірянъ соблюдали два поста—Рождественскій и Петровскій, продолжая каждый изъ нихъ по четыре дни, а о постѣ Успенскомъ не хотѣли и слышать ¹⁾. Какъ было у насъ съ сими постами въ періодъ домонгольскій, мы имѣемъ свѣдѣнія только за вторую половину XI в. и свѣдѣнія какъ будто взаимно противорѣчащія. Митр. Георгій въ своемъ Уставѣ бѣлеческомъ какъ будто даетъ знать, что въ его время были у насъ всѣ три поста,—что посты Рождественскій и Петровскій начинаемы были въ то же время, какъ и нынѣ, но что постъ Успенскій если не у всѣхъ, то у нѣкоторыхъ былъ сокращеніе. Говоря о всѣхъ трехъ постахъ, митрополитъ ни одного изъ нихъ не предписываетъ къ соблюденію, изъ чего и слѣдуетъ заключать, что уже всѣ три были соблюдаемы; что постъ Рождественскій начинаемъ былъ съ 14 Ноября, это онъ даетъ знать тѣмъ, что называетъ его Филипповымъ (§ 4, — Ноября 14 ап. Филиппа); что постъ Петровскій (§ 2) начинаемъ былъ спустя недѣлю послѣ Троицы, это видно изъ того, что говорить о бывшемъ у насъ обычаѣ держать въ всѣхсвятскую недѣлю мясопустъ (§ 106), который очевидно предшествовалъ посту; наконецъ, о сокращеніи Успенскаго поста если не всѣми, то нѣкоторыми, онъ даетъ знать тѣмъ, что считаетъ нужнымъ прямо сказать, сколько времени онъ долженъ продолжаться: «а къ Господину дню,—говоритъ онъ,—постятся 15 дней» (§ 14). Но другое находимъ въ Студійскомъ уставѣ патр. Алексѣя, который введенъ былъ у насъ преп. Ѳеодосіемъ Печерскимъ именно въ правленіе митрополита Георгія и подлинникъ котораго былъ найденъ преп. Ѳеодосіемъ именно у одного монаха, прибывшаго изъ Константинополя вмѣстѣ съ симъ митрополитомъ. Въ Уставѣ говорится только о постѣ св. Филиппа и ничего не говорится о постахъ Петров-

---

славянскомъ переводѣ въ Никоновской Коричей, гл. 54; но есть разности въ редакціяхъ).

¹⁾ Ibid. IV, 577. Патр. Николай Грамматикъ въ сейчасъ указанныхъ отвѣтахъ монахамъ Аеонскимъ пишетъ о постѣ Успенскомъ: «былъ прежде постъ въ это время (въ Августѣ мѣсяцѣ), но перенесенъ, чтобы не совпадать съ бывающими въ это время постами языческими; однако и теперь еще многіе постятся этотъ постъ (для избѣжанія болѣзней)»,—у *преосв. Порфирія* стрр. 216 и 350 (у Ралли и II. стр. 419).

скомъ и Успенскомъ ¹⁾). Если въ извѣстномъ въ настоящее время единственномъ полномъ спискѣ Устава, относящемся къ періоду домонгольскому ²⁾, нѣтъ пропуска, то будетъ слѣдовать, что патріархъ Алексѣй, а за нимъ и преп. Θεодосій принимали только одинъ постъ, а затѣмъ, примиряя Уставъ съ показаніями Устава митр. Георгія, нужно будетъ думать, что они держали у насъ (какъ даетъ знать послѣдній) всѣ три поста, а другіе (согласно съ первымъ) одинъ постъ. Со всею однако вѣроятностію слѣдуетъ предполагать, что въ Уставѣ патр. Алексѣя и въ его переводѣ Θεодосіевомъ было о постѣ Петровскомъ и что въ извѣстномъ намъ спискѣ перевода сдѣланъ пропускъ, ибо объ этомъ постѣ говорится въ собственномъ словѣ о постахъ преп. Θεодора Студита ³⁾, въ краткой Записи его устава, сдѣланной въ самомъ Студійскомъ монастырѣ (см. выше стр. 371) ⁴⁾ и въ уставѣ преп. Аѳанасія Аѳонскаго (выше *ibid.* прим.) ⁵⁾. Что касается до поста Успенскаго, о которомъ есть въ собственномъ словѣ Θεодора Студита, но нѣтъ въ Записи и въ Уставѣ Аѳанасія Аѳонскаго, то весьма возможно, что о немъ въ Уставѣ Алексѣевомъ не было и что такимъ образомъ нѣкоторые у насъ не только сокращали его, но и совсѣмъ не соблюдали ⁶⁾.

Откуда явился у насъ помянутый выше мясопустъ, которымъ предваряемъ былъ постъ Петровскій и на который не находимъ ука-

¹⁾ Опис. Синод. рѣш. Отд. III, ч. 1, № 380, л. 205, стр. 258.

²⁾ Сейчасъ указанномъ Синодальномъ (а въ другомъ сохранившемся отъ періода домонгольскаго спискѣ Устава—Типографскомъ содержится только часть богослужебная и нѣтъ части о жизни).

³⁾ Въ поученіи, написанномъ *Κατήχησις χρονική*—поученіе временное, т. е. въ поученіи о временахъ года и о пищѣ въ разныя времена,—у Мина въ *Patr.* t. 99, p. 1693.

⁴⁾ У Мина въ *Patr.* *ibid.*, p. 1713, § 29.

⁵⁾ См. въ Забѣткахъ поклонника святой Горы, Кіевъ 1864 г., стр. 207.

⁶⁾ Преп. Θεодоръ Студитъ говоритъ о постѣ Успенскомъ особеннымъ образомъ и какъ будто предоставляетъ его произволенію людей: въ нарочитыхъ рѣчахъ и предписаніяхъ о постахъ онъ говоритъ о трехъ постахъ—Рождественскомъ, Четырдесятницы и Апостоловъ, но потомъ мимоходомъ упоминаетъ и о постѣ Успенскомъ, повелѣвая соблюдать его, какъ посты Рождественскій и Апостоловъ (§ 11). Послѣ Θεодора Студита о постѣ Успенскомъ говоритъ въ началѣ X вѣка, какъ о постѣ соблюдаемомъ, официальный актъ греческой церкви—такъ называемый *Τόμος τῆς ἐνώσεως* (Воспомянаніе церковнаго соединенія), написанный въ 920 году,—у Ралли и П. V, 8, въ Никоновской Коричей л. 575 об., который ежегодно читался съ амвона въ Іюль мѣсяцѣ,—у Ралли и П. VI, 159.

заній въ церкви греческой, не можемъ сказать. Митр. Георгій, запрещающаго, говоритъ: «нѣсть лѣпо подражати мясопусту другихъ по пятникости чрезъ письмена святая, единъ бо мясопустъ уставихомъ». Впрочемъ относительно произволящихъ прибавляетъ: «по волѣ лѣпо есть поститися и ненарокомъ по уставу, аки по преданію нѣкоему» (§ 106).

Еженедѣльный постъ среды и пятка представлялъ одну сторону, относительно которой въ позднѣйшее время также произошли у Грековъ разногласія, вслѣдствіе чего и у насъ въ Россіи были о немъ споры, впрочемъ споры мѣстные и немногочисленные и вовсе не имѣвшие какого нибудь особеннаго значенія, которое придаютъ имъ иные. Это именно—разногласія у Грековъ, а у насъ споры, относительно того, по случаю какихъ праздниковъ отмѣнять постъ среды и пятка. Въ древнѣйшее время постъ среды и пятка въ продолженіе года былъ отмѣняемъ, во-первыхъ, на недѣли отъ Пасхи до пятидесятницы, во-вторыхъ—для праздника Рождества Христова ¹⁾. Въ это древнѣйшее время не было другихъ Господскихъ праздниковъ, которые бы могли приходиться въ среду или пятницу, ибо сіи праздники были: Богоявленіе, Вознесеніе и Пятидесятница и изъ нихъ Богоявленіе до второй половины IV вѣка было празднуемо (на Востокѣ) вмѣстѣ и въ одинъ день съ Рождествомъ ²⁾. Когда явились другіе Господскіе праздники, первымъ въ числѣ которыхъ было Богоявленіе, отдѣленное отъ Рождества, то начали отмѣнять постъ среды и пятка и для нихъ и кромѣ самыхъ праздниковъ для такъ называемаго двѣнадцатидневья (*δωδεκαήμερον*) отъ Рождества до Богоявленія (какъ бы новая пятидесятница). Затѣмъ стали отмѣнять его для явившихся Богородичныхъ праздниковъ; а наконецъ, вполнѣ или не вполнѣ отмѣнять и для праздниковъ нарочитыхъ святыхъ и подобно двѣнадцатидневию еще для нѣкоторыхъ временъ (недѣли Мытаря и Фарисея и сыропустная). Вмѣстѣ съ симъ, какъ бы въ возмѣщеніе за новыя отмѣны, начали держать постъ въ продолженіе пятидесятницы ³⁾. Такое съ одной стороны расширеніе, а съ другой сокращеніе поста совершалось не самою церковью и не способомъ законодательнымъ, а входило путемъ

¹⁾ См. у *Бинн.* Vol. IV, pp. 76 и 258.

²⁾ *Бинн.* *ibid.* p. 69.

³⁾ Постъ не совершенно полный не позднѣе какъ съ начала IX вѣка, ибо у преп. Теодора Студита въ *Катѣх. урок.*: въ среды и пятки пятидесятницы воздержаніе отъ мяса и сыра, за исключеніемъ преполовенія и послѣдней недѣли предъ Троицынымъ днемъ,—§§ 10 и 11.

частнаго и мѣстнаго обычая. А отсюда явились у Грековъ и разногласія, ибо одни отмѣняли постъ для одного количества праздниковъ, другіе для другаго, одни постились въ пятьдесятницу, другіе по древнему не постились и т. д. ¹⁾.

У насъ въ Россіи нѣкоторыя правила относительно поста среды и пятка предписалъ митр. Георгій въ своемъ Уставѣ бѣлеческомъ, и именно—ничего не говоря о праздникахъ, если они случатся въ эти дни, онъ даетъ предписанія относительно времени пятьдесятницы, двѣнадцатидневья и недѣль Мытаря и Фарисея и сыропустной: въ среды и пятки пятьдесятницы, по его Уставу, постъ въ смыслѣ воздержанія ослабляется,—яденіе дважды днемъ, а не однажды, но въ отношеніи къ роду пищи—мясо только въ Преполовленіе и на Троицкой недѣлѣ, въ остальное же время рыба (§ 1); въ двѣнадцатидневье отъ Рождества до Богоявленія—мясо (§ 5); въ недѣлю Мытаря и Фарисея мясо только тамъ, гдѣ есть Армены, въ укоризну цѣлонедѣльному посту которыхъ въ сію недѣлю положено отмѣнять постъ ея среды и пятка (§ 6); въ недѣлю сыропустную—сыръ, но яденіе однажды днемъ (*ibid*). Въ отношеніи къ пятьдесятницѣ наша практика не согласовалась съ Уставомъ митр. Георгія и состояла въ томъ, что у насъ не держали поста во все ея продолженіе. Затѣмъ, относительно праздниковъ у насъ утвердился тотъ обычай, чтобы отмѣнять постъ для всѣхъ праздниковъ Господскихъ и Богородичныхъ и для праздниковъ нарочитыхъ святыхъ, — Предтечи, апп. Петра и Павла, Іоанна Богослова, великомучениковъ Георгія и Димитрія и другихъ ²⁾.

Ввелись ли у насъ наши порядки самовольно или взяты съ образца патріархата Константинопольскаго въ ту минуту, какъ мы приняли христіанство, сказать не можемъ. Какъ бы то ни было, но въ половинѣ XII вѣка онѣ представлялись несогласными съ порядками сего послѣдняго. Большинство предстоятелей Русской церкви, а въ томъ числѣ и митрополиты, смотрѣли на это несогласіе какъ на дѣло безразличное, весьма похваляя тѣхъ, которые въ виду патріархата Кон-

¹⁾ Сгг *Руднева* Разсужденіе о ересяхъ и расколахъ, стр. 52 (Патріархъ Николай Грамматикъ считаетъ разрѣшенною отъ поста недѣлю всѣхъ святыхъ, говоря, что думающіе иначе показываютъ совершенное невѣдѣніе законоположеннаго апостолами и отцами (у *тревосв. Порфирія* стрр. 213 *лп.* и 438); но Вальсамонъ не говоритъ о сей недѣлѣ (у Ралии и П. II, 89 и IV, 487). По патр. Николаю въ сырную недѣлю не разрѣшено мясо; по Вальсамону—разрѣшено (*ibid.*).

²⁾ Наши обычаи указываются Никоновскою лѣтописью въ разсказѣ о Поликарпѣ, игуменѣ Печерскомъ,—подъ 1168 г., II, 168.

стантинопольскаго ревновали о ббльшей строгости, но не предпринимая мѣръ и стараній къ тому, чтобы согласовать съ нимъ Русскую церковь ¹⁾. Но явился одинъ ревнитель сего соглашенія Русской церкви съ патриархатомъ Константинопольскимъ между епископами. Это былъ епископъ Ростовскій Несторъ, по всей вѣроятности родомъ Грекъ, который въ 1157 г. предпринялъ попытку ввести въ своей епархіи относительно поста среды и пятка порядки Константинопольскіе. Попытка Нестора встрѣтила со стороны Ростовцевъ сопротивленіе; нашлись люди, которые и книжнымъ образомъ его препирали: и дѣло кончилось тѣмъ, что онъ былъ прогнанъ Андреемъ Боголюбскимъ съ кафедръ ²⁾. Епископъ отправился въ Константинополь къ патриарху (Лука Хризвергу), который, оправдывая его, прислалъ Боголюбскому обстоятельное наставленіе относительно поста среды и пятка. Это наставленіе, пока извѣстное, къ сожалѣнію, въ спискахъ, очевидно, поврежденных ³⁾, есть слѣдующее: Если случатся въ среду или пятокъ праздники Рождества Христова и Богоявленія, то мірянамъ ѣсть мясо и все, а монахамъ молоко, масло коровье, сыръ и яйца; въ праздники Рождества Богородицы, Успенія, Срѣтенія и Преображенія, если случатся въ среду или пятокъ, разрѣшаются мірянамъ и монахамъ масло деревянное, овощи, рыба и вино; въ два праздника Предтечевы и въ праздники апп. Петра и Павла и Іоанна Богослова и другихъ нарочитыхъ святыхъ, если случатся въ среду или пятокъ, тоже самое, что и въ предыдущіе, но только въ томъ случаѣ, если благословить и повелить епископъ ⁴⁾; въ двѣнадцать дней отъ Рождества Христова до Крещенія, въ недѣлю о Мытарѣ и Фарисеѣ, въ недѣлю сыропустную, въ недѣлю свѣтлую, въ недѣлю послѣ Троицына дня и отъ свѣтлой недѣли до пятидесятницы <поста, иже до девятаго часа не соблюдаемъ, но хотя аденія сыра и масла коровьяго отмечаемъ, стыденіемъ апостольскаго правила, то масло деревянное и другое къ сему и рыбу ѣдимъ>; если отъ пасхи до Пятидесятницы въ среду или пятокъ случится праздникъ Господскій или какого нарочитаго святаго, то <спра-

¹⁾ См. у Кирика въ Вопросаніи, у *Калайд.* стр. 194, у *Павл.* col. 51.

²⁾ Никон. лѣт. II, 161 и 184.

³⁾ Посланіе въ Никон. лѣт. II, 180; именно о постѣ въ немъ стр. 187.

⁴⁾ У преп. Θεодора Студита въ словѣ о постахъ (*Κατήχ. χρον.*): въ Рождество Христово и Богоявленіе разрѣшаемъ на все (§§ 6 и 7); въ Преображеніе, Рождество Богородицы, Введеніе, Срѣтеніе, Успеніе, въ рождество и усѣкновеніе Предтечи и въ день апп. Петра и Павла разрѣшаемъ на масло и на рыбу (§§ 5 и 11); въ дни мучениковъ и іерарховъ не разрѣшаемъ поста (§ 5).

шивай своего епископа и дѣлай такъ, какъ онъ велить». Этотъ указъ патріарха о постѣ среды и пятка, повидимому, долженъ былъ ввести у насъ порядки Константинопольскіе. Однако онъ этого не сдѣлалъ (какъ видно изъ дальнѣйшаго,—дѣло Поликарпово), и Русскіе остались при своихъ прежнихъ обычаяхъ.

Вслѣдъ за Несторомъ, хотѣвшимъ примирить Русскую церковь или точнѣе—свою епархію Ростовскую съ патріархатомъ Константинопольскимъ, не совсѣмъ понятнымъ образомъ явился проповѣдникъ новаго ученія о постѣ среды и пятка, представлявшій собою совершенную крайность. Этотъ проповѣдникъ явился въ томъ же Ростовѣ и былъ преемникъ Несторовъ на епископской кафедрѣ—Леонъ. Подъ 1164 г. лѣтопись Лаврентьевская сообщаетъ: «въ то же лѣто вста ересь Леонтианская; Леонъ епископъ не по правдѣ поставися Суждалю, Нестеру епископу Суждальскому живу сущу, перехвативъ Нестеровъ столъ, (в) поча (у) Суждали учити не ѣсти мясъ въ Господскіе праздники въ среды и въ пятки ни на Рождество Господне ни на Крещенье». Ученіе столько крайнее, противорѣчившее и тому, что предписывалъ патріархъ, естественно должно было показаться Ростовцамъ ересью. На его проповѣдника собранъ былъ Андреемъ Боголюбскимъ мѣстный церковно-земскій соборъ, состоявшій изъ священниковъ и всѣхъ людей и на немъ Леонъ былъ «упертъ» выставленными отъ князя людьми ¹⁾. Оставшись при своемъ мнѣніи, Леонъ, подобно своему предшественнику, хотѣлъ перенести дѣло на судъ патріарха, къ которому и отправился. Однако въ Греціи онъ былъ обличенъ еще прежде, чѣмъ дошолъ до патріарха ²⁾. Съ какой стати Леонъ проповѣдывалъ свое крайнее мнѣніе, возстававшее противъ только что преподаннаго наставленія патріарха, остается неизвѣстнымъ. Если онъ былъ Грекъ, что весьма вѣроятно, то нужно думать, что онъ опирался на какіе нибудь авторитеты и примѣры, болѣе для него убѣдительные, чѣмъ авторитетъ патріарха и что отправляясь къ послѣднему онъ хотѣлъ его переубѣдить; если же онъ былъ Русскій, то нужно думать, что онъ дошолъ до своего мнѣнія какимъ нибудь путемъ самостоятельнаго умствованія. Вообще, его поведеніе, именно—желаніе перенести дѣло на судъ въ

¹⁾ «Упре его владыка Феодоръ», т. е. тотъ Феодоръ или Феодорецъ, который послѣ Леона поставленъ былъ въ епископы Ростовскіе и который, добывавшій архіепископію, палъ въ борьбѣ съ митрополитомъ.

²⁾ Лавр. лѣт. *ibid.* Идя къ патріарху, Леонъ встрѣтилъ импер. Мануэля, предъ которымъ былъ обличенъ, на какой-то рѣкѣ, — вѣроятно, на Дунаѣ, когда Мануэль шелъ войной на Венгровъ.

Константинополь и потомъ упорство, съ которымъ онъ отстаивалъ свое мнѣніе въ Греціи ¹⁾, даетъ знать, что онъ мнилъся имѣть за него какія-то твердыя доказательства.

Черезъ четыре года послѣ Леона въ 1168 г. дѣло о постѣ въ среду и пятокъ возобновилось въ Кіевѣ. Митрополитъ Константинъ 2-й, прибывшій на Русь въ предшествующемъ 1167 г., запретилъ и заточилъ игумена Печерскаго монастыря Поликарпа за то, что этотъ совсѣмъ разрѣшалъ постъ въ меньшіе Господскіе праздники и въ праздники Богородичные и нарочитыхъ святыхъ, а также и въ продолженіе времени отъ Пасхи до Пятидесятницы ²⁾. Указанное значить, что игумень Печерскій относительно поста держался того обычая, который господствовалъ у насъ безъ возраженій до епископа Ростовскаго Нестора. Такъ какъ невозможно предположить, чтобы въ случаѣ принятія у насъ къ исполненію указа о постахъ патріаршаго, адресованнаго къ Боголюбскому, воспротивился ему Печерскій монастырь, то изъ поведенія Поликарпа слѣдуетъ заключать, что указъ не былъ принятъ и что въ Печерскомъ монастырѣ продолжали держаться прежняго обычая вмѣстѣ со всѣми другими. Но если такъ, то представляется страннымъ поведеніе митрополита: ему, повидимому, должно было не нападать въ частности на Поликарпа, а издать общій указъ, которымъ бы отмѣнялся существовавшій обычай и подтверждался указъ патріарха. Вѣроятно, дѣло было такъ, что митрополитъ, рѣшившійся согласовать Русскую церковь съ патріархатомъ Константинопольскимъ, хотѣлъ начать введеніе новаго порядка съ монастырей и требовалъ отъ Печерскаго монастыря, чтобы онъ показалъ другимъ монастырямъ примѣръ. Добился ли чегонибудь митрополитъ отъ Поликарпа, остается неизвѣстнымъ; по всей вѣроятности—нѣтъ. Вмѣстѣ съ митрополитомъ стояли за Константинопольскіе обычая два епископа—Черниговскій Антоній, родомъ Грекъ, и Переяславскій, неизвѣстный по національности и по имени ³⁾. Первый хотѣлъ ввести ихъ въ своей епархіи не между одними монахами, но и мірянами; но также потерпѣлъ совершенную неудачу: много возбранялъ онъ своему князю Черниговскому Святославу ѣсть мясо въ меньшіе праздники; но дѣло кончилось тѣмъ, что онъ самъ былъ прогнанъ княземъ съ каѳедры ⁴⁾.

Попытка митр. Константина никѣмъ болѣе не была возобновляема

¹⁾ Предъ императоромъ,—Лавр. лѣт., *ibid.*

²⁾ Лаврент. и Никон. лѣтг. подъ 1168 г.

³⁾ Никон. лѣт..

⁴⁾ Лаврент. лѣт..

въ періодъ домонгольскій и дѣло осталось такъ, т. е. въ прежнемъ положеніи, до временъ послѣмонгольскихъ.

Замѣчательную черту бывшихъ у насъ споровъ о постѣ въ среду и пятокъ или точнѣе возникавшихъ о немъ дѣлъ составляетъ то, что предки наши, имѣя порядки отличные отъ порядковъ Константинопольскихъ, воспротивились введенію у себя этихъ послѣднихъ. Относительно мотивовъ сопротивленія мы не имѣемъ прямыхъ указаній, а поэтому и не можемъ сказать ничего положительнаго. Со всею вѣроятностію слѣдуетъ думать, что такимъ мотивомъ было не нерасположеніе предковъ нашихъ къ посту, ибо человекъ подобный Поликарпу, игумену Печерскому, дѣйствовалъ, конечно, не по сему побужденію. Изъ другихъ объясненій вѣроятнѣйшимъ представляется намъ слѣдующее: предки наши вмѣстѣ съ христіанствомъ приняли отъ Грековъ или можетъ быть отъ Болгаръ извѣстный порядокъ относительно поста среды и пятка; въ послѣдствіи этотъ порядокъ оказался несогласнымъ съ порядкомъ Константинопольскимъ; но предки наши видѣли въ Греціи, а можетъ быть—и въ самомъ патриархатѣ Константинопольскомъ, не одинъ порядокъ Константинопольскій, но и многіе другіе; изъ сего вытекало для нихъ то заключеніе, что по отношенію къ посту согласіе съ Константинополемъ не обязательно, — что есть право держаться порядковъ и особыхъ отъ него: пользуясь симъ правомъ, они и хотѣли твердо держаться порядка своего собственнаго, наслѣдованнаго отъ отцевъ и имѣвшаго за себя голосъ ихъ отечественныхъ авторитетовъ ¹⁾.

Въ настоящее время посты содержатся у насъ (тѣми, къ которымъ относятся) наибольшую частію такъ, что отъ нихъ остается почти одно имя. Дѣйствительный постъ есть, во-первыхъ, не безразличное употребленіе всякой такъ называемой постной пищи, а именно извѣстныхъ предписанныхъ родовъ ея; во-вторыхъ и главное, есть воздержаніе отъ пищи, не вкушеніе ея ранѣе положеннаго времени, въ большемъ количествѣ блюдъ (подачъ, перемѣнъ) и большее количество разъ противъ положеннаго. Въ простомъ народѣ различеніе родовъ постной пищи еще отчасти соблюдается; но поста въ смыслѣ воздержанія, въ смыслѣ неупотребленія пищи въ недолжное время и болѣе должнаго и простой народъ у насъ почти вовсе не знаетъ, за исклю-

¹⁾ Разумѣемъ слова преп. Феодосія Печерскаго въ посланіи къ вел. кн. Изяславу: «егда ся приключитъ въ среду или въ пятокъ Господскій праздникъ либо святѣй Богородици или 12 апостолъ: то ѣжь мѣсо» (Учен. Запис. II Отд. Ак. Н. кн. II, вып. 2, стр. 215 нач.).

ченіемъ рѣдкихъ отдѣльныхъ въ немъ людей, строго ревнующихъ о соблюденіи уставовъ церкви. Въ древнѣйшее время посты, какъ одно изъ важныхъ и совершенно обязательныхъ установленій церкви, были соблюдаемы весьма строго. Какъ было въ семь отношеніи у Грековъ, а вслѣдъ за ними и у насъ, въ нашъ періодъ домонгольскій, не знаемъ; но правила того времени продолжаютъ подтверждать древнее узаконеніе, чтобы въ дни поста не вкушать пищи, состоящей изъ сухояди, ранѣе 9-го часа, который по нашему теперешнему есть 3-й часъ по полудни, и вкушать только однажды днемъ ¹⁾).

Полныя правила относительно соблюденія постовъ мірянами предписываетъ митрополитъ Георгій въ своемъ Уставѣ бѣлеческомъ, а нѣчто о постѣ среды и пятка въ непостныя времена года находимъ у преп. Феодосія Печерскаго, при чемъ въ отношеніи къ симъ днямъ оказывается между обоими существенное различіе. Вотъ правила митр. Георгія. Въ *Великое говенье* первую недѣлю ѣсть сухо (сухояденье) однажды днемъ, а (вина) не пить; {(въ субботу и воскресенье ѣсть дважды) и употреблять рыбу; если кто будетъ боленъ, то (въ эти два дня) на обѣдъ и на ужинъ по три великихъ чаши вина; послѣ первой (Феодоровой) недѣли въ продолженіе всѣхъ другихъ недѣль: въ понедѣльникъ, среду и пятокъ сухояденіе однажды днемъ; во вторникъ и четвергъ сочиво съ масломъ деревяннымъ или маковымъ однажды днемъ; въ субботу и воскресенье рыба дважды днемъ (§ 7). Въ *Филитовъ постъ* во всѣ простыя (будніе) дни безъ варива и питья (вина) ѣсть пооднажды днемъ; въ субботу и въ воскресенье (рыба) дважды днемъ (§ 4). Въ *Петровъ постъ* въ понедѣльникъ, среду и пятокъ безъ варива и питья (вина) однажды днемъ; во вторникъ, четвергъ, субботу и воскресенье рыба дважды днемъ (§ 2 пп.). Относительно *Успенскаго поста* нѣтъ предписанія, что, вѣроятно, должно понимать такъ, что большая или меньшая строгость его соблюденія оставлялась на собственную волю каждаго. *Среды и пятки* въ продолженіе непостныхъ временъ года: отъ Пасхи до Пятидесятницы (за исключеніемъ недѣли Троицкой, въ которую мясо) рыба дважды днемъ и питье (вина) въ мѣру; во все остальное время (за указаннымъ выше исключеніемъ) вариво — сочиво (или) горохъ съ масломъ деревяннымъ и маковымъ, безъ питья вина, однажды днемъ (§§ 1 и 3).

¹⁾ Патр. Николая Грамматика († 1111) см. у Руднева въ Разсужденіи о ересяхъ и расколахъ, стр. 52, патр. Луку Хризостерга въ посланіи къ Андрею Боголюбскому см. въ выпискѣ нѣсколько выше (А о древнемъ времени *Бит.* Vol. IX, pp. 214 и 259).

Преп. Θεодосій Печерскій въ своемъ посланіи къ вел. князю Изяславу говоритъ о постѣ среды и пятка въ непостныя времена года: «(Божественніи святіи апостоли) законъ положиша, да всякъ крестьянинъ постится въ среду и пятокъ—бѣльцы отъ мясъ, черныцы отъ сыра» ¹⁾. Это значить, что преп. Θεодосій разрѣшаетъ мірянамъ въ среды и пятки ѣсть сыръ,—что по нему такъ называемую скоромную пищу составляетъ одно мясо, а сыръ есть одинъ изъ видовъ пищи постной. Такъ какъ вовсе нельзя, конечно, думать, чтобы преп. Θεодосій устанавливалъ собственный законъ, то необходимо наоборотъ думать, что таково было мнѣніе многихъ или нѣкоторыхъ въ Греціи, перешедшее къ намъ совмѣстно съ тѣмъ другимъ мнѣніемъ, представителемъ котораго является митр. Георгій. Не знаемъ, котораго устава держалось у насъ большинство. Но во всякомъ случаѣ, что у насъ господствовало не исключительно одинъ уставъ, а совмѣстно оба, на это мы имѣемъ оффиціальное свидѣтельство. Въ Правдѣ Ярославовой о поконяхъ или кормовыхъ урокахъ вирника (полицейскаго чиновника, разслѣдующаго дѣла о мертвыхъ тѣлахъ) говорится, что въ среду ему взять куну или сыръ, а въ пятницу такъ же ²⁾.

Относительно поста дѣтей митр. Георгій даетъ не вполне ясное предписаніе: «въ говѣнье дѣтяти молоду коровья молока не ясти: два говѣнья матеръ ссеть, а въ третье не дати ему ясти», т. е. какъ кажется, никакого молока ни материна, ни коровьяго (§ 55).

Затѣмъ, у него же читаемъ еще два наставленія относительно поста, занимаванныя у людей, которые занимались мелочами съ фарисейскимъ тщаніемъ: «Въ говѣнье главу ищи въ субботу или въ ведѣлю» (ибо избіеніе головныхъ животныхъ, подразумѣвается, есть дѣло нарушающее строгость поста,—§ 66), и еще: «Въ говѣнье не достопитъ сѣдѣти нога на ногу возложше» (ибо это возбуждаетъ плотскую похоть,—§ 76).

Въ помянутомъ посланіи преп. Θεодосія Печерскаго читаемъ невразумительныя рѣчи о средѣ и пяткѣ. Онъ пишетъ: «реклъ бо еси, благородне, аще отречется (кто) въ среду и въ пятницу не ясти мясъ, добро ли есть? Добро вельми и полезно, и не я сего завѣщаю, но божественніи святіи апостоли, да тако бо законъ положиша, да всякъ крестьянинъ постится въ среду и пятокъ, бѣльцы отъ мясъ, а черныцы отъ сыра: въ среду же, понеже свѣтъ сотвориша Жидове на Христа, а въ пятокъ распяша Господа беззаконници; ты же, княже

¹⁾ Въ Учен. Записк. II Отд. Акад. Н., кн. II, вып. 2, стр. 214.

²⁾ Русск. Достоин. I, 30: «въ среду куна оже сыръ, а въ пятницу такоже».

мой, аще которыя ради вины отрелкъся еси или напасти ради въ среду и пятокъ мясь не ясти,—глаголетъ Давидъ пророкъ и царь: общайтесь и воздадите; недостойтъ человѣку крестьяну себе связати, оже не ясти ни пити, нъ оже связанъ будетъ отъ отца духовнаго; обаче преданіе имама отъ святыхъ апостолъ и отъ святыхъ богоносныхъ отецъ: въ Господьскихъ праздницѣхъ и святой Богородици во всѣ праздники и въ память святыхъ апостолъ 12 праздновати духовно, а отъ избытка нашего питати убогыз; и понеже еси мене въпрапалъ недостойнаго (то отвѣчаю тебѣ): аще связанъ еси отцемъ духовнымъ въ среду и въ пятокъ мясь не ясти, отъ того же (отца духовнаго) и разрѣшеніе приими или (а если) самъ ся еси зареклъ, Богъ мене ради проститъ тя; егда же ся приключитъ въ среду или въ пятокъ Господьскій праздникъ либо святѣй Богородици ли 12 апостолъ, то ѣжь мясо ¹⁾. Полагають, что въ приведенномъ мѣстѣ преп. Феодосій отвѣчаетъ на вопросъ Изяслава: ѣсть или не ѣсть мясо въ среду и пятокъ, если въ эти дни случится праздникъ. Однако совершенно ясно, что онъ отвѣчаетъ не на этотъ частный вопросъ, а вообще на вопросъ: ѣсть или не ѣсть мясо въ среду и пятокъ, а о праздникахъ говорить только кстати. Но что значить этотъ послѣдній вопросъ? Не умѣя что нибудь отвѣчать, оставляемъ вопросъ о вопросѣ открытымъ ²⁾.

Правила относительно пищи мірянъ въ продолженіе непостныхъ или скоромныхъ временъ года находимъ у того же митр. Георгія, чтд и о постахъ. Прежде всего онъ, согласно съ Іоанномъ Постникомъ и Уставомъ Іерусалимскимъ, причисляетъ къ постнымъ днямъ понедѣльникъ ³⁾ и предписываетъ о немъ тоже самое, что о средѣ и пяткѣ (сейчасъ выше). Затѣмъ, его правила, отличающіяся неожиданною и не совсѣмъ понятною для насъ требовательностію, состоятъ въ слѣ-

¹⁾ Учен. Запис... стр. 214 sub fin..

²⁾ Патріархъ Александрійскій Маркъ между другими многими вопросами, съ которыми онъ обращался къ Теодору Вальсамону, между прочимъ задавалъ послѣднему и такой вопросъ: «Достойнъ прощенія или нѣтъ разрѣшающій на мясо, сыръ и яйца въ среды и пятки всего года?»—у Ралли и II. IV, 487. Вопросъ показываетъ, что во времена Марка—Вальсамона еще были люди, не соблюдавшіе среды и пятка и что для иныхъ еще оставалось не рѣшеннымъ вопросомъ, какъ смотрѣть на это несоблюденіе поста.

³⁾ См. у Руднева въ Разсужденіи о ересяхъ и расколахъ прим. 54, стрр. 14 и 16 (Преп. Феодоръ Студитъ,—*Κατήχ. χρον.* § 11, и Аванасій Аѳонскій,—въ Запискахъ поклон. св. Горы стр. 207, присоединяютъ понедѣльникъ къ средѣ и пятку, когда говорятъ о постѣ Апостоловъ, именно—предписывая особено строгое пощеніе не въ одни среду и пятокъ, но въ понедѣльникъ, среду и пятокъ).

дующемъ: отъ Пасхи до Пятидесятницы во вторникъ, четвергъ, субботу и воскресенье—мясо; въ остальное время года по вторникамъ и четвергамъ молоко и рыба, по субботамъ и воскресеньямъ мясо (§§ 1 и 3). Нѣтъ сомнѣнія, что митрополитъ Георгій, возбраняя по вторникамъ и четвергамъ ѣсть мясо, законодательствуетъ не самъ отъ себя; но было ли это въ Греціи въ его время обычаемъ общимъ или только частнымъ, сказать не можемъ. Переходило ли къ намъ это различіе вторника съ четвергомъ отъ субботы и воскресенья, указаній также не знаемъ.

Митрополитъ Іоаннъ въ своемъ Правилѣ и епископъ Нифонтъ у Кирика въ Вопросаніи подтверждаютъ каноническія предписанія о томъ, чтобы не употреблять въ пищу крови животныхъ, удавленныя, звѣроядины и мертвечины ¹⁾. Первый былъ спрашиваемъ о нашемъ обычаѣ травить звѣрей собаками и ловить птицъ кречетами и далъ отвѣтъ: <животныхъ (и птицъ), ловимыхъ собаками и кречетами или другими птицами, если онѣ будутъ умерщвлены (ими), а не заколоты людьми, по правиламъ божественныхъ отецъ, не должно употреблять въ пищу; итакъ,—прибавляетъ митрополитъ спрашивавшему,—держись лучше точнаго смысла правилъ, чѣмъ обычая страны > ²⁾. Кирикъ спрашивалъ Нифонта о другомъ нашемъ обычаѣ ловить птицъ силками и приводилъ ему то, что иные говорятъ, будто слышали отъ другихъ епископовъ, что если-де застанешь птицу въ силкѣ уже удавившеюся, то зарѣжь не вынимая изъ силка, и тогда можно ѣсть. Нифонтъ отвѣчалъ, что агутъ на епископовъ, что никто изъ нихъ этого не сажаетъ, и строго запрещаетъ ѣсть птицъ, удавившихся въ силкахъ ³⁾. Относительно крови Нифонтъ, отвѣчая на вопросъ Кирика, говоритъ, что не должно ѣсть крови животныхъ и птицъ, но нѣтъ бѣды ѣсть кровь рыбью ⁴⁾. Затѣмъ, онъ совѣтуетъ не употреблять въ пищу въ продолженіе нѣкотораго времени, по крайней мѣрѣ — трехъ дней, молока новотельныхъ коровъ, ибо въ первое время оно бываетъ съ кровію ⁵⁾.

На вопросъ Кирика: что употреблять въ пищу и чего не употреблять, Нифонтъ отвѣчалъ: все можно употреблять и въ рыбахъ и

¹⁾ Апост. пр. 63, Трулльск. соб. 67, Гангр. соб. 2.

²⁾ Греческ. подлинникъ въ Запискахъ Акад. Н., т. XXII, кн. 2, прилож. стр. 6.

³⁾ У *Калайд.* стр. 191, у *Павл.* col. 47.

⁴⁾ *Ibid.* стр. 190 fin., col. 47.

⁵⁾ *Ibid.* стр. 191 fin., col. 48.

въ мясахъ, если человекъ самъ себя не зазритъ и не гнушается; если же будетъ зазирать себя и все таки ѣсть, то грѣхъ ¹⁾. Кирикъ спрашивалъ о деревенскихъ жителяхъ, что иные изъ нихъ каются на духу, что ѣдятъ векшину. Нифонтъ отвѣчалъ, что великое зло ѣсть давленину, а если не давлено, то нѣтъ бѣды ѣсть и векшину, (это) гораздо легче ²⁾.

Относительно оскверненія пищи и питья чрезъ какихъ-либо нечистыхъ животныхъ у митрополита Георгія читаемъ: «Если песь налочеть или попадетъ сверчекъ, стонога, жаба, мышь, то прочитаетъ только молитву, а если кто вкуситъ не зная, то нѣтъ епитиміи; если же мышь или жаба сгніетъ и разойдется гноемъ, то не ѣсть, а кто вкуситъ не зная, долженъ поститься 8 дней. Если жаба мертвая попадетъ въ колодезь или хомякъ или мышь, то пусть выльютъ 40 ведеръ, сотворятъ молитву и покропятъ св. водой, — и послѣ того начинаютъ пить (§ 80).

Относительно оскверненной чрезъ впаденіе нечистыхъ животныхъ посуды Кирикъ спрашивалъ Нифонта: должно ли давать молитву глиняному сосуду осквернившемуся или только деревянному, а прочіе лишь вымывать? Нифонтъ отвѣчалъ, что творится молитва всякому сосуду—деревянному, глиняному, мѣдному, стеклянному и серебряному ³⁾..

Правила относительно домашней молитвы, именно—относительно ежедневнаго количества поклоновъ, читаются у митрополита Георгія. Онѣ суть слѣдующія. Во всѣ непостныя времена года ежедневно, за исключеніемъ середъ и пятковъ, по 60 поклоновъ среднихъ или поясныхъ; въ среды и пятки по столько же поклоновъ до земли. Во всѣ посты поклоны двоякіе: въ субботы и воскресенья, начиная съ вечера пятницы и оканчивая вечеромъ воскресенья,—средніе, въ прочіе дни—до земли. Въ великій постъ тѣхъ или другихъ, смотря по днямъ, по 300 на день, въ Филипповъ и въ Петровъ посты по 100 (§§ 2—7). Относительно того, когда и сколько разъ на дни совершать домашнюю молитву, митр. Георгій дѣлаетъ наставленіе: «Лѣпо есть крестьянину, въ коемъ жо дѣлѣ существу, въ часы дневныя, въ наже Христось укоръ пріять, распатіе и смерть вкуси, пѣти и хранити молитвами, глаголю

¹⁾ Ibid. стр. 190 sub fin., col. 47.

²⁾ Ibid. стр. 191 sub fin., col. 47.

³⁾ у *Калойд.* стр. 173 (вмѣсто напечатаннаго «измывать» должно читать «измывати»), у *Павл.* col. 23.

убо 3-й часть и 6-й и 9-й» (§ 104), т. е. по нашему по теперешнему счету—часы 9-й, 12-й и 3-й послѣ полудня.

Домашнюю святыню составляютъ домовые кресты и иконы, личную—шейные или тѣльные кресты и иконки.

Относительно домовыхъ крестовъ и иконъ Кирикъ спрашивалъ епископа Савву: «Въ клѣти иконы держати или честный крестъ, до-стоить ли (мужу) быти съ женою своею», т. е. если въ комнатѣ будутъ иконы или честный крестъ, то достойтъ ли и пр. Епископъ отвѣчалъ: «Ни въ грѣхъ, (ибо) положена своя жена; а въ Грецихъ въ полатѣ ту имѣніе, ту иконы, ту честный крестъ, ту лежить мужъ съ женою (а у Грековъ такой обычай, что въ одной комнатѣ и имѣніе и иконы, и пр.): а крестъ (который) на тебѣ ци (развѣ) съимаешь, рече, буда (будучи) съ своею женою?»¹⁾ Слово клѣтъ въ древнемъ русскомъ языкѣ употребляется не столько въ смыслѣ комнаты жилой, избы, сколько въ смыслѣ нынѣшней крестьянской горницы, свѣтелки,—холодной комнаты при жилой избѣ, служившей (и служащей) для помѣщенія имущества (и для приѣма гостей лѣтомъ)²⁾. Кирикъ въ приведенныхъ словахъ, давая знать, что у насъ въ противность Грекамъ иконы и кресты помѣщались въ древнее время не въ жилыхъ избахъ, а въ находившихся при нихъ «горницахъ», спрашиваетъ епископа: позволительно ли быть мужьямъ съ женами въ этихъ горницахъ, въ которыхъ находились иконы и кресты.

По поводу еноклнвевъ архіерейскихъ мы сказали выше, что у Грековъ былъ весьма распространенъ обычай носить на шеяхъ кресты или иконки. Обычай этотъ восходитъ къ весьма древнему времени и начался съ ношенія такъ называемыхъ филиктеріевъ или амулетовъ, которое было заимствовано одновременно у Іудеевъ и язычниковъ. Филиктерія Іудеевъ, предписанные къ употребленію Моисеемъ (Исх. 13, 9. 16, Второзак. 6, 8) и упоминаемые Спасителемъ въ Евангеліи (Мѡ. 23, 5: *разширяютъ же хранилища—πλατύνουσι δὲ τὰ φυλακτήρια*) состояли изъ полосокъ пергамина или какойнибудь ткани съ написанными на нихъ изреченіями изъ закона и носились въ видѣ повязокъ на челахъ (очелій) и въ видѣ перевязей на рукахъ. Филиктеріи или амулеты язычниковъ состояли изъ лоскутковъ пергамина съ написанными на нихъ принятыми изреченіями (заклятіями, заговорами), изъ

¹⁾ У *Калайд.* стр. 195 § 4, не сполна, у *Павл.* сполна col. 52.

²⁾ У Еванг. Маттея 6, 6: *ты же егда молишися, отиди въ клѣтъ твою*, по-греч. εἰς τὸ ταμίειον σοῦ, т. е. въ ружадницу твою (въ горницу твою—въ точное крестьянское значеніе этого слова).

маленькихъ священныхъ или символическихъ изображеній, а преимущественно изъ драгоценныхъ камней, которымъ въ древности усвоили разнообразныя чудесныя свойства, и носились преимущественно въ видѣ подвѣсокъ (навязокъ, по нашему по древнему «наузовъ») на шеѣ. По подобію Іудеевъ и язычниковъ и у христіанъ ввелся обычай носить свои христіанскіе филактеріи, и именно—по подобію первыхъ преимущественно листки пергамина съ написанными на нихъ словами изъ Евангелія (и даже цѣлыя миниатюрнаго письма Евангелія), а по подобію вторыхъ навязанными на шею ¹⁾: эти-то филактеріи съ теченіемъ времени и замѣнены были крестами и иконками, внутри которыхъ старались имѣть частицы животворящаго древа или мощей святыхъ, для каковой цѣли иногда устроили ихъ полыми или створчатыми. Обычай носить кресты или иконки не былъ обязательнымъ (и они не надѣвались на крещаемыхъ), но, какъ даютъ знать свидѣтельства, былъ весьма распространеннымъ или даже, по нѣкоторымъ указаніямъ, и совсѣмъ всеобщимъ ²⁾. Они назывались нарицательно—или именемъ предшествовавшихъ имъ, носившихся на груди, священныхъ вещей—филактеріями или, какъ кресты и иконки архіереевъ, отъ мѣста своего нахожденія, енколпіями. Носились они, какъ кажется, не непременно подъ платьемъ, «въ нѣдрѣ» или въ пазухѣ, откуда ихъ послѣднее названіе (ἐγκόλιον изъ ἐν и κόλπος—нѣдро, пазуха), но и поверхъ платья. Они играли весьма важную роль во взаимныхъ сношеніяхъ людей: если двое давали другъ другу какія-нибудь важныя обѣщанія или заключали между собою важное условіе, то скрѣпляли свою вѣрность данному слову тѣмъ, что мѣнялись енколпіями; если кто-нибудь хотѣлъ твердо удостовѣрить другаго въ чемъ-нибудь, особенно если государь обѣщаль милость человѣку опальному или виновному, то посылалъ ему свой енколпій (наши позднѣйшія опасныя грамоты) ³⁾.

У насъ въ Россіи ношеніе шейныхъ или тѣльныхъ крестовъ, какъ свидѣтельствуютъ митр. Георгій и Вопросаніе Кириково, вошло въ

¹⁾ См. у Дюк. въ Gloss. Graec. подъ сл. Ἐγκόλιον и Φολακτήριον.

²⁾ При совершеніи брачныхъ обрученій женихи съ невѣстами мѣнялись енколпіями или шейными крестами-иконками (У Миклошича въ Acta Patriarchat. Constantinop. II, 212, объ одномъ обрученіи говорится: οὐ προέβη δὲ εἰς τοῦτο ὄτε σταυρικός δεσμός, ὄτε δὲ ἐγκολπίων. Слѣдовательно, какъ будто различаются кресты и енколпіи. — Въ Троицкой Лаврской рукописи № 204, л. 229 об., говорится: «Аще кто безъ крестца ходитъ, проклинаемъ естъ въ святѣи Софѣи въ синадиди».

³⁾ У Дюканжа подъ сл. Ἐγκόλιον.

общій обычай въ періодъ домонгольской. Первый въ своемъ Уставѣ разрѣшаетъ нѣкоторые вопросы и даетъ нѣкоторыя предписанія касательно обращенія съ ними. Онъ говоритъ: «Бѣльцемъ мужемъ достоинъ носить крестъ на себѣ и тако совокупятися съ подружіемъ» (§ 43), затѣмъ не совсѣмъ понятное по чтенію нынѣ извѣстныхъ списковъ: «съ священнымъ крестомъ на проходъ не ходити, или (а если) будетъ съ мощми, то держати (и) дележуще кланятися ему» (§ 44) ¹⁾. Носились у насъ шейные кресты если не всѣми, то князьями, и если не всегда, то иногда не не подъ платьемъ, а поверхъ платья.

Подобно тому, какъ и въ Греціи, эти кресты были употребляемы у насъ во взаимныхъ сношеніяхъ людей, а именно—лѣтописи указываютъ примѣры, что бравшіе съ другихъ какое-нибудь важное общеніе заставляли ихъ цѣловать свой шейный крестъ ²⁾

У Кирика въ Вопросаніи читаемъ невразумительное о шейномъ крестѣ. «Если,—пишется въ одномъ мѣстѣ,—случится глядѣть (на шейный крестъ) или надѣвать (его) на кого, цѣловавши, то (послѣ сего) можно ѣсть всё» ³⁾. «Глядѣть (на шейный крестъ),—пишется въ другомъ мѣстѣ,—или надѣть (его) на кого (и) цѣловать можно и послѣ того, какъ человекъ ѣлъ что бы то ни было» ⁴⁾. По всей вѣроятности, тутъ разумѣется сейчасъ указанное нами общественное употребленіе шейнаго креста, т. е. подъ глядѣніемъ на крестъ, надѣваніемъ его на другаго и цѣлованіемъ разумѣется глядѣніе, надѣваніе и цѣлованіе, дѣланныя съ цѣлю удостовѣренія.

Въ древнее время у насъ, въ слѣдъ за Греками, были въ употребленіи особаго рода шейныя иконки, которыя представляли собою соединеніе христіанскихъ иконъ съ языческими филактеріями или амулетами. Въ 1821 г. была найдена близъ Чернигова золотая шейная иконка, круглая формой, величиной приблизительно съ нынѣшнія большія медали, выбиваемыя для торжественныхъ случаевъ, на которой съ одной стороны изображенъ архангелъ Михаилъ, окруженный надписью, а съ другой стороны женская голова среди змѣй, также окруженная надписью; иконка названа была Черниговской гривной (какое названіе не было удачно,

¹⁾ Какъ кажется, митрополитъ хочетъ сказать, что если крестъ будетъ съ мощами, то не носить его на себѣ, а держать въ честномъ мѣстѣ и такимъ образомъ молиться ему.—Кирика см. немного выше («крестъ на тебѣ ни сънимаешь, буда съ своею женою»).

²⁾ Ипатск. лѣт., 2 изд. стрр. 312, 318 и 368.

³⁾ У *Калайд.* стр. 179 нач., у *Павл.* col. 30.

⁴⁾ У *Калайд.* стр. 196 нач., у *Павл.* col. 52.

ибо гривна значить не иконку или медаль, висящую на шеѣ на цѣпи, а самую цѣпь, висящую на шеѣ; гривна—шейное ожерелье). Послѣ 1821 г. найдены были и другія многія подобныя иконки, т. е. съ тѣмъ же изображеніемъ на одной сторонѣ головы съ змѣями, и имъ усвоено потомъ названіе змѣевиковъ¹⁾. Сколько знаемъ, вопросъ объ этой головѣ съ змѣями до сихъ поръ не рѣшонъ окончательно; но несомнѣнно, что она есть голова Медузы и означаетъ греческій языческій филактерій или амулетъ, перенесенный на христіанскія иконки. По греческой мѣологіи Медуза была одною изъ числа Горгонь—тріады чудовищъ женскаго пола, назначеніемъ которыхъ было внушать смертельный ужасъ (наша русская старая корга?) и между которыми у нея—Медузы, самой ужасной изъ всѣхъ трехъ, голова вмѣсто волосъ была покрыта змѣями (или у которой голова была покрыта отчасти волосами, отчасти змѣями, такъ что первые переплетались съ послѣдними); Минерва, приказавъ отсѣчь Медузѣ голову, возложила послѣднюю на свой шить (τὸ γοργόνειον), вслѣдствіе чего этотъ послѣдній приобрѣлъ силу превращать въ камни враговъ богини²⁾. Головѣ Медузы, какъ обладавшей способностью наводить ужасъ, все прогонять и уничтожать, Греки усвоили силу прогонять болѣзни, предотвращать „сглазы“ (отъ нехорошихъ глазъ) и всякое волшебство (околдованіе), однимъ словомъ—усвоили значеніе филактерія въ смыслѣ чудеснаго предохранительнаго, иначе—амулета, талисмана³⁾. Какъ таковой, они изображали ее на медальонахъ съ тѣмъ, чтобы носить послѣдніе на шеѣ. Эта-то голова Медузина и есть голова съ змѣями нашихъ шейныхъ иконокъ, перенесенная на нихъ въ томъ смыслѣ филактерія или амулета, который она имѣла у языческихъ Грековъ. Подобное крайне предосудительное соединеніе христіанскаго съ языческимъ было сдѣлано не нами, а Греками, мы же, усвоивъ отъ Грековъ иконки, вѣроятно, приписывали головѣ, подобно имъ, чудесную силу, но, конечно, вовсе и не подозрѣвали, что такое она значить. По Черниговской гривнѣ, которая представляетъ собою вещь драгоцѣнную (золотая иконка, не менѣе какъ въ полфунта вѣсомъ), у насъ успѣли заключить, что она принадлежитъ къ числу тѣхъ гривенъ, которыя носимы были князьями и знатнѣйшими боярами, и что изображеніе головы было спеціальною особенностію именно сихъ гривенъ.

¹⁾ Змѣи, числомъ отъ семи до двѣнадцати, выходятъ изъ головы со всѣхъ ея сторонъ (на подобіе того, какъ въ колесѣ спицы изъ ступицы) и потомъ, простираясь къ окружности, или остаются головами у этой послѣдней или заворачиваются къ головѣ и шипятъ на нее съ разинутыми пастьми.

²⁾ Сказаніе о Медузѣ, подобно тому какъ и о наибольшей части личностей греческой мѣологіи, многообразны и разнообразны. Кто хочетъ обстоятельно съ ними ознакомиться, тотъ долженъ обращаться къ спеціальнымъ руководствамъ по мѣологіи.

³⁾ См. статью г. *И. Стефани*: «Аполлонъ Воздроміосъ», помѣщенную въ Запискахъ Акад. Н., т. III, кн. 2, стр. 41 sqq.

Но въ послѣдствіи найдены были иконки и бронзовыя или мѣдныя, изъ чего ясно, что онѣ были особаго рода шейныя иконки, носившіяся всѣми желавшими. Иконки—формой наибольшую частію круглыя; но есть четверугольныя съ полукруглымъ верхомъ и восьмиугольныя. На христіанской, такъ сказать, сторонѣ иконокъ изображенія: распятія, Божіей Матери, архангела Михаила, великомученика Никиты ¹⁾ и неизвѣстно, т. е. нельзя разобрать, чьи; на языческой сторонѣ—голова съ змѣями, болѣе или менѣе разнообразно сдѣланная. Изъ подписей на христіанской сторонѣ иконокъ вокругъ изображенія Божіей Матери читается болѣе или менѣе безграмотно сдѣланная кругомъ его греческая подпись или запись, написъ: Θεοτόχε, σκέπη καὶ βοήθει τὸν ἔχοντά σε α..., т. е. Богородице, буди покровъ и защита имѣющему Тебя, аминь; вокругъ изображенія архангела Михаила: ἅγιος, ἅγιος, ἅγιος Κύριος Σαβαώθ· πλήρης ὁ οὐρανὸς καὶ ἡ γῆ τῆς δόξης αὐτοῦ, т. е. святы, святы, святы Господь, исполни небо и земля славы Его. На языческой сторонѣ иконокъ читается, такъ же сдѣланная болѣе или менѣе безграмотно и твердо еще не установленная, но болѣе вѣроятная греческая подпись (запись, написъ), имѣющая значеніе заговора или заклинанія: Ὑστερα μελάνη, μελα(αι)νομένη μελάνη! Ὡς ὄφεις εἰλέεσαι καὶ ὡς δράκων σφιγείς καὶ ὡς λέων Βρυχᾶσαι καὶ ὡς ἀρνίον κοίτου (κοιμῆσαι), т. е. послѣдняя (дрянная, скверная) ²⁾ черная немочь, распречерная — черная немочь ³⁾! Какъ змѣй ты извиваешься и какъ драконъ пипишь и какъ левъ рыкаешь и какъ ягненокъ вертишься. На нѣкоторыхъ иконкахъ молитвенная или простая подпись ихъ владѣльцевъ. На Черниговской гривнѣ: ги (Господи) помози рабу своему василию (Василию) аминь; на одной другой иконкѣ стоитъ имя: Ефросин (написанное: ефроони).

¹⁾ Разумѣется великомученикъ Никита Готскій, память котораго 15-го Сентября. У Грековъ усвоилась ему власть изгонять духовъ нечистыхъ изъ бѣснующихся, см. у Ралли и П. П., 442 (Апокрифическое сказаніе о немъ, значащееся въ числѣ отреченныхъ книгъ, напечатано въ Памятникахъ старинной русской литературы *Кушелева-Безбородко*, III, 146, и въ Памятникахъ отреченной русской литературы *Тихонравова*, II, 112.

²⁾ Ὑστερος значитъ послѣдній и худой, дрянной (какъ у насъ въ выраженіяхъ: послѣдній человекъ, послѣднее дѣло).

³⁾ Разумѣется по всей вѣроятности трясавица или лихорадка, о которой въ заговорахъ именно употребляется выраженіе: «послѣдняя язя», см. Замѣтки по литературѣ и народной словесности *А. Н. Веселовскаго*, составляющія № 3 приложеній къ XLV тому Записокъ Академіи Наукъ, стр. 91. (А что мнѣніе г. Дестуниса, высказанное имъ въ статейкѣ о написи, напечатанной въ I выпускѣ X тома *Извѣстій Русскаго Археологическаго Общества*, будто ὕστερα тутъ — существительное, значащее матицу, утробу, есть мнѣніе совсѣмъ неудачное, ясно изъ того, что говорится въ заговорѣ о подразумѣваемомъ въ немъ субъектѣ или какъ этотъ послѣдній въ немъ изображается).

**Въ Императорскомъ обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ
при Московск. Университетѣ продаются слѣдующія книги:**

1. Труды и Лѣтописи Общества, 2—8 части. М. 1815—1837 г. Ц. по 50 к. за книгу.

2. Русскія достопамятности. Часть 1—я, 1815 г., ц. 50 к., Ч. 2—я (Русская Правда). 1843 г., ц. 1 р.

3. Предварительныя критическія изслѣдованія для Россійской исторіи. Эверса, пер. съ нѣмец. М. Погодина. М. 1826 г., ц. 1 р.

4. Древности сѣвернаго берега Понта. Соч. П. Кешпена, переводъ съ нѣмец. Средняго—Кашашева. М. 1828 г., ц. 50 к.

5. Псковская лѣтопись, изд. М. Погодинымъ. М. 1837 г., ц. 1 р.

6. Русскій Историческій Сборникъ, изд. М. Погодинымъ. М. 1837—1846 г. 7 томовъ. Ц. по 1 р. за томъ.

7. Славянскія древности. П. І. Шафарика, перев. съ чешскаго О. Бодянскаго. Ч. 1, кн. 1 (1—е и 2—ое изд.), т. II, книга 3. Ц. 2 р. за книгу.

8. Историко—критическія изысканія. Ю. Венелина Т. II. М. 1841 г., ц. 1 р. 50 к.

9. Повѣствованіе о Россіи Н. Арцыбаева. М. 3—й т. Ц. 3 р. Начало IV го (кн. 7, стр. 1—308; кн. 8, стр. 1—16). Ц. 2 р.

10. Критико—историческая повѣсть временныхъ лѣтъ Червонной или Галицкой Руси до конца XV столѣтія. Соч. Зубрицкаго; пер. съ польск. О. Бодянскаго.. М. 1845 г., ц. 1 р. 50 к.

11. О Русскомъ войскѣ въ царствованіе Михаила Феодоровича и послѣ его до Петра 1—го. Изслѣд. И. Бѣляева. М. 1846 г., ц. 50 коп.

12. Книга Большой чертежъ, изд. Г. Сѣвскинъ. М. 1846 г., ц. 1 р. 50 к.

13. Исторія о Донскихъ казакахъ. Соч. Ф. Риттельмана. Безъ рисунковъ. М. 1846 г., ц. 1 р. 50 к.

14. Очеркъ исторіи письменности и просвѣщенія славян. народовъ до XIV в. Соч. А. Мадлевскаго; пер. съ польскаго П. Дубровскій. М. 1846 г., ц. 50 коп.

15. Исслѣдованіе начала народовъ славянскихъ. Разсужденіе Л. Суворецкаго. Переводъ съ польскаго Юстина Бѣлявскаго. Съ предисл. О. Бодянскаго. М. 1846 г., ц. 50 коп.

16. Лѣтопись самовидца о войнахъ Богдана Хмельницкаго и о междуусобіяхъ бывшихъ въ Малой Россіи по его смерти. Съ предисловіемъ П. Кулиша и О. Бодянскаго. М. 1846 г., ц. 1 р.

17. Реймское евангеліе, изд. В. Ганкою. 1846 г. Ц. 3 р.

18. О бунтѣ г.—Пинска и объ усмиреніи онаго въ 1648 году. Переводъ съ польскаго Николая Янковскаго. М. 1847 г., ц. 10 к.

19. Исторія о казакахъ Запорожскихъ. Съ предисловіемъ О. М. Бодянскаго. М. 1847 г., ц. 50 коп.

20. Описаніе о малой Россіи и Украинѣ. Соч. Станислава Зарульскаго. Съ предисл. О. М. Бодянскаго. М. 1847 г., ц. 25 коп.

21. Критическое разложеніе всѣхъ именъ Атталина семейства и прочихъ, такъ называемыхъ гуявскихъ его вельможъ, о которыхъ только упоминаетъ Прискъ въ своихъ лутевыхъ запискахъ. Юрія Венелина, ц. 50 к.

22. Краткое описаніе о казацкомъ Мало—россійск. народѣ и о военныхъ его дѣлахъ. Соч. Петра Симоновскаго. Съ предисл. О. Бодянскаго. М. 1847 г., ц. 1 р. 50 к.

23. Переписка и другія бумаги шведскаго короля Карла XII, польскаго Станислава Лещинскаго, татарскаго хана, турецкаго султана, Филиппа Орлика и кiev-

скаго воеводы Юсифа Потоцкаго на латин. и польск. языкахъ. Съ предисл. О. Бодянского. М. 1847 г., ц. 50 коп.

24. Древнія святыни Ростова великаго. Съ 6 изображениями. Соч. гр. М. Толстаго. М. 1847 г., ц. 50 коп.

25. Описание города Острога. Составл. А. Перлштейномъ. Съ планомъ древняго Острога. М. 1847 г., ц. 20 к.

26. Паралипоменъ Зонаринъ. Съ предисл. О. Бодянского. М. 1847 г., ц. 50 коп.

27. Иностранныя сочиненія и акты, относящіяся до Россіи. Кн. М. А. Оболенскаго. В. 1. Шуагъ. М. 1847 г., ц. 50 коп.

28. Украинскія народныя преданія. Собралъ П. Кулишъ. Квѣтка первая. М. 1847 г., ц. 50 коп.

29. Краткое историч. описаніе о Малой Россіи до 1765 г., съ дополненіемъ о Запорожскихъ казакахъ и приложеніями, касающимися до сего описанія, собранное 1789 г. Съ предисл. О. Бодянского. М. 1848 г., ц. 50 к.

30. Повѣсть о томъ, что случилось на Украинѣ съ той поры, какъ она Литвою завладѣла, ажъ до смерти гетмана Зиновія Богдана Хмельницкаго. Сообщ. И. И. Срезневскимъ. Съ предисловіемъ О. Бодянского. М. 1848 г., ц. 25 коп.

31. Малороссійская переписка, хранящаяся въ Московской Оружейной палатѣ. Сообщ. И. Забѣлинъ. М. 1848 г., ц. 10 к.

32. Грамматично искажена об Рускомъ языкѣ. Сочин. попа-Юрка Крижавицкаго. Съ предисл. О. Бодянского. М. 1848 г., ц. 1 р. 25 к.

33. Исторія Россійская. В. Н. Татищева. Книга 5-я, или часть 4-я. М. 1848 г., ц. 1 р. 50 к.

34. Опытъ русскаго престопаднаго словотолковника. (Буквы А—П; стр. 1—181. М. Макарова. М. 1848 г., ц. 1 р.

35. Очеркъ жизни и дѣлій гр. Ал. Вас. Суворова-Рымникскаго. Изд. П. В. Голубкова. М. 1848 г., ц. 20 к.

36. Алексѣй Однорогъ. Истор. романъ. Спб. 1853 г. Ц. 1 р. съ пересылкою.

37. Источники малороссійской исторіи, собранныя Д. Н. Бантышемъ-Каменскимъ и изд. О. Бодянскимъ. Ч. I. М. 1848 г. Ч. II. М. 1859 г., ц. по 2 р. за томъ; за оба 8 руб.

38. Memorial poétique sur la guerre d'Orient, écrit en vers grecs par Alexandre Soutzo et traduit en prose française par lui même. Odessa, 1855 (стр. 1—225). Ц. 1 р.

39. О времени происхожденія славян.

письменъ. Соч. О. М. Бодянскаго. М. 1855 (безъ снимковъ) ц. 2 р.

40. Діаріушъ или журналъ, т.-е. три дневная записка случавшихся при пана гетмана Скоропадскаго оставшіи ремоній, такожъ и въ канцелярѣ вел. отправуемыхъ дѣлъ. Хорунжагъ Им. Ханенка. Съ историч. свѣдѣніемъ и нителъ О. Бодянскаго. М. 1858 г., ц. 1 р.

41. Лѣтопись и описаніе г. Нем. Н. Закревскій. Съ 4 литогр. М. 1858 г., ц. 2 р.

42. Наставленіе выборному съ русскаго коллегіи въ Комисію о проектѣ Новаго Уложенія Дѣл. На возраженіе депутата Гр. Политинъ наставленіе. М. 1858 г., ц. 20 к.

43. Записка о Чувотскомъ нарождающемъ около береговъ Ледовитъ (изъ секретныхъ свѣдѣній Севастопольскаго). Мнѣніе Мордвинова о способѣ или Россіи удобнѣе можно при себѣ постепенно кавказскихъ Письмо его же къ графу Арх. двору о контрактахъ на поставленіе провіанта Перетодъ и Мнѣніе адмирала Чичагова о проѣзду столицы. Выписка изъ проекта винномъ откупѣ. М. 1858 г., ц. 1 р.

44. Крестьянскія челобитныя мѣщиковъ. Челобитныя помѣщикамъ Вл. Борисовъ. М. 1859 г., ц. 1 р.

45. Тетрадь, а въ ней опальныхъ при царѣ и полк. Васильевичѣ. Челобитная Вои. Маркелла царю Алексѣю о: дѣла чудотворца, хранящаяся Вологодскомъ Соевѣскомъ Н. Суворовъ. М. 1859 г., ц. 1 р.

46. Мнѣніе министра Искра сскаго о проектѣ Уложенія ц. 10 к.

47. Примѣчанія на вѣстоу савшіяся до Россіи графа А. импер. Александру I проектъ общ. А. И. Казначеевъ. О: шаль ли? (о расколовѣ доръ) О. М. Бодянскаго. М.

48. Мнѣнія генерала Мнѣнія послѣдствіяхъ для имуществъ отъ ошибочнѣнія государств. казначѣ подраччиковъ на цѣвѣ полотна по Черноморскіи удобствахъ могущихъ денія закона подвергати личной продажѣ мнѣнія

мужа къ жегъ, когда окажется на первомъ казенное вѣзканіе; и по дѣлу о поимщицѣ Тоузаковой, обвиняемой въ смерти своего мужа. В. 1859 г., ц. 15 к.

49. Походы викинговъ, государствъ, устройствъ, нравы и обычаи древнихъ скандинавовъ. Яоч. А. М. Стрингольма, перев. съ нѣмец. А. Шемякина. Съ приложениями и примѣчаниями нѣмец. переводчика К. Ф. Фриша. В. 1859—1861 г., ц. за обѣ части 3 руб.

50. О земельной собственности въ древней Сербіи. А. Майкова. М. 1860 г., ц. 50 коп.

51. а) Деньги и пулы древней Руси великокиевскія и удѣльныя. Д. Сонцова. М. 1860 г. (стр. 1—X+11—140 съ 11-ю таблицами (№№ 1—11) литограф. снимковъ гуль и денегъ), ц. 2 р. перес. за 2 ф. и б) — Прибавленіе 2-е (стр. 1—IV+5—82+2 таблицы (№ 13 и 14) М. 1862 г., ц. 50 коп. перес. за 1 ф.

52. Переписка между Россіею и Польшою по 1700-й годъ, составленная по дипломатич. бумагамъ Н. Н. Бантышевъ—Каженицкимъ. Съ предисловіемъ О. Бодянского. Ч. I. 1487—1584 гг. М. 1860 г.—Ч. II. 1584—1612 гг. М. 1861 г.—Ч. III. 1612—1645 гг. М. 1862 г., ц. по 1 р. 50 к. за томъ; за всѣ три—3 р. 50 коп.

53. Замѣчаніе графа Ф. В. Ростопчина на книгу г. Стройновскаго. М. 1860 г., ц. 10 коп.

54. По дѣлу о князѣ А. И. Горчаковѣ. М. 1860 г., ц. 10 к.

55. Последній день жизни импер. Екатерины II, и первый день царствованія импер. Павла I. Графа Ф. Ростопчина. М. 1860 г., ц. 10 коп.

56. Примѣчанія о невыгодной торговлѣ съ Бухаріей, писанныя въ 1730 г. Пьеромъ Куки. М. 1861 г., ц. 10 к.

57. Разсужденіе о пользахъ и невыгодахъ пріобрѣтенія Грузіи, Имеретіи и Фаніи со всѣми прилежащими народами. М. 1861 г., ц. 10 к.

58. Каталогъ славянороссійскимъ рукописямъ, погибшимъ въ 1812 г. проф. Базуе: В. Каразина. М. 1862 г., ц. 30 к.

59. Конст. Фѣдор. Калайдовичъ. Биографич. очеркъ. Матеріалы для жизнеописанія К. О. Калайдовича и особенно для изображенія ученой его дѣятельности. П. А. Безсонова. М. 1862 г., ц. 1 р.

60. Дѣло объ Арсеніи Мацѣевичѣ, б. митрополитѣ Ростовскомъ. М. 1862 г., ц. 50 коп.

61. Матеріалы о Гавриилѣ Романовичѣ Державинѣ. М. 1863 г., ц. 30 к.

62. Путешествія венеціанца Марко Поло въ XIII в. Переводъ съ нѣмецкаго А. Шемякина. М. 1863 г., ц. 2 руб.

63. Письма и записки императр. Екатерины II къ графу Никитѣ Иван. Шанину. М. 1863 г., ц. 1 р.

64. Матеріалы объ Ив. Ив. Бецкомъ. Сообщ. Илар. А. Чистовичемъ. М. 1863 г., ц. 50 коп.

65. Церковно-историч. описаніе упраздненныхъ монастырей, находящихся въ предѣлахъ Калужской епархіи. Состав. іером. (нынѣ архим.) Леонидъ. М. 1863 г., ц. 1 р.

66. Журналь генераль-маіора и кавалера Петра Никитича Кречетникова о движеніи и военныхъ дѣйствіяхъ въ Польшѣ въ 1767 и 1768 годахъ. Съ предисл. О. Бодянскаго. М. 1863 г., ц. 1 руб.

67. а) Журналь реляцій къ Ея Импер. Велич. 1782—1787 гг. Тульскаго, Рязанскаго и Калужскаго генераль-губернатора Михаила Никитича Кречетникова и б) письма къ нему гр. З. Г. Чернышева и другихъ. Съ предисловіемъ О. Бодянскаго. М. 1863 г. цѣна 1 руб.

68. Надписи на письмахъ, въ старину въ русскомъ государствѣ употреблявшіяся. М. 1864 г., ц. 10 к.

69. Доношеніе попечителя Казанскаго округа на издателя „Библиографич. листовъ“ г. Министру Нар. Просвѣщенія. М. 1864 г., ц. 10 к.

70. Письма къ государынѣ цесаревнѣ Елизаветѣ Петровнѣ Мавры Шензелевой. М. 1864 г., ц. 10 к.

71. Жизнеописанія древнихъ и средне-вѣковыхъ путешественниковъ, посѣщавшихъ Россію или говорившихъ о ней. Перев. А. Н. Шемякина. М. 1865 г., ц. 3 руб.

72. Обзораніе рукописей и старопечатныхъ книгъ въ книго-хранилищахъ монастырей, городскихъ и сельскихъ церквей Калужской епархіи. Состав. архим. Леонидъ. М. 1866 г., ц. 1 руб.

73. Описаніе славянскихъ рукописей московской Патриаршей бібліотеки. Раздѣлы I—III. Свят. Писаніе, толкованіе его и каноническое право. Трудъ В. М. Ундольскаго. Съ предисловіемъ О. Бодянскаго. М. 1867 г. Ц. 50 к.

74. Путешествіе въ Московію барона Августина Майерберга и Горация Вильгельма Кальвуччи, пословъ импер. Леопольда къ царю Алексѣю въ 1661 г. Пе-

реводъ съ латин. А. Н. Шемякина. Съ предисловіемъ О. Бодянского. М. 1874 г., ц. 2 р.

75. О вліяніи борьбы между народами и сословіями на образованіе русскаго государства въ домонгольскій періодъ. Проф. М. Д. Затыржевича. М. 1874 г., ц. 2 р.

76. Россія при Петрѣ Великомъ, по рукописному извѣстію І. Г. Фоккеродта и Оттона Плейера. Переводъ съ нѣмец. А. Н. Шемякина. М. 1874 г., ц. 1 руб.

77. Бытъ западно-русскаго селянина. Юл. Ѳ. Крачковскаго. М. 1874 г., ц. 1 р. 25 коп.

78. Описаніе путешествія въ Москву посла римскаго императора Николая Варкоча съ 22 іюля 1593 г. Переводъ съ нѣмецкаго А. Н. Шемякина. М. 1875 г., ц. 1 р.

79. Реестра всего войска Запорожскаго послѣ Зборовскаго договора съ королею польскимъ Яномъ Казимиромъ составленныя 1649 г. октября 18-го дня, и изданныя по подлиннику, съ предисловіемъ, О. Бодянскимъ, съ 2-мя литографиров. снимками, именно: гербомъ гетмана Богдана Хмельницкаго и его подписью. М. 1875 г., ц. 1 р. 50 коп.

80. О мѣстѣ погребенія кн. Д. М. Пожарскаго и о томъ, гдѣ онъ лечился отъ ранъ осенью 1611 г. Гр. М. Д. Бутурлина. М. 1876 г., ц. 50 к.

81. О посольствѣ въ Китай графа Головкина. В. Н. Баснина. М. 1876 г., ц. 50 коп.

82. Донесеніе о Московіи Іоанна Пернштейна, посла импер. Максимилиана II при московскомъ дворѣ. Перев. съ итальянскаго гр. М. Д. Бутурлина. Съ предисловіемъ О. Бодянскаго. М. 1876 г. Цѣна 25 коп.

83. Путешествія антиохійскаго патріарха Макарія, описанныя архидіакономъ Павломъ Адепскимъ, переведенныя съ арабскаго на англійскій Ф. К. Бельфуромъ, а съ англійскаго на русскій Дмитріемъ Благово. Выпускъ 1-й. М. 1876 г., ц. 1 р. (597).

84. Русскія народныя пѣсни, собранныя П. В. Шейнымъ. Пѣсни былевья. М. 1877 г., ц. 1 р. (795).

85. Начало и возвышеніе Московіи. Соч. Данила принца изъ Бухова, дважды бывшаго посломъ у Ивана Васильевича, вел. князя Московскаго. Переводъ съ латинскаго И. А. Тихомирова. М. 1877 г., ц. 50 коп.

86. Народныя пѣсни Галицкой и Угорской Руси, собранныя Я. Ѳ. Головацкимъ и изданныя О. Бодянскимъ ч. I—IV., М. 1877. ц. 10 руб.

87. Богословіе св. Іоанна Дамаскина, въ переводѣ Іоанна экзарха Болгарскаго. М. 1878 г., ц. 3 р.

88. Книга записная именованъ писемъ и указамъ императр. Анны Івановны и Елизаветы Петровны Сем. Андреевичъ Салтыкову, 1732—1742 г. Съ ведном. А. Кудрявцева. М. 1878 г., ц. 50 р.

89. Шестодневъ, составленный Іоанномъ экзархомъ Болгарскимъ. М. 1879 г., ц. 3 р. 90. Житіе препод. отца нашегъ Феодосія игум. печерскаго. Списание Нестора. По харатеин. списку московск. Успен. собора буква въ букву и слово въ слово съ предисловіемъ Андрея Попова. М. 1879 г., ц. 30 коп.

91. Куранты или вѣстовыя письма 1655 и 1665 гг. Сообщ. И. Е. Забѣлявъ. М. 1880 г., ц. 10 к.

92. Челобитныя гварья Ролонта бѣрину Б. И. Морозову. Царскіе указы: о г. Ярославлѣ, о писаніи имени Траханиотовъ съ еничомъ. Приговоръ бояръ относительно Чигиринскаго похода. Сообщ. И. Е. Забѣлявъ. М. 1880 г., ц. 10 к.

93. Послѣдніе дни кн. Вас. Лук. Долорукова въ Соловецкомъ монастырѣ. Юслѣдніе дни граф. Петра и Ивана Толстыхъ. Сообщ. Макаріи епис. Архангельскій. М. 1880 г., ц. 15 к.

94. Подробное описаніе рукописей съчиненій Юрьевскаго архим. Фотія, хранившихся въ Черниговской семинарской бібліотекѣ. М. Лилеева. М. 1880 г., ц. 20 к.

95. Записка объ Архангельскомъ кафедральн. соборѣ. Записка объ Онежскомъ Крестномъ монастырѣ. Сообщ. Макаріи епис. Архангельскій. М. 1880 г., ц. 15 к.

96. Матеріалы для исторіи Архангельской епархіи. Ромыскъ о Моисѣй Чуритѣ и о волшебныхъ его писемъ, произведенныхъ въ Архангельскѣ и Холмогорѣхъ въ 1724 г. Сообщ. Н. А. Поповъ. М. 1880 г., ц. 20 к.

97. Изложеніе хода миссіонер. дѣла по просвѣщенію казанскихъ инородцевъ съ 1552 по 1867 г. А. Можаровскаго. М. 1880 г. ц. 1 р.

98. Библиографич. матеріалы оображенъ Андреемъ Поповымъ. IX—XIV. М. 1881 г. Ц. 50 коп. XV—XIX подъ редакціей М. Н. Сперанскаго. М. 1889 г. Ц. 1 рубль. (4). XX подъ редакціей В. Н. Щепкина. М. 1890 г. Ц. 1 рубль. (11). XXI. «Слово кратко» въ защиту монастырскихъ владѣній. Съ предисловіемъ А. Д. Григорьева. М. 1902 г. ц. 50 коп., (120). Отдѣльно: № XV Давидъ апост. Петра и Павла. Ц. 50 коп. (12)

№ XVII. Слово о жи и клеветъ. Ц. 20 к. (13).—XVIII Хронографы Моск. Чудова монастыря. Ц. 50 к. (10).—XIX. Бѣлорускій зборникъ. Ц. 50 к. (9).—XX. Слово кратко въ защиту монастырскихъ имуществъ. Съ предисловіемъ А. Д. Гривгорьева. М. 1902 г. Ц. 50 к. (120).

99. Послания священно-архим. Фотія къ духовной дщери его дѣвицъ Аннѣ (1820—1822 гг.). Съ предисл. Андрея Попова. М. 1881 г. ц. 50 коп.

100. Историко-статистич. описаніе зататнаго Пертоминскаго мужскаго монастыря. Сообщ. Макарій епископъ Архангельскій. М. 1881 г., ц. 25 коп.

101. Митрополитъ Даниилъ и его сочиненія. Исслѣдованіе Василія Жмакина. М. 1881 г., ц. 4 руб. съ перес.

102. Изъ бумагъ митрополита московскаго Платона. М. 1882 г., ц. 50 коп.

103. Домострой по списку Императ. общества Исторія и Древностей Россійскихъ. Съ предисловіемъ И. Забѣлина. М. 1882 г., ц. 1 р. 50 коп.

104. Копія съ писемъ государя Петра Великаго съ 1700 по 1725 г. Сообщ. архим. Леонидъ. М. 1882 г., ц. 25 коп.

105. Святославовъ Изборникъ 1078 г. съ греческими и латинскими текстами. 1-й выпускъ. Съ предисловіемъ Е. В. Барсова и А. Л. Дювернуа. (I—XXV + 1—22 + 1—184). М. 1882 г., ц. 3 руб.

106. Великое Зерцало. (Изъ исторіи русской переводной литературы XVII в.). Исслѣдованіе П. В. Владимірова. М. 1884 г., ц. 1 р. (90).

107. Описаніе актовъ архива Маркевича, относящихся къ исторіи южнорусскихъ монастырей. Е. В. Барсова. М. 1884 г., ц. 50 коп. (967).

108. Мисыма разныхъ лицъ знаменитому архіепископу Иннокентію Борису. Матеріалы для исторіи Россіи текущаго столѣтія. Собраны Н. И. Барсовымъ. М. 1885 г., ц. 50 коп. (287).

109. Мнимый «туранизмъ» русскихъ. Къ вопросу объ инородцахъ и переселеніяхъ въ Россіи. П. А. Безсонова. М. 1885 г., ц. 50 к. (9).

110. Біографическіе очерки сенаторовъ. (По матеріаламъ, собраннымъ П. И. Баратовымъ). П. Н. Семенова. М. 1886 г., ц. 50 к. (20).

111. Константинъ Никитичъ Тихонравовъ. Рышова. М. 1886 г., ц. 30 коп. (9).

XV. О Тиверіадскомъ морѣ. По списку М. Е. В. Барсова. М. 1886 г., ц. 30 к. (3).

113. Акты Премудрый во вновь открытомъ сербскомъ спискѣ XVI в. Съ предисловіемъ Е. В. Барсова. М. 1887 г., ц. 30 коп. (285).

114. а) Лѣтопись византійца Теофана. Въ переводѣ (1846 г.) съ греческаго проф. В. И. Оболенскаго. М. 1891 г. (I—IV + 1—48). Ц. 30 коп. б) Тоже. въ переводѣ В. И. Оболенскаго и Ф. А. Терновскаго. Съ предисловіемъ О. М. Бодянскаго. М. 1887 г. (I—II + 1—270). Ц. 2 руб.

115. О селахъ Рождественѣ, что на рѣкѣ Истрѣ, Пятницкомъ—Берендѣевѣ и Мушкинѣ, состоящихъ въ Звенигородскомъ уездѣ, Московской губерніи, до 70-хъ годовъ XVIII столѣтія. Я. Копьева. М. 1887 г., ц. 50 к. (4).

116. Дѣло о богопротивныхъ сборищахъ и дѣйствіяхъ. И. А. Чистовичъ. М. 1887 г., ц. 40 к. (8).

117. Пресвященный Іеремія въ схимонашествѣ Іоаннъ, епископъ Нижегородскій и Арзамасскій † 6 декабря 1884 г. А. А. Титова. М. 1887 г., ц. 50 к. (5).

118. Новые данныя о Земскомъ соборѣ 1648—1649 гг. А. Н. Зерцалова. М. 1887 г., ц. 50 к. (4).

119. Село Клементьево нынѣ часть Сергѣевского посада, составляющая одна изъ ея приходовъ. М. 1887 г., ц. 50 к. (4).

120. Лѣтописи Волоколамскаго Іосифова монастыря. Матеріалы изъ дѣлъ архива московской духовной консисторіи 1746—1852 г., собранные свящ. П. Владиміровымъ. М. 1888 г., ц. 60 к. (5).

121. Изъ Сибирскихъ актовъ: о Демьянѣ Многогрѣшномъ и дѣлахъ людяхъ чюлюгденяхъ. Сообщилъ А. А. Гоздаво-Голомбевскій. М. 1888 г., ц. 20 коп.

122. Матеріалы для Русской исторіи, собр. С. А. Бѣлокуровымъ. М. 1888 г., ц. 3 руб.

123. Лѣтопись церкви св. великомученика и побѣдоносца Георгія, что на Красной горкѣ, въ Никитскомъ сорокѣ, столѣчнаго города Москвы. Я. Копьева. М. 1888 г., ц. 50 к. (10).

124. Реляціи временно-главнокомандовавшаго русскою арміею генераль-поручика Фролова-Багрѣва 1769 г. Д. О. Масловскаго. М. 1888 г., ц. 50 к. (14).

125. Новые данныя о Владимірѣ Атласовѣ. Н. Н. Оглобинъ. М. 1888 г., ц. 20 к. (17).

126. Дѣло М. Верещагина въ Сенатѣ въ 1812—1816 годахъ. Н. А. Поповъ. М. 1888 г., ц. 20 к. (12).

127. Слѣдственная комиссія о зло-

упомянутых пензенского воеводы Жукова (1752—1756 г.). П. П. Пелловъ. М. 1888 г., ц. 30 к. (12).

128. Отпадение Малороссии от Польши (1340—1654). П. А. Кулиша. М. 1888—1889 гг. 1—3 тома, ц. 4 рубля съ пересылкой. (1 и 3—10, 2-й—9).

129. Атака Гданска фельдмаршаломъ графомъ Минихомъ 1734 г. Сборникъ реляцій графа Миниха. Д. Масловскаго. М. 1888 г., ц. 1 р. 50 к. (9).

130. Историко-критическія изслѣдованія о новгородскихъ летописяхъ и о россійской исторіи В. П. Татищева. Иосифа Севигова. М. 1888 г., ц. 2 р. (9).

131. Историческіе матеріалы о церквяхъ и селахъ XVI—XVIII ст. В. и Г. Холмогоровыхъ. Вып. 6-й Вохонская десятина. Вып. 7-й Перемышльская и Хотунская десятина. — Вып. 8-й Пехрянская десятина. М. 1888—1889 гг., ц. по 1 р. за выпускъ. (13)—Вып. 9-й. Волоколамская десятина. ц. 2 р. Вып. 10-й. Можайская десятина. М. 1901 г., ц. 2 р. (91).

132. Соловчійскій монастырь, его слуги и крестьяне въ XVII вѣкѣ. Историческій очеркъ монастырскаго хозяйства, суда и управленія въ связи съ положеніемъ монастырскихъ слугъ и крестьянъ въ XVII столѣтіи. А. П. Доброклонскаго. М. 1888 г., ц. 50 к. (15).

133. Грамота Константинопольскаго патріарха Іоанніиія къ царю Алексею Михайловичу отъ 1 марта 1652 года г. П. В. Безобразовъ. М. 1888 г., ц. 20 к. (9).

134. Дѣло объ еретичествѣ Стефана Прибыловича (1717—1718). Н. Я. Токкаревъ. М. 1888 г., ц. 30 к. (11).

135. Переписка стольника А. И. Безобразова 1687 г. А. А. Востоковъ. М. 1888 г., ц. 20 к. (11).

136. Грамота намѣстника ивангородскаго къ ревельскому магистрату въ царствованіе Ивана Грознаго. А. Чумиковъ. — Къ исторіи Московскаго университета. Пилъ Поповъ., М. 1888., ц. 20 к. (26).

137. Матеріалы къ исторіи военнаго искусства въ Россіи. Д. Θ. Масловскаго. Вып. I-й: Проектъ плана кампаніи 1708 года Крюкаса. Оригиналъ ордера де-баталли подъ Леной съ собственноручною резолюціею Петра Великаго. Къ исторіи флота временъ Петра I. Организация и дѣйствіе въ бою артиллеріи временъ Елизаветы. М. 1888. Ц. 40 к. (11). Вып. 2-й: Обеспеченіе южныхъ границъ въ 1736 г. Планъ кампаніи и довольствія войскъ въ 1738 г. Документы Ставучанской операціи Миниха.

Сборникъ документовъ похода вспомогательнаго корпуса русскихъ войскъ въ войну за Австрійское наслѣдство 1748 г. М. 1890 г., ц. 1 р. (8). Вып. 3-й: Уставъ о строевой пѣхотной службѣ фельдмаршала Миниха. Документы Финляндской войны 1743 г. М. 1892 г., ц. 1 р. (6).

138. Сношенія Россіи съ Кавказомъ, вып. 1. 1576—1613 гг. Матеріалы, извлеченныя изъ Московскаго Гл. Архива Ш. И. Дѣль. С. А. Бѣлокуровыхъ. М. 1889 г., ц. 3 р.

139. Акты, относящіяся къ исторіи раскола въ XVIII в. Е. В. Барсова (изъ Чтеній 1889 г. кн. II), ц. 40 к. (18).

140. Московская помѣрная изба. П. Оглоблинъ. М. 1889 г., ц. 20 к. (15).

141. Общій взглядъ на состояніе грузинологій. А. Хахановъ. М. 1889. Ц. 30 к. (10).

142. Забѣтка къ исторіи хожденія гюмена Давида. VII. Передѣла хожденія въ сборникъ св. Дмитрія Ростовскаго. М. А. Веневитиновъ. М. 1890 г., ц. 30 к. (14).

143. Два памятника древне-русской кievской письменности XI и XIII вѣка: а) слово о перенесеніи мощей преп. Феодосія печерскаго, точ. мнѣхя Нестора, б) похвала преп. Феодосію печерскому извѣстнаго (архим. Серапіона). Сообщ. архим. Леонидъ. М. 1890. Ц. 30 к. (16).

144. Мангазійскій чудотворецъ Василій. Н. Н. Оглоблина. М. 1890. Ц. 10 к. (39).

145. Библиографическія разсужденія въ области древнѣйшаго періода славянской письменности IX—X вв. Памятники свѣтъ въковы по сохранившимся спискамъ XI—XVII вв. Архим. Леонидъ. М. 1890 г., ц. 20 к. (29).

146. Переписныя книги Колотронскаго Ипатіевскаго монастыря 1595 г. М. И. Соколовъ. М. 1890. Ц. 30 к. (14).

147. Въ защиту Богдана Хмельницкаго. Историко-критическія объясненія къ поводу сочиненія П. А. Кулиша «Отпаденіе Малороссіи отъ Польши». Генв. Карлова. М. 1890 г., ц. 50 к. (2).

148. Древнѣйшіе предѣлы расселенія грузинъ по малой Азіи. А. С. Хаханова. М. 1890 г., ц. 30 к. (8).

149. Новгородская исторія. Сочиненіе П. И. Сумарокова, бывшаго Новгородскаго губернатора (1815 г.), въ двухъ частяхъ съ двумя планами. Сообщилъ архим. Леонидъ. М. 1890 г., ц. 2 р. (8).

150. Византійскій писатель и государственнй дѣятель Михаилъ Пселла. Биографія Михаила Пселла. П. В. Безобразова. М. 1890 г., ц. 1 р. (9).

151. Регламентъ Вотчинной коллегіи. Сообщилъ и обработалъ для изданія Н. Ардашевъ. М. 1890 г., ц. 1 р. (12).

152. О мятежахъ въ городѣ Москвѣ и въ селѣ Коломенскомъ, 1648, 1662 и 1771 гг. А. Н. Зерцалова. М. 1890 г., ц. 1 р. 50 к. (5).

153. Елецкая «двочная книга» 1615—16 гг. Н. Н. Оглоблина. М. 1890 г., ц. 20 к. (12).

154. Протестанство и протестанты въ Россіи до эпохи преобразованія. Историческое изслѣдованіе Дм. Цвѣтаева. М. 1890 г., ц. 3 рубля съ пересылкой (10).

155. О мнимои библиографической рѣдкости XVII в. («Служебникъ, изд. въ Москвѣ въ 1650 г.»). С. А. Бялокурова. М. 1891 г., ц. 50 к.

156. Рукописи Сербскаго письма XIII—XVIII вѣка, входящіяся въ бібліотекахъ Московской губерніи. Архим. Леонидъ. М. 1891. Ц. 10 к. (37).

157. Иерусалимскій патриархъ Досмеей въ его сношеніяхъ съ русскимъ правительствомъ (1669—1707 гг.).—Н. Ѳ. Каптерева. М. 1891 г., ц. 1 р. (40).

158. Начало Русскаго государства. Три чтенія д-ра Вильгельма Томсена, профессора сравнительнаго языковѣдѣнія при Копенгагенскомъ университетѣ. Съ просмотрной авторомъ измѣцкой переработки д-ра Л. Борнеманна. Переводъ Н. Аммона. М. 1891 г., ц. 1 р. (11).

159. Двѣ «сказки» Вл. Атласова объ открытіи Камчатки. Н. Оглоблинъ. М. 1891 г. ц. 20 к. (23).

160. Бернгардъ Танверъ. Описаніе путешествія польскаго посольства въ Москву въ 1678 г. Переводъ съ латинскаго, примѣчанія и приложенія И. Ивакина. М. 1891 г. (безъ фототипій). Ц. 1 р. (10).

161. Свѣдѣнія о рукописяхъ, содержащихъ въ себѣ хожденіе въ Св. Землю русскаго игумена Давиила въ началѣ XII вѣка. Н. В. Рузскаго. М. 1891 г., ц. 50 к. (10).

162. Матеріалы для исторіи привязнаго судопроизводства въ Россіи, собранные К. П. Побѣдоносцевымъ. М. 1891 г., ц. 2 р. (8).

163. Самосожженіе въ русскомъ расколѣ (со второй половины XVII в. до конца XVIII в.). Историческій очеркъ по живымъ документамъ Д. И. Сапожника. М. 1891 г., ц. 1 р. (19).

164. Описаніе рукописей Тверскаго мученика М. Н. Сперанскаго. М. 1891 г., ц. 50 к. (13).

165. Русскія рукописи Стокгольмскаго государственнаго архива. К. Якубовъ. М. 1891 г., ц. 30 к. (9).

166. Glagolitica Wündigung neunent-deckter Fragmente von Dr. V. Jagic. Mit zehn Tafeln. Отдѣльный оттискъ изъ denkschriften der Kaiserlichen Akademie Der Wissenschaften in Wien. Philologisch-historische Klasse. Band. XXXVIII. В. Щепкинъ. М. 1891 г., ц. 15 к. (3).

167. Осада Ревеля (1570—1571 гг.) герцогомъ Магнусомъ королемъ ливонскимъ, голдовникомъ царя Ивана Грознаго. А. Чумикова. М. 1891 г., ц. 30 к. (17).

168. Собраніе сочиненій Юрія Крижанича:

Вып. I-й: а) 1654 г. I. Półno opisanie ot Lewówa do Móskwi. II. Besída ko Czirćasom, wo owobi Czirćasa upisana. III. Usmotrenie o Carskom Welicestwu. (Съ одной фототипіею). Съ предисловіемъ В. И. Щепкина, и б) 1661 г. Обясненіе введено о писмѣ Словѣнскомъ (съ 1 фототипіею). Съ предисловіемъ В. И. Колосова.—М. 1891 г., ц. 50 к.

Вып. II-й. 1674 г. Толкованіе историческихъ пророчествъ (съ 2-мя фототипіями). Съ предисловіемъ М. И. Соколова. М. 1891 г., ц. 75 к.

Вып. III-й: а) Об свѣтѣ Крещенія. (Съ 1 фототипіею). Съ предисловіемъ А. В. Башкирова, и б) Обличеніе на Соловецкую Челобитву. (Съ 1 фототипіею). М. 1893 г., ц. 1 р. 25 к.

169. Матеріалы для исторіи Крестовоздвиженскаго Бизюкова монастыря. Н. А. Поповъ. М. 1892 г., ц. 30 к. (24).

170. Матеріалы для истор. Общества Письма О. М. Бодянскаго къ Н. А. Чистовичу (1862—1877 гг.). И. А. Чистовичъ. М. 1892 г., ц. 20 к. (26)

171. Памяги о. архимандрита Леониды намѣстанка св. Троице—Сергіевой лавры († 22 октября 1891 г.). Г. А. Воскресенскаго. М. 1892 г., ц. 30 к. (27).

172. Памятники преній о вѣрѣ возникшихъ по дѣлу королевича Вальдемара и царевны Ирины Михайловны, собранные Александромъ Голубцовымъ. М. 1892 г., ц. 2 р. 25 коп. съ перес. (9).

173. Тульскій уездъ въ XVII в. Его видъ и населеніе по писцовымъ и переписнымъ книгамъ. Е. Щепкиной. М. 1892 г. (съ картой), ц. 2 р. (13).

174. Дневныя дозорныя записи о москвовскихъ раскольникахъ. Части 3—7. Съ предисловіемъ Андрея Титова. М. 1892 г., ц. 1 р. 50 к. (14).

175. Реляція кн. А. Д. Кантемира изъ Лондона (1732—1733 гг.). Т. I. Съ введеніемъ и примѣчаніями В. Н. Александренки. М. 1892 г., ц. 1 р. Т. II, 1734—1735 гг. М. 1903 г. Ц. 3 р. (26).

176. Московская Тихвинская, что въ малыхъ Лужникахъ, за Новодевичьимъ монастыремъ, церковь. Историческое описаніе, составленное священникомъ Н. А. Скворцовымъ. М. 1892 г., ц. 1 р. (11)

177. Грузинскій изводъ сказанія о св. Георгіи. А. С. Хаханова. М. 1892 г., ц. 30 к. (28).

178. Общій архивъ министерства Императорскаго Двора. II. Списки и выписки изъ архивныхъ бумагъ. (Описи домовъ и движимаго имущества кн. Потемкина-Таврическаго, купленныхъ у наследниковъ его императрицею Екатериною II). М. 1892 г., ц. 40 к. (14).

179. Памяти Нила Александровича Попова. И. Шамко и А. Голомбiewскаго. М. 1892 г., ц. 30 к. (23).

180. Къ исторіи вопроса о принятіи схизматиковъ въ православную церковь. М. 1892 г., ц. 1 р. (5).

181. Матеріалы для исторіи гор. Саратова. I. Записи книгъ Печатнаго приказа (1650—1675 гг.). Сообщилъ А. А. Голядово-Голомбiewскій. М. 1892 г., ц. 30 к.

182. Описаніе рукописныхъ собраній, находящихся въ г. Кіевѣ:

Вып. I-й: Собраніе рукописей митр. Макарія, Мѣлецкаго монастыря на Волынѣ, Кіевобратскаго монастыря и Кіевской духовной семина. Н. И. Петрова. М. 1892 г., ц. 2 р.

Вып. II-й. Рукописи Кіеволычерецкой лавры, кіевскихъ монастырей: Златоверхомихайловскаго, Пустынноиколаевскаго, Выдубицкаго, женскаго Флоровскаго и Десятинной церкви. М. 1897 г., ц. 2 р.

Вып. III-й. Библиотека Кіево-Софійскаго собора. М. 1904 г. Ц. 3 р. (100).

183. Слава Россійская. Комедія 1724 года, представленная въ Московскомъ госпиталѣ, по случаю коронаціи императрицы Екатерины Первой. Съ предисловіемъ М. И. Соколова. М. 1892 г., ц. 60 к. (16).

184. Село Вольнское и деревни Давыдково и Молотцы. (По описи 1735 г.). С. Блюкоровъ. М. 1892. Ц. 50 к. (15).

185. Поытка Петра I къ распространенію среди русскаго народа научныхъ сельскохозяйственныхъ знаній. М. 1892. Ц. 30 к. (16).

186. Христорождественская церковь въ Сергіевомъ посадѣ Московской губерніи. А. I. М. 1892 г., ц. 50 к. (16).

187. Ивановскій каналь, начатый Пе-

тромъ Великимъ для соединенія Волги съ Дономъ. А. И. Миловидовъ. М. 1892. Ц. 30 к. (15).

188. Дневникъ генерала Патрика Гордона. Переводъ съ нѣмецкаго М. Салтыковой. Ч. 1-я, 1655—1661 гг. М. 1892 г., ц. 1 р. 25 к. Ч. II, 1661—1684 г. М. 1892 г., ц. 1 р. 25 коп.

189. Шесть документовъ, касающихся пребыванія Петра I въ Даниіи. Ю. Н. Щербачевъ. М. 1893 г., ц. 50 к. (16).

190. О возвращеніи въ 1689 г. въ империю вѣдомство подмосковнаго сельца Кулцева съ пустошми. М. 1893 Ц. 20 к. (11).

191. Объ оскорбленія царскихъ посланцевъ въ Крыму въ XVII вѣкѣ. А. Н. Зерцаловъ. М. 1893 г., ц. 30 к. (18).

192. Датскій Архивъ. Матеріалы по исторіи древней Россіи, хранящіяся въ Копенгагенѣ 1326—1690 гг. Сообщилъ Ю. Н. Щербачевъ. М. 1894 г., ц. 2 р.

193. Исторія экономическаго быта великаго Новгородца. Исслѣдованіе проф. А. И. Никитскаго. М. 1893 г., ц. 2 р.

194. Грузинскіе дворянскіе акты и родословныя росписи. (Матеріалы для исторіи Грузіи). Съ предисловіемъ и примѣчаніями А. С. Хаханова. М. 1893 г., ц. 30 к. (7).

195. Сказаніе о построеніи обиднаго храма въ Вологдѣ «во избавленіе отъ смертоносныхъ язвъ». М. 1898 г., ц. 20 к. (9).

196. Московскій Благоуспенскій священникъ Сильвестръ, какъ государственный дѣятель. Епископа Сергія (Соколова). М. 1893 г., ц. 50 к. (24).

197. Письма О. М. Бодянскаго къ епископу. Письма И. П. Сахарова къ О. М. Бодянскому. Съ предисловіемъ А. А. Титова. М. 1893 г., ц. 50 к. (63).

198. Житіе св. Леонтія епископа ростовскаго. Съ предисловіемъ А. А. Титова. М. 1893 г., ц. 50 к. (18).

199. Обзоръ звуковыхъ и формальныхъ особенностей болгарскаго языка. Составилъ П. А. Лавровъ. М. 1893 г., ц. 2 р. (5).

200. Междукняжескія отношенія во Владимиро-Московскомъ великомъ княжествѣ въ XIV—XV в. (Къ вопросу о «двушнечныхъ» или «союзныхъ» деньгахъ. В. Ульяницкаго). М. 1893 г., ц. 30 к. (23).

201. Неканонизованные святые гор. Шуи (Владимирской губерніи). Опытъ агриграфическаго изслѣдованія священника Н. М. Миловскаго. М. 1893 г., ц. 20 к. (22).

202. Новый источникъ для исторіи ковскихъ волненій 1648 г. С. Пашковъ. М. 1893 г., ц. 20 к. (25).

203. Александрія русскихъ хронографовъ. Изслѣдованіе в текстъ. В. Истрищъ. М. 1893 г., ц. 3 рубля съ пересылкой (60).
204. Областное дѣленіе и мѣстное управленіе литовско-русскаго государства ко времени изданія перваго литовскаго статута. Историческіе очерки Матвѣя Любавскаго. Съ картою литовско-русскаго государства въ концѣ XV и начала XVI в. М. 1893 г., ц. 5 р. (15).
205. Объ отпускѣ на богомолье въ Троице-Сергіевъ монастырь воеводы города Можайска. П. П. Савелова въ 1702 г. О найденномъ въ Можайскѣ денежномъ кладѣ 1702 г. М. 1893 г. Л. М. Савеловъ, ц. 20 к. (4).
206. Къ исторіи московскаго мятежа 1648 г. А. П. Зерцаловъ. М. 1893 г., ц. 20 к.
207. Московскій Китай городъ въ XVII вѣкѣ (по описи 1695 г.). А. П. Зерцаловъ. М. 1893., ц. 30 к. (11).
208. Окладная расходная роспись денежнаго и хлѣбнаго жалованья за 1681 г. (Къ исторіи государства, росписей XVII в.) А. П. Зерцаловъ, М. 1893., ц. 40 к. (20).
209. Къ исторіи бунта Стеньки Разина въ Заволжьи. А. А. Голубева. М. 1894 г., ц. 25 к. (28).
210. Св. князь Всеволодъ-Гавріиль и его значеніе въ исторіи нашего отечества и въ частности Искова. Е. Лебедева. М. 1894 г., ц. 20 к. (29).
211. Подписи царей Бориса Годунова и Алексѣя Михайловича. Ю. П. Щербачевъ. М. 1894 г., ц. 30 к. (79).
212. Къ вопросу о распредѣленіи столовъ между русскими князьями въ XI—XII вв. Н. Аммонъ. М. 1894 г., ц. 20 к. (19).
213. Къ біографіи Владимира Атлаева. Н. Оглобинъ. М. 1894 г., ц. 20 к. (32).
214. Стихъ о злой травѣ шихъ. Съ предисловіемъ Н. А. Голышева. М. 1894 г., ц. 20 к. (42).
215. Шведская и Пятницкая церкви въ Сергіевомъ посадѣ Московской губерніи. І. А. М. 1894 г., ц. 20 к. (42).
216. Тверской уездъ въ XVI вѣкѣ. Его населеніе и виды земельнаго владѣнія. (Этюдъ по исторіи провинціи Московскаго государства). П. И. Лацко. М. 1894 г., ц. 1 рубль. (19).
217. Сильвестра Медвѣдова созерцаніе краткое лѣтъ 7190—92, въ янхъ же что содѣяно во гражданствѣ. Съ предположеніемъ и приращиваніемъ Александра Проворовскаго. М. 1894 г., ц. 1 р. 50 к. (158).
218. Къ исторіи сельскохозяйственнаго быта Костромскихъ Ипатьевского и Бого-явленскаго монастырей. І. Командировка столовника Н. М. Олошова. М. 1894 г., ц. 50 к. (4).
219. Амфилохій епископъ Угличскій († 20 іюня 1893 г.). Г. А. Воскресенскаго. М. 1894 г., ц. 30 к. (22).
220. Сарайская и Крутицкая епархіи. Священника Н. А. Соловьева. Вып. 1-й. М. 1894 г., ц. 1 р. (29). Вып. 2-й, ц. 2 р. Вып. 3-й. М. 1902 г., ц. 2 р. (150).
221. Рукописи П. П. Шафарика (пывъ музея королевства Чешскаго) въ Прагѣ. Описалъ М. Сперанскій. М. 1894 г., ц. 50 к. (33).
222. Обѣзжаніе головы и полицейскія дѣла въ Москвѣ въ концѣ XVII в. А. П. Зерцалова. М. 1894. Ц. 40 к. (31).
223. Григоровичевъ паримейликъ въ сличеніи съ другими паримейниками. Издасть Романъ Брандтъ. В. І., М. 1894., ц. 50 коп. (31). Вып. II, ц. 50 к. (48). Вып. III, ц. 50 коп.
224. Памяти въ Бозѣ почившаго Государя Императора Александра III. Рѣчь, произнесенная въ засѣданіи Императ. общества Исторіи и Древностей Россійскихъ 28 октября 1894 г. предсѣдателемъ общества В. О. Ключевскимъ. М. 1894 г., ц. 15 к.
225. Акты домашняго архива гг. Зисовыхъ. А. И. Милодидовъ. М. 1894 г., ц. 20 к. (13).
226. Отчеты о присужденіи обществомъ преміи Г. Ѳ. Карпова.
- I. Разборъ изслѣдованія В. О. Эйнгорна «О сложеніи малороссійскаго духовенства съ Московскимъ правительствомъ въ царствованіе Алексѣя Михайловича», составленный С. Т. Голубевымъ, М. 1894., ц. 50 к.
- II. Разборъ изслѣдованія М. К. Любавскаго «Областное дѣленіе и мѣстное управленіе литовско-русскаго государства ко времени изданія перваго литовскаго статута», составленный С. А. Бершадскимъ. М. 1894 г., ц. 50 к.
- III. Разборъ изслѣдованія С. А. Бѣловурова «О библиотекѣ Московскихъ Государей въ XVI в.», сост. М. И. Соколовымъ. М. 1897 г. Ц. 20 к.
- IV. Разборъ соч. М. И. Дилеева «Изъ исторіи раскола на Ветвь и въ Стародубь», состав. С. Т. Голубевымъ. М. 1898 г. Ц. 20 к.
- V—VI. Разборы соч.: 1) В. А. Ульянцова «Историч. очеркъ русскихъ консульствъ за границей», сост. гр. Л. Кармаронскимъ и 2) С. Т. Голубева «Кіевскій митрополитъ Петръ Могила и его спо-

- движник», сост. Е. Е. Голубицкимъ. М. 1900 г., ц. 30 к.
- IX. Разборъ сочиненія М. К. Любавскаго «Литовско-Русскій сеймъ», сост. И. Н. Лапво. М. 1903 г. Ц. 50 коп.
227. Очерки по исторіи Грузинской словесности. А. С. Хаханова. Вып. 1. М. 1895., ц. 2 рубля. (204). Вып. 2. М. 1897 г., ц. 2 р. 40 к. (4). Вып. 3. М. 1901 г. Ц. 3 р. (47).
228. Ръчи, произнесенныя Іоанникіемъ Гаялтонскимъ въ Москвѣ въ 1670 г. В. Эйгорнъ. М. 1895 г., ц. 20 к. (39).
229. Къ исторіи сношеній Россіи съ Германіей въ началѣ XVI в. Г. Писаревскій. М. 1895 г., ц. 20 к. (13).
230. Докладная выписка 121 (1613) г. о вотчинахъ и помѣстьяхъ. А. П. Барсуковъ. М. 1895 г., ц. 30 к. (296).
231. Pamфлетъ Г. П. Ермолова на графа М. М. Сперанскаго. Съ предисловіемъ Е. И. Соколова. М. 1895 г., ц. 20 к. (10).
232. О верстаніи новиковъ въсѣхъ городовъ 7136 г. А. П. Зерцаловъ. М. 1895 г., ц. 20 к.
233. Опись книгъ библіотеки Московскаго Успенскаго собора. М. 1895 г., ц. 30 к. (190).
234. Къ біографіи митрополита Московскаго Платона и исторіи Византской духовной семинаріи. Письма митрополита Платона къ Высочайшимъ особамъ. С. Д. Муретова. М. 1895 г., ц. 20 к. (121).
235. Къ исторіи сношеній Россіи съ Швеціей при царѣ Иванѣ IV. А. А. Чумикова. М. 1895 г., ц. 20 к. (32).
236. Къ матеріаламъ по исторіи Грузіи XI—XII вв. Ѳ. Жорданія. М. 1895 г., ц. 20 к. (37).
237. Обзорніе столбцовъ и книгъ Сибирскаго приказа (1592—1768 гг.). Составилъ Н. Н. Оглоблинъ. Часть первая: документы воеводскаго управленія. М. 1895 г., ц. 2 руб. съ пересылкой. (100). Часть 2-я: документы таможеннаго управленія. Съ дополненіями къ I части. Ц. 1 руб.—Часть 3-я: документы по сношеніямъ мѣстнаго управленія съ центральнымъ. М. 1900 г. Ц. 1 р. 50 коп. (170).—Часть 4-я: документы центрального управленія. Съ предметнымъ указателемъ къ I—IV частямъ. М. 1901 г. Ц. 1 р. 50 к. (250).
238. Губныя и земскія грамоты Московскаго государства. Изслѣдованіе Сергѣя Шумакова. М. 1895 г., ц. 2 р. (180).
239. Матеріалы къ литературной исторіи русскихъ Пчель. І. Виктора Семенова. М. 1895 г., ц. 50 к. (143).

240. Древній Сосенскій ставъ Московскаго уѣзда. Д. Шепшига. М. 1895 г., ц. 50 к. (137).

241. Лѣтописецъ русскій (Московская лѣтопись). По рукописи принадлежащей А. Н. Лебедеву. М. 1895 г., ц. 1 р. 25 к. (80).

242. Святые Вологодскаго края. Изслѣдованіе Николая Коноплева. М. 1895 г., ц. 1 р. (41).

243. Письма А. Н. Шемякина къ О. М. Боянскому (1859—1875 г.). Съ предисловіемъ А. А. Титова. М. 1895 г. (76).

244. Климентъ епископъ Словѣнскій. Трудъ В. М. Ундольскаго. Съ предисловіемъ П. А. Лаврова. М. 1895 г., ц. 50 к. (50).

245. Государевъ Хамовный дворъ въ Московской Кадашевской слободѣ. (Постройка на немъ новыхъ зданій въ 1658—1661 гг.). М. 1895 г. А. А. Мартыновъ, ц. 20 к. (100).

246. Извѣстіе, касающееся подробностей бунта, недавно поднятаго въ Москвѣ Стевкою Разиннымъ. Напечатано у Ѳомы Ньюкембъ 1672 г. Перевелъ съ англійскаго А. Станкевичъ. М. 1895 г., ц. 50 коп. (37).

247. О перемиріи состоявшемся между Швеціей и Россіей въ 1587 г. Переводъ съ шведскаго А. Чумикова. М. 1895 г., ц. 20 к. (6).

248. Къ матеріаламъ о воровствѣ въ древней Руси. Сыскное дѣло 1642—1643 гг. о намѣреніи испортить царю Евдокію Лукьяновну. А. Н. Зерцаловъ. М. 1895 г., ц. 30 к. (91).

249. Матеріалы для исторіи патриарха московскаго Питирима. Сообщилъ М. Г. Поповъ. М. 1895 г., ц. 20 коп. (34).

250. Сильвестръ Медвѣдевъ. Его жизнь и дѣятельность. Изслѣдованіе А. Прозоровскаго. М. 1896 г., ц. 3 р.

251. Церковныя земли въ Ростовскомъ уѣздѣ XVII в. (по писцовымъ книгамъ 1629—1631 гг.). Съ предисловіемъ А. А. Титова. М. 1896 г., ц. 25 коп.

252. Русское сказаніе о Лоретской Богоматери. А. И. Кирпичникова. М. 1896 г., ц. 15 коп.

253. Изъ актовъ Тверскаго Отроча монастыря 7052—7146 гг. Сообщилъ Сергѣй Шумаковъ. М. 1896 г., ц. 15 коп.

254. О построеніи Московскаго Покровскаго (Василія Блаженнаго) собора. Новыя лѣтописныя данныя. М. 1806. Ц. 30 к.

255. Еще новыя данныя о построеніи Московскаго Покровскаго (Василія Блажен-

наго) собора. П. Священника І. Кузнецова. М. 1896 г., ц. 20 коп.

256. Къ исторіи мятежа 1648 года въ Москвѣ и другихъ гордахъ. Сообщилъ А. Н. Зерцаловъ. М. 1896 г., ц. 40 к. (82).

257. О «неправдахъ и непригожихъ рѣчахъ» новгородскаго митрополита Кипріяна (1627—1633 гг.). Сообщилъ А. Н. Зерцаловъ. М. 1896 г., ц. 30 коп. (86).

258. Какашъ и Текандерь. Путешествіе въ Персію черезъ Московію 1602—1603 гг. Переводъ съ нѣмецкаго Алексѣя Станкевича. М. 1896 г., ц. 70 коп.

259. О извожикъ 1-го гренадерскаго баталіона (Низоваго корпуса) Евстафія Артемьевъ, назвавшемся царевичемъ Алексѣемъ Петровичемъ. Рескриптъ импер. Павла о письмѣ Костюшки. Грамота царя Алексѣя о ловчехъ дякѣ Н. Ларіоновъ. Слово по случаю взятія Очакова Минихомъ. М. Н. Прокоповичъ. М. 1896 г. Ц. 20 к (29).

260. Къ нашей полемицѣ съ старообрядцами. Е. Е. Голубинскаго. М. 1896 г., ц. 50 к.

261. Казанская и Ильинская церкви Ильинскаго прихода въ Сергіевскомъ посадѣ Московской губерніи. І. А. М. 1896 г. Ц. 50 к. (11).

262. О большихъ строителяхъ Кирилло-Бѣлужерскаго монастыря. Н. Успенскій. М. 1896 г. Ц. 30 к. (39).

263. Симвъ 2-й книги Чтеній 1896 г. (№№ 1—10). М. 1896 г. Ц. 40 к. (10). Симвъ I кн. 1897 г. (первые 1—5 №№). Ц. 10 к. (5).—Симвъ I кн. 1898 г. Ц. 20 к. Симвъ 2-й кн. 1901 г. Ц. 20 коп. (4).

264. Незданные русскіе акты XV—XVI вв. Ревельскаго городского архива А. Чуминовъ. М. 1897 г. Ц. 10 к. (26).

265. Московскій Архивъ Министерства Юстиціи. Акты XVII—XVIII вв., извлеченные А. Н. Зерцаловымъ. М. 1897 г. Ц. 75 к. (13).

266. О раскопкахъ въ Московскомъ Кремлѣ XVIII в. А. Зерцаловъ. М. 1897 г. Ц. 75 к. (85).

267. Акты изъ собранія А. И. Яцимирскаго (№№ 1—5. Чтенія 1897 г. кн. I). М. 1897 г. Ц. 15 к. (5).

268. Дневники второго похода Стефана Баторія на Россію (1580 г.). Яна Зборовскаго и Луки Дядлынскаго. Переводъ съ польскаго О. Н. Милевскаго. М. 1897 г. Ц. 50 к. (40).

269. О начальномъ кievскомъ лѣтописномъ сводѣ. А. А. Шахматова. I—III. М. 1897 г. Ц. 50 к. (33).

270. Поздравленія Византской дух. семинаріи въ день тезоименитства моск.

митроп. Платона. С. Муретова. М. 1897 г. Ц. 30 к. (15).

271. О содержаніи въ нынѣшнее мирное время (1725 г.) арміи и каковыя образомъ крестьянъ въ лучшее состояніе привести. М. Н. Прокоповичъ. М. 1897 г. Ц. 10 к. (42).

272. Послѣдованіе проскомидія, великаго входа и причащенія въ славянорусскихъ служебникахъ XII—XIV вв. Сергія Муретовъ. М. 1897 г. Ц. 50 к. (5).

273. Грамоты съ подписями Бориса, Дмитрія и Степана Годуновыхъ 7080—7111 гг. Съ предисловіемъ графа С. Д. Шереметева. М. 1897 г. Ц. 25 к. (38).

274. Изданія Московской Синодальной типографіи 1751 г. и Московскаго Университета 1764 г. М. С. Бѣляевъ М. 1897 г. Ц. 50 к. (2).

275. Россія и Швеція въ первой половинѣ XVII вѣка. Сборникъ матеріаловъ, извлеченныхъ изъ Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ и Шведскаго Государственнаго Архива и касающихся исторіи взаимныхъ отношеній Россіи и Швеціи въ 1616—1651 гг. Съ предисловіемъ, примѣчаніями и алфавитнымъ указателемъ личныхъ именъ. К. Н. Якубова М. 1897 г. Ц. 2 р. (400).

276. Библіотека Императ. Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ въ 1896 г. Е. И. Соколовъ. М. 1897 г. Ц. 20 коп. (50).—въ 1897 г. Его же. М. 1898 г. Ц. 10 коп. (40).—въ 1898—1899 г. Его же М. 1899 г. Ц. 15 к. (51).—въ 1899—1900 гг. Его же. М. 1900 г. Ц. 20 коп. (48).—въ 1900—1901 г. Его же. М. 1901 г. Ц. 20 коп. (80).—за 1901—1902 гг. Его же. Ц. 20 к. (75).

277. Достоверность отрывка изъ Полоцкихъ лѣтописей, помѣщеннаго въ Исторіи Россіи Татищева подъ 1217 г. А. П. Сапунова. М. 1898 г. Ц. 20 к. (23).

278. Матеріалы для изученія творчества и быта бѣлоруссовъ. I. Пословицы, поговорки, загадки. Е. А. Ляцкаго. М. 1898 г. Ц. 50 коп. (60).

279. Пугачевщина въ Сибири. Очеркъ по документамъ экспедиціи генерала Деклонга. Составилъ А. И. Дмитріевъ-Мамоновъ. М. 1898 г. Ц. 1 р. (55).

280. Научно-образовательныя сношенія Россіи съ Западомъ въ началѣ XVII в. М. 1898 г. Ц. 50 коп. (185).

281. Вкладная книга Нижегородскаго Печерскаго монастыря съ предисловіемъ А. Титова. М. 1898 г. Ц. 50 к. (25).

282. Пославіе Ивана Бѣгичева о видѣ-

момъ образъ Божию. По рки. XVII в. собранія А. И. Яцимирскаго М. 1898 г. Ц. 25 к. (55).

283. Памяти В. Е. Румянцева. Е. В. Барсовъ. М. 1898 г. Ц. 15 к. (80).

284. Памяти А. Н. Зерцалова. И. С. Бъляевъ. М. 1898 г. Ц. 20 к. (28).

285. Матеріалы для исторіи цѣнностей въ Россіи въ концѣ XVII в. М. А. Веневицкія. М. 1898 г. Ц. 20 к. (8).

286. Изъ разсказовъ донъ-Хуана Персидскаго. Путешествіе персидскаго посольства чрезъ Россію, отъ Астрахани до Архангельска, въ 1599—1600 гг. Переводъ съ испанскаго. С. И. Соколова. М. 1898 г. Ц. 25 к. (78).

287. Строельная книга г. Пензы. Съ предисловіемъ В. Борисова. М. 1898 г. Ц. 25 к. (35).

288. Житіе св. Меодія и похвальное слово св. Кириллу и Меодію по еписку XII в. Издалъ П. А. Лавровъ. М. 1899 г. Ц. 25 к. (80).

289. Къ исторіи внутренней жизни духовныхъ семинарій (Значеніе поэзіи А. С. Пушкина въ сей жизни). Н. И. Петровъ. М. 1899 г., ц. 25 к. (19).

290. Указъ императора Іоанна Антоновича 9 ноября 1740 г. Графъ С. Д. Шереметевъ. М. 1899 г., ц. 15 к. (18).

291. Житіе св. Аркадія, епископа Новгородскаго, въ спискѣ 2й половины XIV-го вѣка. Съ предисловіемъ А. С. Орлова. М. 1899 г. Ц. 25 к. (60).

292. Бумаги Ю. И. Венелина, хранящіяся въ библиотекѣ Импер. Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ. Е. И. Соколова. М. 1899 г. Ц. 25 к. (50).

293. Обычное право русскихъ инородцевъ. Матеріалы для библиографіи обычного права. Е. И. Якушкинъ. М. 1899 г. Ц. 1 р. 50 к. (33).

294. Обзоръ грамотъ Коллегіи Экономіи. Выпускъ первый. Обзоръ Бюджетныхъ (1300—1767 гг.) и Алатырскихъ (1607—1761 гг.) актовъ. Сергій Шумаковъ. М. 1899 г. Ц. 1 р. 50 к. (85).— Вып. 2-й. Тексты и обзоръ Бѣлозерскихъ актовъ (1395—1758 гг.). М. 1900 г. Ц. 1 р. 80 к. (86).

295. Поученіе Ісаія, митрополита Нижегородскаго и Алатырскаго. Съ предисловіемъ Андрея Титова. М. 1899 г. Ц. 25 к. (38).

296. Сборникъ XII вѣка Московскаго Успенскаго собора. Выпускъ первый. Изданъ подъ наблюденіемъ А. А. Шахматова

и П. А. Лаврова. М. 1899 г. Ц. 1 р. (243).

297. Чинѣвижъ Новгородскаго Софійскаго собора. Александръ Голубцовъ. М. 1899 г. Ц. 1 р. 75 к. (28).

298. Сочиненія Константина Барятинскаго «о вѣсахъ» (de thematibus) и «о народахъ» (de administrandis imperio). Съ предисловіемъ Гавриила Ласкина. М. 1899 г. Ц. 1 р. (58).

299. Угличскіе акты (1400—1749 гг.). Сергій Шумаковъ. М. 1899 г. Ц. 2 р. (15).

300. Русская армія въ началѣ царствованія импер. Екатерины II. Матеріалы для русской военной исторіи. Издалъ Андрей Лебедевъ по рукописи ему принадлежащей. М. 1899 г. Ц. 1 р. (136).

301. Штрафы за русское платье при импер. Петрѣ Великомъ. И. С. Бъляевъ. М. 1899 г. Ц. 15 к. (29).

302. Въ 1786—1787 году новой. Новое изданіе не всю и не ничево. Текстъ съ предисловіемъ Е. А. Липцаго. М. 1899 г. Ц. 50 к. (72).

303. Допетровская Русь въ ея литературѣ по дѣдіямъ Ф. И. Бугаева Е. И. В. Наслѣднику Цесаревичу Великому. Книжъ Николаю Александровичу (1859—1860 гг.) А. Киричичевъ. М. 1899 г. Ц. 25 к. (108).

304. Акты Литовскорусскаго государства. Съ предисловіемъ М. В. Довнаръ-Запольскаго. Вып. 1-й, 1390—1529 г. М. 1900 г., ц. 2 р. :

305. Вильямъ Шерри. Провѣздъ чрезъ Россію персидскаго посольства въ 1599—1600 гг. Переводъ съ англійскаго С. Соколова. М. 1900 г., ц. 20 к.

306. Записки Юста Юля датскаго посланника при Петрѣ Великомъ (1709—1711 гг.). Переводъ съ датскаго Ю. Н. Щербачева. М. 1900 г., ц. 3 руб.

307. Новгородскій указъ Вотской пятинѣ по писцовоіи книгъ 1800 г. Историко-экономическій очеркъ архим. Сергія (Тихомирова). М. 1900 г., ц. 1 р.

308. Указатель къ „Обыту Россійской библиографіи“ В. С. Семенова (журнала гражданской печати). Составилъ В. Н. Рогожинъ. М. 1900 г., ц. 3 р.

309. О сыевныхъ воеводныхъ и девичьихъ четвертныхъ и городскихъ окладахъ съ 1614 по 1619 гг. и о больномъ есентъ окладахъ 1622 г.—Списки съ товарныхъ цѣнныхъ росписей и передавая выписки по г. Енисейску XVII в. Сообщилъ А. И. Зерцаловъ. Ц. 1 руб. (2).

310. Къ исторіи г. Кашина и его уезда. Сообщилъ Г. Кувшинъ. Ц. 20 коп.
311. Родословная Шепелевыхъ конца XVII вѣка. — Земельные акты Уфимскій башкиръ-вотчинниковъ. Ц. 10 коп. (5).
312. Опись имущества боярина А. С. Матвѣева. Сообщилъ Г. Пибаревскій. Ц. 15 коп. (13).
313. Акты Ревельскаго городского Архива. (№№ 1—3). Сообщилъ А. Чумиловъ. Ц. 15 коп. (2).
314. Церковно-приходская жизнь въ г. Каргополь въ XVI—XIX вв. Н. А. Докучаева-Баскова. М. 1900 г. Ц. 30 к. (45).
315. Новые данныя о службѣ Николая (Славарія въ Россіи (1671—1708). Юрія Арсеньева. М. 1900 г. Ц. 50 коп. (35).
316. Письмо сардинскаго посла барона де-ла-Турбіа о Россіи. 1796 г. Съ предисловіемъ М. Полиевцова. М. 1900 г. Ц. 30 коп. (4).
317. Новые данныя о библиотекѣ к. Д. М. Голицына (верховниа). Кн. Н. В. Голицына. М. 1900 г. Ц. 30 коп. (9).
318. О вступленіи на престолъ импер. Екатерины II (записка современника, грузинскаго архіерея). А. С. Хаханова. М. 1900 г. Ц. 20 коп. (20).
319. Опись 24 рукописей С. И. Буслаева, нынѣ принадлежащихъ библиотецѣ Императорскаго Московскаго Университета. Е. И. Соколова. М. 1900 г. Ц. 20 к. (140).
320. Литовскій канцлеръ Левъ Сапѣга о событіяхъ Смутаго времени. М. Любавскаго. М. 1901 г. Ц. 30 коп. (53).
321. Изъ переписки В. А. Магвѣвскаго съ русскими учеными. В. А. Фрайдера. М. 1901 г. Ц. 40 коп. (10).
322. Опись Московскому Перервинскому подворью, учиненная 3 апрѣля 1763 г. Лук. Талызинымъ. М. 1901 г. Ц. 25 коп. (10).
323. Пять оговорныхъ ридныхъ записей XVII и начала XVIII в. Изъ собранія актовъ Ю. В. Арсеньева. М. 1901 г. Ц. 20 к. (12).
324. О приписываемомъ Игнатію Скольниину описаніи Иерусалима. М. 1901 г. Ц. 20 коп. (22).
325. Письма Д. И. Фонвизина къ А. М. Обрьожову. 1772 г. — Кн. Н. В. Голицына. М. 1901 г. Ц. 20 коп. (35).
326. Столѣтіе сатирическаго журнала «Что-нибудь отъ бездѣля на дѣстѣ». 1800—1900 гг. В. И. Покровскаго. М. 1901 г. Ц. 20 коп. (42).
327. Матеріалы къ исторіи Восточнаго
- вопроса въ 1817—1813 гг. М. 1901 г. Ц. 1 р. (180).
328. Записки Юрія Крижанича о миссіи въ Моську. 1641 г. М. 1901 г. Ц. 40 коп. (231).
329. Торопецкая старина Историческіе очерки гор. Торопца съ древнѣйшихъ временъ до конца XVII в. Исследование Ивана Лобойниина. М. 1902 г. Ц. 2 р. 50 коп. (36).
330. Къ исторіи борьбы съ церковными безпорядками, отголосками язычества и пороками въ рускомъ быту XVII в. (Челобитная нижегородскихъ священниковъ 1666 г. въ связи съ первоначальной дѣятельностью Ивана Перцова). Н. В. Рождественскаго. М. 1902 г. Ц. 50 коп. (60).
331. Сѣтныя грамоты вѣнцес. Свѣтла Шумакова. Вып. I—III. М. 1902 г. Ц. 2 р. (92). Вып. 2—IV. Мобромскія сѣтныя 1768—1776 гг. М. 1903 г. Ц. 30 коп. (240).
332. Къ біографіи митрополита новгородскаго и петербургскаго Гавриила Петрова. Письма его къ разнымъ лицамъ, опись его имущества и два послѣднія его духовныя завѣщанія. (По поводу столѣтія со дня его кончины). Съ предисловіемъ А. Н. Львова. М. 1902 г. Ц. 60 коп. (56).
333. Литовско-русскій сеймъ. Опытъ по исторіи учрежденій въ связи съ внутреннимъ строемъ и внешнею жизнью государства. Исследование М. К. Любавскаго. М. 1901 г. Ц. 4 р. (122).
334. Древнѣйшая Разрядная книга официальной редакціи (по 1565 г.). П. Н. Миложовъ. М. 1901 г., ц. 2 р. (240).
335. Записки по древне-славянскому переводу св. Писанія. VI. Книга пророка Давида въ переводѣ живдствующихъ по рукописи XVI в. И. Е. Евсеевъ. М. 1902 г. ц. 30 коп. (10).
336. Объ особенностяхъ формы русскаго воинскихъ повѣстей (конца XVII в.). А. С. Орловъ. М. 1902 г., ц. 30 коп. (45).
337. Къ исторіи древнѣйшей Оружейной Палаты. Ю. В. Арсеньевъ. М. 1902 г., ц. 20 коп. (15).
338. Сказаніе о чудесахъ въ Каргопольской Кергезерской пустынь отъ имени препоп. Макарія Унженскаго и Митовскаго. К. А. Докучаева-Баскова. М. 1902 г., ц. 30 коп. (50).
339. Церковно-археологическое хранилище при Московскомъ Дворѣ въ XVII в. А. И. Успенскаго. М. 1902 г., ц. 1 р. 50 к. (69).

340. О ереси жидовствующихъ. Новые материалы, собранные С. А. Блякоуровымъ, С. О. Долговымъ, И. Е. Евсевымъ и М. И. Соколовымъ. М. 1902 г., ц. 1 р. (14).

341. Письма Д. И. Фонвизина къ А. М. Орбъскову 1772 г. Кн. П. В. Голлицына. Ц. 20 коп. (35).

342. Челобитная И. С. Пересвѣтова царю Ивану IV 7057 (1548—1549 гг.). М. 1902 г., ц. 30 коп. (97).

343. Мой досугъ или уединеніе. Ежедневное изданіе по средамъ и субботамъ. Съ предисловіемъ В. И. Покровскаго. М. 1902 г., ц. 30 коп. (39).

344. Областная реформа Петра Великаго. Провинція 1719—27 гг. М. Богословскій. М. 1902 г., ц. 2 р. 50 коп. (80).

345. Номоканонъ Іоанна Постника въ его редакціяхъ: грузинской, греческой и славянской. Съ предисловіями Н. А. Заозерскаго и А. С. Хаханова. М. 1902 г. Ц. 2 р. (110).

346. Ближній бояринъ князь Н. И. Одоевской и его переписка съ Галицкою вотчиной (1650—1684 гг.). Юрія Арсеньева. М. 1903 г. Ц. 1 р. 50 коп. (40).

347. Щеголи въ сатирической литературѣ XVIII в. В. И. Покровскаго. М. 1903 г. Ц. 1 р. 50 к. (3).

348. Къ исторіи Томскаго бунта 1648 г. Н. Н. Оглобляна. М. 1903 г. Ц. 30 коп. (12).

349. Житіе преп. Іосифа Волоколамскаго, составленное неизвестнымъ. По двумъ рукописямъ собранія П. А. Овчинникова. Съ предисловіемъ С. А. Блякоурова. М. 1903 г. Ц. 50 коп. (90).

350. Изъ актовъ собранія Н. Ѳ. Самарина. Ц. 20 к. (25).

351. Городъ Кашинъ. Матеріалы для его исторіи, собранные І. Я. Кункинымъ. М. 1903 г. Ц. 1 р.

352. Къ вопросу о канонизаціи святыхъ въ Русской церкви. Архим. Никодима. М. 1903 г. Ц. 20 коп. (10).

353. Къ исторіи Коломенской епархіи. М. Н. Руднева. М. 1903 г. Ц. 50 коп. (14).

354. Къ исторіи русско-шведскихъ отношеній и наведенія пограничныхъ съ Швеціей областей (1634—1648 гг.). Кн. Н. В. Голлицына. М. 1903 г. Ц. 20 коп. (39).

355. Члновники Холагогорскаго Преображенскаго собора. Съ предисловіемъ и указателемъ А. Голубцова. М. 1903 г. Ц. 2 р. 25 коп. (10).

356. Письма изъ 14-го корпуса (1877—1879 гг.). Н. Н. Оглобляна. М. 1904 г. Ц. 20 коп. (77).

357. Письма Павла Прусскаго. Н. Н. Оглобляна. М. 1904 г. Ц. 20 коп. (78).

358. Бытовые черты начала XVIII в. Н. Н. Оглобляна. М. 1904 г. Ц. 20 коп. (65).

359. Писаніе о зачинаніи знакъ и знаменъ или прапоровъ. По рукописи XVII в. М. 1904 г. Ц. 50 коп. на обыкновенной и 1 рубль на веленовой бумагѣ.

360. Портретъ кievскаго митрополита Евгенія, со снимкомъ почерка его руки. М. 1854 г., ц. безъ пересылки 50 коп.

361. Временникъ Императорскаго общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, съ 1849 по 1858 годъ. 25 книгъ, каждая по два рубля; а за всѣ безъ перес. 37 руб. 50 коп., съ пересылкой 45 руб. На пересылку всякой книги «Временника» за 4 ф.

362. Чтенія въ Императорскомъ обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ. Годъ 1-й (*итта съ продажъ*): годъ 2-й (1846—1847), книги 3, 6, 8, 9; годъ 3-й (1847—1848), 9 книгъ; и годъ 4-й (1848—1849), 1 книга—по 2 руб. каждая книга. Годы 1861—1886, по 4 книги, каждый годъ по 10 руб.; съ 1887 г. по 8 р. 50 к. Отдѣльно книги продаются по слѣдующей цѣнѣ: за 1888 г. кн. 1—4, за 1889 г. кн. 1—4, за 1890 г. кн. 1—3 по 2 рубля за книгу; 1900 г. кн. 1—5 руб. Остальныя книги по 3 руб. за книгу.

363. Спцеокъ и указатель трудовъ, изслѣдованій и матеріаловъ, напечатанныхъ въ повремен. изданіяхъ Импер. общ. Ист. и Древн. Россійск. при Московск. Университетѣ (за 1815—1888 гг.), составленный Ив. Забѣлинымъ. Съ присовокупленіемъ историч. очерка дѣятельности Общества съ 1804 по 1884 г. Отд. I. Спцеокъ трудовъ М. 1884 г. Отд. II. Указатель трудовъ. М. 1889 г., ц. за обѣ книжки 1 р.

364. Алфавитный указатель къ періодич. изданіямъ того же общества 1815—1862 г. Сост. А. Гриневичъ. 1862 г., ц. 50 к. съ пер.

365. Указатель ко всѣмъ періодич. изданіямъ того же общества за 68 лѣтъ. 1815—1883 г. Сост. Сергій Блякоуровъ. М. 1883 г., ц. 1 р. 25.

366. Указатель къ Чтеніямъ въ томъ же обществѣ за 1882—1887 гг. Сост. отъ же: М. 1888 г., ц. 50 к.; 6) за 1888—1894 гг. Составилъ отъ же. М. 1895 г., ц. 50 коп. и в) за 1895—1901 гг. М. 1902 г., ц. 50 коп.

367. Протоколы засѣданій общества:

- 1) за 1878—1880 г. (стр. 1—32), ц. 20 к.
- 2) за 1881—1883 г. (стр. 1—64), ц. 35 к.

- 3) за 1886 г. (стр. 1—17), ц. 10 к.
 4) за 1887 г. (стр. 1—23), ц. 15 к.
 5) за 1888—1891 гг. (стр. 1—61), ц. 30 к.
 6) за 1892—1893 гг. (стр. 1—112), ц. 1 р.
 7) за 1894 г., ц. 20 коп.
 8) за 1895 г., ц. 20 коп.
 9) за 1896—1897 гг., ц. 50 к.
 10) за 1898 г. Ц. 20 к.
 11) за 1899 г. Ц. 20 к.
 12) за 1900 г. Ц. 20 к.
 13) за 1901—1902 гг. Ц. 20 коп.

360. Древнерусскія житія святыхъ какъ историческій источникъ. Исслѣдованіе В. О. Ключевского. М. 1871 г., ц. 2 р.

368. Исторія русской церкви. Е. Е. Голубинскаго. Первая половина I-го тома. Періодъ первый. кievскій или до-монгольскій. XXIV+968 стр. 2-е изд. М. 1901 г. Ц. 5 руб., съ пересылкой 6 р. Первая

половина II-го тома, обнимающаго время отъ нашествія монголовъ до митр. Маширія включительно (1237—1563 гг.). Ц. безъ пересылки 4 р. 50 к., съ пересылкой 5 руб. *Вторая половина I-го тома*, М. 1881 г. (*Издание, вышедшее изъ обыкновенной продажи*). Ц. 15 рублей.

369. Къ вопросу о началѣ книгопечатанія въ Москвѣ. Е. Е. Голубинскаго. Сергіевъ посадъ. 1895 г. Ц. 25 коп.

370. Къ нашей полемикѣ съ старообрядцами. Его же. М. 1896 г. Ц. 50 коп.

364. Краткій очеркъ исторіи православныхъ церквей Болгарской, Сербской и Румынской. Проф. Е. Е. Голубинскаго. (VIII+732 стр.), ц. 3 руб.

371. Исторія канонизаціи святыхъ въ русской церкви. Е. Е. Голубинскаго. 2 изд. М. 1903 г. Ц. 3 р. 50 коп.

Лица, желающіе приобрести означенныя книги, просятъ прислать свои требованія или въ общество (Москва, Моховая, старое зд. Университета подъ актовымъ заломъ), или къ Казначей обществу Сергію Алексѣевичу Бѣлокурову, (Воздвиженка, Архивъ Министерства Иностр. Дѣлъ), или въ книжный магазинъ Карбасникова (Москва, Моховая, д. Коха, противъ Университета).

ТАМЪ-ЖЕ

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на ЧТЕНІЯ въ Императорскомъ обществѣ Исторіи и Древностей
Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ.

Годовое изданіе *Чтеній* состоитъ изъ четырехъ (каждая отъ 20 до 30 и болѣе печатныхъ листовъ) книжекъ, выходящихъ по третимъ года. Въ *Чтеніяхъ* помещаются какъ изслѣдованія, такъ и матеріалы по различнымъ вопросамъ Русской исторіи и печатаются памятники древне-русской письменности. Подписная цѣна за годъ 8 р. 50 к. съ доставкой въ Москвѣ и съ пересылкой въ другіе города Россіи.

Отъ Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ.

Императорское Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ открываетъ *тринадцатый* конкурсъ на Высочайше утвержденную премию имени Геннадія Ѳедоровича Карпова. Срокъ представленія сочиненій истекаетъ 1 ноября 1904 года. О результатѣ конкурса объявлено будетъ 24 апрѣля 1905 года.

Извлеченіе изъ правилъ о порядкѣ присужденія преміи:

§ 1. Къ соисканію преміи имени Геннадія Ѳедоровича Карпова допускаются всѣ самостоятельныя изслѣдованія по Русской исторіи, основанныя на первоисточникахъ.

§ 2. Въ случаѣ представленія нѣсколькихъ сочиненій одинаковаго достоинства предпочтеніе отдается тому изъ нихъ, которое относится къ изученію Малороссіи.

§ 3. Въ соисканіи преміи имѣютъ право участвовать и Члены Общества.

§ 5. Сочиненія доставляются на имя Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ или же на имя его Секретаря.

§ 6. На конкурсъ допускаются какъ печатныя, такъ и рукописныя сочиненія на русскомъ языкѣ. Авторамъ ихъ предоставляется на волю выставить на нихъ свое имя, или же скрывать его подъ девизомъ, помѣщеннымъ въ особомъ, приложенномъ къ рукописи, конвертѣ, равно какъ и на самой рукописи.

§ 7. Въ случаѣ присужденія преміи за сочиненіе, представленное въ рукописи, премія выдается автору не прежде, какъ по напечатаніи его сочиненія.

§ 8. Сочиненія, уже удостоенныя преміи какимъ-либо другимъ ученымъ учрежденіемъ, на соисканіе преміи имени Геннадія Ѳедоровича Карпова не допускаются.

§ 9. Премія выдается въ количествѣ 500 рублей и ни въ какомъ случаѣ не дробится.

§ 10. Право на полученіе ея принадлежитъ только авторамъ или наследникамъ, но отнюдь не издателямъ награжденныхъ

ЧТЕНІЯ

въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ
при Московскомъ Университетѣ

выходятъ въ неопредѣленные сроки не менѣе *четыре*хъ книгъ въ
годъ, отъ 20 до 30 и болѣе печатныхъ листовъ. Подписка годовая
(восемь рублей пятьдесятъ копѣекъ сер. съ доставкой въ Москвѣ
и пересылкой въ другія мѣста)—принимается у Казначея Общества
С. А. Бѣлокурова. Книги «Чтеній» продаются и каждая отдѣльно
по особо-назначенной цѣнѣ.

ПРАВЛЕНІЕ ОБЩЕСТВА:

ПРЕДСѢДАТЕЛЬ

Василій Осиповичъ Ключевскій,

Близъ Калужскихъ воротъ, Житная ул., собств. домъ.

СЕКРЕТАРЬ

Елпидифоръ Васильевичъ Барсовъ,

Близъ Донскаго монастыря, Шаболовская ул., собств. домъ.

КАЗНАЧЕЙ

Сергій Алексѣевичъ Бѣлокуровъ,

Воздвиженка, д. Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ.

БИБЛИОТЕКАРЬ

Егоръ Ивановичъ Соколовъ,

1 Мъщанская, Троице-Капельскій переулокъ, домъ Соколовскаго.

Издапія Общества можно получать: 1) въ помѣщеніи
Моховая, старое зданіе Университета, подъ ~~актовымъ~~
2) чрезъ книгопродавца Н. Карбасникова (въ Москвѣ
Петербургу).

